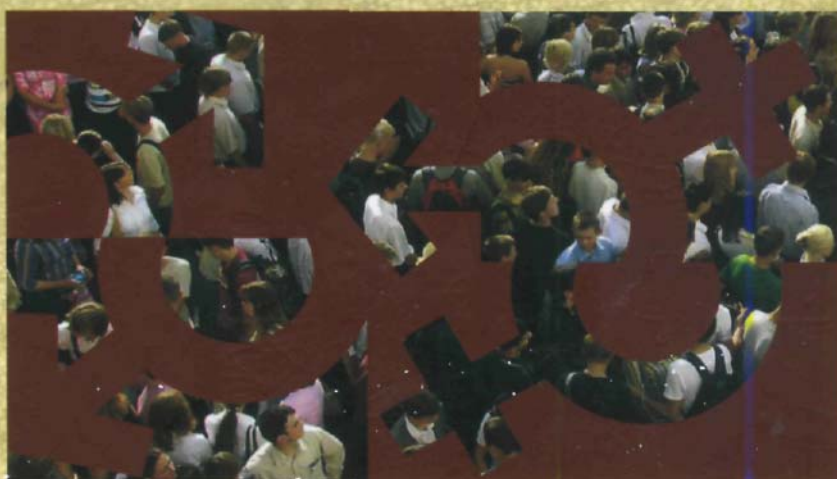


ГЕНДЕРНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Майкл КИММЕЛ

Гендерное общество



ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Michael S. Kimmel

Майкл Киммел

The Gendered Society

Гендерное общество

New York - Oxford Oxford University Press 2000

Москва

РОССПЭН

2006

<:-.' л пг .? *А*

УДК 316.3/4 ББК 60.54 К 40

Редакционный совет серии

«Гендерная коллекция — зарубежная классика»:

Бенедиктова Т.Д., Воронина О.А., Гениева Е. Ю., Дубин Б.В., Дробижеева Л.М., Зверева Г.И., Казавчинская Т.Я., Кон И.С., Конкина Е.В., Ливергант А.Я., Петровская Е.В., Посадская-Вандербек А.И., Содомская Н.Н., Самойло Е.Н., Сорокин А.К., Утешева Н.Т., Федорова Л.Н., Хасбулатова О.А., Чистяков Г.П., Юрьева Н.Ю., Ярыгина Т.В.

Научные редакторы *О.А.Оберемко, И.Н.Тартаковская* **Перевод с английского** *О.А.Оберемко, И.Н.Тартаковской*

Киммел М.

К 40 Гендерное общество / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 464 с. — (Гендерная коллекция — зарубежная классика).

ISBN 5-8243-0678-8

В книге М.Киммела рассматривается практически весь комплекс вопросов, касающихся взаимоотношений мужчин и женщин в обществе. Автор излагает социологическую теорию гендера, показывает, как соотносятся биологические и социальные факторы формирования пола и гендера, каковы сильные и слабые стороны психологических интерпретаций тендерного развития индивидуума, как конкретно происходит социальное конструирование тендерных отношений, как гендерно сформированные идентичности функционируют и формируют те или иные личностные черты в рамках таких социальных институтов, как семья, школьный класс и рабочее место. М.Киммел рассматривает в тендерном ключе важнейшие межличностные взаимодействия, а в эпилоге возвращается к теоретической проблеме возможности существования безгендерного общества.

ББК 60.54

© 2000 by Michael S. Kimmel © «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). Перевод, 2006

© А.Б. Орешина. Оформление серии, ISBN 5-8243-0678-8

2004

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Появление русского перевода книги Майкла Ким-мела — настоящий подарок всем интересующимся тендерной проблематикой.

Майкл Киммел — известный американский социолог, профессор университета штата Нью-Йорк в Стони-Бруке, один из ведущих мировых специалистов в области социологии и истории маскулинности, главный редактор международного научного журнала «Men and Masculinities», председатель секции «Пол и тендер» Американской социологической ассоциации и т.д. Вторая любовь Майкла, после социологии, — социальная и культурная история. Его докторская диссертация, защищенная в 1981 г., была посвящена социальным проблемам английского и французского абсолютизма XVII в.

Майкл Киммел — очень плодовитый автор. Среди его многочисленных книг по социологии и истории маскулинности такие важные сборники, как «Меняющиеся мужчины: новые направления в исследовании мужчин и маскулинности» (Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity Sage, 1987) и «Мужчины противостоят порнографии» (Men Confront Pornography. Crown, 1990). Его книга «Против течения: мужчины-профем инисты в Соединенных Штатах, 1776—1990» (Against the Tide: Pro Feminist Men in the United States, 1776—1990. Beacon, 1992) — документальная история мужчин, поддерживавших идею женского равноправия на всем протяжении истории США, Сам Киммел — убежденный сторонник феминизма, что решительно опровергает распространенное в России мнение, будто феминизм — идеология ущербных и агрессивных женщин, которые ненавидят мужчин. Книга Киммела «Мужчины в Америке: Культурная история» (Manhood in America: A Cultural History. Free Press, 1996) была оценена прессой как настоящий прорыв, позволивший дополнить уже привычные исследования истории женщин не менее интересной, но еще более трудной для изучения историей мужчин. Изданный им совместно с Майклом Месснером университетский учебник «Мужские жизни* (Men's Lives) выдержал 6 изданий и используется практически во всех университетах США, где читаются курсы о мужчинах и маскулинности.

Ким-мел много пишет о разных аспектах мужской жизни, например о спорте и сексуальности. Его лекции пользуются неизменным успехом. Много времени он уделяет семье и воспитанию маленького сына.

Предлагаемая российскому читателю книга — также университетский учебник, но не по мужским проблемам, а по тендерной социологии в целом. В нем рассматривается практически весь комплекс вопросов, касающихся взаимоотношений мужчин и женщин в обществе. Первая часть книги излагает социологическую теорию тендера, освещает вопросы о том, как соотносятся биологические и социальные факторы формирования пола и тендера, являются ли тендерные категории универсальными или культурно-специфическими, каковы сильные и слабые стороны психологических интерпретаций тендерного развития индивидуума и как конкретно происходит социальное конструирование гендерных отношений. Вторая часть книги посвящена тому, как гендерно сформированные, «гендеризованные» (gendered) идентичности функционируют и формируют те или иные личностные черты в рамках таких социальных институтов, как семья, школьный класс и рабочее место. В третьей части книги автор рассматривает в тендерном ключе важнейшие межличностные взаимодействия: близкие отношения, дружбу и любовь; сексуальные отношения и разные формы и проявления насилия. В эпилоге Киммел возвращается к теоретической проблеме возможности существования безгендерного общества.

По своему образованию и стилю мышления Киммел социолог, и, хотя к числу его специальных интересов относится социологическая теория, он строит свою книгу не догматически, выводя одни теоретические положения из других, а отправляясь от конкретных фактов, событий и случаев. В отличие от некоторых переведенных у нас феминистских работ, которые трудно, а иногда вовсе невозможно понять из-за обилия психоаналитических и иных терминов, значение коих не объясняется, а правомерность порой проблематична, книга Киммела написана просто и ясно. Если эти качества не исчезнут в русском переводе — переводить хороший текст иногда труднее, чем канцелярит или заведомую тарабашину, — она сможет стать реальным учебным пособием для студентов самых разных специальностей (социологов, психологов, историков и других). Ее главное достоинство — в том, что она ставит читателя перед проблемой и заставляет его думать. Думаю, тот, кто внимательно прочитает эту книгу, уже никогда не поверит, что унаследованный нами гендерный порядок обусловлен законами природы и не подлежит изменению.

Мой хвалебный отзыв о книге Майкла Киммела вовсе не означает, что я с ним во всем согласен. Книга Киммела — пример жесткого социального конструктивизма, согласно которому все тендерные свойства и отношения создаются исключительно социумом. Я придерживаюсь в этом вопросе эклектической

позиции. Слово «эклектика», не без влияния марксистско-ленинского философского и идеологического монизма, приобрело у нас отрицательный смысл, ассоциируясь с непоследовательностью и даже беспринципностью. На самом деле монизм реально «работает» только в философии (чаще всего — плохой). Точка зрения не может и не должна превращаться в многоточие, но мы должны помнить о возможности (и наличии) других позиций. Особенно, если мы не просто рассуждаем по формуле «как если бы», а делаем обобщения онтологического и даже политического порядка.

В данном случае нужно иметь в виду, что различие «пола» и «тендера» необходимо, но тем не менее условно. Если половой диморфизм влияет на поведение мужских и женских особей других видов, я не вижу, почему мы должны отрицать это применительно к человеческому роду.

Дисциплинарные расхождения не обязательно бывают идеологическими. Эволюционная биология и близкие к ней дисциплины вовсе не являются имманентно сексистскими. Отрицать факт глубоких природных различий между мужчинами и женщинами невозможно. Вопрос в том, 1) насколько эти различия велики, 2) действительно ли они универсальны, 3) в чем и как они проявляются и 4) объясняют ли они социальное поведение мужчин и женщин, которое в первую очередь интересует социологов? Важнее всего, конечно, последний вопрос.

К сожалению, состояние науки сегодня таково, что между тендерными исследованиями, с одной стороны, и психологией и биосоциальными исследованиями, с другой, существует глубокий разрыв. В России он доведен до полной несовместимости. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить «Дифференциальную психофизиологию мужчины и женщины» Е.П.Ильина (СПб.: Питер, 2002) и книгу М.Л.Бутовской «Язык тела: природа и культура» (М.: Научный мир, 2004) с книгой Шон Берн «Ген-дерная психология» (СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001). Механически соединить эти подходы невозможно. Утешительная формула об истине, лежащей «посередине», тоже вряд ли работает. Молодым людям, которых серьезно интересует соотношение мужского и

женского начал в современном мире, необходимо внимательно читать разную литературу. Книга Майкла Киммела, мне кажется, существенно поможет их интеллектуальному самоопределению.

Игорь Кон

Доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования

Посвящается Эми, которая знает пароль...

— А может ли для государства быть что-нибудь лучше присутствия в нем самых лучших женщин и мужчин?

— Не может.

Платон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Источником этой книги, как и большинства других моих работ, стала классная комната. Я находился в полном расстройстве, проводя время в поисках книг для чтения по моим курсам «Социология тендера» и «Социология мужественности». Я хотел найти книгу, в которой был бы дан обзор соответствующей литературы в других дисциплинах, публикаций, где исследуется характер тендерного различия и причин тендерного неравенства и рассматривается, как эти две проблемы — различие и доминирование — проявляются в разнообразии институциональной и межличностной сфер. Я хотел найти книгу, в которой был бы дан обзор литературы из области социальных наук, основанной на эмпирических данных, литературы, развенчивающей некоторые преобладающие социальные мифы о тендерном различии. Я не смог найти такую книгу, которая меня удовлетворила бы, так что решил написать ее сам.

Я захотел написать такую книгу, потому что ее источником, как и большей части остальных моих работ, является мое разочарование доминирующими общественными суждениями по поводу тендера в Соединенных Штатах, которые кажутся мне потрясающе неверными. Как культура мы очарованы придуманными псевдонаучными заявлениями, направленными на то, чтобы найти универсальные, неизменные различия между женщинами и мужчинами и таким образом как-то оправдать всепроникающее тендерное неравенство. Время от времени кажется, что мы верим почти всему — что мужчины и женщины являются различными биологическими разновидностями, что они с разных планет, говорят на разных языках, существуют в различных космических ритмах.

В этой книге я намереваюсь откорректировать такие мифы, полуправды и небрежные или преднамеренно неправильные интерпретации данных, потому что подавляющее большинство данных, представленных социальными науками и исследованиями человеческого поведения, ясно говорят о том, что женщины и мужчины больше похожи, чем отличны друг от друга. Мужчины — не выходцы с Марса; женщины — не выходцы с Венеры. Мы все происходим с планеты Земля.

Более того, я хочу доказать, что различия, которые мы наблюдаем, не являются ни результатом некоторого исконного, биологического, эволюционного императива, ни следствием неизбежных, универсальных процессов нашего психологического развития. Также и тендерное неравенство — не есть неизбежный социальный и политический результат этих различий.

На самом деле верно как раз обратное. Я утверждаю, что тендерное различие — утверждение двух качественно различных сущностей — является результатом тендерного неравенства, а не его причиной. Тендерное неравенство производит различие, и произведенные различия затем используются, чтобы оправдать тендерное неравенство.

Делая эти заявления, я следую работам нескольких ученых-первопроходцев и писателей, чей труд продолжает меня вдохновлять. Внимательные читатели без сомнения проследят мои интеллектуальные «корни» в работах Кеннета Берка, Ирвинга Гоффмана и Георга Зиммеля. Я признаю также мой значительный интеллектуальный долг таким разным современным мыслителям, как Р. В. Коннелл, Синтия Фукс Эпстейн, Кэрол Гиллиган, Джудит Лорбер, Кэтрин Маккиннон, Дебора Роуд и Лилиан Рубин. Я счастлив тем, что могу считать нескольких из этих современников моими друзьями и наставниками.

Мне повезло работать в таком близком по духу и дружном коллективе, как социологический факультет Государственного университета Нью-Йорка — Стони-Брук. Я благодарен нескольким своим коллегам, которые прочитали и прокомментировали главы, относящиеся к их профессиональной сфере, включая Кена Фелдмана (образование), Эриха Гуде (насилие) и

Нормана Гудмана (любовь/дружба и сексуальность).

Мне повезло с друзьями, читавшими части рукописи, относящиеся к сферам, в которых они могут быть экспертами. Я особенно благодарен Филлис Лернер, Дэвиду Садкеру и Нэнси Леско, читавшим главу об образовании, и Скотту Колтрей-ну и Арлин Сколник, за их комментарии к главе о семье. Они были чрезвычайно ценны, как и все замечания и критика тех терпеливых друзей, которые прочитали всю или большую часть рукописи. Лилиан Рубин прочла четыре главы; Эми Аронсон и Элен Смит всю рукопись, с вниманием и критическим пристрастием. Я не мог желать более стимулирующей поддержки.

Мне повезло, но я оказался не настолько мудрым, чтобы последовать всем их советам. Не обвиняйте же их в ошибках, которые остались в книге.

Я считаю своей большой удачей работать с такой преданной своему делу редакционной командой из издательства Оксфорд Юниверсити Пресс (Oxford University Press). Начиная с первых бесед об этом проекте с Джойсей Стивене, следуя затем редакционному руководству Лайлы Вол, Джеффри Бруша и Роберта Миллера, я всегда чувствовал их поддержку этому проекту.

И наконец, есть мои друзья и семья, чья любовь и поддержка дают мне силу и выдержку. Я благодарю их всех.

Сейчас, когда я заканчиваю писать эту книгу, новый человек вступил в мою жизнь и, без сомнения, решительно ее изменил. Хотя ему всего несколько недель, маленький Захария Аарон Киммел приносит столько радости, а передо мной стоит также социальный вызов — воспитать из него заботливого, любящего и нежного мужчину в современном мире. Это задача не из легких.

Но все же я посвящаю эту книгу его матери, которая помогает превращать эту задачу в работу любви и позволила мне испытать такие вершины радости и глубины удовлетворения, в возможность которых я прежде никогда не верил. В «Рожденной Женщиной» Эдриен Рич написала, что, если бы она «могла иметь одно пожелание для собственных сыновей, то пожелала бы, чтобы они обладали храбростью женщин». Я не хочу ничего иного для Захарии, кроме того, чтобы он унаследовал храбрость своей матери, так же как и ее любовь.

М. С. Киммел

Бруклин, Нью-Йорк

26 февраля 1999 года

Глава 1

Введение

В Америке больше внимания, чем в других странах мира, уделяется постоянному четкому разделению сфер деятельности двух полов, так как американцы хотят, чтобы оба пола шагали нога в ногу, но каждый из них — всегда своим особым путем.

Алексис де Токвиль

Каждый день нам говорят, что мужчина и женщина — существа разные. Что они с разных планет. Что мозги у них устроены и работают по-разному, что у них разные гормоны. Что разная анатомия приводит их к разной судьбе. Говорят, что мужчина и женщина по-разному слышат друг друга и обращаются друг к другу, следуют разным моральным правилам, да и познают этот мир по-разному.

Можно подумать, что мы принадлежим к разным биологическим видам, как, например, омары и жирафы или, скажем, марсиане и жители Венеры. Так, популярный психолог Джон Грей в своем бестселлере утверждает, что мужчина и женщина не просто различны в общении, но также «думают, чувствуют, воспринимают, реагируют, любят, хотят и оценивают по-разному»¹. То, что мы еще можем понимать друг друга, сравнимо с чудом космических масштабов!

И все же, при всех приписанных нам межпланетных различиях, мы существуем рядом друг с другом на одинаковых рабочих местах, где к нам применяют одинаковые критерии при повышении зарплаты, продвижении по службе, бонусах и предложении постоянной работы. В школе мы сидим в одних и тех же классах, читаем те же самые киши, бегаем в те же самые столовые и к нам предъявляют одни и те же критерии, когда ставят отметки. Мы живем в тех же самых домах, едим и готовим одну и ту же еду, читаем те же самые газеты и смотрим

общие телепрограммы.

С помощью того, что я здесь назвал «межпланетной» теорией полного и универсального *гендерного различия*, обычно объясняется и другой универсальный феномен — *гендерное неравенство*. Тендер — это не только система классификации, благодаря

11

которой биологические мужчины и биологические женщины подвергаются отбору, разделению и социализации в соответствующие половые роли. Тендер также выражает универсальное неравенство между мужчинами и женщинами. Когда мы говорим о тендере, мы подразумеваем иерархию, власть и неравенство, а не просто различия между мужчиной и женщиной.

Поэтому, с моей точки зрения, в любом исследовании ген-дера есть две задачи — необходимо объяснять и различие, и неравенство, или, иными словами, *различие* и *господство*. Каждое обобщающее объяснение тендера должно быть адресовано этим центральным вопросам и их производным.

Во-первых, *почему практически каждое общество дифференцирует людей на основе гендера?*

Почему женщину и мужчину воспринимают как разные существа практически в каждом известном обществе? Какие именно различия мы воспринимаем? Почему тендер является по меньшей мере одним из (если не центральным) основанием для разделения труда?

Во-вторых, *почему практически каждое известное нам общество основано на мужском господстве?* Почему практически каждое общество неравно делит между полами социальные, политические и экономические ресурсы? И почему именно мужчинам всегда достается больше? Почему тендерное разделение труда оказывается также и неравным разделением труда? Почему работа мужчины и работа женщины оцениваются по-разному?

Понятно, что разные общества сильно различаются в зависимости от того, какие типы тендерного неравенства в нем присутствуют, каков его уровень, а также уровень насилия (подразумеваемого или реального), необходимый для поддержания систем различия и господства. Но остаются общими основные факты — *практически каждое известное нам общество выстроено на идеях гендерного различия и политике гендерного неравенства*.

По этим аксиоматическим вопросам преобладают две основные научные школы: биологический детерминизм и дифференцирующая социализация. Мы знаем их еще как «природу» и «обучение», и которая из них доминирует — этот вопрос целое столетие остается темой дебатов как в школьной аудитории, так и на торжественных обедах, между политическими оппонентами, среди друзей и в семье. Кроется ли причина различий между мужчиной и женщиной в их природе, или их просто научили быть именно таковыми? Является ли биология судьбой, или все же человек более гибок, и его возможно изменить?

Большинство аргументов о тендерных различиях начинаются с биологии (глава 2). Женщина и мужчина биологически различ-

ны, разве не так? Наши репродуктивные анатомии различны, как и наши репродуктивные судьбы. Структурно у нас разный мозг, а также и химическое устройство мозга. У нас разная мускулатура, и разные количества разных гормонов циркулируют по нашим телам. Конечно, все это лишь подтверждает фундаментальные, неистребимые и универсальные различия, которые и обеспечивают основу для мужского господства, согласны?

Ответ здесь очевиден. Или точнее — и да, и нет. Единицы могут сделать попытку и доказать, что различий между мужчиной и женщиной нет. Я бы этого не делал. То, что в социальных науках называют *половыми различиями*, относится именно к этому каталогу анатомических, гормональных, химических и физических различий между мужчиной и женщиной. Правда, и здесь немало разнообразия в так называемой женственности или мужественности. Хотя наша мускулатура и различна, достаточно много женщин физически сильнее мужчин. В среднем у нас разная химия, но различия здесь не абсолютны: у женщин присутствует некоторый уровень андрогена, как и у мужчин — эстрогена. Хотя наши мозговые структуры обладают разной степенью латеризации, оба пола используют оба полушария мозга. И совсем уж неясно, почему эти анатомические различия автоматически и неизбежно закрепляют за мужчинами право господства над женщинами. Разве так сложно вообразить — и некоторые писатели так уже делали — культуру, в которой биологическую способность женщины вынашивать и рожать детей воспринимали бы как выражение такой невыразимой власти в ее способности давать жизнь, что мужчине — импотенту и завистнику — остается лишь увянуть?

На самом деле именно поэтому ученые в социальных науках и науках о поведении человека используют сейчас термин *гендер* иначе, чем прежде использовалось слово «Лол». Пол относится к

биологическому строению человека, мужскому или женскому, — хромосомной, химической, анатомической организации. Гендер относится к значениям, которые данная культура придает половым различиям между мужчиной и женщиной. Пол означает биологическую половую принадлежность. Гендер же означает мужественность и женственность или что такое — быть мужчиной или женщиной. Биологические половые вариации очень незначительны, но тендерные вариации могут быть огромны. Что же значит обладать определенной анатомической конфигурацией — мужской или женской? Ведь это, несомненно, означает различные вещи в зависимости от того, где вы живете, кто вы и в какое время живете.

Антропологам пришлось заняться некоторыми из этих различий в культурных значениях мужественности и женственности. Они задокументировали, что тендер как межкультурная категория означает разные вещи у разных народов и изменчив. (Об этом дальше в главе 3.) В некоторых культурах, как, например, в американской, мужчину побуждают быть стоически выносливым ради доказательства своей мужественности. В других культурах мужчина старается продемонстрировать свое сексуальное превосходство. Есть культуры, в которых определения мужественности не столь жесткие и основаны на гражданском участии, эмоциональной восприимчивости и коллективном обеспечении потребностей общности. В одних культурах именно женщине нужно быть решительной и конкурентоспособной, а в других от нее требуются «природная» пассивность, беспомощность и зависимость от мужчины. Понятия «мужчина» или «женщина» во Франции XVII в. или среди аборигенов в Австралии начала XXI столетия настолько различны, что в таких случаях сравнение не просто трудно, а скорее невозможно. Различия между двумя культурами оказываются намного более выраженными, чем тендерные различия. Значения тендера меняются от культуры к культуре, а также и внутри культуры в определенные отрезки исторического времени, поэтому для нашего понимания тендера мы должны использовать методы социальных наук, наук о человеческом поведении и истории.

Другое доминирующее направление в объяснении тендерного различия и тендерного господства — это *дифференцирующая социализация*, т.е. «образовательная» сторона нашего равенства. Мы различны, поскольку именно таковыми нас вырастили. С момента рождения отношение окружающих к мальчику и девочке различное. Постепенно они приобретают черты характера, поведение и ценности, которые наши культуры определяют как «мужественные» или «женственные». Мы не рождаемся разными. Нас делают разными в процессе социализации.

Наше рождение не предопределяет тендерное неравенство. Доминантность не является чертой, несомой Y-хромосоме. Это результат формирования в культуре различной ценности опыта мужчины и опыта женщины. Поэтому восприятие моделей мужественности или женственности означает и принятие определенной «политической» идеи о том, что то, что делают женщины, в культурном смысле не столь важно, как то, что делают мужчины. Специалисты в области психологии развития исследовали изменения значений мужественности и женственности в течение жизни человека. Меняются проблемы, с которыми

14

должен столкнуться мужчина для достижения успеха и самоутверждения, и социальные институты, в которых он стремится претворить свой опыт. Значения женственности подчинены параллельным изменениям, например, не достигшая половой зрелости женщина, женщина репродуктивного возраста, женщина в постменструальный период, женщина, которая только вступила на рынок труда, и та, которая уже в предпенсионном возрасте, — все это разные смыслы женственности.

Хотя мы склонны спорить, оставаясь либо на позиции биологического детерминизма, либо на позиции дифференцирующей социализации — природа против воспитания, все же стоит здесь остановиться на общих для обеих позиций характеристиках. Оба эти научных направления несут две фундаментальные идеи. Во-первых, как «любители природы», так и «воспитатели» рассматривают мужчину и женщину как существа, исключительно отличающиеся друг от друга — навсегда и неизменно. (Воспитание предполагает некоторую возможность к изменению, но приверженцы этой школы считают, что социализация делает мужчин и женщин разными, и эти различия всегда нормативны, необходимы в культуре и «естественны».) Для обоих различия между мужчиной и женщиной намного значительнее и

сильнее (и интереснее с аналитической точки зрения), чем различия среди мужчин и среди женщин. Таким образом, и «любители природы», и «воспитатели» подписываются под одной и той же межпланетной теорией тендера.

Во-вторых, оба направления предполагают, что тендерное господство является неизбежным продуктом тендерного различия и что именно различие является причиной господства. Биологам так может казаться потому, что по причине беременности и лактации женщины более уязвимы и нуждаются в защите, или потому, что мускулатура делает мужчин более приспособленными охотниками, или потому, что тестостерон делает их более агрессивными по отношению к другим мужчинам, а также и к женщинам. Или же это происходит потому, что мужчины должны доминировать над женщинами для максимизации шансов на репродукцию своего генетического материала. Психологи в области «тендерных ролей» говорят, что, помимо прочего, мужчину и женщину приучают к недооценке женского опыта, восприятия и способностей, в то время как слишком много значимости придается мужским качествам.

В этой книге я доказываю ложность обеих позиций. Во-первых, я надеюсь показать, что различия между мужчиной и женщиной далеко не так велики, как различия среди женщин и среди мужчин. Многие воспринимаемые различия зависят не

15

столько от тендера, сколько от социального статуса. Во-вторых, я считаю, что гендерное различие является продуктом тендерного неравенства, а не наоборот. Фактически гендерное различие является основным продуктом тендерного неравенства, поскольку именно через идею различия проводится легитимация неравенства. Недавно один социолог написал, что «само создание различия является основой, на которой покоится неравенство»².

Я использую социально-конструкционистский метод (описанный мной в главе 5) для своей аргументации того, что ни гендерное различие, ни гендерное неравенство не являются неизбежной природой вещей и, тем более, природой наших телесностей. Ни различие, ни господство невозможно объяснить лишь разницей в социализации мальчиков и девочек в половые роли, типичные для мужчин и женщин.

Когда сторонники обоих направлений утверждают, что гендерное неравенство является неизбежным продуктом гендерного различия, они, вероятно, неосознанно занимают определенную политическую позицию, предполагающую уменьшение неравенства или его наиболее отрицательных последствий, но исключаящую его уничтожение именно потому, что оно основано на трудноизменяемых различиях. С другой стороны, если утверждать, как это делаю я, что преувеличенные тендерные различия, которые мы наблюдаем в жизни, не столь велики, как они кажутся, и что они являются результатом неравенства, то такая позиция предоставляет нам намного больше политической свободы. С уничтожением гендерного неравенства мы убираем основание, на котором зиждется вся доктрина гендерного различия. Останется, как мне кажется, не андрогинное, негендерное и отвратительное существо, в котором различия между мужчиной и женщиной будут настолько смешаны, что все будут действовать и думать одинаково. Совсем наоборот. Я верю, что по мере уменьшения гендерного неравенства различия между людьми — различия, укорененные в расе, классе, этничности, сексуальности, *а также* и в тендере, — окажутся в контексте, в котором каждая и каждый из нас будет восприниматься другими в своей индивидуальной уникальности, не теряя также и общих для нас черт.

Как сделать гендер видимым для мужчин и женщин

Я исхожу из того, что в нашем понимании тендера за последние тридцать лет произошла значительная трансформация.

16

Три десятилетия первопроходческой работы феминисток, как в традиционных дисциплинах, так и в женских исследованиях, принесли нам осознание центральной роли тендера в формировании социальной жизни. Мы теперь знаем, что гендер является одним из центральных организующих принципов, вокруг которых она вращается. До 1970-х гг. ученые в социальных науках считались лишь с категориями класса и расы в качестве доминирующих статусов, определяющих и предписывающих социальную жизнь. Например, если в 1960-е гг. вы захотели бы изучать гендер сточки зрения социальных наук, то вам удалось бы найти

единственный курс, отвечающий вашим интересам, — «Брак и семья». Такие курсы в социальных науках были неким «дополнением для дамочек». Курсов по тендеру не было. Но сегодня в нашем понимании основ индивидуальной идентичности гендер присоединился к категориям расы и класса. Гендер, как мы знаем, является одной из осей, которые организуют социальную жизнь и посредством которой мы понимаем наш собственный опыт.

За последние тридцать лет феминистские ученые сконцентрировали внимание на женщинах, то есть на том, что Кэтрин Стипсон назвала «исключением, искажением и тривиализацией» женского опыта, а также на исследовании тех сфер жизни, которые исторически предписывались женщинам, — частной сферы и семьи³. Исследовательницы женской истории стремились спасти от безвестности жизни выдающихся женщин, которые игнорировались в истории или чьи достижения были сведены к минимуму в традиционных андроцентристских исследованиях. Они занимались также изучением повседневной жизни женщин в прошлом, например, историей прачек, заводских работниц, первых жен шин-поселенцев или просто жен, стремившихся придать своей жизни значение и достоинство в мире, контролируемом мужчинами. Шли речь о жизни выдающейся или обыкновенной женщины, феминистские исследования доказали центральность тендера в ее жизни.

Но когда мы размышляем о *гендере*, какой гендер приходит нам на ум? Нам уже привычно видеть в аудитории на курсах тендерной истории, тендерной психологии или тендерной социологии практически одних женщин. Будто только у женщин есть гендер, и поэтому у них такой интерес к его изучению. Иногда приходит и одинокий смельчак — юноша, записавшийся на курс по женским исследованиям. Обычно его можно видеть забившимся в угол в ожидании обвинений за все грехи тысячелетий патриархального угнетения.

17

В этой книге я намереваюсь использовать феминистский подход и сделать также видимой мужественность. Думаю, что нам требуется интегрировать исследования по мужчинам в программы обучения. Потому что именно мужчины — или, скорее, мужественность — вот что остается невидимым.

«Что? — слышу я ваш вопрос — Вы утверждаете необходимость интеграции курсов о мужчинах в программы обучения? Мужчины невидимы? О чем он говорит? Мужчины НЕ невидимы. Они повсюду».

И это, конечно, верно. Мужчины вездесущи и в университетах, и в профессиональном образовании, и в общественной сфере. Верно и то, что в любой учебной программе колледжа любой курс, в названии которого нет слова «женщина», — это курс о мужчинах. Каждый курс, не включенный в программу «женские исследования», является *de facto* курсом по «мужским исследованиям». Правда, обычно мы называем его историей, политической наукой, литературой, химией.

Но когда мы изучаем мужчин, то речь идет о политических лидерах, героях войны, ученых, писателях, художниках. Сами же мужчины невидимы именно как мужчины. Очень редко (а скорее, даже почти никогда) мы можем встретить курс о жизни мужчин именно как мужчин. Каково воздействие тендера на жизнь знаменитых мужчин? Какую роль играет мужественность в жизни великих художников, писателей, президентов и так далее? Как мужественность проявляется в жизни «обыкновенных» мужчин — на заводах и на фермах, в профсоюзах и в больших корпорациях? Именно в этом месте традиционная программа обучения вдруг обнаруживает огромные пустоты. Повсюду существуют курсы о мужчинах, но практически нет никакой информации по мужественности.

Несколько лет тому назад эта зияющая пустота вдохновила меня на исследование культурной истории идеи мужественности в Америке. Мне хотелось проследить развитие и изменения в нашем понимании того, что же означает быть мужчиной по мере развития американской истории⁴. Оказывается, наши мужчины всегда давали очень четкое описание того, что означает быть мужчиной и какие действия им необходимы в качестве доказательства своей маскулинности (*manhood*). Но мы никогда не знали прежде, как их слушать.

Интеграция тендера в наши программы обучения является выполнением обещания, которое нам дали женские исследования, а именно интеграцией понимания мужчины как гендерно сформированного индивида. Например, в университете,

18

где я работаю, курс по британской литературе XIX в. включает внимательное «гендерное» чтение творчества сестер Брон-те, и обсуждается их отношение к женственности, замужеству и отношениям между полами. Но ни слова не говорится о мужественности применительно к Диккенсу, особенно о его взглядах на отцовство и семью. Диккенса воспринимают как романиста «социальных проблем» и классовых отношений, несмотря на тот факт, что уж очень многие из его наиболее знаменитых персонажей — это юноши, мальчики, выросшие без отца, в поисках своей настоящей семьи. Ни слова об амбивалентных идеях Томаса Гарди о мужественности и браке, выраженных, например, в «Джуде Незаметном». Увлечение Томаса Гарди домодерн истеки ми концепциями апатичной вселенной — вот что мы обсуждаем. Моя жена рассказывала мне, что, когда она изучала в Принстоне американскую литературу XIX в., в курсе о творчестве Эдит Уортон тендер был основной темой обсуждения, но ни слова не было сказано о тендере при обсуждении Генри Джеймса, в творчестве которого тендерная обеспокоенность возникает в качестве женоненавистнического гнева, сексуальной амбивалентности или некоего рыцарского презрения. Джеймс, как нам рассказывают, главным образом был занят формой романа, нарративной техникой, стилистическими возможностями описания и характеристики. Но его ни в коем случае не интересовал гендер.

Так мы и продолжаем действовать, будто гендер применяется лишь к женщинам. Пришло время сделать видимым гендер по отношению к мужчинам. Китайская поговорка гласит: как только поймал рыбу, откроешь для себя океан.

Именно это стало для меня столь очсбидным во время семинара по феминизму, который я посещал в начале 1980-х гг.⁵ На этом семинаре, слушая дискуссию между двумя участницами, я ощутил невидимость тендера по отношению к мужчинам. Белая и черная женщины обсуждали вопрос, являются ли женщины по определению «сестрами». Ведь у них в основном одинаковый опыт, и они переживают общее угнетение со стороны мужчин. Белая женщина утверждала, что именно эти факты связывают их, несмотря на расовые различия. Черная женщина не соглашалась с ней.

— Когда ты просыпаешься утром и смотришь в зеркало, кого ты там видишь? — спросила она.

— Я вижу женщину, — ответила белая женщина.

— Вот в этом и проблема, — ответила черная женщина. — Я же вижу *черную* женщину. Для меня раса видима каждый

19

день, поскольку именно из-за нее я не обладаю привилегиями в нашей культуре. Раса невидима для тебя, поскольку ты находишься в привилегированном положении. Вот почему в нашем с тобой опыте всегда будут присутствовать различия.

Именно в этот момент я буквально застонал — наверно, громче, чем хотел. Я был единственным мужчиной в аудитории, и кто-то задал вопрос по поводу моей реакции.

— Знаете, когда я смотрю в зеркало, я вижу человеческое существо. Я идеальный объект для обобщения. Как белый мужчина среднего класса, я не обладаю ни классом, ни расой, ни тендером. У меня есть только общеродовые характеристики!

Иногда мне кажется, что именно в тот самый день я превратился в белого мужчину среднего класса. Конечно, я был им и прежде, но это мало что для меня значило. До того момента я рассматривал себя как человеческое существо, обладающее некими универсальными характеристиками, подобно другим. Именно с тех пор я стал относить мое понимание расы, класса и тендера не только к другим людям, оказавшимся маргинализованными из-за отсутствия расовых, классовых или тендерных привилегий. Эти термины относились и ко мне. Прежде я воистину наслаждался привилегией невидимости. Сами процессы «раздачи» привилегий определенным группам людей чаще всего остаются невидимыми именно для тех, кому эти привилегии пожалованы. Когда нечто делает нас маргинальными или безвластными, это мы замечаем. Невидимость является привилегией в другом смысле — в качестве роскоши. Только белым людям в нашем обществе дана роскошь не думать о расе каждую минуту своей жизни. И только у мужчин есть роскошь претендовать на то, что тендер не имеет значения. Рассмотрим другой пример того, как часто власть остается невидимой для тех, у кого она есть. У многих из вас есть адреса электронной почты, и вы рассылаете свою почту по всему миру. Вы могли заметить одно существенное различие между американскими адресами и адресами

жителей других стран. Все адреса имеют специальный код, указывающий на страну, к которой принадлежит пользователь адреса, — например, если вы пишете в Южную Африку, то адрес будет заканчиваться на za, если в Японию — то на jp, если в Англию, то на uk (Соединенное Королевство), если в Германию, то на de. Но вот если вы пишете в США, то электронный адрес будет оканчиваться на edu, если это образовательный институт, на org, если это организация, на gov, если это офис, относящийся к сфере федерального правительства, и на com или net, если

20

это коммерческие интернет-провайдеры. Почему же США не обладают национальным кодом? Потому что мы являемся господствующей мировой державой, а всем остальным необходимо название, имя. Бытие «во власти» не предполагает, что к себе следует привлекать внимание как к чему-то определенному, а претендует на бытие общее, универсальное, обобщаемое. Для Соединенных Штатов все другие нации остаются «другими», и, таким образом, их необходимо называть, маркировать, отмечать. Повторюсь — привилегия невидима. В мире Интернета, как поет Майкл Джексон, «мы — это весь мир».

Невидимость имеет свои последствия — привилегия, как и тендер, остается невидимой, и очень сложно создавать политику преодоления невидимости и включения. Невидимость привилегий означает, что большинство мужчин, как и многие белые люди, занимают «оборонительные» позиции и сердятся, когда им предъявляют статистические реалии или человеческие последствия расизма и сексизма. Так как наши привилегии невидимы, мы способны занять «оборону» или начать защищаться. Может даже появиться чувство, что мы сами являемся жертвами. Невидимость «создает невротическое колебание между ощущением дарованных тебе прав и ощущением незаслуженной привилегии», — как выразился журналист Эдвард Болл, когда занялся исследованием истории собственной семьи, одной из крупнейших рабовладельческих семей в Южной Каролине⁶.

Продолжающаяся невидимость мужественности также означает, что гендеризованные стандарты нам кажутся гендерно нейтральными в качестве культурно поддерживаемых норм. Иллюзия тендерного нейтралитета имеет серьезные последствия как для женщин, так и для мужчин. Она означает, что мужчины могут поддерживать иллюзию того, что их также измеряют «объективными» стандартами. Для женщин это означает, что их «измеряют» по чужой «линейке». В начале XX в. великий социолог Георг Зиммель подчеркивал именно эту проблему:

«Мы измеряем достижения и приверженности мужчин и женщин согласно определенным нормам и ценностям; но эти нормы не являются нейтральными, стоящими вне контрастов между полами; они обладают „мужским" характером... Стандарты искусства и требования патриотизма, общие приоритеты и определенные социальные идеи, равноценность практических суждений и объективность теоретических знаний... — все эти категории формально являются общечеловеческими, но фактически мужскими в их действительном историческом

21

формировании. Если мы назовем идеи, претендующие на абсолютную обоснованность и объективность, то фактом остается то, что в исторической жизни человеческого рода оперирует равенство: объекта вность=мужч и на»⁷.

Теоретическая формулировка Зиммеля отзывается эхом в наших каждодневных взаимодействиях. Недавно меня пригласили прочитать несколько лекций в рамках курса по социологии ген-дера, который ведет одна из моих коллег. Как только я вошел в аудиторию, одна студентка оторвалась от своих записей, взглянула на меня и воскликнула: «Наконец объективное мнение!» Я столь же «объективен», как и мои коллеги, но в глазах студентки являлся носителем объективности. Я был носителем голоса научной и рациональной объективности, вне связей с опытом, вне телесности, вне расы, вне тендера. Объективность выглядит как я! (Ирония судьбы — возможно, я произносил в этой аудитории вещи, еще более неожиданные, чем мои коллеги-женщины. Если женщина или афроамериканец, преподавая, сказали бы: «Белые мужчины привилегированы в американском обществе», — то наши студенты отреагировали бы соответственно: «Конечно, разве вы можете сказать что-то другое? Вы предубеждены и тенденциозны». Для них такое нормативное утверждение

вскрывало бы внутренние предубеждения тендера, расы как случай определенной «адвокатской» защиты. Но если именно я, объективный профессор, говорю об объективном факте, тогда, возможно, они над этим подумают и запомнят.)

Такое равенство — «объективность=мужчина» — имеет огромные практические последствия в каждой сфере нашей жизни, с начальной школы до профессионального и высшего образования, на каждом рабочем месте. Зиммель пишет: «*Позиция власти* мужчины не только утверждает его относительное превосходство над женщиной, но и подтверждает, что его стандарты обобщаемы далее уже в качестве общечеловеческих стандартов для „равного“ управления мужчинами и женщинами»⁸.

Современные дебаты

Думаю, что и в вашей стране сегодня идут дискуссии о мужчинах и мужественности. Мы просто об этом не знаем. Например, о каком тендере я думаю, когда размышляю над американскими проблемами — «подростковым насилием», «криминальным насилием», «насилием на городских окраинах», «насилием, связанным с употреблением наркотиков», «насилием в шко-

22

лах»? О каком тендере я думаю, когда прошу вас вспомнить об ухмыляющихся, надменных пограничниках при пересечении границы в Боснии, караванах джипов, следующих за своими воинствующими царьками в Сомали, о чьей-то радости, когда взрывается еще одна бомба террористов в стране басков, о молодых людях, размахивающих автоматами, прогуливаясь по разбомбленным улицам Бейрута?

Конечно, в нашем воображении возникают мужчины. И не просто мужчины, а молодые мужчины — подростки или молодые люди, которым за двадцать, и относительно бедные мужчины, из рабочего класса или низших групп среднего класса.

Как же наши социальные комментаторы обсуждают эти проблемы? Замечают ли они, что проблемы молодежи и насилия являются на самом деле проблемами молодых мужчин и насилия? Они когда-нибудь говорят о том, что как только этнический национализм где-нибудь поднимает голову, то это голова молодого мужчины? Говорят ли они о мужественности вообще?

Нет. Послушайте, что сказала эксперт, которую попросили прокомментировать жестокое убийство 21-летнего Мэтью Шепарда, гея, студента университета Вайоминга. Когда ей напомнили, что от 80 до 90 процентов людей, арестованных за преследование геев, молодые мужчины, социолог Валери Джен-нес заметила, что «эти данные говорят о том, что молодежь работает над проблемой своей идентичности в переходный период из домашнего состояния во взрослое»⁹. Оказывается, главной переменной здесь является «юность»? Проблема возраста и ген-дера оказалась скрытой за исключительно возрастной переменной. Тендер исчез. Так звучит молчание. И именно так выглядит невидимость.

Представьте теперь, что все это женщина — этнические националистки, или участницы военизированных формирований, или преследовательницы геев. Вот это был бы сюжет! Неповторимый сюжет! Тогда бы тендерный анализ сочился из каждого сюжета на эту тему! Мы бы услышали столько экспертов по вопросам женской социализации, фрустрации, гнева, предменструального синдрома (ПМС) и всего прочего. Но тот факт, что все это — не женщины, а мужчины, не заслуживает ни слова.

Мой последний пример. Уже около года американская нация вздрагивает при виде фотографий Эрика Хэрриса и Дила-на Клеболда. Нация пытается осознать, каким образом эти двое юношей сумели вооружиться до зубов и открыть огонь по своим одноклассникам и учителям в школе Колумбайн в Литлтоне,

23

штат Колорадо. Последовало огромное количество объяснений со стороны ученых мужей и популярных психологов. Психологи нам рассказали все детали поведения одиночек и отстраненных подростков, подростковой депрессии и самоутверждающего поведения. Правые критики культуры обвиняли музыку готов, Мэрилин Мэнсон, жестокие видеоигры, Интернет. Более либеральные критики нашли причину в оружии. Президент Клинтон обвинил средства массовой информации в насаждении насилия, и уж совсем удивительно нелогично Ньют Гингрич обвинил не знающую запретов культуру шестидесятых. Правление школы в Денвере запретило ношение черных шинелей. При всем том пропустили вот что — хотя это было на

поверхности с самого начала — убийцами стали белые мальчики из семей среднего класса, которые живут в штатах с либеральной политикой в вопросе об огнестрельном оружии. Теперь представьте себе, что убийцы в Литлтоне, а также в Перле (Миссисипи), Падуке (Кентукки), Спрингфилде (Орегон) и Джунсборо (Арканзас) — все являются чернокожими девушками из бедных семей, проживающих в Нью-Хейвене (Коннектикут), Ньюарке (Нью-Джерси) или Провиденсе (Род-Айленд). Тогда бы все бросились обсуждать проблемы чернокожих девочек из бедных семей, из обедневших городских центров. Тогда бы центром внимания стали раса, класс и тендер. Средства массовой информации изобрели бы новый термин для их поведения, как это произошло с нововведением «одичание» лет десять тому назад, после нападения на джоггера в Центральном парке Нью-Йорка. Мы бы услышали о культуре бедности, о том, как жизнь в городе рождает преступление и насилие. Мы бы услышали о некой естественной склонности чернокожих к насилию. Попало бы от некоторых и феминизму за то, что девочки теперь также проявляют насилие, тщетно имитируя поведение мальчиков. Однако тот очевидный факт, что школьники-убийцы были мальчиками из семей среднего класса, оказался совершенно никем не замеченным.

В упомянутых выше случаях на самом деле осталось неясным, сыграли ли какую-то роль класс и тендер убийц, хотя преступники из Колорадо и целились в некоторых чернокожих студентов. Но именно в этом и дело. Вообразите национальную реакцию, если бы во время бойни чернокожие мальчишки целились в белых. Вот тогда мы нашли бы причину трагедии в их расовой принадлежности (некоторые упомянули бы пагубность рэпа и фильмов с насилием). Или, если бы мальчишки из бедных семей стреляли в тех, у кого есть модные машины,

24

сразу стало бы ясно, что их ненависть имеет классовую природу. (Дилан Клеболд, кстати, водил «БМВ», но это не подвигло правление школы в Денвере подумать о запрете на вождение мальчишками машин этой марки» верно?)

С раннего возраста мальчиков учат, что насилие не просто приемлемо в качестве формы разрешения конфликта, но и вызывает восхищение. Среди мальчишек подросткового возраста в четыре раза больше, чем среди девочек, тех, кто считает драку приемлемой, если кто-то ведет себя вызывающе. Половина из этих мальчишек принимали участие в драках ежегодно. В каком-то смысле и Хэррис, и Клеболд не являлись отклонением от нормы. Наоборот, они были супер-конформистами по отношению к нормам мужественности, предписывающим насилие в качестве решения проблемы. Подобно настоящим мужчинам, они не просто сошли с ума. Нет. Они расквитались. (Подробнее о проблеме тендера и насилия я пишу в главе 10.) До тех пор, пока тендер не станет видимым как для мужчин, так и для женщин, мы как культура не сможем понять, как справляться с такими проблемами. Я не хочу сказать, что теперь мы должны думать только о мужественности. Все эти вопросы сложны и требуют анализа политической экономии в ситуации глобальной экономической интеграции, в процессе трансформации социальных классов, в условиях городской бедности, безнадежности и расизма. Но, игнорируя мужественность, позволяя ей оставаться невидимой, мы никогда полностью не поймем эти проблемы. Не говоря уж об их решении.

Разнообразие и власть

Используя термин «тендер», я определенно намереваюсь обсуждать и мужественность, и женственность. Но даже эти термины неточны, так как они предполагают, что существует одно простое определение мужественности и одно простое определение женственности. Если нашим намерением является декон-струирование идеи о том, что только тендерные различия имеют решающее значение, тогда социально-конструкционистский анализ должен быть направлен на исследование различий *среди* мужчин как группы и *среди* женщин. Нередко получается, что именно эти различия оказываются более решающими, чем гендерные. В любом обществе одновременно сосуществуют несколько значений мужественности и женственности. Проще говоря,

25

американские мужчины и женщины далеко не одинаковы. Наши опыты структурированы классом, этничностью, возрастом, сексуальностью, региональной принадлежностью. Каждая из этих «осей» модифицирует все другие. Видимость тендера не означает, что мы превращаем

все другие организующие принципы социальной жизни в невидимые. Например, представьте пожилого чернокожего гея, живущего в Чикаго, и молодого гетеросексуального фермера из Айовы. У них ведь очень разные определения мужественности, не так ли? Или другой пример — 22-летняя обеспеченная гетеросексуальная американка азиатского происхождения, проживающая в Сан-Франциско, и 50-летняя белая ирландская католичка, лесбиянка из Бостона. Наверно, у них будут разные идеи по поводу того, какой следует быть женщине? Если тендер является переменной категорией для разных культур, в разные исторические периоды, среди мужчин и женщин одной и той же культуры, в течение одной жизни, то можно ли говорить о мужественности и женственности как о неких константах, универсальных «сущностях», характерных для всех мужчин или для всех женщин? Если нет, то тендер надо рассматривать как постоянно изменяемое текучее сосредоточение значений и способов поведения. В этом смысле нам следует говорить о *мужественностях* и *женственностях*, признавая разные определения мужественности и женственности, которые мы же и формируем. Используя оба термина во множественном числе, мы признаем, что мужественность и женственность обладают разными значениями для разных групп людей в разное время.

Нам не стоит забывать и то, что не существует равных условий для формирования мужественности и иженственностей. Американки и американцы должны противостоять определениям, выдвигаемым в качестве неких модельных мерок. Мы должны понимать, что быть мужчиной или женщиной в нашей культуре означает быть таковым или таковой в соответствии с определениями, противопоставляющими нас некоему набору «других» — расовых меньшинств, сексуальных меньшинств. Конечно, для мужчины классическим «другим» является женщина. Словно жизненный императив большинства мужчин состоит в доказательстве того, что они навсегда и решительно не похожи на женщин.

Для большинства мужчин «гегемонное» определение мужественности выводится из модели, предлагаемой всем мужчинам. Гегемонное определение мужественности «формируется относительно различных подчиненных мужественностей, так же как и относительно женщин», — пишет социолог Роберт Коннелл.

26

Социолог Ирвинг Гоффман дал еще одно определение гегемонной мужественности:

«В некотором смысле в Америке существует лишь один полноценный тип мужчин: молодой, женатый, белый, горожанин, с американского Севера, гетеросексуальный, протестант, отец, с высшим образованием, имеющий работу, хорошей внешности, с хорошим весом простом, недавно бывший хорошим спортсменом... Любой мужчина, не подходящий хотя бы под одну из этих квалификаций, скорее всего, видит себя — хотя бы иногда — как человека безо всякой ценности, как мужчину несоответствующего и неполноценного!».

Женщины имеют дело с таким же преувеличенным идеалом женственности, который Коннелл называет «подчеркнутой женственностью». Такая женственность формируется в согласии с принципом тендерного неравенства и «ориентирована на приспособление к интересам и желаниям мужчин». Принято видеть такую женственность в «выказывании большей общительности, чем технической компетенции, а также нежной слабости в интимных отношениях, лояльности к заигрываниям мужчин на работе и удовлетворении их стремлений к общественному признанию, приятию замужества и заботы о детях в качестве компенсации за дискриминацию на рынке труда»¹¹. Такая подчеркнутая женственность усиливает тендерное различие в качестве стратегии для «адаптации женщины к власти мужчин», в которой основными чертами являются эмпатия (сопереживание) и нежность. «Настоящая» женственность характеризуется как «обворожительная», и женщине рекомендовано научиться вертеть мужчинами, знать «правила» игры и следовать им. В одном исследовании приведен пример, как восьмилетний мальчик очень точно ухватил сущность такой «подчеркнутой женственности» в своем стихотворении:

«Если бы я был девочкой, мне надо было бы
привлекать парней,
Делать макияж — иногда.
А также носить на себе последний крик моды —
чтобы нравиться.

Я бы не играл в спортивные игры, скажем,
в футбол или соккер.
Мне уж точно не нравилось бы вертеться
вокруг мужчины, —
а вдруг он отвергнет меня.
Но что поделать — ведь так необходимо
мужчинам нравиться»¹².

27

Тендерное различие как «обманчивое разделение»

Разнообразие множества мужественностей и женственно-стей решительно подрывает идею о том, что наблюдаемые нами гендерные различия возникают, когда люди разного пола занимают сами по себе гендерно нейтральные позиции. Более того, тот факт, что все эти мужественности и женственности выстраиваются в определенной иерархии по отношению друг к другу и измеряются друг относительно друга, лишь подтверждает, что господство создает и усиливает различие.

Межпланетная теория тендера предполагает, будь то в биологии или социализации, что женщина всегда ведет себя по-женски, и неважно, где она при этом находится. А мужчина ведет себя по-мужски — в любом месте. Психолог Кэрол Таврис считает, что такое бинарное мышление приводит нас к тому, что философы называли «законом исключенной середины». Именно в это пространство «падают большинство мужчин и женщин, исходя из их психологических качеств, способностей, характера и ценностей»¹³. Оказывается, многие из ежедневно наблюдаемых различий между мужчиной и женщиной — вовсе не *гендерные*, а возникают в результате различий в их позициях или сферах их деятельности. Дело не в том, что гендерно сформированный человек занимает гендерно нейтральную позицию. Именно сама позиция обуславливает поведение, которое мы уже воспринимаем как гендерно обусловленное. Социолог Синтия Фукс Эпстейн называет это «обманчивыми разделениями», так как кажется, что они обусловлены тендером, хотя на самом деле основа различий здесь совсем вдругом¹⁴.

Возьмите, например, хорошо известные различия в моделях общения, о которых написала Дебора Таннен в своем бестселлере «Ты просто не понимаешь». Таннен считает, что мужчина и женщина общаются на языках своих «планет». Мужчина, чтобы продвинуться, использует язык конкуренции, иерархии и господства. Женщина создает «паутины» общения с другими на более мягком, «обнимающем» языке, чтобы все вокруг чувствовали себя хорошо. Дома мужчина остается сильным и молчаливым, иногда что-то бурчит в ответ своей жене, для которой стремление к разговору с мужем занимает важное место в создании домашней атмосферы близости¹⁵.

Но оказывается, что тот же самый мужчина, роняющий односложные слова дома, очень разговорчив на работе, когда находится в позиции зависимости и безвластия. Ему требуется разговор для поддержания отношений со своим начальником. Его жена

28

также способна использовать язык как инструмент конкуренции для улучшения своей позиции в корпоративной иерархии. Исследовав записанные показания признаний женщин и мужчин в зале суда, антропологи Уильям и Джин О'Барр пришли к заключению, что положение свидетеля более существенно влияло на стиль речи, чем гендер. «Так называемый женский язык не является характерным для всех женщин. Во всяком случае, он не ограничивается только женщинами», — пишут исследователи. Если женщина использует «язык безвластия», то скорее всего «из-за того, что женщины, как правило, занимают относительно безвластные социальные позиции в обществе»¹⁶. Многие коммуникационные различия оказываются «обманчивыми разделениями». Просто мы очень редко наблюдаем коммуникационные модели зависимых мужчин и женщин-руководителей.

Можно привести и другой пример из сферы образования, и об этом я подробнее пишу в главе 7. Общие различия в показателях стандартизированных математических тестов у мальчиков и девочек привели исследователей к выводу, что у мужчин наблюдается естественная склонность к арифметическим действиям, а у женщин есть некая «боязнь математики». Добавьте к этому их «страх перед успехом» на рабочем месте, и оказывается, что женщины не столь эффективны, как мужчины. У них меньше предвидений, меньше расчетов, меньше

заботы о деньгах. Популярная писательница Колетт Даулинг, автор бестселлера «Комплекс Золушки» (1981), пишет, что при всей своей явной амбициозности, компетентности и достижениях женщина «на самом деле» ждет своего Принца. Он спасет ее, и они вместе встретят романтический закат солнца. Затем последует будущее, в котором она будет пассивной и беспомощной — именно об этом женщина втайне всегда мечтает. Недавно Даулинг взяла интервью у 65 женщин, которым уже далеко за пятьдесят, и обнаружила, что лишь у двух из них есть план предпенсионных инвестиций. Обанкротившись после нескольких бестселлеров и оставшись снова в одиночестве, Даулинг считает, что это произошло с ней по причине «конфликтов с чувством зависимости». «Дух денег в нашей культуре связан с мужественностью, — сказала она в своем интервью. — У женщины создается ощущение, что для своей собственной выгоды и независимости она никогда не должна связывать себя отношениями». Но из-за врожденной женственности, в конце концов, женщина сама себя приговаривает к последующим неприятностям¹⁷.

Однако, согласно эксперту по финансам Джейн Брайант Квинн, такие утверждения противоречат всем доступным

29

данным исследований. Она сама является автором бестселлера о женщинах и деньгах. «Для женщины социально более приемлемо не распоряжаться собственными деньгами, — ответила она тому же журналисту. — Но ведь Y-хромосома — это не хромосома управления деньгами. Все исследования показывают, что, если контролируются такие переменные, как заработок, возраст и опыт, женщины не отличаются в этом отношении от мужчин. В возрасте 23 лет, выходя на рынок труда, все в равной степени чувствуют себя сложно. Но если женщины не продолжают работать, они будут знать о финансах меньше и меньше, в то время как мужчины, продолжая работать, будут знать о финансах все больше»¹⁸. Так что именно наш опыт, а не тендер определяет, как мы будем управляться со своими пенсионными сбережениями.

А что же по поводу огромных тендерных различий, обнаружившихся на рабочем месте (подробнее в главе 8)? Мужчины, как мы повсюду слышим, являются конкурентоспособными социальными верхолазами, использующими каждую возможность продвинуться, женщины же — склонные к кооперации «создатели коллективов» и могут даже страдать от «страха перед успехом». Но пионерское исследование Розабет Мосс Каптер в книге «Мужчины и женщины корпорации» показывает, что тендер имеет значение куда меньшее, чем возможности. Когда у женщины те же самые возможности, связи, наставники и шансы для продвижения, что и у мужчины, то она ведет себя подобно мужчине. Женщины не добивались успеха не потому, что боялись его, а потому, что не обладали достаточными возможностями. Когда у мужчин не было соответствующих возможностей, то они вели себя стереотипно «по-женски»¹⁹.

Наконец, вспомним наш опыт в семье (подробнее в главе 6). Мы ведь предполагаем, что женщины социализированы для воспитания и материнства, а мужчины должны быть сильными и молчаливыми, относительно эмоционально сдержанными арбитрами справедливости в семье. Поэтому женщины и должны выполнять работу «материнства», поскольку у них такая социализация, — именно так все мы думаем. И снова социологическое исследование показывает, что наше поведение в семье меньше относится к тендерной социализации, а больше — к тем семейным ситуациям, в которых мы находимся.

Например, исследование социолога Кэтлин Герсон показывает, что тендерная социализация не очень помогает в объяснении семейного опыта женщины. Лишь немногим более половины женщин, выразивших желание стать неработающими

30

матерями, действительно это сделали. И лишь немногим более половины женщин, заинтересованных в полноценной карьере, сумели ее сделать. Оказалось, что стабильность брака, доход мужа, опыт женщины на рабочем месте и сеть социальной поддержки — все это намного больше влияет на выбор в пользу материнства или полной занятости²⁰.

С другой стороны, исследование социолога Барбары Риз-ман показало, что, несмотря на тендерную социализацию, преуменьшающую значение эмоциональной отзывчивости и воспитания детей, большинство отцов-одиночек способны на умелое «материнство». Такие отцы не нанимают женщин для ухода за детьми, а сами выполняют типично женские работы по

дому. Ризман нашла слишком мало различий между одинокими отцами и матерями (неженатыми или состоящими в браке), когда речь заходила об их домашних обязанностях, о том, как они общались с детьми или даже какое участие они принимали в эмоциональном и интеллектуальном развитии своих детей. Родительский стиль мужчин в действительности практически не отличался от женского, и это позволило Ризман утверждать, что «мужчина может выполнять материнские функции и что совсем не является необходимостью, чтобы воспитателем ребенка была обязательно мать, а не отец»²¹.

Все эти данные позволяют взглянуть на наши исследования в новом свете. Например, были обнаружены значительные различия в объеме стресса, который мужчина и женщина испытывают каждый день. У женщины оказывался более высокий уровень стресса и меньшее количество дней, «свободных от стресса», чем у мужчин. Дэвид Альмейда и Рональд Кесслер резонно заключили, что это не является следствием биологически обусловленных различий и показателем Меньшей приспособленности женщины к управлению стрессом. Скорее, данные указывают на то, что у женщины в жизни намного больше стрессовых ситуаций, так как она должна балансировать между семьей и работой больше, чем мужчина²².

Результаты исследования Альмейды и Кесслера газеты опубликовали с фанфарным треском. Они растроили про новые и значительные тендерные различия. Но на самом деле речь шла о том, что женщина «занята домом, ремонтом, карьерой мужа, своей работой, и да, конечно, — детьми». Мужчина же, наоборот, может ответить на вопрос «Как дела на работе?», но не больше²³. Ученые опросили семейные пары, мужа и жену, по поводу их реакций на такие «стрессоры». Каковы бы были результаты исследования, если бы опрос проводился среди

31

матерей- и отцов-одиночек? Думаете, обнаружили бы значительные тендерные различия? Скорее всего, оказалось бы, что и мужчина, и женщина с нагрузками работающего родителя имели бы одинаково высокий уровень стресса. Снова статистические различия генерирует структура, а не тендер.

Из всего этого, вслед за Ризман, можно сделать вывод о том, что «если женщину и мужчину поставить в одинаковые структурные условия и ролевые ожидания, то эмпирически наблюдаемые тендерные различия растворились бы в их опыте»²⁴. Я не совсем в этом убежден. Все же есть некоторые различия между женщиной и мужчиной, в конце концов. Возможно, как предполагает исследование Ризман, эти различия не так уж огромны, решающи и не подвластны социальным изменениям. Но все же они есть. В этой книге я хотел бы рассмотреть именно те сферы нашей жизни, в которых, как нам всем кажется, существуют тендерные различия, а их на самом деле нет, а также те сферы нашей жизни, в которых тендерные различия важны и имеют решающее значение.

Значение средних различий

Очень мало различий между мужчиной и женщиной «встроены» во всех мужчин и во всех женщин. Тем не менее, мы с большой готовностью подмечаем различия между мужчинами и женщинами, когда речь идет об уровне агрессивности, эмоциональной выразительности, физической силы, математических или филологических способностей, уходе за детьми и воспитании. Неверно было бы сказать, однако, что все мужчины (и ни одна женщина) агрессивны, физически сильны и способны к математике и естественным наукам или что только женщины (и ни один мужчина) способны на уход и воспитание детей, более выразительны в словесном и эмоциональном планах. Говоря о тендерных различиях, мы имеем в виду средние данные, или различия в среднем по мужчинам и женщинам.

Эти средние показатели говорят нам о различиях между двумя группами, но ничего не говорят о самом распределении, в частности распределении значений среди мужчин и среди женщин, которое может быть огромным. Ведь существует огромное количество заботливых и эмоционально выразительных мужчин и немало агрессивных и физически сильных женщин (см. рис. 1.1). В действительности все исследования по атрибутам женственности и мужественности показывают огромные сред-

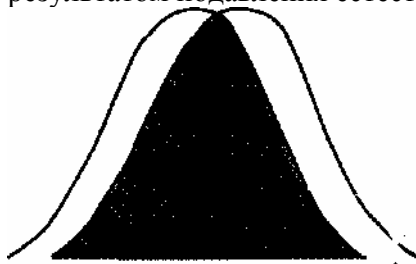
32

нестатистические различия внутри обеих категорий, значительно превышающие различия между ними. Мы склонны к среднестатистическим различиям, но они нам могут рассказать куда меньше, чем мы ожидаем.

Мы лишь *думаем*, что они нам показывают «межпланетные» различия между полами. Эта «межпланетная» теория тендерных различий говорит о том, что наблюдаемые нами различия между мужчинами и женщинами имеют решающий характер и порождены физическими различиями в мужской и женской биологиях.

Например, сама идея, будто мы с разных планет, что наши различия глубоки и непреодолимы, имеет политическое измерение. Когда мы называем «другой» пол «противоположным», мы затеваем то, что для нас является общим. Антрополог Гейл Рубин пишет:

«Мужчина и женщина, конечно, различны. Но не настолько, как день и ночь, земля и небо, инь и ян, жизнь и смерть. С точки зрения природы, оба пола ближе друг к другу, чем к чему-либо другому, например, к горам, к кенгуру или кокосовым пальмам... исключительная тендерная идентичность является не выражением естественных различий, а, напротив, результатом подавления естественного сходства между полами»².



сходство различие-

J

Рис. 1.1. Схема распределения взаимопересекающихся черт характера, ценностей и поведения в зависимости от тендера. Хотя усредненные различия могут проявиться во многих характеристиках, эти графики распределения дают возможность предположить гораздо большее сходство между мужчинами и женщинами и гораздо большую изменчивость характеристик среди мужчин и среди женщин.

Межпланетная теория тендерного различия является важной не потому, что она верна (гораздо чаще она ошибочна), а потому, что как культура мы отчаянно хотим верить в ее истинность. Таким образом, социологический вопрос о тендере лежит не

² Тендерное общество

33

в области социологии тендерных различий, т.е. не в объяснении их физиологического происхождения, но в области социологии знания, которая может ответить на вопрос о том, почему же тендерные различия так важны для нас, почему мы так упорно цепляемся за эту идею, почему мы выбрасываем миллионы долларов на книги, «раскрывающие» нам тайны глубоких различий между мужчиной и женщиной, но никогда при этом не купим книгу, в которой нам говорят: «Слушайте, мы же все земляне!» Именно об этом моя книга.

Практически все доступные исследования по социальным вопросам и вопросам человеческого поведения предполагают, что мужчина и женщина — с разных планет, с Марса и Венеры. А дело-то в том, что мы с одной планеты Земля. Мы не принадлежим к противоположным полам. Наоборот, у нас больше общего, чем различий.

Политика различий и господства

Межпланетная теория тендерных различий предполагает, что тендер — это свойство индивида, элемент его персональной идентичности — верим ли мы в биологическую предопределенность тендерного различия или в его культурную обусловленность. Но это лишь половина всей истории. Я считаю, что индивидуальности — мальчики и девочки — «гендеризуются», т.е. обучаются «соответствующему» поведению и привычкам, связываемым в нашем сознании с гегемонной мужественностью и преувеличенной или «подчеркнутой» женственностью». Потом каждый из нас видоизменяет эту «траекторию» так, как каждому или каждой из нас это удобно по жизненному пути. В каком-то смысле каждый и каждая из нас заключает «свой личный контракт» с доминирующими определениями мужественности и женственности. Именно по этой причине мы столь привязаны к тендерным стереотипам и столь ревностно их защищаем. Мы верим, что они в действительности объемлют наш с вами опыт.

Но мы заключаем сделку не сами, не в гендерно нейтральных социальных институтах и

сферах. Социальные институты нашего мира — рабочее место, семья, школа, политика — также являются гендеризованными институтами. Именно в этих сферах доминантные определения усиливаются и репродуцируются, именно в этих сферах применяются дисциплинарные санкции к «отклоняющимся от нормы». Мы становимся гендеризованными индивидами в тендерном обществе.

34

Говорить о тендерном обществе — это не то же самое, что указывать на символические аналогии между формой космических ракет, небоскребов и определенной частью мужской анатомии. Иногда функция превалирует над символической формой. Более того, она лишь частично соотносится с метафорами тендера, когда мы говорим о других сферах нашей деятельности, как, например, о мире спорта, секса, войны и работы. Каждая из этих сфер использует свой язык.

Говоря, что живем в гендеризованном обществе, мы подразумеваем, что организации, из которых состоит наше общество, развивают те способы, с помощью которых они воспроизводят различия между мужчиной и женщиной, а также мужское господство. С институциональной точки зрения мы можем увидеть, каким образом демонстрация и воспроизводство мужественности организуют структуру рабочего места. Временная и пространственная организация работы зависит от разделения сфер (дистанция между работой и домом и факт, что прежде всего женщина обеспечивает уход за детьми).

Как и в случае с невидимостью гендеризованной идентичности, предположение о тендерной нейтральности институтов общества лишь укрепляет тендерную политику таких институтов. Оно даже поддерживает наше мнение, что, если предоставить индивиду больше возможностей в его или ее тендерном поведении, он или она будут более успешными в таких гендерно нейтральных институтах. И это значит, что мы предполагаем, будто наилучшим способом избавления от тендерного неравенства в высшем образовании или на рабочем месте является продвижение «одинаковости» — мы неравны просто потому, что отличны друг от друга. Однако именно здесь, в гендерно структурированных институтах, и возникает дилемма — политическая и личная — для женщин. Такой путь никогда не приносит им победы на рабочем месте, в армии, в политике, в спорте. Эти сферы уже сформированы таким образом, что они воспроизводят и поддерживают определенные модели мужественности. Если ддк достижения успеха женщина становится «подобной мужчине», то считается, что она пожертвовала своей женственностью. Если же она отказывается от такой жертвы, то ее воспринимают как отличающуюся от мужчины. И, таким образом, тендерная дискриминация становится легитимной в сортировке людей на различные категории²⁶. Преуспевшая женщина подвергается наказанию за то, что она «утеряла» свою женственность. Ее не воспринимают как потенциального партнера в личных отношениях, ее прозывают

35

лесбиянкой, ее вычеркивают из списка гостей. В 1960-е гг. на первых женщин в армии, в военных школах и даже в Принстоне и Йеле смотрели как на «менее» женственных, как на неудачниц в смысле истинной женской карьеры. Будь они более «удачливы» в этом смысле, то их бы считали менее способными солдатами или студентами²⁷. Таким образом, гендерное неравенство ставит женщине двойную ловушку — двойную, поскольку она выстроена на идеях тендерного различия и институциональной гендерной нейтральности.

В этой двойной ловушке существует и личный аспект. Часто мужчину шокирует, что его жена забивает шкаф одеждой, но при этом постоянно жалуется, что ей «нечего носить». Мужчине такое поведение кажется странным, как и поведение инопланетянина. Ведь мы, мужчины, обходимся лишь несколькими рубашками и к ним — пятью или шестью галстуками разных цветов. Голубой, серый, черный — что же сложного в том, чтобы одеваться хорошо? Женщина, работающая в гендеризованном институте, носит одежду, «обозначающую» что-то. Она посмотрит на деловой костюм и скажет себе: «Нет, выгляжу грузновато, и в таком костюме меня никто серьезно не воспримет как женщину!» Поэтому она купит костюмчик поменьше размером и подумает: «В этом я чуть постройнее, и все на меня будут смотреть как на женщину, но тогда уже не отнесутся серьезно как к работнику», В любом случае — деловой корпоративный работник или сексуальная милашка — женщина проигрывает, так как место работы само по себе уже гендерно сформировано, и стандарты успеха, включая манеру

успешно одеваться, тоже являются тендерными.

И различие, и господство производятся и воспроизводятся в наших социальных взаимодействиях, в институтах общества, в которых мы живем и работаем. Хотя различия между нами не столь уж велики, как мы привыкли считать, они становятся важными в наших ожиданиях и наблюдениях. В этой книге я исследую эти различия — реальные и важные, а также те, которые нами придуманы и не являются важными в нашей жизни. Я пишу о том, какими путями гендерное неравенство обеспечивает основы для формирования идей тендерного различия. И наконец, я попытаюсь показать воздействие гендера на нашу жизнь — как тендер формирует каждую и каждого из нас, нашу жизнь и наше общество.

ЧАСТЬ I

Объяснения гендера

Глава 2

Предназначено природой. Биология формирует пол

Он прирожденный дьявол, и напрасны Мои труды и мягкость обращенья.

Напрасно все!

Уильям Шекспир

Опра: Вы верите в перемены в обществе, если появятся безусловные доказательства, что вы родились именно таким?

Один из близнецов, гей: Было бы легче... с признанием. Вы же понимаете, что люди все еще не признают ни черных, ни испаноязычных, ни инвалидов... люди не признают и тучных.

Опра (с досадой): Вот про это я как-то забыла. Давайте сделаем перерыв.

Из шоу Опры Уинфри

Зигмунд Фрейд известен не только разгневанным вопросом «Женщина — чего же она хочет?», но и своей самой знаменитой аксиомой «Анатомия — это судьба». Остается неясным, насколько Фрейд руководствовался желанием быть понятым в буквальном смысле. Тем не менее, среди биологов очень многие уверены в том, что анатомические различия имеют решающее значение и что они являются основой различий между опытом -мужчины и опытом женщины. Недавно один исследователь выразил твердое убеждение в том, что «различия между мужчиной и женщиной в конце концов найдут подтверждение на уровнях строения клетки и анатомии человеческого мозга»¹. Для биологов не звезды, не мы сами, как об этом заявил Цезарь Бруту, а наши клетки определяют человеческое поведение.

Доводам биологов отводится значительное место в толкованиях как тендерных *различий*, так и тендерного *неравенства*. Во-первых, в них есть привкус «истинной» науки. Именно «объективные научные факты» служат основанием биологических теорий, и поэтому аргументы ученых-естественников воспринимаются как исключительно убедительные. Во-вторых, интерпретации биологического характера вроде бы совпадают

39

и с собственными наблюдениями: мы воспринимаем женщин и мужчин разными практически всегда — и чаще настолько разными, словно они существуют в разных мирах.

Биологическим истолкованиям присуща и определенная концептуальная стройность.

Социальные отношения между мужчинами и женщинами (гендерное неравенство) выглядят как непосредственное и неизбежное производное от различий между полами. Биологи уверяют нас в том, что существующее следует воспринимать как должное и что социальное основано на естественных различиях. Наконец, нас убеждают и в том, что существующие системы неравенств возникли не по нашей вине и на самом деле здесь вообще некого винить. Разве мы можем нести ответственность за свои действия — все дело в нашей природе!

(Именно такие утверждения можно услышать от консерваторов и либералов, от феминисток и женоненавистников, от гомофобов и гомосексуалов.) Более того, если эти объяснения верны, то ни количество политических инициатив, ни уровни социальных затрат, ни значительные трансформации в политическом курсе общества не изменят отношений между мужчинами и женщинами.

В этой главе я рассмотрю лишь некоторые данные, используемые биологами для демонстрации естественных, биологически обусловленных половых различий. Я также обращаюсь к вопросу о способах формирования тендерного неравенства как социального и политического устройства, напрямую исходящего из такого понимания различий.

Биологические различия могут рассказать нам многое про типы поведения мужчин и женщин. Но именно поиски доказательств и исследования учеными таких различий могут поведать нам многое и о культуре, к которой мы принадлежим, и о том, во что и почему мы так отчаянно желаем веровать.

Биологические различия: тогда и теперь

Поиски доказательств, что различия между мужчиной и женщиной имеют биологическое происхождение, не являются чем-то новым. Новизна же — по крайней мере, за последние несколько столетий — заключается в том, что именно ученые стали играть центральную роль в исследованиях «естественных различий» между мужчиной и женщиной.

До XIX в. толкования тендерных различий большей частью оставались прерогативой теологов — Бог создал мужчину

40

и женщину с различной целью, и поэтому репродуктивные различия являются основополагающими. Например, преподобный Джон Тодд противился и политической эмансипации женщин, которая «перевернет законы самого Бога», и тем, кто ее поддерживал, убеждая женщин, что они «обретут независимость, благосостояние и признание в мужском мире, в то время как их безопасность и счастье состоят в терпении, любви и верности, а также в исполнении своих обязанностей и поддержке отношений, присущих женскому миру»².

К концу XIX в., под влиянием работ Дарвина и зарождающейся эволюционной биологии, к дебатам подключились ученые, вооруженные своими новейшими открытиями. Некоторые считали, что работа и учеба противопоказаны женщине по причине биологических процессов в женском организме. Например, в книге «Советы врача по женскому здоровью» (1871) доктор У.Л.Тейлор призывал женщин отдыхать дома по меньшей мере пять или шесть дней каждый месяц:

«Мы не можем не настаивать на важности того, чтобы женщины воспринимали свои месячные как периоды нездоровья, когда простые занятия надобно приостановить или изменить... Длительные прогулки, танцы, покупки в магазинах, катание на лошадях и участие в вечеринках — независимо от обстоятельств, всего этого необходимо избегать в определенные дни месяца»³.

В своей революционной работе «О происхождении видов» (1859) Дарвин поставил несколько вопросов. Каким образом происходит развитие определенных видов? Почему среди них существует поразительное разнообразие? Почему некоторые виды в чем-то отличаются от других, а в чем-то схожи? Дарвин ответил на эти вопросы, сформулировав закон естественного отбора. Вид приспособляется к изменяющейся окружающей среде. Те виды, которые хорошо адаптируются к среде, являются наиболее успешными в репродукции, т.е. адаптивные характеристики вида передаются следующему поколению, в то время как менее адаптирующийся вид прекращает репродукцию своих характеристик. Эти процессы происходят абсолютно со всеми видами, и те индивидуумы, которые наилучшим образом приспособлены к окружающей среде, передают свои гены следующим поколениям. Виды всегда изменяются, всегда адаптируются.

Эта теория была еретической с теологической точки зрения, для тех, кто верил в божественное происхождение — неизменяемое и неизменное — всего живого на планете, включая человека. Дарвин сам верил, что различия между особями мужского и женского пола в классах животного мира, стоя-

41

щих по иерархии ниже человека, остаются характерными и для человеческого рода.

«Возможно, женщина отличается от мужчины в психических склонностях, главным образом в том, что она более нежна и менее себялюбива», — писал он в «Происхождении человека».

Мужская конкурентность, амбиции и себялюбие, «вероятно, имеют хоть и неудачное, но естественное происхождение. Основное различие в интеллектуальных возможностях проявляется в том, что по сравнению с женщиной мужчина достигает гораздо больше в любом

начинании, будь то необходимость в глубоких размышлениях, здравом смысле, воображении или просто в использовании чувств и рук»⁴.

Когда же биологическим различиям между мужчиной и женщиной был придан статус научного факта, писатели и критики объявили любые усилия по изменению социального неравенства и дискриминации женщин нарушениями «законов природы». Многие авторы утверждали, что борьба женщин за право участия в общественной жизни — за право работы, право на голосование на выборах, право на получение высшего образования — явилась итогом их заблуждений, что политические и социальные стремления не следует ставить выше того предназначения, для которого и создано женское тело. Как написал препоподобный Тодд, женщины не были бы в такой степени *исключены* из участия в выборах, рынка труда или системы высшего образования, если бы не следовало «освободить их от определенных сложностей, выпавших на долю мужчин»⁵. Эту позицию наилучшим образом выразил участник дебатов по вопросу женского суфражистского движения в Сакраменто (Калифорния) в 1880 г.:

«Я выступаю против женского суфражизма из-за того бремени, которое иначе ляжет на женщину. Ее изящной природе уже и так немало достается. Хрупкий организм женщины, и так естественным образом ослабляемый от постоянного давления на ее природу, слишком часто подвергается болезням, вызванным чересчур сильной нагрузкой на ее психику. Страсть, любовь, амбиции — всего этого слишком много для ее ослабленного состояния, из-за чего так часто подрывается здоровье и случаются ранние смерти»⁶.

Представители социальных наук быстро присоединились к хору биологов, и особенно активно выступили социал-дарвинисты, укоротив эволюционное время с десятков и сотен тысячелетий до одного или двух поколений и растянув причинно-следственные объяснения от орнитологии до наук о человеке. Социал-дарвинисты стремились к легитимации своих

42

теорий, используя закон естественного отбора так, как сам его создатель Чарльз Дарвин и предположить не мог. Они исказили его идею, выдвинув положение об основополагающих биологических различиях между расами, нациями, семьями и, конечно, между мужчиной и женщиной. Например, выдающийся французский социолог Густав Ле Бон, позже ставший известным благодаря своей теории коллективного разума и иррациональности толпы, утверждал, что разное строение мужского и женского мозга позволяет объяснить различия между мужчиной и женщиной. В 1879 г. он писал:

«У большинства разумных сообществ, как, например, среди парижан, встречается очень много женщин, чей мозг по размерам ближе к мозгу гориллы, чем к самому развитому мозгу мужчины... Сегодня все психологи, исследующие интеллектуальные способности женщины, признают, что она представляет собой более низкую эволюционную форму и что она ближе к ребенку и дикарю, чем к взрослому цивилизованному мужчине. Она превосходит мужчину в изменчивости, непостоянстве, отсутствии мысли и логики, а также в неспособности к разумным действиям. Без сомнения, существуют и выдающиеся женщины, намного превосходящие среднего мужчину, но их появление столь же исключительно, как и явление на свет любого уродства, как, например, рождение гориллы с двух головами»⁷.

Много дискуссий происходило и по вопросу, насколько женщина способна к образованию, особенно среднему и высшему. Так, один писатель предположил, что женщина «со средним мозгом» может достичь интеллектуального уровня среднего мужчины «только за счет своего здоровья, эмоций и морального состояния». Другой же предвещал, что университетское образование приведет к укрупнению и отяжелению мозга женщины, но при этом у нее сожмется матка. Самым знаменитым ученым-обществоведом, присоединившимся к этой дискуссии, был, вероятно, Эдвард К. Кларк, выдающийся гарвардский профессор и специалист в области образования. В бестселлере «Пол в образовании, или Справедливая возможность для девушек» (1873) Кларк доказывал необходимость исключения женщины из высшего образования, ибо природа наложила на ее тело величайшие репродуктивные обязанности. Согласно предсказанию Кларка, с доступом к высшему образованию женщины потеряют способность к воспроизводству, и «не нужно быть пророком, чтобы предсказать будущее, когда жен, которые должны будут стать матерями в нашей республике, придется доставлять из-за океана»⁸. (Намек Кларка на угрозу цивилизации со стороны иммигрантов,

чьи репродук-

43

тивные показатели выше, чем у белых коренных жителей, характерен для расизма и сексизма того времени.)

Каковы же основания для таких абсурдных утверждений о биологии женщины? Они просты. Оказалось, что женщины с высшим образованием гораздо реже выходят замуж и рожают меньше детей, чем женщины без высшего образования. Отчего же это происходит, как не от ссохшихся маток и отяжелевших мозгов? Оказалось, что целых 42% женщин, попавших в психиатрические заведения, имели высшее образование, а среди мужчин — лишь 16%.

Получается, высшее образование сводит женщину с ума. Конечно, сегодня существует и другое объяснение фертильности и психических заболеваний среди женщин с высшим образованием, связанное с увеличившимся полем возможностей и амбициями, порождающими дополнительные фрустрации, а вовсе не с ссохшимися матками. Утверждения же Кларка остаются поразительным примером того, как можно использовать корреляции в агрегированных данных социальных наук в откровенно политических целях.

Имплицитный консерватизм аргументов, приведенных здесь в качестве примера, был так же очевиден на рубеже XIX и XX столетий, как и в наше время. «Как так получилось, что во всем мире женщина оказалась в подчинении мужчине?» — спрашивал Джеймс Лонг и ответил самому себе: «Подобно негру, существу неизменно низшему по отношению к белой расе до конца времен, женщина по своей природе, из-за своего пола, приговорена к подчиненному состоянию. Никакие иные возможности, а только это состояние подчинения дает женщине счастье просто потому, что таков закон ее природы»⁹.

Сегодня биологи добывают свидетельства главным образом из трех областей исследований: 1) эволюционной теории, от социобиологии до «эволюционной психологии»; 2) исследований мозга; 3) эндокринологических исследований половых гормонов в пренатальный период и затем в период половой зрелости человека. Вторая и третья области имеют значение также для обоснования биологически обусловленных различий между гетеро- и гомосексуалами, которое, как мы увидим, также часто приводится в тендерных терминах

10

Эволюционный императив: от социал-дарвинизма к социобиологии

Прошли времена Дарвина, и эволюционная биология постепенно отошла от наиболее очевидных политических стремлений

44

социал-дарвинизма. Однако развитие социобиологии в семидесятых годах прошлого столетия возродило интерес к аргументации эволюционистов. Эдвард Уилсон, гарвардский профессор энтомологии и основатель социобиологии, расширил диапазон изучения от поведения человека до поведения насекомых. По его мнению, все создания «подчиняются» «биологическому принципу»; все различия в темпераменте (личности, культурах) возникают вследствие биологического развития существ в процессе эволюционного отбора. При этом возникающие различия естественного происхождения становятся источником социальной и политической организации обществ, которые мы наблюдаем на сегодняшний день. Уилсон и его коллега, психобиолог Ричард Докинс, выразили эту мысль следующим образом: «Эксплуатация женщины зарождается именно здесь». Культура тут почти ни при чем, так как, по мнению Уилсона, «гены держат культуру на поводке»¹⁰.

В вопросе о различиях социобиологи обращают особое внимание на сексуальность женщины и мужчины. По их мнению, различия в женском и мужском сексуальном поведении явились результатом многих веков эволюционного развития. Эволюционный успех предполагает, что все особи вида — сознательно или бессознательно — стремятся передавать свои гены дальше. Таким образом, особи мужского и женского пола развивают репродуктивные «стратегии» для обеспечения передачи своего генетического кода следующим поколениям. Говоря о «стратегиях», социобиологи подразумевают намерения и выбор. Так создается впечатление, будто наши гены одарены некоей инструментальной рациональностью и каждая клетка действует или по-мужски, или по-женски. Социобиологи полагают, что различия, наблюдаемые между мужчиной и женщиной на сегодняшний день, чвилксь результатом веков эволюционных стратегий выбора.

Возьмите, например, размер и количество самих репродуктивных клеток. Добавьте к этому относительные затраты мужчин и женщин на производство здорового потомства и — presto! — вам все станет ясно про различия в сексуальном поведении мужчины и женщины во время типичной студенческой тусовки в предстоящие выходные. «Он» производит миллиарды крошечных сперматозоидов. «Она» производит относительно гигантскую яйцеклетку. Успех мужчины зависит от его способности оплодотворить огромное число яйцеклеток. По этому «сценарию», самец должен оплодотворить как можно больше яйцеклеток, пока его жизни не придет конец. Так у мужчины формируется «природная» склонность к промискуитету.

45

Женщине же, напротив, требуется лишь одно успешное сношение для оплодотворения яйцеклетки, поэтому у нее вырабатывается склонность к исключительной избирательности относительно того, кто окажется ее счастливым избранником. Более того, женщина должна инвестировать намного больше энергии в беременность и кормление грудью. У нее получается больше репродуктивных «затрат», которые и определяют ее репродуктивные стратегии. Поэтому женщине присуща склонность к моногамии и выбору мужчины, который станет наилучшим отцом для своего потомства: «Женщина ищет замужества, чтобы монополизировать не сексуальность мужчины, а прежде всего его политические и экономические ресурсы. Таким образом она гарантирует будущее своих детей (носителей ее генов)», — утверждает журналист Энтони Лейнг. А психобиолог Доналд Саймонз считает, что женщина и мужчина обладают различными «сексуальными психологиями»:

«Женщина, подобно самкам других видов в мире животных, делает относительно крупную инвестицию в производство и выживание своего потомства. Мужчина, напротив, может обойтись малостью. Поэтому их отношение к сексу и воспроизводству аналогично сексуальному поведению животных. Женщине следует быть более привередливой и постоянно сомневаться в правильности выбора, так как именно ей предстоит иметь дело с последствиями неверного решения. Мужчине же надо быть менее разборчивым, более агрессивным и развить вкус к разным и многим партнершам, так как он меньше рискует». Итак, утверждает Саймонз, нет ничего удивительного в том, что «именно это мы и видим». «Естественный отбор способствовал сексуальному возбуждению самца при виде самки. При этом самка человека, беременя, подвергается невероятному риску сточки зрения энергии и времени. Отбор благоприятствовал развитию у женщин тенденции быть разборчивыми как в отношении сексуальных партнеров, так и обстоятельств копуляции» .

Моногамной женщине приходится решать основную проблему, а именно — как же принудить этого упрямого негодяя-мужчину, предпочитающего заниматься оплодотворением других самок, к выполнению домашних обязательств перед женой и детьми. Ее стратегия состоит в требовании эмоциональных, а следовательно, и родительских обязательств от партнера прежде самих сексуальных отношений. В этой логической цепочке полностью детерминирована не только моногамия женщины, но и связь ее сексуального поведения с эмоциональными обя-

46

зательствами, из-за чего она всеми способами вытягивает из промискуитетного мужчины обещания в любви и преданности, прежде чем окончательно ему отдалась. В мужчине же генетически заложен промискуитет сексуального хищника, и он всегда на охоте ради самой возможности новых сексуальных завоеваний. У женщины, наоборот, биологически обусловленные моногамия, фантазии о романтической любви и преданности неразрывно связаны с сексуальным поведением и предполагают сексуальную сдержанность, преодолеваемую лишь после данной мужчиной рыцарской клятвы верности и преданности. Эволюционисты используют и другие данные репродуктивной биологии для того, чтобы толкование биологических различий между мужчиной и женщиной заодно стало бы объяснением социального неравенства между полами. Например, разделение сфер деятельности, оказывается, коренится в далеком начале эволюции: «В обществе охотников и собирателей мужчины охотятся, а женщины остаются дома. Это распределение функций сохраняется в большинстве аграрных и индустриальных обществ. Уже исходя только из одного этого, можно утверждать, что такое разделение имеет генетическое происхождение, — пишет Эдвард Уилсон. — По моим собственным догадкам, эта генетическая склонность настолько интенсивна, что и в будущем она будет служить причиной значительного разделения труда

даже в наиболее свободных и наиболее эгалитарных обществах»¹³.

Лайонел Тайгер и Робин Фокс подчеркивают значимость социальных требований к мужчине и женщине в течение эволюционного перехода к обществу собирателей и охотников. Во-первых, охотничье сообщество должно строиться на принципах солидарности и сотрудничества, а это требует прочных связей между охотниками. Биология женщины, особенно менструальный цикл, становится ее значительным недостатком в таком требующем согласованности действии, как охота. Более того, само присутствие женщин опасно — с их близостью конкуренция и агрессия среди мужчин нарушают принцип мужского сотрудничества. Женщин одолевает также и «материнский инстинкт». Следовательно, имеет смысл, чтобы охотились именно мужчины, а женщинам пристало оставаться дома и растить детей¹⁴.

По мнению этих ученых, благодаря таким различным репродуктивным стратегиям и эволюционным императивам постепенно возникли разные типы темперамента и личности, каковые мы и наблюдаем у мужчины и женщины. Самой последней

47

реинкарнацией социобиологии является так называемая «эволюционная психология», объясняющая психологические различия между мужчиной и женщиной их разными эволюционными траекториями. Мужчина считается более агрессивным, склонным к контролю и управлению благодаря навыкам, «отполированным» веками его эволюции в функциях охотника и воина. В то же самое время женщина занималась лишь воспитанием детей и домашними делами, что и сделало ее более сенситивной, более эмоциональной и более пассивной¹⁵.

Наконец, ученые пытаются найти объяснение различного поведения мужчины и женщины в межвидовой агрессии и насилии. Например, психобиолог Дэвид Бараш сочетает социобиологию с банальностями движения «Нью-Эйдж»*, утверждая, что «гены помогают себе сами своим хорошим поведением». К сожалению, это не обязательно означает хорошее поведение по отношению к другим. Эгоистичные гены не знают такого золотого правила. Например, Бараш объясняет сексуальное насилие репродуктивной адаптацией мужчин, у которых никак не получается найти объект своего ухаживания. На основе своих исследований поведения скорпионов и диких уток Бараш, Торнхилл и другие эволюционисты утверждают, что мужчины-насильники удовлетворяют генетически заложенную в них потребность в воспроизводстве единственным известным им способом. «Возможно, насильники из рода человеческого по-своему и, с точки зрения закона, неверно делают все, что в их силах, чтобы наилучшим способом приспособиться к своей ситуации», — пишет Бараш. Оказывается, насилие — это тот же половой акт, но он обусловлен иной «адаптивной» репродуктивной стратегией менее удачливого самца. Если мужчина не способен передать свой генетический материал через соблазнение, то выходом для него оказывается насилие¹⁶.

Так что не стоит винить мужчин и даже их генетические императивы. Виноваты-то женщины, «так как самки отказывают конкурирующим самцам во время овуляции, и принуждение нежелающей самки стало приемлемой стратегией для достижения копуляции», — пишут Ричард Александер и К.М.Нунен.

* Культурное движение «Нью-Эйдж» (New Age, в буквальном переводе с английского — «Новый век») объединяет различные идеи и методики, направленные на изменение человека и его представлений о мире, обучает сознательному отношению к жизни, а также умению получать удовольствие от жизни, радоваться ей и находить в ней смысл. Сформировалось в начале 1970-х гг. — *Прим. ред.*

48

Если бы женщины были ну хоть чуть покладистей, то мужчинам не пришлось бы прибегать к насилию как одной из своих репродуктивных тактик¹⁷.

Социобиология — повествование в жанре «только так»

Есть ли какой-то смысл в доводах эволюционистов? Укрепляют ли их данные представления о непримиримых различиях между мужчиной и женщиной, с необходимостью сформированных в условиях эволюционной адаптации? В рассуждениях эволюционистов присутствует некая интуитивная притягательность. Они придают нашему современному опыту вес истории и науки. Однако в этих рассуждениях слишком много ляпсусов, чтобы считать их достаточно убедительными.

Теория может скрупулезно описывать замысловатые ритуалы спаривания фруктовых мух или

диких птиц и *вроде бы* быть применимой и к знакомству двух одиноких людей в городском баре, и к динамике ухаживания старшекласников или студентов, но в любом случае в основе ее лежат избирательная интерпретация данных и предвзятые идеи. Социобиологи как будто наблюдают то, что заведомо нормативно, — например, что мужчины больше, чем женщины, склонны разделять любовь и секс, что мужчины считают половой контакт с женщиной своим неотъемлемым правом, что они более склонны к промискуитету — и затем считают все это генетически заданным. Такие объяснения неизменно попадают в телеологическую ловушку, поскольку их цель как раз в том, чтобы заполнять существующие пробелы в теории. А объяснение одно — это так, потому что так и должно быть. Кроме того, они рассматривают слишком короткий временной отрезок. Разве можно объяснить каждый половой акт великими эволюционными замыслами? Могут поспорить, что большинство наших сознательных «стратегий» на школьных тусовках имеют более близкие цели, чем обеспечение репродуктивного успеха.

Некоторые аргументы заходят дальше того, что можно извлечь из опытных данных, в те области, которые эмпирически проверить невозможно. Биолог Ричард Левонтин, страстный критик социобиологии, утверждает, что «не существует никаких доказательств генетической заданности™ таких явлений, как религия, война, сотрудничество, и доводы о том, что они сформировались в результате естественного отбора, невозможно проверить, так как они постулируют гипотетические ситуации

49

в доисторические времена человечества, которые принципиально непроверяемы». Его коллега эволюционный биолог Стивен Джей Гоулд также отвергает существование «каких-либо прямых данных, доказывающих, что гены контролируют специфические формы социального поведения людей»¹⁸.

Как правило, социобиологи предполагают лишь одну, единственно возможную интерпретацию полученных данных. Но ведь могут быть и другие. Например, психологи Кэрл Таврис и Кэрл Уэйд задаются вопросом, почему родители — как женщины, так и мужчины — «инвестируют» так много времени и энергии в собственных детей, вместо того чтобы с удовольствием проводить время? Социобиологи утверждают, что такое альтруистическое поведение в нас заложено, поскольку дети являются «вместилищем» нашего генетического материала. Однако Таврис и Уэйд предполагают простой экономический расчет. В обмен на заботу об отпрысках, когда те молоды и зависимы, мы ждем от них такой же заботы в нашей зависимой старости. Такое объяснение звучит более сжато и точно¹⁹.

Некоторые доводы социобиологов принимают во внимание выборочные данные, а неудобные игнорируют. Какие виды животных можно использовать в качестве стандарта для исследований? Например, у шимпанзе и горилл самки обычно уходят из дома и переходят в новое племя, оставляя своих самцов. А вот у бабуинов, макак илангуров на поиски счастья из племени уходят именно самцы. Так какой же пол имеет естественную предрасположенность и страсть к путешествиям? Демонстрируя повсеместность доминирования самцов, социобиологи предпочитают говорить только о тех видах, где самцы действительно доминируют. Но можно привести и другие примеры. У бабуинов, по всей видимости, доминируют самки, и именно они определяют стабильность группы и решают, какие самцы достойны их доверия и «дружбы». Есть еще и самки шимпанзе, у которых в пик течки количество половых актов с разными самцами часто достигает пятидесяти в день. Самка флиртует, соблазняет, делая все возможное для привлечения самца, чтобы затем его бросить и перейти к следующему «клиенту». Можно ли в этом случае утверждать, что самки генетически предрасположены к промискуитету, а самцы склонны к моногамии? Социобиологи же предпочитают игнорировать все «не вписывающиеся» типы поведения среди приматов. Например, половой контакт с партнером одного и того же пола считается «элементом нормального сексуального репертуара у всех животных, проявляющимся по-разному в различные

50

периоды жизни индивидуума»²⁰. Но лишь немногие говорят о естественной предрасположенности к гомосексуальности.

Некоторые аргументы очевидно неверны просто потому, что противоречат эмпирическим данным. Возьмем, например, утверждение, будто менструальный цикл женщины настолько ее

ослабляет, что по этой причине в исторический период перехода человечества к охоте и собирательству единственно верным и неизбежным решением было оставлять женщин дома. Однако исследование, которое провела среди английских школьниц Кэтрин Дэлтон, свидетельствует о следующем. 27% девочек показали худшие зачетные результаты в дни перед менструацией в сравнении с периодом овуляции. (Но она не объяснила, насколько худшие.) Зато у 56% школьниц отметки по зачетам не изменились, а у 17% на самом деле показатели были лучше именно в предменструальный период. А что же «материнский инстинкт»? Как мы можем объяснить огромную популярность в западной истории инфантицида как метода контроля за рождаемостью, а также тот факт, что в большинстве случаев именно женщины оказывались убийцами детей? Возможно, инфантицид во всем мире являлся наиболее практикуемым методом контроля за рождаемостью. Один историк пишет, что инфантицид был общепринятой практикой во времена Древней Греции и Древнего Рима, когда «каждая река, навозная куча и сточный колодец были замусорены мертвыми младенцами». В 1527 г. священник сокрушался по поводу того, что «в уборных постоянно слышен плач сброшенных туда младенцев»²¹.

И наконец, что же делать с утверждением, что насилие является всего лишь другим способом полового акта для репродуктивно способного, но неудачливого самца? В такого рода доводах совершенно игнорируется тот факт, что большинство насильников заинтересованы не в половом акте как таковом, а в унижении своей жертвы и насилии над ней, и их мотивацией является скорее злость, чем сексуальный позыв. У большинства насильников есть регулярные сексуальные партнерши, и некоторые оказывались женатыми людьми. Многие жертвы насилия находятся за пределами репродуктивного возраста — или слишком молоды, или слишком стары. И почему некоторые насильники наносят увечья и даже убивают свою жертву, таким образом пресекая выживание того самого генетического материала, который, как предполагается, они «репродуцируют» во время акта насилия? И почему некоторые из них прибегают к гомосексуальному насилию, передавая свой генетический материал тому, кто вряд ли его воспроизведет? А насилие в тюрьме? Эгоистические

51

гены или эволюционные императивы в качестве теории для объяснения поведения человека мало позволят нам продвинуться.

Социобиология и эволюционная психология представляют собой примеры того, что Редьярд Киплинг называл повествованием в жанре «только так». В этом повествовательном жанре на основе некоторых внешних данных объясняется, например, почему у слона есть хобот, но зато тигр весь в полосках. Такую детскую сказку читатели воспринимают, разумеется, как выдумку, но удобную, приятную и в конечном счете полезную.

Мы можем использовать те же самые данные, но придумать совершенно другую историю в жанре «только так». Попробуем провести небольшой мысленный эксперимент. Возьмем те же рассуждения социобиологов о сперме и яйцеклетке, о репродуктивных стратегиях, о различных уровнях родительских инвестиций, но дополним их другими доводами и посмотрим, что получится. При этом вспомним, что самки человека являются единственными самками среди приматов, у которых нет внешних признаков течки. Иными словами, потенциально они сексуально активны в любое время репродуктивного цикла, включая и тот период, когда они не способны на зачатие. Какова же эволюционная «стратегия» в данном случае? Вспомним, что женский клитор не принимает никакого участия в человеческом воспроизводстве и существует исключительно для получения сексуального удовольствия. Не стоит забывать, что при рождении ребенка личность матери очевидна, а вот с отцом все не так ясно. До недавнего появления тестов на ДНК ни один отец никогда не мог быть абсолютно уверен, что этот ребенок — от него. В конце концов, как он мог знать, что у его партнерши не было полового контакта с другим мужчиной?

Все вышесказанное подтверждает, что биологически женщина устроена уникально — в самом деле, ее сексуальная стратегия и состоит в наслаждении сексом ради физического удовольствия, а не по причине репродуктивного потенциала полового акта. И если бы репродуктивной целью женщины было обеспечение выживания своего потомства, тогда для нее имело бы смысл обманывать как можно больше мужчин. Все они считали бы потомство своим, и она обеспечила бы защиту и материальное содержание для своего потомка, поскольку

ни один из этих мужчин не стал бы рисковать возможной смертью ребенка и исчезновением своего генетического материала. Так, может быть, эволюционной «стратегией» женщин является промискуитет?²²

Другой биологический факт о женщине может еще больше запутать мужчину, желающего установить отцовство.

52

Исследование Барбары Мак-Клинтон о женских менструальных циклах в закрытых помещениях открыло тенденцию женских циклов к синхронизации. Со временем менструальный цикл женщины начинает совпадать с циклами ее соседок или подруг. (Еще в начале 1970-х гг. Мак-Клинтон обратила внимание на синхронизацию циклов среди своих подруг и соседок по комнате во время учебы в Гарварде²³.) Более того, в культурах, не пользующихся искусственным светом, у женщин овуляция происходит чаще при полной луне, а менструация — при нарождающейся луне. Такая цикличность предполагает и эффективный контроль за рождаемостью в примитивных обществах (для предохранения от беременности необходимо половое воздержание в период, когда луна входит в полную фазу). С другой стороны, в таком обществе невозможно точно установить отцовство, если отсутствует контроль за женщинами.

Будь мужчина также подвержен промискуитету, как и женщина, то главной опасностью для него стали бы собственное истощение и изношенность, поскольку ему пришлось бы постоянно охотиться и обеспечивать пропитанием всех детенышей, *возможно*, рожденных от него (а возможно, и нет). Кто знает? Чтобы избежать этой опасности, мужчины «естественным образом» тяготеют к моногамии, вымогая у женщин клятву преданности, прежде чем обещать поддержку и защиту совместного потенциального потомства. Таким образом, мужчины могли прийти к идее женской непорочности, отказываясь жениться (т.е. сексуально связывать себя) на девушках, потерявших девственность, и развивая идеологию семейной домашней жизни, чтобы привязать женщину к домашнему хозяйству и детям и не дасть ей реализовать ее «природную» склонность к промискуитету.

Конечно, я не предлагаю данную интерпретацию взамен рассуждений эволюционных психологов. Но сам факт того, что можно использовать биологические данные для создания совершенно противоположных нарративов, требует значительной степени осторожности по отношению к знатокам, убеждающим нас, что существует лишь од на-единстве иная интерпретация этих данных.

«Его» мозг и «ее» мозг

Стремясь объяснить различия между женщиной и мужчиной, биологи уже давно исследуют деятельность мозга. Этот подход также имеет долгую историю. В XVIII в. сравнительные

53

измерения мозга позволили экспертам утверждать что, поскольку женский мозг по размеру меньше и легче мозга мужчины, женщины являются неполноценными существами. Позже, конечно, оказалось, что мозг женщины ничуть не меньше и не легче по отношению к размеру и весу тела, и такие измерения не могут служить показателями в когнитивных различиях. В конце XIX в. исследования мозга оказались особенно востребованными, поскольку ученые изучали этот губчатый и студенистый шарик, чтобы обнаружить различия между белыми и черными, евреями и не-евреями, иммигрантами и «нормальными», «истинными» американцами, преступниками и законопослушными гражданами. Например, один исследователь того времени утверждал, что мозг «среднего взрослого нефа схож в том, что касается его интеллектуальных способностей, с мозгом ребенка, женщины и выжившего из ума белого старика» (остается только гадать, куда же он поставил в этом списке черную женщину). Но несмотря на то, что ни одно из подобных гипотетических различий не имело никакого научного подтверждения, все они прекрасно вписывались в политические и расистские идеологии того времени²⁴.

Исследования мозга поныне остаются особенно плодородной областью науки, и в том числе продолжают попытки обнаружить различия между мужским и женским мозгом. Так, один ученый пишет, что «многие различия в функциях мозга мужчины и женщины являются врожденными, биологически обусловленными и относительно устойчивыми к изменениям под влиянием культуры». Авторы популярных книжек настаивают именно на том, насколько

существенны эти различия. Мужской мозг «не так быстро можно увлечь поверхностной информацией», он «устроен аккуратнее и точнее», чем женский мозг, который явно «менее способен отделять эмоции от рассудка»²⁵. (Заметим, что они не приходят к другим выводам, которые вполне можно сделать на основе тех же данных, — что мозг женщины способен интегрировать *большее* разнообразие источников информации и лучше приспособлен к синтезированию чувств и мысли.)

Исследования мозга — и это не совпадение — прекрасно встраиваются в предвзятые идеи о мужских и женских ролях (уж не характерна ли такая предвзятость для мужского мозга?). В большинстве случаев исследователи деятельности мозга (как и многие другие исследователи) находят именно то, что ищут. А ищут они различия, основанные на деятельности мозга, чтобы объяснить наблюдаемые различия в поведении взрослых

54

мужчин и женщин. Здесь достаточно привести пару примеров из истории. «Наука» краниология появилась к концу XIX в., имея целью регистрацию и измерение различий в строении мозга людей, принадлежащих к разным группам. Но ученые никогда не могли прийти к соглашению, какие же измерения следует использовать. Они *знали*, что мозг мужчины следует представить как наиболее развитый, но различные тесты давали разные результаты. Например, если взять в качестве показателя соотношение площади поверхности мозга к площади поверхности тела, то «победа» окажется на стороне мужчины. Если использовать соотношение веса мозга к весу тела, то окажется, что здесь превосходство вроде бы на стороне женщины. Никакой ученый не может терпеть такую неопределенность: следовало найти более точные методы для демонстрации превосходства мозга мужчины над мозгом женщины²⁶.

Результаты тестов оказались не лучшим индикатором. На рубеже веков было обнаружено, что у женщин результаты общих экзаменов в Университете Нью-Йорка выше, чем у мужчин. Но ученые-то «знали», что женщины не могут быть более интеллектуальны, чем мужчины. Следовало найти иное объяснение. «В конце концов, мужчины намного более интеллектуальны, чем женщины, будь то на экзаменах или вне экзаменов, — прокомментировал ситуацию декан колледжа Р. Тернер. — У женщин память лучше, и они занимаются упорней, вот и все. В задачах, где требуются терпение и усидчивость, женщины выигрывают. Но когда мужчина и терпелив, и работоспособен, то он в любое время победит женщину». (Интересно, что желание, амбиции и работоспособность женщины используются против нее же, но при этом проблема мужской импульсивности, нетерпеливости и лени даже не обозначена.) В двадцатых годах XX в., с изобретением тестов на интеллектуальные способности (IQ), женщины снова показали более высокие результаты. Тогда экспериментаторы просто поменяли вопросы²⁷.

Современные исследования мозга сконцентрированы в трех основных областях: 1) различия между правым и левым полушариями; 2) различия в тканях, соединяющих эти полушария; 3) способы использования мужчиной и женщиной различных частей мозга для выполнения одинаковых функций.

Ученые заметили, что правое и левое полушария мозга связаны с различными когнитивными функциями и способностями человека. Доминирование правого полушария связано с развитием визуальных и пространственных способностей, например со способностью узнавать объекты в пространстве. От левого

55

полушария зависит развитие более практических функций, таких как чтение и язык. Норман Гешвинд и Питер Бехан обнаружили, что процесс формирования половых различий начинается в материнской утробе. Мужской плод выделяет тестостерон, который омывает мозг, выборочно атакует части левого полушария и замедляет их развитие. Так, согласно Гешвинду, у мужчин развиваются «такие высшие таланты правого полушария, как, например, артистический, музыкальный или математический талант». Гешвинд считает, что мозг мужчины более разнонаправлен и одно полушарие доминирует над вторым. У женщины же разнонаправленность мозга менее выражена, и оба полушария теснее взаимодействуют, чем у мужчины²⁸.

Тут есть одна небольшая проблема: ученые не могут прийти к согласию в вопросе, которым

же из двух полушарий обладать лучше и (наверяд ли здесь снова совпадение) которое из них доминирует у какого пола. Они постоянно меняют точку зрения по поводу превосходства того или другого полушария, после чего это превосходство присваивается мужчинам. Сначала именно *левое* полушарие полагалось хранилищем разума и интеллекта, в то время как правое считалось вместилищем психических заболеваний, страсти и инстинкта. Поэтому мужчины считались в подавляющем числе лево-, а не правополушарными. Но к 1970-м гг. ученые доказали, что истина не такова и именно правое полушарие отвечает за гениальность, талант, творчество и вдохновение, в то время как левое полушарие вмещает лишь практический разум, способность к подсчетам и основные когнитивные функции. Тогда мужчин объявили предрасположенными к правополушарности. Наконец, невролог Рут Блейер, проанализировав данные Гешвинда и Бехана, обнаружила, что более чем в пятистах случаях эти ученые не нашли значимых половых различий в мозге плода от десяти до сорока четырех недель внутриутробного развития, несмотря на столь громкое оповещение ими же о существовании тестостероноидной «ванночки»³⁹.

Скорее, дело не столько в том, какое полушарие доминирует, сколько в степени, до которой мозг развивает разнонаправленные (мультипериферийные) функции в обоих полушариях. Иными словами, речь идет об уровне дифференциации между полушариями, определяющем половые различия. Баф-фри и Грей пришли к выводу, что женский мозг более разнонаправлен, чем мужской, и это, как они утверждают, приводит к нарушениям в пространственном функционировании и делает женщин менее способными выполнять задачи пространствен-

56

ного характера. Но в том же самом году Леви обнаружил, что мозг женщины обладает *меньшей* разнонаправленностью, чем мозг мужчины, и заявил на этом основании, что именно *меньшая* степень разнонаправленности влияет на пространственные функции женщин. (Практически не существует никаких современных данных в пользу ни одной из этих позиций, но это не помешало большинству авторов принять точку зрения Леви³⁰.)

Ученые решили, что если этот курс оказался неудачным, то, возможно, и мужчины, и женщины используют оба полушария, но *по-разному*. В популярной книжке, объясняющей тонкости в различиях мозга женщины и мужчины, Джо Дерден-Смит и Дайана де Саймон предполагают, что женское левое полушарие отвечает за язык как средство коммуникации, в то время как для мужчин оно является инструментом решения более визуально-пространственных задач, например, аналитических рассуждений. Точно таким же образом, утверждают они, в правом полушарии мозга мужчины больше нейронного пространства для решения визуально-пространственных задач, в то время как в мозге женщины остается больше пространства для других видов невербальных коммуникационных навыков, таких, как эмоциональная чувствительность и интуиция³¹.

Но разве различия в математических способностях и в навыках чтения не доказывают, что различные части мозга бывают доминантными и у мужчин, и у женщин? Мало кто будет оспаривать, что разные полушария мозга отвечают за различные способности и практически все люди, как мужчины, так и женщины, используют оба полушария к наибольшей для себя выгоде. Если это так, то, по мнению нейропсихиатра Джерри Леви, «в своей эмоциональной жизни мужчины могут оказаться в двойном проигрыше. Они могут быть менее развитыми эмоционально. А из-за слабого взаимодействия между полушариями мозга способность мужчин перевести эмоции на вербальный уровень оказывается тоже ограниченной»³².

Верно, что среди гениальных математиков гораздо больше мужчин, чем женщин. Но означает ли это, что в среднем мужчины более способны к математике, а у женщин лучше вербальные способности? Дженет Хайд, психолог из Университета штата Висконсин, провела масштабное исследование по данному вопросу. Она сделала обзор 165 исследований по вербальным способностям, включая словарь, навыки правописания и чтения. Они содержали информацию более чем о 1,4 млн чел. Хайд не обнаружила никаких тендерных различий в вербальных способностях мужчин и женщин. Проанализировав же данные по

57

ста исследованиям математических способностей, в которых в общей сложности анализировались результаты тестов почти 4 млн чел., она нашла небольшие тендерные

различия. В исследованиях общего характера результаты женщин в математике оказались выше, чем у мужчин, за исключением результатов вундеркиндов³³. Но что определенно выявила работа Хайд и ее коллег — равно как и практически любое отдельное исследование — так это то, что существуют гораздо более сильные различия *среди* женщин как группы и *среди* мужчин как группы, чем между мужчинами и женщинами. Иными словами, вариации внутри группы намного превышают вариации между группами, несмотря на возможные различия в средних межгрупповых показателях.

Но что, если дело не в различиях между полушариями и даже не в том, что мужчины и женщины используют те же самые полушария по-разному? Возможно, дело в связях между полушариями. Некоторые ученые исследовали связку тканей, известную как *мозолистое тело*, соединяющую оба полушария в качестве проводника информации. По результатам одного исследования, область этой соединяющей сети, называемой *сплениум*, оказывается намного крупнее и объемнее у женщин. Это исследование четырнадцати образцов мозга при помощи аутопсии дало возможность предположить, что такое различие в размере свидетельствует о меньшей полушарной латерализации (т.е. специализации полушарий), отвечающей за визуальное и пространственное функционирование, в мозге женщины. Но дальнейшие исследования не подтвердили сделанных выводов. Другие ученые не нашли никаких различий в размерах мозолистого тела мозга у мужчин и женщин. Это же показала и магнитно-резонансная томография, проведенная на добровольцах³⁴.

Однако это не останавливает некоторых популярных писателей от впечатляющих, но поверхностных экстраполяции. Так, Роберт Пул в своей популярной работе «Ребро Евы» пишет: «В среднем у женщин вербальные навыки лучше, чем у мужчин. Сплениум у мужчин и женщин отличается если и не по размеру, то по форме, а вербальные способности, по меньшей мере у женщин, зависят от размера сплениума». На самом деле существует не так уж много связанных данных о значимых различиях в строении мозга у женщин и мужчин.

Джонатан Бэквит, профессор микробиологии и молекулярной генетики в медицинской школе Гарварда, считает, что «даже при обнаружении различий ни в коем случае нет смысла проводить связь между различиями

58

в строении мозга и какой-либо определенной моделью поведения или любой определенной способностью»³⁵.

Если не существует данных для подтверждения таких аргументов, то почему на них все равно настаивают? Марсель Кинс-бурн, специалист в области исследований мозга, предполагает, что это происходит «из-за того, что исследования половых различий отличаются от других направлений в психологии. Под давлением такого набирающего мощь явления, как феминизм, и, возможно, в результате обратной реакции на него, многие исследователи, похоже, стремятся все же доказать, что женщины и мужчины разные „на самом деле“. Кажется, что, если половых различий не существует, их следует изобрести»³⁶.

Мозг гея

Одной из наиболее интересных и противоречивых попыток ученых, исследующих биологические причины поведения, были поиски данных о биологическом происхождении сексуальной ориентации. Недавние исследования в области строения мозга и эндокринологические работы о гормонах дают основание предполагать существование явно гомосексуальной «эссенции», которая возникает в человеке независимо от культурных условий, формирующих его/ее возможности и опыт. Работы по происхождению сексуальной ориентации связаны с исследованиями основ половых различий между мужчинами и женщинами, потому что в смысле культуры мы склонны понимать сексуальность в терминах тендера. В дискуссиях о сексуальной ориентации доминируют тендерные стереотипы, как, например, стереотип о том, что геи не являются «настоящими» мужчинами. Иными словами, они недостаточно мужественны, отождествляются с женщинами и даже перенимают женские свойства и внешние черты. Точно так же лесбиянки считаются недостаточно женственными, отождествляют себя с мужчинами, имитируют мужское поведение и так далее.

Гомосексуальность, как твердят наши стереотипы, является тендерным «нарушением»³⁷.

Многовековое культурное наследие наградило нас такими стереотипными идеями.

Гомосексуальность возникла в качестве отдельной идентичности лишь под конец XIX в.,

когда ее стали рассматривать как «врожденное и, следовательно, непреодолимое влечение», как сформулировал один венгерский врач. И прежде, конечно, признавалось существование гомосексуального *поведения*, но гомосексуальная идентичность

59

не признавалась и не могла быть выведена из этого поведения. К концу XIX столетия, как писал Мишель Фуко, «гомосексуализм» стали характеризовать как форму «внутренней андрогинности, гермафродитизм души. Содомит был временной аберрацией. Гомосексуал стал видом». Со времен Фрейда мы полагаем, что мужская гомосексуальность, проявляющаяся в женственности, и лесбиянство, проявляющееся в копировании мужских черт, может быть не врожденным, но тем не менее остается трудноизлечимым «продуктом» социализации человека в раннем детстве. Как только различия между геями и гетеросексуальными людьми были однажды установлены, наиболее яркие доказательства этих различий подбирались далее в тра-

то
екториях их жизни .

В последние десятилетия биология выдвинулась на первое место среди других наук, демонстрируя фундаментальные и непреодолимые различия между гомосексуальными и гетеросексуальными людьми. И нас не должно удивлять, что ученые обнаружили то, что надеялись обнаружить, — мозг гомосексуалиста и его гормональные уровни больше напоминают женский и меньше — гетеросексуальный мужской тип. Наука снова попыталась доказать, что стереотипы относительно геев и лесбиянок основаны не на культурных страхах и предрассудках, а коренятся в биологии. Так, например, в 1970-е гг. Дорнер и его коллеги обнаружили, что у большинства гомосексуальных мужчин «мозг дифференцирован подобно женскому»; это вызвано «недостатком» андрогена во время фазы образования гипоталамуса в пренатальный период и может вести к гомосексуальному поведению даже при нормальном или почти нормальном

10
содержании андрогенов у зрелого человека .

Совсем недавно Саймон Ле Вей занялся исследованием строения мозга в надежде обнаружить этиологию гомосексуальности. Ле Вей отверг детерминацию гомосексуальности окружающей средой: «Если и существуют влияния окружающей среды, то они действительны лишь на ранних стадиях жизни, в периоды развития плода и раннего младенческого возраста, во время формирования мозга... Я очень скептически отношусь к идее о том, что сексуальная ориентация — это продукт культуры». Он подметил, что среди приматов эксперименты с повреждением средней зоны гипоталамуса не уменьшают само по себе сексуальное влечение, но подавляют усилие самца взобраться на самку. Он также отмечает, что размер этой области мозга различается у мужчин и женщин. Для своего эксперимента Ле Вей исследовал мозговые ткани 41 покойника.

60

19 из них умерли от СПИДа, и их идентифицировали как группу риска, состоящую из «гомосексуальных и бисексуальных мужчин», шестнадцать других мужчин сочли гетеросексуальными, поскольку не было никаких свидетельств обратного (шесть из них также умерли от СПИДа, а остальные скончались из-за других причин). Еще шестеро были женщинами, предположительно гетеросексуальными (одна из них скончалась от СПИДа). Их мозги были препарированы и сравнены. Три из четырех секций не обнаружили никаких различий, но четвертая секция, внешнего гипоталамуса, области размером с песчинку, показала межгрупповые различия. Ле Вей обнаружил, что размер этой области мозга у предполагаемых гетеросексуальных мужчин оказался приблизительно в два раза больше такой же области у женщин и геев⁴⁰.

Здесь возникают некоторые вопросы. Ле Вей и его коллеги не сумели измерить количество или плотность клеток исследуемых образцов из-за «сложности в точном определении нейронов в исследовавшейся области мозга, которая была названа INAH-3».

«Гомосексуальные» мужчины (5 из 19) и женщины (2 из 6) вроде бы имели такую же площадь поверхности мозга, как и гетеросексуальные мужчины. У трех из предполагаемых гетеросексуальных мужчин эта область мозга была на самом деле очень маленькой. Более того, источники этих данных очень сильно варьировались. Все геи в выборке умерли от

СПИДа, а эта болезнь, как известно, воздействует на мозг. Далее, ученые сохраняли все образцы мозгов гомосексуальных мужчин в растворе с более высоким процентом формальдегида из-за страха перед ВИЧ-инфекцией. При этом никто не контролировал воздействие формальдегида на органы. Возможно, то, что увидел Ле Вей, был результатом взаимодополняющего воздействия ВИЧ-инфекции и хранения в сильном формальдегидном растворе, оказавшего влияние на «посмертную» структуру мозга, а не различиями в структуре мозга между гомо- и гетеросексуалами. Недавняя попытка повторить его опыты провалилась, и один исследователь даже предположил, что «INAH-3» вовсе не обязательно определяет выбор мужчины или женщины в качестве партнера⁴¹.

Совсем недавно ученые обнаружили, что мозг транссексуального мужчины напоминает скорее мозг женщины, чем мозг гетеросексуального, «нормального» мужчины. Ученые Нидерландского института исследований мозга исследовали гипоталамус 42 мужчин и женщин, шестеро из них были транссексуалами, 9 — геями, а остальные считались гетеросексуалами.

61

И снова обнаружилось, что гипоталамус как у транссексуального мужчины, так и у женщины меньше размером, чем тот же орган у гетеросексуального или гомосексуального мужчины. Они тщательно избегали интерпретации своих открытий в терминах сексуальной ориентации, поскольку мозг гетеросексуального мужчины не отличался от мозга гомосексуального мужчины. Ученые использовали свое исследование для обозначения половых различий, поскольку транссексуальные мужчины были мужчинами, чувствовавшими себя женщинами. С другой стороны, меньший размер гипоталамуса мог оказаться результатом транссексуальной хирургии, поскольку огромное количество женских гормонов, получаемое мужчиной во время операции, может привести к уменьшению гипоталамуса. Ведь хирургия и гормоны всегда оказывают влияние на другие анатомические изменения (потерю лицевого и телесного волосяного покрова, рост груди и так далее)⁴².

А новые «данные» все возникают. Когда я пишу эту книгу, сделано очередное открытие о биологическом происхождении сексуальной ориентации. Так, один исследователь обнаружил, что звуки, якобы испускаемые внутренним ухом лесбиянки, «схожи с мужскими», так как у них «менее чувствительные усилители в улитке» по сравнению с гетеросексуальными женщинами. Очевидно, ухо гетеросексуальной женщины испускает более широкий диапазон звуков и, значит, как я могу предположить, настроено на более высокий звуковой уровень. Лично меня больше беспокоят звуки предрассудков и фальшивых различий, которые в наши уши влетают, нежели звуки, которые — как оказывается — нашими ушами «испускаются».

В поисках гей-гена

В еще одном исследовании биологи пытались выделить гей-ген и таким образом показать, что сексуальная ориентация обусловлена биологией. Например, исследование по парам монозиготных близнецов (близнецов, родившихся из одной оплодотворенной яйцеклетки, раздваивающейся в матке) дало основание предположить, что однояйцевые близнецы с большей статистической вероятностью будут обладать одинаковой сексуальностью (гомо- или гетеросексуальной), чем dizиготные близнецы (близнецы, рожденные из разных оплодотворенных яйцеклеток). Генетическое исследование, проведенное в 1940—

62

1950-х гг., охватывало восемьдесят пять пар близнецов. Все сорок пар монозиготных близнецов, фигурировавших в этом исследовании наряду с сорока пятью парами dizиготных, обладали одинаковой сексуальной ориентацией; если один близнец был гетеросексуальным, другой был таким же; если один близнец был гомосексуальным, то таким же был и другой. Данные были настолько безупречны, что впоследствии ученые сомневались в их валидности⁴³.

Позже Экерт и его коллеги обнаружили, что из пятидесяти пяти пар близнецов по крайней мере у пяти пар только один из близнецов является геем, а в шестой только один из близнецов оказывается бисексуальным. Бейли и Пиллард собрали данные о геях-близнецах и геях, имевших приемных братьев и проживавших с ними вместе в одной семье в возрасте до двух лет. 161 респодент был найден по объявлениям, помещенным в периодические издания для геев. Эта группа включала пятьдесят шесть монозиготных близнецов, пятьдесят четыре дизи-

готных близнеца и пятьдесят семь приемных братьев. После вопроса о сексуальной ориентации брата респондента у него спрашивали разрешения на встречу с ним. Для исследования были отобраны приблизительно три четверти отозвавшихся на объявление. Бейли и Пиллард обнаружили, что у 52% монозиготных пар, 22% dizиготных пар и 11% пар в приемных семьях оба брата-близнеца были гомосексуальными или бисексуальными⁴⁴. Такие результаты предполагают существование некоторой биологической основы для мужского полового контакта с другими мужчинами. Но при этом остается несколько вопросов. Исследование и выборку проводили среди самоидентифицированных гомосексуалов, а не среди близнецов. К тому же не было сделано независимой оценки окружающей среды, в которой росли эти мальчики. Возможно, Бейли и Пиллард всего лишь столкнулись с предрасполагающим характером самой окружающей среды, обусловившим получение одинаковых результатов среди близнецов. Наконец, биологическая предрасположенность должна бы выявлять себя чаще, чем только в половине случаев. Некоторые свидетельства дают основание полагать, что гомосексуальная ориентация формируется чаще в соответствующей семейной среде. Психиатр Ричард Пиллард и психолог Джеймс Вейнрич провели опрос пятидесяти гетеросексуальных мужчин и пятидесяти одного гомосексуального мужчины и их родных братьев. Только 4% гетеросексуальных

63

мужчин имели гомосексуального брата (тот же самый процент, как и в исследовании Кинси 1940-х гг.), в то время как приблизительно у 22% геев брат тоже был геем или бисексуальным мужчиной. «Это довольно сильное свидетельство того, что мужская гомосексуальность формируется в семье», — отметил Вейнрич, хотя не существует никаких признаков биологического или генетического происхождения этой взаимосвязи. Кстати, эта корреляция вообще отсутствует у женщин, поскольку у примерно одинакового числа сестер в обеих группах (гомо- и гетеросексуальной) сестра была лесбиянкой. Никто из геев и лесбиянок не упомянул, что его или ее родители были также гомосексуалами. Это тендерное расхождение дает возможность предположить, что здесь «работает» нечто большее, чем биология, и тендерная идентичность имеет больше отношения к неравенству, чем к генетике⁴⁵.

Эстроген и тестостерон: гормональная основа для гендерных различий

Половая дифференциация проходит наиболее критические фазы на двух стадиях жизненного пути человека: 1) эмбриональное развитие, когда генетическая наследственность в сочетании с биологическим развитием эмбриона определяет первичные половые характеристики плода — мужские или женские; 2) период полового созревания, когда происходит изменение тел мальчиков и девочек под влиянием потоков половых гормонов, вызывающих развитие всех вторичных половых характеристик. Развитие груди у девочек, изменение голоса и появление лицевых волос у мальчиков, рост лобковых волос у тех и других являются одними из наиболее очевидных знаков половой зрелости.

Каждой из этих двух стадий посвящено достаточно много биологических исследований, чтобы «составить карту» гормональной основы половой дифференциации. Большая часть этих исследований сосредоточена на связях между половыми гормонами и агрессией у юношей, между половыми гормонами и агрессией у женщин и на том, как нормальное гормональное развитие воздействует на развитие гендерной идентичности. В своих выводах на основе исследовательских данных социолог Стивен Голдберг пишет, что, так как «мужчины и женщины отличны в своих гормональных системах» и так как «каждое общество демонстрирует патриархат, мужское господство и мужские достижения», логич-

64

но заключить, что «именно гормональное различие превращает такие социальные отношения в неизбежность»⁴⁶.

Как здесь уже указывалось, Гешвинд и Бехан нашли, что в течение эмбрионального развития именно «тестостероновая ванночка», которую выделяют чуть более половины всех зародышей, начинает половую дифференциацию эмбриона в матке. (Все эмбрионы, как вы помните, начинают свое существование как «женские».) Гешвинд и Бехан также обнаружили, что эта «тестостероновая ванночка» выборочно атакует левое полушарие, и по этой причине у мужчин лучше развито правое полушарие. Но значение исследований гормонального развития эмбриона состоит в том, что секреция половых гормонов имеет решающее воздействие на

развитие гендерной идентичности и на выражения мужественности и женственности. Мы все слышали о спорах по поводу того, что тестостерон, мужской половой гормон, является не только движущей силой в развитии мужественности в мужчинах, но и биологической основой человеческой агрессии, что, в свою очередь, будто бы объясняет, почему мужчины более склонны к насилию, чем женщины. Мы должны помнить, что и женщины, и мужчины имеют и тестостерон, и эстроген, хотя, как правило, в весьма разных количествах. В среднем у мужчин уровень тестостерона в десять раз выше, чем у женщин, но диапазон уровней среди мужчин значительно варьируется, а у некоторых женщин уровень тестостерона выше, чем у некоторых мужчин.

Внешне эксперименты с тестостероном и агрессией кажутся убедительными. Мужчины обладают более высокими уровнями тестостерона и более высокими показателями агрессивного поведения. Более того, при увеличении уровня тестостерона у нормального мужчины уровень агрессивности увеличится. Кастрируйте мужчину — или, в крайнем случае, грызуна-самца вместо мужчины — и он полностью забудет про свое агрессивное поведение. Это приводит нас к выводам о том, что в тестостероне кроется причина агрессии, но нейробиолог из Стэнфордского университета Роберт Сапольски предостерегает против таких логических скачков. Он объясняет, что в группе из пяти обезьян-самцов существует иерархия подчинения с первого до пятого, и можно с высокой степенью уверенности предсказать, как каждый самец будет себя вести по отношению к остальным четырем. (Уровень тестостерона главного самца выше, чем у остальных четырех обезьян, и у каждой он тем ниже, чем ниже ее «место» в иерархии.) Самец номер три, например, будет драться с номером четыре и пять,

3 Тендерное общество

65

но избежит встречи и даже убежит от самца номер один или два. Если самцу под номером три в этой иерархии сделать массивное вливание тестостерона, то он с большой степенью вероятности станет агрессивнее, но только по отношению к четвертому и пятому самцам, и для них он будет просто мучителем. При этом он будет по-прежнему избегать первого и второго самцов, демонстрируя, что «тестостерон не вызывает агрессию, но увеличивает уже существующую»⁴⁷.

Оказывается, у тестостерона есть то, что ученые называют «разрешающим воздействием» на агрессию: он ее не вызывает, но управляет и запускает в действие уже существующую. Более того, тестостерон производится *в процессе* агрессии, так что корреляция между тестостероном и агрессией может на самом деле иметь противоположную направленность. В серьезной публикации «Тестостерон и социальная структура» Теодор Кемпер обращает внимание на несколько исследований, связывающих уровни тестостерона с мужским жизненным опытом. В исследованиях теннисистов, студентов-медиков, борцов, спортсменов, занимающихся водными видами спорта, парашютистов и кандидатов на пост чиновника выигрыш или проигрыш определяли уровень тестостерона у мужчины. Уровень тестостерона значительно возрастал у победителя, а у проигравшего снижался или оставался прежним. Кемпер предполагает, что уровень тестостерона меняется в зависимости от мужского опыта, будь то господство, «более высокое социальное положение, достигнутое в конкурентной борьбе с другими», или известность, когда высокий статус «заработан благодаря социально оцененному и одобренному достижению мужчины». Важно и то, что уровень тестостерона у мужчины до получения им опыта господства или известности не мог предсказать результат, поскольку именно опыт повышающегося статуса мужчины благодаря успеху вел к возрастанию уровня тестостерона. (Такой же опыт вел к возрастанию уровня тестостерона и у женщины.)⁴⁸

Большинство исследований по вопросам гормонов и тендерной идентичности строилось на основе уже заданных заранее предположений, т.е. исследования проводились в тех случаях, когда гормоны или не работали должным образом, или один биологический пол получал слишком много «неправильного» гормона. В известном исследовании эмбрионального гормонального развития Мани и Эрхардт писали о двух группах девочек; одна из них имела андрогенитальный синдром, с преобладанием мужских гормонов (андрогенов) уже в момент

66

рождения, а во вторую попали девочки, чьи матери в течение беременности употребляли прогестин. У всех двадцати пяти девочек были мужские гениталии, и они подверглись «кор-

ректирующим» операциям. Девочки из первой группы также постоянно получали кортизон, чтобы их надпочечники могли должным образом функционировать⁴⁹.

Результаты, полученные Мани и Эрхардт, оказались исключительно интересными. В рассказах девочек и их матерей чаще фигурировала модель поведения девчонки-сорванца. Им нравились активные дворовые игры и спорт, они предпочитали игрушечные автомобили и оружие куклам и отдавали приоритет не браку и семье, а своей будущей карьере. Однако они проявляли не больше агрессии или драчливости, чем другие девочки. Последующие исследования как будто подтверждали, что «пренатальный андроген является одним из факторов, способствующих развитию различий в темпераменте между полами и в пределах пола»⁵⁰.

Внешнее, однако, может оказаться обманчивым. Исследователь в области медицины Энн Фаусто-Стерлинг указывает на некоторые проблемы, делающие результаты исследования Эрхардт и ее коллег не столь убедительными, как это казалось сначала. Контроль в этих исследованиях был «недостаточным и несоответствующим», что пагубным образом воздействовало на их результаты. Кортизон является мощным препаратом. К тому же девочки с андрогенитальным синдромом подверглись калечащей операционной хирургии, включая клиторотомию, и не было дано никакой независимой оценки последствиям всех этих воздействий. Далее, Фаусто-Стерлинг назвала «метод сбора данных неадекватным», поскольку он был полностью основан на интервью с родителями и детьми, не включая беспристрастного прямого наблюдения за их поведением. Наконец, «авторы должным образом не исследуют альтернативные объяснения результатов своего исследования», например, такие, как родительские ожидания и их особый подход к своим «очень отличающимся» от других детям⁵¹.

В другой экспериментальной группе проводились исследования другой стороны уравнения — мальчиков, получивших дозы пренатального эстрогена выше средней нормы от матерей, чье лечение во время беременности включало прием эстрогена. Ялом, Грин и Фиск обнаружили, что мальчики, получившие «женские» гормоны в утробе матери, были менее активны и менее спортивны, чем другие мальчики. Однако в период младенчества и детства всех этих мальчиков их матери были

67

хронически и серьезно больны (фактор, отсутствующий в контрольной выборке нормальных мальчиков). Возможно, ребят просто предостерегали против громких и шумных игр в доме, чтобы не тревожить мать, и они, таким образом, научились довольствоваться спокойной игрой или чтением⁵².

Что касается отношения между женскими гормонами и поведением, то существуют исследования по предменструальному синдрому. В дни перед менструацией некоторые женщины выказывают признаки резких и непредсказуемых изменений настроения, склонны к вспышкам насилия, гнева и крику. Алек Коппен и Нейл Кессел провели исследование 465 женщин, и оказалось, что женщина более раздражительна и подавлена в предменструальной стадии, чем в период между менструациями. Поэтому такое поведение врачи стали маркировать как предменструальный синдром, чтобы определить характерные для него проблемы. В качестве болезни ПМС был внесен в специальный классификационный список для врачей (и страховых компаний). ПМС даже успешно использовали в качестве стратегии защиты женщин, привлеченных к суду из-за приступов агрессии. Две англичанки использовали ПМС для успешной защиты в суде по обвинению в убийствах их партнеров, утверждая, что ПМС является формой временного безумия.

Политика ПМС подобна политике тестостерона. Как заметил один врач, «если бы у вас были инвестиции в банке, вы бы не хотели, чтобы президент вашего банка предоставляла займы, находясь под влиянием разбушевавшихся гормонов в этот специфический период. Существуют чисто физические и психологические аспекты, которые ограничивают потенциал женщины». По счастью, ПМС длится лишь несколько дней в месяц, в то время как непредсказуемо высокий уровень тестостерона у мужчин может оставаться неизменным весь месяц. Может быть, в свете всего вышесказанного предполагаемые инвесторы банка пожелают пересмотреть свои инвестиционные стратегии. Или обратимся к наблюдению феминистки Глории Стайнем: «В дни перед менструальным периодом (дни ПМС) уровень

эстрогена женщины понижается до самой низкой точки в ежемесячном цикле. Таким образом, как раз перед менструацией женщины наиболее близки к мужчинам, чем в любом другом пункте своего цикла, по крайней мере гормонально!»⁵³ Тогда оказывается возможным единственно разумное и простое биологическое решение. Каждую корпорацию, правительственное учреждение и — особенно — военные операции должен возглавлять гей. Его уровень тестостерона, вероятно, окажется

68

достаточно низким и затормозит любой гормональный толчок к агрессии, и он также свободен от «бурных гормональных влияний» предменструального синдрома.

Гормоны и гомосексуальность

Исследования связи между гормонами и гомосексуальностью могли бы вести нас и в том направлении, куда мы политически предрасположены идти. Однако большинство исследований о связи между пренатальными гормонами и сексуальной ориентацией проводились как раз для противоположной политической повестки дня. На рубеже столетий многие теоретики придерживались точки зрения, что гомосексуалы являются «извращенцами», существами одного пола (их «истинного» пола), оказавшимися в ловушке телесности другого пола. Некоторые утверждали, что гомосексуальность «вызвана» внутриутробными гормональными несоответствиями. В результате появляются женоподобные мужчины, желающие вследствие этого мужчин, и мужеподобные женщины, желающие вследствие этого женщин. В 1970-х гг. немецкий исследователь Понтер Дорнер, директор Института экспериментальной эндокринологии Университета имени АГумбольдта (Берлин), и его коллеги утверждали, что низкий уровень тестостерона во время эмбрионального развития, т.е. довольно прохладная «гормональная ванночка», предрасполагает мужчину к гомосексуальности. Если крыса не получала достаточно половых гормонов во время внутриутробного развития, «что-то нарушалось в развитии ее нервных центров и позже в половом поведении», — писали об этом два журналиста. «Взрослые крысы начинали себя вести как крысы противоположного пола. Они ставились в каком-то смысле „гомосексуальными“»⁵⁴.

Такое исследование хорошо укладывалось в политическую повестку дня того времени, направленную против геев. Оно строилось на предположении, что мужская гомосексуальность является результатом недостаточного числа пренатальных мужских гормонов или неадекватной мужественности. Лечение гомосексуальности — возможно, даже излечение от гомосексуальности — могло достигаться просто путем введения высоких доз тестостерона таким мужчинам, чья «перезаряженная» мужественность преобразовала бы их в гетеросексуалов с более высокой сексуальной энергией. Когда исследователи предприняли такой эксперимент, то обнаружили, что мужская

69

сексуальная энергия действительно возрастала в результате инъекций тестостерона. Однако не изменялся объект желания мужчины — он всего лишь желал больше секса с мужчинами! Уровень гормона может повлиять на сексуальное желание и особенно на интенсивность или частоту сексуальной деятельности. Однако ни опытным путем, ни логически не удалось связать его с выбором сексуального объекта.

Может ли пренатальный стресс объяснять предрасположенность к гомосексуальности? В другой серии исследований Дорнер и его коллеги утверждали, что больше гомосексуальных мужчин рождается во время войны, чем в мирное время. В качестве доказательств своего заявления они использовали данные, что большая часть из 865 мужчин, проходивших лечение от венерических болезней в шести областях Германской Демократической Республики, родились между 1941 и 1947 гг. Ученые заметили, что пренатальный стресс вызывает «существенное снижение в плазменных уровнях тестостерона» у эмбриона крысы и это ведет к возрастающему бисексуальному и гомосексуальному поведению среди взрослых крыс. Почему бы и не среди людей? Как рассуждал Дорнер, война становится причиной стресса, который ведет к понижению андрогенов в мужских эмбрионах, а это поощряет развитие гомосексуальной ориентации. На основе этого умозаключения Дорнер пришел к выводу, что предотвращение войны «может частично предотвратить развитие половых отклонений»⁵⁵. (Возможно, это и так, но только потому, что в военное время мужчины оказываются вместе в

окопах, без женщин, и именно здесь они занимаются гомосексуальной деятельностью чаще, чем в мирное время³⁶.)

Даже если бы эти данные были убедительны, чисто эндокринологический подход вряд ли может считаться удовлетворительным. Можно, например, с легкостью выстроить и другую элементарную психодинамическую теорию. Например: в военное время дети, как правило, растут без отца или живут отдельно от других членов семьи. Если гомосексуальность действительно развивается чаще в военное время, было бы столь же разумным использовать это как «доказательство» некоторых психодинамических теорий гомосексуальности, например, теории отсутствующего отца или возникающих в результате этого особенно близких отношений между матерью и сыном.

Еще одно повествование в жанре «только так»? Возможно. Как и объяснения о совокупных уровнях тестостерона в течение военного времени. Эти аргументы не убеждают, но продолжают

70

оказывать существенное влияние на «здравый смысл» в наших объяснениях тендерных различий.

Половая зрелость и гормональные влияния: исследования гермафродитов

Одно из наиболее интригующих в гормональных исследованиях было проведено на гермафродитах. Здесь, в границах биологического пола, мы можем более отчетливо видеть процессы, часто слишком затрудненные для наблюдения в «нормальном» биологическом развитии человека.

Гермафродиты — это организмы, обладающие мужскими и женскими характеристиками. Истинные гермафродиты имеют или один яичник и одно яичко, или орган с обоими типами репродуктивной ткани. Такие гермафродиты чрезвычайно редки. Менее редкими являются те, чей биологический пол неясен⁵⁷.

Возьмем наиболее знаменитый случай: в двух относительно изолированных деревнях в Доминиканской Республике, казалось, было больше, чем обычно, случаев рождения генетически мужских гермафродитов, по крайней мере, в течение трех поколений. Младенцы рождались с внутренними мужскими структурами, но с половыми органами, напоминавшими клитор больше, чем пенис. Кроме того, семенники не опускались вообще, делая мошонку напоминающей половые губы и закрытую влагиалищную впадину. Подобные изменения были результатом чрезвычайно редкого дефицита такого фермента, как стероидная редуктаза альфа-5. Восемнадцать младенцев были воспитаны как девочки, и их изучением занималась команда исследователей из Корнеллского университета⁵⁸.

После относительно спокойного детства, в течение которого они играли и жили подобно другим маленьким девочкам, юность эти детей оказалась несколько более травмирующим опытом. У них не развивалась грудь, а в паху росла масса ткани, которая, как оказалось, была яичками в процессе созревания. По достижении половой зрелости их тела производили существенный объем тестостерона, менявшего их голос, развивающего мускульную массу и приводившего к появлению волос на лице. Внезапно эти юноши перестали походить на девочек! Все, кроме одного из них, перестроились и стали мужчинами. Одна решила остаться женщиной, желая выйти замуж и сделать операцию по изменению пола. (Еще один решил, что он мужчина,

71

но продолжал носить платья и вести себя по-женски.) Все другие успешно перестроились — они стали мужчинами, нашли типично мужские рабочие места (лесорубов, фермеров, шахтеров) и женились.

Императо-Макгинли и ее коллеги объяснили это явление как демонстрацию воздействия половых гормонов на тело в пренатальный период и во время полового созревания. Они утверждали, что пренатальная доза тестостерона создала «мужские» мозги, бездействовавшие в пределах неопределенных и физиологически женских тел. В течение полового созревания вторая секреция тестостерона активизировала их генетически заложенные мужские умственные способности, и поэтому мальчики сделали переход, избежав особо серьезной психологической травмы.

Они, однако, делали это не в одиночестве. Сельские жители их высмеивали, называя

guevadoches («яички в двенадцать лет») или machihembra («сначала женщина, потом мужчина»). Но после решения стать мужчинами соседи их ободряли, поддерживали и предлагали советы и подарки для облегчения перехода. Кроме того, можно утверждать, что у этих детей связь между ранним тендерным развитием и тендерными моделями в подростковом возрасте была закреплена слабее из-за их неоднозначного полового развития. После трех поколений таких детей сельские жители, возможно, поняли, что девочка не всегда развивается в женщину. Антрополог Гилберт Хердт утверждает, что такие «гендерно полиморфные» культуры имеют способность справляться с радикальными изменениями в тендере человека на протяжении его/ее жизненного цикла намного легче, чем «гендерно диморфные» культуры, как, например, американская, где мы ожидаем, что каждый будет или мужчиной, или женщиной в течение всей своей жизни⁵⁹. Можно спросить, что же происходит, когда оказывается, что маленький мальчик был девочкой, и поэтому от него ожидается переход в состояние взрослой женщины? Кто хотел бы остаться девочкой, если есть возможность продолжать жить в качестве мальчика, особенно в культуре, в которой оба пола исключительно дифференцированы и мужчины имеют привилегии, которых нет у женщин? Был бы для мальчика переход в бытие девочки таким же легким?

Данные недавнего опроса предлагают несколько иную интерпретацию. Учащихся начальных классов в средних школах штатов Мичиган, Висконсин, Миннесота, Северная и Южная Дакота спрашивали, что он или она сделает, если на следующее утро проснется человеком другого пола. Девочки некоторое

72

время думали над ответом, потом скромно выражали свое разочарование и затем рассказывали о том, что сделали бы, превратившись в мальчика. Стала бы доктором, пожарником, полицейским или игроком в бейсбол — таков был типичный ответ. Мальчики, наоборот, даже не думали, прежде чем дать ответ. «Покончил бы собой» — была стандартная реакция на возможность жить как девочка⁶⁰.

Политика биологического эссенциализма

Биологические аргументы о происхождении половых различий обычно были связаны с политическим консерватизмом, так как предполагали, что социальные отношения между женщинами и мужчинами, включая социальную, экономическую и политическую половую дискриминацию, — неизбежный результат действия законов природы, проявляющих себя своими таинственными способами. Политический процесс законодательных реформ для изменения гендерного порядка общества, движения за гражданские права для женщин или в защиту прав геев и лесбиянок всегда сталкивались с биологическим эссенциализмом: не шутите с матушкой-природой! Джеймс Добсон, бывший преподаватель педиатрии и основатель правой политической группы «Внимание — семья!», выразился достаточно резко: «Я думаю, что вмешательство в отточенные временем отношения мужа, любящего защитника, и жены, нуждающейся в такой защите, является ошибкой... Два капитана топят судно, два повара портят бульон. Я думаю, что семья должна иметь лидера, решения которого преобладают, когда мнения в семье расходятся. Эта роль предназначена в доме только мужчине»⁶¹.

Социолога также заскочили в фургончик с оркестром из биологов. Например, социолог Стивен Голдберг в книге «Неизбежность патриархата» утверждает, что, так как мужское доминирование является вездесущим и вечным, оно просто обязано иметь биологическое происхождение. Существует слишком много совпадений, чтобы доминирование могло быть только социальным явлением. Феминизм, как утверждает Голдберг, воюет с природой: «Женщины следуют собственным физиологическим императивам... В этом и любом другом обществе [мужчины] обращаются к женщинам за мягкостью, добротой и любовью, ищут убежища от мира боли и силы... В каждом обществе основным мужским побуждением является чувство, что женщин и детей

73

необходимо защищать... Феминистка не может иметь все это одновременно: если она желает жертвовать всем этим, то получит взамен единственное право — иметь дело с мужчинами на их условиях. И она проиграет»⁶².

Такая политическая идеология предполагает, что неравные социальные отношения в

конечном счете predeterminedены природой.

Но используемые для этого данные, иногда внушительные, но чаще сомнительные, далеко не убеждают. Если мужское доминирование естественно и строится на биологических императивах, то почему, спрашивает социолог Синтия Фукс Эпстейн, оно должно быть связано с принуждением, охраняться законами, традициями, обычаями, почему возникает постоянная угроза насилия над любой женщиной, посмевшей пересечь разделительную линию? И почему женщины так стремятся войти в мужские сферы, как, например, колледжи и университеты, политика и рынок труда, высококвалифицированные профессии и армия, для которых они являются явно биологически неподходящими?

Как ни странно, за прошлое десятилетие к консерваторам, утверждающим, что биология объясняет и половые различия, и различия в сексуальности, присоединились некоторые женщины, геи и лесбиянки, предложившие свои собственные формы эссенциализма. Некоторые феминистки, например, утверждают, что женщины должны довольствоваться «интуитивными и эмоциональными качествами, данными женщинам через их развитое правое полушарие, в противоположность слишком заикленному на познании левому полушарию, определяющему „мужскую природу“»⁶³. Часто феминистский эссенциализм апеллирует не к эволюции, структуре мозга или химии, а использует женский опыт материнства для описания фундаментальных и непреодолимых различий между полами. Социолог Алиса Росси утверждает, что благодаря своей телесности «женщины лучше приспособлены для того, чтобы понимать выражения лица младенца, мягкость движений их тела обеспечивает

64

нии с крошечным существом» .

Точно также исследования биологических основ гомосексуальности предполагают возникновение маловероятных, но возможных новых политических союзников и резкое изменение позиций. Изучение мозга гомосексуалов, возможно, и пролило немного света на этиологию сексуальной ориентации, но гораздо сильнее сказалось на подъеме политической температуры.

74

В некотором смысле продвижение эссенциализма геев — это политическая стратегия для нормализации гомосексуальности. «Все указывает на то, что гей является таковым по своей природе, — говорит Роберт Брей, директор по связям с общественностью Специальной национальной комиссии по вопросам гомосексуалистов и лесбиянок. — Это шокирует людей, которые выступают против прав геев и думают, что мы не заслуживаем прав, потому что просто сами выбрали такой образ жизни». Майкл Бейли и Ричард Пиллард, авторы исследования геев-близнецов, писали в «Нью-Йорк тайме», что «биологическое объяснение — хорошие новости для гомосексуалов и их защитников». «Если действительно гомосексуалами рождаются, то эта информация поможет противостоять враждебности, против которой геи должны были бороться многие столетия», — пишут они в статье, аннотация к которой была помещена на обложке журнала «Ньюсуик». Такое понимание «свело бы гомосексуальность к чему-то вроде проблемы левши, и не более того», — прокомментировал ее гей, журналист и писатель Рэнди Шилц. И Саймон Ле Вей, по поводу работы которого недавно вспыхнули дебаты, также надеется, что гомофобия рассеется в результате этого исследования, поскольку оно подрывает предубеждение о неестественности гомосексуального поведения. Геи станут «всего лишь другим меньшинством», всего лишь другой этнической группой, с идентичностью, основанной на врожденных характеристиках⁶⁵.

Другие в этом менее убеждены. Гей и историк Джон д'Эми-лио задался вопросом, действительно ли «мы готовы участвовать в борьбе за реальную власть, находясь на позициях: ну что же я могу с этим поделать?»⁶⁶ К тому же стремление к «натурализации» сексуальности может быть использовано в качестве предлога для политического подавления теми же самыми силами, против которых это стремление направлено. Те, кто выступает против геев, могут указать на дефект в их мозговом развитии и предложить возможное вмешательство на пренатальной стадии для предотвращения дефекта и дальнейшее послеродовое «лечение» ребенка. Заголовок в журнале «Вашингтон тайме» об исследовании Ле Вей гласил: «Ученые связывают мозговые аномалии с гомосексуальностью». Ле Вей сам признает эту опасность в

своем комментарии, указывая, что «отрицательная сторона этих данных состоит в том, что, говоря о неизменных характеристиках, возможно их интерпретировать как дефект или врожденное нарушение. Так ведь можно договориться до того, что быть геем — все равно, что

75

иметь фиброзную кисту или еще что-то, что необходимо уничтожить или исправить уже в утробе». И сразу после его комментария Джеймс Уотсон, получивший Нобелевскую премию за открытие двойной геновой спирали, предложил, чтобы женщина, в плоде которой обнаружен ген гомосексуальности, имела право прервать беременность. «Если вы можете обнаружить ген, отвечающий за сексуальность, и женщина считает, что не хочет гомосексуального ребенка, ну, в общем, ей надо это разрешить», — сказал ученый в интервью.

Все эти дебаты игнорируют то, что мы могли бы назвать *социологией* гей-эссенциализма, то есть способы, благодаря которым тендер остается организующим принципом гомосексуальной «эссенции». Сначала обратим внимание на то, как эссенциалисты связывают гомосексуальность с тендерной инверсией: как будто *женщины* являются той самой контрольной «точкой», относительно которой необходимо выстраивать оценку и геев, и гетеросексуальных мужчин. Геи, оказывается, имеют «женские» мозговые структуры и, таким образом, превращаются в гермафродитов — женские мозги в мужских телах, — становясь своего рода неврологическим третьим полом. Но если геи и женщины обладают одинаковым строением мозга, то процитированный выше заголовок в «Вашингтон тайме» мог бы с большим основанием проблематизировать как раз гетеросексуальных мужчин как количественное меньшинство, как девиантную группу с мозговыми отклонениями.

Не менее важным является и то, что эти исследования игнорируют социальную организацию геев — кто, что, где, когда, как и в какой степени управляется тендерными нормами. В своей сексуальной жизни, количестве сексуальных контактов и их разнообразии геи и лесбиянки являются больше тендерными *конформистами*, чем *нонконформистами*. Сексуальность гея поразительно походила бы на мужскую сексуальность, если бы не непредвиденный тендерный «штрих» вето в выборе сексуального объекта. Независимо от сексуальной ориентации, фактически все исследования сексуальности приводят к одному заключению — тендер, а не сексуальная ориентация, является принципом организации сексуального поведения. Геи и гетеросексуальные мужчины ищут мужской секс; и для них секс — подтверждение мужественности. Гетеросексуальные женщины и лесбиянки испытывают женский секс; секс для них — подтверждение женственности⁶⁷.

Тендерная организация сексуальности также многое объясняет тем, кто в нее верит. Недавние опросы показали, что муж-

76

чины-геи главным образом полагают, что их гомосексуальность является естественной, биологической и врожденной. Лесбиянки более склонны полагать, что их гомосексуальность социально сформирована⁶⁸. Геи склонны к эссенциалистским объяснениям своей гомосексуальности, поскольку, как утверждает социолог Вера Висман, тендерная привилегия дает им возможность доступа к более высоким статусным позициям, если их гомосексуальность оказывается биологической. Они тогда могут требовать своего «законного» (читайте: мужского) статуса. Сексуальность лесбиянок рассматривается ими самими как более социально и исторически изменчивая идентичность, потому что лесбиянка оказывается дважды маргинализирована, как в своей сексуальности, так и в своей гендерной идентичности, которая часто, но не всегда обусловлена идеологической связью с феминизмом. Лесбиянка-феминистка Шарлотта Банч считает:

«Когда женщина идентифицирует себя как лесбиянку — это больше, чем сексуальное предпочтение, это политический выбор. Политический потому, что отношения между мужчинами и женщинами являются чрезвычайно политическими, они включают в себя отношения власти и господства. Так как лесбиянка активно отвергает такие отношения и выбирает женщин, она бросает вызов установленной политической системе»⁶⁹.

Для лесбиянок сексуальное поведение подразумевает политическое заявление о своем существовании вне господствующих тенденций; геи же рассматривают свое сексуальное поведение как врожденное свойство, которое можно преодолеть, если не обращать на него

внимания.

Заключение

Биологические исследования оказывают существенное влияние на наши взгляды по двум фундаментальным вопросам тендерных исследований: *о различиях* между женщинами и мужчинами и гендерно сформированных *неравенствах*, очевидных в нашей социальной жизни. Но с точки зрения социолога, они отбрасывают нас назад. Врожденные тендерные различия автоматически не производят очевидных социальных, политических и экономических неравенств, наблюдаемых в современном обществе. Фактически происходит обратное: тендерное неравенство через какое-то время костенеет и переходит в заметные различия в поведении, ценностях и чертах характера индивида. Если человека долго держат в темной комнате и

затем внезапно

77
включают свет, то, приспособляясь к свету, человек испытывает трудности. Неужели вы сделаете в этом случае заключение, что у этого человека есть генетически обусловленные аномалии зрения по сравнению с теми, кто все время живет при свете?

Есть много проблем с исследованиями биологических основ тендерного различия, и возникает все больше проблем с экстраполяцией этих различий на социальный мир тендерного неравенства. Посмотрите на то, что мы могли бы назвать антропоморфной гиперболой.

Нейробиолог Саймон Ле Вей пишет, что «гены требуют своего удовлетворения»⁷⁰. Что мы можем вывести из такого очевидно ложного заявления? Гены «не требуют» ничего. И о каких именно генах он говорит? Некоторые гены просто управляют такими с виду незначительными и неинтересными вещами, как цвет глаз или способность различать сладкий и кислый вкус.

Другие гены ждут терпеливо в течение многих десятилетий, пока не придет их время проинструктировать волосы мужчины, что уже пора начинать выпадать. Еще какие-то виды генов настолько нетребовательны, что могут терпеливо ждать несколько поколений, пока не найдут своего рецессивного напарника, который позволит им, после многократных попыток, наконец, воспроизвестись. Гены могут играть роль в сексуальном поведении видов или даже индивидуальных представителей любого конкретного вида, но они делают это только через взаимодействие индивида с его или ее окружающей средой. Они, видимо, не могут управлять никаким конкретным решением, сделанным определенным индивидом в определенное время. С кем вы решаете провести ночь в этот уикэнд — или даже с кем вы ее *действительно проведете* — все это определяется вами, а не вашими генами.

Другой проблемой биологических исследований является постоянное казуальное допущение того, что причинная обусловленность всегда идет от физиологии к психологии. Если вы обнаруживаете корреляцию между двумя переменными, она еще не позволяет судить о причинной направленности этой связи. Биолог Рут Хаббард утверждает:

«Если общество одевает половину своих детей в короткие юбки и не велит им двигаться так, чтобы были видны трусики, а другую половину — в джинсы и комбинезон, поддерживая их желание лазать на деревья, играть в мяч и другие активные дворовые игры; если позже, в юности, детей, которые носили брюки, убеждают, что „растущему мальчишке надо много есть“, в то время как дети в юбках предупреждены, что надо следить за весом и не толстеть; если половина в джинсах

78

бегают в кроссовках или ботинках, в то время как половина в юбках ковыляет на шпильках, то эти две группы людей будут различаться не только социально, но и биологически»⁷¹!

Мы знаем, таким образом, что *не можем* говорить о биологической основе тендерного различия и тендерного неравенства. Но что мы *можем* сказать? Мы можем сказать, что биологические различия обеспечивают сырье, из которого мы начинаем создавать наши идентичности в рамках культуры и общества. «Биологическая сексуальность — необходимое предварительное условие для человеческой сексуальности, — пишет историк Роберт Падгуг. — Но биологическая сексуальность — только предварительное условие, набор потенциальных возможностей, который всегда бывает опосредован реалиями жизни человека и трансформируется в качественно новых формах в человеческом обществе»⁷².

В заключении к своему мощному обвинительному акту против социал-дарвинизма, изданному

в 1944 г., выдающийся историк Ричард Хофстедтер указал, что биологические идеи вроде выживания самых приспособленных, «независимо от их сомнительной ценности в естествознании, являются совершенно бесполезными в нашем желании понять общество. Хотя жизнь человека в обществе — это, в том числе, и биологический факт, но человек имеет характеристики, не сводимые к биологии, которые необходимо объяснять посредством культурного анализа. Физическое благосостояние людей является результатом их социальной организации, а не наоборот; социальные усовершенствования являются результатом прогресса в технологии и социальной организации, а не размножения или селективного отбора. Суждения относительно ценности соперничества между людьми, организациями или нациями должины базироваться на социальных, а не якобы биологических умозаключениях...»⁷³ Ученые должны все же обнаружить ген, несущий ответственность за веру в приоритет природы над воспитанием; еще не ясно, какая половина мозга уничтожает свидетельства культурных или индивидуальных отклонений от эволюционных императивов. Может быть, человеческое легкоеверие в псевдонаучные объяснения заложено в определенной хромосоме? Специалисты по социальным, биологическим, поведенческим наукам продолжают не соглашаться друг с другом, поскольку ищут источники человеческого поведения. Но все они должны признать, что люди в различных культурах ведут себя по-разному к тому даже схожие модели поведения могут означать разные вещи в различных контекстах.

79

Американцы, кажется, отчаянно хотят верить, что различия между женщинами и мужчинами существенны и что эти различия можно свести к их биологическому происхождению. Недавняя статья, аннотация которой дана на обложке журнала «Ньюсуик», обещала дать ответ на вопрос «Почему мужчины и женщины думают по-разному?», хотя на самом деле она, при всей проблематичности представленных данных, завершилась словами: «Исследования покажут, что наши идентичности мужчин и женщин — это создание и природы, и воспитания. Независимо от того, что с нами делает природа, только мы сами — наши решения, наше чувство идентичности, наш жизненный опыт — определяем то, чем мы являемся»⁷⁴. Как мы делаем это, как создаем идентичности из нашего опыта, как понимаем наши жизненные впечатления и решения, которые мы принимаем, — все это область социальных наук, которые стараются исследовать замечательное разнообразие человеческого опыта. Биологические исследования могут предложить нам основные строительные блоки, на которых будут базироваться опыт и идентичность, но только в рамках наших культур, наших обществ и наших семей эти строительные блоки собираются в удивительно разнообразную архитектуру нашей жизни.

Глава 3

Охватывая мир. Межкультурные конструкции тендера

Нет лучшей проверки цивилизации, чем состояние той половины общества, над которой другая половина имеет власть.

Гарриет Мартына

Биологические модели предполагают, что пол определяет тендер и что врожденные биологические различия ведут к различиям в поведении мужчин и женщин, определяющим социальное устройство общества. В такой версии социальное неравенство заложено в нашей физиологии, и вариации можно объяснить лишь биологическими аномалиями. Но факты говорят о другом. Когда детей, подобно доминиканским псевдогермафродитам, воспитывают как другой *гендер*, они способны легко «перейти» и в другой *пол*. И как же объяснить значительные различия в определениях мужественности и женственности во всем мире? И почему некоторые общества демонстрируют намного более высокий уровень тендерного неравенства, чем другие? На эти вопросы приверженцы биологической теории не отвечают. К тому же биология — это наука с собственными предубеждениями, хотя чаще всего их трудно обнаружить. Некоторые антропологи утверждают, что биологические модели спроецировали современные западные ценности на другие культуры. Подобное проецирование привело таких эволюционистов, как Стивен Голдберг, к игнорированию роли женщин и роли

колониализма в формировании тендерных различий в традиционных культурах. Антропологи, например Карен Сакс, утверждают следующее: биологи всегда предполагали, что тендерные различия подразумевают тендерное *неравенство*, так как западные понятия различия действительно приводят к реальному неравенству и его оправдывают. Другими словами, тендерное различие возникает *в результате* тендерного неравенства, а не наоборот¹. Антропологические исследования различного понимания тендера в разных культурах отчасти возникли в ответ на такую

81

логику биологического детерминизма. Чем больше мы узнавали о других культурах, тем больше оказывалось разных моделей тендерного устройства культур. Мир эволюции и этнографии предлагает нам удивительное разнообразие способов культурного конструирования тендера. Некоторые темы при этом действительно остаются постоянными. Фактически для всех обществ характерно какое-то различие между женщинами и мужчинами, и фактически во всех обществах существуют какие-то формы мужского доминирования, несмотря на различия в определении тендера. Поэтому антропологи также пытались исследовать связь между почти универсально представленными тендерными различиями и тендерным неравенством. Одни занимались поисками тех немногих обществ, в которых женщины держат власть в своих руках, другие же исследовали ритуалы, верования, обычаи и практики, которые ведут к большему или меньшему неравенству.

Вариации в определении тендера

Начиная свои исследования культурного ландшафта, антропологи обнаружили, что определения мужественности и женственности гораздо больше подвержены изменчивости, чем думают биологи. Мужчины обладают относительно одинаковым уровнем тестостерона, одинаковой структурой мозга и специализацией полушарий, но они при этом проявляют совершенно разные уровни агрессии, насилия, и особенно агрессии по отношению к женщинам. Женщины с одинаковыми мозгами, гормонами и якобы одинаковыми эволюционными императивами демонстрируют очень разнообразные примеры пассивности, предменструального синдрома и пространственной координации. Одним из наиболее знаменитых антропологов, изучавших эти различия, была Маргарет Мид. Ее исследование культур южной части Тихого океана (острова Самоа, Полинезия, Индонезия) остается, несмотря на некоторую существенную его критику, примером академически высокого уровня, четкой аргументации и важных идей. Для Мид было очевидно, что половые различия не являются «чем-то глубоко биологическим», а скорее оказываются результатом обучения, в свою очередь составляющего часть идеологии, увековечивающей половые различия. Она пишет следующее:

«Я предположила, что произошла социальная специализация некоторых свойств и черт человека, так что одни установ-

82

ки и формы поведения стали предписываться одному полу, а другие — другому. Эта социальная специализация получила затем рациональное объяснение в теории, в которой социально установленное поведение было объявлено естественным для одного пола и неестественным для другого, и отклоняющийся от нормы человек стал считаться таковым из-за нарушения в развитии желез или несчастного случая в процессе развития?».

В книге «Пол и темперамент в трех примитивных обществах» (1935) Мид исследовала различия в определениях тендера. В нескольких других книгах, как, например, «Мужское и женское» (1949) и «Взросление на Самоа» (1928), она рассматривала процессы становления мужчиной и женщиной согласно предписаниям культур, к которым они принадлежат. О чем бы Мид ни писала, она имела в виду и Соединенные Штаты. Проводя скрытые сравнения между нашей собственной и другими культурами, она опровергала домыслы о том, что те отношения, которые мы наблюдаем в Соединенных Штатах, «естественны» и не могут быть изменены.

В работе «Пол и темперамент» Мид бросила прямой вызов утверждениям о биологической неизбежности тендерных различий. В своем исследовании трех очень разных культур в Новой Гвинее она стремилась продемонстрировать огромные культурные вариации в определениях мужественности и женственности, чтобы американцы тем самым смогли лучше понять и

культурное происхождение, и текучесть собственных идей о тендерных различиях. Первые две культуры показали значительное сходство между женщинами и мужчинами. В организации индивидуальных различий мужественность и женственность отсутствовали как категории. Женщины и мужчины не были «противоположными» полами. Например, все представители культуры арапешей выглядели кроткими, пассивными и сердечными. Мужчины и женщины были в равной степени «счастливыми, доверчивыми, уверенными» людьми, без особого проявления индивидуализма. Они вместе занимались воспитанием детей; оба пола были склонны к «материнскому» поведению; причем и мужчины, и женщины препятствовали проявлениям агрессивного поведения среди мальчиков и девочек. И мужчины, и женщины были в относительно равной степени сексуальны, хотя их сексуальные отношения были скорее «домашними» и «неромантичными», их трудно было назвать страстными. Хотя встречались случаи инфантицида младенцев-девочек и мужского многобрачия, брак в этой культуре был полон «спокойствия и равновесия». Мид, таким образом,

83

объявила ее политические установления «утопическими». Вот как она кратко обрисовала жизнь человека племени арапешей:

«Спокойное сотрудничество безо всяких событий, пение на прохладном рассвете, пение и смех вечером, когда сидящие мужчины с удовольствием играют самим себе на ручных барабанах, а женщины кормят грудью младенцев, когда девочки легкой походкой устремляются к центру деревни, и у них походка тех, кого все лелеют и о ком все заботятся»³.

Наоборот, в племени мундугуморов, охотников за человеческими головами и каннибалов, все должны были быть одинаково агрессивными и сильными. У женщин «материнский инстинкт» проявлялся слабо. Они терпеть не могли беременность и уход за детьми и с нетерпением ждали возвращения к серьезной работе и войне. «У женщин мундугуморов активная неприязнь к вынашиванию ребенка, и они не любят детей, — пишет Мид. — Мать несет ребенка в жесткой закрытой корзине, царапающей детскую кожу, высоко на плечах и далеко от груди». Среди мундугуморов существовала сильная конкуренция между отцами и сыновьями (инфантицидов мальчиков было больше, чем девочек), и каждый опасался подлости от другого. Весьма богатое (в том числе и благодаря методам контроля над рождаемостью) племя мундугуморов состояло из людей «склонных к насилию, конкурентоспособных, агрессивно-сексуальных, ревнивых, готовых заметить оскорбление и за него отомстить, наслаждающихся хвастовством, действием, борьбой»⁴.

Таким образом, в обоих этих племенах — при всех исключительных различиях в племенных культурах — тендерных различий не существовало. Мид писала и о третьей культуре — племени чамбули, в котором, как и в Соединенных Штатах, женщин и мужчин рассматривали как исключительно различные существа. Это племя представляло собой патрилинейную культуру, в которой было принято многоженство. Здесь только люди одного пола занимались воспитанием детей, сплетнями, нарядами и покупками. Они завивали волосы и носили много драгоценностей, и Мид описывала их как «очаровательных, изящных, кокетливых». Они, кстати, были мужчинами, и эти мужчины ничего так не любили, как «демонстрировать все великолепие своих украшений из перьев и раковин и проводить дни, наслаждаясь покупками». Доминировали здесь энергичные женщины, обеспечивавшие благосостояние семей. Именно они ловили рыбу, а от рыбной ловли зависела вся культура, именно им «принадлежали реальные позиции власти в этом обществе». Не нося ни единого украшения, они действовали эффективно

84

и деловито, управляя торговлей и дипломатией племени. Они же выступали инициаторами сексуальных отношений. Мид обращает внимание на то, что чамбули — единственная культура, которую она когда-либо видела, «где девочки десяти-одиннадцати лет более интеллектуальны и инициативны, чем мальчики в этом возрасте». По ее словам, «то, что женщины подумают, что женщины скажут, что женщины сделают, непосредственно отражается всезнании каждого мужчины племени, в то время как он занят налаживанием неопределенных и необязательных отношений с другими мужчинами». И наоборот — «женщины являются сплоченной группой — не склонной к соперничеству, оживленной,

заботливой и жизнерадостной»⁵.

Мид обнаружила, что в двух культурах женщин и мужчин воспринимали как сходных между собой людей, а в третьей культуре они решительным образом отличались друг от друга, но играли роли, противоположные тем, которые приняты в привычной нам модели. Каждая культура, конечно, считала, что мужчины и женщины были именно такими, какими их *определил* биологический пол. Ни одна из них не видела в своих мужчинах и женщинах «продукт» экономического дефицита, военного успеха или культурной модели.

Мид убеждала своих читателей «признать, что как мужчин, так и женщин можно формировать как по единой, так и по разным моделям»⁶. Она продемонстрировала, что женщины и мужчины *способны* обладать как одинаковыми, так и различными типами темперамента, но не смогла адекватно объяснить, *почему* женщины и мужчины оказываются или различными, или одинаковыми. Каковы детерминанты женского и мужского опытов? Не смогла она также объяснить и того, почему мужское доминирование остается почти универсальным, несмотря на эти три исключения. Этими вопросами задались другие антропологи.

Центральная роль гендерного разделения труда

Почти в каждом обществе рабочая сила разделена по тендерному принципу (как и по возрастному). Некоторые задачи отданы женщинам, другие — мужчинам. Чем же объяснить такое тендерное разделение рабочей силы, если не какими-то биологическими императивами? Одна школа мысли — функционализм — утверждает, что разделение рабочей силы по половому признаку было необхо-

85

димо для сохранения общества. С постепенным усложнением общества возникла потребность в двух видах рабочей силы: для охоты и для собирательства. Функционалисты расходятся в том, имело ли это разделение рабочей силы *моральный* компонент, то есть более высокую ценность труда одного пола в сравнении с трудом противоположного. Но при этом все согласны, что разделение рабочей силы по половому признаку являлось функционально необходимым для этих обществ. Данная модель предполагает, что, так как разделение рабочей силы по половому признаку однажды возникло в ответ на определенные социальные потребности, сохранение такого разделения становится эволюционным императивом или, по крайней мере, социальным установлением, к которому не стоит относиться с пренебрежением и просто так отбрасывать.

С другой стороны, поскольку разделение рабочей силы по половому признаку сложилось исторически, этот процесс не является биологической неизбежностью — общества подвергались изменениям и продолжают изменяться. «Вероятно, половое разделение труда в том виде, в каком оно нам сегодня известно, сложилось в истории человеческой цивилизации совсем недавно», — пишет антрополог Эдриен Зильман⁷. Более того, это разделение демонстрирует намного больше вариаций, чем мы можем предположить. В некоторых культурах женщины строят дома; в других они занимаются кулинарией. В большинстве культур женщины несут ответственность за воспитание детей. Но не все и не всегда. В некоторых культурах разделение труда и рабочей силы является абсолютно асимметричным и жестко закрепленным за обоими полами; в других оно более гибкое и подвижное. Сегодня разделение рабочей силы по половому признаку является функциональным анахронизмом, поскольку биологические обоснования приписывания определенных видов деятельности только мужчинам или только женщинам во многом размыты. Однако за этими обоснованиями стоят столетия социальных обычаев и традиций, которые все еще продолжают влиять на наши тендерные идеологии в смысле того, что положено делать одному полу и не положено другому. Разделение труда по половому признаку стало частью нашей культуры, но не физиологии человека.

Фактически физиология человека сейчас в меньшей мере обуславливает распределение видов деятельности и выбор профессиональной карьеры. Но похоже на то, что чем меньше значения имеют реальные физические различия, тем больше на них возлагается идеологической нагрузки. Например, муж-

86

чинам уже совсем не надо быть физически сильными, чтобы обеспечить власть и

доминирование. Наиболее мускулистые мужчины реально появляются на выступлениях культуристов и соревнованиях по боди-билдингу, но они производят не больше физической работы, чем обычный мужчина в семье среднего класса из пригорода, занятый стрижкой газона или расчисткой его от снега. Что касается женщин, то технологии планирования семьи и сексуальная автономия — контрацептивные технологии, право на аборт и система институтов по уходу за ребенком — освободили их от сосредоточения исключительно на материнских обязанностях и позволили им войти в публичную сферу.

Добившись своего освобождения, женщины стали присутствовать в публичной сфере повсеместно. Столетие назад женщины проводили кампанию за право войти в классную комнату колледжа, за право на профессию, за право голосовать, за право работать. Позже даже армия и военные школы открыли свои двери женщинам (последние — по решению суда). Сегодня существует очень немного занятий, в которых по своим *биологическим* признакам необходимы только женщины или только мужчины. Какие занятия, которые *биологически* способны выполнять только женщины или только мужчины, вы сможете назвать? Я пока могу придумать только три: для женщин — кормилица и суррогатная мать; для мужчин — профессиональный донор спермы. Нельзя сказать, чтобы эти варианты выбора карьеры были очень распространенными. Если разделение рабочей силы по половому признаку пережило и свою социальную полезность, и физиологические императивы, оно должно сохраняться за счет кое-чего другого: власти одного пола над другим. Откуда возникла эта власть? Как она развивалась? Как изменяется от культуры к культуре? Какие факторы способствуют ее укреплению, какие ослабляют? На все эти вопросы антропологи тоже пытались найти ответы.

Теории гендерной дифференциации и мужского доминирования

Некоторые теоретики пробовали объяснить разделение рабочей силы по половому признаку и гендерное неравенство воздействием мощных структурных сил, преобразующих организационные принципы общества. Например, в конце XIX в. Фридрих Энгельс использовал идеи, разработанные совместно с Карлом Марксом, для анализа центральной роли частной

87

собственности в формировании разделения труда по полу. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс предположил, что все три главных института современного западного общества — капиталистическая экономика, национальное государство и нуклеарная семья — появились практически в один исторический момент в результате развития частной собственности. До этого, утверждал он, семьи были организованы по общинному принципу, подразумевавшему групповой брак, равенство полов и половое разделение труда безо всяких моральных или политических вознаграждений мужчинам или женщинам. Рождение капиталистической экономики создавало богатство, мобильное и передаваемое, в отличие от земли, которая всегда остается на том же самом месте. Капитализм означал частную собственность, которая требовала учреждения определенных и четких линий наследования. Это требование вело, в свою очередь, к новым проблемам половой верности. Если мужчина хотел передать свою собственность сыну, он должен был убедиться, что сын рожден действительно от него. Как он мог знать это при общинном групповом браке докапиталистической семьи?

Благодаря потребности передать наследство через поколения от мужчины к мужчине появилась нуклеарная семья, с моногамным браком и половым контролем мужчин над женщинами. А чтобы наследование осуществлялось на стабильной основе, новые патриархи должны были выработать четко сформулированные и обязательные, строго предписанные к выполнению законы, позволяющие им передавать наследство сыновьям без постороннего вмешательства. Потребовался централизованный политический аппарат (национальное государство) для осуществления нового суверенитета над местными и региональными властями, способный бросить им вызов⁸.

Современные антропологи продолжили работу в русле этой традиции. Например, Элеонор Ликок утверждает, что до возникновения частной собственности и социальных классов к женщинам и мужчинам относились как к автономным индивидам, которые занимали разные позиции, но требовали равного уважения. «Если взглянуть на диапазон решений, принимавшихся женщинами, — пишет Ликок, — то очевидно видна их автономная и

общественная роль в публичной сфере. Их статус не был в буквальном смысле „равен“ мужскому, но они были тем, кем были: личностями со своими собственными правами и обязанностями, которые дополняли мужские, но ни в коем случае не были по отношению к ним вторичными». В своей этнографической работе о культурах полуострова Лабрадор Ликок показывает резкое изменение прежнего состояния независимости женщин после начала торговли мехами. Введение торговой экономики превратило влиятельных женщин в домашних жен. Это еще один пример того, как гендерное неравенство, возникшее в результате экономических изменений, приводит к увеличению различий в значениях мужественности и женственности⁹.

Карен Сакс исследовала четыре африканских культуры и обнаружила, что введение рыночной экономики сдвинуло достаточно эгалитарные роли мужчин и женщин в сторону мужского господства. Пока культура занималась производством товаров для собственного пользования, мужчины и женщины были относительно равны. Но чем более племя вовлекалось в экономику рыночного обмена, тем выше становился уровень тендерного неравенства и ниже — положение женщин. Наоборот, когда женщинам и мужчинам был обеспечен равный доступ к общественному производству и его разным сферам, результатом стал более высокий уровень полового эгалитаризма¹⁰.

Другая школа антропологической мысли возводит происхождение мужского доминирования к императивам войны в примитивном обществе. Как культура создает воинов, жестоких и сильных? Антрополог Марвин Харрис предложил два объяснения. Законы войны обеспечивают набор наград для воинов, исходя из проявленных ими ловкости и навыков. Но это ограничило бы принцип солидарности на поле боя и посеяло семена разногласий и вражды среди солдат. Более эффективным было бы вознаградить всех мужчин, за исключением только самых неадекватных или трусливых, услугами женщин. В таких обществах, отмечает Харрис, наблюдаются тенденции к инфантициду девочек, в результате женщин становится значительно меньше, чем мужчин, и таким образом создается конкуренция среди мужчин за женщин. Военизированные общества также имеют тенденцию исключать женщин из воинских подразделений, поскольку их присутствие привело бы к снижению мотивации солдат и нарушило половую иерархию. Таким образом, война ведет и к подчинению женщин, и к патрилинейности, так как для выполнения военных задач такая культура нуждается в «ядре» отец—сын. Мужчины начинают контролировать ресурсы общества, и в качестве оправдания этой ситуации развивается патриархальная религия и идеология, узаконивающие их доминирование над женщинами¹¹.

Две другие группы ученых используют другие переменные для объяснения различий между женщинами и мужчинами.

89

Теоретики «происхождения», подобно Лайонелу Тайгеру и Робину Фоксу, подчеркивают неизменный характер отношений «мать—дитя». Мужчина по определению испытывает недостаток в связи, существующей между матерью и ее детьми. Как же он способен достигнуть такой связи со следующим поколением, связи с историей и обществом? Такая связь формируется с другими мужчинами в группах охотников. Вот почему, утверждают Тайгер и Фокс, женщин необходимо исключить из охоты. Во всех обществах мужчины должны так или иначе обеспечить социальные связи со следующим поколением, поскольку у них не существует с ним сложной биологической связи. Мужская солидарность и моногамия — прямой результат мужских потребностей в связи с социальной жизнью¹². Приверженцы теории альянса, как, например, Клод Леви-Стросс, уделяют внимание не столько потребностям мужчин в связи со следующим поколением, сколько тому, как отношения между мужчинами организуют социальную жизнь. Леви-Стросс утверждает, что мужчины превращают женщин в сексуальные объекты, обмен которыми (в качестве жен) укрепляет союз мужчин. Оба направления — «происхождения» и «альянса» — рассматривают отношения полов как неизменяемые и естественные, а не как результат исторических отношений, подверженных значительным изменениям внутри культуры по мере ее развития, а также различающихся между разными культурами¹³.

Детерминанты статуса женщины

Практически каждое известное нам общество демонстрирует определенную дифференциацию

между женщинами и мужчинами, и фактически каждое общество является образцом тендерного неравенства и мужского доминирования. Но разнообразие в пределах этих универсалий является, тем не менее, поразительным, и тендерные различия и неравенство могут носить как более выраженный, так и неявный характер. Дело не только в том, что чем выше степень тендерной дифференциации, тем глубже тендерное неравенство, хотя обычно бывает именно так. Можно вообразить четыре таких возможности — высокий или низкий уровень тендерной дифференциации в сочетании с высокой или низкой степенью тендерного неравенства. Каковы же тогда возможные факторы, определяющие статус женщины в обществе? При каких условиях ее статус улуч-

90

шается, а при каких сводится до минимума? Экономические, политические и социальные взаимодействия — это те переменные величины, которые создают различные культурные формации. Например, одно крупномасштабное исследование различных культур показало, что при большей потребности общества в физической силе и высокоразвитых двигательных навыках больше будет различий между мужской и женской социализацией. Также вероятно, что чем больше размер семьи, тем больше различий между женщиной и мужчиной. Отчасти это связано с тем, что изолированное положение нуклеарной семьи означает, что мужчина и женщина периодически вынуждены брать на себя роли друг друга, поэтому в ней редко бывает строгое разделение ролей¹⁴.

Одним из ключевых факторов, определяющих статус женщин, является разделение труда в сфере ухода за детьми. Репродуктивная роль женщины исторически ограничивает ее участие в социально-экономической сфере. Но, хотя ни одно общество полностью не передает мужчинам функции ухода за детьми, чем больше мужчины участвуют в воспитании детей и чем больше женщины освобождаются от этих обязанностей, тем выше бывает статус женщины. Есть много способов освободить женщин от их «исключительных» обязательств. В обществах, не принадлежащих к числу западных, это позволяют делать разные обычаи, как, например, няни, берущие на себя заботу сразу о нескольких детях, участие в уходе за детьми мужей или соседей или поручение этой роли пожилым членам племени, поскольку их экономическая деятельность ограничена возрастом¹⁵.

В качестве одного из объяснений женского статуса рассматриваются также отношения между детьми и родителями. Социолог Скотт Колтрейн обнаружил, что чем ближе отношения между отцом и сыном, тем выше в такой семье статус женщины. Колтрейн обнаружил также, что в культурах, где отец относительно не вовлечен в воспитание детей, мальчики идентифицируют себя через *противопоставление* своей матери и другим женщинам, поэтому они склонны к проявлению черт гипермаскулинности и проявляют свою мужественность через отрицательное отношение к женщинам. Чем большее участие принимает отец в воспитании детей, тем меньше такой мужчина умаляет роль и значимость женщин. Маргарет Мид также подчеркивала центральную роль отцовства в семье. Большинство культур воспринимают роль женщины в воспитании детей как данность, тогда как мужчине необходимо научиться стать

91

воспитателем. Здесь, конечно, есть, чем рисковать, но в этом нет ничего фатального: «Каждое известное нам человеческое общество построено на обучении мужчинами своих детей»¹⁶.

Если мужчине нужно научиться воспитывать детей, то здесь возникает вопрос о мужественности вообще. Само представление о том, что значит «быть мужчиной», чрезвычайно меняется от одной культуры к другой, и оно во многом зависит от того, сколько времени и энергии отец тратит на своих детей. Это оказывается немаловажным и для женщин, поскольку чем больше времени мужчина проводит со своими детьми, тем меньше в такой культуре тендерное неравенство. Верно и обратное: чем более свободны женщины от ухода за детьми — чем более забота о детях делится с кем-то еще и чем выше контроль женщин над собственной фертильностью — тем выше их статус. Колтрейн также обнаружил, что статус женщины зависит от ее контроля над своей собственностью, особенно после заключения брака. Когда женщина сохраняет контроль над своей собственностью в браке, это неизменно повышает ее статус в обществе.

Интересно, что недавнее исследование о мужском братстве, столь необходимом для теорий, которые делают акцент на войне или закреплении роли мужчин в социальном порядке, служит

тому еще одним подтверждением. Социолог и географ Дафна Спайн утверждает, что те культуры, в которых мужчины разрабатывали самые сложные разделенные по полу ритуалы, оказывались культурами с наиболее низким женским статусом. Спайн описала пространственную организацию некоторых культур и обнаружила, что чем дальше от центра деревни находилась мужская хижина, чем больше времени мужчины тратили на свои ритуалы, находясь в этой хижине, и чем более важную роль в культуре играли эти мужские ритуалы, тем ниже был статус женщин. «В обществах с „мужскими домами“ женщины имеют наименьшую власть, — пишет исследовательница. — Если мужчина проводит свое время далеко от семейной хижины, в мужской хижине с другими мужчинами, то у него остается так мало драгоценного времени и еще меньше склонности к тому, чтобы посвятить его семье и воспитанию детей»¹⁷.

Точно также антрополог Томас Грегор обнаружил, что все формы пространственной сегрегации между мужчинами и женщинами связаны с тендерным неравенством. Племя меинаку в Центральной Бразилии, например, имеет очень хорошо институционализированные мужские хижины, в которых хранятся племенные тайны и ритуальные инструменты, и там же на них играют. Женщинам в эти хижины запрещено заходить. Мужчи-

92

на племени сказал Грегору: «Это место — только для мужчин. Женщинам нельзя видеть ничего из того, что здесь находится. Если женщина входит в хижину, мужчины забирают ее в лес и насилуют»¹⁸.

Эти двесоциальные переменные — вовлеченность отца в воспитание детей (часто измеряемое с помощью пространственной сегрегации) и контроль женщины над своей собственностью после заключения брака — входят в число центральных детерминант статуса женщины и тендерного неравенства. Неудивительно, что они также определяют уровень насилия над женщинами, поскольку чем ниже женский статус в обществе, тем выше вероятность сексуального и прочего насилия по отношению к женщинам. В одном из наиболее всесторонних сравнительных исследований женского статуса Пэгги Ривз Санди выявила несколько важных его коррелятов. Одним из них является контакт с мужчинами. Сегрегация по половому признаку тесно взаимосвязана с низким статусом женщины в обществе, словно разделение полов было «необходимо для развития неравенства полов и мужского господства». (И наоборот, исследование общества с эгалитарными отношениями между полами не обнаружило никакой идеологии, формирующей желательность сегрегации по половому признаку.) Конечно, экономическая власть женщин, как критическая детерминанта, является «результатом такого полового разделения труда, при котором женщины достигают самостоятельности и создают независимую сферу контроля». Кроме того, в культурах, для которых характерна забота об окружающей среде, женский статус значительно выше. Культуры, которые рассматривают окружающую среду как враждебный мир, имеют тенденцию к развитию моделей мужского доминирования¹⁹.

Наконец, Санди обнаружила, что самый высокий уровень равенства женщин с мужчинами и, соответственно, наиболее низкая статистика изнасилований встречается там, где оба пола в равной степени выполняют обязанности по обеспечению своих семей продовольствием. В таких случаях мужчины принимали большее участие в воспитании детей. Как ни странно, когда вклад женщин был более значительным, их статус тоже был низким. Таким образом, статус женщин обычно был ниже в тех случаях, когда их вклад был или очень значительным, или очень малым, и более равным мужскому там, где их вклад был примерно таким же, как мужской.

Теперь, следуя Таврис и Уэйд, мы можем суммировать результаты кросс-культурных исследований о женском статусе

93

и мужском господстве. Во-первых, мужское господство уменьшается, когда мужчины и женщины работают вместе, с незначительным разделением рабочей силы по половому признаку. Сегрегация работы по половому признаку — эта та переменная, от которой сильнее всего зависит женский статус. Во-вторых, мужское господство проявляется более явно, когда мужчины контролируют политические и идеологические ресурсы, необходимые для достижения целей данной культуры, а также когда мужчины управляют всей собственностью.

В-третьих, мужское господство «усиливается в условиях колонизации», и проникновение капитализма в деревню и индустриализация в целом понизили женский статус. Мужское господство также связано с демографическим дисбалансом между полами: чем выше процент достигших брачного возраста мужчин по отношению к достигшим брачного возраста женщинам, тем ниже статус женщины в таком обществе. И, наконец, экологические проблемы способствуют усилению мужского доминирования²⁰.

Кросс-культурные объяснения сексуального насилия

Прочитанный Грегором мужчина из племени меинаку, также как работы Пэгги Ривз Санди и других исследователей, говорят о том, что насилие — это не выработанная в процессе эволюции репродуктивная стратегия менее успешных мужчин, а скорее явление культуры, которое способствует укреплению отношений между мужчинами. Изнасилование может быть стратегией, направленной на поддержку мужского доминирования, или, как пишут этнографы, средством, благодаря которому мужчины надеются скрыть зависимость от матери, но уж никак не альтернативным способом ухаживания. В своем этнографическом исследовании группового изнасилования в Университете Пенсильвании Пэгги Санди предположила, что такая форма насилия имеет своим происхождением и тендерное неравенство, позволяющее мужчинам видеть в женщинах всего лишь кусок плоти, и потребность мужчин демонстрировать друг перед другом свою маскулинность. Групповое насилие спланирует мужчин. Более того, групповое насилие позволяет некоторый гомоэротичный контакт между мужчинами. Один участник рассказывал исследовательнице об удовольствии, испытанном при ощущении спермы его друзей в женщине, которую он насиловал, и Санди почувствовала выраженный эротический компонент в этом признании.

Женщина была сосудом, переда-

94

точным звеном, через которое эти мужчины могли иметь секс друг с другом и при этом считаться гетеросексуалами. Только в культуре, которая принижает и обесценивает женщин, возможны такие формы поведения. Изнасилование, таким образом, вряд ли является эволюционной стратегией, выбранной менее успешными мужчинами для своей репродукции. Это — акт, имеющий место только в тех обществах, где есть тендерное неравенство и где есть мужчины, которые могут быть «весьма успешны» в других формах половых отношений, но при этом верят в свое право насилия над женщинами. Здесь речь уже о тендере, а не о поле, и это один из путей, с помощью которого тендерное неравенство продуцирует тендерные различия²¹.

Ритуалы тендера

Антропологи исследуют культурное конструирование ген-дера также и через изучение специфических тендерных ритуалов. Их работа предполагает, что происхождение этих ритуалов не носит биологический характер. Поскольку биологическое воспроизводство и воспитание детей кажутся очень серьезными факторами формирования тендерного неравенства, становится понятно, почему многие из этих ритуалов связаны именно с воспроизводством. И поскольку пространственная сегрегация представляется тесно связанной с тендерным различием и неравенством, ритуальная сегрегация — как в пространстве, так и во времени — также может быть в центре внимания. Например, большой интерес представляет собой инициация молодых мужчин, в том числе из-за относительного исчезновения таких формальных культурных ритуалов в современных Соединенных Штатах. Этот ритуал обеспечивает участвующему в инициации мужчине ощущение идентичности и членства в группе. Многие культуры, особенно в оседлых земледельческих и пастушеских обществах, включают в себя обрезание, удаление крайней плоти члена мальчика, и через этот ритуал мужчина становится членом общества. Возраст мальчика, участвующего в этой церемонии, может быть разным. Обзор данных по двадцати одной культуре показал, что четыре из них практикуют обрезание мальчика в младенчестве, десять — когда мальчику исполняется приблизительно десять лет (до наступления половой зрелости), шесть проводят обрезание крайней плоти юноши в период наступления половой зрелости, и в одной культуре ритуал проводится уже после полового созревания.

95

Почему столь многие культуры считают, что принадлежность к миру взрослых мужчин

требует генитальных увечий? В действительности, обрезание — самая обычная медицинская процедура и в Соединенных Штатах. На этот счет, конечно, имеется большое количество теорий. В Библии, например, обрезание — видимый знак взаимной связи между Богом и мужчиной, символ повиновения мужчины закону Бога. (В Быт. 17: 10-11,14 Бог приказывает, чтобы Авраам провел обрезание Исаака в знак завета, заключенного с Богом.) Но обрезанная плоть выступала и в качестве трофея. Победившие воины, отрезая крайнюю плоть своих поверженных противников, уродовали и оскорбляли тела побежденных в знак своей победы. (В 1 Кн. Царств 18: 25 царь Саул требует, чтобы Давид убил сто врагов и принес их крайнюю плоть как выкуп за невесту. Давид, слегка перестаравшись, принес двести.)

В других культурах, как предполагают этнографы, обрезание создает видимый шрам, который связывает мужчин друг с другом и служит обрядом перехода во взрослую мужественность. Уай-тинг, Клакхон и Энтони утверждают, что в ритуале присутствует и символика разрыва эмоциональных связей мальчика с матерью, необходимая для подтверждения его маскулинной идентификации. Другие авторы указывают, что культуры, в которых обрезание молодых мужчин является очень важным ритуалом, склонны к большей степени тендерной дифференциации и ген-дерного неравенства. Обрезание, которое всегда является общественной церемонией, одновременно укрепляет связи между отцом (и его поколением) и сыном (и его поколением). Оно связывает мужчин и исключает женщин — явно и демонстративно. Обрезание, как правило, связано с мужским доминированием, так же как и другие формы увечья мужских гениталий²². В очень немногих культурах, например, допускается ритуальное кровотечение из члена при обрезании. Такие культуры все еще верят в кровотечение как лечение от болезни, и в этом случае «лечится» болезнь, вызванная половым контактом с женщинами, которые, как полагают, являются нечистыми и заразными. Мы знаем о четырех культурах с практиками полукастрации, то есть удаления одного яичка. В одной из этих культур люди считают, что это предотвращает рождение близнецов²³.

Женское «обрезание» также практикуется в некоторых культурах, хотя гораздо реже, чем мужское. Оно представляет собой либо клиторотомию, при которой удаляется клитор, либо инфибуляцию, когда сшиваются наружные половые губы и оставляется лишь маленькое отверстие для мочеиспускания.

96

Любопытно, что женское обрезание часто выполняется взрослыми женщинами. Есть культуры, в которых этот ритуал выполняется братом отца девочки. Клиторотомия широко распространена в Африке, но не только, и всегда имеет место только в обществах, практикующих мужское обрезание. Инфибуляция наиболее широко распространена в Восточной Африке и Сомали, и цель этого ритуала состоит в том, чтобы предотвратить половые сношения, в то время как клиторотомия совершается с целью предотвращения сексуального удовольствия и, следовательно, сексуального разнообразия. Я приведу здесь описание этой практики, сделанное женщиной из Судана, подвергшейся клиторотомии.

Теперь она работает преподавательницей в ближневосточной стране:

«Я никогда не забуду день моего обрезания сорок лет назад. Мне было шесть лет. Однажды утром, во время школьных летних каникул, мать сказала мне, что я должна идти с нею в дом ее сестер и затем посетить больного родственника в Хальфайат-Эль-Мулук [в северной части Хартума, Судан]. Мы действительно пришли в дом моей тети, и оттуда мы все направились прямо в красный кирпичный дом [я раньше там никогда не была].

Пока моя мать стучала в дверь, я пробовала прочесть имя, написанное на двери. Скоро я поняла, что это был дом Хай-джи Аламин. Она была акушеркой, которая [делала обрезание] девочкам, живущим в округе. Я окаменела и пыталась убежать. Но мать и две мои тети меня схватили. Они стали говорить мне, что акушерка должна провести обряд моего очищения. Акушерка была самым жестоким человеком в моей жизни... [Она] приказала молодой помощнице пойти и купить бритвы у соседнего бакалейщика-йеменца. Я все еще помню, как она возвратилась с бритвами, завернутыми в фиолетовые обертки с нарисованным крокодилом.

Женщины приказали мне лечь на кровать [сделанную из веревок] с небольшим отверстием в середине. Они держали меня, в то время как акушерка начала срезать мою тоть без анестезирующих средств. Я кричала, пока не потеряла голос. Акушерка говорила мне: „Хочешь,

чтобы меня забрали в полицейское отделение?" После того, как все было сделано, я три дня не могла есть, пить или даже писать. Я помню, как мой дядя узнал про то, что они со мной сделали, и уфожал подать в суд на своих сестер. Они боялись его и решили снова отвести меня к акушерке. Она самым строгим голосом приказала мне, чтобы я села на корточки и мочилась. Это было самое сложное в моей жизни тогда, но я это сделала. Я мочилась долго и дрожала от боли.

⁴ Тендерное общество

97

Потребовалось очень много времени, [прежде чем] я вернулась к нормальному состоянию. Я понимаю мотивы моей матери. Она хотела, чтобы я была чистой, но как же сильно я от этого пострадала»²⁴.

Интересно, что в культурах, практикующих обрезание мужчин, и в культурах, практикующих обрезание женщин, мужской статус оказывается наиболее высоким. Цель ритуала выявляет значение различия. Для мужчин ритуал обрезания — это некий знак, одновременно дающий понять, что все мужчины биологически и *культурно* одинаковы и что они отличаются от женщин. Таким образом, этот ритуал можно рассматривать как укрепление мужского господства. Исторически приводились данные о том, что мужское обрезание с медицинской точки зрения было полезным, поскольку уменьшало возможность инфицирования полового члена благодаря удалению крайней плоти, места, где могли собраться бактерии. Сейчас так уже не считают, поскольку показатели уровней инфекции мужского полового члена или рака мочеиспускательных путей демонстрируют небольшое различие между теми, кто был или не был обрезан. Среди развитых индустриальных обществ только в Соединенных Штатах большинство мужчин проходят обрезание, хотя их количество снизилось от 95% в 1960-х гг. до приблизительно двух третей сегодня. Австралия имеет второй наиболее высокий показатель — приблизительно 10% от числа всех мужчин.

Для женщин обрезание никогда не оправдывалось медицинскими причинами. Оно непосредственно препятствует нормальному сексуальному функционированию и предназначено для уменьшения сексуального удовольствия. Женское обрезание почти всегда проводится по достижении женщиной половой зрелости, т.е. когда она становится способной получать сексуальное удовольствие, и, по всей видимости, связано с мужским контролем над женской сексуальностью. В настоящее время проводятся политические кампании за запрещение ритуалов, калечащих женские половые органы, так как это является нарушением прав человека. Однако многие защитники данного ритуала утверждают, что такие кампании мотивируются западными ценностями. Они настаивают, что только женщины, прошедшие данный ритуал, вознаграждаются почтением и уважением как члены своей культуры. (Нет никаких широко распространенных политических кампаний против мужского обрезания, хотя некоторые недавно начали заново пересматривать данный ритуал как форму генитально-

98

го увечья. Некоторые мужчины даже проходят хирургическую процедуру, призванную восстановить утраченную крайнюю плоть²⁵.)

Одну из наиболее интересных теорий о распространенности этих репродуктивных и сексуальных ритуалов предложили Джеффри и Карен Пейдж в своей книге «Политика репродуктивного ритуала». Ученые предлагают материалистическую интерпретацию ритуалов, рассматривая происхождение мужского обрезания, кувады* и ношения женщиной чадры во взаимодействии культуры с ее непосредственной материальной окружающей средой. Возьмем, например, куваду. Мужчины совершают этот ритуал в период, когда их жены рожают. Обычно они соблюдают те же самые пищевые табу, что и их жены, ограничивают себя в повседневных видах деятельности и даже уединяются во время родов жены и в послеродовой период. Какова причина возникновения этого ритуала? С антропологической точки зрения это очень «мило», поскольку нередко мужчины даже изображают симптомы беременности, проявляя явное сочувствие к женам. Но Джеффри и Карен Пейдж смотрят на это иначе. Они утверждают, что кувада имеет смысл в культурах, не имеющих юридических механизмов для легитимации брака и отцовства. Кувада становится для мужчины возможностью заявить о своем отцовстве и знать, что данный ребенок зачат от него. Это также средство, с помощью которого мужчины могут контролировать женскую

сексуальность, присваивая себе контроль над отцовством²⁶.

Пейджи также исследуют политику чадры, то есть требование ислама к женщинам ходить полностью закрытыми одеянием. Якобы это должно защитить женское целомудрие и мужскую честь — женщины должны быть полностью закрыты, поскольку они «настолько сексуальны, настолько соблазнительны, настолько не способны управлять своими эмоциями и сексуальностью, как говорят мужчины, что представляют опасность для социального порядка». Закрывая лица женщин, они как бы обуздывают женскую сексуальность. Но такое объяснение — лишь половина истории. Все это также предполагает, что *мужчины* настолько восприимчивы к искушению, настолько неспособны ему сопротивляться, что они — такая легкая добыча, что, веро-

* Кувада — обычай, обязывающий мужчину, чья жена готовится стать матерью, лежать в постели и даже соблюдать диету, благоприятствующую последующей лактации. Отмечались даже случаи кормления мужчинами младенцев грудью. — *Прим. ред.*

99

ятно, готовы поддаться искушению женщиной в любой момент своей жизни. Чтобы защитить женщин от *мужской* сексуальной жадности, мужчины должны контролировать женщин и скрывать источник искушения²⁷.

Сколько же существует тендеров?

Мы исследовали отношения между уровнями тендерного различия и уровнями неравенства. Но в некоторых культурах тендер как будто и не имеет столь важного значения, и уж во всяком случае не является центральным принципом организации социальной жизни. Можно сказать, что он вообще почти не имеет значения. В чем же тогда причина различия? Обсуждение тендерного различия часто исходит из того, что различия как таковые базируются на некоторых биологических фактах, благодаря которым люди, как физические существа, распределены по соответствующим видовым категориям. Таким образом, мы предполагаем, что, так как есть два биологических пола (мужской и женский), должны быть только два тендера (мужчины и женщины). Но некоторые исследования бросают вызов таким биполярным гипотезам. Некоторые общества признают больше, чем два тендера, иногда три или четыре. В этом отношении исследования культур коренных американцев являются особенно интересными и провокативными. Племя навахо, например, имеет три тендера — один для маскулинных мужчин, один для фемининных женщин и еще один, под названием «нэдл» (nadle), для тех, пол которых при рождении не поддается однозначному определению. Нэдл можно родиться, но можно и стать по собственному желанию. Так или иначе, нэдл исполняют задачи, предназначенные как для женщин, так и для и мужчин, и надевают одежду того тендера, задачи которого они на данный момент выполняют, хотя обычно их рассматривают как женщин и обращаются к ним, как к родственницам-женщинам. Но давайте не торопиться с заключениями: быть «женщиной» в племени значит продвижение, а не понижение в статусе, поскольку в этом племени женщины исторически имеют более высокий статус, чем мужчины, и обладают специальными правами и привилегиями, включая сексуальную свободу, контроль над собственностью и полномочия решения спорных вопросов. Принадлежащие к нэдл люди могут, не теряя своего статуса, выбрать себе в качестве брачного партнера

28

как женщину, так и мужчину .

100

Другой обычай среди некоторых культур коренных жителей Америки — это «бердаче» (berdache), которых также можно встретить и в Юго-Восточной Азии, и в Южной Океании. Бердаче — представители одного биологического пола, принимающие тендерную идентичность другого пола, хотя такая практика намного более характерна для мужчин, чем для женщин. В своем новаторском исследовании «Дух и плоть» антрополог Уолтер Уильямс подробно исследовал мир бердаче. Это мужчины, которые одевались, работали и вообще вели себя как женщины, но при этом все знали, что биологически они мужчины. В племени кроу в Северной Америке бердаче были просто мужчинами, которые не хотели становиться воинами²⁹.

Как мы относимся к мужчинам, которые одеваются и ведут себя подобно женщинам? Мы считаем их либо чужаками и девиантами, либо предполагаем, что они, скорее всего,

гомосексуалы. Они — изгои. Быть бердаче в нашей культуре не рекомендуется, если вам дороги ваша жизнь и здоровье. Среди коренных американских культур Великих Равнин, тем не менее, бердаче приписывается обладание особой силой, они имеют высокий социально-экономический статус и часто управляют ритуальной жизнью племени. Логика здесь прямая: будучи мужчинами, живущими по-женски, бердаче сексуально безразличны по отношению к женщинам, на что не способны обычные мужчины. Конечно, они должны быть одарены какой-то сверхъестественной силой, чтобы сопротивляться обаянию женщин! Только от бердаче можно ожидать справедливого управления, поскольку он не будет решать спорные вопросы в интересах очаровавших его женщин.

Известен один случай того, что можно было бы назвать же ищи ной-бердаче. В коренной американской культуре наха-не супруги могли принять решение, что у них слишком много дочерей и слишком мало сыновей, чтобы охотиться для старых родителей. Они выбирали одну из своих дочерей, чтобы она жила по-мужски. Когда ей исполнялось приблизительно пять лет, к ее поясу привязывались высушенные яички медведя. С этого момента девочку воспринимали только как мальчика. Будучи взрослой, она обычно становилась лесбиянкой³⁰. Мохавки имеют четыре тендера и разрешают и женщинам, и мужчинам переходить из тендера в тендер с тщательно разграниченными ролями. Мальчик, который выказал предпочтение женской одежде или игрушкам, подвергнется при наступлении половой зрелости другой инициации и станет «алиха» (alyha). Он принимает женское имя, красит лицо как

101

женщина, исполняет женские роли и выходит замуж за мужчину. После свадьбы он ежемесячно делает надрез на верхней части бедра, чтобы обозначить «свой» менструальный период. Его также обучают, как симулировать беременность и роды. Мартин и Вурхис предлагают свою версию происходящего:

«„Алиха" пьет вызывающий запор препарат, чтобы вызвать боли как при схватках, и они достигают высшей точки в рождении фиктивного мертворожденного ребенка. У мохавков обычно мать занимается захоронением мертворожденного младенца, так что то, что „алиха" возвращается в свой дом без младенца, имеет культурно удовлетворительное объяснение»³¹.

Если женщина племени мохавков хотела поменять пол, она проходила церемонию инициации и становилась хваме (hwame). Хваме жили мужской жизнью — занимались охотой, сельским хозяйством и т.п. и выполняли роль отца по отношению к детям, хотя они и не допускались на ведущие политические позиции. Ни «хваме», ни «алиха» не считались девиантами.

На Ближнем Востоке в Омане существуют группы мужчин, которых называют «ханит» (xanith). Биологически они — мужчины, но их социальная идентичность является женской. Они работают квалифицированной прислугой, ходят в мужских туниках (но пастельных цветов, ассоциирующихся с женскими одеждами). Они торгуют собой, предлагая пассивную роль в гомосексуальных отношениях. Им разрешают говорить с женщинами на улице (другим мужчинам это запрещено). Во время публичных мероприятий, когда мужчины и женщины разделены, они сидят вместе с женщинами. Однако они могут и передумать — и изменить свой тендерный опыт. Если они хотят, чтобы их воспринимали как мужчин, им это разрешают, и тогда они могут вступать в гетеросексуальные отношения. Другие просто становятся старше и в конце концов оставляют гомосексуальную проституцию, тогда им разрешают стать «мужчинами в социальном смысле». Некоторые же «становятся» женщинами и даже иногда выходят замуж. А кто-то из них на протяжении жизни неоднократно меняет свою гендерную роль, что предполагает текучесть тендерной идентичности, невероятную для тех, кто верит в биологический детерминизм.

Половое разнообразие

Исследования текучего характера тендера дополняются исследованиями разнообразия сексуального поведения. Вместе

102

все это обеспечивает мощную аргументацию в пользу культурного формирования и гендера, и сексуальности. Антропологи исследовали разнообразие сексуального поведения и предположили, что так называемые биологические доводы о естественности некоторых действий и практик, возможно, являются сильно преувеличенными. Например, гомосексуальность специалисты в области эволюционной биологии предложили

рассматривать как биологическое «отклонение», потому что гомосексуальность не репродуктивна, а целью всей сексуальной деятельности является передача генетического кода следующим поколениям. Мало того, что гомосексуальное поведение повсеместно встречается в животном мире, оно настолько распространено в человеческих культурах, что его, скорее, следовало бы воспринимать как «естественное явление». Вариации между разными культурами связаны не с наличием или отсутствием гомосексуальности (это как раз скорее постоянная величина), а в том, как к гомосексуалам относятся в разных культурах. Мы убедились уже, что во многих культурах чтят и уважают тех, кто нарушает свое тендерное определение и принимает тендер другого пола. Некоторых из них можно назвать и «гомосексуалами», если ваше определение гомосексуала основано на такой категории, как биологический пол вашего сексуального партнера.

Даже опираясь на это определение, мы находим удивительное разнообразие в оценках гомосексуализма. В 1948 г. антрополог Клайд Клакхон исследовал племена североамериканских индейцев и обнаружил, что гомосексуальность принимается в 120 североамериканских индейских племенах и отвергается в 54-х. Некоторые культуры (ланго в Восточной Африке, кони-аги в Аляске и танала на Мадагаскаре) позволяют гомосексуальные браки между мужчинами. Некоторые культуры четко определили гомосексуальные роли и соответствующие культурные ожидания для мужчин и женщин³².

В замечательном этнографическом труде Гилберт Хердт описал сексуальные ритуалы горного племени самбиа, живущего в Папуа—Новой Гвинее. Их практика ритуализировала гомосексуальность как способ приобщения мальчиков к полноценной взрослой мужественности. Согласно ритуалу, мальчики регулярно занимаются фелляцией с юношами и мужчинами, так чтобы младшие могли получить жидкость жизни (сперму) от старших и таким образом стать мужчинами сами. «Мальчика необходимо осеменить через рот, иначе девочка, с ним обрученная, бросит его и убежит к другому мужчине, — объяснил один из старейшин племени самбиа. — Если мальчик не ест сперму, он

103

остается маленьким и слабым». Когда мальчики достигают половой зрелости, они подвергаются фелляции подрастающих вслед за ними. Во время этой инициации мальчики тщательно избегают девочек и не получают никакого знания о гетеросексуальности, пока не женятся. При этом ни мальчики, ни старшие мужчины не думают о себе как о гомосексуалах. Старшие мужчины потом женятся, и то же самое планируют сделать младшие. У взрослых мужчин племени самбиа нет никаких гомосексуальных практик. Но мальчики должны стать, как выразился Хердт, «воинами поневоле». Как же еще дать им жизненную силу, которая позволит им превратиться в настоящих мужчин и воинов?³³

Поблизости, также в Меланезии, живет племя кераки, в котором распространены сходные практики. Его старшие мужчины подвергают мальчиков содомии, потому что верят, что мальчики не вырастут и не станут мужчинами без спермы более старших мужчин. Эта ритуальная практика осуществляется до достижения мальчиками половой зрелости, пока не появляются вторичные половые признаки (щетина на лице, изменение голоса), и тогда считается, что ритуал совершен. Когда антрополог спрашивал мужчин племени кераки, подвергались ли они содомии, многие отвечали: «Ну да! Как же иначе я бы вырос?» В других культурах отмечались другие ритуализированные гомосексуальные практики³⁴. Интересно, что такие ритуальные практики, как у самбиа и кераки, более распространены в культурах с высоким уровнем сегрегации по половому признаку и с низким статусом женщин. Это соответствует другому этнографическому свидетельству, предполагающему, что сложные ритуалы, объединяющие мужчин, приводят к исключению женщин из ритуальной жизни, и с этим связан их более низкий статус. Сегрегация по половому признаку почти всегда связана с низким статусом женщин, будь то в племени самбиа или среди кадетов в американском военном колледже «Цитадель»³⁵.

Если для вас все это звучит уж очень экзотически, имейте в виду, что в каждом крупном городе США существуют молодые люди, занимающиеся сексом с мужчинами за деньги, при этом многие из них женаты и практически все считают себя гетеросексуалами. Эти хастлеры* совершают только некото-

* Хастлер {от амер. жаргонизма — hustlers): проститутка (мужского или женского пола), ведущая себя

вызывающе и навязчиво. Обычно этот термин используется специфически в отношении юношей-проституток, которые настойчиво навязываются своим возможным гомосексуальным клиентам. — *Прим. ред.*

104

рые гомосексуальные действия (анальное проникновение) или позволяют некоторые действия (например, разрешают своим клиентам заниматься фелляцией, но сами этим заниматься не будут). Играя «активную» роль в гомосексуальных действиях, они считают себя не гомосексуалами, а именно *мужчинами*. Мужчины овладевают, будь то женщинами или другими мужчинами, поэтому, занимая активную позицию в половом акте, они полагают, что их маскулинность не подвергается сомнению. Вы можете сказать, что «объективно» они вовлечены в гомосексуальный секс. Но по их собственному определению, гомосексуальность равняется пассивности в сексуальном контакте, и быть гомосексуалом означает заниматься сексом как женщина. И согласно этому определению, они не занимаются гомосексуальным сексом. Как там ни крути, внезапно племя самбия перестает выглядеть таким уж нам чуждым; они больше походят на наших дальних кузенов.

Некоторые культуры проявляют очень высокий уровень толерантности по отношению к гомосексуальности. Среди племен аранда в Австралии, сиванс в Северной Африке и кераки в Новой Гвинее каждый мужчина гомосексуален в юности и бисексуален после заключения брака. Цель этого состоит в том, чтобы отвлечь юношей от девушек и предотвратить подростковую беременность, уменьшая таким образом уровень рождаемости в культурах с очень ограниченными ресурсами. Хорошо изученное племя яномамо имеет институционализированную форму мужской гомосексуальности и практикует инфантицид девочек. Эта культура воинов боялась демографического взрыва и истощения ресурсов за счет женщин³⁶.

Племена этеро и маринд-аним, живущие в Новой Гвинее, предпочитают гомосексуальность гетеросексуальности, хотя и поддерживают гетеросексуальные браки. Как же, спросите вы, они решают проблему воспроизводства? Люди этеро табу-ируют гетеросексуальный секс в течение большей части года, но запрещают гомосексуальные сношения при полной луне, когда все женщины могут забеременеть. Для племени маринд-аним даже такой уровень сексуальных контактов с противоположным полом нежелателен. Коэффициент рождаемости у них настолько низок, что эта культура воинов ежегодно делает набеги и похищает младенцев из других культур. Они воспитывают этих детей, чтобы те стали счастливыми, здоровыми и, конечно, гомосексуальными членами племени³⁷.

Для меланезийской культуры, названной в этнографическом исследовании Уильяма Давенпорта «Ист-Бэй», характерна

105

полноценная взрослая бисексуальность. Почти каждый мужчина имеет активные гомосексуальные контакты в течение всей своей жизни. При этом почти все мужчины гетеросексуальны и женаты на женщинах. (Никто из них не является исключительно гомосексуальным, только немногие — исключительно гетеросексуальны.) Замечено, что женщины и мужчины в этой культуре относительно равны с точки зрения сексуальной инициативы, и нет никаких табу относительно контактов с женщинами³⁸.

Сексуальные обычаи и тендерное разнообразие

Сексуальные обычаи демонстрируют головокружительное множество практик, подразумевающих, что сексуальное поведение вовсе не завязано исключительно на репродукции потомства. Где, когда, как и с кем мы имеем сексуальные отношения, чрезвычайно изменчиво от культуры к культуре. Эрне-стина Фридль, например, наблюдала значительные различия в сексуальных обычаях между двумя соседними племенами в Новой Гвинее. Одно из них, горное племя, полагает, что половой акт ослабляет мужчин и что женщины от природы склонны к соблазнению мужчин, угрожая им своей сексуальной властью. Они также с ужасом относятся к менструальному кровотечению. Такие сексуальные идеологии противопоставляют женщин мужчинам, и многие из них предпочитают остаться холостяками, лишь бы не рисковать контактом с женщиной. В результате прирост населения остается низким, что важно для этой культуры, потому что племя не имеет земли и других ресурсов, которые могло бы разрабатывать. Рядом, однако, существует другая культура. Здесь и мужчины, и женщины наслаждаются половой жизнью. Мужчины волнуются лишь о том,

насколько они удовлетворяют своих женщин, и жизнь у них налажена неплохо. Они имеют более высокий коэффициент рождаемости, что для них приемлемо, потому что они живут в относительно плодородной и еще мало освоенной местности, так что могут использовать все рабочие руки для того, чтобы обрабатывать свои поля и защищаться от врагов³⁹.

Ученые исследовали поразительное культурное разнообразие сексуального поведения и подвергли критике этноцентризм аргументов, основанных на неизбежности и естественности нашего собственного поведения. Возьмите типичных среднестатистических американских супругов. Они белые, средних лет, жена-

106

ты и занимаются сексом два раза в неделю, ночью, в спальне, в уединении, в темноте, в «позиции миссионера» — женщина на спине, мужчина наверху. Весь ритуал, начиная с «Ты хочешь?» и до «Спокойной ночи, дорогая», включая поцелуи, прелюдию и половой акт (всегда именно в этом порядке), длится приблизительно пятнадцать минут. Теперь обратимся к другим культурам. В некоторых не занимаются сексом на открытом воздухе. Другие полагают, что секс в закрытом помещении загрязнит бы продовольствие (хранящееся в той же самой хижине). А как же обстоит дело с частотой половых актов? В племени занде занимаются сексом два или три раза за ночь и затем еще раз после пробуждения. Мужчины племени чага могут испытывать десять оргазмов за ночь, а мужчины тонга стремятся заниматься сексом с тремя или четырьмя из своих жен каждую ночь. Но немногие могут побить рекорд обитателей Маркизских островов: для них не редкость тридцать и более оргазмов за ночь, а нормой считается десять. Правда, старшие женатые мужчины могут уже так не усердствовать — они имеют только приблизительно три или четыре оргазма за ночь. Наоборот, люди япесе занимаются сексом только один раз в месяц или около того. Во время полового акта мужчина сидит спиной к стене хижины, вытянув ноги. Женщина садится сверху, он лишь немного вводит член в ее влагалище и затем продолжает стимулировать ее в течение нескольких часов, а женщина все это время испытывает мно-

40

жественный оргазм .

В то время как для нас поцелуй является фактически универсальным началом полового контакта, другие культуры находят акт поцелуя отвратительным из-за возможности обмена слюной. «Соединять ваши губы.? — сказал бы человек племени тонга или сирионо. — Но ведь это - то место, куда вы помещаете еду!» Некоторые культуры вообще не практикуют почти никакой прелюдии, но переходят непосредственно к половому акту; другие предписывают несколько часов прикосновений и ласк, причем половой акт является необходимым, но грустным концом всего этого процесса. Некоторые культуры включают в свои любовные ласки оральный секс; другие никогда и не думали об оральном сексе. В 1948 г. Альфред Кинси опубликовал данные о том, что 70% американских мужчин занимались сексом только в «позиции миссионера» и что 85% испытывали оргазм через две минуты после проникновения в женское влагалище. В своем обзоре 131 культуры коренных американцев Клайд Клакхон обнаружил, что лишь в 17 из них предпочитают «позицию миссионера»

107

41

В нашей культуре предполагается, что сексуальная инициатива принадлежит мужчинам, а женщины должны ей сопротивляться. Мы все слышали истории о мужчинах, дающих женщинам возбуждающие средства, чтобы сделать их более сексуально раскрепощенными. Последнее достижение — это рогипнол (Rohypnol), «препарат для превращения свидания в изнасилование», который мужчина может добавить в напиток ничего не подозревающей женщины, чтобы сделать ее более «уступчивой» или, по крайней мере, отключить ее сознание (что для такого рода мужчин почти одно и то же). Насколько же отличаются в этом отношении люди с островов Тробри-ан, чьи женщины считаются сексуально ненасытными и берут инициативу на себя! Или же племя кубео в Бразилии. У них женщины — сексуальные агрессоры и могут даже избегать беременности или прерывать ее, потому что это означало бы воздержание от секса. Именно женщины совершают прелюбодеяние, а не мужчины, но они оправдываются тем, что это был «только секс». Мужчины кубео тайно дают своим женщинам успокаивающие половое возбуждение средства, чтобы хоть как-то охладить их сексуальный жар⁴².

Я привел всего лишь несколько примеров. И если спросить этих людей, почему они так себя ведут, они ответят точно так же, как и мы, — «потому что это нормально». В племени бамбара, например, полагают, что секс в дневное время произвел бы детей-альбиносов, масаи вообще считают, что секс днем кончится смертью. Так что бамбара и масаи занимаются сексом только ночью, и, очевидно, нет у них никаких новорожденных альбиносов и никаких несчастий во время полового акта. Ченчу, наоборот, полагают, что секс ночью кончится рождением слепых младенцев. Так что они занимаются сексом только в течение дня и таким образом избегают рождения слепых детей. Племя юрок считает, что куннилинг препятствует нересту лосося. Никакого орального секса, и улов лосося будет богатым. Такое сексуальное разнообразие заставляет предположить, что биологический императив воспроизводства может иметь много форм, но каждая из них не более «естественна», чем любая другая.

Антропология как история

Антропологические исследования помогли подвергнуть критике неверную логику тех, кто утверждает, что универсальность тендерного различия или мужского доминирования так

108

или иначе естественна и неизбежна. Показав разнообразие культурных определений мужественности и женственности и обнаружив культурное разнообразие в степени тендерного неравенства, сравнительные исследования культур помогли нам преодолеть ограниченность очевидных биологических императивов. В другом смысле антропологические исследования жизни наших предков привели также к историческим возражениям против биологической неизбежности. Возьмите, например, уже известные нам аргументы о том, что мужское доминирование было естественным направлением развития обществ, занимающихся охотой и собирательством. Напоминаю: благодаря превосходящей физической силе мужчины естественно занялись охотой, в то время как более слабые женщины вынуждены были оставаться дома и заниматься огородничеством и воспитанием детей. Четко и ясно — но, как выясняется, исторически неверно.

Такое прочтение прошлого ищет историческое происхождение моделей, которые мы видим сегодня. Но вот одно недавнее исследование предполагает, что мясо составляло довольно малую часть человеческой диеты на заре времен, а следовательно, пресловутая охота не имела особого значения. Мужчины изобрели оружие, и это было великое техническое достижение, но оно ли позволило культуре развиваться (мужскими усилиями)? Оказывается, вероятнее всего.» большим технологическим «прыжком» было изобретение перевязей, которые придумали женщины с младенцами, что позволило им нести и ребенка, и продовольствие. Может даже быть так, что вертикальное положение людей зависело не от охоты, а от изменений в процессе сбора продовольствия не от хранения. Защитники «маскулинного» развития человечества продолжают отстаивать роль охоты в формировании потребности сообщества асоциальном (мужском) союзе для выживания сообщества, но ведь на самом деле это выживание в буквальном и материальном смысле зависит, скорее, от связи матери и младенца. Более точная антропологическая картина требует нашего признания, что женщины были не просто пассивными и зависимыми производительницами детей, но активными участниками технологического и экономического развития общества⁴³.

Посмотреть на это по-другому предложила Элен Фишер. Она обратила внимание на потрясающее сходство между современной американской культурой и ранними человеческими культурами. Мы унаследовали как биологически естественную нуклеарную модель семьи, то есть брак с одним

109

партнером в течение всей жизни, разделение дома и рабочего места — все это, по всей видимости, является относительно недавними культурными изобретениями, характерными для оседлых земледельческих обществ. С другой стороны, развод и повторный брак, институционализированная забота о детях, женщины и мужчины, работающие одинаково и дома, и вне его, — все это более типично для предшествующих им обществ охотников и собирателей, существовавших в течение миллионов лет. Возможно, предложила Фишер, после того как прекратился краткий эволюционный отдых, связанный с периодом существования оседлых земледельческих цивилизаций, в течение которого доминировали мужчины, войны и единобожие, мы возвращаемся к нашему «истинному» человеческому эво-

люционному пути. «Поскольку мы движемся назад к будущему, — пишет она, — есть много причин полагать, что наступит равенство полов, которое присуще нам по праву рождения»⁴⁴. Если это звучит слишком сказочно, то существует школа феминистской антропологии, которая идет еще дальше. Большинство антропологов согласны с заключением Мишель Розальдо, что «человеческие культурные и социальные формы всегда находились под мужским доминированием», или с Бон-ни Нарди, которая не находит «никаких свидетельств действительно эгалитарных обществ. Нет ни одного общества, в котором женщины участвуют на равной основе с мужчинами в самых престижных видах деятельности»⁴⁵. Но одна из школ феминистской антропологии рассматривает такую универсальность как «этнологическое заблуждение». Ученые этой школы утверждают, что есть и были общества, в которых женщины и мужчины равны. К тому же, возможно, были и общества, в которых женщины являлись доминирующим полом. Основываясь на археологических раскопках на Крите и в других местах, Мария Гимбутас, Райан Эйслер и другие говорят, что неолитические общества поклонялись богиням и были гендерно равноправными, истинным райским садом, в котором женщины и мужчины, возможно, и действовали в разных сферах, но были равны и уважали друг друга. Символом этого, пишет Эйслер, служит чаша, знак разделяемого разнообразия, которое для древних народов было «партнерской» моделью

⁴⁶

человеческого взаимодействия .

Потом вторглись варвары, принесли мужское доминирование, единственного всемогущего мужского Бога и создали «смертельную власть меча», насильственный и иерархический мир, пропитанный кровью войн и убийств. Мы жили ста-

110

кой хищнической моделью власти, в которой мужское господство, мужское насилие и вообще иерархическая и авторитарная социальная структура являются нормой. В таком мире, «яростно лишавшем Богиню и женскую половину человечества всей власти, управляли боги, мужчины или война, — пишет Эйслер, — а мир и гармонию можно было найти только в мифах и легендах о давно утраченном прошлом»⁴⁷.

Другая история в жанре «только так»? Возможно. Для меня всегда сомнительны аргументы, основанные на исследованиях смутного исторического прошлого, имеющих целью создать модели будущего социального преобразования, поскольку они полагаются на селективные свидетельства и часто используются для реакционной политики. И я не очень люблю всеохватное разделение культур на «женские», миролюбивые, и противопоставленные им «мужские», brutальные и насильственные. В конце концов, современный мир, при всей своей склонности к убийствам, алчности и кровожадности, намного *менее* насильственен, чем древние общества охотников и собирателей. Этнографические данные свидетельствуют, что только около 10% таких обществ редко участвовали в войне, большинство же культур оказывались вовлеченными в конфликты или непрерывно, или несколько раз в год. Среди тех же самых бушменов из племени !кунг, которых Эйслер превозносит как «безобидных людей», уровень убийств выше, чем в Детройте или Вашингтоне! «Печальные археологические находки, — пишет Фрэнсис Фукуяма, — указывают на то, что систематические массовые убийства мужчин, женщин и детей происходили и в неолитические времена. Не было никакого невинного века»⁴⁸.

С другой стороны, почему мы так хотим верить в то, что мужское доминирование, так или иначе, естественно и неизбежно? Некоторые из аргументов Эйслер выстроены на устойчивой эволюционной базе: кажется вполне вероятным, например, что происхождение определялось по материнской линии. Это делало бы его гораздо более определенным в культурах, которые не понимали связи между половым актом и рождением ребенка девять месяцев спустя. И можно поверить убедительным свидетельствам о том, что женщины играли большую роль в ранних человеческих обществах, не принимая лишь аргумент про вторжение варваров, принесшее бедствия и потерю Эдема.

Если антропологические исследования что и продемонстрировали, так это богатое разнообразие человеческих культурных установлений и совершенно разные определения гендера и сексуальности в разных культурах. Несколько теорий

ill

объясняют историческое происхождение этих моделей и предлагают способы изменить или

отбросить некоторые исторически навязанные или эксплуативные практики, не нанося при этом ущерба нашему эволюционному наследству, Культурный релятивизм говорит нам о том, что в огромном культурном разнообразии и историческом развитии традиций и культур мы теряем обычаи, в которых больше не нуждаемся, как только они выполнили определенные социальные задачи. «Поэтому утверждение о подчиненном положении женщин в прошлом не должно быть аргументом при обсуждении того, что происходит сегодня и будет происходить завтра», — пишет Элеонор Ликок⁴⁹. Однако вопросы не исчезают. Учитывая такое разнообразие сексуальности и тендера, кто ответит, почему мужское господство настолько универсально? Если оно не неизбежно, как мы можем объяснить такое постоянство? Здесь ответы нужно искать поближе к дому.

Глава 4

«Ага! Вот в чем дело!» Психологические интерпретации тендерного развития

Ничто и никогда не оказывалось предметом столь догматических утверждений, основанных на ничтожных научных данных, как мужской и женский типы мышления.

Джон Дьюи

На известной карикатуре изображены двое малышей, мальчик и девочка, с открытыми подгузниками, которые рассматривают свои гениталии. И заголовок — «Ага! Вот в чем причина разницы в наших зарплатах...» Карикатура возвращает нас к популярной идее, основанной на теориях Зигмунда Фрейда, основателя психоанализа. Фрейд полагал, что анатомические различия между мужчиной и женщиной приводят к формированию различных типов личности и что пол действительно определяет характер. Однако он вовсе не думал, что эти различия запрограммированы у мужчины и женщины от рождения. Напротив, Фрейд в своих работах опровергал тех, кто считал, будто тело с момента рождения несет в себе всю информацию, детерминирующую жизнь мужчины или женщины. По его мнению, наблюдаемые нами различия между женщиной и мужчиной можно проследить начиная с различного младенческого опыта, восobenности связанного с тем, как к тем и другим относились в их семьях.

По Фрейду, тендерная идентичность является важнейшим компонентом развития индивидуальной личности, возможно, даже *самым* важным. Ребенок обретает свой гечдер, формирует его во взаимодействиях с членами семьи и с обществом. И это обретение само по себе — нелегкий труд, путь к соответствующей тендерной идентичности весьма рискован и чреват постоянными возможностями ошибок, наиболее наглядной из которых является половой нон-конформизм, в особенности гомосексуальность. Конечно, биология действительно играет здесь определенную роль. Фрейд и его последователи полагали, что видимые нам анатомические различия имеют решающее значение в развитии ребенка, и особенно настаивали на

113

том, что сексуальная энергия, заложенная в телесности, воздействует на тот детский опыт, который и определяет тендерную идентичность.

Наследие фрейдизма

Фрейд предложил теорию стадий индивидуального тендерного развития, согласно которой каждый человек проходит несколько стадий на своем пути к тендерной идентичности. Два фактора являются движущей силой в этом процессе: состав или структура психики и факты жизни. Фрейдистская модель психики состоит из четырех элементов: ид, эго, суперэго и внешний мир. Эти элементы вместе создают основную «архитектуру» психики, и каждый из них выполняет решающую роль в формировании индивидуальности. Ид представляет собой наше желание удовлетворения основных животных потребностей в продовольствии, убежище и удовольствии. Все импульсы и энергия уровня ид знают только желание удовлетворения, но не оснащены ни моралью, ни средствами получить требуемое. Фрейд называет ид «котлом, заполненным кипящими возбуждениями»¹.

К сожалению, внешний мир существует вовсе не для того, чтобы удовлетворять наши желания и потребности, так что желания ид постоянно наталкиваются на преграды. То, как мы

справляемся с этими фрустрациями, и определяет развитие индивидуальности. Решение этой задачи возложено на эго, рациональный компонент индивидуальности человека. Эго переводит импульсы ид в стратегии получения искомого и эффективного. Эго должно дисциплинировать ид, укрощать его и искать возможные источники вознаграждения за это. Другая часть души, суперэго, является плодом усилий эго нащупать социально эффективные и адекватные возможности для удовлетворения желаний ид. Фрейд называет это «интернализацией внешнего» — суперэго легитимирует ограничение возможностей удовлетворения, накладываемое обществом. Суперэго — пространство морали, помогающее эго в отборе эффективных стратегий для достижения социально одобренных целей. Из этих четырех элементов психологически складывается человек: из своих импульсов к удовлетворению желаний, ограниченных возможностей, предоставляемых для этого внешним миром, морализирующего внутреннего голоса, говорящего нам, что мы не заслуживаем вознаграждения, и рационального стратега, который стремится держать все эти силы в равновесии.

114

Трудная работа — обслуживать трех «тиранических господ». Фрейд пишет: «Эго, движимое ид, имеющее дело с ограничениями суперэго, изо всех сил пытается справиться со своей экономической задачей создания гармонии сил и влияний, действующих внутри и снаружи него. Можно понять, почему так часто мы не можем подавить крик: „Жизнь нелегка!“² Для Фрейда миссия психоанализа состояла в том, чтобы усилить эго и позволить ему выигрывать в этом сражении волею. Не только развитие индивидуальности зависит от этого, но также и будущее цивилизации³. Если эго не находит социально приемлемых возможностей для управления потенциально разрушительными импульсами ид, мы не можем строить и поддерживать институты нашей культуры.

Эти различные компоненты постепенно проявляются в развитии ребенка, поскольку эго пробует проложить свой путь через узкие «проливы» непрерывных требований ид и властных заявлений суперэго. В некотором смысле теория развития Фрейда — довольно грустная история, поскольку каждая последующая стадия почти не приносит удовольствий, утраченных в предыдущей, — мы растем, оставляя позади то, в чем находим удовольствие. Но чаще эго оказывается недостаточно сильным для такой борьбы, и возникает вездесущая опасность временного отступления в наших фантазиях к более ранним стадиям (невроз) или драматического расхождения с действительностью и попытки реально жить в этой более ранней стадии (психоз).

Фрейд считал, что до рождения на свет все желания младенца исполняются; пока он находится в матке, его чувства удовлетворены. Но рождение выталкивает плод из этого райского кокона; голодный и одинокий, младенец не может примириться с миром. Теперь у младенца чувство удовлетворения связывается с грудью матери, и он ищет удовольствия, глотая пищу. Фрейд называет это «оральной стадией». Но как только эго привыкает к этому источнику удовлетворения, младенца отнимают от груди, и найденный источник исчезает. В следующей, «анальной стадии» удовлетворение достигается не в процессе кормления, а в процессе выделения продуктов работы организма, в мочеиспускании и очистке от фекалий. Теперь эти физические функции становятся источником удовольствия, но, как только младенец открывает радость процесса выделения нечистот, которая может выступить в качестве компенсации за потерю материнской груди, его обучают пользоваться туалетом. Он вынужден подавить в себе и этот источник вознаграждения,

115

социально неприемлемый источник удовольствия взрослых. Наконец, после оральной отвержения и анальной репрессии мы достигаем того, что Фрейд называет «генитальной стадией». Именно здесь появляется тендер.

До этого момента и мальчики, и девочки испытывают одно и то же. Но после разрешения анального кризиса наши дорожки резко расходятся. В этой стадии наша задача состоит в том, чтобы «стать» или маскулинным, или фемининной. Фрейд полагал, что этот процесс более труден для мальчиков, чем для девочек, поскольку девочка с самого начала учится идентифицировать себя с матерью как существо женского рода, и эта идентификация остается непрерывной и в ее взрослые годы. Напротив, в процессе идентификации мальчик должен

отделиться от матери, «*дез-идентифицироваться*» с ней и присоединиться к отцу. Этот процесс требует от ребенка забыть одну привязанность, с тем чтобы сформировать новую. Это уже более трудная ситуация, потому что мать обычно выказывает ребенку большую любовь и заботу, тогда как отец часто не столь нежен и более авторитарен. Данный критический момент для мальчика называют эдиповым кризисом, по названию трагедии Софокла «Царь Эдип». Разрешение этого кризиса исключительно важно, так как мальчик учится желать секса с женщиной и идентифицировать себя с мужчиной. Ключевой тезис фрейдистской теории — *формирование гендерной идентичности и сексуальной ориентации у мальчика должно происходить одновременно и вовремя*. В течение эдипальной стадии мальчик желает сексуальной связи с матерью, но также понимает, что становится соперником отца в борьбе за материнскую привязанность. В своем сексуальном желании матери, которому мешает отец, маленький мальчик сексуализирует свои опасения по поводу отца, считая, что, если он будет с ним сексуально конкурировать, отец его кастрирует. Это мальчика разрешает это состояние ужаса перед возможной кастрацией путем переноса идентификации мальчика от матери к отцу, так, чтобы символически он мог иметь сексуальный доступ к матери. Таким образом, мальчик должен разрушить идентификацию с матерью, отречься от нее и идентифицировать себя с отцом. Все это оказывается большим ударом для мальчика, поскольку именно мать являлась для него источником тепла и любви и объектом его желаний. Отец же выступает более отдаленным источником авторитарной власти и внушает ему страх. Но, идентифицируя себя с отцом, маленький мальчик прекращает быть «фемининным» (идентифицированным с матерью) и становится маскулинным, что одновременно

116

означает — гетеросексуальным, символически способным к сексуальным отношениям с той, кто заменит его мать. С ним происходит буквально то, о чем пели в популярной песенке тридцатых годов: «Он хочет девочку, точно такую же, как та, что вышла когда-то замуж за дорогого старого Папу».

Для девочек, полагал Фрейд, путь такой же, но далеко не столь травмирующий. Девочка сохраняет идентификацию себя с матерью, но должна отказаться от сексуального желания своей матери. Это происходит в результате ее признания своей неспособности к сексуальным отношениям с матерью, поскольку ей недостает биологического «инструмента», который делает такие отношения возможными. Поэтому, по мнению Фрейда, женщины испытывают «зависть к пенису». Маленькая девочка понимает, что ее единственный шанс на получение сексуального удовлетворения состоит в сохранении идентификации с матерью и в том, чтобы сексуально принадлежать мужчине, который должен удовлетворить ее так, чтобы она могла зачать ребенка, который и станет для нее источником женского вознаграждения. В этом процессе она перемещает местоположение сексуального удовлетворения от клитора («атрофированного пениса» в терминах Фрейда) к влагалищу. Иными словами, она развивает женскую, пассивную сексуальность. Итак, гендерная идентичность и сексуальная организация снова идут рука об руку.

Следует отметить три аспекта в этой теории гендерной идентичности и сексуальности. Во-первых, Фрейд выводит тендер и сексуальность за пределы царства биологии. Гендерная идентичность и сексуальность формируются в процессе сложного психологического развития, полного трудностей, сомнений и потенциальных ловушек (например, отсутствие отца может оказаться препятствием для мальчика в его стремлении избавиться от идентификации с матерью). Тендер и сексуальность формируются в семье, подчеркивает Фрейд, а не активизированы внутренними биологическими часами. Во-вторых, Фрейд связывает тендерную идентичность с сексуальной ориентацией, делая гомосексуальность проблемой *гендерного развития*, а не результатом безнравственности, греха или биологической аномалии. Гомосексуал — просто человек, который или не в состоянии отказаться от идентификации с матерью в пользу отца (гей), или не в состоянии разорвать узы, связывающие с матерью (лесбиянка). (Эта идея послужила также основанием для стратегий терапевтических вмешательств, разработанных для «лечения» гомосексуалов путем поощрения «гендерно одобряющего» поведения.) В-третьих, Фрейд снабжает новым

117

горючим традиционные тендерные стереотипы, поскольку они как бы остаются знаками

успешного преодоления нашего столь рискованного пути. Мальчик должен быть сексуальным инициатором и тщательно избегать всех признаков женского поведения, иначе он не будет признан способным идентифицировать себя с отцом. Девочка должна стать сексуально пассивной, ждать, пока не сможет привлечь к себе мужчину и выполнить свою миссию женщины. Женственность означает исполнение роли не любовницы, но матери.

Немаловажно помнить и о том постулате Фрейда, что гомосексуальность является неудачей ребенка в адекватной идентификации с родителем своего пола, и поэтому — проблемой развития тендерной идентичности. Но Фрейд не был сторонником ни судебных преследований, ни психиатрического лечения гомосексуалов. Когда к нему обратилась клиентка, сын которой был гомосексуалом, он терпеливо объяснил ей, почему не считает, что ее сыну надо «вылечиться»:

«Гомосексуальность, конечно, не является преимуществом, но здесь нечего и стыдиться, так как это никакой не недостаток, никакая не деградация; гомосексуальность не может подпадать под классификации болезней. Мы считаем, что гомосексуальность является изменением сексуальной функции... Очень много глубоко уважаемых людей с древних времен до наших дней были гомосексуалами, включая и некоторых великих мира сего... Это большая несправедливость — преследовать гомосексуальность как преступление — и жестокость тоже...

Психоанализ может сделать для вашего сына нечто другое. Если он несчастен, невротичен, разрываем запретами, наложенными социальной жизнью, анализ может принести ему гармонию, душевный мир, возможность самореализации, независимо от того, останется ли он гомосексуалом или изменится»⁴.

Потребовалось еще сорок лет, чтобы Американская психиатрическая ассоциация перестала считать гомосексуальность душевной болезнью.

Сегодня популярные стереотипы о гомосексуальности продолжают ссылаться на фрейдистские теории тендерного развития. Многие полагают, что гомосексуальность — это форма тендерного нонконформизма. Иными словами, женоподобные мужчины и мужеподобные женщины в общественном мнении воспринимаются как гомосексуалы, в то время как ген-дерно конформное поведение маскулинных мужчин и фемининных женщин заставляет считать их гетеросексуальными.

118

Теория Фрейда вызывает значительные дебаты и полна противоречий. Он строил теорию о сексуальности женщин на очень узкой выборке из венских женщин высшего среднего класса, которые все страдали от каких-то психологических трудностей, что, собственно, и привело их к Фрейду. (Фрейд, кстати, отклонял идею о том, что они были жертвами сексуальных оскорблений и инцеста, хотя многие из них утверждали обратное.) Его теории развития мужчины базировались даже на меньшем количестве клинических случаев и на воспоминаниях собственного детства и снов. Это не самые надежные научные методы, него склонность рассматривать сексуальность в качестве движущей силы всего индивидуального развития человека, а также всех групповых и социальных процессов может поведать нам больше о его собственной жизни и, возможно, о Вене его времени, чем о других обществах и культурах. Некоторые исследователи утверждают, что многие из пациентов Фрейда действительно говорили правду о сексуальном преследовании, а не фантазировали на эту тему, и соответственно сексуальные представления ребенка о мире формируются не в результате детских фантазий, а в результате реального поведения взрослых⁵.

Хотя сегодня многие подвергают сомнению методологические, политические и теоретические основания теории Фрейда, несомненно, что его теория имела значительное воздействие на современные исследования и популярные представления о взаимосвязи между тендерной идентичностью, сексуальным поведением и сексуальной ориентацией. Если тендерная идентичность и сексуальная ориентация являются *результатом некоего процесса*, а не просто свойственны индивиду, значит, если что-то с ними «неправильно», то в этом виноваты родители. Статьи в журналах, руководства по ВОСПИТАНИЮ детей и психологи поощряли родителей вести себя правильно и развивать у своих детей правильные установки, черты и формы поведения, чтобы в ребенке таким образом формировалась соответствующая его или ее полу тендерная идентичность и он успешно приобрел бы идентичность

гетеросексуальную. В 1936 г. Льюис Терман и Кэтрин Кокс Майлз в своем монументальном исследовании «Пол и индивидуальность» разработали психологический набор типов поведения, установок и черт, позволяющий родителям и преподавателям контролировать успешное достижение ребенком мужественности или женственности⁶.

Терман и Майлз использовали широкий диапазон эмпирических показателей тендерной идентичности и выстроили континуум от мужественности до женственности, так что

любой индивид мог быть помещен в определенную точку этого континуума в зависимости от своих ответов на ряд вопросов. (Это было в высшей степени систематическое — до одержимости — предприятие, направленное на обнаружение всех возможных показателей тендерной идентичности как таковой и индикаторов, указывающих на важность ее успешного формирования.) В результате составления этого реестра, представлявшего собой континуум мужественности—женственности (тест М-Ж), тендерная идентичность стала восприниматься как специфический набор установок, особенностей и типов поведения, которые при желании могут быть использованы как индикаторы успешно сформированного тендера человека. Для социальных наук в 1940-х гг. эти наборы признаков стали основанием для теории половых ролей.

Тест М-Ж, похоже, был единственным широко используемым средством определения успешного формирования тендерной идентичности, и он все еще использовался в 1960-е гг. Этот тест был весьма многосторонним, включая интерпретацию чернильных пятен, подобно методу Роршаха, которая специально кодировалась как показатель тендерной адекватности, а также тесты на идентификацию, метод незаконченных предложений и ряд эмпирических вопросов. Вот небольшой набор вопросов из теста М-Ж (если вы хотите узнать свои собственные показатели по этому тесту, чтобы удостовериться, что ваша собственная тендерная идентичность развивается «нормально», вам надо считать очки так, как Терман и Майлз предложили в 1936г.: если ответ «мужской», ставьте себе «+», а если женский, то «—»). Интересно наблюдать, как маленькие оценочные штрихи проникают в научное исследование!).

Знания, обусловленные гендером

На все предложенные ниже тесты есть правильные и неправильные ответы, и предполагается, что человек с более «мальчишескими» чертами знает правильные ответы на вопросы 2, 3, 5, а с более «девчачьими» — на вопросы 1 и 4. Девочки, которые знали ответы на вопросы 2, 3, 5, определялись как более «маскулинные».

1. Продукты, которые готовятся на топленом жире:

варятся (+), жарятся на решетке (+), жарятся на сковороде (—), запекаются (+).

2. Антрацитный уголь в Америке добывают главным образом в штате: Алабама (—), Колорадо (—), Огайо {—}, Пенсильвания (+).

120

3. Кавалерийский отряд «Раф Райдерз» возглавлял: Фанстон (—), Першинг (-), Рузвельт (+), Шеридан {-}.

4. Красный лучше всего сочетается с цветом:

черный (—), лаванда (+), розовый (+), фиолетовый (+).

5. Территория земного шара, покрытая водой, составляет:

Чувства, обусловленные гендером

Этот тест тоже включал набор стимулов, которые, как считалось, вызывали определенные эмоции. Респонденты должны были ответить, вызывали ли определенные ситуации а) сильные, б) некоторые, в) мало или д) вообще ни одну из ожидаемых эмоций.

Например:

Вы СЕРДИТЕСЬ, когда:

вас называют ленивым; вы видите, как мальчики высмеивают стариков; вы видите, как кто-то списывает на экзамене? Вы БОИТЕСЬ:

потеряться; глубокой воды; оказаться на кладбище ночью; негров (именно так и написано!)? Вы испытываете ЧУВСТВО ЖАЛОСТИ при виде:

мухи на липкой ленте; трусливого мужчины, который не может справиться с собой; раненого оленя?

Чувствуете ли вы, что человек МЕРЗКИЙ, если это:

мальчик, который дразнит девочку; человек, который «сюсюкает»; человек, который не

чистит зубы; большевик? Чтобы посчитать ваши результаты по этой части теста, проставьте

минус (—) в каждом варианте ответа, который вызывает у вас СИЛЬНЫЕ эмоции, кроме как

в ответе про большевика, который явно достаточно серьезен для мужчины, чтобы действительно проявить эмоции. Для всех других ответов, включая страх перед неграми, высокие уровни проявления эмоций были определены как женские.

Гендерно обусловленные занятия, внешний вид, книги

Опрос также включал возможные для отвечающего профессии и их очевидное тендерное классифицирование — библиотекарь, автогонщик, лесник, цветочница, солдат и преподаватель музыки. Были даны также списки характерных черт, как, например, громкий голос, мужчина с бородой, высокая женщина, и респондента спрашивали, какие из этих черт вызывают у него или нее симпатию или неприязнь. Предлагался список детских книг («Робинзон Крузо», «Ребекка с фермы

121

Саннибрук», «Маленькие женщины», «Биография гризли»), в котором надо было указать любимые и нелюбимые, какие из них читали или нет.

Личность, обусловленная гендером

Здесь предлагался список известных людей, и респонденты указывали, кого они знали/не знали, любили/не любили (Бисмарк, Ленин, Флоренс Найтингейл, Джейн Адаме). (Очевидно, что тот, кто не читал книги или не знал об известном человеке, мог попасть как в гендерно адекватную, так и в гендерно неадекватную группу.)

Были также вопросы о том, что вам нравилось бы рисовать, если бы вы были художником (корабли или цветы), о чем вам хотелось бы писать, если бы вы были газетным репортером (несчастные случаи или театр), и где бы вам хотелось путешествовать, если бы у вас было много денег (охотиться на львов в Африке или изучать традиции; изучать разные религии или смотреть, как наказывают преступников). Наконец, тест включал сообщение о себе самом или самой, о собственном поведении и ценностях респондента. Вопросы, на которые надо было ответить «Да» или «Нет» (здесь даны вопросы, на которые засчитывался ответ «Да»), включали:

Вы не очень-то любите принимать ванну? (+) Тщательно ли вы следите за тем, что надеть? (-) Вам когда-либо говорили, что вы слишком много разговариваете? (+)

Вас наказывали когда-либо несправедливо? (+) Вы когда-либо вели дневник? (—)

Исследование Термана и Майлз позволило новому поколению психологов выстроить континуум между мужественностью и женственностью, на котором стало возможно разместитьлюбо-го индивидуума и таким образом определить степень принятия им или ею своей тендерной идентичности, выяснив, насколько его или ее черты характера, установки и поведение соответствуют его или ее тендеру. Если мальчик или девочка проявляли соответствующие черты характера и установки, родители могли быть уверены, что их ребенок развивается нормально. Если, однако, ребенок показывал высокий результат на «несоответствующей» стороне континуума, могли быть использованы стратегии для изменения ситуации и приучения ребенка к более правильному тендерному поведению. Артистичного мальчика подталкивали к грубым и подвижным играм; девчонку-сорван-

122

ца переодевали в платьица с рюшечками, заставляя спокойно читать «Ребекку с фермы Саннибрук», вместо того чтобы лазить по деревьям. За всеми подобными вмешательствами скрывался призрак изнеженного мальчика и гомосексуального мужчины, у которых, по мнению Термана и Майлз, а также и других психологов, были проблемы с тендерной идентичностью. Вслед за Фрейдом они полагали, что гомосексуализм — тендерное нарушение. Психолог Джордж В. Генри писал в 1937 г.:

«В значительном большинстве... случаев склонность к гомосексуальности, проявляющуюся на уровне установок и поведения, можно наблюдать уже в раннем детстве... В той мере, в какой его (ребенка) интересы, установки и поведение дисгармонируют с его реальным полом, он рискует столкнуться с обстоятельствами, которые усилят его девиацию. Мальчики даже несколько более уязвимы, чем девочки, и если они проявляют чрезмерно женственные склонности, то к ним нужно отнестись с особым вниманием и дать им возможность развить мужские характеристики»⁷.

Фрейдистская психоаналитическая теория породила несколько различных традиций в психологии. Некоторые ученые, занимающиеся проблемами психологического развития чело-

века, стремились классифицировать последовательности или стадии тендерного и сексуального развития, поскольку дети проходят через психологические стадии, соответствующие физиологическим изменениям. Другие психологи использовали различные статистические тесты для более точного измерения различий между мужчинами и женщинами в разных возрастных категориях. Феминистские психоаналитики применяли учение Фрейда и его последователей для выявления явного или скрытого использования мужественности как нормативной ссылки, по отношению к которой прослеживаются и понимаются все стадии развития. И наконец, некоторые психологи стремились установить социальные требования для мужских и женских половых ролей.

Теории *когнитивного развития* относят «спусковой механизм» тендерного развития и формирования тендерной идентичности к несколько более позднему времени, чем период раннего детства. Эти психологи утверждают, что дети рождаются более или менее гендерно нейтральными, т.е. нет никаких важных врожденных биологических различий между мальчиками и девочками, которые объясняли бы более поздние тендерные различия. По мере своего развития дети пропускают новую информацию через «когнитивные фильтры», что

123

позволяет им интерпретировать информацию о тендере. Швейцарский психолог Жан Пиаже исследовал определенные последовательности в развитии детского самовосприятия и взглядах ребенка на мир. Дети — активные участники своей собственной социализации, утверждает Пиаже, а не просто пассивный объект внешнего социального влияния. Пиаже применял эту модель к когнитивному развитию, указывая на последовательности задач и умственных процессов, свойственные детям различных возрастов⁸.

Лоуренс Кольберг применил модель последовательного когнитивного развития Пиаже к приобретению ребенком устойчивой тендерной идентичности. Одна из центральных задач развития ребенка с раннего детства, по его мнению, состоит в том, что ребенок должен маркировать себя как мужчину или как женщину. Определенная точка времени, в которой ребенок обучается тому, что «я — мальчик» или «я — девочка», является моментом, после которого самоидентификация, по всей видимости, фиксируется. Такое решение носит *когнитивный* характер как часть модели интеллектуального развития ребенка. С первых лет своей жизни ребенок развивает познавательный «фильтр», с помощью которого новая информация, поступающая из социального мира, интерпретируется и используется в соответствии с ее приемлемостью для его или ее тендерной идентичности. Уже в возрасте двух лет дети обладают относительно устойчивым восприятием себя как человека определенного тендера, и выработанная ими классификация, пишет Кольберг, «в основном является когнитивным суждением о действительности, а не продуктом некоего социального вознаграждения, родительских объяснений или сексуальных фантазий». Вещи, люди и действия маркируются по принципу — «это подходит для того, кем я являюсь», или «это не подходит». Сообщения, закодированные определенным способом, воспринимаются мальчиками, а закодированные другим способом — девочками⁹.

Согласно этой теории тендерная идентичность маленьких детей зависит от конкретных, физических признаков, таких, как одежда, прическа, размер тела — с помощью этих маркеров происходит классификация мира на два тендера. Мальчики никогда не носят платья и коротко острижены; девочки носят платья и имеют длинные волосы. Многие дети полагают, что могут изменить свой тендер с помощью стрижки или одежды, поскольку для них тендерная идентичность конкретна и соотносится с физическими признаками. Некоторые дети расстраиваются, если их родители ведут себя не в соответствии

124

с тендерными нормами (например, папа несет мамину сумочку, а мама заменяет автомобильную шину). Только в пять-шесть лет большинство детей проходят ту стадию в познании, когда тендер для них становится неотъемлемым атрибутом человека, а не результатом неких материальных знаков, используемых для тендерного дисплея. С этой точки зрения, приобретение тендерной идентичности — поворотный пункт в жизни ребенка. После шести лет своей жизни ребенок начинает видеть окружающий мир в тендерных терминах. Он не может от них отступить, потому что в детях старше трех-четырёх лет

процесс приобретения тендерной идентичности становится необратимым. С этого возраста все исполнения тендерной роли, социально закодированные как соответствующие мужчине или женщине, легче усваиваются ребенком, обладающим «правильным фильтром». Поскольку так много аспектов поведения зависят от тендерной идентичности, формирование в ребенке такого необратимого «фильтра» считается необходимым для человеческого развития во всех обществах.

Социальное познание тендера не заканчивается в детстве. Приобретение тендерной идентичности может начаться рано, но продолжается в течение всего цикла жизни. Маленький ребенок маркирует себя «мальчиком» или «девочкой» с раннего возраста и потом начинает активно использовать этот ярлык для дальнейшего познания мира. Тем не менее такая маркировка, которая выражается в способности сказать «я — мальчик (девочка)» в разных ситуациях, не исчерпывает содержания тендерных ролей и не охватывает все тендерные стимулы. Ребенок не знает многого из того, что взрослые знают, во что верят, что любят и что чувствуют. Двух- или трехлетняя девочка не знает, что женщина вряд ли станет президентом. Она знает одно: говоря про себя «девочка», она маркирует свой тендер, и с таким ярлычком удобно общаться с другими. Тендерная идентичность более текуча, чем считают маленькие дети, и тендерная социализация человека продолжается всю его жизнь. Не менее важно и то, что мы — активные действующие лица в нашей собственной социализации, а не просто пассивные рецепторы культурных проектов, предлагающих нам соответствующие модели тендерных типов поведения.

Так как нет никаких «естественных» отношений между тендерной идентичностью и исполнением тендерной роли, то маленький ребенок лишь «знает», что его или ее тендер — это всего лишь ярлык с очень небольшим содержанием. Однако

125

именно этот ярлык и используют в воспитании ребенка далее, чтобы дать ему или ей новое знание на основе уже испытанного. Кто, например (с точки зрения тендера), уходит из дома утром на работу, кто отвечает за домашнее хозяйство, кто играет с машинками или куклами (или, по крайней мере, как дети видят эти игры в СМИ)? Все эти действия более или менее гендерно типизированы, в основном по признаку того, кто это делает, а не того, что именно делается. Кроме того, все дети постоянно слышат устные увещания взрослых насчет того, что делают и не делают мальчики, а что — девочки. Дети естественно склонны подражать поведенческим моделям взрослых, даже если имитация не закрепляется дальше. Перед их глазами проходит невероятное количество ситуаций типичного тендерного поведения. Дети плавают в океане гендерно маркированного поведения, и ужасно трудно плыть против течения¹⁰.

С этой точки зрения, стабильность чувства своей тендерной принадлежности не зависит от врожденных биологических различий, опыта раннего детства или когнитивного фильтра. Она зависит от ежедневных ситуаций, которые непрерывно стабилизируют в ребенке смысл того, что значит быть мальчиком или девочкой. Каждый из нас имеет такую историю социального обучения, мы можем найти тендерные различия в поведении и ценностях детей и взрослых. Для понимания нашей тендерной идентичности нам следует сначала взглянуть на то, какие социальные установления существуют в нашем обществе относительно поведения мужчин и женщин и как они сами себя воспринимают. Если вы воспринимаете себя как женщину и находитесь в обстоятельствах, когда люди в вашем окружении ожидают от женщин определенного типа поведения, тот факт, что вы считаете себя женщиной, определит способ вашей реакции на эти обстоятельства. Таким образом, в обществе всегда есть два фактора, которые влияют на тендерное поведение: требование социальной ситуации и предшествующий опыт бытия девочкой или мальчиком, женщиной или мужчиной.

Феминистские вызовы психоанализу и психологии развития

Фрейдистская теория психосексуального развития предложила очень необычную альтернативу идеям биологического детерминизма. Вместо того чтобы сосредоточиться на тендерном разнообразии, как это сделали антропологи, **Фрейд** подчеркнул универсальность сексуальных различий между муж-

126

чиной и женщиной, но при этом утверждал, что эти различия производятся — дети учатся

им в своих взаимодействиях с семьей и обществом. Он не видел ничего неизбежного ни в становлении человека мужчиной или женщиной, ни в приобретении им гетеросексуальной ориентации. Сексуальная ориентация и тендерная идентичность были для него результатом развития человека.

Многие женщины не согласились с аргументацией Фрейда, поскольку он заявлял, что развитие женщин является результатом чувства стыда, которое охватывает их, после того как они понимают, что у них нет пенисов. Мало того, что это абсурдное утверждение придает такое значение небольшому кусочку плоти, зависть к пенису означает также, что женщины всегда считают себя неполноценными по отношению к мужчинам. К тому же Фрейд утверждал, что женское развитие требует отречения от клитора как источника сексуального действия и удовольствия ради «более зрелой» сексуальности принимающего влагалища. Как только Фрейд опубликовал свои работы, женщины бросили вызов его принципу зависти к мужскому члену как центрального момента в развитии девочек. В своем эссе 1922г. «О происхождении комплекса кастрации в женщинах» Карен Хорни предположила, что теория, согласно которой половина человеческого рода является вечно неудовлетворенной, кажется довольно проблематичной. Контекст женского развития создает, скорее, «реальное социальное подчинение женщин». С тех пор женщины продолжают терпеливо объяснять нам, что именно мужчины, а не женщины, придают огромное значение обладанию пенисом. В конце концов, как женщины вообще могут знать ощущение от этого обладания? Как выразилась одна из психоаналитиков, «именно мужчина относится к своему члену как к ценному органу и предполагает, что женщина также должна чувствовать нечто подобное. Но женщина не может в действительности вообразить сексуальное удовольствие, получаемое мужским членом, — она может только оценить социальные преимущества, которые даны его обладателю»¹¹.

Так что у женщин, скорее, может быть политическая и социальная «зависть к привилегиям» мужчин, чем к чему-то, связанному с их телом.

На самом деле, по мнению некоторых авторов, Фрейд вывернул все наизнанку. У женщин зависть к мужскому члену меньше мужской «зависти к матке». Женщины, в конце концов, способны рожать детей, и они явно делают это сами (по крайней мере, в тех культурах, в которых само мгновение зачатия

127

девятью месяцами ранее не помнят или оно не считается чем-то существенным)! Независимо от того, чем занимаются мужчины, они не способны дарить жизнь. Бруно Беттельхейм и некоторые другие предположили, что происхождение женского подчинения берет начало в страхе мужчин перед женской репродуктивной силой, и указали, что мужские ритуалы инициации, в которых мужчина подражает мукам рождения, являются признаком ритуального «присвоения» репродуктивной функции женщины, маскирующего острую зависть мужчин¹². Другая линия критического анализа была призвана полностью изменить исходные суждения Фрейда. Вместо того чтобы спрашивать, как и почему женщины стали считать себя неполноценными по отношению к мужчинам, почему бы не спросить мужчин, как они пришли к выводу о своем превосходстве над женщинами? Несколько феминистских авторов, таких, как Нэнси Чодороу, Лириан Рубин, Дороти Диннерштейн и Джессика Бенджамин, задали именно этот вопрос¹³. Вдохновленные школой объектных отношений в психоаналитической мысли, эти теоретики указали и на другие глубоко скрытые маскулинные предубеждения в формулировках Фрейда. Ведь он считал высшей точкой тендерного развития достижение автономии — независимости от матери и, таким образом, создание потребности в групповой идентификации. Мальчик достигает автономии в отказе от идентификации с матерью и в последующей идентификации с отцом. Однако в «Воспроизводстве материнства» Чодороу утверждает, что Фрейд не продумал вопрос об источниках мужского чувства превосходства и, следовательно, мужского доминирования¹⁴.

А что, если предположить, писала Чодороу, что способность к близости, эмоциональной связи и сотрудничеству является свойством здорового взрослого человека? Это подразумевало бы, что стадия, *предшествующая* эдипову кризису, а именно стадия глубокой привязанности мальчика и девочки к матери, имеет решающее значение. На самом деле, когда мальчик отворачивается от матери и обращается к отцу, он теряет способность к установлению связи и

близости, в то время как девочка сохраняет эту способность. Более того, такой опыт оказывается для мальчика настолько травматичным и в то же время настолько необходимым в нашей культуре, что он должен постоянно демонстрировать, насколько успешно с ним справился. Мужественность определяется как дистанция между мальчиком и его матерью, между собой и прежним «маменькиным сынком». Он должен тратить значительное время и энергию на демонстра-

128

цию успешного достижения этого разрыва, что и делает, обесценивая все женское, включая сюда свою мать, девочек, саму женственность и, конечно, все эмоции, с ней связанные. Мужское доминирование требует маскулинной девальвации женского. Как выразилась Чодороу: «Мальчик, в своих попытках обрести неуловимую мужскую идентификацию, часто вынужден определять свою мужественность преимущественно в негативных терминах, как то, что не есть женское или не связано с женщинами. Здесь существуют внутренний и внешний аспекты. Внутренне мальчик пробует отойти от матери, отрицая свою привязанность и сильную зависимость от нее, которую он все еще чувствует. Он также пробует избавиться от глубокой личной идентификации с нею, которая сложилась в раннем детстве. Он добивается этого, подавляя в себе то, что воспринимает как „женское“, и, что особенно важно, принижая все то, что он рассматривает как женское во внешнем мире».

Таким образом, Фрейд дал возможность и решительно феминистского прочтения мужского доминирования. Но сам он этого не заметил, поскольку его интересовал именно разрыв с матерью как решающий момент в *человеческом развитии*¹⁵.

Идеи Кольберга о стадиях когнитивного и морального развития также подверглись критическому исследованию ученых-феминистов. Стадии Кольберга основаны на очень конкретных и практических правилах по применению универсальных этических принципов. Но при оценке девочек и мальчиков девочки как будто «застревают» на третьей стадии морального развития, для которой важны межличностные ожидания и отношения. (Кольберг утверждал, что это различие логически вытекает из более дистанционного характера отношений мальчика с отцом по сравнению с более взаимозаменяемыми отношениями девочки с матерью.) Кэрл Гиллиган, одна из студенток Кольберга, вовсе не была в этом убеждена и полагала, что различные типы морали не должны подвергаться иерархическому оцениванию. В своей новаторской книге «Другим голосом» Гиллиган предположила, что такие стадии возникают только тогда, когда мужская жизнь получает статус нормы. В своих интервью со студентками Гарварда Гиллиган обнаружила самые различные критерии для принятия моральных решений. Существует и другой моральный голос, кроме «этики справедливости», универсальной этической парадигмы Кольберга, предложенной в качестве заключительной стадии морального развития. Есть еще и «этика заботы», значимость близости и связей между людьми, которая считается более характерной для женщин.

⁵ Тендерное общество

129

Гиллиган предположила, что происхождение агрессии, возможно, носит разный характер для женщин и мужчин. Этика правосудия требует слепого и безразличного применения санкций; агрессия происходит из-за ограничений индивидуальной автономии. Напротив, женщины, пишет Гиллиган, слышат «другой голос», который говорит «о правде, основанной на этике заботы и связи между отношениями и ответственностью, и тогда агрессия является результатом нарушения этой связи»¹⁶.

Работа Гиллиган вызвала значительные дискуссии и противоречивые отзывы среди психологов-феминистов, которые продолжают расходиться, подобно кругам на воде, в более широких слоях общества. Она *как будто* поддерживала точку зрения, что женщины и мужчины существенно, безвозвратно и непримиримо различны. Быстро последовали исследования, основывающиеся на этой предпосылке, среди которых были и работы по вопросам познания и эпистемологии, и научно-популярные книги, делавшие акцент на различиях между женскими и мужскими лингвистическими и мифологическими сферами¹⁷. Как ни странно, группы, которые стремились исключить женщин из различных сфер общества, попытались использовать аргументы Гиллиган, чтобы узаконить дискриминацию. Если женщины и мужчины настолько очевидно различны, рассуждали они, то исключение

женщин из некоторых позиций является не дискриминацией, но реальной возможностью соблюдать и уважать различия полов. Исторически доводы, которыми пользовались мужчины в борьбе против избирательного права для женщин, практически полностью совпадали с тем, о чем писала Гиллиган. Например, один антисуфражист утверждал в 1914 году:

«На одну практическую трудность участия женщин в общественных делах мы можем указать сразу. Они, как кажется, не являются интеллектуально пригодными для этого... очень редко можно найти женщину, которая имеет государственное мнение. Обычная женщина интересуется людьми, а не принципами. Только когда принцип воплощен в конкретном человеке, она может отнестись к нему с энтузиазмом. Она может образно представить себе причину какого-либо явления, но не может проследить за экономическим процессом... Она скорее заинтересуется чем-то незначительным, касающимся ее собственной жизни, чем большими делами, определяющими судьбы наций».

Позже представители военной школы «Цитадель» и Военного института штата Виргиния цитировали аргументы Гиллиган о различиях между женщинами и мужчинами в качестве оправдания исключения женщин из государственного корпуса каде-

130

тов, а отделения пожарной охраны стремились лишить женщин возможности вступить в их ряды. (Поскольку законодательство требует безразличного применения закона и приверженности абстрактным принципам, можно предсказать также аргументы за то, чтобы исключить женщин из ранга судей¹⁸.)

Сама Гиллиган была гораздо более осторожной в оценках и сожалела, что ее книга привела к «рационализации притеснения». На самом деле она писала о том, что «североамериканские мужчины, которых поощряют в нашей системе образования, имеют выраженную склонность сосредотачиваться на проблемах справедливости в своих описаниях опыта морального конфликта и выбора; две трети мужчин в наших исследованиях проявили такую „одержимость справедливостью“. Одна треть женщин в нашем исследовании имела такие же характерист*ти-ки. Но другая треть женщин проявила приверженность принципам заботы, по сравнению с только одним из сорока шести мужчин-респондентов». Кроме того, «третья часть и женщин, и мужчин артикулировала ценности справедливости и заботы в равной мере». Далеко идущие выводы, сделанные на основе этих данных, и утверждения о том, что мужчины и женщины отличаются в своих моральных взглядах, не могут не привести к искажению ее выводов и превращению их в стереотипы.

Она пишет: «Название моей книги выбрано преднамеренно; „другим голосом“ не значит „голосом женщины“. Во введении я объясняю, что этот голос определяется не гендером, а темой. Даже если „другой голос“ на эмпирическом уровне ассоциируется с женщинами, я предостерегаю читателей, что „эта ассоциация не абсолютна, и контрасты между мужским и женским голосами здесь используются не для обобщений по вопросу полов, а для выдвигания на первый план различий между двумя способами мышления и привлечения внимания к проблеме интерпретации“. Я указываю на взаимодействие этих голосов в пределах каждого пола и предполагаю, что их конвергенция указывает на времена кризиса и изменений. Я настаиваю на том, что не делала никаких заявлений о происхождении этих моральных голосов или их распределении среди населения, культур или во времени (с. 2). Таким образом, аспект заботы в моем понимании биологически не предопределен и не уникален для женщин. Это, однако, моральная перспектива, отличная от того, что в настоящее время вкладывается в психологические теории и измерения, и эту перспективу я сформулировала для себя, когда слушала и женщин, и мужчин, описывающих свой собственный опыт»¹⁹.

131

Последующие исследования оказались не в состоянии воспроизвести дуалистические тендерные различия в этике. Большинство исследователей «не находят каких-либо устойчивых различий среди мужчин и женщин в оценке моральных вопросов, на основе ли заботы или на основе справедливости»²⁰.

Несмотря на эти оговорки и явную недостаточность данных о категорических гендерных различиях, поколение феминисток-эссенциалисток использовало работу Гиллиган в качестве пробного камня. Различия, которые мы видим между женщиной и мужчиной,

интерпретируются ими почти так же, как эссенция-листами в биологии. Возможно, наиболее интенсивные попытки в этой области предприняла Дебора Таннен, представившая свидетельства того, что мужчины и женщины используют язык по-разному. Мужчины, утверждает она, используют язык для утверждения своей позиции в иерархии. Для мужчин беседа «является переговорами, в которых участники пытаются чего-то достичь и, если возможно, взять верх, а также защититься от попыток других подавлять себя и третировать». Они чаще прерывают разговор, игнорируют комментарии других людей и декларируют различные факты и мнения. Женщины, наоборот, используют беседу для того, чтобы установить и поддерживать отношения. Для них беседа — «процесс достижения близости, в котором люди пробуют, ищут, дают подтверждение и поддержку и достигают согласия». Они ведут переговоры в частном ключе, задают больше вопросов, чтобы поддержать ход беседы, используют больше личных местоимений. Когда говорит женщина, она часто заканчивает повествовательное предложение небольшим повышением интонации, будто завершая его знаком вопроса²¹.

Как и Гиллиган, Таннен утверждает, что она просто идентифицировала две различные коммуникационные модели и что ни одна из них не «лучше» другой. Тем не менее, в отличие от Гиллиган, Таннен приписывает различие между этими моделями именно тендеру. При этом она зря думает, что очень успешно скрывает свои предубеждения. Например, Таннен пишет, что мужская потребность в автономии и независимости может быть «помехой», поскольку наступили времена, «когда никто не имеет всей необходимой информации для принятия решения». Наоборот, женщины «становятся лучшими менеджерами, потому что они более склонны консультироваться с другими и вовлекать сотрудников в принятие решения»²².

Но действительно ли они существуют — эти наблюдаемые различия между реальной женщиной и реальным мужчиной? Здесь все не так уж очевидно. В главе 1 мы видели, что иссле-

132

дования прерывания разговора предлагают нам намного более сложную картину, что женщина прерывает женщину и мужчина прерывает мужчину приблизительно одинаково. В то же самое время мужчина прерывает женщину гораздо чаще, чем женщина прерывает мужчину, — открытие, которое позволило исследователям сделать заключение о том, что дело не в тендере того, кто говорит, а в тендере человека, с которым говорят, и именно здесь пролегает различие. Все это имеет отношение и к молчанию. Один и тот же мужчина, молчаливый и необщительный дома, оказывается весьма разговорчивым на работе, где он использует беседу, чтобы удостовериться, что его отношения со всеми в порядке. И снова это не тендер молчаливого мужчины заставляет его вести себя так, а его относительная власть в данной ситуации.

Психологи-Феминисты подвергли критике андроцентричное предубеждение в психологической литературе относительно тендерной идентичности и ее развития. Мужчины воплощали в психологии некий нормативный стандарт, на основании которого происходило оценивание мужчин и женщин, и именно женщинам всегда чего-то не хватало. Как продемонстрировала Гиллиган, когда психологи меняют свою рамку восприятия и начинают внимательно прислушиваться к женским голосам, возникают новые паттерны развития. Эти предрассудки также влияют на жизни реальных людей. Например, «Диагностическое и статистическое руководство по вопросам умственных нарушений» (DSM), изданное Американской ассоциацией психиатров, является диагностической библией профессионалов в области душевных болезней.

Какое-то время это руководство включало в свой список такие психические болезни, как «предменструальное дисфорическое расстройство», являвшееся вариантом предменструального синдрома. Итак, каждая женщина потенциально может страдать определенной психической болезнью примерно неделю в месяц, что составляет до 25 процентов ее взрослой жизни. (Гомосексуальность только недавно убрали из этого диагностического справочника.) Психолог Пола Каплан предложила, раз уж такое расстройство есть в списке, ввести новый набор диагнозов, включая «навязчивую манию доминирования», для классификации сексистского поведения как симптома психической болезни. А как насчет «симптома Джона Уэйна» или «синдрома мачо»? Ее короткий тест для идентификации «навязчивой мании

доминирования» отлично позволяет видеть тендерные предрассудки в подобных якобы гендерно нейтральных руководствах.

133

УЗНАЕТЕ ЭТОГО МУЖЧИНУ?"

Тест, которого никогда не будет в «Космо» или «Редбук»

Мужчины, которые соответствуют по крайней мере шести из следующих критериев, могут страдать навязчивой манией доминирования! Предупреждение: это расстройство развивающееся, глубокое и разрушающее всю личность заболевшего! (Проверьте всех, кто обратился с просьбой об этом.) **1. Верно ли, что он...**

□ Неспособен завязывать и поддерживать значимые для него отношения с другими? □ Неспособен идентифицировать и выражать диапазон своих чувств (при этом он, как правило, способен адекватно и сочувственно реагировать на чувства и потребности близких и партнеров (что часто приводит к непониманию его окружающими)?)

ин

□ Неспособен точно идентифицировать [] Неспособен получать удовольствие от того, что чувствует другого человека?)

2. Верно ли, что он...

□ Использует в отношениях с другими, скорее, власть, молчание, уход и/или уклонение, чем стремление обсудить конфликтную ситуацию или возникшие трудности?

□ Полагает, что женщины ответственны за все плохое, что с ним происходит, в то время как все хорошее происходит благодаря его собственным способностям, достижениям или усилиям?

□ Кичится значимостью и достижениями лично своими, всех мужчин вообще или и то, и Другое?

□ Делит сферы функционирования и типы поведения строго по половому признаку (например, считает, что домашняя работа — только женская)?

□ Использует тендерный двойной стандарт при интерпретации или оценке ситуаций или поведения (считает мужчину, который иногда готовит завтрак, очень хорошим, а женщину, которая иногда забывает приготовить завтрак, никуда не годной)?

□ Чувствует чрезмерную угрозу со стороны женщин, которые не в состоянии скрыть свой интеллект?

3. Есть ли у него...

□ патологическая потребность подтверждать свою социальную значимость, показываясь в компании женщин, которые соответствуют любым трем из этих критериев:

- физически привлекательны в общепринятом смысле;
- моложе;
- ниже ростом;
- меньше весом;
- с более низким социально-экономическим положением;
- более покорны... чем он?

что делает что-то для другого?

[] Разделяет какое-либо из следующих заблуждений:

- заблуждение, что мужчина имеет право на услуги любой женщины, с кем он имеет личную связь;
- заблуждение, согласно которому женщины любят страдать и выполнять приказы;
- заблуждение, что физическая сила — лучший метод решать межличностные проблемы;
- заблуждение, что мужские сексуальный и агрессивный импульсы не поддаются контролю;
- заблуждение, что порнография и эротика — одно и то же;
- заблуждение, что в руках женщин основное богатство и власть мира, но при этом они очень мало работают;
- заблуждение, что существующее неравенство в распределении власти и богатства является результатом выживания самых приспособленных и поэтому социальные и экономические блага следует распределять в пользу тех, кто уже преуспел и заслужил награду.

искаженный подход к сексуальности, проявляющийся в одном или обоих следующих признаках:

- патологическая потребность в лести по поводу его сексуальных данных и/или размера его гениталий;
- инфантильная тенденция приравнивать большие груди женщины к ее сексуальной привлекательности.

□ безудержное эмоциональное сопротивление усилиям, направленным на достижение гендерного равенства?

Тенденция считать себя «Новой мужчиной» не доказывает, не опровергает, что этот субъект соответствует данной диагностической категории.

* Некоторые женщины также соответствуют многим из этих критериев — потому что они желают быть столь же доминантными, как мужчины, или потому что они считают, что мужчины должны быть доминантными.

воспроизведено с разрешения авторов из книги Полы Дж. Каплан «Говорят, ты псих: как самые влиятельные психиатры мира сего решают, кто нормальный» (Эдисон-Уэсли, 1995).

Рис. 4.1. Гипотетический диагностический инструмент для определения синдрома навязчивой мании доминирования

Различия в развитии полов

Так где же пролегают реальные, а не воображаемые психологические различия между женщинами и мужчинами? Психологи, занимающиеся проблемами развития, указали на некоторые существенные различия между мужчинами и женщинами, возникающие по мере нашего развития. Однако речь идет опять о различиях между средними величинами, каждая из которых подразумевает, что существует больше вариаций *среди* мужчин как группы и *среди* женщин как группы, чем *между* женщинами и мужчинами. Психологи Элеонор Маккоби и Кэрл Джаклин проанализировали более тысячи шестисот эмпирических исследований, проведенных в 1966—1973 гг., и обнаружили только четыре сферы с существенными и последовательными различиями по половому признаку: 1) девочки имеют относительно более высокие вербальные способности; 2) мальчики имеют более развитые визуальные и пространственные способности; 3) мальчики добиваются большего успеха на математических испытаниях; 4) мальчики более агрессивны, чем девочки. Маккоби и Джаклин написали в итоге, что фактически их работа «выявила удивительно высокую степень схожести в развитии мальчиков и девочек. К представителям обоих полов относятся одинаково нежно, по крайней мере, в первые пять лет жизни (период, о котором больше всего информации); им одинаково позволено и поощряется независимость, и не поощряется зависимое поведение... Даже удивительно, что нет ни одного свидетельства различной родительской реакции на агрессивное поведение мальчиков по сравнению с девочками. Но различия, однако, есть. С мальчиками обращаются и играют несколько грубее. Они также получают больше физических наказаний. В некоторых исследованиях было обнаружено, что мальчики получают и больше

похвалы, и больше критики от своих воспитателей — социализационного давления, другими словами, с мальчиками все происходит несколько интенсивнее, но свидетельства и здесь остаются противоречивыми. Самая значительная дифференциация выявляется в поведении, маркированном как поведение по половому признаку. Родители выказывают значительно больше беспокойства, когда мальчик проявляет „девчоночьи" качества, и меньше, когда девочка остается девчонкой-сорванцом. Это особенно верно по отношению к отцам, которые инициативно и активно препятствуют интересам сына к игрушкам для девочек, к „девчоночьим" действиям или к стремлению наряжаться, как девчонки»²³.

135

Мужчину и женщину можно обучить обширному множеству характеристик, а уж индивидуальных изменений, привносящихся в этот процесс, существует огромное количество. Так как найдены лишь незначительные фактические различия между мальчиками и девочками, как же мы можем объяснить относительно малую эффективность воздействия компонентов социализации (игрушки, игры, телевидение, школы) на поведение детей в психологических экспериментах и на продолжающееся приписывание детям и взрослым гендерно стереотипных ролей? Наш ответ может быть только спекулятивным. В большинстве психологических экспериментов мальчикам и девочкам предлагается выполнять одинаковые задания, не оговаривая их как соответствующие определенному тендеру. В этом контексте дети обоих полов выполняют задания главным образом одинаково. Реальная власть тендера сосредоточена гораздо меньше в ребенке, чем в окружающей его среде. Социальная окружающая среда заполнена тендерными посылками и тендерными видами деятельности. Даже если ребенок не обладает никакой фиксированной и постоянной тендерной ролью, социальные установления будут непрерывно укреплять в нем тендерные различия. В гендерно нейтральном эксперименте социальные требования отсутствуют, и поэтому ребенок не ведет себя в соответствии с тендерным стереотипом. Вероятно, не какие-то интернализированные убеждения создают для нас позиции «женщин» и «мужчин», а наши межличностные и социальные окружающие среды. Раз существуют значительные вариации в том, что на самом деле делают мужчины и женщины, поддержание гендерно-ролевых различий может требовать постоянного давления и укрепления социальной организации, заинтересованной в сохранении этих ролей.

Социальная психология половых ролей

В своем стремлении понять взаимосвязь установок, черт и типов поведения, составляющих «нормальную» гендерную идентичность, некоторые социальные психологи разработали и расширили первоначальные классификации М-Ж континуума, предложенного Терманом и Майлз. Если мужественность и женственность можно рассматривать как определенные точки континуума, то варианты ненормального поведения можно объяснять как примеры поведения, не соответствующего своему тендеру²⁴. После Второй мировой войны, например, некото-

136

рые психологи выдвигали гипотезу, что склонность к фашизму и нацизму произошла от искажения тендерной идентичности. Авторы «Авторитарной личности» составили типологию видов поведения, основанную на М-Ж шкале, предполагая, что женственность и мужественность могут описывать как внутреннюю психологическую идентификацию, так и внешние поведенческие проявления. Их типология представляет четыре возможных комбинации вместо двух:

Внутренняя психологическая организация

Внешние поведенческие проявления

	Маскулинная	Фемининная
Маскулинные	ММ	МЖ
Фемининные	ЖМ	ЖЖ

Две ячейки, верхняя левая и нижняя правая, являются «гендерно соответствующими» — туда попадают те мужчины и женщины, чья внутренняя психологическая идентификация соответствует их внешнему поведению. Те мужчины, чьи ответы на тест позволили поместить

их в верхнюю правую ячейку, — внутренне женственные, но внешне мужественные — показали также самые высокие результаты в отношении расизма, авторитаризма и гипермаскулинности. Авторы предположили, что такие качества являлись средством, чтобы справиться с чувством уязвимости, для тех, кто не уверен в собственной мужественности и старается в связи с этим проявлять твердую приверженность самым традиционным и авторитарным нормам²⁵.

Этот подход превратился в расхожий шаблон в Америке 1950-х гг. и использовался для изучения таких процессов, как подростковая преступность, сопротивление американского Юга процессу интеграции и распространению фажданных прав и сопротивление мужчин феминизму. Недавние исследования изучают также феномен гомофобии. Они также нашли популярный отклик в работах о школьниках-хулиганах, утверждающих, что они *наименее уверены* в своей мужественности и поэтому должны ее все время доказывать. Хулиган не сможет понять вопрос «Почему ты не выбираешь того, кто по силе равен тебе?», потому что его цель состоит не в том, чтобы конкурировать, а чтобы победить и утвердить тем самым свою неустойчивую маскулинность (хотя бы на мгновение). Это, конечно, не срабатывает, поскольку противник не является достойным его соперником, и он должен повторять все снова и снова. Интересно, что Сэнфорд и его коллеги обнаружили, что мужчины с высоким показателем в нижней левой ячейке — внешне

137

женственные и внутренне мужественные — оказались самыми творческими, артистическими и интеллектуальными личностями. Действительно, надо быть очень уверенным в себе мужчиной, чтобы позволить себе отклоняться от маскулинных поведенческих норм, писали они. В то время как Сэнфорд и его коллеги разрабатывали типологию внутренних идентичностей и внешних типов поведения, Миллер и Суонсон увидели определенную последовательность в развитии человека. Все дети, и мальчики, и девочки, начинают жизнь как «ЖЖ», т.е. полностью идентифицируют себя с матерью и так же ведут себя. Мальчик затем проходит через эдипову стадию, или «ЖМ», в течение которой он продолжает идентифицировать себя с матерью, но уже начинает процесс разрыва с этой идентификацией, одновременно приобретая внешние мужские черты и поведенческие практики. Наконец, мужчина достигает стадии «ММ» — гендерно соответствующих внутренней идентификации и внешнего поведения. Таким образом, авторитаризм, расизм, сексизм и гомофобию можно теперь рассматривать как примеры психологической незрелости, своего рода «задержанного» развития. (Потенциальная четвертая стадия²⁶, «МЖ», в исследовании не рассматривалась.)

Вторая связанная с этими исследованиями траектория представлена работой Толкотта Парсонса и других социологов, которые стремились выявить социальные потребности в мужественности и женственности. Парсонс утверждал, что общество выполняет два типа главных функций — производство и воспроизводство, и для их выполнения необходимы две отдельные системы институтов — профессиональная система и система родства, которым, в свою очередь, требуется два типа ролей для успешного функционирования. Для выполнения инструментальных ролей нужны рациональность, автономия и конкурентоспособность; экспрессивные роли требуют нежности и заботы для социализации следующего поколения. Таким образом, Парсонс сместил акцент развития полороле-вой идентичности с «потребности» младенца стать мужчиной или женщиной к потребности общества, нуждающегося в том, чтобы индивиды в нем заполняли соответствующие ячейки. К счастью, считал Парсонс, у нас есть два различных типа людей, которые социализированы так, чтобы выполнять эти две различных роли.

Парсонс, однако, предположил, что распределение мужских и женских ролей не всегда проходит гладко. Например, в западных обществах возникновение изолированной нуклеарной

138

семьи и продление периода детства означают, что мальчики продолжают идентифицировать себя с матерью очень долгое время. К тому же разделение сфер подразумевает, что девочки имеют соответствующую модель для подражания прямо перед глазами, в то время как у мальчиков нет адекватных моделей для подражания. Таким образом, утверждал Парсонс, разрыв мальчика с матерью и его потребность в утверждении своей индивидуальности и мужественности часто сопровождаются сильным протестом против женственности, и резкое

отрицание в себе «женского» становится «очищением» себя от женской идентификации. Мальчик «восстает против идентификации со своей матерью во имя маскулинности», пишет Парсонс, приравнивая при этом добродетель к женственности, так что стать «плохим мальчиком» становится для него положительной целью. Это, полагает Парсонс, влечет некоторые отрицательные последствия, включая «культ принудительной мужественности»: «Западные мужчины особенно подвержены подростковому типу агрессивного мужского поведения и установок, проявляющихся в разных формах. Они имеют общую тенденцию восставать против рутинных аспектов институционализированной мужской роли, включающих в себя прежде всего трезвую ответственность, глубокое уважение к правам других и нежную привязанность к женщине. Свойственное этому комплексу утверждение через физические качества с тенденцией к насилию и, следовательно, к милитаристским идеалам является наиболее потенциально опасным»²⁷.

У девочки процесс проходит несколько иначе. Ее социализация происходит легче, потому что она идентифицирует себя с матерью. Ее сопротивление и гнев возникают из-за необходимости признать «мужское превосходство» т.е. тот «факт, что ее собственная безопасность, как и безопасность других женщин, зависит от покровительства и даже „прихотей“ мужчины». Внезапно она понимает, что качества, которые она ценит, могут помешать ей в жизни. Она может выразить агрессию, которая неизменно следует за этой фрустрацией, восстав против женской роли в целом: она может стать феминисткой.

К 1970-м гг. теория половых ролей подверглась подробному критическому обзору. Некоторые ученые нашли такую бинарную модель, объединяющую в себе роли, потребности системы, а также мужчин и женщин, не просто несколько поверхностной и удобной, но политически консервативной — поскольку изменение ролей означало бы подрыв *общественных* потребностей. Другие подчеркивали принудительный характер

139

этих ролей. Если они естественны и с готовностью удовлетворяют очевидные потребности, почему так много людей восстают против них, и почему они должны так жестко навязываться? Два существенных вызова бросили сами социальные психологи. Дэрил и Сандра Бем и другие, изучая *содержание* половых ролей, пришли к выводу о том, что наиболее психологически приспособлены и интеллигентны люди, находящиеся между полюсами мужественности и женственности. Они назвали это явление *андрогинией*, «одновременным присутствием социально ценимых, стереотипных женских и мужских характеристик», наилучшим образом описывающих здорового, адаптированного индивида. Несколько исследований пытались подтвердить преимущество андрогинной модели индивидуальности перед стереотипно фемининной и маскулинной. Но последующие исследования не смогли подтвердить валидность этих данных, и андрогиния была дискредитирована как, скорее, своего рода размытая индивидуальность без личностных черт, чем синтез лучших качеств обоих полов²⁸.

В то время как сторонники андрогинии бросили вызов содержанию теории половых ролей, Джозеф Плек бросил вызов ее форме. В ряде статей, в итоге завершившихся книгой «Миф о маскулинности», Плек выдвинул идею, что проблема состоит не в том, что мужчина испытывает трудности при «встраивании» в рациональную модель мужественности, а в том, что сама эта роль является внутренне противоречивой и непоследовательной. Вместо принятия половой роли как некоего пакета Плек операционализировал то, что он назвал моделью мужской полоролевой идентичности (MSRI), состоящей из набора дискретных проверяемых суждений. Они включали в себя следующее:

1. Полоролевая идентичность оперативно определяется психологическими измерениями половой типизации, осмысляемой в терминах психологических факторов мужественности и/или женственности.
2. Полоролевая идентичность является производной от моделирования идентификации и, в меньшей степени, от ее последующего укрепления и когнитивного обучения чертам характера, свойственным соответствующему полу, особенно для мужчин.
3. Развитие идентичности, соответствующей половой роли, опасно и может привести к неудачам, особенно для мужчин.
4. Гомосексуальность отражает нарушение полоролевой идентичности.

5. Идентичность, соответствующая половой роли, необходима для хорошего психологического приспособления, так как в этом существует внутренняя психологическая потребность.
6. Гипермаскулинность указывает на ненадежность поло-ролевой идентичности.
7. Проблемы полоролевой идентичности порождают негативные мужские установки и поведение по отношению к женщинам.
8. Проблемы полоролевой идентичности объясняют трудности в учебе и регулировании поведения мальчиков в школе.
9. Черные мужчины особенно уязвимы в вопросе полоролевой идентичности.
10. Юношеские обряды инициации — ответ на проблемы полоролевой идентичности.
11. Исторические изменения в характере работы и организации семьи создали сложности для мужчин в развитии и поддержании их полоролевых идентичностей.

Когда практически все эти тезисы оказались эмпирическим путем опровергнуты, Плек пришел к выводу, что сама мужская роль является источником напряжения, беспокойства и мужских проблем. Психология была, таким образом, превращена из «средства», помогавшего мужчине с проблемами приспособляться к его рациональной половой роли, в одну из причин происхождения этих проблем, т.е. орудие, с помощью которого в мужчин закачивались тонны лжи о маскулинности. Сама полоролевая система была источником большей части мужских неприятностей и боли. Плек, со своей стороны, предложил модель полоролевого мужского напряжения (MSRS):

1. Половые роли операционально определяются полоролевыми стереотипами и нормами.
2. Половые роли являются непоследовательными и противоречивыми.
3. Количество индивидов, нарушающих эти роли, очень велико.
4. Нарушение половой роли ведет к социальному осуждению.
5. Нарушение половой роли ведет к негативным психологическим последствиям.
6. Фактическое или воображаемое нарушение половой роли приводит индивида к тому, что он стремится более чем соответствовать этой роли.
7. Нарушение половой роли имеет более серьезные последствия для мужчины, чем для женщины.

8. Некоторые характеристики, предписанные половой ролью, оказываются психологически дисфункциональными.
9. Каждый гендер испытывает ролевое напряжение в выполнении своей роли на работе и в семье.
10. Исторические изменения вызывают ролевое напряжение. Целью этой новой модели должно было стать переключение в понимании проблемы от самих мужчин к тем ролям, которые

они вынуждены играть .

Но некоторые проблемы полоролевой теории невозможно разрешить даже с помощью этих двух амбициозных попыток. Во-первых, когда психологи обсуждали «мужскую» или «женскую» половую роль, они представляли себе эту «роль», которую должны принять на себя все мальчики и все девочки, как некое монолитное единство. В процессе социализации мальчики принимают на себя мужскую половую роль, а девочки — женскую. Вообразите два больших резервуара, в которые помещены все биологические мужчины и женщины. Но все мужчины и женщины не одинаковы. Существует множество видов как «мужественности», так и «женственности», в зависимости от класса, расы, этнической принадлежности, возраста, сексуальности и места проживания. Если все мальчики или все девочки должны пройти одинаковую социализацию, чтобы усвоить одну и ту же половую роль, то различия в виде маскулинности чернокожих, или латиноамериканской женственности, или маскулинности гея средних лет, или женственности пожилой белой дамы со Среднего Запада и т.д. не могли бы существовать. Теория половых ролей не способна объяснять различия *между* мужчинами как группой или *между* женщинами как группой, потому что она всегда начинается с нормативных предписаний половых *ролей*, а не с жизненного опыта *самых* мужчин и женщин.

(Помните, что именно различия между мужчинами и между женщинами — а не различия между женщинами и мужчинами — обеспечивают разнообразие установок, черт и типов поведения, которое мы и наблюдаем.)

Вторая проблема с теорией половых ролей состоит в самой идее отдельных резервуаров, в которые рассортированы мужчины и женщины по принципу биологического подобия. Когда мы говорим, что мальчики становятся мужчинами и девочки становятся женщинами примерно одним и тем же путем, мы устанавливаем между ними ложное равенство. Если мы игнорируем дифференциал власти между этими двумя «резервуарами», то испаряются аспекты привилегии и угнетения. «Мужчины не имеют власти, — пишет поп-психолог Уоррен Фаррелл, —

142

мужчины и женщины имеют роли»³⁰. Но независимо от того, как мужчины и женщины *воспринимают* свою ситуацию, мужчины как группа действительно имеют власть над женщинами как группой. Кроме того, некоторые мужчины, привилегированные по признаку расы, класса, этнической принадлежности, сексуальности, обладают властью над другими мужчинами. Любое адекватное объяснение тендера должно считаться не только с тендерным различием, но и с мужским доминированием. Теории половых ролей неадекватны для решения этой задачи³¹.

Это теоретическое несоответствие происходит из-за процесса сортировки. Теоретики половых ролей видят мальчиков и девочек, рассортированных на две отдельные категории. Но все, что мы знаем о том, что значит быть мужчиной, имеет самое прямое отношение к тому, что мы знаем о том, что значит быть женщиной; и наоборот. Тендерные конструкции *относительны* — мы понимаем, что значит быть мужчиной или женщиной только относительно доминирующих моделей и относительно друг друга. И те, кто маргинализируется по признаку расы, класса, этничности, возраста, сексуальности и т.п., также оценивают свою тендерную идентичность, сравнивая ее с доминирующей группой.

Наконец, эта теория предполагает, что гендеризованы только индивиды, что гендеризованные индивиды занимают гендерно нейтральные позиции и обитают в гендерно нейтральных институтах. Но гендер — нечто большее, чем признак индивида; гендер организует и структурирует поле, в которое попадают эти индивиды. Институты, на фоне которых проходит наша жизнь, такие, как семья, рабочее место, школа, — ^ами являются гендеризованными, организованными для воспроизводства различий и неравенства между женщинами и мужчинами. Если хотите понять жизнь людей в любой ситуации, как написал однажды французский философ Жан-Поль Сартр, «следует сначала узнать о ситуации, в которой они находятся»³². Теории половых ролей и андрогинии помогают нам выйти за пределы чисто психологических исследований тендера. Но их неспособность теоретизировать по поводу различия, власти, относительности и институциональных параметров означает, что нам необходимо ввести в обсуждение другие элементы. Социологические объяснения тендера начинаются именно с этих принципов.

Глава 5

Неравенство и различие. Социальное конструирование гендерных отношений

Общество — это маскарад, где каждый, скрывая свой подлинный характер, его раскрывает.

Ральф Уолдо Эмерсон

Мое Я... это удивительно противоречивый ансамбль.

Пауль Клее

Согласно одному из лучших определений социологии, данному Чарльзом Райтом Миллзом, она существует на пересечении биографии и истории. Цель социологического исследования — понять место человека во времени и в пространстве, раскрыть те социальные и исторические контексты, в которых он или она выстраивает свою идентичность. Иными словами, социология вырастает из предположения, на котором строится любой анализ структур и институтов, а именно — что человек формирует свою жизнь в пределах исторических и социальных контекстов. Мы ведем себя так или иначе не потому, что биологически запрограммированы, и не потому, что должны выполнить неизбежные задачи, прежде чем

состаримся. Скорее, в нашем взаимодействии с миром происходит формирование, изменение и создание наших идентичностей через посредство встреч с другими людьми и в рамках социальных институтов.

Таким образом, социология начинается с многих тем, которые уже затрагивались в предыдущих главах. Социологические исследования тендера принимают во внимание изменчивость гендерно сформированных идентичностей, исследованных антропологами, а также биологические «императивы» тендерной идентичности и дифференциации (хотя социология видит источник этих императивов не столько в нашей телесности, сколько в окружающей нас среде) и психологические императивы автономии и связи с другими, которые современное общество предъявляет сегодня человеку. Для социолога и наши биографии (идентичности), и история (развивающиеся социальные

144

структуры) имеют гендерное измерение. Подобно другим социальным наукам, социология начинается с критического анализа биологического детерминизма. Вместо того чтобы воспринимать опыт человека как выражение врожденных «межпланетных» различий, социальные науки исследуют различия между мужчинами как группой и женщинами как группой, также как и различия между полами. Социальные науки, таким образом, начинаются с предположения о явно социальном происхождении наших моделей развития.

Наша жизнь зависит от социальных взаимодействий, причем иногда в самом буквальном смысле. В XIII в. Фридрих II, император Священной Римской империи, провел эксперимент с целью открытия «естественного человеческого языка». На каком языке говорил бы человек безо всякого языкового обучения? Он выбрал несколько новорожденных младенцев и указом запретил с ними разговаривать. Как обычно, младенцев кормили грудью, нянчились с ними, купали их, но речь, песни и колыбельные были строго запрещены. Все младенцы умерли. Вы, вероятно, слышали про «диких детей» — младенцев, брошенных людьми и подобранных животными. Такие дети оставались подозрительны к людям и не поддавались социализации, если их находили в возрасте шести лет или старше. Во всех этих случаях дети умерли рано, подвергшись «изоляции», подобно тем малышам, которых их родители, садисты и безумцы, запирают в чуланах¹. В чем смысл историй про «диких детей»? Достоверные или придуманные, они показывают, что биология человека, его анатомический состав, не определяет человеческого развития, как мы, возможно, думали. Мы нуждаемся в том, чтобы взаимодействовать с другими, чтобы быть социализированными, чтобы быть частью общества. Именно взаимодействие, а не наши тела, делает из нас тех, кто мы есть.

Когда мы впервые узнаем, что тендер является социальной категорией, мы часто понимаем это так, что мы, как индивиды, не ответственны за то, что делаем. «Общество сделало меня таким, — можем мы сказать. — Это не моя вина». (Часто это обратная сторона другого ответа, который нередко можно услышать: «В Америке каждый может делать все, что хочет», или «Это — свободная страна, и каждый имеет право на свое собственное мнение».) Обе эти риторические стратегии выражают то, что я называю рефлексивной пассивностью и импульсивным гипериндивидуализмом, и используются для того, чтобы избежать индивидуальной ответственности. Обе они поэтому ведут к неверному пониманию задач социологии. Когда мы

145

говорим, что тендерная идентичность социально конструируется, мы в действительности имеем в виду, что наши идентичности — это текущие сочетания значений и типов поведения, каковые мы конструируем, исходя из ценностей, образов и предписаний, которые находим в окружающем мире. Наши гендерно сформированные идентичности одновременно и добровольные — мы выбираем, кем хотим стать, и вынужденные, потому что на нас оказывают давление, нас вынуждают, нам разрешают или, наоборот, часто физически заставляют выполнять определенные правила. Мы не выдумываем правил, которым следуем, но и не скользим гладко и без усилий по предписанным нам маршрутам.

Для некоторых процесс становления взрослым мужчиной или женщиной в нашем обществе — спокойный и почти незатруднительный дрейф в «русло» определенного поведения и установок, которые кажутся нам знакомыми, как наша кожа. Для других этот процесс — бесконечная попытка, кошмар, в котором приходится жестоко подавлять нечто внутри себя,

чтобы удовлетворить других — или просто чтобы выжить. Для большинства же из нас, тем не менее, опыт становления оказывается чем-то средним: есть то, что мы любим и с чем не расстанемся, и есть качества, которые мы вынуждены преувеличивать за счет других. Социологам надлежит исследовать то, как собственный опыт, взаимодействие с другими людьми и институтами складываются в способы формирования человеком смысла собственного «Я». Биология обеспечивает сырье, в то время как общество и история обеспечивают контекст, инструкцию, которой мы следуем, чтобы строить наши идентичности. В первой главе я говорил о четырех составных элементах социально-конструкционистской перспективы в исследованиях тендера. Во-первых, определения мужественности и женственности изменяются от культуры к культуре. Во-вторых, они изменчивы по мере исторического развития каждой культуры. Таким образом, социальные конструкционисты полагаются на работу антропологов и историков для определения общих черт и различий в значениях мужественности и женственности от одной культуры к другой, а также для исследований того, как эти различия изменяются во времени.

В-третьих, определения тендера также изменяются в течение жизни человека. Проблемы молодых женщин, как, например, конкурентоспособность и на рынке труда, и на брачном рынке, часто очень отличаются от проблем, с которыми они сталкиваются перед лицом пенсии или менопаузы. И проблемы, стоя-

146

щие перед молодым человеком на пути достижения того, что он называет успехом, и социальные институты, с которыми он пытается взаимодействовать, меняются в течение его жизни, где бы он ни находился. Например, мужчины часто говорят о «смягчении», развитии большего интереса к заботе и уходу за детьми, когда они становятся дедушками, в отличие от периода отцовства, чем часто приводят своих сыновей в замешательство. Но в свои шестьдесят и семьдесят лет, когда их дети уже имеют детей, эти мужчины не ощущают прежнего давления, заставлявшего их стараться оставлять след, доказывать свою значимость. Их сражения закончились, и они могут расслабиться и наслаждаться плодами своих прежних усилий. Таким образом, мы полагаемся на психологов, занимающихся вопросами развития, чтобы определить нормативные «задачи», которые любой индивид должен успешно решить по мере того, как он развивается и становится зрелым, и ученые необходимы обществу, чтобы исследовать символическое наследие, которое мужчины и женщины оставляют нам как свидетельство своего опыта.

Наконец, определения мужественности и женственности изменчивы в пределах любой культуры в любое время, в зависимости от расы, класса, национальности, возраста, сексуальности, образования, места проживания. Вы помните, наверное, тот очевидный факт, что пожилой черный гей из Чикаго будет иметь свое представление о том, что значит быть мужчиной, отличное от того, как представляет себе это гетеросексуальный белый подросток из сельского штата Айова.

Социальный конструкционизм, таким образом, основан на других социальных науках и науках о поведении, дополняя их определенными подходами к исследованию тендера. Социология привносит то, что социальная психология половых ролей не может адекватно объяснить: различие, власть и институциональные аспекты тендера. Чтобы объяснить различие, социальные конструкционисты предлагают анализ множества определений гендера; чтобы объяснить власть, они исследуют способы, благодаря которым некоторые определения становятся нормативными в результате борьбы за власть различных групп, включая сюда власть давать определения. Наконец, чтобы объяснить институциональные факторы, социальные конструкционисты сместили фокус внимания с социализации гендерно сформированных индивидов, занимающих гендерно нейтральные позиции, к изучению взаимодействия между гендерно сформированными индивидами и гендерно сформированными институтами.

147

За пределами теории половых ролей

Как мы убедились в предыдущей главе, социальные психологи определили, что процесс приобретения тендерной идентичности обусловлен моделью индивидуального развития в семье и семейными взаимоотношениями в раннем детстве индивида. Теории половых ролей, в

частности, выстроены на исследованиях того, как гендерно формируются индивиды, и того, как они переосмысливают навязываемые им формы в поисках внутренней последовательности и связности, которые отсутствуют в противоречивых ролевых предписаниях. Однако главный акцент все же делается на процессе «гендеризации» индивида и лишь иногда — на культурных моделях, которым эти индивиды должны соответствовать. Социологическое понимание тендера исторически началось с критики теории половых ролей, поскольку социологи утверждали, что такая теория является неадекватной для полного понимания сложного характера тендера как социального института. Социологи указали несколько существенных проблемных мест полоролевой теории — проблемы, требующие своего переосмысления. Во-первых, использование идеи роли имеет любопытное воздействие, реально преуменьшая важность тендера. Теория роли использует в качестве метафоры драму — мы изучаем наши роли через социализацию и затем исполняем их для других. Но говорить так о тендерной роли было бы уж слишком театрально, потому что тогда она легко бы менялась. Тендер, как пишут Хелена Лопата и Барри Торн, «это не роль в том же самом смысле, что роль преподавателя, сестры или друга. Гендер, подобно расе или возрасту, более глубок, менее изменчив и формирует строго обозначенные роли; таким образом, преподавательница отличается от преподавателя по важным социологическим критериям (например, ее зарплата, скорее всего, будет меньше, как и ее статус и доверие к ней как к профессионалу)». *Превращение гендера в роль, подобную любой другой роли, урезает понимание его власти в структурировании наших жизней*².

Во-вторых, теория половых ролей устанавливает унифицированные нормативные определения мужественности и женственности. Если значения мужественности и женственности изменяются от культуры к культуре и в течение времени, у людей в рамках одной и той же культуры и в течение жизни человека, то мы не можем говорить о мужественности или женственности как неизменной и универсальной сущности.

148

Лично я, когда читал то, что социальные психологи писали про «мужскую половую роль», всегда задавался вопросом, о ком они писали: «И это обо мне?» Существует ли действительно только *одна* мужская половая роль и только *одна* женская половая роль?

Одним из ключевых в тендерной идентичности является вопрос о том, как расовые, классовые различия, этническая принадлежность, сексуальность, возраст, место проживания формируют и изменяют наши определения гендера. Говорить об одной мужской или одной женской половой роли означает сводить огромное разнообразие идеалов нашей культуры в один, и мы рискуем проигнорировать другие факторы, формирующие наши идентичности. Фактически в ранних исследованиях половых ролей социальные психологи предполагали, что, например, черный мужчина или черная женщина, гей или лесбиянка являются доказательствами «слишком большой» или «слишком малой» приверженности соответствующей половой роли. Гомосексуалы или цветные превратились в некое олицетворение проблем половой роли. Так как их роли отличаются от нормативных, они сами и представляли собой проблему. (Хотя, и я об этом здесь уже писал, самые искушенные теоретики половых ролей понимают, что такие нормативные определения являются внутренне противоречивыми, но они все еще путают понятия «нормативный» и «нормальный».)

На основе такого ложного универсализма теория половых ролей определяет, какие потребности необходимо объяснить, какие нормативные определения следует установить и далее воспроизводить, — поставляет за пределами своего внимания различия мужчин и женщин между собой. Эта теория не может вполне справиться с существованием таких различий. Более глубокие исследования должны принять во внимание существование разных определений мужественности и женственности, которые конструируются и выражаются различными группами мужчин и женщин. В этом смысле мы и говорим о *маскулинностях* и *фемининностях* во множественном числе. Более того, социологи считают, что различия в типах мужественностей или женственностей выражают отношения, как раз противоположные тем, о которых писали теоретики половых ролей. Последние, даже если они могут принять идею этих различий вообще, видят эти различия как отклонения, как неудачу человека в попытках соответствовать нормальной половой роли. Социологи, с другой стороны, полагают, что различия в определениях мужественности или женственности

являются самостоятельным результатом разнообразных взаимодействий групп людей со своей окружающей средой. Таким образом, как утверждают социологи, нельзя понять различия в мужественности или женственности, основанные на расе или национальности, без рассмотрения сначала способов, с помощью которых институциональное и межличностное расовое неравенство структурирует контексты формирования идентичностей членов этих групп. Теоретики половых ролей могли бы сказать, например, что черные мужчины, лесбиянки или пожилые латиноамериканские женщины испытывают дискриминацию, потому что их определения мужественности и женственности «отличны» от нормы. Для социолога в этом содержится лишь половина правды. Социолог добавит, что эти группы развивают разные определения мужественности и женственности в своем активном взаимодействии с социальной окружающей средой, в которой они дискриминируются. Таким образом, их различия оказываются больше продуктом дискриминации, чем ее причиной.

Все это ведет нас к третьей сфере, в которой социологи бросают вызов теории половых ролей. Тендер не только множественен, но и относителен. Теория половых ролей устанавливает две отдельные сферы, словно дифференциация половых ролей является больше вопросом сортировки стада крупного рогатого скота в два соответствующих загона, снабженных табличками. Мальчики будут пастись в мужском загоне, а девочки — в женском. Но такая статическая модель также предполагает, что эти два загона не имеют практически ничего общего друг с другом. «Результатом использования ролевого подхода стало абстрактное представление о различиях между полами и их ситуациями, не вытекающее из конкретных взаимоотношений между полами»³. Но исследования показывают, что мужчины конструируют свои идеи по поводу того, что означает быть мужчиной, *в постоянном соотношении* с определениями женственности. Быть мужчиной означает быть непохожим на женщину. Действительно, как подчеркивают социальные психологи, различные группы мужчин могут расходиться по другим аспектам и в оценке их значимости для определения тендера, но компонент «антиженственности» в их понимании мужественности остается, возможно, единственной доминирующей и универсальной характеристикой.

В-четвертых, так как тендер множественен и относителен, он также ситуативен. Что значит «быть мужчиной» или «быть

150

женщиной», меняется в различных контекстах. Эти различные институциональные контексты востребуют и формируют различные формы мужественности и женственности. «Мальчики могут быть мальчиками, — резонно комментирует феминистская исследовательница в области законодательства Дебора Роуд, — но они выражают свою идентичность по-разному в своих мужских компаниях и при проведении интервью о приеме на работу с женщиной-менеджером»⁴. Тендер, таким образом, является не свойством индивидов, некоей «вещью», которой обладает каждый, но определенным набором типов поведения, продуцируемых в определенных социальных ситуациях. Следовательно, тендер меняется по мере изменения ситуации.

Теория половых ролей не может адекватно объяснить различия среди женщин и мужчин или их разные определения мужественности и женственности в различных ситуациях без объяснения этих различий отклонениями от норм. Не может она и осмыслить относительный характер этих определений. Кроме того, полоролевая теория не может полностью объяснить отношения власти между женщинами и мужчинами, между различными группами женщин и различными группами мужчин. Таким образом, пятая и, возможно, самая существенная проблема этой теории состоит в том, что она деполитизирует тендер, не считая его аспектом социальной структуры, а превращая его в индивидуальный набор характеристик. «Понятие „роли" сосредоточивает внимание больше на индивидах, чем на социальных структурах, и подразумевает, что „женская роль" и „мужская роль" являются взаимодополняющими (то есть отдельными или отличными, но равными), — пишут социологи Джудит Стейси и Барри Торн. — Эти термины его [гендер] деполитизируют; они лишают человеческого опыт его исторического и политического контекста и пренебрегают вопросами власти и конфликта»⁵.

Но как можно говорить о тендере, не говоря о власти? Я уже указал во введении к этой книге, что плюралистическая и релятивистская тендерная теория не может строиться на позиции,

будто все мужественности и женственности созданы равными. Все американские женщины и все американские мужчины также должны бороться с односторонним пониманием и мужественности, и женственности, потому что эти определения создают нормативные модели, относительно которых мы себя оцениваем. Социолог Р.В.Коннелл называет их «гегемонным» определением мужественности и «подчеркнутой» версией

151

женственности. Они являются нормативными конструкциями, с которыми соизмеряются все остальные, и почти неизменно их находят привлекательными. (Резкий критический анализ теории половых ролей, предложенный Коннеллом, основан на его утверждении, что психологи — сторонники половых ролей не осмысливают их критически, но фактически воспроизводят гегемонную версию как «нормальную».) В качестве гегемонных фигурируют лишь некоторые виды маскулинности, относительно которых остальные — и среди них молодые люди, похожие на женщин, равно как игомосексуалы, — являются подчиненными^б. Таким образом, мы узнаем о том, что означает в американской культуре быть мужчиной или женщиной, противопоставляя эти определения «другим» — расовым или сексуальным меньшинствам и т.д. Одна из самых плодотворных областей исследований в социологии сегодня связана с определением того, как именно эти гегемонные версии утверждаются и как различные группы устанавливают свои отношения с этими проблематизированными определениями.

Теория половых ролей доказала свою неадекватность для исследований вариаций в определениях тендера, поскольку это требует соответствующего теоретизирования по поводу различий внутри категорий «мужчины» и «женщины». Такое теоретизирование позволяет видеть отношения как между мужчинами и женщинами, так и мужчин и женщин между собой как структурированные отношения. Тендерное напряжение ранее осмыслялось в теории половых ролей как напряжение между индивидом и ожиданиями, установленными для него или нее соответствующей половой ролью, т.е. между индивидом и абстрактным набором ожиданий.

Все это ведет к шестой и заключительной проблеме теории половых ролей: ее неспособности понять динамику изменений. Согласно этой теории, движения за социальные права, такие, как феминизм или движение за права геев, борются за расширение определений половой роли и изменение ролевых ожиданий. Получается, что целью социальных движений является расширение вариантов роли для индивидуальных женщин и мужчин, жизнь которых ограничена стереотипами. Но социальные и политические движения касаются не только расширения возможностей для индивидов, не только обретения свободы от ограничений и запретов, не позволяющих проявиться «истинной» самости индивидов. Эти движения имеют прямое отношение к вопросу о перераспределении власти в обществе.

152

Они требуют перераспределения ресурсов и уничтожения тех форм неравенства, которые встроены в социальные институты, также как и полоролевые. Только начав с анализа власти, мы сможем адекватно понять такие социальные движения. Социально-конструкционистский подход стремится быть более конкретным, определяя напряженность и конфликт не между индивидами и ожиданиями, а между и внутри групп людей в рамках социальных институтов. Таким образом, социальный конструкционизм неизбежно приводит нас к вопросу о власти. Что неправильно в теории половых ролей, можно понять и по аналогии. Почему сегодня ни один уважающий себя ученый не использует термины «расовая роль» или «классовая роль» для описания видимых совокупных различий между членами различных рас или различных классов? Являются ли «расовые роли» специфическими характеристиками поведения и установок, согласно которым были социализированы все члены различных рас? Едва ли. Мало того, что подобный термин сгладил бы все деления и различия среди людей одной расы — до такой степени, что их представители стали бы казаться прежде всего отличающимися от людей другой расы, — но он также игнорировал бы способы формирования поведения людей различных рас как реакции на расовое неравенство и угнетение, представляя их вместо этого внешним выражением некой внутренней сущности.

Позиции женщин и чернокожих имеют много общего, как указала социолог Элен Хакер в своей пионерской статье «Женщины как меньшинство», написанной почти столетия тому

назад. Хакер утверждала, что систематическое структурное неравенство формирует «культуру са\ оненависти» среди членов целевой группы. И все же мы не говорим о «расовых ролях». Такая идея была бы абсурдна, потому что 1) различия в пределах каждой расы намного значительней, чем различия между расами; 2) что означает быть белым или черным — всегда выстраивается в отношениях к другому; 3) эти определения не имеют смысла вне контекста расово сформированной власти, в которой коллективная идентичность белых сохраняется за счет поддержания границы с коллективным другим, а именно цветными. Движение за расовое равенство свидетельствует о чем-то большем, чем о расширяющихся вариантах ролей для цветных.

Наконец, использование теории ролей для объяснения расы или тендера становится формой обвинения самой жертвы.

153

Если наши гендерно сформированные типы поведения «происходят из фундаментальных личностных различий, социализированных на раннем этапе жизни», как предполагает психолог Дэвид Треземер, то ответственность должна лежать на нас самих. Р. Стивен Уорнер и его коллеги называют это «теорией самопритеснения», когда «жертва усваивает неадекватный набор ценностей репрессивной системы. Таким образом, поведение, которое кажется некомпетентным, почтительным, самоуничижительным, воспринимается как отражение нарушенных индивидуальных способностей»⁷. При таком взгляде на мир социальные изменения надо отложить на будущее, когда более эгалитарная форма детской социализации сможет привести к появлению детей, более приспособленных к функционированию согласно гегемонным стандартам. Социальное изменение возникает, когда угнетаемый лучше узнает способы поведения своих угнетателей. Если же он отказывается от этого и прогресса не происходит, то чья же в том вина?

Заметки о власти

Одна из центральных тем этой книги — тендер — раскрывает отношения не только различия, но и неравенства, власти. На уровне тендерных отношений тендер является категорией анализа власти мужчин как группы над женщинами как группой, а также власти некоторых мужчин над другими мужчинами (или женщин над другими женщинами). Невозможно объяснить тендер без соответствующего понимания власти, не потому что власть является следствием тендерного различия, а потому что власть — именно то, что производит тендерные различия.

Утверждение, что тендер является отношениями власти — мужчин над женщинами и некоторых мужчин и женщин над другими мужчинами и женщинами, — является одним из наиболее спорных аргументов социально-конструкционистского подхода. Фактически вопрос о власти один из самых противоречивых элементов во всех объяснениях тендера. И все же это центральный вопрос; все теории тендера должны объяснять и различие, и доминирование. В то время как другие теории объясняют мужское доминирование как результат половых различий, социальный конструкционизм видит в различиях результат доминирования.

154

При этом обсуждение власти неизменно заставляет мужчин нервничать и защищаться. Сколько раз мы слышали ответ мужчины, столкнувшегося с женским гневом, вызванным тендерным неравенством и дискриминацией: «Эй, не обвиняйте меня! Я никогда никого не насиловал!» (Это напоминает защитную реакцию белых людей, отрицающих, что в их семье были или по-прежнему есть рабовладельцы, когда они сталкиваются с современными реалиями расового угнетения.) Когда бросается вызов идее тендерного порядка как власти мужчин над женщинами, мужчины часто с удивлением отвечают: «Что вы подразумеваете под тем, что мужчины имеют всю власть? О чем вы говорите? Я не имею никакой власти вообще. Я полностью бессилен. Мной помыкают моя жена, мои дети, мой начальник. У меня нет вообще никакой власти!» Большинство мужчин, кажется, совсем не чувствуют себя обладающими властью.

Здесь мы видим в некотором смысле провал феминизма, оказавшегося не в состоянии достучаться до многих мужчин. Большая часть феминистской теории тендерной власти исходила из симметрии между структурой тендерных отношений и женским индивидуальным опытом. Женщины как группа не стоят у власти. И это очевидно для любого, кто наблюдал

правление корпорации, университетский совет попечителей или законодательный орган на любом уровне повсюду в мире. Отдельные женщины также не *чувствуют* себя обладающими властью. Фактически они чувствуют себя ограниченными тендерным неравенством в своих стереотипных действиях, и это препятствует им сознавать себя защищенными, спокойными и компетентными. Так что женщины не облагают властью и не чувствуют себя обладающими ею.

Эта симметрия ломается применительно к мужчинам. Мужчины могут быть у власти повсюду, но отдельные мужчины ощущают себя не «во власти» и не чувствуют себя властными. Мужчины часто чувствуют себя точно также ограниченными системой стереотипных конвенций, принуждающей их отказываться от той жизни, на которую, как им кажется, они имеют полное право. Мужчины являются группой, стоящей у власти (по сравнению с женщинами), но не чувствуют себя властными. Чувство бессилия — лишь одна причина, по которой так много мужчин полагают, что они — жертвы обратной дискриминации, и выступают против действий в поддержку прав женщин. Почему некоторые лидеры движения мужчин «прочесывают»

155

мировые культуры в поисках мифов и ритуалов, которые позволили бы им потребовать возвращения власти, к коей они стремятся, но не чувствуют, что обладают ею? Или почему многие яппи 1980-х — начала 1990-х гг. взяли моду носить «бизнес-галстуки», жуя свои «бизнес-ланчи», стараясь всячески подчеркнуть свою причастность к экономической власти, — как будто власть эта была модным аксессуаром для тех, кто чувствовал себя бессильным? Поп-психолог Уоррен Фаррелл назвал мужскую власть «мифом», так как мужчины и женщины имеют взаимодополняющие роли и одинаково дискредитирующие стереотипы «сексуального объекта» и «успешного объекта». В качестве иллюстрации Фаррелл часто использует аналогию с шофером. Шофер находится на месте водителя. Он знает, куда едет. Он носит униформу. Вы подумаете, что власть в его руках. Но с его точки зрения, кто-то другой отдает распоряжения, а у него нет власти вообще. Эта аналогия на самом деле имеет ограниченное значение: отдельный мужчина властью не обладает, в отличие от даже маленькой горстки отдельных мужчин. Но что, если мы спросим нашего шофера несколько иначе. Что, если мы спросим: «Каков тендер человека, который отдает тебе распоряжения?» Львиная доля людей, имеющих лимузины с шоферами, придется на белых мужчин высшего сословия. Когда мы сдвигаем фокус своего анализа с индивидуального опыта в другой контекст, отношения между мужчинами также раскрываются как властные отношения — власть в этом случае основана на классовых, расовых, этнических, сексуальных, возрастных и тому подобных различиях. «В рамках патриархатных половых отношений угнетенной оказывается определенная группа мужчин, а не все мужчины в целом, и эта ситуация сложным образом соотносится с общей логикой подчинения женщин мужчинам»⁸.

Как и тендер, власть не принадлежит непосредственно индивидам, точнее, индивид может обладать ей, а может и не обладать, но она является принадлежностью жизни группы, социальной жизни. Власть *существует*. Ее нельзя ни уничтожить мановением руки, ни игнорировать. Вот как философ Ханна Арендт пишет об этом:

«Власть соответствует человеческой способности не только действовать, но и действовать сообща. Власть никогда не является принадлежностью индивида; власть принадлежит группе и существует, только пока группа держится вместе. Когда мы говорим о человеке, что он „во власти“, мы фактически

156

утверждаем, что он уполномочен некоторым числом людей действовать от их имени. Как только группа, делегирующая эту власть, исчезает, он теряет и свою власть»*.

Для социолога власть не является ни отношением, ни владением; это не «вещь» вообще. Власть не может быть «отвергнута», подобно идеологии, она перерастает в другие формы. Власть и создает, и уничтожает. Она составляет «ткань» наших жизней, деформируя наши взаимоотношения и структуру наших институтов. Она настолько пронизывает наши социальные отношения, что является наиболее невидимой для тех, кто больше всех ею обладает.

Тендер как институт

Мое утверждение, что власть является принадлежностью группы, а не индивида, связано с аргументом о том, что ген-дер является принадлежностью институтов в той же мере, как и частью индивидуальной идентичности. Одна из наиболее существенных социологических точек отсчета в теории половых ролей касается институционального уровня анализа. Как мы видели, эта теория считает тендер принадлежностью индивида — гендеризованные люди приобретают свою гендерную идентичность и идут с ней во внешний мир, в общество, чтобы заполнить собой гендерно нейтральные социальные институты. Для социолога, однако, эти институты и сами гендеризованы. Они формируют гендеризованные нормативные стандарты, выражают гендеризованную институциональную логику и являются главными факторами в воспроизводстве тендерного неравенства. Тендерная идентичность индивидов формирует эти гендеризованные институты, а они, в свою очередь, выражают и воспроизводят неравенства, составляющие эту гендерную идентичность.

В качестве иллюстрации позвольте предпринять короткий мысленный эксперимент. Начнем с предположения, что 1) мужчины более склонны к насилию, чем женщины (будь то биологически или в результате социализации; явным показателем этого служит уровень криминального насилия); 2) мужчины занимают фактически все позиции политической власти в мире (это, опять-таки, очевидно, если посмотреть на все политические институты); 3) в любой момент присутствует существенный риск агрессии и войны.

157

Теперь представьте, что с завтрашнего утра все позиции власти во всех политических институтах — место каждого президента и премьер-министра, каждого мэра и губернатора, каждого государственного, федерального или местного должностного лица, каждого члена каждой палаты представителей каждого парламента во всем мире — займут женщины. Вы думаете, что мир стал бы безопаснее с точки зрения вероятности насилия и войны? Вы думаете, что на следующую ночь спали бы спокойней?

Приверженцы биологического детерминизма и психологии половых ролей, вероятно, должны были бы ответить положительно. Из-за фундаментальных биологических различий в уровнях тестостерона, химическом составе мозга или эволюционных императивах, с биологической точки зрения, видимо, следовало бы заключить, что, поскольку женщины менее склонны к насилию и агрессивны, чем мужчины, мир стал бы более безопасен. (Занятно, кстати, что те же самые люди, которые верят в биологические различия, менее всего стремятся поддержать женщин в качестве кандидатов на политический пост.) Те, кто считает, что различная социализация формирует женщин так, что они стараются избегать иерархий и конкуренции, и другая гендерно обусловленная система ценностей ведет их к поиску мирных решений проблем, также испустили бы коллективный вздох облегчения.

Но я слышу и другие голоса: «А как же насчет женщин, которые уже были главами государств? Как насчет Голды Меир, Индиры Ганди и Маргарет Тэтчер? Они уж точно не с рекламы про мирную этику заботы, не так ли?»

Воистину нет. Частично причина их «не подобающего леди поведения» на политическом посту кроется в том, что сам этот пост требует определенного типа поведения, вне зависимости от тендера человека, который его занимает. Часто кажется, что независимо от того, кто занимает такие позиции, он — или она — немного может сделать, чтобы преобразовать их.

С этого наблюдения начинается социологический подход, а именно признание того, что сами институты выражают определенную логику и динамику, воспроизводящую тендерные отношения между женщинами, мужчинами и установленным порядком тендерной иерархии и власти. Мужчины и женщины должны демонстрировать определенные черты характера, чтобы занять политический пост, и его или ее неудача в этом отношении сделает такого человека в глазах других неспособным и некомпетентным. (Эти критерии относятся и к мужчи-

158

нам: примером этого служит гендерно маркированная критика Джимми Картера за то, что он испугался бегущего кролика*, или из-за отказа вторгнуться в Иран во время кризиса с заложниками в 1979-1980 гг.)

Утверждение, что институты носят тендерный характер, — это *лишь одна половина* истории.

Было бы упрощением говорить, что индивиды, занимающие определенные позиции, лишены тендера или что занимаемые ими позиции гендерно нейтральны. Гендерно сформированные индивиды занимают места в гендеризованных институтах. И поэтому весьма вероятно, что, если все позиции заняты индивидами одного тендера, которые будут добиваться мирных переговоров, вместо индивидов другого тендера, приученных рисовать на песке расположение войск, окажутся затронутыми и мандаты этих институтов, вплоть до их изменения и некоторого преобразования. Короче говоря, если бы женщины заняли все властные позиции, мы бы спали ночью спокойней или, по крайней мере, находились бы в более мирном мире. Можно привести в качестве иллюстрации другой пример. В главе 2 я писал о работе Барбары Мак-Клинтон, цитогенетики, лауреата Нобелевской премии. Она сделала замечательное открытие в области поведения молекул совершенно иным способом, чем ее коллеги-мужчины. Все прежние модели исходили из принципа иерархически выстроенных отношений в поведении молекул. Мак-Клинтон использовала то, что она назвала «женскими методами» и доверием «своей интуиции». Она обнаружила, что каждая клетка управляется не «главной молекулой», а сложным взаимодействием молекул. В этом случае тендер конкретного человека столкнулся с гендеризованной логикой научного исследования, что и породило революционное открытие, отмеченное Нобелевской премией¹⁰.

Утверждение, что тендер социально сформирован, требует понимания развития отдельной идентичности в определенном историческом, социальном и одновременно гендеризованном месте и времени и помещения индивида в сложную матрицу наших жизней, тел и социально-культурной окружающей среды. Социологическая перспектива исследует то, как гендерно сформированные индивиды взаимодействуют

Имеется ввиду эпизод 30 августа 1979г., когда президент США Джимми Картер совершал водное путешествие на байдарке в штате Джорджия и, пристав к берегу, был неожиданно атакован кроликом.—
Прим. ред.

159

с другими гендерно сформированными индивидами в гендеризованных институтах.

Социология как таковая исследует взаимодействие двух сил — идентичностей и структур — через призму социально сформированного различия и доминирования.

Тендер вращается вокруг этих тем — идентичность, взаимодействие, институт — и их роли в производстве тендерных различий и воспроизводстве тендерного неравенства. Эти темы весьма сложны, и отношения между ними также сложны. Они представляют процессы и опыт, которые формируют основные аспекты наших личностей, наши взаимодействия с другими людьми и институтами, накладывающими отпечаток на наши жизни. Эти виды опыта рождены нашими обществами, и мы отдаем им долг, в свою очередь, помогая изменять наши общества. Мы — гендерно сформированные люди, живущие в гендеризованных обществах. Социально-конструкционистская перспектива, однако, идет еще дальше. Мало того, что гендерно сформированные индивиды согласуют свои идентичности с гендеризованными институтами, но и эти институты также производят те самые различия, которые мы принимаем как индивидуальные свойства. Таким образом, «степень, в которой женщины и мужчины решают различные задачи и выполняют несоизмеримые конкретные социальные роли, серьезно влияет на степень того, насколько оба пола могут развиваться и/или проявлять разнообразные варианты личного поведения и индивидуальных характеристик». Различно структурированный опыт формирует тендерные различия, которые мы часто приписываем индивидуальным людям¹¹.

Позвольте мне проиллюстрировать это явление сначала на простом примере, а затем на более аналитическом. На самом житейском уровне подумайте об общественных уборных. В остроумном эссе по поводу «урегулирования между полами» покойный социолог Ирвинг Гоффман шутливо предложил свое понимание того, как общественные учреждения формируют те самые гендерные различия, которые они призваны отражать. Хотя мужчины и женщины «несколько схожи в вопросе отходов и их устранения», по наблюдениям Гоффмана, в общественных местах мужчины и женщины используют отдельные туалеты, четко помеченные — «для джентльменов» и «для дам». Эти туалеты устроены по-разному с точки зрения использования пространства — писсуары для мужчин, более сложные

«дамские столики» и другие удобства для того, чтобы женщины могли привести себя в порядок. Мы думаем об этих местах как оправданно «раздельных, но равных». Но в частном пространстве наших собственных домов мы используем одни и те же ваннные комнаты и не чувствуем никакой потребности в отдельном местечке. В частных домах практически нет писсуаров для мужчин, и лишь немногие имеют отдельные комнаты с «дамскими столиками» для женщин. (И конечно, в некоторых культурах эти функции выполняются публично, безо всякой секретности.) Если указанные потребности имеют различные биологические основы, спрашивает Гоффман, почему они настолько различны в публичной сфере и в частной? Ответ, конечно, очевиден — у них нет различных биологических основ: «Здесь задействовано *функционирование* органов, дифференцированных у разных полов, но нет в этом функционировании ничего такого, что с биологической точки зрения рекомендует сегрегацию; *такое* социальное установление — полностью культурный вопрос... Туалетная сегрегация представлена как естественное последствие различия между полами как классами, но фактически это — лишь средство отдания должного различию, если не его создания»¹². Другими словами, используя отдельные удобства, мы «становимся» джентльменами и дамами, которые, как предполагается, используют разные средства обслуживания биологических функций. Физическое отделение мужчин от женщин само создает оправдание для того, чтобы их разделить.

Возьмем менее житейский, но, безусловно, не менее важный пример — рабочее место. В своей ставшей теперь классической работе «Мужчины и женщины корпорации» Розабет Мосс Кантер продемонстрировала, что различия в поведении мужчин и женщин в организациях гораздо меньше связаны с их индивидуальными характеристиками, чем со структурой организации. Позиции в организации «подразумевают характерные образы людей, которые должны их занять», пишет она, и те, кто эти позиции действительно занимает, будь то женщина или мужчина, демонстрируют поведение, требуемое для данного рабочего места. Хотя критерии для оценки работы, продвижения по службе и эффективности кажутся гендерно нейтральными, они фактически глубоко гендеризованы. «В то время как организация рассматривается как механизм, нейтральный в половом отношении, — пишет

иссле-
Гендерное общество

161

довательница, — мужские принципы доминируют в структурировании власти и полномочий». И снова маскулинность как норма остается невидимой¹³.

В ряде своих пронизательных эссе социолог Джоан Аккер развила более ранние идеи Розабет Кантер и уточнила характер взаимодействия структуры и тендера. Именно наш опыт поведения на рабочем месте поддерживает и воспроизводит различия между женщинами и мужчинами и легитимирует тендерное неравенство. Институты подобны фабрикам, и производят они тендерное различие. Общее воздействие этого процесса состоит в воспроизводстве тендерного порядка в целом. Поэтому институциональный уровень нельзя исключать из любого объяснения тендера — ведь институты фундаментальным образом вовлечены и в тендерное различие, и в тендерное доминирование. «Гендер — не дополнение к продолжающимся процессам, задуманным как гендерно нейтральные, — утверждает Аккер. — Скорее, это — неотъемлемая составная часть этих процессов»¹⁴.

Институты завершают создание тендерных различий и воспроизведение тендерного порядка, как пишет Аккер, с помощью нескольких «тендер изо ваннных процессов». Эти гендеризованные процессы означают, что «преимущества и их отсутствие, эксплуатация и контроль, действие и эмоция, значение и идентичность моделируются посредством и в терминах различия между мужчиной и женщиной, мужественностью и женственностью». Она выделяет пять таких процессов:

1. Производство тендерных разделений — способы, которыми «обычные организационные практики продуцируют тендерные паттерны рабочих мест, заработной платы и иерархии, власти и подчинения». В самой организации работы тендерные разделения производятся и укрепляются в установленных иерархиях — часто несмотря на интенции имеющих благие намерения менеджеров и супервайзеров.
2. Конструирование символов и образов, «которые объясняют, выражают, укрепляют такие

разделения или иногда выступают против них». Тендерные образы, например рекламные объявления, воспроизводят гендеризацию позиций так, чтобы образ успешного менеджера или руководителя бизнеса — почти всегда был образом хорошо одетого, властного мужчины.

3. Взаимодействия между индивидами — женщинами и мужчинами, женщинами и женщинами, мужчинами и мужчинами — во всех формах и моделях, которые выражают господство

162

и миссию мужчины. Например, беседы между супервайзерами и подчиненными всегда подразумевают динамику власти, что выражается в таких формах, как перебивание, завершенность предложений и выбор темы для беседы, который, учитывая тендерное разделение позиций в рамках организации, воспроизводит заметные тендерные различия в диалоге.

4. Внутренняя умственная работа индивидов, «поскольку они сознательно строят свои соглашения с тендерной структурой труда, характерной для данной организации, включая сюда возможности и требования к гендерно соответствующему поведению и установкам». Это может включать образцы одежды, речи и общей саморепрезентации.

5. Продолжающаяся логика развития самих организаций, к которой относятся с виду «гендерно нейтральные» теории организационной динамики, бюрократии и организационные критерии для оценки и развития, которые на самом деле оказываются весьма гендеризованными и лишь маскирующими себя под «объективные» или гендерно нейтральные¹⁵.

Как мы уже знаем, теория половых ролей предполагает, что гендеризованные индивиды занимают гендерно нейтральные позиции, поддерживая таким образом невидимость тендерной иерархии и в особенности невидимость маскулинной организационной логики. С другой стороны, много организационных теорий предполагают, что люди «без тендера» занимают такие же гендерно нейтральные позиции. Проблема состоит в том, что таких людей «без тендера» принимают с тем, чтобы они полностью посвятили себя своему рабочему месту, не имели детей или семейных обязанностей, и их, может быть, даже будут поддерживать в семье ради такой целеустремленной преданности рабочему месту. Таким образом, работник «без тендера» как раз оказывается гендерно сформированным мужчиной. И здесь снова невидимость мужественности как неререфлексируемой нормы воспроизводит властные различия между женщинами и мужчинами.

Пара примеров нам поможет в этом точно убедиться. Многие из докторов заканчивают колледж в возрасте двадцати одного или двадцати двух лет, медицинскую школу — в возрасте двадцати пяти — двадцати семи лет. Затем им предстоит еще три года интернатуры и стажировки, и в это время они находятся на вызове иногда по два или три дня. Таким образом, они заканчивают весь этот цикл, когда им под тридцать или больше. Подобная программа рассчитана на доктора-мужчину, на которого не дают биологические часы и для кого

163

рождение детей не станет помехой в исполнении требований профессии. Дома о его детях заботится кто-то другой, пока он ночует в больнице. Неудивительно, что женщины, составляющие сегодня почти половину всех студентов-медиков, жалуются, что они не способны сочетать беременность и материнство с медицинским образованием. (По-настоящему удивительно, что мужчины, изучающие медицину, ранее не замечали эту проблему!)

Точно так же адвокаты, только что окончившие юридическую школу, которых ждут рабочие места в крупных корпоративных юридических фирмах, будут востребованы пятьдесят — шестьдесят часов работы в неделю — что в реальности обычно означает восемьдесят— девяносто часов в неделю. По крайней мере шесть часов сна ночью, часовая поездка туда и обратно и один неполный день отдыха — все это означает, что у молодых юристов остается приблизительно семнадцать часов в неделю на то, чтобы есть, готовить, заниматься уборкой, общаться и/или заниматься любовью с супругом (супругой) или встречаться с партнером (партнершей), если они еще не женаты, и проводить время со своими детьми. Без учета половины дня на выходной у них есть приблизительно один час в день для всего остального. Неподчинение такому режиму превращает адвоката в «мамашу» или «папашу», а это

означает, что о вас будут думать как об отличном родителе, но в карьере вы никогда не продвинетесь, в отличие от других адвокатов, пожертвовавших ради своей карьеры всем. Или возьмите для примера университетскую жизнь. Вот типичная академическая карьера: ученый получает степень доктора философии спустя приблизительно шесть—семь лет после защиты бакалаврской работы, т.е. когда ему или ей тридцать с небольшим. Тогда он или она начинает профессиональную деятельность в звании ассистента профессора, и еще шесть лет понадобится, чтобы заработать постоянную позицию и продвижение по службе. Это обычно самый интенсивный академический период в жизни ученого. Человек работает день и ночь, чтобы выпустить достаточно научных публикаций и подготовиться к преподаванию курсов. Тридцать с небольшим — это также наиболее вероятное время, когда женщина — квалифицированный специалист заводит ребенка. Таким образом, режим академической карьеры также синхронизирован с мужскими ритмами жизни — причем не всякого мужчины, этакое, чья жена или другие члены семьи готовы освободить его от семейных обязанностей, пока он добивается прочного профес-

164

сионального положения. Помните поговорку — «опубликовать или погибнуть»? Часто, пока ученые борются за «место под солнцем», бывает так, что их публикации требуют «погибели» их семейной жизни.

В других профессиях процесс «гендеризации» организаций такой же. Мало того, что приобретение профессиональных навыков у пожарников, полицейских или квалифицированных рабочих очень трудно и требует долгого ученичества и освоения профессии, но именно эти профессии ктому же являются местами активной «гендеризации» индивида. Таким образом, для тех мужчин, которые занимаются опасной работой — борются с огнем, служат в полиции или в вооруженных силах, — исключение женщин часто было существенным компонентом их уверенности в том, что они успешно справляются со своей мужской ролью. Профсоюзы также немало «маскулинизируют» мужчин-рабочих, ибо иначе те окажутся беспомощными, зависимыми и неспособными договориться о справедливых трудовых контрактах. Профсоюзы обеспечивают «мускулы», т.е. силу, заключающуюся в численности. Если отдельные члены профсоюза оказываются «слабаками» как мужчины, то именно профсоюз, как учит нас известная песня, «делает нас сильными». Поскольку эти институты активно вовлечены в то, что можно назвать гендеризацией индивидов, женственность любой женщины, желающей работать в данных сферах занятости, была бы под сомнением.

Обзор институциональных факторов дает также возможность наблюдать регуляцию и реорганизацию институтов, когда они сталкиваются с сопротивлением. Иногда их границы оказываются более проницаемыми, чем ожидалось. Например, что происходит, когда становятся прозрачными границы между работой и домом, когда женщины оставляют дом и появляются на гендерно сформированном рабочем месте? По мнению Джудит Герсон и Кэти Пейс, тогда границы «в рамках рабочего места (профессиональная сегрегация) и границы на уровне микровзаимодействий получают большее значение в определении зависимого положения женщин». Таким образом, профессиональная сегрегация может воспроизвести тендерное различие и тендерное неравенство, определяя вторичный статус женщин в организациях. А для тех женщин, которые все же занимают нетрадиционные позиции, границы сохраняются на микроуровне — «постоянство неформального поведения группы мужчин (совместное проведение времени вместе после работы, использование мужского юмора, принятый в корпорации

165

стиль одежды) — все это действует, чтобы разделить инсайдеров и аутсайдеров, поддерживая таким образом тендерные различия»¹⁶.

Растворенные в гендеризованных организационных структурах, подвергаясь воздействию гендеризованных организационных процессов и оцениваясь по гендеризованным критериям, различия между женщинами и мужчинами кажутся в итоге различиями исключительно между гендерно сформированными индивидами. Когда тендерные границы кажутся проницаемыми, то другая динамика и процессы воспроизводят тендерный порядок. Если женщина не отвечает таким критериям или, точнее, если эти критерии не соответствуют специфическим женским

потребностям, тендер сегрегирует рабочую силу и заработную плату, найм и разницу в карьерных перспективах, представляя эту сегрегацию как «естественные» результаты уже существующих различий между женщинами и мужчинами. Именно таким путем неравенство между женщинами и мужчинами легитимируется и воспроизводится.

(Нужно, конечно, отметить, что с помощью аналогичных процессов воспроизводятся и легитимируются «различия» между рабочим классом и квалифицированными специалистами, между белыми и цветными, между гетеросексуалами и гомосексуалами, т.е. все неравенства, основанные на классе, расе или сексуальности. Тендер, видимый в этих организационных процессах, не должен лишить нас возможности замечать сложные взаимодействия с другими моделями различия и принципами неравенства. Так же как мужская модель является нерелевантной нормой, модель белого, гетеросексуального мужчины среднего класса становится такой же нормой, относительно которой оцениваются опыт и практики других людей.)

Идея гендерно нейтральных организаций, таким образом, становится средством воспроизводства тендерного порядка. «Теория и практика тендерной нейтральности, — пишет Аккер, — скрывают или затегают основные тендерные структуры и поддерживают их воспроизводство даже в случае политики, направленной на уменьшение тендерного неравенства»¹⁷. Организации отражают и продуцируют тендерные различия; гендеризованные институты также воспроизводят тендерный порядок, в котором мужчины являются привилегированными по отношению к женщинам, а белые гетеросексуальные мужчины среднего класса привилегированными по отношению к другим мужчинам.

166

Как мы «делаем геандер»

Остается еще один элемент в социологическом объяснении тендера. Согласно теории половых ролей, мы приобретаем тендерную идентичность в процессе нашей социализации и в результате оказываемся социализированными так, чтобы вести себя мужественно или женственно. Таким образом, общество отвечает за то, чтобы мужчины действовали по-мужски, а женщины по-женски. Наша идентичность фиксирована, постоянна и является неотъемлемой частью нашей личности. Мы уже не можем перестать быть мужчинами или женщинами, как не можем перестать быть людьми.

Важный вклад в социально-конструкцию и стеснительный подход внесли социологи Кэндис Уэст и Дон Зиммерман, которые утверждают, что тендер является не столько компонентом некой статической идентичности, проявляющейся в наших взаимодействиях с другими людьми, сколько продуктом этих взаимодействий. Для них «тендер человека — не просто аспект его „самости“, а в гораздо большей степени нечто, постоянно *делаемое* человеком во взаимодействии с другими». Мы постоянно «делаем» тендер, выполняя действия и выказывая предписанные нам черты характера и пове-

дения .

Если идентичность определенной половой роли является врожденной, то, в чем именно эта врожденность, спрашивают Зиммерман и Уэст. По каким критериям мы с самого начала сортируем людей, приписывая им определенные половые роли? Как правило, ответ возвращает нас к биологии, точнее, к первичным половым признакам, по которым, как считается, и определяется тендер каждого из нас. Пропиленный биологический пол — внешние гениталии — становится социализированной тендерной ролью. Человек с мужскими гениталиями подпадает под одну классификацию; человек с женскими гениталиями классифицируется иначе. Эти два пола становятся различными тендерами, которым, как подразумевается, соответствуют и различные типы личности и требуются различные институциональные и социальные установления, отвечающие их «естественным», а теперь уже и социально востребованным различиям.

Во всем этом по большому счету мы находим немало здравого смысла. Мы видим первичные половые признаки (при рождении), и именно они имеют намного более решающее значение, чем вторичные половые признаки (те, которые

167

развиваются при наступлении половой зрелости), для определения тендерной роли. Но как мы

узнаем, кто есть кто? Когда мы видим человека на улице, мы наблюдаем именно его или ее *вторичные* половые признаки — грудь, лицевые волосы, мускулатуру. В действие вступают и наши представления о поведении, одежде, движениях, разговорах — сигналы, по которым мы понимаем, кто перед нами — мужчина или женщина. Станным был бы мир, не правда ли, в котором приходилось бы просить посмотреть на гениталии человека, чтобы удостовериться, что он или она — именно то, чем кажется!

Один метод, которым пользовались социологи, чтобы исследовать это допущение, состоял в том, чтобы вообразить, что первичные и вторичные половые признаки не соответствуют друг другу. Во многих случаях «межполовые» младенцы, или гермафродиты, — это те, чьи первичные половые признаки не могут легко различаться визуально, и их гениталии восстановлены хирургическим путем, в зависимости от размера пениса, а не от наличия или отсутствия Y-хромосом. Для хирургов «хромосомы менее уместны в определении ген-дера, чем размер полового члена». Поэтому маркировка «мужчина» зависит не обязательно от наличия одной Y- и одной X-хромосомы или от производства спермы, «но от эстетического состояния пениса соответствующих размеров». Хирурги полагают, что никакой «мужчина» не хотел бы жить с несоответствующими гениталиями, и поэтому они «исправляют» то, что иначе человек, несомненно, воспримет в будущем как проблему (они хирургическим путем создают и женщин). Кажется, размер действительно имеет значение — по крайней мере, для докторов!¹⁹

В блестящем, разбивающем стереотипы исследовании «Ген-дер: Этнометодологический подход» Сьюзен Кесслер и Венди Маккенна предложили два образа, у которых первичные и вторичные половые признаки не совпадают.

Кто из них является «мужиной» и кто — «женщиной»? Как вы можете определить? Если вы основываете ваше решение на первичных половых признаках — гениталиях, — то должны прийти к выводу, что многие из тех, с кем вы общаетесь каждый день, скрывают свою «истинную» самость. А если вы основываете ваше решение на том, что видите «выше талии», то можете сделать заключение, что многие могут оказаться не того пола, какого вам кажется.

168

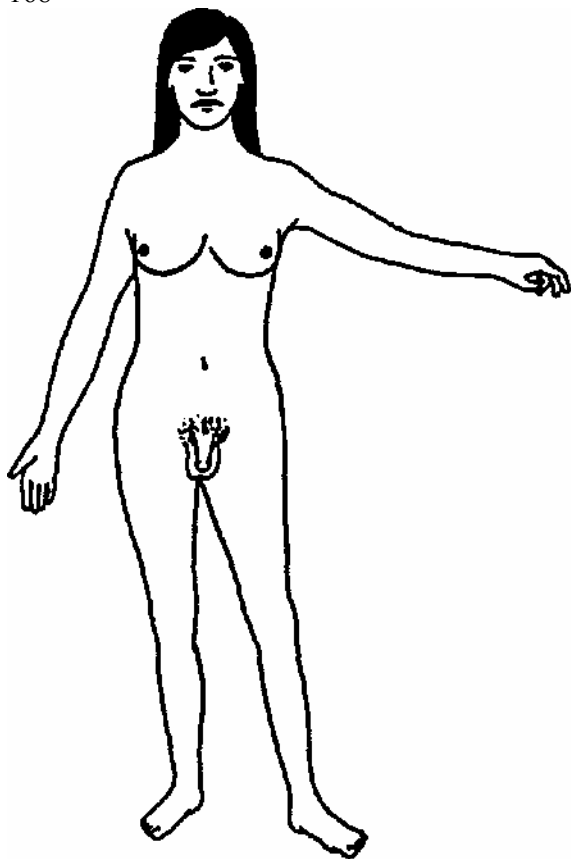


Рис. 5.1. Фигура с длинными волосами, пенисом, грудями, округлыми бедрами, без волос на теле.

Источник: Kessler S., McKenna W. Gender: An Ethnomethodological Approach. Copyright © 1985 by University of Chicago Press. Перепечатано с разрешения John Wiley & Sons, Inc.

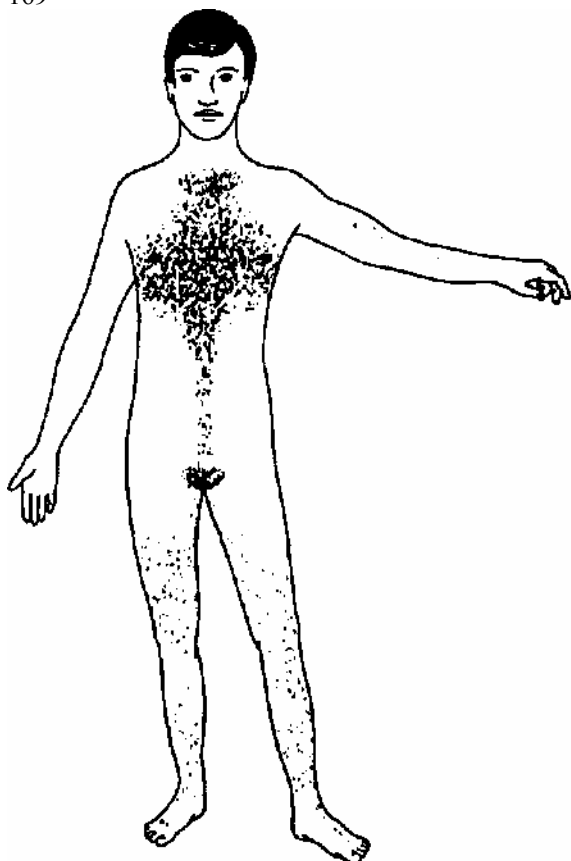


Рис. 5.2. Фигура с короткими волосами, наружными женскими половыми органами, без груди, без округлых бедер, с волосами на теле.

Источник: Kessler S., McKenna W. *Gender; An Ethnomethodological Approach*. Copyright © 1985 by University of Chicago Press. Перепечатано с разрешения John Wiley & Sons, Inc.

170

Глядя на эти образы, есть соблазн отклонить все вышесказанное как фантазии. В конце концов, в реальной жизни гениталии людей соответствуют их вторичным половым признакам, и мы всегда способны определить различие, верно? А может, и не всегда. Вспомните испуг в популярном фильме Нейла Джордана «Грязная игра» («The Crying Game»), когда зрители и главный герой фильма одновременно видят, что Дил, женщина, в которую влюблен герой, является на самом деле мужчиной. И помните всеобщую реакцию, когда в «Тутси» Дастин Хофман показывает, что Эмилией Кимберли был на самом деле Эдвард Кимберли; или бродвейскую пьесу «М. Баттерфляй» о мужчине, который жил с «женщиной» в течение более тридцати лет, *не понимая, что «она» была мужчиной!* Вспомните недавнее чувство всеобщего замешательства и тревоги, вызванное Мэрилин Мэнсон, и чувство испуга и отвращения, испытываемое мужчинами, которые платят проституткам-трансвеститам за оральный секс и затем обнаруживают, что «она» — на самом деле «он». Такая ситуация замешательства часто служит сюжетом комедии. Причем наблюдателю гораздо важнее знать, кого он видит — мужчину или женщину, чем тому, за кем наблюдают. Поклонники телевизионной программы «Жизнь в субботний вечер» («Saturday Night Live») вспомнят неоднозначный персонаж по имени Пэт. Люди, которые общались с Пэт, постоянно стремились вывести его (или ее) на чистую воду и узнать его (или ее) «сущность», в то время как Пэт беспечно отвечал(а) на все их вопросы и избегал(а) любой риторической западни. Конечно, все это — всего лишь продукты СМИ. В реальной жизни такой «переход» намного труднее и намного менее распространен. Но одна из причин, почему мы имеем в своем распоряжении такой парад столь неоднозначных характеров, состоит в том, что для нас исключительно важна уверенность в нашем с вами тендере. Без этого мы словно теряем социальную опору, и над нами нависает угроза своего рода «гендерного головокружения». В этом состоянии дуалистические концепции, которым мы доверяем, как основам нашей социальной действительности, оказываются намного более расплывчатыми, чем мы верили или надеялись²⁰. Можно сказать, что наши понятия о тендере словно поставлены на якорь в зыбучих песках. Так, социолог привела пример своей встревоженное™ из-за половой неопределенности продавца в

компьютерном магазине:

«Человек, отвечавший на мои вопросы, был не то продавцом, не то продавщицей. Я не могла определить, женщина это или мужчина. Что я стремилась увидеть? 1) На гладкой коже не было

171
лицевых волос, но некоторые мужчины имеют мало или вообще никаких лицевых волос (в зависимости от расы — коренные американцы и чернокожие мужчины часто не имеют лицевых волос). 2) Что касается груди, то он/она был или была в свободной рубашке, свисавшей с плеч. И, как, к стыду своему, знают многие женщины, чья юность пришлась на начало 1950-х гг. и которые вынесли из-за этого немало страданий, — достаточно часто женщины бывают плоскогрудыми. 3) Его/ее плечи были слишком маленькими и округлыми для мужчины, но широкими для женщины. 4) Руки — длинные и тонкие пальцы, суставы, немного крупноватые для женщины, но маленькие для мужчины. 5) Голос — средний диапазон, невыразительный для женщины, несколько повышенные тона, но непохоже на гея. 6) Его/ее обслуживание — не было никаких признаков, которые помогли бы мне понять, что я того же или другого пола. Не было даже никаких признаков, что он или она знает, как трудно поддается категоризации его/ее пол, и при этом я старалась не выдавать свою заинтригованность, чтобы не смутить его/ее, когда мы говорили о компьютерной бумаге. Я так и не узнала пол этого продавца, и то, что я осталась без ответа, меня, как детище определенной культуры, встревожило»²¹.

Трансвеститы и любители носить одежду другого пола демонстрируют искусственность тендера. Тендер — это представление, нечто вроде игры в переодевание, с помощью которой, успешно манипулируя признаками, символами, поведением и эмоциями, мы стремимся убедить других в нашем успешном следовании нормам мужественности или женственности. Или он может быть способом игры с конвенциями успешного усвоения тендерных норм, как, например, эксцентричные выходы баскетболиста Денниса Родмана".

Наоборот, транссексуалы, прошедшие операцию по реконструкции гениталий, часто восстанавливают право анатомии на статус главного означающего тендерной идентичности, как будто мужчина не может быть «настоящей» женщиной, если у него есть пенис, а женщина не может быть «настоящим» мужчиной, если пениса у нее нет. Часто трансгендерные люди или транссексуалы демонстрируют набор подчеркнуто ген-дерно маркированных черт своего недавно восстановленного

* Деннис Родман — известный американский баскетболист, шоумен и поп-звезда, известный своими скандально-эксцентричными перформансами, в том числе и с переодеванием в женскую одежду. — *Прим. ред.*

172

биологического пола. Транссексуал «мужчина-женщина» часто становится гиперженственным, этаким пассивной куколкой; транссексуал «женщина-мужчина» может стать настойчиво и даже агрессивно мужественным.

Люди, которые любят носить одежду другого пола, знают эту ситуацию лучше, или, точнее, знают ее с другой стороны. Как «социал-конструкционисты», они знают, что успех бытия в качестве мужчины или женщины просто означает умение убедить других, что вы именно тот человек, каким хотите выглядеть. Спросите Рю Поля*, который, кажется, с такой легкостью путешествует между двумя полами. (Я говорю «кажется» намеренно, так как «ему», вероятно, требуется не меньше времени, чтобы достичь совершенства в представлении себя в качестве «мужчины», чем для выступления в качестве «женщины».) Или спросите Эдисон Лэйнг", мужа и отца, который проводит приблизительно 80% времени в женской одежде и 20% — в мужской. «Мы не должны жить в тендерной клетке», — заявляет он²².

Большинство из нас находит существование в пределах этих «клеток» чрезвычайно успокаивающим. Мы обучаемся с раннего детства, как выполнять тендерные функции, и это знание остается с нами фактически всю нашу жизнь. Когда нашей тендерной идентичности угрожают, мы ударяемся в преувеличенную демонстрацию гипермужественности или подчеркнутой женственности. А когда наше понимание тендерной идентичности другого нарушается или смещается, мы начинаем беспокоиться, и очень сильно. «Мы так инвестируем себя в то, чтобы быть мужчинами или женщинами, что, если вы не поддаетесь легкому определению как мужчина или женщина, многие зидят в вас некоего монстра», — прокомментировала эту ситуацию Сьюзен Страйкер, которая является транссексуалом

«мужчина-женщина». Ежегодно многие транссексуалы становятся жертвами убийств или нападений²³.

Об интереснейшем случае «Агнес» сообщает Гарольд Гар-финкель. С Агнес психиатр Роберт Столлер и социолог Гар-финкель впервые встретились еще в конце 1950-х гг. Хотя Рю Поль — комик-трансвестит, выступающий в образе женщины-певицы. — *Прим. ред.*

Элисон Лэйнг — писатель и общественный деятель, один из лидеров трансгендерного движения (объединяющего людей, чувствующих себя представителями иного пола, чем врожденный биологический, но не собирающихся изменять свой пол хирургическим путем), председатель Международного фонда гендерного образования (IFGE). — *Прим. ред.*

173

она казалась очень женственной женщиной, у нее был пенис, который она расценивала как биологическую ошибку. Агнес «знала», что является женщиной, и вела себя по-женски (а также требовала, чтобы с ней обращались как с женщиной). «Я всегда была девочкой», — объявила она своим интервьюерам и охарактеризовала свою раннюю детскую социализацию как бесконечную травму, вызванную необходимостью участвовать в мероприятиях для мальчиков, таких, как спортивные состязания. Так как гениталии не были «существенными признаками ее женственности», Агнес вместо этого демонстрировала весьма заметную грудь и постоянное самоощущение женщины. «Свои женские чувства, поведение, выбор компаньонов и т.п. она никогда не изображала как вопросы решения или выбора, но рассматривала как нечто *данное*, как естественный факт», — пишет Гарфинкель. (Кстати, когда Гарфинкель говорит об Агнес, он, как и я, использует женское местоимение, хотя биологически Агнес обладала мужскими гениталиями²⁴.)

Таким образом, чтобы понять, как мы «делаем» тендер, нужно сделать видимыми перформативные элементы идентичности и иметь соответствующую аудиторию. Все это также открывает невообразимые возможности для социального изменения, и Сьюзен Кесслер указывает в своем исследовании «межполовых людей* (гермафродитов) на следующее: «Если подлинность тендера состоит не в поддающейся обнаружению природе, а в чьем-либо провозглашении, тогда людям доступна власть делать и другие провозглашения. Если врачи признали, что за их манипуляциями с тендером стоит понимание того, что люди строят тендер так же, как социальные системы, концептуально выстроенные на основе тендера, тогда возможности для реальных социальных преобразований становятся неограниченными»²⁵.

Такой утопизм в понимании тендера действительно поднимает важную социологическую проблему. Говоря, что мы «делаем» тендер, мы утверждаем, что тендер — это нечто большее, нежели то, что нам просто «дано». Мы создаем и обновляем наши собственные гендерно сформированные идентичности в контекстах наших взаимодействий с другими и в рамках институтов, на фоне которых проходит наша жизнь.

Социология сексуального насилия

В предыдущих главах мы иллюстрировали теоретические подходы, показывая, как каждый из них трактует одно опре-

174

деление тендерное явление: сексуальное насилие. Мы узнали, например, что некоторые эволюционные биологи объясняют насилие как эволюционную репродуктивную стратегию для «проигравших», неспособных передать свою генетическую наследственность через старомодное соблазнение. (Обратите внимание: именно эволюционные биологи, а не представители ведущих течений феминизма, настаивают на том, что секс и насилие — это одно и то же!) Мы узнали также, что антропологи подрывают такие биологические аргументы, полагая, что сексуальное насилие носит различный характер в разных культурах и причиной различия между обществами, склонными к такому насилию, и обществами, где оно не распространено, является статус женщин. Там, где женщин ценят и чтят, уровень изнасилований исключительно низок. Там, где к женщинам относятся наихудшим образом, уровень изнасилований высок.

Психологи позволяют нам понять разницу между насильниками и ненасильниками, раскрывая психодинамические процессы, которые ведут индивидуального мужчину к такому отклоняющемуся поведению. Травма детства, не нашедший выхода гнев на свою мать, ощущение неадекватной тендерной идентичности — что бы это ни было, в представлении психологов насильники являются отклонением от нормы. «Изнасилование — всегда признак

некой психологической дисфункции, или временной и преходящей, или хронической и повторяющейся». В популярном представлении насильники — «больные люди»²⁶. Социология принимает эти точки зрения, но предлагает взглянуть на проблему с другой стороны. Сексуальное насилие особенно показательно, потому что совершается почти исключительно одним тендером — мужчинами, хотя этот акт могут осуществить и реально осуществляют и мужчины, и женщины. Поэтому оно особенно важно, чтобы проследить динамику как различия (раз этим занимаются только мужчины), так и доминирования (поскольку главная функция сексуального насилия, будь то мужского или женского, именно доминирование). Вместо того чтобы смотреть на насильников как на группу больных людей, социологи размышляют над тем, насколько обычным, насколько «нормальным» может быть насильник в культуре с точки зрения легитимации его поведения. Так можно увидеть процессы и движущие силы, которые вынуждают всех женщин противостоять возможности сексуальной виктимизации, воспроизводящей и тендерное разделение, и тендерное неравенство.

175

Социологические исследования насильников показали, что многие из них женаты или имеют обычных постоянных партнерш. Исследования группового изнасилования показывают «еще более типичных» парней, которые делают это просто за компанию с друзьями. Насильники оценивают свои действия в терминах, которые выражают дифференциалы власти между женщинами и мужчинами. Они воспринимают то, что делают с женщинами, как свое «право», чувствуя, что имеют эти права на женское тело. И они часто видят свое поведение в свете своих отношений с другими мужчинами. Например, члены «Отряда шпоры», группы подростков в Южной Калифорнии, были известны многочисленными изнасилованиями во время свидания и изнасилованиями знакомых девушек, таким образом пополняя список своих «завоеваний», при этом они одевались в спортивную форму с номерами, т.е. использовали «язык», который могли понять только другие мальчики. А во время войны изнасилование женщин побежденного народа является формой коммуникации победителя и побежденного, а женские тела служат «военной добычей».

Хотя изнасилование является актом агрессии отдельного мужчины или группы мужчин, это также и социальная проблема, с которой сталкиваются женщины как группа. Женщины могут бороться с насилием индивидуально, меня походку, прическу, манеру поведения, отказываясь идти в определенное место в определенное время, — но сексуальное насилие касается всех женщин. «Изнасилование — это форма „полового терроризма“, — пишет теоретик в области юриспруденции Кэрл Шеффилд. — Это система постоянных напоминаний женщинам о том, что они уязвимы и являются мишенями насилия исключительно на основании их тендера. Сознание, что такие вещи могут случиться и действительно случаются, служит для того, чтобы держать всех женщин в психологическом состоянии напряжения, поскольку они все являются потенциальными жертвами»²⁷.

Следовательно, для социолога изнасилование выражает *и* структуру отношений, *и* индивидуальный случай. На индивидуальном уровне это — действие мужчины (или группы мужчин) против женщины. Оно поддерживается культурным аппаратом, интерпретирующим его как законное и оправданное. Такое отношение превращает каждую женщину в уязвимую потенциальную мишень. Подобным образом сексуальное насилие воспроизводит и тендерное различие (женщины как уязвимые и зависимые от мужчин существа нуждаются в защите; женщины не смеют

176

появляться в мужском пространстве, например на улице, из-за боязни стать жертвой насилия), и тендерное неравенство²⁸.

К объяснению социального конструирования тендерных отношений

Так как же мы будем думать о тендере с социологической точки зрения? Элементы определения кажутся достаточно ясными. Мы исследуем три связанных уровня: 1) идентичность, 2) взаимодействие, 3) институты — и взаимодействия между ними, чтобы объяснить связанные явления: тендерное различие и тендерное неравенство.

Во-первых, мы пришли к пониманию того, что тендер — не «вещь», которой обладает каждый, а набор действий, которые каждый *делает*. Когда мы «делаем» тендер, мы делаем это

перед другими людьми; и таким образом он проходит утверждение и легитимацию в оценках других. Тендер — меньше свойство индивида и больше — продукт наших взаимодействий с другими. Уэст и Зиммерман называют тендер «управляемым свойством», которое было «изобретено для того, чтобы другие могли судить о нас и реагировать на нас определенным образом». Женщины и мужчины — различные социальные группы, сформированные в «конкретных, исторически изменяющихся и в общем неравных социальных отношениях». То, что британский историк Э.Р.Томпсон однажды написал о классе, точно также применимо и к тендеру. Тендер «является отношением, не вещью», и, как и в случае с любыми другими отношениями, мы активно участвуем в его строительстве. Мы не просто унаследовали мужские или женские половые роли, но активно — интерактивно — и постоянно определяем и пересматриваем, что значит быть мужчиной или женщиной в наших ежедневных взаимодействиях. Тендер — это то, что каждый *делает*, а не то, что каждый *имеет*²⁹. Во-вторых, мы понимаем, что делаем тендер в каждом взаимодействии, в каждой ситуации, в каждом институте, в котором оказываемся. Тендер — это ситуационное исполнение, аспект взаимодействия в той же мере, что и идентичности. Как пишет Мессершмидт, «тендер — это ситуационное исполнение, в котором мы производим формы поведения, воспринимаемого другими в той же самой непосредственной ситуации как мужское или женское». Тендер — то, что мы привносим в эти взаимодействия и что в них далее воспроизводится

30
177

При этом мы делаем тендер не в безгендерном вакууме, а скорее в гендеризованном мире, в гендеризованных институтах. Наш социальный мир построен на системном, структурном неравенстве, основанном на тендере; социальная жизнь воспроизводит и тендерное различие, и тендерное неравенство. Мы должны думать о мужественности и женственности «не как о единичном объекте с его собственной историей, но как о постоянно исторически конструируемой развивающейся социальной структуре». Кэтрин Пайк дает следующее определение тендера:

«Тендер — это эмерджентное свойство ситуационного взаимодействия, а не роль или признак. Глубоко закрепленная и обычно бессознательная вера в мужскую и женскую неизменную природу обуславливает исполнение тендера в повседневных взаимодействиях. Поскольку формирование этих верований происходит в макроструктурных отношениях власти, соответствующие культурно приемлемые способы производства ген-дера осуществляются в пользу мужских интересов за счет женских. Таким образом воспроизводятся тендерные отношения власти»³¹.

Короче говоря, социология — это уникальная лаборатория, в которой мы можем действительно разобраться в различиях между женщинами и мужчинами, а не в том, что нам таковыми различиями кажется, также как и в способах их производства, благодаря которым тендерное различие оказывается продуктом, а не причиной тендерного неравенства. Мы — гендерно сформированные люди, и мы ведем гендеризованную жизнь в гендеризованном обществе, — но все же живем на одной и той же планете. (Фактически, может быть, только на этой планете такие различия действительно являются значимыми.) Далее в этой книге мы рассмотрим некоторые институты, которые создают тендерное различие и воспроизводят тендерное неравенство, — семью, школу, рабочее место. Мы также проследим за теми способами, которыми выражаются эти различия и неравенство в наших взаимодействиях друг с другом — в любви, в сексуальных отношениях, в дружбе и в насилии.

ЧАСТЬ II

Гендеризованные идентичности, гендеризованные институты

Глава 6

Гендеризованная семья

Никто прежде не просил нуклеарную семью жить замкнуто, как будто в клетке, как сейчас это делаем мы. Без родственников, без поддержки, мы поставили ее в невозможную ситуацию.

Маргарет Мид

Я не люблю ностальгии, разве что она — моя.

Лу Рид

Почти десятилетие назад, в 1992 г., тогдашний американский вице-президент Дэн Куэйл начал общественные дебаты о семье тем, что стал критиковать персонажей телевизионных шоу. Для него решение Мерфи Браун, героини одного из бесчисленных сериалов, стать матерью-одиночкой являлось насмешкой над ролью отцов и представляло семьи одиноких матерей «как просто один из вариантов выбора стиля жизни». Сорок один миллион американцев наблюдали риторическую месть этой героини. 21 сентября 1992г. она с экрана отчитала Куэйла за «крайне несправедливые слова», напомнив ему и Америке, что «семьи бывают разной формы и размера».

Но этим все не закончилось. Год спустя в одном журнале было сказано, что «Дэн Куэйл был прав», и внезапно Америка завела споры о так называемых «семейных ценностях». Некоторые кричали, что семья «в кризисе» и разваливается из-за высокого уровня разводов, подростковых беременностей, монородительских семей, детей работающих матерей, которых воспитывают чужие люди, а также геев и лесбиянок, требующих права вступать в брак и иметь или усыновлять детей. По их словам, «традиционная» нуклеарная семья 1950-х гг. из фильма «Предоставьте это Биверу!» и других комедий, посвященных тому времени, которая была использована одним из защитников этой модели в качестве примера «законного, гетеросексуального, моногамного брака на всю жизнь, основанного на привязанности и товарищеских отно-

181

шениях, с четким разделением труда, с женщиной-домохозяйкой и мужчиной, обеспечивающим семью и имеющим в ней основную власть», стремительно исчезла под двойным напором «общества вседозволенности» и «государства всеобщего благосостояния» (welfare state). Множество карательных политических инициатив было разработано для поддержки оказавшегося в осаде института семьи и восстановления именно этой семейной модели, включая законы, направленные на ограничение развода, ограничение права женщины на аборт, воспроизводство гетеросексуальной семьи как нормы и превращение брака из юридически исполняемого контракта в священное «соглашение»¹.

Другие, тем не менее, приветствовали новые и разнообразные изменения в семье, считая, что они подтверждают силу американской семьи. Для них проблемы семьи коренились как раз в убеждении, будто модель комедии положений 1950-х гг. остается универсальной и универсально желательной семейной моделью. На самом деле карательные политические инициативы усиливали те самые проблемы семьи, для решения которых предназначались, ограничивая в результате равенство женщин и возможность выбора для детей. Если попытаться осуществить ту версию семейных ценностей, которую предлагают правые, то, как пишет журналистка Ката Поллит, «придется вернуть все девятнадцатое столетие: восстановить культ девственности и двойного стандарта, запретить контроль рождаемости, ограничить развод, вышибить женщин с приличных рабочих мест, вынудить не состоящих в браке беременных женщин отдавать своих младенцев в чужие семьи на усыновление под страхом социальной смерти, считать детей, рожденных вне брака, юридически неполноценными».

Такой невероятный (и весьма отвратительный) сценарий означает, что лучше уж нам привыкнуть к различиям в образе жизни и разработать политику поддержания и поощрения всех форм семьи².

В этих дебатах у каждой из сторон своя правда. Семья является, возможно, одним из наиболее хрупких социальных институтов, но она оказывается и наиболее эластичным институтом. Американская семья значительно изменилась в течение нашей истории, и форма семьи продолжает приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам. Данных, что семья приходит в состояние упадка или распада, очень мало. Брак остается весьма популярным, и из десяти американцев каждые девять делают этот шаг в своей жизни. Доля жен-

182

щин, одиноких на протяжении всей жизни, сегодня фактически ниже, чем в начале XX столетия. Почти половина всех браков в Соединенных Штатах — повторные, что указывает и

на растущее число разводов, и на неиссякающую веру в институт брака. Практически все хотят вступить в брак, включая геев и лесбиянок, кампании которых за право на брак стоят сегодня на политической повестке дня (ирония же в том, что им противостоят те самые люди, которые хотят «защитить» брак)³.

Если нуклеарная семья не находится в кризисе, то о чем мы шумим? В основе некоторой части дебатов о семейных ценностях лежит то, что можно назвать «неуместной ностальгией» или романтизированным убеждением, что форма семьи 1950-х гг. (эра юности многих участников дебатов) представляет собой вечную модель, которой должны подражать все остальные формы семьи. В 1960-х гг. антрополог Рэймонд Бердвистелл придумал название «сентиментальная модель» для описания того, как люди в сельском штате Кентукки рассказывали или «вспоминали» о своих семьях, причем эти воспоминания, как он указывал, имели очень мало сходства с реальными семьями рассказчиков. Часто наши описания семьи соответствуют больше некой мифической модели, чем нашему реальному опыту.

Преобразованное в общественную политику, это туманное и антиисторическое видение часто сопровождается нарушениями слуха, не дающими услышать неприятные звуки современности — какофонию голосов различных групп людей в демократическом обществе, гул рабочего места, доступного теперь и мужчине, и женщине, шум телевидения, рок- и рэп-музыку, оргиастические стоны сексуальной революции.

Большая часть дебатов о семейных ценностях — это смещенная в другое пространство ссора с феминизмом, который часто несправедливо обвиняют (или, наоборот, благодарят) за то, что, может быть, было единственным значительным преобразованием американского общества в этом столетии: появление женщин на рынке труда. Этот процесс намного предшествовал современному феминизму, хотя нападение на «женскую тайну», начатое женским движением в 1960-х гг., дало работающим женщинам политический ориентир для их намерений и стремлений.

Наконец, большая часть дебатов о кризисе семьи базируется на неправильном чтении истории. Хотя мы думаем о семействе как о «частной» сфере, теплом убежище от холодного конку-

183

рентного мира экономической и политической жизни, семья никогда не была таким обособленным миром. Современная семья выстроена на широкой основе экономической и политической поддержки; сегодня ее поддерживает инфраструктура, включающая общественное финансирование дорог, школ и покупки домов, а также юридические правила, регулирующие брак и развод. Рабочее место и семья глубоко взаимосвязаны; «заработная плата семьи» организует семейную жизнь, также как и экономику, выражая идеализированное представление о том, чем семья является и должна быть. Этот общественный компонент частной сферы часто невидим в текущих дебатах о семье, частично потому, что он глубоко встроен в наше историческое развитие. Современный «кризис» пришел к нам из начала XX столетия, но происхождение сегодняшней дилеммы коренится в нашем национальном прошлом.

Очень краткая история американской семьи

С самого начала американская семья использовала те блага, которые появились в результате резких изменений в этике семьи, охвативших Европу и колонии в середине XVIII столетия. Хотя отеческая власть была все еще ядром «упорядоченной семьи», новая этика «эмоционального индивидуализма» вела к идеалу более теплых и близких отношений между мужем и женой и между родителями и детьми. Следуя «наплыву чувств», мужчину и женщину поощряли вступать в брак на основе взаимной привязанности; брак расценивали как «союз индивидов», а не как «союз двух генеалогий». Уменьшилось число случаев жестокого обращения мужей со своими женами: снизилось количество избиений жен, а также мужей, настаивавших на своих супружеских «правах». Родители стали менее жестоки к своим детям, о чем можно судить по данным о снижении частоты телесного наказания детей⁴.

Американские женщины имели больше свободы, чем европейские. Без приданого, связывавшего жену экономически с ее семьей и с правом сохранять владение своим имуществом при вступлении в брак, они гораздо легче могли и выйти замуж, и вступить в

повторный брак. Таким образом, американская семья XVIII и начала XIX в. меньше походила на миниатюрную монархию и больше на «небольшое содружество наций», в котором муж, жена и дети «работали вместе как члены общего предприятия». Было гораздо меньше дифференциации между

184

«его» и «ее» сферами: женщины и мужчины работали и дома, и вне его; женщины производили многое из того, что необходимо для семьи; мужчины работали, следуя ритму семейного, а не индустриального времени. Поскольку и женщины, и мужчины работали, оба родителя принимали участие в воспитании детей. Историк Джон Демос пишет об «активном, полном отцовстве, пронизывавшем всю ткань домашней и производственной жизни».

Фактически в начале XIX в. руководства по воспитанию детей писали отцы, а не матери, и ребенка в основном воспитывал родитель соответствующего пола, следуя неофициальной, но общепринятой модели разделения воспитания по половому признаку⁵.

Однако впервые десятилетия XIX в. этот мир изменился. К середине столетия разрыв между работой и домом резко обозначился, и в действительности, и в идеологии стало утверждаться разделение сфер. Семейную жизнь «вырвали из мира работы». Рабочее место и дом стали четко обозначенными его и ее сферами.

В 1849 г. лорд Альфред Теннисон выразил это разделение сфер в поэме «Принцесса»: Мужчина для поля, а женщина для очага. Мужчина для меча, а она для иглы. Мужчина с головой, а женщина с сердцем. Мужчина командует, и женщина повинуется; Иначе наступит хаос.

Мужчины ощутили это разделение сфер в двух аспектах. Во-первых, из дома и с фермы место зарабатывания денег переместилось на мельницу и фабрику, в магазин и офис. Мужчины оказались подчинены другому ритму д:я, продиктованному растущей специализацией промышленности. Во-вторых, мужская доля работы в доме была постепенно индустриализирована, и из нее были устранены такие задачи, как сбор топлива, обработка кожи и зерна, поскольку они оказались перемещены во внешний мир. Это «освободило» мужчин, чтобы они оставили свои дома и передали женам воспитание уже не только дочерей, но и сыновей.

При такой эмансипации мужчин популярная литература занималась возвеличиванием положения женщин, которые на самом деле оказались заперты дома. Начиная с кафедры проповедника и заканчивая образцами высокого искусства, женскую работу переосмыслили не как «работу» вообще, а скорее как миссию, возложенную Богом на женщину. Некоторые

185

виды домашней работы исчезли, как, например, прядение и ткачество, но большая часть женской сферы оставалась незатронутой. Женщины продолжали готовить пищу и печь хлеб, даже если их мужья больше не выращивали и не мололи зерно или не забивали скот на мясо. Уборка и воспитание детей все сильнее маркировались как «женская работа». Хотя мужские и женские сферы являлись симметричными и взаимодополняющими, они не были равны.

Кэтрин Бичер и Гарриет Бичер-Стоу писали в своей знаменитой книге «Дом американской женщины» (1869):

«С брака начинается семья, и именно мужчина ею управляет, обладая физической властью и требованиями ответственности главы семьи, а также согласно христианскому закону, по которому, когда возникают разногласия, муж имеет право на окончательное решение, а жена должна повиноваться»⁷.

Многие историки утверждают, что эта новая идеология на самом деле репрезентировала историческое снижение статуса женщины. Историк Герда Лернер, например, указывает, что в 1830-х гг. было меньше женщин, владеющих магазинами, и деловых женщин, чем в 1780-х: «Женщину исключили из новой демократии», — пишет она. Демократия означала географическую мобильность, а также социальную и экономическую. Женщину же «заклучили в тюрьму», в «дом», в новую идеологию женской домашней жизни. Утверждение «маленькой чудесной женской сферы» нуждалось идеологической поддержке со стороны раскодованной поэзии и религиозных проповедей. Но мужское «освобождение» от дома частично оказалось иллюзией, поскольку было одновременно и ссылкой. Уже в 1820—1830-е гг. критики жаловались, что мужчины проводят слишком мало времени дома. «Отеческое пренебрежение в настоящее время — один из самых обильных источников домашнего разлада», — писал преподобный Джон Эббот в «Журнале для родителей» в 1842 г. Отец, «весь в спешке ради

своих деловых интересов, рано или поздно обнаруживает, что ему не хватает времени на исполнение... своего родительского долга». В «Книге для отцов» (1834) Теодор Дуайт писал о необходимости убедить мужчин вновь взять на себя свои домашние обязанности⁸.

Семья становится «приютом и убежищем от бессердечного мира», который великий французский теоретик Алексис де Токвиль наблюдал во время путешествия по Соединенным Штатам в начале 1830-х гг. «Лишенная своих производительных функций, семья теперь специализируется на воспитании

186

детей и эмоциональном утешении, обеспечивая весьма необходимую святость в мире, основанном на безличных принципах рынка», — пишет историк Кристофер Лэш⁹.

Конечно, идеология и реальность разделения сфер в середине XIX в. в Америке были в значительной степени характерны для белого среднего класса, но именно эта идеология пропагандировалась как норма и для всех остальных, как «американская» форма семьи. Женщины рабочего класса и цветные женщины продолжали трудиться вне дома, в то время как мужчины с готовностью делили с ними работу по дому и воспитанию детей, если не из-за идеологических обязательств, то из экономической потребности. «Расцениваясь, скорее, как работницы, чем как члены семейных групп, женщины из непривилегированных слоев работали для обеспечения, поддержки, стабилизации и воспроизводства своих семей как в публичной (производительной), так и в частной (репродуктивной) сферах»¹⁰.

Поскольку семья теперь была отнесена к области ответственности женщин, уменьшилась ее значимость и ослабла степень интеграции в более широкие общности. Словно в качестве компенсации за это изменение, символическая значимость семьи увеличилась. События, которые раньше торжественно организовывались от случая к случаю, стали теперь рутинной семейных праздников; праздники сообщества должны были стать домашними. «Семья» как место идеализированной романтической тоски было изобретением XIX в., поскольку она пыталась все же сохранить те ценности, которые на самом деле теряла безвозвратно. Историк Джон Гиллис пишет:

«Когда мужчины работали дома, трапезы редко бывали частными или даже регулярными. Выходные выливались в общинные празднества и взаимное хождение по гостям, а не в частные семейные праздники с приготовленной для них домашней пищей. Неторопливые часы обеда, проведение воскресного дня с семьей и воссоединение нуклеарной семьи по большому празднику, например во время Рождества, были изобретены лишь начиная с середины XIX в.»¹¹

Быстрая индустриализация американской экономики в десятилетия после гражданской войны только укрепила эти тенденции. К 1890 г. всего лишь около 1% замужних женщин работали вне дома. Поскольку материнство все чаще рассматривалось как единственное «призвание» женщины, важность отцовства преуменьшалась. «Муж и отец в семье среднего достатка, проживающей в пригороде, — почти полностью вос-

187

кресный институт», — писал один автор в «Харперс базар» еще в 1900 г. Статьи под названием «Отцы, время вернуться в семью!» с определенной регулярностью появлялись в популярных журналах. «Бедного отца оставили за дверью, — делилась своими наблюдениями член движения прогрессивных реформаторов Джейн Адаме в 1911 г. — Он не получает особого признания. Было бы хорошо, если бы у отца был специальный день, когда бы он получал это признание». (Эта благородная идея шестьдесят один год ждала момента своего осуществления¹².)

Комментаторы на рубеже XIX и XX вв. также немало волновались из-за кризиса семьи. Число разводов устойчиво росло начиная со времени возвращения солдат после гражданской войны — от семи тысяч в 1860 г. до пятидесяти шести тысяч в 1900 г. иста тысяч в 1914 г. В 1916 г. в Сан-Франциско один из каждых четырех браков заканчивался разводом; в Лос-Анджелесе — один из пяти, в более традиционном и католическом Чикаго — один из семи. В 1914 г. исследование семейного положения женщин — дипломированных выпускниц колледжей Барнард, Брин-Мор, Корнелл, Маунт-Холиоук, Рэдклифф, Смит, Вассар, Уэлсли и Уэллс показало, что менее 40% выпускниц вышли замуж. Из выпускниц Гарварда 1870-х гг. почти треть женщин между сорока и пятьюдесятью годами оказались одиночками. «Через пятьдесят

лет брак исчезнет», — предсказывал уважаемый гарвардский психолог Джон Уотсон в начале XX в.¹³

Кризис семьи был настолько животрепещущим вопросом, что президент Теодор Рузвельт в 1909 г. созвал первую конференцию Белого дома по вопросам детей. Рузвельт полагал, что необходимо поощрять мужчин к более активному отцовству, а белые урожденные американки, в свою очередь, нуждаются в поддержке, чтобы рожать больше детей, чтобы белые люди не кончили, по его выражению, «расовым самоубийством». Он также полагал, что бедность, особенно бедность овдовевших матерей, — главная проблема в жизни их детей и помощь таким семьям является обязанностью правительства. Рузвельт считал необходимым материально поддерживать матерей-одиночек, которые, по общему мнению, были способны обеспечить достойный уход за своими детьми, если им добавить немножко денег¹⁴.

Разделение сфер обеспечило основу для фактически бесконечного кризиса семьи на протяжении всего XX в. Попытки женщин выйти за пределы дома, чтобы поступить в институт,

188

прийти на рынок труда, вступить в профсоюзы, получить профессиональное образование, встретили существенное сопротивление, а мужское желание вернуться домой, в семью, падало вплоть до 1940-х гг. Вторая мировая война прервала этот процесс, поскольку женщины снова в огромном количестве оказались на рынке труда. Но послевоенный экономический бум, питавшийся огромными правительственными расходами на строительство дорог, школ, а также законодательством, направленным на поддержку ветеранов войны, сделал нуклеарную семью, проживающую в своем доме в пригороде, жизненной реальностью для все возрастающего числа американских семей. Все это стабилизировало данную форму семьи, на самом деле искусственную и чреватую проблемами: нуклеарную семью Джун и Уорда Кливеров с их детьми Уолли и Бивером*¹⁵.

Огромные государственные инвестиции в поддержку идеальной модели семьи, состоящей из мужа-кормильца, матери-домохозяйки и их детей, сопровождалась резким повышением числа браков и столь же резким снижением возраста заключения первого брака. В то время как сегодняшние показатели в этой области соответствуют показателям остальной части XX в., эра 1945—1960 гг. резко выделяется, так как «молодые мужчины и женщины... в качестве реакции на трудности и разлуки, связанные с депрессией и войной... вступали в брак необычно рано». В 1867 г. в США было заключено 9,6 браков на 1000 человек; столетие спустя — 9,7 браков. А вот в 1946 г. это число достигло своего абсолютного максимума — 14,2. При таком высоком показателе брачности, высокой фертильности и стабильно низких показателях разводов семья 1950-х гг. превратилась в образец, который многие продолжают расценивать как идеал. На самом деле такая модель семьи оказалась «результатом взаимодействия необычного ряда исторических, демографических и экономических обстоятельств, к которым вряд ли можно возвратиться снова», — таков итог двух ведущих специалистов по истории семьи¹⁶.

Но сформировавшуюся новую модель семьи объявили естественной, т.е. и биологически неизбежной, и нравственно соответствующей общественному прогрессу. Попытки укрепить эту модель превратились в постоянное назойливое жужжание в ушах нации. «Требование укреплять традиционные нормы казалось почти неистовым, — пишет историк Уильям Чейф,

—
Речь идет о персонажах популярного фильма «Предоставьте это Биверу!» (режиссер Энди Кэдифф, 1997 г.). —
Прим. ред.

189

как если бы в действительности происходило что-то совершенно другое». В академической сфере ученые структурно-функционалистской школы в социальных науках также обеспечили легитимность этой модели, утверждая, что изолированная нуклеарная семья среднего класса, с разделением сфер, обслуживает потребности и детей, и общества. Такая система семьи требует присутствия и экспрессивных (женских), и инструментальных (мужских) компонентов, писал Толкотт Парсонс, и этого возможно достигнуть только в семье, где мать-домохозяйка сохраняет домашнюю сферу для мужа-кормильца, работающего вне дома. В 1955 г. другой социолог описал этот домашний рай следующим образом:

«Отец помогает матери помыть посуду. Он накрывает на стол. Он разводит молочную смесь для ребенка. Мать может дополнить доход семьи, где-нибудь подрабатывая. Однако именно американский мужчина по определению *должен* „обеспечить" свое семейство. Он *ответственен* за свою жену и детей. Его главная сфера самореализации — профессиональная роль, от которой непосредственно зависит его статус; и его *главнейшая* функция в семье заключается в обеспечении „дохода", в том, чтобы быть „кормильцем". Что-то не в порядке с американским взрослым мужчиной, который не имеет работы" .

Американские женщины, с другой стороны, имеют тенденцию работать *до* замужества и прекращать это делать, когда приходит „их день"; или продолжают выполнять работу более низкого статуса, чем у их мужей. Мать играет центральную роль в эмоциональной поддержке ребенка в американской семье среднего класса и намного больше посвящает себя этому, чем в большинстве других обществ... Культ „материнской теплоты" противостоит культу „способного", „компетентного", „предприимчивого" мужчины. Более экспрессивный тип мужчины, фактически, будет расценен как „женоподобный" (слишком много жира у него на ляжках)»¹⁷.

Целое поколение мужчин среднего класса пробовало соответствовать типу кормильца семьи, проживающей в пригороде. Они стали коллективным персонажем, объектом бесчисленной сатиры, «мужчинами в серых фланелевых костюмах», которые каждое утро мчатся на своих автомобилях последней модели к пригородному вокзалу, чтобы успеть на один поезд вместе с другим мужчиной, соседом по улице. И поколение их жен готовило и убирало, чистило и мыло, стирало и гладило, и все ради того, чтобы соответствовать постоянно возрастающим стандартам чистоты.

190

Для многих родителей и детей из поколения демографического взрыва эта форма семьи оказалась удачной. Пригородная жизнь была безопаснее и проще, чем в переполненных городах, из которых в 1950-е гг. сбежали многие семьи. Жизнь в такой семье создала мужчинам послевоенных поколений безопасный якорь во все более и более опасном корпоративном мире. Домашняя жизнь сосредоточилась на времяпрепровождении с детьми и множестве хобби на досуге, от пешего туризма и кемпинга, концертов и театра до парусного спорта и увлечения фотографией. Американцы среднего класса предпочитали семейные отпуска, въезжая все вместе в рассчитанные на семью номера отелей, покупая «семейные упаковки» готовой пищи — если только не занимались кулинарией, следуя французским гурманам. Они вместе ходили в местную библиотеку или кинотеатр. Некоторые мужья обожали своих жен-компаньонов и строили вместе с ними свою, более устойчивую, удобную, детоцентристскую и товарищескую семью, чем могли вообразить себе их родители (развод был последним средством решения проблем). Вот какие нежные строки посвятил поэт Арчибальд Маклейш своей жене, которой он благодарен за свое семейное счастье: Все, что становится женщиной Слова ли, пути ли — все прекрасно Сладкий долг любви Чисто выметенная комната

И в заключение:

Величайшее и изобильнейшее мое богатство —

Вся моя жизнь —

Вот ее дар мне

Все, что она смогла мне дать.

Безусловно, представление поэта о домашнем счастье опиралось на неоспоримое для него обязательство разделения сфер и мужского первенства (она дает ему его жизнь, но он не дает ей ее жизни). Хотелось бы послушать его жену. Тем не менее, «эти идеи и образы, подобно религиозному языку и воображению, все еще имеют сложную власть над нами, — написал мне недавно мой друг, пославший мне поэму Маклейша как напоминание о той эре. — Когда мы читаем про переход Романтической страсти в домашний мир любви и спокойствия, Даже у наиболее циничных и свободных из нас перехватывает Дыхание, и мы задаемся вопросом, не было ли здесь потеряно

191

нечто незаменимое». Если современные защитники семейных ценностей испытывают чрезмерную ностальгию по этой романтизированной форме семейства, то часто и их критики

в равной степени проявляют односторонний подход¹⁸.

Видимость домашнего счастья только частично скрывает увеличивающееся беспокойство и со стороны мужей, и со стороны жен (не говоря о детях, которые дадут много творческих [и не только творческих] выходов своему недовольству в 1960-е гг.). Многие женщины и мужчины чувствовали себя расстроенными и несчастными в этой предположительно «естественной» форме семьи. Некоторым отцам казалось, что они отчуждены от своих семей и особенно от детей. Хотя они видели Уорда Кливера, Джима Андерсона и других «преданных папаш» в телевизионных комедиях, большинство американских мужчин среднего класса были лучшими отцами в теории, чем на практике, они больше говорили о необходимости проводить время с детьми, чем на самом деле это делали. Положение профессиональной домашней хозяйки и матери было «чем-то новым и исторически беспрецедентным», и жены, следуя требованиям «бессмысленной тирании безупречных рубашек и сверкающих чистотой полов», сдерживали растущее негодование на мир, обходящий их стороной. В своем обзоре американской культуры «Америка как цивилизация» (1957) историк Макс Лер-нер писал о «суровом испытании» для современной женщины, утверждая, что «несчастливая жена стала характерным типом культуры»¹⁹.

Такое несчастное положение питало все более и более политизированный гнев женщин. В 1963 г. вызов феминистки Бетти Фридан в «Женской тайне» прозвучал подобно набату над всеми тщательно вылизанными пригородными лужайками и двориками университетских кампусов. Называя пригородный дом «комфортабельным концлагерем», она объявила, что реальная жизнь лежит за пределами сковородников и раздражения кожи от пеленок. Битники, плейбои и юные преступники возникли как три альтернативы образу кормильца из пригорода. И конечно, популярная музыка той эпохи подвергала насмешкам «уважаемых» мужчин и их жен, тоннами глотающих «маленьких маминых помощников» (mother's little helper)^{*20}.

* Имеются в виду транквилизаторы, по названию одной из композиций группы «Роллинг Стоунз», посвященной этой же теме. — *Прим. ред.*

192

Фактически, как только эта «традиционная» семья была полностью упрочена и признана, она начала давать трещины под огромным весом, который был на нее возложен. Семья, как предполагалось, являлась единственным источником комфорта и удовольствия во все более холодном бюрократическом мире; брачный союз был единственным, самым важным бастионом близости и дружбы, на которые только способен человек. Лишившись более «традиционной» поддержки со стороны сетей локального сообщества, гражданского участия и уз расширенного родства, семья должна была в одиночестве удовлетворять все психологические и эмоциональные потребности.

И это было слишком тяжело: «традиционная» семья была анахронизмом с момента своего возникновения. В 1960-е гг. меньше половины (43%) американских семей соответствовали традиционной модели семьи с одним кормильцем; одну четверть (23%) составляли семьи с двумя кормильцами. Все же почти девять из десяти (88%) белых детей до восемнадцати лет жили с обоими родителями, 9% с одним родителем и 3% — без родителей. Среди афроамериканских семей две трети (67%) жили с обоими родителями, и одна пятая — только с матерью.

Семья 1970-х и начала 1980-х гг. была фактически более устойчивой и одновременно более гибкой именно из-за растущего разнообразия форм семьи. В начале 1970-х гг. Теодор Кап-лоу и команда социологов возвратились в Мидлтаун (Мунси, штат Индиана) спустя пятьдесят лет после знаменитого исторического исследования провинциальной Америки, проведенного Робертом и Хелен Линд. Социологи пришли к выводу, что семья находится в лучшей форме по сравнению с 1920-ми гг. Объяснялось это экономически и социально улучшенными условиями, а также улучшенными оплатой, досугом, жильем. Родители проводили больше времени с детьми, чем полстолетия тому назад. Более гибкие тендерные роли, расширение возможностей для женщин и выросший уровень знаний о контроле над рождаемостью и сексуальности также заметно улучшили супружеские отношения²¹.

Но с начала 1980-х гг. семья действительно стала испытывать неприятности, частично из-за резкого уменьшения социальных услуг. Снижение и замораживание заработной платы, особенно для мужчин, сокращение досуга и общественного финансирования жилья, большая

необходимость занятости обоих родителей и возвращение прежних ограничений контроля над
193

рождаемостью и аборт — все это вело к резкому снижению качества жизни семьи. Многие из проблем семьи были на самом деле вызваны экономическим спадом. В 1970 г. 15% всех детей до восемнадцати лет жили в семьях, подпадавших под определение «бедных»; сегодня же это число достигает одной четвертой²².

В семьях среднего класса уменьшение времени досуга и выросшие профессиональные требования добавили напряжения к уже ослабленным семейным отношениям. «Пятичасовой папа» семьи 1950-х гг. превратился в «вымирающий вид». Более 10% мужчин с детьми до шести лет работают более шестидесяти часов в неделю, а 25% — между 50 и 60 часами. (Менее 8% женщин с детьми этого возраста имеют такой же режим работы.) Всегда гибкая и отзывчивая к продолжающемуся размыванию своих основ, американская семья ответила рядом изменений и модификаций, а также появлением кучи пророков и ученых мужей, прокламирующих ложные решения²³.

Начиная с 1960-х гг. возраст вступления в первый брак устойчиво полз вверх, увеличиваясь на три года и для женщин (двадцать четыре года), и для мужчин (двадцать шесть лет). Количество детей в семье устойчиво снижалось, поскольку женатые пары задерживали рождение ребенка из-за получения обоими супругами высшего образования и реализации их профессиональных интересов. Сегодня только половина американских детей живут внуклеарных семьях с обоими родителями. Одна пятая живет с отчимами или мачехами и одна четвертая — в семье с единственным родителем. Число родителей-одиночек увеличивается приблизительно на 6% в год. Если в 1970 г. родители-од и ночки составляли лишь 13% всех семей, то к 1991 г. они составляли уже более четверти (29%) всех семей и 23% всех семей, в которых детям восемнадцать лет или меньше. Отцы в настоящее время возглавляют 14% таких семей. Эти показатели являются наиболее высокими среди индустриальных наций²⁴.

Число людей, не вступающих в брак до тридцати лет, увеличилось с 11% для женщин и 19% для мужчин в 1970 г. до 31% женщин и 45% мужчин. Доля женщин в возрасте от двадцати пяти до сорока четырех лет, которые никогда не были замужем, в 1950 г. составляла 9% среди цветных женщин и 10% среди белых; к 1979 г. эти показатели составляли уже 23% для цветных женщин и 10% среди белых женщин. Сожительство становится все более обычным, и не просто как явление среди студентов

194

колледжа и молодых людей. (Фактически большинство таких пар никогда не учились в колледже и представляют наименее образованный сектор общества; сожительство заменяет ранний брак для бедных и представителей рабочего класса.) 40% всех сожительствующих семей имеют детей²⁵.

В тоже самое время показатели разводов взлетели вверх. В 1860 г. на одну тысячу замужних женщин было приблизительно два развода, приблизительно четыре развода в 1900г. и более двадцати на сегодняшний день. Почти половина всех браков, заключенных в 1980 и 1990 гг., закончится разводом. Эти показатели развода в Америке — наиболее высокие в индустриальном мире. Большинство разводов происходит лишь через несколько лет брака. Можно сказать, что семья все меньше служит «приютом в бессердечном мире» ностальгического сентиментализма и больше похожа на «амортизатор» противоречивых воздействий из внешнего мира. «Традиционная» семья — отец-кормилец и мать-домохозяйка — остается нормой приблизительно в одной семье из десяти, в то время как модель двойного кормильца и другие формы семьи (включая семьи родителей-одиночек, а также семьи геев и лесбиянок) составляют приблизительно 40%²⁶.

Недавняя статья в «Ньюсуик» утверждает, что «американской семьи как таковой не существует». Скорее, предполагает автор статьи, «мы создаем много американских семей разнообразных стилей и форм... Есть семьи, в которых отец работает, а мать ведет хозяйство; есть, где работают оба — мать истец; есть родители-одиночки; вторые браки и бездетные пары; а также не состоящие в браке пары с детьми и без детей; семьи геев и лесбиянок с детьми». Такое разнообразие семей хорошо проиллюстрировано одной извесгяой современной политической фигурой: белый мальчик среднего класса, рожденный на Юге в

неполной семье, воспитанный матерью-одиночкой, который затем, когда вырос, развелся со своей первой женой, никогда не платил алименты или пособие на ребенка, не поддерживает никакого контакта со своими детьми и имеет сестру лесбиянку, которая недавно завела свою собственную семью. Кто бы мог принадлежать к такой разнообразной семье? Это — Ньют Гингрич, до недавнего времени спикер Палаты представителей, так много радевший о семейных ценностях²⁷.

По мере того как меняются семьи, меняются и наши представления о них. Социолог семьи Скотт Колтрейн пишет, что «поддержка разделения сфер жизни и автоматического

■

7*
195

господства мужчин резко снизилась за прошедшие несколько десятилетий, хотя существенное меньшинство американцев все еще цепляется за так называемые традиционные взгляды». Рассмотрим один или два примера. В середине 1970-х гг. один мужчина сказал в интервью социологу Лириан Рубин, что, «[если} мужчина с женой и детьми нуждается в работе, никакая женщина не должна иметь права отнять у него эту работу». Немногие мужчины сегодня выразили бы такое ощущение права на рабочие места как «свою» собственность. В 1977 г. две трети американцев согласились с утверждением, что «намного лучше для всех членов семьи, если мужчина добивается успеха вне дома, а женщина заботится о доме и семье». Двадцать лет спустя с этим утверждением согласились меньше двух из пяти человек (38%) и менее 30% людей «поколения демографического взрыва». В 1977 г. более половины американцев утверждали, что «для жены важнее помочь карьере ее мужа, чем самой делать карьеру». К 1985 г. немногим более трети (36%) согласились с этим, а к 1991 г. число согласных составило лишь 29%. Сегодня оно приближается к одной

четверти .

Такое отношение ощущается во всем мире. В недавнем международном опросе Института Гэллапа менее половины людей согласились с тем, что «традиционная» семейная модель «кормилец—домохозяйка» была бы желательна: в Соединенных Штатах — 48%, в Чили 49%, во Франции 46% и в Японии 46%. Только в одной стране, Венгрии, эту структуру семьи поддержало большинство — 66%, в то время как в нескольких странах число таковых достигло лишь трети, включая Испанию (27%), Индию (28%), Германию (28%) и Тайвань (26%).

«Традиционная» семья как нормативный идеал не была действительностью для всех американских семей даже тогда, когда этот идеал был изобретен. И сегодня тем более. Этот идеал представляет собой последний оплот традиционных тендерных отношений — тендерных различий, созданных тендерным неравенством, которым сегодня бросают вызов во всех видимых сферах жизни. Семьи — гендерно сформированные институты; они воспроизводят тендерные различия и тендерные неравенства среди взрослых и детей. Семьи дают тендерное воспитание детям и напоминают родителям, что они должны вести себя соответственно своему тендеру. Неудивительно поэтому, что каждый специфический аспект семейной жизни — брак, воспитание детей, работа по дому, развод — выражает различие и тендерное неравенство.

196

Гендеризованный брак

Как мы представляем себе брак? Женщина изобретает умный план, чтобы «заманить вдовушку» мужчину. В случае успеха все ее друзья празднуют наступающее бракосочетание, предвкушая поток подарков для невесты. Женщина празднует венчание: она, наконец, «посадила» мужчину на цепь, и ее будущее безопасно. Наоборот, мужчина «оплакивает» наступающее бракосочетание. Его отловили, и будущее кажется лишь тяжелой обязанностью, «старым чугунным шаром и цепью», рядом с улыбающимся начальником личной тюрьмы. Мальчишник в ночь перед свадьбой заключает в себе жалостливый, элегический смысл, скрываемый за выходками жениха, поскольку для него и его приятелей это «последняя ночь свободы», которая часто состоит из курения толстых сигар, интенсивного пьянства, порнокино и/или наемных танцовщиц и проституток.

Если вы верите такому культурному определению брака — она хочет, зон вынужден или его поймали, — то вы считаете, что брак приносит пользу женщинам и это — «их» область. Но согласно многим исследованиям из области социальных наук вы ошибаетесь. Вначале 1970-х гг. социолог Джесси Бернанд идентифицировала два различных брака — «для него» и «для нее». И брак «для него», по мнению ученого, оказался лучше. «Брак приносит пользу *мужчинам*. Все психологические измерения индексов счастья и депрессии показывают, что женатые мужчины намного более счастливы, чем не состоящие в браке, в то время как не состоящие в браке женщины несколько более счастливы, чем замужние. (Самое резкое различие — между женатыми и не состоящими в браке мужчинами.) Большая доля мужчин, чем женщин, в конечном счете женятся; мужья говорят о большей удовлетворенности браком, чем их жены; мужья живут дольше и имеют лучшее здоровье, чем не состоящие в браке мужчины, также как и лучшее здоровье, чем женщины; и мужчины реже, чем женщины, инициируют развод. После развода мужчины вступают в повторный брак намного быстрее, чем женщины, вдовцы умирают скорее после смерти

70

супруги, чем вдовы» .

Все это предполагает, что брак является более выгодным делом для мужчин, чем для женщин. И как может быть иначе? Учитывая традиционное разделение труда в семье (она работает, он ничего не делает по дому) и нетрадиционное разделение труда вне семьи (он работает, и она, скорее всего, тоже), рабо-

197

тающий муж получает дома и эмоциональные, и социальные, и сексуальные услуги, так что он может чувствовать себя достаточно комфортно в этом мире. Его жена, которая (вероятно) тоже работает, еще и дома обеспечивает ему комфортабельное существование и очень мало получает взамен³⁰. Брак часто может быть «хорош и для гусыни», но для «гусы» это просто отличное дело!

В последние годы субъективные оценки брачного счастья снизились и среди женщин, и среди мужчин. Сильное ухудшение экономических перспектив для молодых людей и снижение зарплаты белых мужчин в эпоху Рейгана в сочетании с возросшей конфронтацией между работой и семейной жизнью, изменившимся отношением к уходу за детьми и домашней работе, отсутствием структурной правительственной поддержки адекватного здравоохранения, детских учреждений и дружественной по отношению к семье политики на рабочих местах — все это привело к росту давления на брак. Вопрос в том, сможет ли семья продолжать принимать на себя все эти удары как буфер, являясь социальным институтом, одновременно очень устойчивым и очень хрупким?

Гендеризованные родители, гендеризованные дети

Как ни удивительно, другой причиной снижения семейного счастья стали дети. Именно из-за них семейное счастье часто идет на убыль. Пары, которые остаются бездетными, имеют более высокий уровень брачного удовлетворения, чем семьи с детьми. Такая семья лучше образована, вероятнее всего, живет в городе, и жена занята своей карьерой. Семья имеет больше сбережений и инвестиций и более склонна к покупке дорогого дома в возрасте за пятьдесят лет. Ощущение брачного счастья слабеет с появлением первого ребенка и не усиливается, даже когда он идет в школу, а, наоборот, еще больше падает, когда ребенок становится подростком. По словам социолога Мэри Бебин, муж начинает чувствовать себя лучше в браке, когда детям исполняется 18 лет, а жена не чувствует себя лучше в браке до тех пор, пока дети не оставляют дом³¹. Но дети, уход за ними и их воспитание являются смыслом и одной из главных целей семьи, последним доводом в пользу ее существования. Если одна из основных целей семьи — поддержание тендерного неравенства и тендерного различия между родителями, то другая ее главная цель состоит в гарантировании того, чтобы

198

L

гендерно сформированная идентичность отца или матери была передана детям, т.е.

следующему поколению. Именно в семье впервые сеются семена тендерных различий, именно там мы впервые понимаем, что быть мужчиной или женщиной, мальчиком или девочкой означает разные вещи и что положения эти неравны. Тендерная социализация начинается с рождения ребенка и продолжается в течение всей его жизни. Как родители влияют на формирование тендерных различий в детях? Родители обладают набором идей тендерного характера по поводу того, в чем их дети нуждаются, а это значит, что сами родители уже социализированы в определенных стереотипах насчет того, какими должны быть девочки и мальчики различных возрастов. С помощью курсов в колледжах и учебников, популярной прессы, руководств по воспитанию детей, «рассказов бабушек», замечаний друзей и родственников, информации, полученной от других родителей, и пословиц (типа: «Из чего сделаны хорошие девочки? Из сахара, специй и всего вкусного»; «Из чего сделаны маленькие мальчики? Из лягушек, улиток и щенячьих хвостов») они конструируют не просто «ребенка», но «мальчика» и «девочку», по отношению к которым существуют разные ожидания. Конечно, у родителей есть надежды и желания насчет того, какими взрослыми станут их дети, какие типы ролей они будут играть (как бы туманно они себе это ни представляли), и идеи о том, какие взрослые «индивидуальные» характеристики являются наиболее ценными, чтобы человек смог эффективно играть свою роль в обществе. Кроме того, родители следят, чтобы их ребенок демонстрировал «типичное поведение» девочек или мальчиков его возраста. В детстве тендерное различие и тендерное неравенство создаются и укрепляются с помощью игр, СМИ и школы.

Тендерное формирование личности начинается даже прежде рождения ребенка. До амниоцентеза (медицинская техника, используемая для обнаружения генетических дефектов, так же как и пола плода) или сонограммы (которая также может показать пол ребенка) родители проводят часы, размышляя о поле будущего ребенка и часто делая предположения, основанные на количестве ударов ножкой и другого внутриутробного поведения плода. Родственники и друзья говорят о том, «большой» ребенок или «маленький», и делают комментарии вроде: «Такой активный — это должен быть мальчик!» В тех случаях, когда амниоцентез не используется, и в тех странах, где эти медицинские возможности недоступны, родители все еще проводят время в размышлениях о поле своего ребенка.

199

Объявление о рождении ребенка утверждает его тендер: «Это — мальчик!» или «Это — девочка!» Прежде всего, вы узнаете пол своего ребенка (в роддоме его пишут на специальной табличке). Потом уже — все остальное, включая имя, основную информацию о его физических данных, и часто — кто его родители. Удивленные замечания посетителей роженицы в первые дни после родов повторяют те же самые гендерно сформированные чувства. Некоторые могут чувствовать, что тендерная стереотипизация неуместна, но в большинстве случаев с мальчиками все еще возможны комментарии типа «Кто знает, однажды он может стать президентом», или «Такой большой — станет футболистом», а для новорожденной девочки более вероятны такие комментарии как: «Она красива, и мальчишки по ней будут сходить с ума!» или «Время пролетит, и она тоже станет матерью».

Во время младенчества представления о том, как следует обращаться с ребенком того или иного пола, непосредственно влияют на поведение родителей и других взрослых. Большое количество исследований на эту тему уже обеспечило массу информации, которую я лишь кратко обобщу здесь. В первые шесть месяцев жизни младенца мать имеет тенденцию присматривать за девочкой и говорить с ней больше, чем с мальчиком, быстрее отвечать на крик девочки. Фактически такое поведение прослеживается в первые два года жизни ребенка. Мальчиков, с другой стороны, чаще, чем девочек, трогают, берут на руки, качают и целуют в первые несколько месяцев их жизни, но ситуация полностью меняется после того, как мальчику исполняется полгода. В течение первого года жизни девочкам позволено (их даже поощряют к этому) больше сидеть «на ручках» и вообще находиться в непосредственной близости от матери, чем мальчикам. Потом, в более поздние годы жизни, девочек поощряют к самостоятельности, но никогда так сильно, как мальчиков. Эта разница объясняется заинтересованностью родителей в развитии автономии или независимости. Из-за тендерных стереотипов матери полагают, что, в отличие от девочек, мальчики должны расти независимыми, и поощряют их быть самостоятельными, чтобы те позже могли исследовать

окружающий мир исправляться с ним. Многие матери отучают сына от физического контакта раньше, чем дочь. И в целом родители создают больше ограничений для дочери, с самого раннего возраста ребенка сужая диапазон приемлемого поведения.

Такие старания родителей преподать ребенку «надлежащую» тендерную роль, скорее, не являются сознательными, но

200

L

отражают тот факт, что сами родители воспринимают общие социальные роли мужчин и женщин. Хотя это уже не универсальное правило, часто с сыновьями обращаются так, словно они по природе крепкие и активные. С ними играют грубее, их приветствуют улыбками и другими признаками удовольствия, когда они отвечают соответственно. Девочки, по мнению родителей, более тонкие и нежные существа, поэтому их милое поведение и послушание, вероятно, получают родительское одобрение.

Другие взрослые укрепляют эти различные стереотипы родительского поведения.

Исследователи обнаружили, что взаимодействие людей с младенцами основывается больше на их предположениях о том, что именно соответствует определенному тендеру, чем на непосредственных характеристиках ребенка. Например, в одном эксперименте младенцам последовательно давали гендерно маркированные игрушки (куклы для девочек, молотки для мальчиков), но взрослым не сказали про пол младенцев. Для описания младенцев, пол которых они не знали, респонденты использовали гендерно маркированные прилагательные — «сильный» и «большой» для мальчиков и «мягкий» и «симпатичный» для девочек.

(Очевидно, в таком эксперименте у участников были одинаковые шансы угадать или ошибиться, и поэтому они описывали детей, скорее, в контексте полученной информации о них, чем в результате прямого за ними наблюдения.) В другом эксперименте была показана видеозапись реакции девятимесячного ребенка на чертика из коробочки, куклу, игрушечного медвежонка и гудок. Половине участников эксперимента говорили, что ребенок мальчик, а другой половине — что это девочка. На вопрос о том, как ребенок выражал гнев, страх и удовольствие, наблюдатели отвечали по-разному, так как «видели» различные эмоции. Когда ребенок играл с чертиком в коробочке, то был взволнован и даже кричал. Те, кто думал, что перед ними мальчик, считали, что «он» сердится; те, кто «видел» перед собой девочку, думали, что «она» боится³².

Как показали исследования, в период перехода ребенка от стадии младенца к стадии малыша, в возрасте одного-двух лет, тендерное формирование усиливается. Мальчику говорят, что «мальчики не цепляются за свою мать» и «большие мальчики не плачут». Независимость мальчика, его агрессивное поведение и подавление эмоций вознаграждаются, а отказ подчиниться приносит возрастающее родительское неодобрение. Девочку же поощряют, если она выражает эмоции, и контролируют

201

ее агрессию, ей дают больше возможностей быть зависимой; ей разрешают и поплакать дольше, чем мальчику.

Игрушки, в которые играют дети, изначально созданы как игрушки для девочек и игрушки для мальчиков. Девочке дают кукольные домики и куклы; мальчик подучает грузовики и конструкторы. Ему же взрослые объясняют, что он станет «бабой», если хочет играть в игрушки для девочек. Эти ярлыки приходят к детям первоначально от взрослых, поскольку было отмечено, что в два с половиной года многие мальчики предпочитают играть в кукольные домики и куклы, они отказываются от них только потому, что родители считают эти игрушки девчачьими. Родительские реакции очень быстро усваиваются детьми, которые затем уже проявляют совершенно разные предпочтения при выборе игр и игрушек. Рекламные объявления, продавцы и другие агенты социализации все вместе усиливают значение подсказок, полученных от родителей, и дети приходят к соответствующему пониманию самих себя. Игрушки также воспринимаются как воплощение некоторых эмоциональных черт, соответствующих мужским или женским. Лотт утверждает, что игрушки для девочек

поощряют зависимость от других, в то время как игрушки для мальчиков направлены на развитие способностей к решению проблем и независимости³³.

С очень раннего возраста физический внешний вид привязан к социальным определениям мужественности и женственности. Девочку вознаграждают за ее внешность и привлекательность, в то время как мальчика чаще хвалят за физические достижения и активность. Эти различия продолжают и в юности. Девочку учат использовать свою симпатичную внешность и скромность, а также смотреть в зеркало и искать отражение себя в реакции других. Мальчик приходит к пониманию того, что спортивные способности и достижения являются главными в его будущей мужской жизни.

Самые ранние отношения ребенка с другими детьми становятся ареной, на которой ребенок выражает и использует тендерные ожидания, воспринятые от родителей и окружающего мира. Исследователи обнаружили, что уже после первого года в школе у ребенка развивается тенденция выбирать приятелей по принципу принадлежности к одному и тому же полу. Психологи Элеонор Маккоби и Кэрол Джаклин указывают, что дети, независимо от тендера, предпочитают играть с другими детьми, подобными себе. Их изучение двух- и трехлетних детей поднимает интересные вопросы. Они сделали так, чтобы пары

202

детей (одного пола или обоих полов) играли вместе и были одеты одинаково. Наблюдатели не смогли определить, кто из этих детей является мальчиком и кто — девочкой, даже если пара состояла из мальчика и девочки. (Конечно, сами дети могли определить пол друг друга.) Результаты подтвердили, что пары одного пола играли более мирно, чем пары из детей обоих полов³⁴.

Экспериментальные исследования показывают, что мальчики и девочки очень рано начинают развивать две тендерные культуры, резко отличные друг от друга. Хотя ребенок не начинает свою жизнь с игр, ориентированных лишь на один из полов, постепенно он предпочитает играть с детьми своего пола. В таких играх мальчики изучают опытным путем те модели поведения, которых от них ожидают как от будущих мужчин, включая и поведение, которое характеризует сексуальные ожидания взрослого мужчины. В то же самое время девочки обучаются моделям поведения, требуемым от них как от будущих женщин, также включая и сексуальные ожидания. В играх мальчиков происходит больше драк, и они более соревновательны, т.е. созданы так, что в них есть победители и проигравшие. Мальчики пытаются влиять на направление игры прямыми требованиями; девочки используют более тонкие и косвенные методы в своих усилиях влиять друг на друга. Мальчики играют, чтобы заполучить власть; девочки играют, чтобы удостовериться, что все хорошо провели время³⁵. В мире игры мальчики и девочки принимают тендерные идентичности различными способами. Девочкам часто «запрещается» участие в некоторых спортивных состязаниях и разрешается играть в другие игры с более простыми правилами (тач- или флаг-футбол)*. Даже когда о.чи принимают участие в спортивных состязаниях одновременно, мальчики и девочки не состязаются вместе. Когда их спрашивают о причине подобного разделения, они отвечают, нередко с удивлением: «Разве вы не знаете, что мальчики не играют с девочками?» — как будто поражаясь, что взрослые еае не знают этого правила.

Вообще мальчики склонны обретать мужественность, избегая всего женского и непосредственно подражая мужчинам. Наоборот, действия и идентичности девочек кажутся выстроенными, скорее, на прямой имитации, чем на отталкивании

Разновидности американского футбола с упрощенными правилами, и которые могут играть люди любого возраста.
— *Прим. ред.*

203

и избегании маскулинности. Внешне это наблюдение подтверждает идею Фрейда о том, что для мальчика разрыв с матерью влечет за собой пожизненный отказ от женственности как механизм, с помощью которого мальчик устанавливает свою автономию; для девочки же формирование идентичности состоит как раз в идентификации с матерью, и таким образом укрепляется конкретность ее идентификации. Но этот процесс может быть результатом всего окружающего «материала», из которого дети формируют свои тендерные идентичности, а не результатом некоего врожденного двигателя. Например, подумайте о типичных образах мальчиков, которые девочка видит в комиксах и телевизионных передачах. Подумайте также о типах ролевых игр, в

которые играют мальчики и девочки. Мальчик будет играть роль мифического героя (ковбоя, индейца, солдата, супергероя, черепашки ниндзя). Девочка же часто играет роль мамы, медсестры и учительницы. Таким образом, мальчик узнает, что его будущие перспективы безграничны, играя в определенные «идентичности», бросающие вызов обычным пределам и ограничениям. Девочка же узнает, что ее будущий мир детерминирован конкретными социальными ограничениями. Хотя все это значительно изменилось за последние годы, но гораздо больше для девочек, чем для мальчиков. Девочки теперь играют в настоящий футбол и фантазируют о том, как бы стать Зеной — королевой воинов или Баффи — убийцей вампиров*, которые сильнее и сексуальнее, чем любой из мужчин, постоянно побеждаемых ими.

Ранние тендерные различия совсем не абсолютны, но изменение всегда направлено только в одну сторону. Некоторым «девчонкам-сорванцам» можно разрешить играть в неформальные игры с соседскими мальчишками, когда необходимы дополнительные игроки. Но только в последние годы для девочек был открыт доступ в официально организованные спортивные лиги в футболе и софтболе. Для мальчика возможность играть в «девчачьи» игры очень редка; в этом случае ярлык «баба» (sissy) носит еще более негативную оценку, чем ярлык «девчонка-сорванец». У девочек может быть больше «мальчишеских игрушек», чем у мальчиков «девчачьих». Есть ряд «мальчишеских поступков», которые могут совершить и девочки, но для мальчиков любые «отклонения» в сторону «девчоночьих поступков» невозможны.

Герои детских американских сериалов. — *Прим. ред.*

204

Эта асимметрия, переходящая на другие виды гендерно маркированных игр, указывает на то, что мужественность оказывается намного более жесткой ролевой конструкцией, чем женственность, а также на то, как эта жесткость становится частью принудительных механизмов ролевой социализации. Ген-дер — не просто выражение того, что является «правильным» и «соответствующим»; скорее, наши культурные определения того, что является правильным и соответствующим, получены из знаний взрослых людей о мире и частично зависят от того, кто диктует эти правила. Детская игра в сжатом виде выражает и содержит ожидания тендерного неравенства, которые и передаются дальше, в процесс тендерных отношений уже во взрослой жизни.

Мальчик и девочка понимают неравенство между женщиной и мужчиной, но они также понимают, что статус «менее равной» дает девочке немного больше свободы в области кросс-гендерного (не соответствующего ее полу) поведения, из-за ее принадлежности к женскому тендеру. Девочки считают, что им надо вести себя лучше, чем мальчики, и многие девочки утверждают, что предпочли бы быть мальчиком, чем девочкой. Наоборот, мальчики считают, что быть девочкой — хуже, чем смерть. «Если бы я был девочкой, — сказал один третьеклассник, — все были бы лучше меня, потому что мальчики лучше, чем девочки».

Подобные утверждения заставляют нас вздрогнуть, потому что они показывают, как глубоко взаимосвязаны тендерные различия и тендерные неравенства и как первое служит оправданием второго. Этот маленький мальчик, подобно миллионам других, понял, что его статус в мире зависит от его способности дистанцировать себя от женственности. Преувеличивая тендерное различие, он снова и снова утверждает себе*эй более высокий статус. В значительной степени именно в обычных, ежедневных событиях семейной жизни дети познают, что такое «быть мальчиком» или «быть девочкой». Именно через те же самые события тендерное неравенство воспроизводится дальше в нашей взрослой жизни среди женщин и мужчин. «Детские взаимодействия — это не подготовка к жизни, — приходит к выводу-ДУ социолог Барри Торн. — Они — сама жизнь»³⁷.

Тендерная политика домашнего труда и ухода за детьми

Мы исторически переживаем фундаментальное преобразование семейной жизни. Возможно, самым большим социальным

205

воздействием, которое семья должна была «переварить», оказался приход женщин на рынок труда. Это, пожалуй, самое глубокое и драматическое социальное изменение в американском обществе в XX в., которое привело к преобразованию других социальных институтов. То, что женщина теперь работает вне дома, воспринимается как само собой разумеющееся, как часть ее экономической потребности и амбиций, и это оказывает огромное влияние на жизнь современной семьи. Некоторые хотели бы вернуть времена 1950-х гг., возвратиться к довольно необычной и недолговечной форме семьи того периода как к некоей норме. Вряд ли,

однако, большинство современных мужчин этого захотят, не говоря о большинстве женщин, которые сегодня работают вне дома, потому что хотят этого и потому что вынуждены делать это, — а также потому, что это хорошо и для них, и для их мужей, и для их детей.

Работающие матери говорят о более высоком уровне чувства собственного достоинства и меньшей угнетенности, в отличие от домохозяек. Тем не менее, они меньше удовлетворены своим браком, чем их мужья, которые, в свою очередь, оказываются более счастливыми, чем мужья традиционных домохозяек. Почему так? Частично потому, что для женщины рабочая нагрузка фактически увеличивается за счет домашней, в то время как мужчина, при том что объем домашних работ, сделанных для него женой, остается почти прежним, только радуется повышению уровня жизни семьи благодаря дополнительным заработкам жены.

Так что женщины сегодня работают больше, но семейной жизнью наслаждаются меньше. Возможно, одна из причин, по которой женщины чувствуют себя утомленными и несчастными, скрывается в их ответственности за то, что социолог Арли Хохшильд назвала «второй сменой», т.е. работу по дому и воспитание детей, которые являются необходимой частью семейных функций. Выход женщин из дома на рынок труда не сопровождался сопоставимым по масштабам входом мужчин в домашнюю сферу. Преобразование американской жизни благодаря женщинам на рынке труда — это «остановленная революция», революция, которая теперь зависит от изменений в мужских установках и поведении.

В 1970 г. молодая феминистка описала то, что она назвала «политикой домашнего труда». В духе феминистского лозунга «личное является политическим» Пэт Мэйнарди утверждала, что разделение сфер, характеризовавшее традиционную семью,

превратило домашние обязанности в «женскую работу». Этот процесс является отражением мужского доминирования, а не выражением некой биологической предрасположенности женщины к стирке или мытью посуды. Женщина делает работу по дому и воспитывает детей потому, что ей *приходится* это делать, а не потому, что она этого хочет, или в силу некоего изначального генетического плана, писала Мэйнарди. Мужчины же не выполняют домашнюю работу потому, что им удастся этого избежать³⁹.

Мало кто в действительности *любит* заниматься домашней работой. «Женская работа никогда не кончается, счастлива та, чьих сил хватает продержаться до последнего луча [солнца]», — написала Марта Мур Боллард в своем дневнике в 1795 г. Почти столетие спустя Мэри Халлок Фут писала: «Каждый день я разрываюсь на кусочки, умираю, меня пожирают, и от меня требуется на следующий день снова воссоединиться в целое, и так каждый день, и я никогда не бываю *одна* ни единой минуты». В 1881 г. Элен Кэмпбелл писала, что весенняя уборка была «ужасом для всех, и прежде всего для джентльменов, которые возмущались с начала до конца». Возможно, Эмили Дикинсон высказалась про женский труд лучше всего, используя страдательный залог. «В доме сейчас все чистят, — написала она. — Я предпочитаю эпидемию чумы». (Конечно, не она лично занималась уборкой; Бриджит и другие слуги просто нарушили ее покой⁴⁰.)

Проделано много исследований по изменению паттернов домашней работы, ухода за детьми и разного объема вложений в семейную жизнь. Кто выполняет какие работы? Как люди принимают решения? Делают ли мужчины по дому больше, чем прежде? Можно ли их поощрить/попросить, 'обольстить/заставить сделать больше? Статистика по вопросу участия в делах семьи выявляет ведущий паттерн: большинство исследований, как вы убедитесь, показывает, как мало изменилось участие мужчин в семейной жизни. В одном отношении, тем не менее, оно изменилось резко и полностью. Тридцать лет назад отец не присутствовал при рождении своего ребенка; сегодня более 90% отцов находятся рядом с роженицей во время появления ребенка на свет. Если мужчина *хочет* изменить свое участие в делах семьи, то, как показывают исследования, он способен сделать это быстро и относительно легко⁴¹.

Но если говорить об остальных аспектах такого участия, например домашней работе, данные говорят о том, что здесь мало что изменилось. Фактически все исследователи пришли

к единому заключению: мужское участие в домашней работе оказалось «удивительно

устойчивым к изменениям». Изучение 489 женатых пар показало, что мужчины разделяют ответственность на домашнем фронте «только иногда». Процент мужчин, которые полностью делят домашние работы со своей супругой, составляет приблизительно одну пятую от всего женатого населения страны. (Но именно эти семьи, по результатам исследования, оказались самыми счастливыми парами.) Доля таких мужчин по сравнению с женщинами уменьшается с возрастом, и частично это можно объяснить тем, что подобные изменения произошли относительно недавно и пожилые мужчины были воспитаны в иной модели семьи⁴².

Более того, то, что мужчины делают дома, резко отличается от того, что делают женщины. Как будто наши дома разделены на дискретные «зоны» — его и ее — и муж и жена имеют каждый свою собственную сферу ответственности. «Его» область — на открытом воздухе, во дворе, на дорожке или на соответствующей площадке, перемещенной в закрытое помещение, как, например, подвал, гараж, чердак. «Ее» область — всегда в закрытом помещении. Это кухня, комната для стирки, спальни и ванная. (Если она перемещается на открытый воздух, то это чаще происходит, если сад используется для сушки белья после стирки.) Эти две области требуют различных типов действий. В одном исследовании женщин и мужчин попросили составить список всего, что они делают дома. Общее количество пунктов в каждом списке было примерно одинаково, но, если посмотреть на конкретные виды работ, они существенно различались. Мужчины внесли в список такие пункты, как «мыть автомобиль» и «косить лужайку», в то время как женщины — «готовить пищу» и «убирать кровати». Арли Хохшильд объясняет:

«Даже когда супруги делят домашние работы между собой, женщина делает две трети ежедневной работы, как, например, приготовление пищи и уборку помещений, т.е. неизбежную рутину. Большинство женщин готовят обед, а большинство мужчин меняют масло в семейном автомобиле. Но, как указала одна мать семейства, обед должен быть готов каждый вечер около шести часов, тогда как автомобильное масло меняют раз в шесть месяцев, в любой день и любое время»⁴³.

К тому же мужчина, как правило, рассматривает свое участие в домашней работе как помощь жене, в то время как женщина рассматривает свою работу как необходимую для поддержа-

208
ния семьи. Именно поэтому мужчины, говоря о своем участии в домашней работе, используют такие слова, как «присоединиться», «выручить» — как будто вообще-то это обязанность их жен. «Когда мужчина моет посуду, он называет это помощью, — написала Анна Куиндлен в своей редакторской колонке в «Нью-Йорк тайме». — Когда женщина моет посуду, это

⁴⁴
называется жизнью» .

Верно, что мужская доля работы по дому значительно увеличилась. В 1924 г. 10% женщин из семей рабочего класса сказали, что их мужья не тратят «никакого времени» на выполнение работы по дому; сегодня эта цифра уже меньше 2%. В опросе четырех тысяч пятисот женатых пар с обоими работающими супругами в возрасте от двадцати пяти до сорока четырех лет 15% мужчин признали, что время, затрачиваемое ими на домашнюю работу за неделю, составляет около одного часа. Средний показатель для мужчин был приблизительно пять часов в неделю; для женщин — приблизительно двадцать часов. Мужчины выполняли 10% работы по дому в 1970 г. и 20% в 1990 г. Эти цифры зависят от того, как вы на них посмотрите. С одной стороны, они представляют удвоение доли работ, выполняемых мужчинами, только за двадцать лет, но с другой — это по-прежнему лишь одна пятая часть всей необходимой домашней работы⁴⁵.

Сейчас мужчины говорят, что выполняют от одной пятой до одной четверти всего домашнего труда, хотя существуют свидетельства того, что измерения объема домашней работы методом опроса грешат большими неточностями, поскольку люди, скорее, говорят о том, что они, по их представлениям, должны делать по дому, а не о том, что в действительности делают. И женщины, и мужчины преувеличивают объем своей домашней работы — женщины примерно на 68%, мужчины на 150%, т.е. в два раза больше. Интересно, что мужья из более привилегированных социальных групп с эгалитарными тендерными установками склонны преувеличивать больше, чем традиционные мужья, которые, вероятно, полагают, что они и не

обязаны делать так много работы по дому. «Супермамы» из менее привилегированных групп с большей вероятностью давали преувеличенные данные о своей работе по дому, чем работающие матери из более привилегированных групп, потому что только такие раздутые часы, потраченные на домашнюю работу, могли оправдать их пребывание дома.

Преувеличение со стороны мужчин во время опросов было настолько существенным, что исследователи выразили сомнение в том, «действительно ли

209

мужья увеличили свой вклад в ведение домашнего хозяйства за

46

прошедшие двадцать пять лет» .

Опросы, проведенные на основе других методологий, привели к результатам, убедившим меня, что мужское участие в работе по дому и воспитании детей несколько увеличилось за последние двадцать пять лет, хотя, вероятно, не настолько, насколько мужчины об этом заявляют. Когда супругам, которые принимали участие в эксперименте, дали задание вести точный учет того, сколько времени они тратят на выполнение разных работ по дому, у мужчин по-прежнему оказались результаты между одной четвертой и одной пятой объема времени, затрачиваемого их женами. И не все мужчины увеличили свое участие в домашних делах — скорее, некоторые мужчины делают больше, чем другие. Перемены в мужском участии в жизни семьи зависят от возраста, расы, класса и уровня образования. Супруг более молодого поколения, например, делает в доме гораздо больше по сравнению со своим отцом, хотя нагрузка его жены остается по-прежнему намного больше. Опрос женщин моложе тридцати лет, проведенный журналом «Лэдиз хоум джорнел» в мае 1997 г., показал, что 76% женщин берут на себя большую часть стирки; 73% — приготовления пищи; 70% — домашней уборки; 67% — повседневных покупок; и 56% занимаются оплатой счетов. В Канаде наблюдается почти такая же картина: 77% женщин готовят пищу по сравнению с 29% мужчин, 54% женщин убирают после еды по сравнению с 15% мужчин⁴⁷.

Хотя мы склонны думать, что общее участие супругов в домашнем труде является особенностью прогрессивных, либеральных, образованных семейств, данные рисуют совершенно другую картину. Черные мужчины делают значительно больше работы по дому, чем белые. В четвертой части всех черных семей мужчина делает более 40% работы по дому; т.е. мужская «доля» работы по дому приближается к равной. В белых семьях только 16% мужчин делают так много. И если взять отцов семейств из числа «синих воротничков» — муниципальных служащих, работников сервиса, полицейских, пожарников, работников ремонтных служб, — то вероятность того, что они будут заниматься детьми, пока их жены работают, в два раза выше (42%), чем у высококвалифицированных специалистов, менеджеров и инженеров (20%). Это различие возникает не из-за идеологических взглядов, а скорее из-за «неофициального гибкого рабочего графика», сдвига рабочего времени по договоренности между супругами, которым пользуются примерно до четверти

210

всех работающих американцев и около трети всех работающих,

имеющих детей в возрасте до пяти лет⁴⁸.

Наличие детей увеличивает тендерный разрыв. Матери проводят гораздо больше времени с детьми, чем отцы, особенно в младенческом возрасте ребенка, и данные показывают «очень низкий уровень участия отцов» в этот период. Матери проводят на 50% больше времени, чем отцы, с детьми в детских садах вплоть до четвертого года пребывания там ребенка*. Участие мужчины в воспитании детей возрастает, когда дети становятся старше, — и из-за того, что тут нужен другой тип участия, и, возможно, из-за того, что это уже становится более «занятно» для самого папы. Но когда исследователи задали вопрос о времени, затраченном каждым родителем на детей отдельно от другого родителя, то выяснилось, что отцы проводили с детьми в среднем только 5,5 часов в неделю, а материнское время составляло в среднем около 20 (19,5) часов в неделю — разница в 350%. Мужчины склонны дольше оставаться на работе, когда в семье появляются дети. Частично это происходит потому, что мужчине надо больше заработать для содержания детей, а частично потому, что они этого хотят и просто могут себе позволить. Их жены, конечно, проводят меньше времени на работе, таким образом расширяя тендерный разрыв и на работе, и дома. «Тендерный разрыв

существует даже без детей, — замечает социолог Бет Энн Шелтон, — но усиливается с появлением

49

детей в семье» .

Дети же учатся тендерным ожиданиям, следуя родительским урокам. Одно исследование 1991 г. показало, что дочери женщин, работающих полный рабочий день, тратят более 10 часов в неделю на домашнюю работу; сыновья же тратят меньше 3 часов в неделю. Это исследование заставило меня думать, что адекватной реакцией на вдохновленное феминистками движение «Ваша дочка — вместе с вами на рабочем месте», которое призывало родителей брать дочерей с собой на работу, чтобы объяснить им, что это такое, и продемонстрировать, что у мам тоже есть амбиции, был бы Национальный день сыновей в воскресенье днем, когда отцы будут показывать сыновьям, как мыть посуду, заниматься стиркой, заправлять кровати и пылесосить полы (конечно, если отцы знают, как все это делается!).

В американских детских садах распространена практика, в соответствии с которой родители не просто приводят и оставляют детей, но некоторое время находятся там вместе с ними. — *Прим. ред.*

211

Все же существуют основания для вывода, что роль отца в воспитании детей меняется. Главный стимул к большему участию мужчин в домашнем труде они ощутили как отцы, а не как мужья. Мужчины, кажется, придерживаются противоречивых идей о том, как оградить и защитить своих жен от жизненных неприятностей, но при этом стойко отказываются исполнять такую унижительную для них задачу, как чистка туалета. Согласно демографу Марте Фарнсуорт Риш, «серьезный урок прошлых пятнадцати — двадцати лет состоит в том, что в целом мужчину не волнует, чист ли и опрятен ли его дом». Или, как заметила устало одна жена, «я делаю свою половину работы, я делаю половину от половины работы [моего мужа], а остальное остается не сделанным»⁵⁰.

В роли отца мужчина, очевидно, желает делать побольше. Опрос, проведенный журналом «Ньюсуик», показал: 55% отцов утверждают, что быть родителем для них значит больше, чем значило когда-то для их отцов, и 70% мужчин говорят, что они проводят больше времени со своими детьми, чем их отцы проводили с ними. В ходе исследования 1995г., профинансированного Институтом семьи и труда, 21% из 460 опрошенных мужчин утверждали, что они предпочли бы быть дома и заботиться о своей семье, если бы были достаточно богаты, чтобы обеспечить всей семье комфорт. (Это — фактически довольно низкий процент, ведь они определяли такой прожиточный минимум в сумму более 200 000 долларов⁵¹.)

Мужчины получили значительную поддержку в их стремлении к более активному отцовству. В книге доктора Бенджамина Спока «Ребенок и уход за ним», являющейся бестселлером на протяжении многих десятилетий, отмечается (и, пожалуй, даже поощряется) изменение во взглядах на роль отца в воспитании детей. В первом издании (1946) доктор Спок предположил, что мужчину следует хотя бы немного вовлекать в процесс воспитания детей.

«Некоторые отцы до сих пор считают, что забота о младенцах и детях — полностью работа матери. Это — неправильная идея. Вы можете быть нежным отцом и настоящим мужчиной одновременно... Конечно, я не имею в виду, что отец должен дать столько же бутылочек с кормлением и заменить столько же подгузников, сколько и мать младенца. Но было бы прекрасно, если бы он иногда всем этим занимался. Он мог бы приготовить детское питание в воскресенье». В седьмом издании (1998), однако, доктор Спок отмечает изменения, которые частично помогла вызвать его работа:

212

«Мужчины, особенно мужья работающих женщин, принимают все большее участие в домашней жизни и уходе за детьми. Нет никакой причины, по которой отцы не были бы способны делать все это не хуже матерей... Но преимущество может быть потеряно, если занятия с ребенком оказываются для мужа не работой отца, а просто желанием великодушно угодить своей жене»⁵².

Однако участие американских мужчин в уходе за детьми и воспитании их в два раза отстает от уровней такого участия в других индустриальных странах, как, например, в Австралии, Канаде и Нидерландах. В Великобритании этот уровень приблизительно на 40% выше. Бывшая конгрессмен Пат Шредер имела обыкновение рассказывать, как это происходило в ее семейной жизни. После ее первых выборов ее муж заявил журналисту «Редбук», что именно он возил их детей к педиатру. Прочитав интервью, она немедленно позвонила мужу и сказала: «Даю 500 долларов, если ты мне назовешь фамилию этого педиатра». Он несколько смутился, но ответил, что подразумевал свою готовность отвезти детей к детскому врачу, если бы она его об этом попросила⁵³.

Этот случай говорит и о другом. Мужчины постоянно утверждают, что хотели бы проводить больше времени со своими детьми и семьями — *если бы могли*. «Никакой мужчина, даже на своем смертном одре, не будет сожалеть, что провел слишком много времени в кругу семьи», — сказал сенатор Пол Тсонгас, когда оставил работу в Сенате. Многие мужчины говорят, что хотят сделать больше, но требования работы постоянно им мешают. Другие боятся, что их коллеги и боссы обратят внимание на их меньшую преданность карьере, боятся прозвища «упертого папаши», из-за которого не будет никакого карьерного продвижения. Другие, однако, все больше восстают против незыблемых идей о том, что значит быть мужчиной. «Человеком, которому я навредил больше всего, когда находился далеко от детей, пока они росли, был я сам, — сказал печально один мужчина. — Я позволил моему желанию заботиться о детях иссякнуть».

У некоторых мужчин (и женщин) эти желания переходят в действие. В ходе исследования, финансировавшегося корпорацией «Дюпон», 47% женщин и 41% мужчин-менеджеров сказали своим супервайзерам, что не смогут поменять место жительства, даже если этого от них потребует карьера; 32% женщин и 19% мужчин сказали своим боссам, что не будут брать работу, которая предполагает много командировок; 7% женщин

213

и 11 % мужчин уже отказались от предложенного продвижения по работе. Желание проводить больше времени с семьей — обычные и уже приевшиеся мужские причитания; но реально пожертвовать карьерными амбициями ради семьи — это новая тенденция, когда говорят поступки, а не слова⁵⁴.

Последний пример: много современных спортивных историй говорят о мужчинах, которые переносят свою агрессию со спортивного состязания в повседневную жизнь — опрокидывают автобусы, насилуют своих подруг во время свидания, избивают жен. Но по крайней мере один спортсмен сделал все наоборот — семья и забота о детях оказались самым важным для него. После сезона 1997 г. Мэтт Уильяме, популярнейший 3-й бейсмен бейсбольной команды «Кливленд Индианз», попросил, чтобы его продали в команду «Аризона Даймонд-бэкс» из Феникса, с потерей в зарплате в размере 2,5 млн долларов. Недавно разведенный Уильяме хотел быть рядом с бывшей женой и тремя детьми, над которыми он, вместе с бывшей женой, имел право опеки, а его семья как раз жила в Фениксе. «Это было самое важное решение на всю мою оставшуюся жизнь», — сказал Уильяме. При всей любви к команде Кливленда он «должен был пожертвовать всем этим ради возможности сохранить хорошие отношения с детьми. Безусловно, они — самое важное в моей жизни»⁵⁵.

Мужчины часто говорят, что хотят быть активными отцами и проводить больше времени со своими детьми. Но редко кто способен на такую жертву. Хотя, если они поступают так, вознаграждение может оказаться огромным. Мужчины, которые делают больше работы по дому, бывают и лучшими отцами. Мужчины, у которых более близкие отношения с детьми, говорят о большей удовлетворенности браком и лучшим здоровье. Они также живут дольше, давая возможность обычно уравновешенному британскому финансовому журналу «Экономист» язвительно заметить: «Замените подгузник, и Бог продлит Вашу жизнь». «Когда мужчина берет на себя полную ответственность по уходу за детьми, — утверждает социолог Барбара Ризман, — он устанавливает с ними близкие и нежные отношения». Нянчить детей полезно для мужского здоровья. И конечно, участие мужчины в жизни семьи приносит пользу женщинам, освобождая их от обязательств «второй смены». Все это способствует росту тендерного равенства. Вспомните, что, согласно антропологам, женский экономический и политический статус наиболее высок в тех культурах, в которых мужчины делают больше домашней работы⁵⁶.

214

Возрастание мужского участия в работе по дому и уходе за детьми потребует поддержки как на микро-, так и на макроуровне. Индивидуально мужчины должны хотеть делать больше, и все равно они будут нуждаться в поддержке своих жен, своих друзей-мужчин и коллег. Им необходимо также знание того, как это делать, освоение навыков, которые все вместе, регулярно применяемые, и означают заботу о близких, — приготовления пищи, уборки, стирки. «Если отец не делает большей части работы по дому, то наносится вред матери в ее профессиональной работе. Матери тоже не смогут победить, пока не изменятся отцы»⁵⁷. Работающие женатые пары должны иметь и структурную поддержку «сверху», на макроуровне, например, политику, дружественную к семье, оплату родительского отпуска и

адекватного здравоохранения. Из 152 стран, изученных Международной организацией труда, только шесть, включая Соединенные Штаты, не имеют юридического права на оплаченный декретный отпуск. Например, итальянские женщины получают пять месяцев отпуска с 80%-ной оплатой; женщины Коста-Рики — четыре месяца с сохранением 100% оплаты. Канадские женщины могут взять семнадцать недель декретного отпуска за 55% своего заработка и еще десять недель частично оплаченного семейного отпуска. Некоторые скандинавские страны включают также дополнительный отцовский отпуск. Почти каждая западноевропейская страна обеспечивает детское пособие на каждого ребенка в семье, независимо от дохода или от того, работает мать или нет. А американские корпорации ничего не делают, чтобы изменить эту институциональную брешь, образовавшуюся из-за безразличия правительства к положению работающих родителей. Только 8% америкагских работников имеют возможность ухаживать за детьми, обеспечиваемую их работодателями. Корпоративная и правительственная политика по улучшению здоровья и благосостояния работающих семей — высокий социальный заказ, что и говорить, но если предоставить отдельным членам семьи самим решать свои проблемы, то никаких изменений не произойдет. «Отказ вкладывать капитал в детей может привести к экономической неэффективности, потере производительности, нехватке необходимых навыков, высоким затратам на здравоохранение, росту затрат на тюрьмы, и нация тогда будет чувствовать себя в меньшей безопасности, менее заботливой и менее свободной»⁵⁸.

То, что женщины берут на себя львиную долю «второй смены», создает сильную напряженность в супружеских отноше-

215

ниях. Балансирование между работой и семьей буквально разрывает работающих женщин пополам, и в какую бы сторону они ни двинулись, они в любом случае чувствуют себя виноватыми и несчастными. Одна женщина, которая в свое время занимала высокий пост, признала, что «прошла путь, характерный для любой работающей матери. И я все делала на максимальной скорости. Все, что я успевала делать, это были мои дети и моя работа. Если бы я так продолжала, то превратилась бы в пустую скорлупку»⁵⁹.

«Искусственные проблемы» современной семейной жизни

С самоощущением «пустой скорлупки» вряд ли можно обеспечить стабильную основу для строительства семьи, для живого, крепкого брака и воспитания здоровых детей, о которых заботились бы физически и эмоционально. Но родители на самом деле чувствуют себя именно так, и их отношения друг с другом и со своими детьми в результате тоже страдают. Без согласованной национальной политики, направленной на помощь работающим женщинам и мужчинам в уравнивании их работы и семейных обязательств, мы будем по-прежнему ощущать огромное напряжение из-за двух «наборов» обязательств, между мужем и женой и между родителями и детьми, и «кризис» семьи гарантированно будет продолжаться. И мы снова столкнемся с рядом «искусственных проблем» из-за напряженности в отдельных семьях, которое возникает ввиду увеличивающейся нагрузки, поскольку оба супруга работают и должны при этом как-то разделять работу по дому и уход за детьми при отсутствии любой внешней помощи.

В 1950-е гг. правительство взяло на себя часть поддержки, которую раньше обеспечивали локальное сообщество и широкие родственные сети, и создало соответствующую инфраструктуру (школы, больницы, дороги и загородные дома), что действительно позволило поддержать семью. Сегодня же от семьи требуется гораздо больше — например, материально поддерживать детей, пока они учатся в высших школах и колледжах, практически полностью удовлетворять эмоциональные потребности взрослых — и это по меньшей мере. Именно из-за расширяющейся пропасти между тем, чего мы ожидаем от наших семей, и той поддержкой, которую мы им предлагаем, и появляются некоторые «искусственные проблемы». Эти проблемы — также результат тендерного неравенства, его постоян-

216

ства и усилий женщин, направленных на борьбу с ним. Только когда существует долгосрочная национальная поддержка — и индивидуальная, и политическая — усилий, направленных на уменьшение тендерного неравенства и в доме, и на рабочем месте, эти проблемы могут быть сняты.

«Проблема» с дошкольными детскими учреждениями

Возьмите, например, «проблему» с дошкольными детскими учреждениями. Многие американцы отказываются помещать туда своих детей, а правительство не выделяет никакого национального финансирования. При этом исследования не показали никаких отрицательных психологических, интеллектуальных или эмоциональных воздействий таких учреждений на детское развитие. В 1996 г. Национальный институт исследований здоровья провел исследование, показавшее, что привязанность ребенка к матери не меняется в зависимости от того, находится ли ребенок в таком учреждении или нет, в каком возрасте он туда попадает и сколько часов там проводит⁶⁰.

Несмотря на эти результаты, нас буквально засыпают газетными заголовками, которые напоминают нам об отрицательных последствиях, включая сексуальные домогательства по отношению к детям в дошкольных учреждениях. Смысл таких ужасающих историй состоит в том, что если бы эти дети были дома с матерью, где им «следует быть», то такие ужасные вещи с ними не произошли бы. «Проблема» существования таких учреждений связана с дебатами о том, действительно ли женщина может работать вне дома. «Няня и мама читают одну и ту же книжку ребенку по-разному, — пишет Уильям Р. Мат-токе, один из руководителей консервативного Совета исследований семьи. — Невозможно свести значимость матери к зарплате ее „замены“. Это все равно, что приравнивать ценность женщины, занимающейся любовью с мужем, к цене проститутки в этом регионе»⁶¹.

Вопрос, действительно ли женщины должны работать вне дома, — вне всякого сомнения, неправильно поставлен. С одной стороны, здесь заложено классовое противоречие, так как бедных женщин поощряют искать работу вне дома, а женщинам среднего класса рекомендуется оставить работу и вернуться домой. Главная идея реформы социальной политики 1996г. заключалась в том, чтобы получатели социального пособия находили работу в течение двух лет жизни на пособие. «Трудно спорить с тем, что матери из бедной семьи приходится искать работу, но мать семьи среднего класса должна остаться дома, —

217
пишет исследователь семьи Эндрю Черлин. — Если женщина, будь то среднего класса или из бедной семьи, находит работу, то она уже ее не оставит»⁶².

И действительно, нет никакой причины это делать, поскольку нет никаких свидетельств того, что матери, работающие вне дома, плохо влияют на детей. На самом деле большинство данных указывают на то, что на долю детей работающих матерей приходится больше и прямых, и косвенных преимуществ. У таких детей больше моделей для подражания, более эгалитарные гендерно-ролевые установки и более положительное отношение к женщинам и женской занятости. Дочь работающей женщины скорее найдет работу, чем дочь неработающей, и с большей долей вероятности это будет работа того же типа, что и у матери. Кроме того, подрастающие дети работающих матерей берут на себя больше ответственности в доме, и это повышает их самооценку⁶³.

Работа вне дома также повышает и женскую самооценку, и чувство личной эффективности и благосостояния, так что работающие матери более счастливы в браке, что снижает вероятность развода. Одно исследование показало, что чем более счастлива женщина на своем рабочем месте, тем более счастлива она в браке. В четырехлетнем исследовании Национального института умственного здоровья Розалинд Барнет провела наблюдение за тремястами семьями с обоими работающими супругами. Она обнаружила, что эти женщины не испытывали ни депрессий, ни стресса, но высоко оценивали свой брак и отношения с детьми. Другой опрос более восьмисот работающих пар показал такие же результаты⁶⁴.

Мало того, что женщины продолжают и *в будущем* работать вне дома, — им *необходимо* работать вне дома, пишет Джоан Петере. «Если они этого не делают, они не могут сохранить свою идентичность или воспитывать детей», которые стремятся оставаться и независимыми, и ориентированными на семью. Но «женщины могут добиваться успехов, только если мужчины берут на себя половину ответственности в уходе и воспитании детей». Снова «решение» оказывается социальным и политическим. Только одна треть всех служащих в больших передних американских компаниях может получить неоплаченный родительский отпуск. Как в нации в целом, так и в каждой семье решением проблемы было бы большее тендерное равенство — не женщины должны работать меньше вне дома, а мужчины должны принимать

большее участие в домашних заботах⁶⁵.

218

«Проблема детей, рожаящих детей»

Проблема ухода за детьми связана с проблемой «детей, рожаящих детей», т.е. с увеличивающимся числом матерей-подростков. Несмотря на резкое падение рождаемости в Соединенных Штатах, одна часть населения продемонстрировала рост показателей рождаемости — подростки. Приблизительно один миллион подростковых беременностей фиксируется в Соединенных Штатах ежегодно. Соединенные Штаты в настоящее время имеют самые высокие показатели подростковой рождаемости из всех промышленных государств — настолько высокие, что следующая за ними страна, Великобритания (включая и Ирландию), по показателям отстает в два раза. Часто проблема подросткового материнства скрывает то, что действительно беспокоит его критиков: женскую сексуальность. Тревожные голоса слышны и из лагеря скрытых критиков феминизма, повернувшего женщин к вопросам здоровых и более безопасных сексуальных отношений. Меры по снижению подростковой беременности включили, например, усиление ограничений на доступ к средствам предохранения и даже *информации* по вопросам предохранения от беременности, а также ограничение права на аборт, включая в качестве влияющих на это право обстоятельств родительское согласие и срок беременности.

Возьмите, например, статистику подросткового материнства. В середине 1950-х гг. приблизительно одна четверть (27%) всех девочек имели половые сношения в возрасте восемнадцати лет; в 1988 г. 56% девочек и 73% мальчиков имели половые сношения в этом возрасте. В 1991 г. уровень подростковой рождаемости на одну тысячу девочек составлял 62,1, и это самый высокий показатель с 1971 г. (год спустя был легализован аборт). Это составляет 9% всех рождений в Америке. Две трети этих молодых женщин не состоят в браке, по сравнению с 1960 г., когда только 15% не состояли в браке⁶⁶.

Такие показатели можно «читать» по-разному. Для некоторых они иллюстрируют пагубный рост подросткового материнства, связанный с безответственной подростковой сексуальностью и необузданной безнравственностью, эрозией уважения к институту брака и растущей безотцовщиной. Но для других это иллюстрирует ухудшение доступа к адекватной информации о предохранении от беременности, постоянные атаки на женское право на аборт, которые ограничивают доступ женщин и к аборту, и к другим средствам ограничения рождаемости, возросшее безразличие молодых людей к родительской угрозе устроить «свадьбу под дулом пистолета».

219

Во всех этих вопросах исследователи были единодушны. Ограничение доступа к информации о контрацепции, к средствам предотвращения беременности и права на аборт никоим образом не влияет на уровень сексуальной активности подростков. Фактически все исследования последствий сексуального образования указывают именно на *понижение* сексуальной активности, большую сексуальную селективность и рост приверженности к безопасному сексу. Молодые люди сексуально активны в середине второго десятилетия своей жизни независимо от того, имеют ли они доступ к средствам контрацепции и информации по предотвращению беременности. Фактически ограничение доступа — наиболее верный способ поощрить нежелательную беременность. Неудивительно, что самые высокие показатели подростковой беременности были зарегистрированы до легализации аборта.

«Кризис детей, рожаящих детей», стал для некоторых возможностью обвинять женщин за безответственность мужчин. Политически мы как бы говорим молодой женщине — если ты собираешься танцевать (т.е. вступаешь в половые отношения), то ты и должна потом заплатить трубочу (т.е. иметь дело с последствиями нежелательной беременности). Но для танго, как известно, нужны два партнера, и, возможно, разрешение проблемы подросткового материнства зависит от возможностей, предоставленных этой молодой женщине, чтобы она действительно могла принимать ответственные решения (адекватное здравоохранение, информация и доступ к средствам предохранения от беременности), и воспитания большего чувства ответственности у молодых мужчин. Фактически кризис «детей, рожаящих детей», скрывает другую серьезную проблему, а именно сексуальную виктимизацию молодых девушек. Большинство отцов младенцев, рожденных девушками-подростками, составляют,

как правило, *взрослые* мужчины, и при такой постановке вопроса их хищническое сексуальное поведение остается незамеченным.

Иногда проблему «детей, рожающих детей», смешивают с проблемой не состоящих в браке родителей. Внебрачное рождение в Америке увеличилось на 600% за последние три десятилетия, от 5% всех рождений в 1960 г. до 30% в 1991 г. Внебрачное рождение ребенка у черных американцев возросло с 22% в 1960 г. до почти 70% на сегодняшний день. Конечно, этот рост можно объяснить отказом и женщин, и мужчин от традиции брака по принуждению, или того, что называется «свадьбой под дулом пистолета». Такие браки, конечно, удер-

живали количество внебрачных рождений на более низком уровне⁶⁷, но сама ситуация является иллюстрацией к тому, что семейная жизнь и семейная политика глубоко взаимосвязаны. Процент внебрачных рождений в скандинавских странах — Швеции, Норвегии, Дании — значительно выше показателей в Соединенных Штатах. Но там существуют адекватная система детских учреждений, всеобщая система здравоохранения, бесплатное образование. «Необходимости» рождения ребенка именно в браке уже нет благодаря доступу к родительским программам здравоохранения и согласованной политике социального обеспечения, направленной на создание гарантий здоровья и благосостояния граждан государства. Так что женщины и мужчины там заключают брак, когда хотят получить дополнительное церковное освящение, а не по экономическим причинам.

«Проблема» безотцовщины

Вопрос мужской ответственности также активно обсуждается в дебатах о безотцовщине. В последние годы комментаторы обратили внимание на отсутствие отцов в жизни детей или вследствие развода, или просто в силу вежливого безразличия. Недавние работы «Безотцовщина Америки» Дэвида Бланкенхорна или «Жизнь без отца» Дэвида Попено отнесли на счет отсутствующих отцов бесчисленные социальные проблемы, от подростковой преступности до насилия и безработицы. Мы читаем, например, что 70% всех подростков в исправительных колониях росли без отцов. Это очень плохо для молодого человека, потому что без отца, как нам говорят, он вырастет, абсолютно не зная, как быть мужчиной. «В семье без отца перед матерью стоит невозможная задр^а: она не может превратить мальчика в мужчину. Он должен общаться с мужчиной по мере своего взросления», — пишет психолог Франк Питтман. И ошибочно полагать, будто «мать способна научить мальчика, как стать мужчиной». «Мальчики, воспитанные традиционными отцами, обычно не совершают преступлений», — добавляет Дэвид Бланкенхорн. — Мальчики, выросшие без отца, совершают преступления». В доме без отца, более поэтически пишет Роберт Блай, «демонам полностью разрешается бушевать». Безотцовщина имеет последствия и для отцов, и для мальчиков, поскольку создаются одновременно два типа одиноких и ничем не связанных мужчин, разгуливающих по улицам. «Каждое общество должно опасаться одинокого мужчины, — напоминает нам исследователь семьи Дэвид

221

Попено, — поскольку он является универсальной причиной многочисленных социальных бед»⁶⁸.

Верно, что все больше детей обоих полов растут в семье родителя-од и ночки и что, как правило, этим единственным родителем является женщина. Если в 1970 г. только один из десяти американских детей (11%) рос в семье матери-од и ночки, то в 1996 г. эта цифра составила почти одну четверть (24%). Более четверти всех рожденных детей (26%) были рождены незамужними женщинами. Также верно и то, что другой стороной «феминизации бедности» является «маскулинизация безответственности», или отказ отцов материально обеспечивать своих детей. Что остается менее ясным, так это роль отцов в возникновении бесчисленных социальных проблем. Хотя привлечение отца к воспитанию может дать некоторую пользу детям, исследователи проблем семьи Пол Амато и Алан Бут обращают внимание на то, что это воздействие «не так значительно» и, уж конечно, не является решающим для благосостояния их детей. Не забудем, что корреляция — это не причинная обусловленность: хотя безотцовщину можно коррелировать с высокими показателями преступности, это не означает, что безотцовщина является *причиной* преступности. Фактически может быть наоборот. Оказывается, и высокие показатели преступности, и

безотцовщина являются продуктами все более растущей проблемы — бедности⁶⁹. Национальная академия наук сообщает, что единственной причиной, решающим образом влияющей на вероятность совершения тяжкого преступления, является не безотцовщина, но «личный доход и уровень преуспевания ближайшей окружающей среды». Оказывается, безотцовщина связана с уровнем дохода — чем выше уровень дохода, тем вероятней наличие отца в семье. Это заставляет предположить, что кризис безотцовщины на самом деле является кризисом бедности. В своем внушительном этнографическом исследовании уличных банд в Лос-Анджелесе Мартин Санчес-Янковски обнаружил, что «среди членов банды в равной степени были представлены подростки из неполных семей и из семей, где были оба родителя», и «столько же парней, говоривших о близких отношениях со своими семьями, сколько и тех, кто отрицал их». Ясно, что здесь скрывается нечто иное, нежели просто наличие или отсутствие отца⁷⁰.

Смещение корреляции с причинной обусловленностью указывает на более глубокое смещение следствий с причинами. Безотцовщина может быть следствием более масштабных,

222

глубоких, структурных процессов, которые «выгоняют» отца из дома или держат его на расстоянии, как, например, безработица или растущие требования на работе, выполнение которых необходимо для поддержания уровня жизни. Ученые мужи часто пытаются перевести проблему безотцовщины в другое измерение, чтобы обвинить феминизм и особенно работающих женщин. Они тоскуют по традиционной нуклеарной семье с традиционным тендерным неравенством. Например, Дэвид Попено ностальгически пишет о семейной модели 1950-х гг. — «гетеросексуальный, моногамный брак на всю жизнь, с четким разделением труда, с женщиной-домохозяйкой и мужчиной, обеспечивающим семью и имеющим в ней основную власть», совершенно не смущаясь тем, что эта семья была абсолютно неравноправной, если взглянуть с тендерной точки зрения. Такое видение заменяет формой содержание, очевидно, под впечатлением того, что если бы семья соответствовала определенной форме, то содержание жизни семьи стало бы значительно лучше⁷¹.

«Проблема» развода

Трудно отрицать реальность проблемы разводов. Число разводов в Соединенных Штатах остается удивительно высоким, составляя приблизительно половину от официально заключаемых браков. Это гораздо больше, чем в других промышленно развитых странах: более чем в 2 раза, чем в Германии и Франции, и почти в 2 раза — чем в Швеции и Великобритании, т.е. в странах, где государство осуществляет программы в области здравоохранения, обеспечивает детям доступ к образованию и здравоохранению, а воспитывающим их родителям регулярно выплачивает пособия. (Все это несколько смягчает экономические последствия развода.) По данным Бюро переписи населения, число разведенных людей выросло более чем в 4 раза: с 4,3 млн в 1970 г. до 19,3 млн в 1997 г., что составило 10% всего населения старше восемнадцати лет по сравнению с 3% в 1970 г.⁷²

Развод может быть серьезной социальной проблемой, но не в том смысле, в каком об этом говорят многие политические комментаторы. Во-первых, высокий уровень разводов семью не разрушает. Сейчас семья распадается почти также часто, что исто лет назад. Как показывают исторические сравнения, в наше время семьи распадаются в результате сознательных действий, а тогда распались из-за высокой смертности. Как пишет историк Лоренс Стоун,

«средняя продолжительность

223

брака сегодня почти такая же, что и сотню лет тому назад. Развод, короче говоря, теперь выполняет ту же функцию, что и смерть: оба явления служат средством преждевременного прекращения брака». (Конечно же, добавляет Стоун, развод и смерть оказывают разное психологическое воздействие⁷³.) Нельзя также говорить, что число разводов свидетельствует о всеобщем разочаровании в браке. 95% мужчин и 94% женщин в возрасте от сорока пяти до пятидесяти четырех лет состоят в браке. Фактически, пишет социолог Констанс Ароне, автор книги «Хороший развод», «нам так нравится брак, что многие из нас вступают в него два, три и даже более раз». Повторные браки теперь составляют около половины ежегодно заключаемых браков⁷⁴.

Проблема разводов тесно связана с искусственной проблемой безотцовщины и реальной проблемой тендерного неравенства. Реформу развода в конце концов продавили феминистки на рубеже XIX—XX вв., чтобы обеспечить юридические основания женщинам, которые хотели расторгнуть браки, ставшие безнадежно несчастными, где они подвергались жестокостям и насилию. Возможность развода ослабила брачную связь и тем самым уменьшила давление на женщину в браке. Как и в вопросе с правом на аборт, право на развод подорвало мужскую власть над женщинами и уменьшило тендерное неравенство в семье. Хотя разрешение разводов снизило тендерное неравенство в браке, оно не отменило его в целом и не уменьшило его после развода. В недавнем опросе три четверти женщин отметили в качестве причины развода ненормальное поведение своего партнера (прелюбодеяние, насилие, токсикоманию, уход из семьи). Есть «его» и «ее» взгляд на брак, и есть «его» и «ее» взгляд на развод, поскольку развод по-разному отражается на женах и мужьях. Он увеличивает тендерные различия в браке, усиливает тендерное неравенство. В середине 1980-х гг. Леонор Вейцман показала, что после развода доход женщины снижается на 73%, в то время как доход ее бывшего мужа увеличивается на 42%. В последнее время эти данные рассматриваются как завышенные, но никакое исследование не может доказать равенство экономического и социального статусов женщины и мужчины после развода. Исследователи соглашаются, что снижение экономических ресурсов женщины сопровождается улучшением экономических возможностей и ресурсов мужчины. Социолог Пол Амато пишет: «Чем сильнее неравенство между мужчинами и женщинами в конкретном

224

обществе, тем более пагубным оказывается влияние развода на женщин»⁷⁵.

Развод по-разному воздействует на женщин и мужчин. Многие разведенные отцы «со временем почти полностью теряют контакты со своими детьми, — пишет Дэвид Поппе-но. — Они совершенно устраняются из судьбы детей». Более половины всех разведенных отцов со своими детьми не общаются. Живущие отдельно от детей матери, однако, почти всегда сохраняют контакт с детьми после развода и поддерживают семейные узы, несмотря на возможную занятость на работе и новые отношения. Вдобавок у разведенных мужчин усиливается психологическое и эмоциональное расстройство. Кажется, женщине развод наносит больший ущерб в материальном и финансовом плане, а мужчине — в эмоциональном и психологическом⁷⁶.

Отцовское участие в жизни детей после развода связано с качеством отношений между бывшими супругами до этого события. Как ни парадоксально, мужчины, которые до развода проводили много времени с детьми, чаще всего перестают появляться после расторжения брака, а те, кто раньше мало ими занимался, склонны к более тесным отношениям после развода. Эдвард Крук эти неожиданные результаты объясняет тем, что отцы, которые в семье меньше занимаются детьми, придерживаются «более традиционных» взглядов, и развод усиливает у такого мужчины чувство ответственности по отношению к семье. А вот «либеральный» мужчина с большей вероятностью посчитает себя «свободным» от семейных обязанностей после расторжения брака⁷⁷.

В дискуссии о разводах в современной Америке, как правило, меньше говорят о самой паре и больше — о воздействии развода на детей. Психолог Джудит Валлерстайн показала, что многие дети «в течение продолжительного времени и даже всю жизнь страдают от последствий развода». Некоторые из них стараются подавить это воздействие, и оно проявляется спустя годы. Дети теряют те строительные леса, которые необходимы для построения личности. «Когда эта конструкция рушится, мир ребенка на время оказывается без опоры. И дети, с их ощущением концентрированности времени, не понимают, что этот хаос не вечен». Как обнаружила Валлерстайн, через десять лет после развода значительное количество детей продолжают переживать и достигают меньших успехов, чем от них можно ожидать. У многих из них возникают трудности в установлении отношений близости⁷⁸.

225

Однако большинство исследований разводов показывают, что после начального эмоционального расстройства, которое затрагивает почти всех детей, большинство из них постепенно «успокаиваются и возвращаются к нормальному процессу взросления». Большинство детей оправляются от стресса и через несколько лет после развода родителей не

обнаруживают каких-либо неблагоприятных признаков при наличии адекватной психологической поддержки и экономических ресурсов. (Вал-лерстайн не наблюдала за определенной контрольной группой, а опиралась на данные по выборке детей, которых по разным причинам показывали терапевтам⁷⁹.)

Нет сомнений, что дети трудно переносят развод и что воспитывать ребенка в семье с двумя родителями, пожалуй, лучше, чем в семье с одним родителем. В семье с двумя родителями каждый будет уставать и утомляться меньше, и, следовательно, детско-родительские отношения будут более качественными и на более высоком уровне. И мало сомнений в том, что, при прочих равных условиях, когда ребенка воспитывают двое, независимо от их сексуальной ориентации, — это лучше, чем когда ребенок воспитывается в одиночку.

Серьезные споры ведутся о том, что мы понимаем под выражением «при прочих равных условиях». Если сравнить, например, успехи в учебе, ощущение благополучия, уровень психологической и эмоциональной адаптации детей, которые воспитывались в стабильных семьях, и детей из неполных семей, переживших развод, то мы обнаружим, что дети из неполных семей показывают более низкие уровни ощущения благополучия, самооценки, успехов в учебе и адаптированноеTM, чем дети из полных семей.

Но такие сравнения вводят в заблуждение, поскольку сравниваются два типа семей — пережившие развод и стабильные, — как будто они равнозначны. Развод — не средство от брака, а средство от *плохого* брака. И когда исследователи сравнивают показатели детей из переживших развод семей с показателями детей из полных, стабильных, но *несчастливых* семей, это становится очевидным. Влияние развода на детей зависит от степени семейного конфликта перед разводом. В одном исследовании было обнаружено, что дети в разведенных семьях действительно скучают, чувствуют себя одинокими и отвергнутыми в большей степени, чем дети из стабильных семей, но дети в полных несчастливых семьях острее других чувствуют свою заброшенность и униженность⁸⁰.

В лонгитюдном исследовании, начатом в 1968г., психологи Джин и Джек Блоки несколько лет наблюдали за группой

226

детей, которым на начальной стадии было 3 года. Когда детям исполнилось четырнадцать лет, ученые проанализировали данные и обнаружили, что некоторые из них, чьи родители развелись, особенно мальчики, были более агрессивными и вспыльчивыми и чаще конфликтовали со своими родителями. Хотя, как замечает социолог Арлин Сколник, невозможно определить, конфликт между родителями породил проблемы детей или наоборот, ясно, что «проблемы этих детей не явились результатом развода самого по себе». В исследовании семнадцати тысяч британских семей обнаружилось, что проблемы с детьми возникают задолго до развода и что они могут приво-

одить к разводу .

Наиболее систематическое исследование этих проблем было предпринято специалистами по социологии семьи Полом Амато и Аланом Бутом с коллегами. Они обнаружили, что ощущение счастья и благополучия у детей теснее всего связано с качеством брака их родителей. Дети, которые растут в семье с сильным конфликтом между родителями, приводящим к разводу, ведут себя так же, как и те, которые растут в счастливых стабильных семьях. Далее, они обнаружили, что в семьях с сильным конфликтом у детей выше ощущение благополучия, когда родители разводятся, чем когда остаются вместе, а в семьях со слабыми конфликтами дети выше оценивают свое благополучие, когда родители остаются вместе, чем когда разводятся. Развод, заключают Амато и Бут, «благоприятен для детей, если он выводит их из сильного семейного конфликта». Но на развод, как и на брак, не следует идти необдуманно, поскольку последствия могут быть пагубными, если ребенок лишается семьи, где не было сильных конфликтов⁸².

Это подтверждается большинством исследований. Степень семейного конфликта сильнее влияет на жизнь детей, чем факт развода или совместного проживания. Во многих исследованиях показано, что «регулярные супружеские и семейные конфликты в так называемых полных семьях вредны для физического здоровья детей и что развод на самом деле может избавить некоторых детей и подростков от длительных семейных взаимодействий,

угрожающих их здоровью». Оказывается, содержание важнее формы⁸³.

Здесь мы имеем типичный случай, когда в корреляции можно ошибочно увидеть причинно-следственную связь. Если верно, что у детей после развода возникают более серьезные проблемы, чем у детей из полных семей, то может оказаться, что *и разводы, и проблемы детей* вызваны серьезными супру-

227

жескими конфликтами. В одном лонгитюдном исследовании было показано, что на самом деле развод является показателем проблем, которые возникают задолго до него. Авторы утверждают, что многие последствия, приписываемые разводу, могут на самом деле вытекать из супружеского конфликта и семейных потрясений, которые предшествуют разводу. Возлагать ответственность за проблемы детей на развод родителей — это «примерно тоже самое, что говорить, будто химиотерапия вызывает рак», утверждает президент Совета Нью-Йорка по вопросам семьи и посредничества при разводе. «Ни о разводе, ни о химиотерапии люди не мечтают заранее, но оба эти средства могут быть наилучшими для здоровья в сложившейся ситуации». И американцы, кажется, с этим согласны. В 1990г. входе опроса Института Гэллага 70% американцев отметили, что «если между мужем и женой, имеющими маленьких детей, нет согласия», то им лучше «разъехаться, чем растить детей во враждебной атмосфере». Менее четверти (24%) американцев сказали, что такая пара должна «оставаться вместе ради блага детей»⁸⁴.

Некоторые предлагают очень простое решение проблемы разводов — сделать получение развода сложнее. Штат Луизиана установил так называемый «заветный брак», который, в отличие от контрактного юридического брака, требует, чтобы пары приняли буквально и всерьез обязательство «пока смерть не разлучит нас». Несколько других штатов теперь рассматривают возможность подобного нововведения. Однако большинство специалистов по проблемам семьи сходятся во мнении, что подобный триумф формы над содержанием — усложнение процедуры развода без изменения содержания брака — лишь «усилит горечь и конфликты, с которыми связаны наихудшие

- 8^

последствия развода для детей» .

Развод — серьезное решение, и не стоит относиться к нему с легкостью. Но он является «необходимым „предохранительным клапаном" для детей (и родителей) в семьях с серьезными конфликтами». Сточки зрения детей, «прекращение несчастливого брака, пожалуй, предпочтительнее, чем жизнь в семье, где царят насилие и вражда», поскольку насильное продление неудачных браков будет иметь самые пагубные последствия как для детей, так и для взрослых. После развода большинство семей «оправляются», и некоторые даже «расцветают». В разводе лучше видеть социальный показатель не того, что с половиной заключаемых браков что-то не так, а того, что с самим институтом семьи что-то не так; что фундамент, на

228

котором зиждется брак, не выдерживает половины строящихся браков и требует серьезного внимания со стороны тех, кто отвечает за проведение социальной политики. Семейный врач Бетти Картер указывала, что если бы любой другой социальный институт не отвечал ожиданиям половины тех, кто в него вступает, то мы потребовали бы, чтобы этот институт изменился в соответствии с новыми потребностями людей, а не наоборот⁸⁶.

«Проблема» того, с кем останутся дети

Мы не знаем, действительно ли развод социальными средствами делает то, что раньше «естественно» достигалось в силу более высокого уровня смертности, но между этими двумя «методами» расторжения брака есть одно существенное различие. При разводе часто возникает проблема, с кем останутся дети. Во времена, предшествующие промышленной революции, дети рассматривались как экономическое «благо», суды пользовались экономическим критерием, и дети, как правило, оставались с отцом. Однако в начале XX в. на детей стали смотреть как на роскошь, и при назначении опекуна возобладал критерий заботы и ухода, в результате чего предпочтение стали отдавать матери. Сегодня критерием для решения этого вопроса являются «интересы ребенка», однако на практике считается, что интересы ребенка соблюдаются лучше, если он остается с матерью, а не с отцом. Считается, что мать способна обеспечить лучший уход за ребенком, особенно за маленьким, чем отец.

Такая политика имеет смысл, поскольку именно женщины выполняют большую часть задач по уходу г. кормлению, в которых дети нуждаются прежде всего. И все ж^ в конце 1970-х гг. 63% отцов, требовавших детей, их получили — существенный прирост по сравнению с 35% и 37% в 1968 и 1972 гг. В недавнем обследовании одной тысячи разведенных пар в двух округах штата Калифорния психолог Элеонор Маккоби и профессор права Роберт Мнукин обнаружили, что большинство матерей и отцов хотели получить право на совместное воспитание, а кто этого не хотел, требовал, чтобы ребенок достался ему, а не супругу. Почти 82% матерей и 56% отцов требовали именно того, чего хотели, 6,7% женщин и 9,8% мужчин требовали больше, чем хотели, и 11,5% женщин и 34,1% мужчин требовали меньше, чем хотели. Выходит, «гендер все еще имеет значение» для того, чего родители требуют и что они делают для достижения своей цели. То, что матери с большей вероятностью будут

действовать согласно своим желаниям, выдвигая особые условия, указывает также, что мужчины просят больше, чтобы не

87

прогадать .

Исследование Маккоби и Мнукина примечательно еще и открытием, что детям жить с матерями было также хорошо, как и с отцами. «Благополучие детей после развода зависит не столько от того, кто получает родительские права, — говорила Маккоби журналистам, — а оттого, как ведется домашнее хозяйство и насколько успешно родители ладят между собой». Однако в настоящее время отцы часто уклоняются от родительских обязанностей. Является ли это результатом утраты регулярных контактов с детьми или после разрыва семейных уз отец испытывает эйфорию «свободы» и считает, что выпутался из конфликтной семейной ситуации, но многие мужчины «рассматривают роди-тельство и брак как один контракт, в одном пакете, как будто по расторжении брака они сразу перестают быть отцами», — пишут социологи Фрэнк Фюрстенберг и Эндрю Черлин. По данным одного репрезентативного общенационального обследования детей от И до 16 лет, живущих с матерью, почти половина из них не видела своих отцов в течение 12 месяцев. Почти половина всех разведенных отцов в Соединенных Штатах не оказывают никакой материальной поддержки своим детям; в Европе таких отцов примерно четверть⁸⁸.

Оказывается, самоустранение отцов сильнее всего влияет на их отношения с дочерьми, даже сильнее, чем на отношения с сыновьями (о которых так много говорят), тогда как отношения между матерями и дочерьми наиболее согласованы в спорах о разводе и о том, кто с кем останется жить. Это может удивить тех, кто полагает, будто узы между отцом и сыном очень хрупкие и безотцовщина после развода сильнее всего переживается сыновьями, однако мы здесь имеем лишь иллюстрацию того, что в литературе на эти темы о дочерях просто забывают и что отцовская забота благотворно влияет и на мальчиков, и на девочек⁸⁹.

В последние годы отцовство после развода стало политической проблемой, поскольку возникло много организаций, защищающих «права отцов» и объявляющих мужчин жертвами неравенства в решениях о «разделе» детей. Трудно спорить с тем, что в большинстве судебных решений дети «в интересах ребенка» остаются с матерью. Защитники прав отцов отвергают эту логику и утверждают, что для детей предпочтительно совместное воспитание. Иногда кажется, что за их риторикой об «интересах детей» скрывается месть разозленных отцов своим

230

бывшим женам или смущение от всего бракоразводного процесса в целом. Однако именно при таком подходе может быть обеспечено полное соблюдение интересов сторон. «Полное соблюдение интересов сторон» означает, что ребенок ни с чьей стороны не подвергается опасности сексуального или физического насилия, что родители способны уладить свой конфликт после развода, чтобы дети не стали заложниками в борьбе родителей за обладание ими; наконец, что оба родителя согласны в равной степени поддерживать своих детей материально и эмоционально. Все это может вызвать больше трудностей для родителей, чем для детей. Вопреки популярному мнению, совместная опека «не создает неуверенности и замешательства» и благотворно сказывается на детях, которые в этом случае больше удовлетворены своим положением, чем дети с одним родителем, и считают, что, раз у них есть два дома, они

обладают преимуществом⁹⁰.

Мы также знаем, что совместная опека благотворно сказывается и на мужчинах, которые, поддерживая связь со своими детьми на законных основаниях, с большей вероятностью будут продолжать нести финансовые обязательства по отношению к ним. К тому же совместная опека может уменьшить глубокое чувство потери, разлуки и депрессии, переживаемое мужчинами при расставании с семьей. Правда, совместное воспитание может не быть столь же замечательным решением для женщины. Теоретик в области прав женщин Марта Файнман утверждает, что такое решение может казаться гендерно нейтральным, однако элемент тендерной «нейтральности» внутри всеобъемлющей системы тендерного неравенства может усиливать тендерную дискриминацию; точно также отказ от действия в пользу дискриминируемых выглядит расово или гендерно нейтральным, но на самом деле благоприятствует белым мужчинам по сравнению со всеми остальными, поскольку означает отказ от вызова исторически сложившейся дискриминации. Файнман пишет: «Когда, ставя во главу угла потребность ребенка в заботе, отдавали систематическое предпочтение женщинам *только* потому, что именно они обычно занимались удовлетворением самых элементарных нужд ребенка, оказалось, что это привело к обесцениванию содержания и необходимости первичной заботы, что, в свою очередь, привело к повышению шансов мужчин, выражающих соответствующее желание, получить право на воспитание детей после развода, потому что оба биологических родителя рассматриваются как равно способные

231

любить и заботиться. Факторы, не связанные с кормлением, приобрели такое значение, что предпочтение стали отдавать мужчинам»⁹¹.

Пожалуй, наиболее разумный подход к вопросу об опекунстве может основываться на признании разницы «вкладов» отцов и матерей в дело воспитания детей — потраченного на заботу о них времени, участия в их воспитании и развитии — и установлении презумпции, что оба родителя способны и хотят (если факты не говорят об обратном) выполнять свои обязанности по отношению к детям. Возросшее участие мужчин в воспитании детей до развода должно учитываться при принятии решения об опекунстве, так же как и то, что большая часть заботы по-прежнему ложится на плечи женщины, которая помимо этого еще и работает. «Права» отца после развода будут признаваться более охотно, если отец будет признавать свои обязанности, пока состоит в браке.

«Проблема» семей геев и лесбиянок

Недавно возникла еще одна проблема — с семьями геев и лесбиянок. Мне кажется нелогичным, что политические комментаторы, которые твердят об упадке семьи в обществе, выступают против того, чтобы геи и лесбиянки создавали семьи. Но проблема гомосексуальной семьи — брака, воспитания детей — на самом деле касается не столько семьи, сколько юридического статуса гомосексуалов. Например, как только в 1997 г. Верховный суд штата Гавайи объявил о возможном признании гомосексуальных браков, несколько штатов сразу же аннулировали свою приверженность формулировке американской Конституции о «полном доверии и уважении», требующей, чтобы принятые одним штатом официальные акты (например, акты о бракосочетании, результаты голосования, дипломы об образовании, водительские права и т.п.) признавались всеми другими штатами*. Вскоре после этого и американский Конгресс принял Закон о защите брака, словно этот институт подвергся нападению со стороны тех, кто

Эта формулировка приводится в статье IV, разделе 1 Конституции США: «Полное доверие и уважение должны оказываться в каждом штате официальным актам, документам и материалам судопроизводства любого другого штата. Конгресс может путем принятия общих законов предписывать способ удостоверения подлинности таковых актов, документов и материалов судопроизводства, а также установления юридической силы оных». — *Прим. ред.*

232

стремился в него вступить. Геи и лесбиянки имеют законное право на усыновление ребенка только в десяти штатах (Аляска, Калифорния, Миннесота, Орегон, Вашингтон, Массачусетс, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Пенсильвания и Вермонт) и округе Колумбия⁹².

Одним из мотивов, по которым многие пары геев и лесбиянок стремятся вступить в брак, является получение целого комплекса прав, которые гетеросексуальные пары получают как само собой разумеющиеся. Сюда входят право наследования супругу или супруге при

отсутствии завещания, право на консультации с врачами и принятие важных медицинских решений при утрате правоспособности партнера; право на воссоединение с супругом(ой), подданным(ой) другого государства; право на включение супруга(и) в медицинскую страховку; право на посещение супруга(и) в государственном учреждении, например в тюрьме или больнице; наконец, право не свидетельствовать против супруга(и) в суде⁹³. Верно, что отношения между геями более хрупкие, чем гетеросексуальные отношения, и что геи менее «разборчивы», чем гетеросексуалы, однако это не относится к лесбиянкам. Некоторые причины таких отличий можно обнаружить в мужской тендерной социализации, которая не поощряет мужчин к тому, чтобы ставить частную сферу на первый план; в исключении возможности для гомосексуалов вступать в законный брак, который цементирует гетеросексуальные отношения и укрепляет совместную жизнь, несмотря на разногласия; в отсутствии детей, которые нередко служат для гетеросексуальных пар поводом продолжать попытки наладить отношения; наконец, в социальном неодобрении и гомофобии институтов, которые могут разрушить любую гомосексуальную пару. «Парадоксально, но большинство американцев считают, что геи и лесбиянки неспособны на длительные отношения, и в то же самое время отказывают им в институте, который стабилизирует отношения», — писал Крэйг Дин, руководитель Фонда

⁹⁴

семейного права .

Брак — это нечто большее, чем юридическое право, большее, чем отношения. Это — институт, на основе которого выстроен наш идеал семьи. Лишение права на брак законодательно устанавливает, что гомосексуальные отношения менее ценны, менее важны, чем гетеросексуальные. Такое обесценивание ведет к той самой беспорядочности в связях, которой прежде всего обосновывают отказ в праве на семью.

²³³

Многие геи и лесбиянки живут семейными парами. С одной стороны, эти пары «с меньшей вероятностью будут демонстрировать неравенство», характерное для гетеросексуальных браков. Принадлежность пары к одному тендеру нейтрализует тендерное неравенство ввиду отсутствия тендерных различий. По сравнению с гетеросексуальными парами гомосексуалы гораздо чаще совместно делают работу по дому, а лесбийские пары — самые эгалитарные из всех⁹⁵. Выходит, гомосексуальные пары часто становятся превосходными родителями. В конце 1960-х гг. одна женщина оплакивала свое положение — она не была лесбиянкой, просто не могла родить

ребенка:

«Самым большим разочарованием моей матери было то, что у нее не будет внуков. Я очень люблю обоих моих родителей и сделала бы все для их счастья, а внуков подарить им не могу. Помню, я была страшно огорчена, когда... узнала, что у меня никогда не будет детей. А я хотела бы детей для себя»⁹⁶.

Подобно тому как гетеросексуальным женщинам приходится однажды делать выбор между карьерой и семьей, так и многие геи и лесбиянки вынуждены выбирать между признанием своей сексуальности и возможностью иметь семью. И как женщины сегодня не желают делать выбор и стремятся «иметь все», так и гомосексуалы считают, что их сексуальность не лишает их способности стать хорошими родителями. В 1976 г. в США родителями были от 300 до 500 тыс. гомосексуальных пар; сегодня от 1,5 до 5 млн лесбиянок и от 1 до 3 млн геев воспитывают детей. В настоящее время от 6 до 14 млн детей (приблизительно 5%) имеют по крайней мере одного гомосексуального родителя⁹⁷.

Ни одно из «грозных» последствий воспитания ребенка гомосексуальной парой не наступило. Нет никаких свидетельств, что отец-гей или мать-лесбиянка оказывают какое-то специфическое отрицательное влияние на детское развитие или что они сексуально преследуют своих детей. На самом деле специальные исследования показали, что «результаты воспитания детей в этих семьях выше средних показателей». Например, когда отец занимается ребенком, это благотворно влияет на жизнь семьи, подчеркивает и усиливает обязательства отца перед ребенком. Исследование среди матерей-лесбиянок показывает, что их дети — и мальчики и девочки — проходят периоды развития тендерной идентичности, как и дети гетеросексуальных родителей, в сопоставимом возрасте и не обнаруживают никаких различий в

интеллекте. «Качество материн-

234

ской заботы», а не сексуальная ориентация — вот что важно для развития ребенка⁹⁸, или, как сказала пятнадцатилетняя дочь матери-лесбиянки: «Думаю, у меня было бы больше предрассудков, если бы я росла в гетеросексуальной семье. Иногда дети в школе устраивают по этому поводу слишком много шума. Говорят, что это глупо и все такое. На самом деле они не знают, потому что близко не сталкивались. Я им ничего не говорю, но знаю, что они неправы. Но все это меня бесит, потому что они не знают того, о чем говорят».

Недавно такие же слова прозвучали и в решении суда штата Нью-Джерси, который пришел к выводу, что дети в семьях геев и лесбиянок «лучше готовы к поиску собственных представлений, что правильно, что неправильно, легче замечают, что большинство не всегда право в моральных суждениях, лучше готовы к пониманию того, как важно подчинять собственные мнения требованиям рассудка и достоверного знания, а не изменчивым чувствам большинства и предрассудкам».

Такие качества, пишет специалист по социологии семьи Джудит Стейси, могли бы отлично «послужить идеалом вос-

99

питания для демократии» .

На самом деле многие специалисты по вопросам психического здоровья полагают, что тайна и позор, окружающие гомосексуальность родителя, наносят больший вред самоощущению ребенка, чем сама гомосексуальность. Психолог Дон Кларк писал по этому поводу: «Для гея важно не скрывать свою идентичность от своих детей, потому что они слишком близкие люди, чтобы позволить себе держать их в неведении. Скрывать — значит внушать себе, что тебе стыдно и что для стыда есть какая-то причина. Скрывать — значит внушать то же самое своим детям. Но плохо иметь родителем то, о ком стыдно». Когда тайной окружается лесбийство матери, могут возникать серьезные проблемы общения: матери видят, что дети грустны, угнетены и замыкаются в себе; то же самое говорят о себе и сами дети. Матери не понимают, что сокрытие и при замалчивание их лесбийской ориентации приводит к психологическим проб-

" 100

лемам у их дочерей .

Некоторая оппозиция гомосексуальному браку существует и в среде самих лесбиянок и геев, поскольку раздаются голоса, заявляющие, что стремление к браку означает отказ от радикализма освобождения геев, однако идея гомосексуальных браков набирает поддержку как внутри гомосексуального сообщества, так и вне его.

235

Реальная проблема насилия в семье

Очень многим американцам — и детям и родителям — семья лишь напоминает о ностальгическом мифе об «убежище в бессердечном мире». Она вовсе не защищает своих членов от холода и насилия мира, который находится за дверью; семья сама стала миром холода и насилия. Насилие рвет саму ткань семейных отношений. Некоторые формы семейного насилия, в частности в отношениях между мужчинами и женщинами, я буду рассматривать в главе 11. Здесь мы поговорим о насилии в отношениях между родителями и детьми, а также между детьми. Насилие в семье исключительно гендеризовано, оно воспроизводит и укрепляет тендерное неравенство. Главным образом насилие в семье совершают мужчины: мужья бьют жен, отцы бьют детей, сыновья бьют родителей, мальчики — своих братьев и сестер. «Открытое или скрытое физическое принуждение является одним из факторов, на котором держится господство мужчины в семье», — утверждает социолог Мюррей Строе¹⁰¹.

Насилие родителей над детьми является самым обсуждаемым видом семейного насилия. Несмотря на широкую поддержку физического воздействия — три четверти американцев полагают, что родительские тычки и подзатыльники в порядке вещей, — систематические и крайние телесные наказания не одобряются. Хотя большинство американцев физически наказывают своих детей и большинство детей терпят физические наказания, мы не терпим, когда видим в вечерних новостях сюжеты о насилии родителей над ребенком. Наиболее распространенной формой родительского насилия над детьми является шлепание; при этом каждый

пятый родитель бьет своего ребенка различными предметами, около 10% пинают, кусают и даже бьют ребенка кулаком, и почти в каждой двадцатой семье родители избивают ребенка. Хотя матери тоже совершают насилие над детьми, они делают это не в такой степени, как мужчины. Бергман с коллегами обнаружили, что мужчины более чем в десять раз чаще наносят серьезные повреждения детям, и в выборке опрошенных виновными в смерти детей были только отцы и отчимы¹⁰².

Самое очевидное последствие родительского насилия над детьми проявляется в поведении последних. Дети видят, что насилие узаконено как способ разрешения споров, и активно им овладевают. Насилие над родными братьями и сестрами характерно для американских семей. Строе пишет: «Насилие над родными братьями и сестрами часто отражает то, что

236
дети наблюдают в отношениях родителей между собой и что сам ребенок испытывает в качестве дисциплинарной меры. Дети родителей, среди воспитательных методов которых не было насилия, склонны использовать ненасильственные методы в отношениях со своими братьями и позже со своими супругами и детьми. Насилие, как и милосердие, начинается дома*, поэтому и отказ от насилия тоже должен начинаться дома»¹⁰³.

(Родители, которые задают вопрос, как воспрепятствовать насилию среди своих детей, должны сначала одолеть собственное искушение бить их и постараться улаживать проблемы, не прибегая к насилию.)

Долгосрочные последствия родительского насилия над детьми очевидны. Чем больше ребенок подвергается телесным наказаниям, тем вероятнее, что, повзрослев, он будет бить супругу или супруга. Кроме того, велика вероятность того, что побои, достаемые детям, в будущем вернуться родителям. Насилие детей над родителями тоже является серьезной проблемой: около 9% родителей с детьми в возрасте от десяти до семнадцати лет оказываются жертвами насилия со стороны последних. Матери чаще становятся жертвами и гораздо чаще получают серьезные травмы и увечья.

Причина насилия ребенка над собственными родителями, и особенно над матерью, кроется в насилии, которое испытал ребенок, а также в супружеском насилии, которое он наблюдал. Ребенок видит, как отец избивает мать, и «узнает, что мать — подходящая мишень для насилия в семье», пишет социолог Ричард Джеллз. Нигде тендерное неравенство в семье не проявляется более явно, чем в избивании матери сыном¹⁰⁴.

Семья будущего

Пожалуй, из всей литературы по вопросам развода, воспитания детей и сексуальной ориентации можно вынести, что форма семьи — полная семья, разведенная семья, матери-одиночки, семья лесбиянок или геев — гораздо меньше значит для детей, чем содержание семейных отношений. Дом, где царит атмосфера любви и поддержки, где родители проводят много времени с детьми и друг с другом, является главнейшим

Имеется в виду английская пословица «Charity begins at home» — «Милосердие начинается дома». — *Прим. ред.*
237

фактором будущего физического, эмоционального и психологического здоровья и детей, и их родителей. По мнению социолога семьи Арлин Сколник, самые надежные исследования «показывают, что структура семьи — число родителей в доме и факт развода — не влияет сама по себе на благополучие детей. И в традиционной полной семье, и в других типах семей детям больше всего нужны теплота и участие хотя бы одного родителя»¹⁰⁵.

В одном лонгитюдном исследовании опросили, например, 116 студентов-мужчин Гарварда спустя 35 лет. 25% тех, кто называл своих родителей любящими и заботливыми, имели серьезные заболевания; из тех, кто считал, что родители не слишком заботились о них в детстве, 87% имели как минимум одно серьезное заболевание. (Исследователи принимали во внимание и другие потенциальные причины, например, историю семейных болезней, смерть родителей и развод, привычку к курению и отношения в браке.) Выходит, что мужчины, которые невысоко оценивают родительскую заботу и любовь в детстве, подвергаются гораздо большему риску заболеть в зрелые годы¹⁰⁶.

Кризис семьи является скорее не кризисом формы, а целым рядом внутренних проблем. Верно, что и брачное счастье, и детское благополучие снизились за последние два десятилетия. Но верно и то, как пишет Дэвид Демо, что «отрицательные последствия,

приписываемые разводу, неполным семьям и безработице матерей, сильно преувеличены». Как гендеризованный институт, семья зиждется на тендерном различии и реальности тендерного неравенства как на межличностном, так и на структурном уровнях. На структурном уровне тендерное неравенство поддерживается правительственным безразличием к проблемам работающих семей — от недостатка присмотра за детьми до отказа помочь тем типам семей, в которых дети вырастают с мыслью, что их жизнь менее ценна и интересна, чем жизни

" 107

других детей .

Дружественная по отношению к семье политика работодателей поощрила бы семьи искать лучшее сочетание работы и семейных обязанностей. В США немногим более трети работников в компаниях, имеющих более 100 служащих, получают неоплаченный декретный отпуск. При этом 83% работающих мужчин говорят, что чувствуют потребность разделять обязанности по воспитанию детей с женой, однако только в 18% таких фирм предусмотрено предоставление мужчинам родительского отпуска, и лишь 9% компаний его фактически предоставля-

238

ют. Сравните ситуацию с Швецией или Норвегией, где всем женщинам предлагают десять месяцев оплаченного декретного отпуска с сохранением 90% от заработной платы, а мужчинам гарантирован дополнительный двухмесячный отпуск с сохранением 100% заработной платы. Норвегия и Швеция даже установили «дни папы», когда отец может взять родительский выходной после выхода матери из декретного отпуска на работу; тем самым гарантируется, что у отца есть специальное время для детей. В этих странах даже бабушки и дедушки имеют возможность проводить время со своими внуками в рабочее время с сохранением заработка! Такая политика свидетельствует, что нация любит и лелеет своих детей достаточно, чтобы тратить свои ресурсы на укрепление семейных отношений. *Вот что*

ш8

такое «семейные ценности» для меня .

Политика же американского правительства, несмотря на все заявления о необходимости заботиться о будущих поколениях, фактически затрудняет выполнение родительских обязанностей как в богатых, так и в бедных семьях. Неадекватное финансирование образования, здравоохранения для детей и взрослых, неадекватная корпоративная политика в отношении декретных отпусков и «недружественный для семьи» режим труда (жесткий почасовой график, отсутствие возможности присматривать за ребенком, находясь на работе) — все это ложится тяжелым бременем на хрупкие брачные узы и отношения между детьми и родителями. «Мы пробуем сделать то, чего от нас хотят женщины и дети, но не желаем перedefинировать рабочее место», —

пишет один антрополог, изучающий жизнь мужчин в нескольких различных культурах .

Семья как гендеризованный институт также зависит от межличностных отношений между членами семьи, от тендерного разделения домашнего труда, которое воспроизводит доминирование мужчин в обществе. Тендерное неравенство выражается в разнице объемов работы по дому и ухода за детьми, различиях в траекториях мужчин и женщин после развода. Это неравенство таит реальную или скрытую угрозу насилия.

По моему мнению, тендерному равенству в семье не нужны ни «изрядные дозы гермафродитизма», ни чтобы «мужчина стал похож на женщину», как пишет социолог Эндрю Грили. Женщина вполне может выйти на работу, не становясь похожей на мужчину, а мужчина после долгой ссылки может вновь заниматься домашними делами, не становясь «женственным». При нынешних тенденциях кажется неизбежным, что мужчине придется выполнять все больше так называемой «женской работы»

239

по дому, а женщина будет больше занята вне дома так называемой «мужской работой»¹¹⁰.

Идеологию разделения сфер изобрели и навязали в XIX в., «заточив» женщин дома и «выслав» из него мужчин. Во второй половине XX столетия структурные основания этой идеологии подверглись эрозии и продолжают быть мишенью яростных идеологических атак. Я предсказываю, что в XXI в. состоится «реинтеграция сфер»: дом и работа будут сближаться все сильнее*, мужчины и женщины будут активнее участвовать в обеих сферах. Нам следует «настоячиво стремиться к тесной интеграции между профессиональной и домашней жизнью

людей, — пишет социальный критик Кристофер Лэш. — [Мы] должны постараться привести рабочее место в соответствие с потребностями семьи». Одновременно увеличивается число людей, использующих для работы телекоммуникационные сети; они переходят из спальни в офис внутри собственной квартиры, используют компьютеры, факсы, модемы и телефон для выполнения работы по найму, а в перерывах готовят еду для детей и убирают в доме".

Самым впечатляющим изменением в жизни семьи в XXI в. будет изменение ролей мужчин, подобно тому как в XX в. появление женщин на рынке труда совершенно преобразило состав рабочей силы. Специалист по социологии семьи Скотт Колтрейн предсказывает, что рабочий день жен станет длиннее, они будут сильнее идентифицироваться с работой, их вклад в доход семьи будет расти, а мужья будут больше выполнять работы по дому. Кроме того, пишет он, «отцы больше будут заниматься детьми, возьмут на себя больше обязанностей каждодневного ухода, и довольно многочисленное меньшинство мужчин будут не просто помощниками по

112

хозяйству»¹.

Когда мужчины и женщины будут вместе выполнять работу по дому и воспитывать детей, тендерное неравенство в семье постепенно уменьшится, и тендерные стереотипы и тендерные различия, которые, как предполагалось, были источником этого неравенства, также постепенно начнут исчезать. В конце концов, как нам известно из антропологии, мужчины играют большую роль в воспитании детей в тех обществах, где женщины обладают самым высоким статусом. Более того, в обществе,

кажется, еще раньше это предсказал О.Тоффлер в книге «Четвертая волна», но без тендерной интерпретации; он отметил тенденцию увеличения надомного труда. — *Прим. ред.*

240

где женщины и мужчины поровну делят обязанности по воспитанию детей, они также будут одинаково активны и на рынке труда. Изменение в частной сфере вызовет резкие изменения в общественной сфере.

Роберт Фрост однажды написал:

Дом — значит место, где нас принимают, Когда приходим мы*.

Наша семья — это место, где мы связаны определенными обязанностями и где нас в то же время любят, уважают и почитают. Любовь, как мы видим, встречается и в традиционных семьях, и в неполных семьях, и в семьях геев и лесбиянок. Заботятся о детях и в стабильных семьях, и в распавшихся. Важно содержание семейных отношений, а не форма. Любовь может помогать, питать и поддерживать — в любом месте и в любой форме.

См.: Смерть батрака / Пер. М.Зенкевича // Фрост Р. Из девяти книг. М.: Художественная литература, 1963. С. 30.

Глава 7

Гендеризованная классная комната

Высшее образование для женщин, этот настойчивый призыв к свободе, к праву против силы, звучит во всем мире. Это крик угнетенной рабыни. Это утверждение абсолютного равенства.

Генри Фул Дюран, президент Уэлсли-колледжа

Весной 1990г. попечительский совет Миллз-кол-леджа, небольшого частного женского колледжа свободных искусств в Окленде, штат Калифорния, принимая во внимание соображения финансовой стабильности, проголосовал за то, чтобы допустить обучение юношей в его стенах. Оскорбленные студентки и выпускницы выступили с протестами. Фотографии плачущих студенток на первых полосах газет показали их отношение к перспективе совместного обучения. Феминистки приветствовали решение попечительского совета вернуться к прежним принципам.

Той же весной Отдел гражданских прав Министерства юстиции подал иск против Военного института штата Виргиния (VMI), государственного учебного заведения в Лексингтоне. Обвинение заключалось в том, что политика приема на учебу только мужчин нарушает Четырнадцатую поправку Конституции США, и отдел потребовал допустить к учебе женщин. Три года спустя молодая женщина по имени Шеннон Фолкнер бросила вызов принципу исключения женщин из «Цитадели», государственного мужского военного колледжа в Южной Каролине. Ввиду того, что оба дела имели сходный характер и слушались в одном и том же окружном апелляционном суде, их объединили водно.

В 1996г. после длительного разбирательства Верховный суд США наконец вынес определение, что политика приема слушателей Военным институтом нарушает Конституцию США и что предложенная им параллельная программа для женского колледжа не прошла конституционную проверку. Военному колледжу предписывалось или открыть двери женщинам, или стать частным учебным заведением. Женские организации по

242

всей стране приветствовали эту новость. Дискриминация женщин, препятствующая использованию возможностей, которые имеют мужчины, была объявлена незаконной. Рухнул еще один барьер на пути к равенству женщин¹.

В первом случае феминистки выступили за раздельное образование, во втором — против. Демонстрирует ли этот случай лицемерие феминисток, поступающих по принципу «что дозволено гусыне, не дозволено гусю»? Или есть какое-то различие между заведениями только для женщин и только для мужчин? (Может, разница в том, что Миллз — это частный колледж, а Военный институт и «Цитадель» — государственные учебные заведения, т.е. в юридических основаниях, и нет здесь никакого идеологического или политического подтекста?) Мы вернемся к этим случаям позже, потому что они поднимают существенные вопросы о роли образования в процессе тендерного формирования личности и общества. Межпланетная теория тендерных различий утверждает, что мы приходим с разных планет и говорим на разных «гендерлектах», применяем разные моральные стандарты и по-разному знаем о разном. С другой стороны, мы сидим в одном учебном классе, читаем одни и те же книги, слушаем одних и тех же преподавателей и, по идее, получаем оценки по одним и тем же критериям.

Но разве мы одинаково переживаем происходящее в учебном классе? Не совсем. Наш опыт гендеризации начинается даже раньше, чем мы оказываемся в школе. Когда мы впервые входим в класс, мы начинаем изучать не просто азбуку, правописание, математику, физику и литературу. Мы учимся и учим друг друга, что значит быть мужчиной и женщиной. И мы видим это во всем, что окружает нас в школе, в том, кто нас учит, чему нас учат, как нас учат, и в том, как организована школа как социальный институт. Школы устроены наподобие старых фабрик, и производят они гендеризованных индивидов. Наш тендер формируется и официально принятым учебным планом, и параллельным «скрытым учебным планом» наших межличностных взаимодействий с учителями и другими учениками. Процесс гендеризации усиливается еще и «учебным планом» средств массовой информации. И содержание, и форма образования учат тому, что женщины и мужчины — разные и неравны между собой, что неравенство вытекает из различия, а потому оправдано. Но посмотрим с другой стороны: может быть, различия, которые мы наблюдаем, *суть результат*, а не причина тендерного неравенства? Профессор права Дебора Роуд пишет, что «школьное образование обучает неравенству и закрепляет его на всю жизнь»².

243

Традиционное образование для мужчин

Начиная с XVIII столетия образование в Америке было привилегией мальчиков и мужчин из высшего класса. Ранее мы видели, как противники равенства женщин использовали биологические аргументы в пользу тендерного исключения. Например, они доказывали, что высшее образование для женщин приведет к «чудовищным последствиям для их умственных способностей, к уменьшению внутренних органов», к «разброду в мыслях и запорам». Профессор Гарвардского университета Эдвард Кларк описывал «бледных, слабых, истеричных, страдающих невралгией, диспепсией» образованных женщин с «менорагическими проявлениями, нарушениями менструального цикла и недоразвитой репродуктивной системой»³.

Многие противники женского образования в викторианском духе утверждали, что женщины не смогут и не захотят подвергнуть себя суровым требованиям высшей школы. Другие полагали, что совместное обучение женщин и мужчин приведет к катастрофическим последствиям для обоих полов. Так как «склад ума мужчин и женщин радикально различается», писала в одной из редакционных статей «Дейли калифорниан» в 1890-е гг., их надо обучать раздельно. Когда в Мичиганском университете в 1858 г. впервые встал вопрос о совместном обучении, его президент выступил против, посчитав, «что от успехов женщин в

проигрыше окажутся мужчины, мы получим общество дефеминизированных женщин и демаску-линизированных мужчин». Местная газета приветствовала решение попечительского совета университета, утверждая, что обучение женщин «лишит женщину женственности, а мужчину мужественности»⁴.

Некоторые выражали беспокойство, что совместное обучение «выхолостит» учебный план, поскольку придется включить необязательные для мужчин предметы, замедлить скорость прохождения материала и всячески снизить стандарты, чтобы женщины могли успевать. В пользовавшемся большим влиянием трактате о юности* великий психолог Стенли Холл предостерегал против совместного обучения, потому что оно, по его мнению, «вредит девочкам, уподобляя их поведение

Имеется в виду книга «Юность» (Hall G.S. Adolescence: Us Psychology and Its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education, 1904).

244

поведению мальчиков и отнимая у них ощущение собственной женственности», и вредит мальчикам, так как «феминизирует их, поскольку им приходится освобождаться от свойственного им грубого животного элемента». Он предостерегал, что, нивелируя различия между мальчиками и девочками, совместное обучение «растворит» таинственную привлекательность противоположного пола, иными словами, что совместное обучение приведет к гомосексуализму. (Конечно, Холл не мог предвидеть исследования Альфреда Кинси, который обнаружил, что большинство гомосексуальных опытов у мужчин происходит именно в чисто мужских учреждениях — отдельных учебных заведениях, летних лагерях бойскаутов, армии и тюрьмах, — в которых Холл видел средство против гомосексуализма.) Конечно, были и последовательные сторонники женского образования, как, например, основатели и первые президенты женских университетов Мэтью Вассар и Майло Джуэт (Вассар), Генри Дюран (Уэлсли) и Л. Кларк Силай (Смит). Дюран утверждал, что истинный смысл женского образования заключается в «восстании» «против рабства, в котором женщину держат обычаи общества, против подорванного здоровья, жизни без цели, подчиненности, беспомощности, обмана и притворства так называемого образования»⁵.

Физическая слабость, беспомощность и зависимость женщины суть, таким образом, *последствия* тендерного неравенства, а не причины. Знаменитый британский врач Генри Модели предложил в 1874 г. социологическое объяснение отличительных особенностей женщин: «Есть другие причины вялого детства и отрочества американской девочки. Ей нельзя участвовать в радостных спортивных состязаниях со своими братьями вне дома. Все, что можно посчитать шумной игрой, запрещено! Она зашнурована в тугий корсет, доводящий ее до обмороков, ибо он настолько неудобен, что никакой мальчишка не смог бы носить его на себе целый день и оставаться веселым оптимистом. Все эти мучения из-за требований приличия и моды сказываются на физическом развитии девочки, и вместо того, чтобы обрести женственность, она превращается в развалину. Она достигает зрелости, но скрывает за этим страдание и однообразие жизни. Все это происходит из-за ее совершенной неспособности сопротивляться методам такого образования, которое убило бы любого мальчика...

Многочисленные статистические данные доказывают, что дисциплина и образование необходимы девочкам, чтобы вытеснить чрезмерную сентиментальность и пустые мечтания, возникающие от модного безделья

245

и провоцирующие „нервную" меланхолию и общее истощение. Статистические данные доказывают, что женщины, окончившие колледжи, становятся здоровыми и счастливыми женами и матерями, как будто они никогда не решали математических задач и не переводили Аристотеля»⁶.

Официальный курс на совместное обучение не останавливал его противников среди мужчин. В 1900 г. университет Рочестера пообещал открыть двери женщинам, если они соберут достаточно денег на строительство новых общежитий и оборудования. Когда они собрали средства — а Сьюзен Б. Энтони продала свой страховой полис, чтобы внести недостающую сумму, — и попытались войти в аудитории, студенты-мужчины стучали ногами об пол, держали двери аудиторий, высмеивали женщин, появлявшихся на территории кампуса. В ответ администрация физически изолировала женщин, поместив их в отдельный, явно

уступавший остальным колледж. Университетская аудитория, куда женщины изо всех сил стремились попасть, не могла удовлетворить их интеллектуальные запросы, поскольку хранила принятое в обществе повиновение тендерному различию. Женщин снова заперли в гендеризованной учебной аудитории.

Гендеризованная классная комната

Официальный процесс гендеризации начинается в тот момент, когда мы входим в образовательное учреждение, и затем длится все время, пока мы получаем образование. В детских садах мы видим кубики, грузовики, самолеты и плотницкие инструменты в одном месте, а куклы и предметы домашнего хозяйства — в другом. Формально игрушки «доступны» каждому, но пространства разделены невидимыми, но реальными границами полового различия между детьми. В дошкольном возрасте девочки и мальчики после садика играют в разные спортивные игры, придерживаются различных правил, по-разному ведут себя на детской площадке.

Детский сад, где я работал в конце 1970-х гг., разделялся на три зоны. В закрытом помещении было место для тихих игр, стояли книжные полки, маленькая песочница с чашками и блюдцами и была еще тихая комната с набором мольбертов для живописи. Рядом со зданием располагался «ближний дворик» с двумя песочницами побольше и отдельной площадкой для игр типа «классики». А затем уже располагался «дальний

246

дворик» с гимнастическими снарядами, большой неогороженной песочницей и другими приспособлениями для развития моторных навыков.

Утром трехлетние девчушки спокойно входили внутрь, аккуратно вешали свои пальтишки в шкафчики и медленно и неуверенно проходили в помещение, где они общались, разговаривали, играли во внутренней песочнице, готовясь к новому дню. А вот мальчишки вбежали, бросали свои куртки в шкафчики (у половины они вываливались назад), выбегали вон, хватали грузовички, неслись к дальнему дворику и при этом все время орали.

Так поступали все мальчики, кроме Брэда. Брэд был тихим и задумчивым трехлетним мальчуганом, добрым и внимательным. Он был одним из самых блестящих учеников за время моей работы! Каждое утро Брэд входил и направлялся прямо к мольбертам и там целый день радостно рисовал. Иногда он отдавался живописи полностью, и рисунок выходил за рисунком, а иногда, немного порисовав, мечтательно смотрел из окна на деревья.

Когда его родители увидели меня, нового преподавателя-мужчину, они с жаром стали убеждать меня: «Вы должны заставить Брэда выходить в дальний дворик!» Они умоляли меня, и их глаза были полны ужаса. «Пожалуйста, — снова и снова повторяла мать Брэда. — Пожалуйста!»

Не нужно ученых степеней в области дошкольного воспитания, чтобы понять, что пугало родителей Брэда. В воздухе витал призрак гомосексуальности. Брэд вел себя не так, как другие мальчики, и в его несоответствии тендерным образцам видели знак его будущей сексуальной ориентации. Я пробовал заверить его родителей, что Брэд выглядит во время рисования совершенно счастливым, что это занятие ему только на пользу, но родители не успокоились, пока я не пообещал, что буду поощрять Брэда играть с машинками. Они хотели быть уверенными, что детский сад воспитает их сына как настоящего, гетеросексуального мужчину. Брэд, как я думаю, хотел, чтобы его оставили в покое и позволили стать художником. Что касается меня, я иногда подходил к его мольберту и спрашивал, не хочет ли он пойти со мной в дальний дворик. Он всегда широко улыбался, отказывался и возвращался к рисованию.

Несмотря на внешние отличия, опыт детского сада воспроизводится каждый день, в каждой классной комнате, в каждом городе Америки. Мальчики и девочки учатся друг у друга поведению, приличному для мальчиков и девочек, и доказывают

247

друг другу, что каждый действует по плану. Менее заметны способы, которыми учителя и учебные программы явно и скрыто усиливают не только тендерные различия, но и гендерное неравенство, сопровождающее и даже порождающее эти различия.

Обстановка классной комнаты воспроизводит гендерное неравенство. «Начиная с детского сада и кончая высшим образованием, девочки получают меньше помощи, времени и внимания

со стороны преподавателя», — пишут профессора педагогики Майра и Дэвид Садкеры. Многие преподаватели считают мальчиков активными, вспыльчивыми, заносчивыми, мстительными, а девочек нежными, послушными, отзывчивыми и терпеливыми. Когда мальчики подавляют девочек, преподаватель (обычно женщина) часто ограничивается замечанием, но ничего не делает, чтобы изменить их поведение, поощряя в них чувство собственного превосходства. Многие преподаватели думают, что девочки больше «любят» читать и «ненавидят» математику и естественные предметы, и ожидают от мальчиков прямо противоположного⁷.

Преподаватели обращаются к мальчикам чаще и тратят на них больше времени. Они задают им более стимулирующие вопросы и дольше ждут от них ответа. Они поощряют мальчиков стараться, постоянно говоря, что они могут «сделать это». В одном исследовании десяти групп студентов колледжа обнаружилось, что юноши более активны, независимо от ген-дера преподавателя, а вот активность девушек была значительно выше на занятиях, которые вели преподавательницы. В отчете, подготовленном по заказу Американской ассоциации женщин с университетским образованием, говорится: «Независимо от ступени образования... исследования последних двадцати лет показывают, что мужчины получают больше внимания со стороны преподавателей, чем женщины». Частично это можно объяснить тем, что мальчики требуют больше внимания, но также и тем, что преподаватели относятся к мальчикам и девочкам по-разному. Когда Садкеры спрашивали преподавателей, почему они уделяют мальчикам больше внимания, им обычно говорили, что «мальчикам это нужно больше» или что «мальчикам трудно читать, писать, решать задачи. Они даже сидеть спокойно не могут»⁸.

Вот яркий пример из книги Садкер, подтверждающий, что гендерное неравенство проникает в учебный класс миллионами способов. В пятом классе очень бурно обсуждали, кто был лучшим президентом в американской истории. «Подождите, — сказала учительница. — Вы говорите все сразу. Прошу

248

поднять руки, и я буду вызывать вас. Если будете выкрикивать с места, буду спрашивать другого». На мгновение порядок восстановился, но затем один мальчик с жаром выкрикнул: «СТИВЕН: Я думаю, что Линкольн был лучшим президентом. Он объединил страну во время [гражданской] войны.

УЧИТЕЛЬНИЦА: Многие историки с тобой бы согласились.

МАЙК (видя, что Стивена выслушали, выкрикивает): Я не согласен. Линкольн был классный, но моему папе нравился Рейган. Он всегда говорил, что Рейган — великий президент.

ДЭВИД (кричит с места): Рейган? Ты шутишь?

УЧИТЕЛЬНИЦА: А ты как думаешь, кто был лучшим президентом, Дейв?

ДЭВИД: Франклин Рузвельт. Он спас нас от депрессии.

МАКС (кричит с места): Я думаю, что неправильно выбирать только одного самого лучшего президента. Было много хороших.

УЧИТЕЛЬНИЦА: Это интересно.

КИМБЕРЛИ (кричит с места): Я не думаю, что президенты сегодня столь же хороши, как прежние.

УЧИТЕЛЬНИЦА: Хорошо, Кимберли. Но ты забыла правило. Ты должна была поднять руку»⁹.

Журналист Пэгги Орсенстейн наблюдала за поведением детей в другом классе средней школы. Мальчики «выкрикивали и поднимали руки, щелкая пальцами, когда хотели что-то сказать... девочки, казалось, устарились от обсуждения». Как объяснила журналистке одна девочка: «Мальчиков не волнует, правильно они ведут себя или нет»¹⁰.

Что видят дети

Одно из объяснений, почему мальчиков не волнует, правильно они ведут себя или нет, заключается в том, что они постоянно видят себя на картинках учебников. Они знают, что им можно совершать ошибки, потому что в учебниках они все равно сохраняют центральную роль. Когда дети научаются читать, они тем самым открывают новый источник влияния. Точно также они знакомятся с содержанием других СМИ: телевидения, кино, мультимедиа. Противостоят ли СМИ распространению гендерных стереотипов? Исследования до самого

последнего времени показывали, что детские книги и антологии формируют традиционные половые различия и предрассудки в пользу мужчин и против женщин. Женщины

249

значительно реже представлены на картинках, в заголовках, среди главных героев, а часто отсутствуют вовсе. Кроме того, женские персонажи играют незначительные, второстепенные роли. Их действия ограничены любовью, наблюдением или помощью, в то время как мужчины решают проблемы и с ними случаются приключения. Женщин не показывают на работе; материнство — их главная и пожизненная работа. Сын дома носит брюки, а дочь — юбку; он активен, она пассивна. В биографиях женщин часто изображают зависимыми. Например, Мария Кюри выступает в роли помощницы мужа в науке, а не в качестве блестящего ученого и лауреата Нобелевской премии, каковой она была.

В книгах для детей дошкольного возраста тендерный уклон встречается постоянно. В 1972г. Леонор Вейцман с коллегами обследовали работы лауреатов премии Кэлдикот за лучшие детские книги в период с 1967 по 1971 г." С тех пор обследование проводилось дважды, последний раз в 1987г. Исследователи обнаружили, что, хотя женщины стали более заметны в книгах, их образы содержат тендерные предрассудки. Женщин по-прежнему изображают пассивными, покорными существами, тогда как мужчин рисуют активными и независимыми. Даже по поводу последних книг они сделали следующие выводы:

«Не только Джейн лишена каких-либо карьерных устремлений, вообще нет образца хоть каких-то устремлений. Из всех героинь 20 книг только у одной женщины есть занятие вне дома, и она работает в столовой. Как можно ожидать от Дика, чтобы он не стыдился выразить свои нежные чувства, если во всей коллекции книг только две взрослые особи мужского пола выражают нечто похожее на нежные чувства, и одна из этих особей —мышь»¹².

В 1975г. Министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения США обследовало в 134 книгах 16 различных издательств рисунки, сюжеты и язык, описывающие мужские и женские персонажи. Число сюжетов с «мальчиком в центре» превзошло число сюжетов с «девочкой в центре» в два с половиной раза, персонажей взрослых мужчин было в три раза больше, чем взрослых женщин; в шесть раз больше было опубликовано биографий мужчин и в четыре раза больше сказок про мужчин, чем про женщин. Вспоминая уроки по американской истории, одна исследовательница недавно охарактеризовала ее как странную эволюционную аномалию, поскольку это была история «нации, где были только отцы-основатели»¹³.

250

Конечно, за последние 25 лет произошли некоторые изменения. В современных детских книгах девочки и женщины уже не такие пассивные, и карьера у них есть, и амбиции, но они все равно больше интересуются семейной жизнью. Основное изменение состояло в том, что женщина уже не представлена в образе беспомощного, домашнего существа. В описаниях мужчин и мальчиков в детских книгах сопоставимых изменений не произошло, мужчины не стали более нежными и заботливыми. Как и в реальной жизни, женщины в художественной литературе оставили дом и вышли на работу, но мужчины, вернувшись домой, чувствуют себя крайне неудобно.

Это характерно для детских книг, а также для других СМИ, которые входят в нашу жизнь. То, чему детей учат в школе, закрепляется дома, не только в кругу семьи, но и во время досуга.

Телевидение, кино, видео, музыка — во всем повторяются тендерные стереотипы.

Телевидение много времени отводит рекламным и коммерческим сообщениям, адресованным детям. Есть утренние программы для дошкольников, для школьников, возвращающихся домой после школы, и утренние передачи для детей всех возрастов по субботам. Таким программам многие дети посвящают большую часть своего досуга; родители видят в телевизоре домашнюю няню.

Тендерные роли в телешоу для детей, по крайней мере до недавнего времени,

презентировались примерно так же, как в детских книгах, на детских площадках и в школах.

Мальчикам отводится центральное место; они занимаются чем-то важным и исполняют важные роли. Девочки служат фоном, они оказывают помощь, проявляют заботу и исполняют менее важные роли. Даже в «Улице Сезам», провозглашенной крупным достижением в развлекательно-образовательных программах, представлено гораздо больше мужских

характеров, чем женских. В рекламе для детей, которую показывают утром по субботам, мальчики обычно играют с машинками, а девочки с куклами. На телевидение оказывали определенное давление, чтобы устранить тендерную стереотипизацию в рекламе и развлекательных программах, но телевизионные шоу связаны с системой тендерных стереотипов тысячами нитей. Изготовители игрушек продают гендерно стереотипные игрушки, родители покупают их, а пишущая братия часто берет сюжеты из того, что уже предлагается детям (сюда входят и игрушки).

Телевизионная реклама является особенно мощным инструментом воспроизводства тендерных стереотипов, возможно, еще более мощным, чем телешоу, потому что она призвана

251

убеждать потребителей. Кроме того, реклама связывает тендерные роли со значимыми взрослыми ролями, которые молодым людям придется играть в будущем. Почти все авторитетные голоса, советующие вам, что купить, — мужские, и каждому ребенку понятно, кто в этом мире настоящий эксперт. Точно так же тендерные стереотипы привязаны к потреблению, одному из наиболее ценимых в американском обществе виду деятельности. Привязывая материальные выгоды к тендерным ролям, реклама преподает мощный урок: если вы потребляете это изделие, то становитесь тем мужчиной или той женщиной, которым или которой можете стать.

Туже картину мы наблюдаем в мед и а-продукции для взрослых. В 1970-е гг. вечерние телепрограммы были полны невыразительных, беспомощных женщин, их обычно показывали в закрытом помещении, постоянно обслуживающими потребности других; мужчины, наоборот, проявляли активность (например, залезали на деревья) и рисковали, они были лидерами, часто на открытом воздухе. Даже шоу, показывавшие одиноких или разведенных женщин, проявляли осторожность и, следуя общей морали, убеждали, что женщина выходит замуж по любви. Когда трудный выбор сделан, то на первое место всегда выступают любовь и дети. Эти шоу предлагали зрителям женщин, похожих на Мэри Поппинс, — одиноких, разведенных или вдов. Типичный женский персонаж 1950-х гг. Люси тратила много времени в поисках верного способа оставить дом и найти себе работу — желательно актрисы, певицы или танцовщицы в ночном клубе. Другие женские персонажи обращались к магии (Саманта, Дженни), чтобы поддержать своих честолюбивых мужей, а вот Алиса Крамден находила, что имеет в своих руках реальную власть, оставаясь дома.

К 1970-м гг. появился новый женский персонаж в лице Мэри Тайлер Мур. Ее одинокая и сексуальная Мэри Ричарде пробивала себе путь наверх и совершенно не желала жертвовать карьерой ради семейной жизни. Она хотела иметь все. Ее персонаж открыл дверь веренице женских образов, которые в меньшей степени подчинялись мужчинам (Рода или сериал про Кэгни и Лейси) и выглядели более убедительно и на рабочем месте, и дома (Розина). Сегодня женские характеры показаны и дома, и на рабочем месте, и героини Олли Макбил открыто бросают вызов навязанным стереотипам женственности.

Эти изменения в реальной и вымышленной жизни женщин не сопровождались соответствующими изменениями в жизни мужчин (реальной и вымышленной). Мужчины по-прежнему

252

без конца вкалывают, они по-прежнему честолюбивы и хотят делать карьеру. Ушли дни, когда мужчина мог быть преданным отцом, подобно Джиму Андерсону или Уорду Кливеру, чья карьера в то время редко подвергалась опасности. Когда мужчина в такой комедии возвращается домой, он обычно становится объектом для шуток; вспомним Ральфа Крамдена, патриархального домоседа-бездельника Оззи Нельсона (1950-е—1960-е гг.), Гомера Симпсона и Тима Аллена, неспособных быть в доме хозяевами. Конечно, были исключения, как знаменитый — успешный в карьере и любящий отец — персонаж Билла Косби, который теперь играет добродушного пенсионера. Но большинство мужчин проявляют заботу и нежность в общественной сфере, на рабочем месте, как Бобби Симон в сериале «Полиция Нью-Йорка» и Марк Грин в сериале «Скорая помощь».

Телевидение отражает двойственное отношение американцев к изменениям в тендерных отношениях. Женщина может оставить домашние дела ради работы, но тогда она столкнется с трудностями, пытаясь сохранить семью; мужчины же не могут шагнуть в домашний мир, не

утратив мужественности. Таким образом, в реальной жизни и на телевидении тендерное различие и неравенство взаимно укрепляют тендерные идеологии, хотя мы не можем отрицать некоторые изменения и постоянное сопротивление традиционным понятиям тендерного различия.

Телевидение, кино и другие СМИ также приучают зрителей, детей и взрослых к культуре, которая принимает и предполагает насилие. В рамках Национального исследования уровня насилия на телеэкране четыре группы исследователей систематически отслеживали телепрограммы. Они обнаружили, что насилие присутствует на экране повсюду (61 % всех телепрограмм содержал элемент насилия), его совершает белый мужчина, который остается безнаказанным и не слишком раскаивается. Насилию обычно находят оправдание, хотя почти в половине (43%) случаев оно дается в шуточной манере, а «серьезные и длительные последствия насилия часто игнорируются»¹⁴.

СМИ не оказывают прямого воздействия на тендерное поведение детей. Хотя тендерные представления детей испытывают влияние со стороны СМИ, они еще взаимодействуют с реальным миром людей, которые не соответствуют этим стереотипам. Репрезентации СМИ становятся просто еще одним фактором в процессе выработки ребенком собственных представлений о тендере. Так что репрезентации СМИ не оказывают

253

прямого воздействия, как об этом пишут некоторые критики, поскольку человеческое научение есть процесс постепенного накопления информации, установок и способов реагирования, а не внезапное открытие или признание. СМИ просто дают еще один толчок к принятию существующих норм, как естественных, правильных и изначально заданных.

Тендерный разрыв в юности

Скрытый учебный план, тендерные стереотипы в СМИ, часто невидимая дискриминация в учебном классе — все это вместе приводит к разрыву между девочками и мальчиками в переходный период. Хотя в начальной школе девочкам свойственна несколько более высокая самооценка и они лучше успевают, чем мальчики, их самооценка резко падает с переходом в среднюю школу. Показатели коэффициента интеллекта у девочек падают примерно на тринадцать баллов, а у мальчиков — примерно на три балла. Девочки узнают, что их больше ценят за внешность, а не за таланты. Одна девочка, Эшли Рейтер, победительница конкурса талантов фирмы Вестинхауз благодаря проекту по математическому моделированию, вспоминала, что в день, когда она выиграла свою первую олимпиаду по математике, она впервые надела контактные линзы. Когда на следующий день она появилась в школе, гордая своей победой, «все говорили, как мне хорошо без очков. Никто ни слова не сказал о моей победе». Одна женщина вспоминала, как в ее школьные годы «всех удивляло, что у меня высокие показатели по успеваемости и что я являюсь национальным финалистом соревнования по качеству учебы. Во мне все видели „ту блондиночку, которая дружит со Скоттом“, и никто не мог понять, что во мне есть кое-что еще». Стоит ли удивляться, что девушки, отвечая на вопросы о своих талантах, примерно в два раза реже, чем юноши, выбирали вариант «то, что больше всего мне нравится в себе» и в два раза чаще, чем мальчики, указывали на какую-нибудь черту своей внешности. Или, как заметила феминистка и литературный критик Кэролайн Хейлбран, девочки приносят «истину в жертву на алтарь красоты»¹⁵.

В результате девочки переживают последние школьные годы совершенно иначе, чем юноши.

Пищевые нарушения типа анорексии и булимии представляют существенную проблему для девочек во время их учебы в школе и колледже; статистика

254

подобных случаев растет и молодеет. Ежегодно каждая десятая девушка моложе двадцати лет беременеет. При этом большинство отцов этих младенцев старше двадцати одного года. Юноши, становясь отцами во время учебы, чаще всего продолжают свое образование, тогда как молодые мамы учебу бросают.

«Холодный климат классной комнаты» для девочек — это и сексуально «враждебная обстановка». В последние годы в Америке сексуальное преследование стало серьезной проблемой не только на рабочих местах, но и в классных комнатах. В 1980 г. первое национальное обследование в школах, организованное Департаментом образования штата Массачусетс, показало широкое распространение сексуального преследования девочек. В

1986 г. опрос учеников средних и старших классов профессионально-технических школ Миннесоты, среди которых преобладали белые подростки, выходцы из среднего класса, также показал, что до трех пятых девочек в этих школах подверглись сексуальному преследованию. Последовали судебные процессы, и проблема наконец обратила на себя заслуженное внимание. В 1991 г. школьный округ Дулут, штат Миннесота, был вынужден по суду выплатить 15 тыс. долларов девятнадцатилетней Кэти Лайл, из-за того, что руководство школы, где она училась, после неоднократных жалоб ее родителей не смогло удалить надписи о ней, регулярно появлявшиеся на стенах туалетов для мальчиков. В следующем году Тоня Броди получила 20 тыс. долларов от средней школы в Петаламе, штат Калифорния, учителя которой не предпринимали никаких действий, чтобы удержать мальчиков от непристойных звуков и жестов по поводу ее груди. (Тоня рано достигла половой зрелости и уже в юном возрасте обладала хорошо развитой грудью. Поведение мазчиков сделало ее жизнь кошмаром: она не могла есть, спать, работать на занятиях в классе.) В том же году Верховный суд поддержал иск Кристины Фрэнклин против попечительского совета школ графства Гвинет, штат Джорджия. Ей выплатили 6 млн долларов в возмещение ущерба.

К весне 1993 г. почти половина всех дел по сексуальному преследованию в Отделе гражданских прав Департамента образования США касалась начальных и средних школ. Но проблема не исчезает. Сравнительно недавно в Верховном суде [Дэвис против Министерства просвещения графства Монро (1999)] мать предъявила иск руководству школы в том, что ее десятилетняя дочь постоянно подвергалась «сексуальному преследованию» со стороны одноклассника, в то время как

255

преподаватели и школьные должностные лица это игнорировали. Суд удовлетворил иск, и школа понесла ответственность за невнимание к возмутительному поведению. Согласно исследованию, проведенному по заказу Американской ассоциации женщин с университетским образованием, почти четыре пятых девочек (78%) и более двух третей мальчиков (68%) подвергались сексуальному преследованию. Как правило, виновниками почти неизменно оказывались другие мальчики. Бернис Садлер писала: «Сексуальное преследование начинается в очень раннем возрасте. В некоторых начальных школах есть день „задирания юбок“; в других девочки отказываются носить юбки на резинке, потому что мальчики стягивают их вниз. Мальчики постарше приклеивают зеркальную пленку на ботинки, чтобы заглядывать под пятая девочкам. В некоторых средних школах мальчики садятся за столы около продовольственного блока. Всякий раз, когда мимо идет девочка, они поднимают карточки с числами: единица для непривлекательной девочки и десять для суперзвезды. В некоторых школах объявляют „лучшую попку недели“ или распространяют списки, например, „20 шлюх школы“»⁶.

Позорный случай произошел с так называемым «Отрядом шпоры» в Южной Калифорнии, куда входили обеспеченные юноши. В 1993 г. довольно большое число девушек и девочек — самой младшей было 10 лет! — стали утверждать, что члены отряда напали на них и насильвовали; они явно соревновались друг с другом, кто одержит больше «побед» в присутствии других, и вели сложный закодированный счет своих деяний, используя имена спортсменов для сообщения о количестве своих сексуальных «подвигов». Само название «Отряд шпоры» было выбрано по имени любимой ими баскетбольной команды «Шпоры Сан-Антонио» (San Antonio Spurs). Таким образом, «Шон Эллиот» означал 32, по номеру на майке, а «Дэвид Робинсон» — 50 сексуальных побед. Вот так юноши открыто соревновались между собой, а девушки не понимали, что являются «снарядом» в гомосоциальном соревновании. Когда несколько молодых женщин предъявили юношам обвинение в изнасилованиях, многие жители этого богатого пригорода были потрясены. Матери мальчиков испугались, узнав, что их 15-летние сыновья имели половые контакты с тридцатью двумя или пятьюдесятью девушками. А отцы, казалось, пылали гордостью. «В меня пошел», — хором объявили они. «Мой мальчик делал то, что сделал бы в его возрасте

256

любой другой здоровый американский мальчик», — злорадствовал один отец. «Мой отец часто хвастался мною перед своими друзьями», — признался один член «Отряда шпор» на телевизионном ток-шоу. А мы удивляемся, откуда у детей это берется?¹⁷

При таком резком разрыве можно подумать, что систематическое разрушение чувства собственного достоинства у девочек, клевета на их способности и снижение их статуса могут пойти на пользу мальчикам — они станут лучше во всех отношениях. Но происходит иное. В начальных классах каждый из четырех мальчиков будет отправлен к детскому психологу, и, скорее всего, ему поставят диагноз дислексии или расстройства внимания. Начиная с младших классов, мальчики хуже успевают и чаще остаются на второй год. Мальчикам в девять раз чаще ставят диагноз гиперактивности; в специальных классах для умственно отсталых мальчики составляют 58%, 71% — в классах с отставанием в развитии; 80% мальчиков показывают эмоциональную нестабильность. Почти три четверти всех неуспевающих школьников составляют мальчики. Их чаще выгоняют из школы за неуспеваемость и плохое поведение на уроках. Кроме того, в юности резко падает их самооценка — не так сильно, как у девочек, но все же снижается.

Эти данные часто используются в дебатах как доказательство, что именно мальчики, а не девочки, являются новыми жертвами серьезной тендерной дискриминации в школах. В конце концов, что с ними в школах делают? Их заставляют сидеть спокойно, носить носовые платки, поднимать руку, быть послушными — все это является чудовищным насилием над их «естественной», вдохновленной тестостероном раздражимостью и игривостью. «В школах правят женщины в интересах девочек. Можно ли ожидать от полного сил, энергичного мальчика второго или третьего класса, чтобы он вел себя как девочка», — комментирует Кристина Хофф Соммерс, написавшая «Кто украл феминизм?». Образование приводит к «патологизации мальчиковости», «В среднем мальчики чисто физиологически более непоседливы и импульсивны, чем девочки, — отмечает школьный консультант Майкл Томпсон. — Мы должны признать физиологические потребности мальчиков и удовлетворять их». Женщины теперь составляют большинство студентов университетов, получают 58% степеней бакалавра в американских колледжах. Один репортер предсказывает страшные последствия, если существующие тенденции продолжатся: «В 2068 г. среди выпускников университетов

257

будут одни женщины». (Он плохо учил статистику.) В социальных и поведенческих науках соотношение числа женщин к числу мужчин составляет 3 к 1. Женщины вторглись в такие традиционно мужские сферы, как инженерное дело (где они теперь составляют 20%), биология и бизнес (примерно 50%). В то время как мы все внимание отдали девочкам, развитию их самооценки, предоставлению им возможностей в науке и математике, мы совершенно забросили мальчиков. «А как же с мальчиками?» — вопрошает хор¹⁸.

Не надо заблуждаться: потребности мальчиков действительно заслуживают нашего серьезного внимания, и мы уже видели, что будет, если их игнорировать. Но едва ли можно согласиться с критиками, которые сегодня, как и сто лет назад, говорят, что классная комната оказывает феминизирующее воздействие. На мои лекции студентки приходят во фланелевых рубашках, синих джинсах и футболках, кожанках и спортивных кроссовках. Они используют обращение «ребята» («guys»), даже если группа полностью состоит из девушек. Классная комната, как и работа, является общественным местом, и, когда женщины входят в общественную сферу, они зачастую одеваются и ведут себя «по-мужски», чтобы к ним отнеслись серьезно как к компетентным и способным людям. (Более детально о работе я поговорю в следующей главе.) Недавняя рекламная кампания детской одежды для игры в поло Ральфа Лорена показывала малышей лет пяти—шести в рубашках на пуговичках, спортивных куртках и галстуках из рубашечной ткани. Кто феминизировался, и кто маскулинизировался?

Мы видели, что агрессия мальчиков не имеет биологических оснований. Напротив, мы понимаем, что негативные последствия агрессии мальчиков в значительной степени оказываются побочным социальным продуктом раздутого культа непоседливости и задиристости. Сами мальчики думают, что такое поведение поможет им ладить с другими мальчиками, в результате оно превосходит ожидания даже их сверстников. Вместо некритического культивирования «мальчишеской культуры» нам следует подумать о том, что чувствует мальчик, когда перестает быть самим собой и начинает демонстрировать свою маскулинность перед оценивающими взглядами других мальчиков.

В этот момент мы могли бы найти психологический «разрыв», эквивалентный тому, который

выявила у девочек Кэрол Гиллиган. Гиллиган с коллегами описали, как уверенные в себе и гордые девочки на пороге юности «теряют голос». В этот

258

период они впервые сталкиваются с всеобъемлющим тендерным неравенством, и это еще больше увеличивает тендерный разрыв¹⁹. Мальчики же, наоборот, становятся более уверенными в себе независимо от своих способностей. Тендерное неравенство показывает, что в тот момент, когда девочки начинают говорить тихо, мальчики набирают голос, но это ложный голос бравады, постоянной позы, глупого риска и беспричинного насилия. Как пишет психолог Уильям Поллак, мальчики в это время узнают, что от них ожидается, что они будут верховодить, и начинают себя вести соответствующим образом: «Хотя голоса девочек теряют силу, а голос мальчика звучит резко и полон бравады, он не передает подлинных чувств». Таким образом, модель воспитания мальчика заставляет его надевать «маску мужественности». Он, «задираясь, притворяется мужчиной», как писал поэт Уильям Батлер Йейтс, «скрывая робкое сердце»²⁰.

Девочки «говорят тише», потому что недооценивают свои способности, особенно в традиционно «мужских» предметах — математике и естественных науках — и традиционно мужских профессиях — медицине, военном деле, архитектуре. Только самые способные и уверенные в себе женщины выбирают эти предметы и профессии. Поэтому их мало, но они отлично успевают. Мальчики же переоценивают свои способности и (часто испытывая сильное давление со стороны семьи, которая принуждает их выбрать «настоящее мужское занятие») продолжают свое обучение по тем программам, для которых они менее подготовлены и менее способны.

Это различие, а не мнимая дискриминация мальчиков, является причиной того, что сегодня средние экзаменационные отметки девочек по математике и естественным предметам приближаются к оценкам мальчиков. Слишком много мальчиков, переоценивающих свои способности, остаются в математике и в естественных науках дольше, чем им следует; они занижают средний балл мальчиков. И наоборот, те немногие девочки, чьи способности и самооценка оказались достаточными, чтобы «перейти границу» мужской сферы, повышают средний балл.

То же самое касается гуманитарных и социальных дисциплин. Девочки лучше проходят испытания по английскому и иностранным языкам. Но это — результат не «обратной дискриминации», а тирании норм мужественности. Мальчики считают английский язык «женским» предметом. Новаторское исследование австралийского ученого Уэйна Мартино

259

с коллегами показало, что мальчики не интересуются английским языком, потому что в этом предмете нельзя проявить себя настоящим парнем. «Чтение — глупое занятие, сидишь и как дурак смотришь, что там написано», — прокомментировал один из мальчиков. «Большинство парней, которые любят английский язык, — просто гомики», — заметил другой. Они считают, что традиционный учебный план свободных искусств оказывает феминизирующее воздействие. Как недавносаркастически заметила Кэтрин Стимпсон: «Настоящий мужчина не говорит по-французски»²¹.

Мальчики с презрением относятся к английскому и иностранным языкам по тем же самым причинам, по которым девочки их любят. Они говорят, что на уроках английского языка нет никаких жестких правил, которые надо быстро выучить, а скорее требуется выражение собственного мнения по теме, и мнение каждого одинаково ценно. «Ответы могут быть разными, и ты никогда не будешь полностью неправ, — подытожил один мальчик. — В математике и естественных предметах все по-другому. Здесь есть готовые ответы на все вопросы».

Другой мальчик заметил: «Мне трудно дается английский язык. Ведь нет никаких определенных правил, чтобы читать тексты... В математике есть правила, как все делать, и есть правильные и неправильные ответы. По-английски тебе надо писать о своих чувствах, именно это я не люблю».

А вот комментарий одной девочки: «Я люблю изучать английский, потому что... в английском ты свободна — не так, как в математике и естественных предметах, — и твоя собственная точка зрения не обязательно неправильна. Нет определенно правильных и неправильных

ответов, ты свободна высказать то, что считаешь правильным, и твое мнение не отвергнут как неверное»²².

Не школа «феминизирует» мальчиков, а идеология традиционной мужественности, которая не дает мальчикам стремиться к успеху. «Все, что мы делаем в школе, — это для девочек», — сказал один мальчик исследователю. «Это — не настоящая работа, — добавил другой. — Я не хочу, чтобы меня мальчишки в классе называли паинькой». Такие комментарии перекликаются с данными социологов, начиная с новаторского исследования (1961) Джеймсом Коулманом «скрытого учебного плана», согласно которому атлетичные красавцы оценивались сверстниками выше, чем примерные студенты²³. «Битва полов» — это не игра с нулевым итогом, где бы она ни происходила: во время учебы, на работе или в спальне.

260

Женщины и мужчины, девочки и мальчики извлекут выгоду от реального тендерного равенства в школах. «Каждый шаг в продвижении женщин несет благо нашему полу не меньше, чем возносит ее пол» — так была озаглавлена передовица в газете Амхерст-колледжа, когда там на заре XX в. начали обсуждать проблему совместного обучения²⁴.

Школа как гендеризованное рабочее место

Исторически женщины и девочки были отлучены от обучения в школе; женщин также исключали из педагогических профессий. Помните Икебода Крейна в «Легенде о сонной лощине» Вашингтона Ирвинга? В XVIII и XIX вв. учительство считалось уважаемым занятием для мужчины. Но к концу XIX столетия тендерная идеология «разделения сфер» привела к вытеснению женщин из других сфер рынка труда, и они скоро начали видеть в начальном образовании путь профессиональной карьеры, которую можно совмещать с материнскими функциями в семье.

Этот процесс совпал с расширением публичного школьного образования, которое сопровождалось возрастной сегрегацией учащихся. (В XVI—XVIII вв. образовательная норма предписывала одну классную комнату, в которой обучались вместе дети всех возрастов.) При делении учащихся на возрастные категории женщинам-учительницам доставались младшие классы. Кроме того, школьная администрация могла платить учительнице гораздо меньше, чем учителю. В результате начальное образование «феминизировалось». Престиж профессии и размер жалования упал, и мужчины перестали стремиться в школу, что сделало ее еще более «женской». Учительство стало «женской работой». Но, разумеется, не управление школой, которое в значительной степени осталось за мужчинами. Таким образом, школа уподобилась остальным социальным институтам американского общества.

Ужасные последствия такого положения бурно обсуждались на рубеже веков. Некоторые предостерегали от «нашествия» учительниц. Одного из основателей американской психологии Дж.Кеттела очень беспокоило появление «громкой орды учительниц», в чьи руки были теперь отданы мальчики. «Обучение мальчиков женщиной, — утверждал один адмирал, — есть насилие над природой», которое приведет к тому, что «мужчины станут женственными, эмоциональными, нелогичными,

261

невоинственными». Другой автор беспокоился, что теперь «американский мальчик воспитывается не для того, чтобы поколотить другого мальчика и надлежащим образом выдержать удары противника»²⁵.

В начале XXI в. женщины по-прежнему составляют большинство в начальном образовании, почти одни женщины работают в яслях и учреждениях специального образования. В 1994 г. 72,5% учителей общественных и частных школ составляли женщины, из них 60% преподавали в начальных классах. Чем выше уровень образования, тем меньше женщин среди педагогов. Больше половины мужчин преподают в средней и высшей школе, тогда как больше половины женщин сосредоточено на уровне начальной школы²⁶.

Половой состав рабочей силы связан с уровнем оплаты. Аксиомой является, что чем больше женщины представлены в определенной профессии, тем ниже в ней средняя заработная плата. В образовании женщины по-прежнему зарабатывают меньше, чем мужчины, выполняя ту же самую работу. В 1980 г. педагог-женщина в яслях получала в среднем 8 390 долларов, в то

время как ее коллега мужчина — 14912 долларов. (Соотношение с тех пор не изменилось.) 97% воспитателей яслей — женщины. Несоответствие в заработках становится более явным по мере продвижения педагога в образовательной системе, частично потому, что повышение зарплаты зависит от рабочего стажа, а женщины какое-то время тратят на воспитание детей. Наиболее очевидны изменения в высшем образовании. Исследование 1975г. показало, что четыре из пяти университетских преподавателей — мужчины; к 1989г. женщин стало уже около трети. Но это не обязательно свидетельствует о движении к тендерному равенству. Так, женщины составляли менее 10% преподавателей в престижных учебных заведениях и 25% — в заведениях местного значения. Более двух третей женщин преподают в колледжах с двух-четырёхлетним обучением; мужчины одинаково представлены в исследовательских университетах и других учебных заведениях. Сохраняется «неравное распределение полов в академической сфере», отмеченное в 1975 г. Мужчины доминируют в дисциплинах, где меньше преподавательская нагрузка, но больше исследовательской работы и число преподающих ассистентов; женщины доминируют в социальной работе, дошкольном воспитании, педагогике и в дисциплинах, где больше аудиторная нагрузка, например в обучении языкам.

262

И это не все. От небольшого роста заработка преподавателей больше выиграли мужчины. В 1970—1980гг. жалованье у женщин выросло на 66%, у мужчин — на 70%. В 1970г. зарплата женщины составляла 84% от зарплаты мужчин, в 1980 г. — только 70%. Сегодня женщины на всех уровнях получают более низкую плату, чем их коллеги-мужчины, работающие в той же отрасли, в той же должности, в том же самом отделе.

Женщины доминируют и в самой «густонаселенной» группе преподавателей колледжа — среди почасовиков. Почасовики стали жертвами пресыщения рынка образования и скрытой тендерной дискриминации. Сегодня они выполняют половину учебной нагрузки колледжей. Они получают плату за чтение курса, но их не нанимают по контракту даже на один год, чтобы исключить вопросы, связанные с охраной здоровья, пенсионным обеспечением и повышением оплаты труда. Более половины почасовиков — женщины. Мужчины преобладают в верхних эшелонах образовательной пирамиды. В 1972 г. среди администраторов высшего уровня женщины составляли менее 3%, и наблюдается зависимость: чем больше в руководстве университетом женщин, тем ниже его престиж. (Небольшие изменения произошли в женских колледжах.) Только в конце 1990-х гг. женщины стали президентами университета Дьюка, штат Пенсильвания, Государственного университета Нью-Йорка в Стони-Бруке и сохраняют президентство в исторически женских колледжах. Таким образом, похоже, кое-что сдвинулось.

Гендеризованность современного образования

Можно было бы подумать, что после многих лет реформы в образовании и особого внимания к различиям между девочками и мальчиками произошли изменения в лучшую сторону. Но оценка успеваемости показала, что среди тринадцатилетних детей тендерные различия выросли по всем естественным предметам кроме биологии. Знания мальчиков улучшились, а девочек ухудшились. Один педагог пришел к печальному заключению, что и сегодня в школах совместного обучения доминируют мужчины²⁷.

Просто говорить о равенстве недостаточно. Одна учительница рассказала журналистке Пэгги Оренстейн, как после исследования, показавшего, что учителя уделяют больше внимания мальчикам, чем девочкам, она объявила в классе,

263

что впредь будет обращаться ко всем одинаково. Для этого она вела список тех, к кому обращалась. Ее удивило, что через пару дней мальчики в классе буквально взорвались: «Они стали жаловаться, что я чаще вызываю девочек. Я показала им список в качестве доказательства, и они были вынуждены отступить. Я продолжала действовать, как обещала, но мальчикам было трудно привыкнуть к равенству, и они чувствовали себя

98

обделенными» .

Конечно, при установлении фактического равенства некогда привилегированные группы всегда чувствуют себя ущемленными. Если учитель уделяет равное внимание цветным и белым учащимся, женщинам и мужчинам, то его обязательно будут критиковать за

предпочтение меньшинства. Когда привыкаешь быть в центре внимания, то при его утрате даже на мгновение человек чувствует себя отверженным.

А что делать? Вернуться к раздельному образованию? Некоторые педагоги так и предлагали. В начале 1970-х гг. все колледжи ввели совместное обучение, но некоторые исследования показали, что мужские и женские колледжи имели существенные преимущества.

Исследование Элизабет Тидбол в 1973 г. об образовании женщин, внесенных вальманах «Кто есть кто среди женщин Америки», засвидетельствовало, что женские колледжи обеспечивали студенткам наиболее благоприятную образовательную среду²⁹.

Несмотря на то что большинство представленных в справочнике женщин получили образование в 1960-е гг. или раньше в известных женских колледжах, в исследовании Тидбол есть серьезные ошибки. Во-первых, она использовала данные 1960-х гг., когда формально исключительно мужские университеты Лиги плюща и другие престижные учебные заведения еще не были широко открыты для женщин и количество студенток в них было слишком малым, чтобы иметь статистическую значимость. Во-вторых, в то время было гораздо больше женских колледжей: в 1960 г. около 300 и только 84 в 1990 г. В-третьих, многие женщины попали в справочник благодаря заслугам своих отцов или мужей; иными словами, их достижения связаны не только с собственными усилиями, но и с помощью родственников-мужчин, которые, скорее всего, не были студентами женских колледжей. (Например, до 1980-х гг. большинство женщин, избранных в Сенат, Палату представителей или на пост губернатора штата, являлись дочерьми или вдовами мужчин, занимавших те же самые должности³⁰.)

264

1

Возможно, самая явная ошибка в исследовании Тидбол состояла в предположении, что именно обучение в женском или мужском колледже вело к богатству и известности. Однако многие женщины — выпускницы престижных колледжей были уже богаты, иначе они не смогли бы попасть в эти заведения. Тидбол на самом деле обнаружила не влияние обучения в женском колледже на последующие достижения женщин, а связь между принадлежностью к определенному социальному классу и обучением в женских колледжах. То, что она принимает за тендерное различие, таковым вовсе не является. Классовая принадлежность гораздо лучше предопределяет успех женщины, чем раздельное или совместное образование. Позднейшие исследования показали, что в колледжах совместного обучения более высокий процент выпускниц со степенью бакалавра в науках, технологиях и математике³¹.

Кроме того, были попытки доказать зависимость успеха мужчин от их учебы в мужских колледжах. Но эти попытки заканчивались неудачей, как только во внимание принимались социальное происхождение студентов и успешность их обучения в средней школе. При обсуждении тендерного неравенства примеры с мужскими колледжами, по мнению социолога Дэвида Рисмана, были «обычно неудачными. Средние мужские учебные заведения подвержены крайностям». Хотя Дженкс и Рисман «не находят аргументы против женских колледжей столь же убедительными, как аргументы против мужских колледжей», они делают следующее заключение: «Мужской колледж было бы относительно легко защитить в мире, в котором женщины полностью равны мужчинам. Но этого нет. Однако они исподволь утверждают превосходство мужчин, и за это предубеждение женщины вынуждены в конечном счете платить. На самом деле именно мужчины в долгу перед женщинами за свое высокомерие. Поскольку они по'пи всегда вверяют часть своей жизни в женские руки, их склонность подавлять этих женщин приводит к тому, что они подавляют часть самих себя. Возможно, это не так сильно травмирует мужчин, как женщин, но и мужчинам чего-то стоит. Таким образом, мы не против сегрегации полов в принципе, мы выступаем против сегрегации, когда она способствует высокомерию одного из полов»³².

Короче говоря, женщин в женских колледжах часто учат тому, что они могут делать все, что делают мужчины. А в мужских колледжах мужчин, наоборот, учат тому, что женщины не могут делать то, что делают мужчины. Женские колледжи могут

265

бросить вызов тендерному неравенству, а мужские колледжи воспроизводят это неравенство. Проведем аналогию с расой. Можно оправдать существование колледжей только для черных студентов тем, что они бросают вызов расистским идеям о неспособности черных студентов к обучению; эти заведения освобождают от повседневного расизма и дают возможность нормально учиться. Гораздо труднее оправдать существование колледжа только для белых студентов, воспроизводящего расовое неравенство. По поводу тендера психолог Кэрол Таврис писала, что «у женских колледжей есть законное место, если они дают молодым женщинам возможность достичь уверенности в себе, интеллектуальной безопасности и профессиональной компетентности для работы». С другой стороны, если совместное обучение базируется «на предпосылке об отсутствии принципиальных различий между мужчинами и женщинами и о том, что людям следует давать образование как индивидам, а не как членам тендерных групп», то вопрос заключается «не в совместном обучении, а в том, как его осуществлять»³³.

Женское образование часто закрепляет вредные установки и стереотипы, что «по своей природе женщина не способна добиться успеха и хорошо учиться вместе с мужчинами»³⁴. Даже если феминистки поддерживают идею о том, что женщины не могут конкурировать с мужчинами на одном поприще, что им нужны «особые» отношения, это служит сигналом отказа от надежд, неспособности или нежелания бороться за то, чтобы равные и безопасные школы стали национальным приоритетом. Мы как бы говорим девочкам: «Мы сделаем по-другому, мы отделим вас от этих противных мальчишек, которые только и делают, что превращают вашу жизнь в кромешный ад».

Такие предложения основаны на ошибочном понимании различий между женщинами и мужчинами, на вере в непреодолимую пропасть между «ними» и «нами», причины которой якобы кроются в стилях обучения, психике, строении мозга, а также способах мышления, общения и заботы. Джон Дьюи, пожалуй, величайший теоретик в области образования в Америке и жесткий сторонник равных прав женщин, решительно осуждал унижение женщин, заложенное в программу раздельного обучения. Дьюи насмеялся над такими понятиями, как «ботаника для женщин», «алгебра для женщин», «таблица умножения для женщин». Он писал в 1911 г.: «Нет ни одного более догматического утверждения, не имеющего ни малейших научных доказательств, чем утверждение о мужском и женском

266

типах мышления». Совместное обучение, доказывал Дьюи, благотворно для женщин, так как открывает перед ними возможности, прежде недоступные. Девочки станут меньше манипулировать и получают «большую уверенность в себе, обретут желание получить одобрение по заслугам, вместо того чтобы „обрабатывать“ других. Узость их суждений, обусловленная узостью предписанного им кругозора, будет преодолена; исчезнет их ультраженская слабость». Более того, Дьюи утверждал, что совместное обучение благотворно повлияет и на мужчин. «Мальчики узнают, что такое мягкость, бескорыстие, вежливость; их естественная энергия найдет полезные каналы для выражения, вместо того чтобы тратиться впустую в мальчишеских выходках», — писал ученый³⁵. Другой реформатор в области образования, Томас Уэнтворт Хиггинсон, также выступал против школ с раздельным обучением: «Я убежден, что рано или поздно человечество будет смотреть на эти учреждения так, как большинство американских путешественников теперь смотрят на громадные монашеские учреждения Южной Европы; с уважением к благочестивым побуждениям их основателей и удивлением, как такую ошибку могли когда-то сделать»³⁶. Несмотря на то что предсказание Хиггинсона оказалось верным относительно университетского образования — сегодня существуют только три мужских колледжа, а количество женских колледжей уменьшилось почти наполовину за последние сорок лет, — до сих пор есть сторонники возрождения раздельного обучения как на уровне университета, так и на уровне школы.

Виргинский военный институт и «Цитадель»: «спасение мужчин» путем исключения женщин

В двух мужских военных колледжах, Военном институте штата Виргиния и «Цитадели», финансируемых государством, были предприняты усилия предотвратить вторжение женщин, что привело к историческим судебным разбирательствам. Для оправдания политики недопущения женщин эти колледжи повторяли традиционные аргументы о фундаментальных

и неизменных тендерных различиях. Представители института утверждали, что их «альтернативная» модель образования — организация курсантов в подразделения, униформа, бритые головы, полное исключение приватности, упор на непрерывные тренировки и жесткая дисциплина — эффективна только

267

для мужчин. Физические нагрузки, казарменная жизнь, суровый кодекс чести — все это просто не подходит хрупкому женскому организму. Женщины с этим не справятся: они «неспособны к жестокосердию, необходимому для выполнения программы». Они — «физически слабее... эмоциональнее и не могут выносить нагрузки наравне с мужчинами». Представители института перечислили более ста физических различий, обуславливающих «естественную иерархию» женщин и мужчин, в которой мужчины, конечно, занимают вершину. Если принять женщин-курсантов, то они «сломаются и будут плакать», получают «психологическую травму» из-за суровости системы обучения³⁷.

Представители института использовали даже работы теоретиков феминизма, например, аргументы Кэрол Гиллиган, Деборы Таннен и других, которые утверждали, что женщинам больше подходят поддерживающие образовательные стратегии, основанные на внимании и заботе. (Насмешкой над эссенциалистским феминизмом выглядит то, что защитники этих оплотов рыцарской мужественности белой расы использовали их же аргументацию.)

Мужчинам «нужна атмосфера соперничества или ритуального боя, в котором преподаватель поддерживает дисциплину и одновременно является достойным соперником», а женщины, наоборот, «расцветают в атмосфере сотрудничества, в которой преподаватель устанавливает со студентами эмоциональную связь», говорили адвокаты «Цитадели»³⁸.

В этом деле обобщенные различия между женщинами и мужчинами применялись ко *всем* женщинам и мужчинам. Стереотипность мышления состоит именно в выводе, что если *большинство* членов группы имеют определенную характеристику, то, значит, *все* члены группы ею обладают. И если верно, что большинство женщин предпочитают поддерживающую образовательную среду, то это относится и к большинству мужчин. Жесткое соперничество привлекает лишь немногих мужчин и, пожалуй, еще меньше женщин.

«Цитадель» использовала несколько иной способ, чтобы сорвать попытку Шеннон Фолкнер поступить туда. В конце концов, эта женщина действительно искала именно такую образовательную среду, которую предлагала «Цитадель» (в деле Военного института не было истицы, желавшей туда поступить, во время первых судебных слушаний). «Цитадель» согласилась, что женщины могут делать все, что требуется от курсантов-мужчин, как показал опыт Вест-Пойнта и других военных вузов

268

начиная с 1976 г. Школа даже согласилась на прием нескольких женщин, которые хотели в нее поступить. Однако она утверждала, что это уничтожит мистический опыт связей, объединяющих курсантов. Один из экспертов со стороны «Цитадели», генерал Джосайя Бантинг III (в прошлом выпускник Военного института Виргинии, а ныне его начальник), сказал, что женщины станут «ядовитым вирусом», который разрушит «Цитадель». «Молодым людям идет на пользу то, что они могут сосредоточиться исключительно на поставленной задаче и не думать о поле»³⁹. Таким образом, мужчины боролись за неприкосновенность гомосоциального учреждения. Сторонники школы продавали синие (цвет «Цитадели») значки и наклейки с надписью «Спасите мужчин», как будто одна-единственная женщина представляла смертельную угрозу целому тендеру.

Фактически в «Цитадели» уже тогда было немало женщин, Они готовили пищу, занимались уборкой помещений, а некоторые даже посещали занятия. Согласно закону, все ветераны, женщины и мужчины, имели право поступать в эту школу. Было много женщин с высшим образованием. Так что угроза заключалась не в простом присутствии женщин, а в их равноправии. «Когда тендерная интеграция так или иначе поддерживает высокий статус мужчин, это не вызывает возражений, — подчеркивает социолог Синтия Эпстейн. — Мужчины благосклонно допускают женщин к себе на работу в качестве секретаря при

40

менеджере, медсестры при враче» .

После решения Апелляционного суда США, определившего, что Военный институт и «Цитадель» фактически дискриминируют женщин, эти учебные заведения предложили

финансировать параллельные программы в соседних женских колледжах. Институт выражал готовность создать в Виргинии Женский институт лидерства (VWIL) в колледже Мэри Болдуин; «Цитадель» предложила похожую программу (SCIL) для Кон вере-колледжа. Это были небольшие частные женские колледжи, которые вместо принципа «раздельное, но равное обучение» исповедовали принцип «особое, но лучшее обучение».

Один судья окружного суда, однако, купился на это. Судья Джексон Кайзер вынес решение в пользу первой программы, утверждая, что «институт марширует под звуки барабана, а Болдуин-колледж будет маршировать под звуки флейты, и в конце они встретятся в одном пункте назначения». Такая цветистая риторика заставила «Нью-Йорк тайме» выпустить на следующую

269
щий день передовицу «Судья Кайзер снова пропустил удар»⁴¹. Слушания о «Цитадели» проходили в другом окружном суде, и судью К. Уэстона Хоука (Чарлстон, Южная Каролина) было не так легко убедить; он вынес постановление, чтобы школа зачислила Шеннон Фолкнер в курсанты. Верховный суд согласился с этим решением. Относительно института в июне 1996 г. Верховный суд вынес определение, что женская программа была лишь «бледной тенью института», и постановил допустить женщин к обучению в этом военном заведении⁴². В 1998 г. среди 384 курсантов первого курса института было 23 женщины; 20 женщин учились в «Цитадели». После прохождения изнурительного «курса молодого бойца» сами курсанты удивились, что стандарты не снизились и отношение к мужчинам и женщинам осталось неизменным. «Я могу признаться, что не помогал женщинам, поступившим к нам, — прокомментировал ситуацию один курсант. — Я думал, что это будет уже другой институт, не как прежде. Я не хотел этого. Только в октябре я понял, что все осталось по-прежнему. Наш институт — это кодекс чести... братство выпускников... система [менторства]... [отношения] старшего брата. Все подчинено уважению тех, кто выпускается раньше тебя. Если кто-то вам говорит, что сам институт изменился, они не знают, что такое институт»⁴³.

Молодые женщины, курсанты «Цитадели», не просили об особом отношении, и такого отношения к ним не было. «Тебе надо понять, что пять-шесть парней рядом с тобой могут кричать, ругаться, брызгать слюной, называть тебя дурой, и это нормально, — сказала одна из поступивших. — Система здесь жесткая. Но это — просто система». Совместное обучение опровергло стереотипы о неспособности женщин соответствовать требованиям профессии. Этот опыт также опроверг стереотип о нежелании мужчины видеть рядом женщину, о его неспособности исполнять свои обязанности в присутствии женщины. 64 женщины поступили в «Цитадель» осенью 1999 г., по сравнению с предыдущим годом это составило трехпроцентное увеличение. Отмечается и рост числа желающих поступить туда мужчин

⁴⁴

О тендерном равенстве в школах

Многие школьные округа экспериментируют с организацией раздельного обучения в масштабе школы или класса, осо-

270

бенно в преподавании математики и естественных предметов девочкам. Заслуживают внимания эксперименты с отдельными школами для черных мальчиков в Детройте и Ньюарке и для черных девочек в Нью-Йорке. В Детройте, например, городские власти пытались разрешить кризис среди черной общины города. Из двадцати четырех тысяч школьников общественных школ мужского пола только 30% имели средний показатель чуть выше двух баллов; мальчиков исключали из школы в три раза чаще, чем девочек; 60% наркоманов приходилось на бросивших школу в восьмом и девятом классах. Городские власти Детройта предложили организовать мужскую академию, чтобы способствовать «самоуважению, переходу к взрослой жизни, освоению ролевого взаимодействия и повышению академической успеваемости». Хотя это были достойные цели, многие родители выступили против, так как проект не учитывал потребности девочек. Из-за вероятности судебных процессов и общественной оппозиции власти города отказались от этого плана. Подобные программы были закрыты в Филадельфии и Майами, но одна все еще действует в Балтиморе⁴⁵.

Опыт подобных новаций не слишком ободряет. Громкие заявления о «потребности» в положительных ролевых моделях и суровая критика в адрес черных мужчин, бросающих свои семьи, не учитывают экономическую неопределенность и экономическое давление, с

которыми сталкиваются черные мужчины, что приводит к их уходу из дома. Надежды на реальное будущее, вероятно, были бы более экономически обоснованными, если бы удавалось сохранить семьи и уберечь черных мальчиков от влияния улицы.

А что же девочки? В новой Женской школе лидерства в Гарлеме 160 девочек показывают несколько лучшие результаты, чем их сверстницы в школах с совместным обучением. 90% из них успевают по математике; у них лучшие по сравнению с остальным Нью-Йорком результаты по чтению. Посещаемость занятий превышает городские средние показатели на 3%. «Мы намерены дать детям старой части города возможность выбора, которую раньше имели только дети из благополучных и окружных школ», — сказала Энн Рубенштейн Тиш, одна из основательниц школы⁴⁶.

Но эта школа в настоящее время ведет судебный процесс с Американским союзом гражданских свобод и Национальной организацией женщин по обвинению в дискриминации мальчиков. Благотворность ее влияния также оспаривается эмпир-

рическим исследованием, недавно проведенным Американской ассоциацией женщин с университетским образованием, которое обнаружило: многие девочки подтверждают, что раздельное обучение больше способствует учебе, но не показывают существенно более высоких результатов в математике и естественных науках. В другом исследовании выявились некоторые значимые различия между классами совместного и раздельного обучения, но только в католических школах, не в частных, и только у девочек. В третьем исследовании отмечалось, что для выходцев из среднего класса и учащихся, имеющих иные привилегии, разница между типами школ не имеет значения и черным и испаноговорящим девочкам из семей с низким социально-экономическим статусом раздельное обучение принесло некоторые положительные результаты. «Разделение по полу — это не ответ на неравенство в школах», — отметила Мэгги Форд, президент Фонда образования Американской ассоциации женщин с университетским образованием. Подобное мнение высказывает и Кеннет Кларк, выдающийся афроамериканский педагог: «Не могу поверить, но мы фактически идем назад. Почему мы до сих пор говорим о сегрегации и клеймим черных мужчин?» — спрашивает он. Ион знает, о чем говорит. Его исследования содержат эмпирические доказательства против принципа «раздельных, но равных» школ, провозглашенного определением Верховного суда по делу «Браун против Совета по образованию г. Топика» в 1954 г.⁴⁷

Другая сфера, в которой сегодня тендерному неравенству в образовании брошен вызов, — это внеучебная деятельность, особенно занятия спортом. Раньше девочкам давали ясно понять, что их место — за пределами поля. Им дозволялось восхищаться мальчиками, чьи спортивные программы получали львиную долю финансирования. Принятые в 1972 г. поправки к Закону об образовании отменили дискриминацию по половому признаку в общественных школах. Эта поправка стала руководством к финансированию женских спортивных состязаний наравне с мужскими (за исключением американского футбола, который является чрезвычайно дорогим видом спорта некоторый женщины не играют). С тех пор участие девочек в междушкольных спортивных состязаниях увеличилось с 300 тыс. более чем до 2 млн, а участие в них студенток колледжей выросло более чем в 7 раз⁴⁸.

По всей стране правительства штатов одобряют проведение программ тендерной справедливости в начальном и среднем

образовании. Эти программы направлены на устранение барьеров и для девочек, и для мальчиков на их пути к успеху. Ведется борьба против преследований и издевательств со стороны других мальчиков, против насаждения жестких стереотипов мужского и женского поведения преподавателями и одноклассниками. Посылка о том, что мужчины и женщины настолько отличаются друг от друга, что не способны учиться на равных вместе, наносит вред и мальчикам, и девочкам. Тендерное неравенство в образовании производит тендерные различия с пагубными последствиями для обоих тендеров; оно вредит стремлениям мальчиков и девочек обрести собственный голос, воспитать свой ум и подготовить себя для будущей жизни.

Глава 8

Гендеризованное рабочее место

О сын,
жизнь — лестница, но не из хрусталя:
с занозами, гвоздями,
без ковров,
шатаются все доски...
Я прошла.

Лэнгстон Хьюз

Фрейд однажды написал, что две основные задачи всякого человеческого существа — «работать и любить». И действительно, люди постоянно работают, чтобы удовлетворять свои базовые материальные потребности в пище, одежде и крове, чтобы обеспечить своих детей и близких, чтобы участвовать в жизни общества, а также чтобы удовлетворить культурно и исторически обусловленные желания оставить какой-то след в мире и подняться по социальной лестнице. Нас не должно удивлять, что фактически в каждом обществе развивается разделение труда, своего рода распределение обязанностей, которые необходимо исполнять для выживания общества. Поскольку, как мы видели, тендер — это, с одной стороны, система классификации и идентичности, а с другой — структура отношений власти, мы не должны удивляться, что фактически каждое общество имеет гендерно маркированное разделение труда. Лишь некоторые задачи и лишь в некоторых обществах не подпадают под тендерное разделение. Необязательно задачи одного тендера более или менее значимы для жизни общества, чем задачи другого. Можно использовать самые разные критерии при определении относительной ценности их выполнения. Более высокая оценка женского труда, чем мужского, и наоборот, не является неизбежной; она является артефактом культурных отношений.

Все это едва ли кого удивит. Но современных американских читателей может удивить то, что тендерное разделение труда, которое многие называют «традиционным», разделение мира на Пер. И.Фефелова.

274

две сферы — общественную сферу работы, бизнеса, политики и культуры и частную сферу домашней, семейной жизни и воспитания детей — относительно новое явление в американском обществе. Доктрины разделения сфер не придерживались жестко почти вплоть до гражданской войны, и даже в тот период она не была принята повсеместно. Женщины всегда работали вне дома по экономическим и по личным мотивам, хотя за право работать они должны были бороться. Так называемая традиционная модель семьи, в которой Папа уходит каждое утро на работу, оставляя Маму дома с детьми в качестве домохозяйки на всю рабочую неделю, явилась изобретением 1950-х гг. и частью более широких идеологических усилий, направленных на то, чтобы облегчить возвращение американских мужчин после Второй мировой войны на работу и в семью и легитимировать возвращение женщин с рынка труда в домашнюю сферу.

Не менее удивительным для нас окажется и то, что это универсальное тендерное разделение труда практически ничего нам не говорит об относительной ценности работы, выполняемой мужчинами и женщинами. Более того, в обществах, где женский труд считается менее ценным, — т.е. в более традиционных обществах, где юридический статус женщин ниже, — они работают больше, чем мужчины; по времени — на 35% (рис. 8.1).

Изменения в тендерном составе рабочей силы

Пожалуй, самое существенное изменение в тендерных отношениях в сфере труда носит количественный характер — огромный сдвиг в тендерном составе рабочей силы. В XX в. женщины появились во всех секторах рынка труда и в беспрецедентных количествах. Воздействие их появления было огромным. Чтобы проиллюстрировать это, я на занятиях часто прошу поднять руку тех, кто собирается работать вне дома и делать карьеру. Руку поднимают все 200 женщин без исключения. Тогда я прошу не опускать руку тех, чьи матери работали или работают полную неделю вне дома в течение, по крайней мере, восьми лет без перерыва. Примерно половина студенток руку опускают. Тогда я прошу не опускать руку тех, чьи бабушки работали полную неделю вне дома в течение восьми лет без перерыва. Может, две-три руки останутся поднятыми. Не выходя из класса, можно увидеть, какие различия в

трудовой жизни женщин произошли всего за три поколения.

275

Рабочее время женщин

Горожанки развивающихся стран Кения Непал Венесуэла Индонезия Колумбия	=1						
		Г					
		1					
		1					

100

105

110 115 120 125

(рабочее время мужчин = 100%)

130

135

Сельские жительницы развивающихся стран Бангладеш Гватемала Непал Филиппины Кения		Раб	очее в ре	мя женш	ин		
				1			
						И	
							1

100

105

110 115 120 125

(рабочее время мужчин = 100%)

130

135

Рабочее время женщин

Промышленно развитые страны США Норвегия Нидерланды Франция Австрия Италия							
		П					

100

105

110 115 120 125

(рабочее время мужчин = 100%)

130

135

Рис. 8.1. Женщины работают больше часов, чем мужчины. Источник: United Nations. Human Development Report 1995. Oxford: Oxford University Press, 1995. Перепечатано с разрешения издательства.

Что будет, если я задам те же вопросы в мужской аудитории? «Сколько мужчин собираются работать полную неделю иде-

276

лать карьеру после окончания колледжа?» Сам вопрос звучит смешно. Конечно, все они думают о карьере, как и их отцы, деды и прадеды. Никто не опустит руку, пока я не дойду до дальних каких-нибудь родственников или поколения Великой депрессии 1930-х гг.

Этот эксперимент в миниатюре иллюстрирует значительное изменение в составе рабочей силы. Доля женщин и мужчин, выходящих на рынок труда, неуклонно росла все последнее столетие, а рост женской занятости существенно опережал рост мужской. Доля работающих женщин повысилась с 20,6% в 1900 г. до более чем 76% в 1995 г. Это резкое увеличение характерно для всех рас и народов в американском обществе. Даже в 1970-е гг. рост женской занятости был значительным. В следующее десятилетие 80% впервые нанятых на работу составляли женщины, представители меньшинств и иммигранты. Для замужних женщин данные еще более потрясающие.

В 1900 г. работали только 4% замужних женщин, к 1960 г. — только 18,6% замужних женщин с маленькими детьми. С 1960 г. это число утроилось, и сегодня почти 60% всех замужних женщин с детьми младше шести лет выходят на работу¹.

Женщины занимали позиции в разных сферах рынка труда, начиная от низкооплачиваемой конторской и коммерческой работы до всех ключевых профессий. В 1962 г. женщины составляли менее 1% инженеров, 6% врачей и 19% университетских преподавателей. К 1990г. — более 7% инженеров, одну пятую врачей и почти две пятых преподавателей колледжа. С 1970 по 1995 г. доля женщин с докторской степенью выросла с 25% до 44% среди белых и с 39% до 55% среди афроамериканцев.

Мы прошли долгий путь от середины XIX столетия, когда молодая Мэри Тейлор писала своей подруге Шарлоте Бронте, что «для женщины, чтобы жить в Англии, нет других средств, кроме как преподавать, шить или стирать. Прачка — самая оплачиваемая работа, наименее нездоровая и наиболее свободная»². Эти изменения распространились на все наше общество, в том числе и на отношение семьи к работе. Навсегда исчез мужчина-кормилец, который в одиночку обеспечивал семью. То, что было нормой вначале XX столетия, теперь характерно менее чем для 10% всех семей. Забудьте про Кливеров, Андерсенов и Нельсонов. Забудьте про Крамденов и Нортонов. Забудьте даже про Люси, у которой все варианты устройства на работу, от пекарни до ночного клуба, кончились ничем. Сегодня нормой является семья, в которой зарабатывают оба. Но мы до нее

277

не достигаем. В отчете о национальном рынке труда, опубликованном во времена администрации Рейгана, говорится, что «текущая политика рассчитана на общество, в котором мужчина работает, а женщина сидит дома»³.

Постоянство тендерных идеологий

Подобные публикации признают, что при всех изменениях в семье и на работе наши идеи в этом вопросе намного отстали. Многие американцы все еще верят в «традиционную» модель семьи, состоящей из мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки, даже если их собственная жизнь ей не соответствует. (Точно также мы верим в индивидуального владельца маленького магазина, в бакалейную лавку папы имама на Главной улице, как в «краеугольный камень» американского бизнеса, но покупки делаем почти исключительно в крупных торговых центрах.) Наша приверженность тендерным идеологиям, уже не соответствующим реальности, имеет серьезные последствия для женщин и мужчин, на работе и дома.

С начала XIX столетия рынок труда рассматривался как чисто мужская сфера, организованная по принципу «волк пожирает волка», где мужчины могут себя проявить и доказать свою мужественность в конкуренции с другими мужчинами на рынке труда. Работа позволяла мужчинам подтвердить свою мужественность в качестве кормильцев семьи. Рабочее место было ареной «гомосоциального воспроизводства», где мужчины создавали из себя мужчин. По этому поводу психиатр Уиллард Гэйлин пишет: «Для мужской гордости нет ничего важнее самоуважения, статуса и мужественности. Ничего важнее. Половое бессилие, подобно внезапной потере способности ходить или физической силы, может разрушить уверенность

мужчины в себе. Но... гордость основывается на работе, достижениях и успешной карьере. Однако сегодня отношение к работе у мужчин часто смешанное и противоречивое»⁴. Гэйлин схватывает центральное противоречие в отношении мужчин к работе: с одной стороны, именно здесь мужчины доказывают мужественность и подтверждают свою идентичность, а с другой стороны, выполнение функций кормильца семьи не обязательно делает мужчин счастливыми. «Я не встречал ни одного мужчину — ни среди пациентов, ни среди друзей, — пишет Гэйлин, — кто в глубине души считал бы себя успешным человеком»⁵.

278

Идеал XIX столетия — «сделавший сам себя» мужчина — и вера в неограниченность продвижения по социальной лестнице тех, кто упорно работает, обрекли мужчин на тяжкий труд, жертвенность и ответственность. Если мужчина мог возвыситься так, как мечтал, то он также мог и все потерять. В 1974 г. опрос службы Янкеловича показал, что около 80% американских мужчин ощущали себя несчастными на работе. В другом исследовании 74% мужчин утверждали, что выбрали бы более спокойную карьеру, чтобы проводить больше времени со своей семьей,

Так почему мужчины так несчастны в той сфере, чей гомосоциальный характер они изо всех сил пытаются сохранить? Отчасти это связано с тем, что происходит на работе. В обстановке корпорации или завода мужчины крайне редко, если вообще когда-либо, испытывают потребность обсуждать свою личную жизнь, свои чувства и потребности. Работа превращается в механическую рутину, которой надо соответствовать, а не выделяться. Здесь мужчина приносит себя в жертву на алтарь ответственности перед семьей. Пожалуй, наиболее ярко эта дилемма выражена в грустной пьесе Артура Миллера «Смерть коммивояжера», в которой сыновья Вилли Ломена подводят промежуточные итоги своей жизни. Старший сын Биф говорит: «После школы я шесть или семь лет пытался выбиться в люди... Транспортный агент, коммивояжер, приказчик... Собачья жизнь. Лезешь душным утром в подземку... Тратишь лучшие годы на то, чтобы с товаром все было в порядке, висишь на телефоне, продаешь, покупаешь... Мучаешься пятьдесят дней в году, чтобы получить несчастные две недели отпуска. А что тебе нужно? Скинуть с себя все и выйти на вольный воздух. Но ты постоянно ловчишь, как бы обойти, обскакать другого... Дл? чего? Чего ты добьешься?» Его брат Хэппи отвечает: «Мне осталось ждать только его смерти. Начальника торгового отдела. Ну, предположим, меня поставят на его место. А что с того? Он мой приятель, только что отгрохал себе шикарную виллу на Лонг-Айленде. Пожил два месяца, продал, сейчас строит другую. Стоит ему что-нибудь довести до конца, сделать, оно ему перестает доставлять удовольствие. И со мной, знаю, будет тоже самое. Убей меня бог, если я понимаю, для чего я работаю?»*⁶

I

* Цит. по: Миллер А. Пьесы. М.: Гудьял-пресс, 1999. С. 139—141. — Прим. ред.

279

Многие мужчины говорят, что они потеряли из виду цель, ради которой работают. Они чувствуют, что от них ждут жесткости, агрессивности, соревновательности; их обязывают быть «хозяевами», «боссами», «самостоятельными мужиками». Мы измеряем мужественность размером дохода. На вопрос, почему он так много работает, один мужчина ответил репортеру: «Не знаю... Я действительно боюсь стать неудачником. Я всегда хотел быть выше всех, во всем, что бы я ни делал. В зависимости от конкретной ситуации я люблю быть на виду: председателем комитета, президентом ассоциации или кем-то еще»⁷. Большинство мужчин, конечно, не занимают высших позиций в иерархии и вряд ли туда доберутся. Воспитанные на убеждении, что пределов не существует, они постоянно сталкиваются с ними, и им некого обвинить в этом, кроме самих себя. Мужчины «теряют пол» в ситуации неудачи, на них перестают смотреть как на настоящих мужчин. Женщины, наоборот, «теряют пол» в случае успеха. Быть компетентным, агрессивным и честолюбивым на рабочем месте значит подтверждать определенный тендер, который сообразуется с мужским тендером. А успешные женщины гендерно несообразны и тем самым разрушают свою женскую идентичность.

Там, где работают только мужчины, женщины выполняют то, что социолог Арли Хохшильд называет «эмоциональной работой», смысл которой состоит в том, чтобы «смазывать» механизм мужских взаимоотношений, и тогда он будет хорошо функционировать. Например, женщины работают бортпроводницами, офис-менеджерами, официантками, капитанами болельщиков и сглаживают взаимоотношения между мужчинами, придавая им гетеросексуальный характер⁸.

Если у женщины не было «настоящей» роли в профессиональном мире, то что она там делала? Традиционная идея состояла в том, что женщины работали или потому, что должны были работать — ибо именно они составляли рабочий класс и должны были кормить собственных детей и самих себя, — или потому, что хотели иметь больше карманных денег (речь идет о потребителях из среднего класса, которым нужно больше денег на покупку мелочей). Это часто примиряло работающих женщин с их работой. «Если бы мир был идеальным, — говорили они, — мы бы остались дома с детьми; в конце концов именно там нам и следует быть». Но такая позиция противоречит реальному опыту женщин. Женщины работают, писала политический обозреватель Ката Поллит, «потому что нам

280

1

нравится наша работа, наша зарплата, более интересное и надежное будущее, чем то, которое было бы у нас с устаревшими навыками, меньшим стажем и меньшим опытом»⁹.

Сочетание неизменных традиционных тендерных идеологий с изменениями в экономической и социальной действительности делает сегодня работу особенно спорной ареной для решения тендерных проблем. С одной стороны, женщины сталкиваются с постоянной тендерной дискриминацией: им платят меньше, их реже повышают, им реже дают особые задания, несмотря на их квалификацию и желание; и им постоянно дают почувствовать, что их здесь не ждали, как будто они вторглись в мужскую сферу. С другой стороны, мужчины говорят, что их возмущают изменения в политике на рабочих местах, потому что они боятся сделать женщине малейшее нарекание, чтобы не попасть под суд за сексуальное домогательство. Структурным фоном этих сложностей во взаимоотношениях служит сильнейшее тендерное неравенство на работе в индустриально развитых странах. Тендерное неравенство в Америке противоречит американским идеям свободы и равенства возможностей. Однако это никого особенно не удивляет, поскольку в Америке к тому же едва ли не самый высокий уровень неравенства доходов. Согласно исследованию Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, разрыв между наиболее высокооплачиваемыми 10% населения и самыми низкооплачиваемыми 10% работающих американцев является наибольшим среди промышленно развитых стран. Во время экономического бума 1980-х гг. 1% самых богатых людей в США получили приблизительно 60% всех доходов за десятилетие. Еще 19% получили следующие 25%, так что 85% всех доходов за десятилетие достались одной пятой населения. У 20% самых бедных американцев доходы снизились на 9%, у следующих 20% — на 1%. Вот такая нисходящая экономика!

У 80% американцев, составляющих низ пирамиды, доходы достигали максимума в 1973 г., т.е. их доходы с тех пор или не изменились, или снизились. По данным Бюджетного отдела Конгресса США, средний доход на семью не изменился: в 1973 г. он составлял 35 474 доллара, в 1990 г. — 35 353 доллара.

Вспомним также, что это — средний доход семьи, а главное изменение на рынке труда за этот период — увеличение числа женщин. Все это означает, что реальные доходы мужчин снизились за последнюю четверть столетия. У мужчин, которым в 1949 г. было 30 лет, доход к сорока годам повышался

281

на 63%. В 1973 г. у того же 30-летнего мужчины через 10 лет доход снижался на 1%. Эти экономические показатели особенно важны, чтобы понять общий контекст тендерного неравенства, поскольку из них следует, что за прошедшие двадцать лет большинство работающих мужчин чувствуют все более сильное давление: чтобы свести концы с концами, они работают интенсивнее и дольше, а их доходы неуклонно падают. Возросшее давление в

условиях экономической нестабильности, вызванной сокращением производства, массовыми увольнениями и изменениями рыночной конъюнктуры, заставляет американских мужчин защищать неоспоримую прежде позицию кормильца семьи.

Постоянство тендерной дискриминации на рабочем месте

Многие годы главным препятствием в поиске работы для женщин была дискриминация по половому признаку. Дискриминация имеет место при неравноценном отношении к людям из-за их личных характеристик, не связанных с работой. Дискриминация имеет место, когда мы по-разному обращаемся с подобными друг другу людьми или одинаково с различающимися. Например, женщины и афроамериканцы рассматриваются законом как «подобные» мужчинам и белым в отношении занятости, жилья или образования. Поэтому лишение доступа к получению жилья, образования или работы по расовой или тендерной принадлежности было бы одной из форм дискриминации. С другой стороны, люди с определенными физическими недостатками юридически рассматриваются как иные, и поэтому им предоставляется защита от дискриминации. Обращение с ними, как с людьми, не имеющими телесных недостатков, например, необорудование общественных мест для передвижения на инвалидных колясках, также является формой дискриминации.

Чтобы оправдать тендерную дискриминацию на рабочем месте, предприниматели с давних пор ссылаются на разные особенности женщин, требующие якобы их исключения из рынка труда. Например, женщины на самом деле не хотят работать, деньги им не нужны, у них иные способности и интересы. Говорили, что женщины не в состоянии справиться с работой, а если и в состоянии, то у них для этого нет либо желания, либо необходимости. Во всех этих аргументах постулируются принципиальные различия между женщинами и мужчинами,
282

а также то, что эти различия являются источником различия жизненного опыта женщин и мужчин. Подобные аргументы лежали в основе оправдания дискриминации по расовому признаку в сфере занятости и образованию, по крайней мере, до 1954 г., когда Верховный суд при рассмотрении дела «Браун против Совета по образованию г. Топика» не нашел существенных различий между черными и белыми, которые могли бы стать препятствием для равного доступа к занятости или образованию. Сегодня суды подвергают дела, связанные с расовой дискриминацией, так называемому «тщательному расследованию». Это означает, что дискриминация по расовому признаку в любом случае сомнительна с юридической точки зрения и что нет никаких юридических оснований для расовой дискриминации.

Дискриминация заключается в том, что к людям, подобным друг другу, — черным и белым — относятся как к отличающимся друг от друга.

Этого нельзя сказать о ситуации с тендером. В отношении дел о тендерной дискриминации Верховный суд проводит только «предварительное расследование». Дискриминация на основе ген дера допустима, нотолько в исключительных обстоятельствах. Основанием для дискриминации не могут служить стереотипные представления о различиях между женщинами и мужчинами; дискриминация должна базироваться только на профессиональных требованиях, предъявляемых к работнику, независимо от того, женщина он или мужчина. Для рабочих мест в федеральном правительстве дискриминация также должна иметь «серьезное оправдание интересами государства», т.е. должна служить определенным целям правительства.

Возьмем, к примеру, случай с девятилетней девочкой, которая претендовала бы на место спасателя н& пляже. Отказ ей в найме не будет тендерной или возрастной дискриминацией, поскольку девятилетний мальчик тоже получил бы отказ, ибо возраст — функционально релевантная категория для такой работы. Но крайне трудно продемонстрировать в суде, что требования к претенденту на определенное рабочее место таковы, что только женщина или только мужчина может им соответствовать.

Один такой случай произошел с женщиной, подавшей заявление в авиакомпанию TWA. Во время интервью ее спрашивали о семейном положении, планах относительно беременности, сколько у нее детей, рождены ли они в браке и кто занимается их воспитанием. Фактически больше ее в первом интервью *ни о чем* не спрашивали. На работу ее не взяли.

283

Суд пришел к выводу, что отношение к ней было основано на тендере и, следовательно,

представляет собой дискриминацию. Трудно вообразить, чтобы такие вопросы задавали мужчине.

Большинство дел о дискриминации женщин на рынке труда связаны с исками по поводу приема на работу, которую всегда выполняли только мужчины. Недавний случай выявил другую сторону медали. Сеть ресторанов «Хутер» получила иск от нескольких мужчин, которые искали работу официанта в штатах Иллинойс и Мэриленд. Обычно в эти рестораны нанимали только «пышных» женщин для работы «легко одетыми». Мужчины и их адвокаты утверждали, что такая политика нарушает равные права приема на работу. «Хутер» возражала, что рестораны предоставляют «опосредованный сексуальный отдых» и что «сексуальность является bona fide этой должности», подобной другим чисто женским занятиям, например, работе моделей, позирующих для «Плейбоя». В услуги, предоставляемые официантками, входит их «сексуальная привлекательность», пояснил один комментатор. Представитель компании Майк Макнил утверждал, что «Хутер» продает не еду, а сексуальную привлекательность, а «чтобы иметь женскую сексуальную привлекательность, нужно быть женщиной». В конечном счете дело было улажено в суде: «Хутер» выплатила 3,75 млн долларов мужчинам и их адвокатам, а нескольких мужчин наняла в штат барменами, но не официантами¹⁰.

Сегрегация по половому признаку

Прямую тендерную дискриминацию чрезвычайно трудно оправдать. Но существуют гораздо более тонкие механизмы для сохранения тендерного неравенства. Пожалуй, наиболее распространенным механизмом является сегрегация по половому признаку. Эта сегрегация, пишет социолог Барбара Рескин, проявляется «в концентрации мужчин и женщин в различных профессиях, отраслях, на разных должностях и уровнях в иерархии рабочих мест». Таким образом, сегрегация по половому признаку становится «половым разделением наемного труда, в соответствии с которым женщины и мужчины выполняют различные задачи или те же самые задачи, но под разными названиями, в разное время и в разных местах». Те или иные специальности считаются подходящими для одного и неподходящими для другого тендера, тем самым женщин и мужчин

284

манят, толкают, а порой и ставят в приказном порядке на определенные должности¹¹.

Сегрегация по половому признаку на рынке труда действительно является настолько устойчивой, что воспринимается как естественный порядок вещей, простое выражение женских и мужских естественных наклонностей. Сегодня менее чем у 10% американцев есть напарник или коллега другого пола, выполняющий или выполняющая ту же самую работу у того же самого предпринимателя, на том же самом рабочем месте, с той же самой карьерой. Почти все мужчины и женщины уходят каждое утро на работу, но идут на разные рабочие места. В целом, для равного распределения по профессиям и специальностям почти 62% работающих женщин и мужчин должны были бы поменять свои рабочие места¹².

Сегрегация начинается сразу и продолжается в течение всей трудовой жизни. Я постоянно спрашиваю своих студентов, сколько из них прежде работали в качестве приходящих нянь. Как правило, по крайней мере две трети женщин работали в этом качестве, и иногда один или два мужчины говорят, что выполняли такую работу. Сколько они зарабатывали? В среднем приблизительно 4—5 долларов в час и 20 долларов в течение дня или вечера. Когда я спрашиваю, кто из них зарабатывал дополнительные деньги, кося лужайки или сгребая снег, тендерная картинка получается совершенно иной. Оказывается, что большинство мужчин и лишь одна-две женщины зарабатывали таким образом приблизительно 20—25 долларов в расчете на один дом или приблизительно 100 долларов в день. Верно, что сгребание снега или кошение лужаек требует гораздо больше физической силы, чем уход за ребенком, но для работы няней нужны определенные социальные, интеллектуальные навыки, а также навыки в уходе, кормлении и способность среагировать в критической ситуации с ребенком. В большинстве обществ, включая американское, эта работа не приравнивается к простому физическому труду, за который платят больше (подумайте о различии между управляющими корпораций и профессиональными косильщицами газонов). Фактически, когда взрослые люди профессионально присматривают за ребенком или косят траву, их доходы примерно одинаковы. То, что определяет различия в оплате труда взрослых, окончивших школу людей,

имеет гораздо меньшее отношение к характеру выполняемой работы и гораздо большее — к тендеру ее исполнителя. Если нам кажется, что разница получается по другой причине, то нужно помнить,

285

что за профессиональной сегрегацией по половому признаку скрывается тендерная дискриминация.

Сегрегация по половому признаку оказывает глубокое влияние на дифференциацию доходов — как в случае ухода за ребенком и сгребания снега — всю оставшуюся жизнь. Профессиональная сегрегация по половому признаку — единственная серьезная причина разрыва в зарплате между мужчинами и женщинами. В 1995г. женщины составляли 46% всех работающих по гражданским специальностям (более 57 млн чел.), но только 13,4% зубных врачей, 8,4% инженеров, 26,2% адвокатов и судей, 12,9% полицейских и детективов, 8,9% квалифицированных рабочих и 24,4% врачей. С другой стороны, они составляли 98,5% секретарей, 93,1% медсестер, 96,8% работников сферы дошкольного воспитания, 88,4% телефонисток, 74,7% преподавателей (исключая колледж и университет) и 82,9% операторов ПК. Почти половина работающих женщин сегодня заняты в специальностях, где доля женщин превышает 75%¹³.

Объяснения сегрегации по половому признаку часто ссылаются на качества ищущих работу мужчин и женщин. Из-за различной тендерной социализации женщины и мужчины склонны к поиску разных видов рабочих мест по разным причинам. Однако социализация всего не объясняет. «Социализация не может объяснить, почему возникла сегрегация по половому признаку на рынке труда, почему каждый пол связан с определенными типами профессий и почему тендерное измерение профессий со временем изменяется определенным образом». Напротив, следует видеть в сегрегации по половому признаку результат взаимодействия нескольких факторов: «различий в социализации мальчиков и девочек, 'практики раздельного обучения, связанного с полом социального контроля при найме на работу и непосредственно на рабочем месте»¹⁴.

Если бы сегрегация по половому признаку была просто продуктом различий в социализации между женщинами и мужчинами, то тендерная профессиональная структура была бы примерно одинаковой в разных странах. Но это не так. Возьмем, например, зубных врачей. В Соединенных Штатах среди стоматологов подавляющее большинство составляют мужчины, а в Европе — женщины. В России около половины врачей — женщины. Если мы полагаем, что женщины и мужчины в Европе и России мало чем отличаются от североамериканцев, то следовало бы ожидать сходного тендерного состава дантистов и врачей.

286

Это ведет к другому последствию тендерной сегрегации — к разнице в оплате труда. В профессиях, в которых численно преобладают мужчины, более высокий средний уровень оплаты труда, и, наоборот, в профессиях, где преобладают женщины, уровень оплаты труда ниже. При всем соблазне искать объяснение в характере профессии, на самом деле ее тендерный состав оказывается самым верным индикатором сегрегации. В Соединенных Штатах стоматология находится почти у вершины пирамиды доходов. В Европе доход зубного врача относится к заработкам среднего уровня. Это различие не имеет никакого отношения к практике стоматологов, которая, как нам понятно, сопоставима в обоих случаях. Различие в оплате труда целиком является результатом тендера того, кто его выполняет. Ни в одном занятии нет ничего такого, что делало бы его «более подходящим» для женщин или для мужчин.

Мы можем увидеть это в таблице 8.1. В одних странах доля женского труда в определенных занятиях достаточно высока, в других странах — незначительна. В Турции, например, женщины составляют более половины сельскохозяйственных рабочих, но менее 10% служащих. В Соединенных Штатах четыре из пяти конторских работников — женщины, а в Марокко это соотношение меньше, чем 1 к 20. В Объединенных Арабских Эмиратах женщин практически нет в сельском хозяйстве, промышленности и транспорте, но эта страна имеет самую высокую долю женщин в занятиях высокой квалификации.

Воздействие тендерной сегрегации на заработную плату легче всего проследить в тот момент, когда в какой-то профессии начинает изменяться тендерный состав. Например, конторскую

работу когда-то считали высококвалифицированным, чисто мужским занятием, которое довольно хорошо оплачивалось. (Вспоминается исключение из этого правила — невиннейший и добродетельный Боб Кретчит из «Рождественских повестей» Ч.Диккенса.) В начале XX в. в Великобритании и Соединенных Штатах тендерный состав этой профессии стал меняться, и к середине столетия большинство служащих составляли женщины. В результате конторскую работу стали считать более простой и менее ценной для организации; таким образом, заработная плата работающих в этой сфере упала. Как отмечает социолог Сэмюэл Кон, изменение в оплате труда явилось результатом, а не причиной изменившегося тендерного состава рабочей силы

287

15

Таблица 8.1 Доля женщин в основных профессиях в 42 странах на 1980 г., %

Профессиональные группы	Доля работающих женщин		Доля женщин, работающих по этой специальности, в совокупной женской рабочей силе	
	Самая низкая	Самая высокая	Самая низкая	Самая высокая
Специалисты с высшим образованием	11 Бангладеш	65 Филиппины	0,84 Турция	4,05 ОАЭ
Управление	1 ОАЭ	45 Канада	0,10 Юж. Корея	1,12 Гватемала
Конторские работники	4 Марокко	80 США	0,20 Марокко	2,84 Гватемала
Торговля	1 ОАЭ	69 Филиппины	0,12 Турция	2,28 Гватемала
Сфера услуг	7 Турция	77 Норвегия	0,20 Турция	6,18 Бангладеш
Сельское хозяйство	1 Бангладеш	54 Турция	0,01 ОАЭ	2,18 Ирак
Промышленность и транспорт	5 Люксембург	39 Таиланд	0,2 ОАЭ	1,90 Бангладеш

Источник: International Labor Organization, 1986.

Примечание: В анализ были включены следующие страны: Австралия, Австрия, Бангладеш, Барбадос, Ботсвана, Венесуэла, Гватемала, Греция, Дания, Доминиканская Республика, Египет, Израиль, Индонезия, Ирак, Ирландия, Испания, Канада, Коста-Рика, Люксембург, Малайзия, Марокко, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Объединенные Арабские Эмираты, Панама, Парагвай, Сан-Марино, Сан-Томе, Сингапур, США, Таиланд, Турция, Филиппины, ФРГ, Чили, Швеция, Шри Ланка, Эквадор, Югославия, Южная Корея, Япония,

Совершенно противоположный процесс происходил в компьютерном программировании. В 1940-е гг. женщин нанимали в качестве операторов, предшественников профессии компьютерного программиста, потому что работа, казалось, напоминала конторскую. Для программирования компьютера фактически «требовались сложные навыки абстрактного мышления, знание математики, основ электротехники и устройства машин, и со всем этим, — по наблюдениям социолога

288

Кэтрин Донато, — женщины прекрасно справлялись» без особых проблем. Но как только программирование стали считать «интеллектуальной» профессией, внес пошли мужчины, из-за чего существенно выросла оплата труда¹⁶.

Пол работника играет важнейшую роль при определении размера оплаты труда. Женщинам и мужчинам платят не за ту же самую работу, но за разную, и их оценивают по различным стандартам. Уильям Билби и Джеймс Барон пишут, что «труд мужчин вознаграждается в соответствии с их положением в иерархии мужских занятий, а труд женщин — в соответствии с их положением в иерархии женских занятий. Легитимность этой системы легче поддерживать в условиях сегрегации рабочих мест». Короче говоря, «за женскую работу

платят меньше по крайней мере отчасти потому, что ее выполняют женщины»¹⁷. Юридическое вмешательство против дискриминации по половому признаку дает неоднозначные результаты. В 1971 г. Апелляционный суд пятого округа Соединенных Штатов по делу «Диас против „Пан Америкэн Уорлд Эйруэйз"» вынес определение, что нельзя отказывать мужчинам в приеме на работу стюардом только на том основании, что пассажиры якобы ожидают видеть в этой должности женщин. Как мы говорили в предыдущей главе, в 1996 г. Верховный суд постановил, что женщинам нельзя отказывать в образовании, которое доступно мужчинам в Военном институте, несмотря на доводы, что женщины не захотят получать такое образование и не смогут успешно выдержать тяготы военной подготовки.

Среди дел о половой сегрегации, пожалуй, наиболее широко цитируется дело «Комиссия по равным правам найма против „Сирз"». Комиссия обнаружила, что эта сеть магазинов-складов розничной торговли взяла за правило нанимать женщин и мужчин на разные должности со значительной разницей в оплате труда. Женщин назначали в отделы розничной торговли, главным образом в отделы одежды, ювелирных изделий и товаров для дома, где очень небольшие комиссионные и продавцы практически сидят на одной зарплате. Мужчины же, как правило, оказывались в отделах по продаже новейшей электротехники, например холодильников и телевизоров, где выплачивался высокий процент с продаж. Компания доказывала, что такое разделение было результатом индивидуального выбора самих мужчин и женщин. Различные способы тендерной социализации, утверждала компания, ведут женщин и мужчин к разным карьерным выборам. Женщин меньше интересуют рабочие места с более высоким

10 г.
289

уровнем требований, сильной конкуренцией и продолжительной занятостью. Их якобы больше интересует работа, допускающая более гибкий рабочий график, тогда как мужчин — высокооплачиваемые рабочие места с повышенным уровнем ответственности. Женщины, утверждала компания, больше ориентированы на межличностные отношения и меньше — на соревновательность.

Комиссия же, напротив, настаивала на том, что пусть ненамеренно, но кадровая политика компании привела к тендерной дискриминации. Это дело не сталкивало интересы мужчин с интересами женщин, а скорее касалось только тех женщин, чья мотивация к наемному труду совпадала с мотивацией мужчин. Историк Алиса Кесслер-Харрис, выступавшая экспертом со стороны комиссии, говорила, что наличие усредненных различий между женщинами и мужчинами в мотивации труда не означает, что каждый отдельно взятый мужчина и каждая отдельно взятая женщина будут идентичны остальным мужчинам и женщинам, поскольку некоторые члены одной категории будут стремиться к возможностям, предоставленным членам другой категории. Дискриминация отдельных индивидов на основе средних межгрупповых различий игнорирует внутри-групповые различия, которые часто оказываются даже больше, чем межгрупповые.

Такое поведение, конечно, основывается на стереотипах и должно быть запрещено законом. Стереотипы предполагают, что все члены группы обладают одинаковыми характеристиками, тогда как ими обладают лишь некоторые члены группы, может быть, иногда даже большая часть группы. Стереотипы ошибочны, поскольку в их логике верное по отношению к некоторым представителям рода объектов утверждение распространяется на весь род. Примером этой классической ошибки вывода может быть положение: «Все члены мафии — итальянцы, но не все итальянцы — члены мафии», или «Все люди — животные, но не все животные — люди».

По делу «Сирз» Верховный суд США вынес оправдательный приговор, поскольку, как было сказано, ни одна женщина не заявляла, что хочет работать за большие комиссионные, и ни одной женщине не отказали от места из-за стереотипов. (В судебных делах такого рода, по-видимому, часто бывает необходим кто-то, реально пострадавший, ибо суд легче убедить, предъявив ему ущерб, нанесенный конкретному человеку, а не общую статистику.) Но суд нашел, что тендерные различия действительно играли свою роль, что, поскольку тендерные различия реальны

и фундаментальны, только они могли объяснить статистические различия при найме в компанию и, по-видимому, этим же

is

объяснялись различия в оплате труда .

Дискриминация в доходах — разрыв в заработной плате

Другое важное последствие тендерной сегрегации и живучести архаичных тендерных идеологий — дискриминация в доходах. В совокупности и индивидуально, взятые в среднем и по профессиям, доходы женщин меньше, чем доходы мужчин. Это различие в доходах начинается еще до того, как мы начинаем работать. В статье, опубликованной «Уолл-стрит джорнэл» в 1995 г., говорилось, что девочки — ученицы начальной школы получают меньше карманных денег и выполняют больше работы по дому, чем мальчики¹⁹.

Неравенство доходов часто остается невидимым именно благодаря сегрегации по половому признаку. Нам кажется, что люди получают по-разному просто потому, что делают разную работу, а фактически по-разному платят представителям разных тендеров, которые выполняют примерно одинаковую работу, обладая примерно одинаковыми профессиональными навыками. Пока мы думаем, что размер оплаты является функцией характера труда, а не тендера работника, мы не замечаем неравенства в доходах. В 1995 г. средний годовой доход мужчины, занятого полный рабочий день, был 31 496 долларов. Для женщин эта цифра составляла 22 497 долларов, или около 71% годового дохода мужчины.

Чтобы оттенить степень неравенства, президент Клинтон объявил 11 апреля 1996 г.

Национальным днем осознания несправедливости в оплате труда. Почему он выбрал 11 апреля? Потому, объясняет социолог Ронни Стейн-берг, что «средняя женщина, занятая полную рабочую неделю, должна была бы работать весь 1995 г., а затем еще до 11 апреля 1996 г., чтобы получить столько, сколько средний мужчина получил за 1995 г.»²⁰

Национальный комитет по равенству оплаты труда подсчитал, что за один 1996 г. работающие женщины недополучили почти 100 млн долларов из-за неравенства в оплате труда. За свою трудовую жизнь женщина в среднем недополучает примерно 420 тыс. долларов. Тендерный разрыв в доходах накладывается на расу и образовательный уровень работника. Черные и испаноговорящие мужчины зарабатывают меньше, чем белые мужчины, при этом черные мужчины зарабатывают чуть

10*

291

больше, чем белые женщины. Черные и испаноговорящие женщины зарабатывают значительно меньше, чем белые мужчины и женщины, а черные женщины — чуть больше, чем испаноговорящие мужчины.

Но, пожалуй, самым удивительным является постоянство, с каким эта разница сохраняется. В библейские времена женщину как работницу оценивали в тридцать серебряников, а мужчину — в пятьдесят (разница 60%). В Соединенных Штатах эта разница оставалась стабильной в течение последних 150 лет! Со времен гражданской войны женская заработная плата колебалась между половиной и двумя третями мужской заработной платы. Во второй половине XX в. годовые доходы женщин колебались в пределах от 56,6% до 72% от доходов мужчин. Хотя разница в заработной плате несколько уменьшилась в 1980-е — начале 1990-х годов, и уровень зарплаты женщин в 1993 г. достиг наивысшего показателя в 77%, кажется, эта тенденция была краткосрочной. В конце 1997 г. годовой доход женщин упал ниже 75%.

На самом деле причиной сокращения разницы в зарплате было не повышение доходов женщин, а падение доходов мужчин²¹.

Разница в зарплате зависит от уровня образования. Женщины с университетским образованием зарабатывают на 29% меньше, чем мужчины с университетским образованием, и почти столько же, сколько мужчины без университетского образования. С возрастом разница растёт. Причина проста: женщины и мужчины, начиная трудовую карьеру, получают сопоставимую оплату труда; в возрасте 15—24 лет женщины зарабатывают 93% от зарплаты своих коллег-мужчин. Но с увеличением стажа тендерная дискриминация в продвижении по службе и прибавках к оплате усиливает разницу в доходах: женщина в возрасте 55—59 лет получает только 62% от зарплаты мужчины.

Помимо возраста, на увеличение разницы в заработной плате влияет различный опыт женщин

и мужчин на рынке труда. Мужчина все время остается на рынке труда, в то время как у женщины время уходит на рождение ребенка и декретный отпуск. Это пагубно влияет на заработную плату женщин и увеличивает разницу в зарплате на протяжении всей рабочей жизни женщины. Фактически женщины при возвращении на рынок труда имеют реальную заработную плату ниже той, которая у них была до ухода в отпуск²².

В любой профессии низшие по размеру оплаты труда уровни заполнены в основном женщинами. Социолог Джудит Лорбер описала причину, по которой женщины-врачи зарабатывают меньше, чем их коллеги-мужчины; «Изыян кроется не в душах

292

женщин и не в женских ролях, а в системе профессионального патронирования и субсидирования, которая выводит их за пределы престижных специализаций, и в братствах, сложившихся внутри американских медицинских учреждений, которые не дают женщинам рекомендаций в лучшие интернатуры и на хорошие должности в больницах и не посылают к ним пациентов»²³.

Как женщины справляются с этим неравенством в доходах? В 1860-е гг. одна женщина нашла оригинальное решение:

«Я была почти нищей. У меня не было денег, а зарплаты женщины недостаточно, чтобы себя содержать. Я посмотрела вокруг и увидела, что мужчины получают больше денег, больше работы и больше денег за ту же работу, которую выполняет женщина. Я решила стать мужчиной. Это было просто. Я всего лишь надела мужскую одежду и попросилась на мужскую работу. Некоторое время я прилично зарабатывала»²⁴.

История замечательная, но она не всем годится для практического применения! Поэтому женщины боролись за равенство в оплате через свои профсоюзы и профессиональные объединения везде, где они работали. В 1963 г. Конгресс принял соответствующий закон и учредил Комиссию по соблюдению равноправия в трудовых отношениях, чтобы отслеживать расовую и тендерную дискриминацию. Комиссия завела тысячи дел; например, в 1986 г. она уличила крупную сталелитейную корпорацию в том, что женщинам в ней платили примерно на 200 долларов в месяц меньше, чем мужчинам, делающим ту же самую конторскую работу. (В итоге компания выплатила каждой из 104 женщин-истец по 3000 долларов.) В 1992 г. широкую огласку получило дело о женщине, работавшей помощником редактора в «Нью-Йорк тайме»; разница в зарплате по сравнению с зарплатой ее коллеги-мужчины, выполнявшего ту же самую работу, колебалась в пределах от 6 675 до 12511 долларов в месяц. Кроме того, она получала на 2 435 долларов меньше, чем редактор-мужчина, которого она заменяла, и на 7 126 долларов меньше, чем мужчина, который заменил ее, когда она ушла с работы.

Таким образом, для достижения равенства на рабочем месте женщинам приходится преодолевать двойное давление. Во-первых, традиционные гендерные идеологии не дают им получать хорошо оплачиваемые места; их выталкивают в другие, ниже оплачиваемые сектора экономики. Во-вторых, женщина, добившаяся высокооплачиваемой должности, сталкивается с препятствиями в дальнейшем профессиональном продвижении. Такую ситуацию называют «стеклянным потолком».

293

«Стеклянный потолок»

Одним из следствий тендерной сегрегации является дискриминация женщин в карьерном продвижении. Женщинам приходится преодолевать два барьера-близнеца: «стеклянный потолок» и «липкий пол», которые удерживают женщин в основании профессиональной пирамиды и препятствуют карьерным достижениям. «Липкий пол» держит женщин на низкооплачиваемых должностях и оставляет мало возможности для карьерного роста. «Стеклянный потолок» состоит из «искусственных барьеров, основанных на отношениях или сложившихся в организации предубеждениях, которые препятствуют продвижению квалифицированных работников на руководящие должности»²⁵.

Недавний судебный процесс дает примеры обоих явлений и наглядно демонстрирует, как традиционные тендерные стереотипы продолжают работать против женщин. Восемь женщин подали иск против сети бакалейных магазинов «Пабликс», имеющей более 150 000 складов-магазинов в южных штатах США. Одна женщина утверждала, что долго работала в долж-

ности кассира и что ей было отказано в просьбе о переводе (или повышении) на место продавца-контролера в торговом зале, поскольку, как ей сказал контролер-мужчина, женщины неспособны освоить навыки контролеров. Другой женщине было отказано в продвижении под предлогом, что она не является главой семьи, несмотря на тот факт, что она одна воспитывала троих детей! В феврале 1997 г. фирма «Пабликс» согласилась выплатить 81,5 млн долларов, чтобы уладить дело.

«Стеклянный потолок» препятствует продвижению женщин наравне с мужчинами. Женщины занимают лишь 1% мест в правлениях корпораций. 95—97% старших менеджеров — мужчины. Из 4012 самых высокооплачиваемых директоров и управляющих в американских корпорациях лишь 19 — менее 0,5% — женщины. Эффект «стеклянного потолка» многократно усиливается, если учитывать еще фактор расы. В 1970г. от 1% до 3% всех высших позиций в управлении 500 компаний из списка журнала «Форчун» были заняты женщинами и представителями этнических меньшинств, в 1990г. — 5%. В 1988г. в компаниях со штатом более 100 служащих 72% менеджеров были белые мужчины, 23% — белые женщины, 3% — черные мужчины и 2% — черные женщины²⁶.

Согласно опросу 3 664 выпускников школ бизнеса, проведенному в 1990 г. журналом «Бизнес уик», женщина со степенью

294

магистра бизнеса в первый год после окончания одного из лучших университетов зарабатывала в среднем 54 749 долларов, в то время как мужчина с таким же образованием — 61 400 долларов. Этот разрыв в 12% фактически растет по мере увеличения рабочего стажа дипломированного специалиста. В 1993 г. обследование группы, закончившей курс бизнеса Стэнфордского университета, показало, что спустя десять лет после окончания 16% мужчин и только 2% женщин занимали должности главных администраторов, председателей советов или президентов компаний.

Продвижение женщин сдерживается целым рядом обстоятельств. Менеджмент корпорации либо не способен, либо не хочет внедрять эффективные механизмы диверсификации управленческих кадров. Компании могут не располагать адекватными критериями для сравнительной оценки работников либо полагаться в оценке на традиционные тендерные стереотипы. Половинчатая политика по отношению к семье также препятствует возможностям женщин продвигаться по службе.

Пожалуй, важнейшим фактором укрепления «стеклянного потолка» являются негласные усилия мужчин, направленные на сохранение чисто мужской корпоративной иерархии. Равные возможности для продвижения могли бы нарушить дружеские неформальные отношения в корпоративном управлении, складывающиеся внутри гомосоциального мира на основе сходства основных ценностей и принципов. «Самое главное — спокойствие, взаимопонимание и сотрудничество, — сказал один менеджер. — Именно это обеспечивает работу магазина. Когда к нам приходит человек из меньшинства или женщина, которые думают так же, мы их нанимаем». Опрос британских женщин со степенью магистра бизнеса, например, показал, что «самым значимым» и «самым непреодолимым» барьером для продвижения женщин является так называемая сеть «мужского клуба»²⁷.

Несколько недавних судебных дел являются тому прекрасной иллюстрацией. В деле «Барбано против графства Мэдисон» (1990) проводившие собеседование наниматели задали женщине целый ряд неподобающих вопросов, основанных на традиционных тендерных стереотипах, в том числе о ее семейных планах и о том, согласен ли муж с ее выходом на работу. Один из присутствующих заявил, что не хочет брать на работу женщину, которая забеременеет и уйдет. В другом деле, «Андерсон против города Бессемер, штат Северная Каролина» (1985), женщине было отказано в должности менеджера по организации отдыха, несмотря на то что ее квалификация была выше,

295

чем у нанятого мужчины. Ее спросили в интервью, понимает ли она, что эта должность предполагает работу в ночное время, и одобрит ли это ее супруг. Один член комиссии даже заявил, что женщине будет «очень трудно» выполнять такую работу и что он не хотел бы, чтобы у его жены была такая работа. В обоих случаях суды обязали компании выплатить женщинам значительную компенсацию.

Пожалуй, самое знаменитое дело о «стеклянном потолке» — «Хопкинс против „Прайс Уотерхаус"» — Верховный суд США рассматривал в 1989 г. Энн Хопкинс получила отказ в статусе партнера в одной из крупнейших и самых престижных бухгалтерских фирм. Хотя она принесла в компанию больше контрактов, чем остальные мужчины, получившие повышение, ее требование восприняли как неприемлемое. Противники ее продвижения говорили, что она настоящий «мачо», что у нее «гипертрофированы мужские черты, потому что она женщина», и что ей на пользу пойдет «курс в школе обаяния». Один из ее сторонников сказал ей, что она могла бы стать партнером, если бы научилась «ходить более женственно, разговаривать более женственно, одеваться более женственно, пользоваться косметикой, посещать парикмахера и носить украшения». Суд обязал выплатить ей 400 тыс. долларов и повысить ее до статуса партнера компании.

Этот случай прекрасно иллюстрирует то, как традиционные тендерные стереотипы препятствуют продвижению женщин. Если бы Хопкинс более соответствовала традиционным представлениям о женственности, она не была бы напористой и не стремилась бы к успеху, которого достигла. Выходит, что в любом случае женщина оказывается в проигрыше. Если она напориста, то в ней видят «мужеподобную» «грудастую суку», если слишком благовоспитанна, то — безынициативную, милую, но недостаточно честолюбивую особу. В 1991 г. Законом о гражданских правах Конгресс США учредил специальную Комиссию по вопросам «стеклянного потолка», целью которой было устранение «искусственных барьеров, основанных на личностных и организационных предубеждениях». К числу барьеров было отнесено и негласное обсуждение кандидатов на высшие руководящие должности (сетью «старейшин»); также предполагалось установление системы денежных компенсаций в случаях негласного обсуждения высококвалифицированных женщин и представителей этнических меньшинств. Некоторые наиболее предусмотрительные компании уже разработали меры по преодолению женщинами «стеклян-

296

ного потолка» по трем важнейшим направлениям: найм на работу, продвижение по службе и снижение текучести кадров. Например, «Рибок Интернэшнл» в 1992 г. запустила программу диверсификации методов найма, куда входит эффективный поиск кадров среди выпускников колледжей и интернатура для женщин и представителей этнических меньшинств. За два года компания на своих американских предприятиях утроила долю представителей меньшинств и довела ее до 15% штатного состава, а численность женщин среди персонала превысила 50%. В результате целенаправленной политики в Банке Монреаля с 1991 по 1993 г. доля женщин на руководящих постах увеличилась от 29% до 54%. Банк также начал программу по выдвиганию и закреплению женщин и представителей меньшинств на рабочих местах, провел серии семинаров для старших менеджеров по вопросам тендерной кадровой политики. Наконец, в 1993—1994 гг. международная компания программного обеспечения «Лотус» стала проводить политику удержания способных женщин и представителей меньшинств, которые хотели уйти из компании, потому что обладали недостаточной информацией, чтобы работать более эффективно, или не видели желаемых для себя перспектив. Компания разработала систему стимулирования менеджеров, в которую вошли вычеты с менеджеров с высокими показателями текучести кадров. Текучесть среди женщин упала с 21% до 16%, среди афроамериканцев — с 25,5% до 20,5%.

К «стеклянному потолку» мужчины относятся по-разному в зависимости от политических убеждений. По мнению писателя Уоррена Фаррелла, за вниманием к продвижению женщин скрывается тот факт, что именно мужчины являлись жертвами дискриминации по половому признаку на рабочем месте. Мужчины, считает Фаррелл, стали жертвами «стеклянного подвала», поскольку они работают в самых опасных профессиях. По его мнению, из 250 профессий, перечисленных в альманахе рабочих мест, двадцать пять самых тяжелых (водитель грузовика, кровельщик, котельщик, строитель, сварщик и футболист*) — чисто мужские. Более 90% смертей на рабочем месте происходят с мужчинами. Все опасные профессии — исключительно мужские, например, тушение пожаров (99%), лесозаготовка (98%) и строительство (97%). В то же время «самые безопасные» занятия отданы женщинам: секретари (99%) и регистраторы (97%)²⁸.

* Имеется в виду американский футбол. — Прим. ред.

Здесь Фаррелл ухватил очень важный момент: мужчины работают на опасных работах, а идеология мужественности требует от них смелости и стойкости, что делает эти работы еще более опасными. Поэтому на стройках и плавучих нефтяных платформах мужчины часто пренебрегают требованиями безопасности и, например, не надевают защитных касок, подобающих «бабам» и «слабакам», но не «настоящим» мужчинам. Однако вывод о том, что дискриминируются не женщины, а мужчины, не выдерживает критики. Мужчины вели отчаянную борьбу против того, чтобы некоторые рабочие места доставались именно женщинам. К тому же именно эти работы оплачиваются гораздо лучше, чем исключительно женские. Например, подразделения Управления пожарной безопасности США стойко сопротивляются вхождению женщин в их «братский орден», так что женщины могут добиться места пожарника либо по суду, либо преодолев интенсивные домогательства. Стоит ли винить женщин в том, что они не идут в те опасные профессии, куда их упорно не пускают мужчины? Проблема показательных образцов

Что происходит на самом деле, когда женщины приходят в «мужскую» профессию, а мужчины — в «женскую»? В обоих случаях они становятся показательными образцами представителей профессии. Но их переживания в качестве образцов часто весьма специфичны. Образцы — люди, которых допускают в организацию, и они явно отличаются от большинства членов организации. Они — больше, чем просто представители численного меньшинства: их принимают на работу не вопреки, а именно благодаря принадлежности к меньшинству. Их активно отговаривают от того, чтобы они приводили в организацию себе подобных, они всеми силами стараются соответствовать требованиям организации и влиться в нее. Как правило, эти люди-символы становятся даже более преданными нормам организации, чем представители численного большинства.

Как пишет Розабет Мосс Кантер, первой поднявшая эту проблему, такая «показуха» укрепляет межгрупповые границы, вместо того чтобы разрушать их, ибо увеличивает разрыв между показательным образцом и большинством. В показательных образцах часто видят «яркие примеры, символы определенной категории людей, а не просто личности»²⁹. Он или она посто-

янно находятся в центре внимания, их замечает каждый из-за непохожести на других. Их никогда и не считают похожими на других членов группы. Таким образом, их восприятие окружающими имеет две особенности: они всегда на виду как члены особой «категории», но в них никто не видит личность.

Вспомните ситуацию, когда вы в единственном числе представляли кого-либо, были единственным мужчиной или единственной женщиной, единственным белым или цветным, единственным геем или гетеросексуалом в группе. Что вы чувствовали, когда к вам обращались со словами: «Ну, а что по этому поводу думают белые люди?», или «А что женщины об этом говорят?» В этот момент вы перестаете быть личностью, поскольку в вас видят лишь представителя группы. Конечно, вы можете ответить: «Не знаю. Я не могу говорить за всех женщин или всех белых. Попробуйте провести опрос». Если вы сможете вообразить, что переживает человек на работе, когда одни его стороны постоянно рассматривают, словно под микроскопом, а другие — в упор не желают замечать, то начнете вникать в саму идею «показательного образца».

Быть в центре внимания и оставаться незамеченным — такая ситуация имеет серьезные последствия. «Показательному образцу не нужно упорно трудиться, чтобы заметили его присутствие, упорно трудиться нужно, чтобы заметили его достижения», — пишет Кантер. Человек-символ часто вынужден выбрать одно из двух: «или стараться быть незаметным, или воспользоваться своей примечательностью и стать „нарушителем спокойствия“». Это может привести к огромным эмоциональным и психологическим издержкам: «„Показуха“ чревата стрессом; нагрузка, которую несут „образцы“, управляя социальными отношениями, приводит к психологическому напряжению, даже если они преуспевают в работе. Неудовлетворительные социальные отношения, жалкий образ Я, фрустрации от противоречивых ожиданий, невозможность выразить себя, ощущение неполноты и ненависти — все это является следствиями „показухи“»³⁰.

Кантер утверждает, что ее теория «показухи» применима и к мужчинам, и к женщинам. Более

поздние исследования говорят о значительной разнице между тем, что переживают женщины, становясь образцами в мире мужской работы, и тем, что переживают мужчины, становясь образцами в женской профессии. По словам Линн Зиммер, «мало оснований для вывода о том, что рост числа женщин в организациях обязательно приводит к улучшению их условий труда», а Нина

299

Торен и Веред Краус заключают, что «судьба меньшинств определяется не только их относительной численностью»³¹.

Мужчина, занимаясь преимущественно женской профессией, встречает прямо противоположный прием. Мужчины не натываются на «стеклянный потолок», а, напротив, едут на том, что социолог Кристина Уильяме называет «стеклянным эскалатором», т.е. легче получают продвижение по службе, чем сами женщины. Уильяме провела интервью с семьдесятю шестью мужчинами и двадцатью тремя женщинами, работавшими в яслях, библиотеках, сфере начального образования и социальной службе. Она показала, что мужчины в этих профессиях испытывают положительную дискриминацию; несколько человек отметили явное предпочтение мужчин при найме, их также быстрее и регулярнее продвигают на руководящие посты, и поэтому их доля в руководстве превышает долю занятых по отрасли в целом. Мужчины, которые делают женскую работу, могут зарабатывать меньше, чем мужчины, имеющие преимущественно мужские профессии, но они зарабатывают больше и быстрее делают карьеру, чем женщины с той же самой профессией³².

Мужчины все же испытывают определенное негативное отношение, особенно со стороны публики. Например, санитары сталкиваются со стереотипом, что все они — геи; мужчины-библиотекари сталкиваются с представлениями, что они «слабаки» и «бесполые существа»; социальных работников считают «женственными» или «пассивными». Один мужчина-библиотекарь обнаружил, что посетители библиотеки воспринимают его как любителя рассказывать детские байки. Уильяме вскрыла тот факт, что, как ни странно, отрицательные стереотипы мужчин, делающих «женскую работу», накладываются на эффект «стеклянного эскалатора», «заставляя мужчин выдвигаться из сфер, считающихся чисто женскими, и стремиться наверх, чтобы занять более престижное место, по праву принадлежащее мужчине»³³.

Подобно Зиммер, Уильяме делает вывод, что мужчины «приносят свою тендерную привилегию, приходя на женскую работу: это становится их преимуществом, несмотря на их малочисленность». Мужчины, кажется, выигрывают в любом случае. Когда женщина выступает показательным образцом, мужчины сохраняют свое численное превосходство и способны удерживать свою тендерную привилегию, ограничивая доступ женщины к их профессии, ее продвижение по службе и получение опыта работы. Когда мужчина выступает показательным образцом, его приход на работу приветствуется, и его тендерная

300

привилегия используется для быстрого продвижения в профессиональной иерархии.

«Несмотря на всевозможные проблемы, — пишет Альфред Кадушин, — очевидно и неоспоримо то, что представитель мужского меньшинства имеет существенные преимущества в любой женской профессии»³⁴.

Это утверждение многое проясняет в том, почему мужчины продолжают сопротивляться равенству на рабочем месте. В конце концов, их вполне может устраивать существующее положение дел. Экономист Хайди Хартман пишет:

«Низкая заработная плата держит женщин в зависимости от мужчин и поощряет к замужеству. Замужние женщины должны выполнять работу по дому для своих мужей.

Мужчины получают двойную выгоду и от более высокой заработной платы, и от домашнего разделения труда. Это домашнее разделение труда, в свою очередь, приводит к ослаблению позиции женщин на рынке труда. Таким образом, иерархическое разделение домашнего труда поддерживается рынком труда и наоборот»³⁵.

Неравенство на рабочем месте выгодно мужчинам, и они часто стараются его не замечать.

Неравенство почти всегда не видно тем, кому оно выгодно, и фактически в этом заключается главнейшая выгода! Явно несправедливый порядок воспринимается как справедливый, и это вдохновляет мужчин на его отстаивание. Приведу пример. Недавно на телевизионном ток-

шоу я оппонировал трем «сердитым белым мужчинам», которые считали себя жертвами дискриминации на рынке труда. Название шоу «Черная женщина украла мою работу» должно было привлечь большую аудиторию. Эти мужчины жаловались, что стали жертвами «обратной дискриминации», поскольку не получили работу из-за женщины, менее квалифицированной, чем они.

В своей реплике я предложил этим «сердитым белым мужчинам» обратить внимание на одно слово из названия шоу — слово «мою». Что оно означало? Они думали, что рабочие места действительно принадлежат им, что они имеют на них право и что когда кто-то другой — черный или женщина — получает эту работу, то получает буквально «их» работу? Но по какому праву это — их работа? Только по праву унаследованного от прошлого обычая дискриминации? Конечно, шоу было бы точнее назвать «Черная женщина получила работу» или «получила эту работу». Но почему «его» работу? Оспаривать равное право на заработок просто на основании расы или пола — это и есть дискриминация. Но равенство всегда неудобно тем, кто ранее извлекал выгоду из неравенства.

301

Другое основание для отстаивания тендерной чистоты на работе заключается в том, что, как утверждают мужчины, женщины будут их отвлекать. Заголовок в «Уолл-стрит джорнэл» в 1991 г. гласил: «Коллеги-женщины могут вырубить мужчин». В 1995 г. в отчете комиссии по вопросам «стеклянного потолка» Министерства труда цитировался менеджер-мужчина, который сказал: «Самое главное — это спокойствие, взаимопонимание и сотрудничество». Далее он продолжал: «Многие белые мужчины не любят соревнования и не любят вступать в конфликт» в присутствии женщин. То, что присутствие женщин будет отвлекать мужчин от выполнения стоящих перед ними задач и нарушит хрупкое мужское братство, также приводилось в качестве аргумента в военных школах, подобных «Цитадели»³⁶.

Однако, как мы видели, это не всегда так. Во многих ситуациях женщины и мужчины работают рядом, не «отвлекая» друг друга. Врачи и медсестры, менеджеры и секретари вроде бы не сильно отвлекаются. Дело не в том, что присутствие или отсутствие женщин может отвлекать мужчин. Присутствие женщин на равных основаниях — вот что действительно их беспокоит.

Сексуальные домогательства

Сексуальные домогательства — один из основных способов мужского сопротивления тендерному равенству на рабочем месте. Сегодняшняя озабоченность сексуальными домогательствами подпитывается в США сразу несколькими тенденциями: женщины стали больше говорить о случаях домогательств на работе и в школе; изменилась оценка поведения, которое мужчины считали само собой разумеющимся; повысилась давление на мужчин на работе и готовность американского правосудия преследовать, и весьма сурово, подобные проступки. В судах сексуальные домогательства квалифицировались как форма сексуальной дискриминации уже с конца 1970-х гг. Феминистка и юрист Кэтрин Маккиннон доказывала, что сексуальные домогательства являются нарушением статьи VII Закона о гражданских правах 1964г., в которой говорится, что «незаконной практикой найма на работу со стороны работодателя... является дискриминация, направленная против любого индивида из-за его расы, цвета кожи, религии, пола или национального происхождения». Сексуальные домогательства нарушают этот закон, потому что дискриминируют женщин по признаку пола,

302

а кроме того, создают враждебную обстановку для работающих женщин³⁷. В 1982г.

американский Апелляционный суд одиннадцатого округа вынес определение:

«Сексуальные домогательства, которые создают враждебную или оскорбительную обстановку для членов одного пола, являются таким же преднамеренно выстроенным барьером половому равенству на рабочем месте, как расовое преследование — расовому равенству. Несомненно, сексуальные домогательства, направленные на мужчину или женщину в обмен за привилегию получить работу и зарабатывать на жизнь, унижают не меньше, чем любое, самое грубое оскорбление расиста»³⁸.

Однако до 1991 г. серьезность этой проблемы для работающих женщин не признавалась. В октябре 1996 г. Анита Хилл объявила, что подвергалась сексуальным домогательствам со стороны Кларенса Томаса, под началом которого работала в Комиссии по соблюдению

равноправия в трудовых отношениях, и мгновенно вся нация прилипла к экранам телевизоров, поскольку слушания в Верховном суде приняли совершенно неожиданный оборот. Хилл настаивала на том, что босс к ней приставал, отпускал скабрзные шутки и рассказывал о своем мастерстве в сексе даже после того, как она дала понять, что ухаживания Томаса ее не интересуют.

В тоже время сенатский Комитет по законодательству третиловал Хилл, как преступницу: ее обвиняли в попытке соблазнить Томаса, исподволь рисовали образ «презренной женщины», намекая, что ее используют либералы, выступавшие против его назначения. Нация раскололась на две половины в вопросе, кому верить, Томасу или Хилл. СМИ в унисон твердили, что резкое и недоверчивое отношение сенатского комитета к Хилл может «охладить» желание американских женщин открыто заявлять о сексуальных домогательствах. «Охладить»? Как СМИ были не правы! В последующее десятилетие лед тронулся: тысячи женщин рассказали то, что ранее считалось постыдной тайной. Число дел о сексуальных домогательствах с 1991 г. увеличилось более чем в 2 раза. Внезапно нация осознала, что происходило с женщинами на работе в течение многих десятилетий. По всей стране женщины рассказывали мужьям, детям, родителям, друзьям о том, чему они подвергаются в рабочее время. К 1997 г. более 80% американцев верили, что Анита Хилл говорила правду и ничего кроме правды.

С этого времени сексуальные домогательства стали главной проблемой Америки. Более половины работающих женщин так или иначе подвергались им на работе. В 1981 г.

303

проводился опрос женщин, работающих в федеральных учреждениях: 12% женщин сообщили об умеренных домогательствах (неприличные жесты, высказывания, навязывание свидания), 29% — о серьезных (прикосновения, ласки, принуждение к сексу, угрожающие письма или звонки) и 1% — об изнасиловании на работе. В 1989 г. опрос почти одной тысячи женщин-юристов показал, что 60% из них подвергались сексуальным домогательствам, 13% стали жертвами изнасилования, попытки изнасилования или нападения и только 7% из пострадавших сообщили о случившемся руководству своей фирмы. В 1997г. опрос двух тысяч женщин-юристов из двенадцати крупнейших юридических фирм показал, что 43% испытали на себе сексуальные приставания, шутки, высказывания или вопросы; 29% отметили неприличные взгляды и жесты; 26% испытали намеренные прикосновения, щипки, объятия, и все это лишь за 12 месяцев,

¹⁴

предшествовавших опросу .

Это касалось не только юристов и женщин-профессионалов. Число зарегистрированных Комиссией по равным правам найма случаев с примерно 7 500 в 1990 г. выросло почти в 2 раза и составило в 1995 и 1996гг. порядка 15 500. В большинстве заявления были приняты от женщин, работающих «синими воротничками». Женщины чаще подвергаются сексуальным домогательствам в традиционно мужских сферах, например, в горнодобывающей отрасли, строительстве, транспорте и промышленности, чем в среде работников с высшим образованием — «белых воротничков». Когда женщина пробует заняться профессией, где доминируют мужчины, ее воспринимают как захватчика, и сексуальные домогательства служат одним из способов вынудить ее отступиться⁴⁰.

Сексуальные домогательства чаще всего выражаются в форме прямого посягательства и шуточных намеков. Наиболее очевидная форма — *quid pro quo*, услуга за услугу, «бартер» — секс за вознаграждение или чтобы избежать наказания. Сюда относится обмен типа «секс за отметку» между преподавателем и студенткой; «спишь со мной — получишь повышение» или «не спишь — уволю» — это сценарии для работы. Так закончил свою карьеру бывший сенатор Соединенных Штатов Роберт Пэквуд: около десяти женщин, работавших с ним вразнос время, обвинили его в том, что он принуждал их к поцелуям, ласкам, делал попытки к сексуальным контактам, отпускал сальные шутки в течение своей достаточно успешной в других отношениях двадцатилетней карьеры. (Хотя Пола Джонс утверждала, что и бывший губернатор Клинтон использовал

304

эти формы сексуальных домогательств, судья не нашел повода для возбуждения дела,

поскольку не было свидетельств, что на ее карьере неблагоприятно повлияли именно сексуальные посягательства губернатора.)

Вторая форма сексуальных домогательств менее очевидна, и ее можно назвать созданием «враждебной обстановки», в которой женщина чувствует, что она или ее репутация в опасности. Студентки медицинских школ, например, рассказывали, что подвергаются сексуальным домогательствам в разных формах, в том числе и в форме игнорирования, а именно неприглашения к участию в обходе больных и проведении процедур. Кроме того, они отмечают, что студенты-мужчины отпускают шутки по поводу женских тел на занятиях по анатомии, а во время лекций среди слайдов по анатомии попадает порнография. Некоторые студентки юридических факультетов вспоминают «дни леди», в течение которых женщины вынуждены были выслушивать самые разнообразные оскорбления в свой адрес.

Одно из наиболее примечательных дел о сексуальных домогательствах было связано с «Мицубиси Моторс Корпорейшн». В декабре 1994г. двадцать девять женщин, работавших на автомобильном заводе в городке Нормал, штат Иллинойс, подали в суд, обвиняя в сексуальных домогательствах рабочих-мужчин, которые их постоянно щипали и грубо хватали. Некоторые женщины утверждали, что им пришлось пойти на секс, чтобы получить работу. Кроме того, мужчины подписывали рисунки грудей, гениталий и половых актов именами работающих с ними женщин и прикрепляли к бамперам автомобилей, движущихся по конвейеру. После расследования Комиссия по равным правам найма подала в апреле 1996г. иск против компании, от имени более чем 280 работниц. Примерно год спустя после изучения кадровой политики и организации производственного процесса в компании секретарем по вопросам труда Линн Мартин были удовлетворены иски двадцати семи из двадцати девяти первых истиц на 9,5 млн долларов, и начались существенные перемены в управлении корпорацией⁴¹.

Независимо от того, осуществляются ли сексуальные домогательства в форме «услуги за услугу» или «враждебной обстановки», здесь не идет речь о сексуальном влечении между работниками. В домогательствах обвиняют не тех, кто просто неуклюже предложил коллеге свидание, и не тех, кто отличается любвеобильностью. На самом деле сексуальные домогательства — вещь, прямо противоположная влечению. Они нацелены на создание у работающей женщины ощущения, что

305

ей тут не место, что она здесь чужая, потому что эта работа — мужское дело. Дебора Роуд, специалист в области законодательства, пишет, что именно такова «стратегия господства и исключения — способ держать женщин на своем месте и подальше от мужского мира»⁴².

Возьмем пример сексуального преследования на улице. Мужчина делает грубое, оскорбительное замечание в адрес проходящей женщины: «Эй, малышка, хороши у тебя сиськи!» или «Выглядишь аппетитно!» Спросите его, зачем он это сказал, и он ответит, что хотел поздороваться или обозначить сексуальный интерес. Но давайте предположим, что женщина примет его слова буквально, обернется и ответит: «Кто, я? Отлично. В восемь в ресторане?» — или грубо ответит на его хамство. Что будет? Как он себя поведет?

Ясно, что эти замечания отпускаются не для того, чтобы привлечь женщину, а скорее наоборот, чтобы заставить ее побыстрее пройти мимо и напомнить, что улица принадлежит мужчинам и женщина, посмевшая идти по ней в одиночку или появиться в баре без сопровождения, бросает вызов негласно установленным правилам. Такие замечания — грубые напоминания о мужском «праве», проявление неписаного и часто неосознаваемого правила, что публичные места принадлежат «нам»; они напоминают нарушительницам, что те находятся на чужой территории.

До недавнего времени рабочее место было заповедником мужской гомосоциальности. Но тот мир исчез навсегда. Теперь уже не бывает так, чтобы мужчина, пройдя трудовую жизнь, не встретил женщин среди своих коллег или даже в качестве босса. Женщины вступили в некогда мужские «клубы» — улицы, корпоративные залы заседаний, священные залы учебных аудиторий — и не уходят, как бы того ни желали некоторые мужчины. Только когда статусу мужчины-кормильца угрожает кадровая политика увольнений и корпоративное реструктурирование, на сцену выводят женщин в качестве мишеней мужского гнева. Именно в этом контексте мы должны рассматривать вопрос о сексуальных домогательствах, вскрыть,

так сказать, его «ген-деризованную политическую экономию». Сексуальное преследование на рабочем месте — это преобразованное желание вернуть женщин на «их» место, напомнить им, что они не равны мужчинам на рынке труда, что они, при всех их достижениях, всего лишь женщины, даже если умеют работать. «Домогательства стали для мужчин средством уязвить женщину», — говорит доктор Джон Гетман, психолог из Университета Вашингтона.

306

И это работает. Подвергнутые преследованию женщины говорят о росте напряжения, раздражительности, нарушениях сна, аппетита и невыходах на работу. Часто, как пишет исследователь, они чувствуют себя оскорбленными и беспомощными и переживают «ежедневное давление в офисе как психологическое изнасилование». Чаще всего преследование происходит там, куда женщины пришли совсем недавно и остаются в явном меньшинстве: в хирургических операционных, в пожарных частях и инвестиционных банках. «Мужчины видят в женщинах непрошенных гостей на мужской территории, — пишет доктор Луиза Фицджеральд, психолог из Университета штата Иллинойс. — У этих парней сексуальные домогательства не имеют ничего общего с сексом. Они стремятся отпугнуть женщин от исконно мужских заповедных зон на рынке труда»⁴³.

И вот еще что. Сексуальное преследование — не тот случай, когда один человек говорит правду, а другой лжет. Дела о сексуальных домогательствах трудны и запутаны уже потому, что в них у каждого своя правда. «Его» правда состоит в «невинности» знаков сексуального внимания к женщине с его стороны или беззлобных шуток с «ребятами в офисе» (даже если среди «ребят» присутствуют женщины). Он может думать, что сексуальные намеки и сальности суть невинные шутки, намекающие на то, что работа — это мужское место. Он здесь работает и поэтому по праву считает рабочее место продолжением мужской раздевалки. «Ее» правда — в том, что его кажущиеся невинными замечания нагнетают напряжение, заставляют беспокоиться о продвижении по службе, увольнении и сексуальном давлении. Закон о сексуальном преследовании отразил эти две правды. До дела «Эллисон против Брэди» в окружном «.уде в 1991 г. юридическим критерием сексуальных домогательств был вопрос, будет ли «вменяемому человеку» такое-то поведение казаться сексуальными домогательствами. Но в данном деле суд предположил, что под «вменяемым человеком» подразумевался вменяемый мужчина, а мужчины и женщины могут видеть ситуацию по-разному. Суд нашел, что обвиняемые часто «не понимают, что их поведение создает враждебную обстановку на работе», однако «жертва сексуального преследования не должна нести наказание за поведение преследователя». Таким образом, суд установил «критерий вменяемой женщины», потому что, по мнению суда, «стандарт сексуально ослепленного вменяемого человека скорее мыслит по-мужски и систематически игнорирует переживания женщин».

307

После этого дела все правила изменились, так как намерение преследующего перестало быть критерием в определении преступления; теперь критерием стали последствия для жертвы. Как можно было предположить, это изменение вызвало сильную оборонительную реакцию и замешательство среди американских мужчин. Так или иначе, правила стали другими. То, что раньше было обычным поведением для мужчин на рабочем месте, теперь называлось сексуальными домогательствами. «Кларенс Томас не делал ничего такого, чего не сделал бы любой американский мужчина», — заметил Дэйл Витком, 32-летний машинист, во время слушаний по делу Томаса. Две трети опрошенных мужчин сказали, что каждый из них почувствовал бы себя польщенным, если бы к нему на работе стала приставать коллега-женщина; эти данные показали, что мужчины совершенно неправильно видели проблему. На социетальном уровне сексуальные домогательства загоняют стремление женщин к равенству в тупик. Кроме того, они дорого обходятся обществу. И частный, и общественный сектора теряют миллионы долларов из-за невыходов на работу, низкой производительности и высокой текучести кадров среди женщин. Исследование, проведенное журналом «Уоркинг вуман», показало, что лучшие 150 из 500 компаний, указанных в списке журнала «Форчун», теряют 6,7 млн долларов ежегодно из-за сексуальных домогательств. По официальным данным, невыходы на работу, текучесть кадров среди женщин и снижение производительности труда из-за сексуальных домогательств стоят правительству минимум 189

млн долларов в год. Менеджеры корпораций и партнеры больших юридических фирм говорят, что их пугает обвал судебных исков по обвинению всек-

44

ных домогательствах .

Сексуальные домогательства вредят и мужчинам. Очевидно, что мужчинам-руководителям и работодателям наносит вред снижение производительности труда среди женщин из-за сексуальных домогательств. Из-за роста невыходов на работу, текучести кадров и неудовлетворенности трудом женщины не могут работать в полную силу. Некоторым мужчинам такая компрометация работы женщин могла бы прийти по душе, ибо соревнование с женщинами на равных может закончиться провалом и ударить по хрупкому мужскому самолюбию. Но руководители производств не могут допустить, чтобы женщины работали хуже, чем от них ожидают, поскольку, в конце концов, это повлияет на оценку их собственной работы. Руководители и работодатели должны обеспечить спокойствие и безопасность

308

всем работникам, чтобы те работали с максимальной отдачей. Способность мужчин устанавливать благоприятные для работы отношения с коллегами подрывается сексуальными преследованиями. До тех пор, пока сексуальные домогательства будут оставаться повседневной практикой и женщины будут бояться своих начальников на рабочем месте, мужское участие и вежливое поведение будет неверно истолковываться.

И наконец, мужчинам могут вредить сексуальные домогательства со стороны других мужчин. В марте 1998г. Верховный суд США постановил, что мужчины могут быть признаны жертвами сексуальных домогательств со стороны других мужчин, даже если все они являются гетеросексуальными. Эта расширенная трактовка сексуальных домогательств была принята в интересах мужчин, чье поведение не соответствует традиционным тендерным представлениям; из-за этого их третируют и другие мужчины, и женщины, которым кажется, что они ведут себя или «слишком по-мужски», или «недостаточно по-мужски». И после этого некоторые утверждают, что на работе тендера нет!

Меры по устранению неравенства на работе

Несмотря на все аргументы в пользу тендерного различия, предполагающие, что мы приходим с разных планет, фактом остается то, что на рынке труда присутствует примерно равное количество женщин и мужчин, причем их мотивы весьма сходны. Тем не менее в сфере труда сохраняется существенное неравенство, которое постоянно проявляется в половой сегрегации, неравной оплате труда, половой дискриминации и сексуальном преследовании. Эти виды неравенства усиливают и даже порождают различия, которые мы и наблюдаем. Как работа может стать сферой равных возможностей, где женщины и мужчины могут зарабатывать на жизнь, обеспечивать себя и свои семьи и при этом испытывать удовлетворение от своей профессиональной компетентности и эффективности своего труда? Одной из мер может стать более последовательное применение существующих законов. Было бы неплохо для начала заставить работать на полную мощность Закон о равенстве оплаты труда 1963 г., который запрещает работодателям выплачивать разную заработную плату мужчинам и женщинам, выполняющим одинаковую работу, или статью VII Закона о гражданских

309

правах 1964г., которая гарантирует отсутствие дискриминации на основании расы, пола и этнического происхождения. На сегодня тридцать штатов провели некоторые реформы, направленные на уравнивание в оплате труда, и правительствами 20 штатов было выделено приблизительно 527 млн долларов на устранение дискриминации в оплате труда.

Однако стратегия выравнивания зарплат сама по себе едва ли приведет к полному равенству, так как неравенство в оплате труда сильно зависит, как мы видели, от половой сегрегации, которая все еще легитимна и невидима. Программы по сравнительной оценке рабочих мест и труда требуют, чтобы «за разный, но равноценный для работодателя труд выплачивалась одинаковая заработная плата». Таким образом, эти программы требуют систематической переаттестации рабочих мест по критериям сложности и необходимых навыков, чтобы их можно было сравнивать и определять размер зарплаты, исходя из принципа тендерного равенства. Группа социальных ученых разработала тендерно нейтральную систему сравнения

рабочих мест, предназначенную для более точной оценки; эта система учитывает такие традиционно невидимые (т.е. традиционно «женские») затраты, как эмоциональный труд или нежелательные условия труда⁴⁵.

Программы по сравнительной оценке труда необходимы, потому что половая сегрегация очень сильно привязана к неравенству в оплате труда. Однако эти меры вызвали существенное сопротивление, в значительной степени основанное на неправильном понимании возможных последствий этой идеи. Например, некоторые утверждают, что невозможно оценить рабочие места, несмотря на то что почти две трети всех компаний уже используют оценку рабочих мест. Другие говорят, что такие программы нарушают нормальное функционирование рынка труда, как будто именно рынок труда устанавливает заработную плату, а не административно-управленческий персонал, представители профсоюза и менеджеры, полагающиеся на тендерные стереотипы. (Если бы рынок труда был совершенным, то не было бы дискриминации в оплате труда!) Третьи утверждают, что такие программы открывают дверь патернализму в установлении уровней оплаты труда или что они приведут к банкротству предприятия, если заставят работодателя платить женщинам более высокую заработную плату. Но ведь каждая фирма могла бы устанавливать уровни оплаты труда на основе квалификации, а не пола. И кроме того, у женщин, зарабатывающих больше, увеличилась бы

310

покупательная способность как потребителей, что было бы во благо экономике, а не во вред⁴⁶. Программы по сравнительной оценке труда и равенству в оплате не бесспорны. Их внедрение может привести к выравниванию оплаты в сторону понижения и к сохранению разрыва между низкооплачиваемой работой и наиболее высоко оплачиваемыми местами управляющих, поскольку принципы равной оплаты и сопоставимости рабочих мест основываются на «идее, что некоторые виды работ ценятся выше, чем другие». Кроме того, они затушевывают наличие тендерных стереотипов, которые будут привноситься мужчинами, участвующими в оценке рабочих мест⁴⁷.

Меры по установлению равенства на работе также потребуют вмешательства в процессы найма и продвижения по службе. Хотя в последние годы в США наметилась тенденция к отказу от политики прямого действия, такая политика была чрезвычайно эффективна в выравнивании общих правил игры. Одно из объяснений, почему благонамеренные американцы выступают против прямого действия, состоит в том, что, по их мнению, представителей меньшинств должен оскорблять доступ к определенным позициям только потому, что они относятся к недостаточно представленной группе, хотя мало кого из женщин и меньшинств нанимают на работу или продвигают по службе исключительно по этой причине. Так или иначе, большим унижением является отказ в найме или продвижении из-за принадлежности человека к дискриминируемой группе. Барбара Бэбкок, помощник Генерального прокурора в администрации Картера, говорила при получении нового назначения по женской квоте: «Это лучше, чем не получить назначение из-за того, что ты — женщина»⁴⁸.

Другое средство против неравенства на рынке труда — устранение «дорожки мамы», нового, изолированного способа, посредством которого также воспроизводится тендерное неравенство на рабочем месте. Этот способ — дискриминация работниц, которые берут отпуск по беременности, уходу за младенцем и воспитанию детей. Хотя такая дискриминация является незаконной, женщину часто оттесняют с пути быстрой карьеры на дорожку мамы, якобы из-за несоответствия занимаемой должности. Молодые адвокаты, например, должны работать определенное количество часов в неделю; из-за неотработанных часов их не повысят до партнеров. Женщина, таким образом, оказывается в двойной ловушке: если она — хорошая мать, она не сделает

44

карьеру; если она делает карьеру, ее считают плохой матерью .

311

Набор наиболее очевидных средств избавиться от неравенства на работе под общим названием «дружественная к семье политика рабочего места» подразумевает реформы, позволяющие сочетать интересы работы и семьи: гибкий рабочий график и родительский отпуск. В Национальном отчете по проблемам работы и семьи за декабрь 1997г. эти две меры

упоминались среди важнейших мер по сохранению на рабочих местах высококвалифицированных кадров.

В конце концов, равенство на рабочем месте потребует серьезных структурных изменений и в том, как мы работаем, и в том, как мы живем. Социологи Ронни Стейнберг и Элис Кук пишут: «Для обеспечения равной занятости требуется больше, чем гарантии прав на равный доступ, равные возможности в продвижении по службе и на равную оплату за равный или сопоставимый по ценности труд. Требуется еще принять законы о социальном благосостоянии, которые бы обеспечили равенство в семье; широко внедрить использование альтернативных способов организации рабочих мест с учетом семьи с двумя работающими супругами; омолодить профсоюзное движение за счет лидеров-женщин, активно отстаивающих права работниц на предприятиях. Законы о социальном благосостоянии, семейная политика и действия правительства должны создать стимулы к более равному разделению обязанностей в семье и домашнего труда между мужчинами и женщинами. Надо больше делать для охраны детства, а также для обеспечения пожилых людей, чтобы снять часть самых неотложных забот с работающих членов семей. Необходимо также, чтобы реализуемые правительством налоговая политика, законы о социальном обеспечении и пенсионные программы стали совместимыми с такой структурой семьи, в которой муж и жена являются равными партнерами»⁵⁰.

Другой социолог, Карен Оппенхейм Мейсон, пишет, что тендерное неравенство на работе вряд ли исчезнет, «если не будут пересмотрены тендерная идеология и половое разделение труда». Она приходит к выводу, что «в конечном счете сегрегация на работе — это лишь часть жизни, которую в американском обществе отдельно ведут мужчины и женщины, и, пока не будет преодолено общее разделение между мужчинами и женщинами, вряд ли мы преодолеем разделение в мире профессий и рабочих мест»⁵¹.

Но это стоит сделать. Равенство на рабочем месте позволит и женщинам, и мужчинам жить более полной жизнью не только на работе, но и вне ее.

312

Вывод: о совмещении работы и семьи

Несмотря на сильное тендерное неравенство на работе, женщины с работы не уйдут. Они работают по тем же самым соображениям, что и мужчины: чтобы обеспечить себя и свою семью, чтобы осознать свои возможности, свою полезность и компетентность в успешном труде. И мужчины, и женщины работают, потому что хотят и потому что им приходится. Социально-экономические условия большинства американских семей в наши дни таковы, что оба супруга работают, а это значит, что оба они стараются совместить трудовую и семейную жизнь.

Было предложено несколько стратегий реформирования, чтобы сделать рабочее место «более дружественным для семьи» и позволить работающим мужчинам и женщинам совмещать трудовую и семейную жизнь. Все предложенные стратегии направлены на решение трех основных проблем: возможности присматривать за детьми на рабочем месте, гибкого рабочего графика и отпуска по уходу за детьми. Мы убеждены, что если сделать работу более дружественной для семьи, если решить названные три проблемы, то все изменится к лучшему. Как только уйдет злой босс, работа преобразится. Повсюду появятся цветы, на рабочих столах женщин — детские фотографии, а сами дети будут играть в манежах рядом с мамами. И конечно производительность взлетит так высоко, что самый большой босс решит увековечить эти изменения.

Но мы в Соединенных Штатах по-прежнему думаем, что все это только женские проблемы. Именно женщины проводят кампании в поддержку этих реформ. Однако уход за ребенком на рабочем месте, гибкий рабочий график и родительский отпуск — это не женские, а родительские проблемы. И в той мере, в какой мужчины считают себя родителями, эти реформы отвечают и их интересам. С политической точки зрения, женщины, скорее всего, не смогут добиться необходимых реформ без мужской поддержки; с личной точки зрения, мужчины, не поддержав эти реформы, не смогут изменить свою жизнь так, как они сами того хотят.

Сочетание должностных и семейных обязанностей позволит женщинам жить так, как они мечтают. Работающие матери — более счастливы и как матери, и как работники, чем

неработающие мамы, утверждает психолог Фэй Кросби. Другой психолог, Джоан Петере, пишет, что «матерям следует работать вне дома, иначе они не смогут ни сохранить собственную идентичность, ни вырастить детей, которые смогут сочетать незави-

313

симось с семейной жизнью». Но для этого нужно существенно изменить жизнь американских мужчин. Им понадобится взять на себя часть повседневной работы по дому и по уходу за детьми, а не просто «отпустить жену». Сочетание должностных и семейных обязанностей позволит и американским мужчинам жить так, как они мечтают:

«Удивительно. Я рос с сознанием, что мужчина — это тот, кого большую часть времени не бывает дома, а затем он появляется и начинает всем вокруг приказывать, и это все. Я не хочу, чтобы мои сыновья попали в такую ситуацию или думали, что мир именно таков»⁵².

Будь у нас побольше таких мужчин, плюс поколение женщин, отказывающихся быть на работе людьми второго сорта, и тогда его сыновья и дочери могли бы жить в совершенно другом мире.

ЧАСТЬ III

Гендеризованные взаимодействия

Глава 9

Гендеризованная близость: дружба и любовь

«В судьбе мужчин любовь не основное, для женщины любовь и жизнь — одно»*. Это написал знаменитый британский поэт-романтик, лорд Джордж Гордон Байрон. По-видимому, у мужчин, подобных ему, были дела и поважнее любви, например, поэзия, политика и сексуальные победы. Полтора столетия спустя писательница Дорис Лессинг заметила, что не встречала ни одного мужчину, который ради любви разрушил бы карьеру, и ни одной женщины, которая бы этого не сделала.

Слова Байрона и Лессинг подчеркивают неосознанное влияние тендера на формирование наших самых близких отношений, поскольку у женщин и мужчин разные переживания и ожидания в дружбе, любви и сексе. Как и семья, секс и любовь гендеризованы, чему едва ли стоит удивляться. В конце концов, сколько раз мы слышали жалобы женщин на то, что их мужья или партнеры не выражают своих чувств? Сколько раз мы слышали, как мужчины удивляются, что их жены способны подолгу висеть на телефоне? Сколько раз мы слышали, как мужчины говорят, что их внебрачные связи — «просто секс», как будто секс можно отделить от чувств? Часто ли мы слышим подобное от женщин?

Межпланетная теория тендера — о том, что женщины и мужчины происходят с разных планет, — подчеркивает эти различия между женщинами и мужчинами. Мы слышим, что женщинам небесной или биологической природой дано быть искусными знатоками эмоционального общения, а мужчинам — неуклюжими, бесстрастными тюленями. И все же тендерные различия в близких отношениях часто проявляются не так, как мы ожида-

* Байрон Дж. Дон Жуан. Песнь 1. Строфа СХС1V. Перевод Т.Гнедич. — *Прим. ред.*

317

ли; они не так велики, как можно было бы предсказать, исходя из общего мнения на этот счет. Конечно, мужчины и женщины по-разному симпатизируют, любят, вожделеют, но не настолько по-разному, как нам об этом постоянно твердят. Кроме того, различия, наблюдаемые в настоящее время в Соединенных Штатах, существовали не всегда, и их нет в других культурах. В этой и следующей главах я рассмотрю тендерные проявления в близких отношениях на примерах дружбы, любви и сексуальных отношений. (Я уже писал о тендере брака и семьи, так что здесь ограничусь отношениями вне брака.) Мы увидим, что гендеризованность близких отношений в дружбе, любви и сексе есть результат определенных тенденций исторического развития общества.

Гендеризованность дружбы

На самом деле сферу чувств не всегда отводили женщине. В байроновской максиме именно «мужская любовь» признавалась высшей. Начиная с мифов Древней Греции и Рима и заканчивая поэзией эпохи Возрождения, мужскую дружбу славил как высшее выражение благородства и добродетели — храбрости, верности, героизма, долга, — на которые способны только мужчины. Вспомните Ореста и Пилада, Геркулеса и Гила, Давида и Ионафана, Роланда

и Оливье, Ахилла и Патрокла.

У древних греков дружба, т.е. эротизированная идеализация юноши зрелым мужчиной, ставилась выше супружеской любви. В описаниях Платона и Аристотеля дружба возникала только между равными и преодолевала всякую сексуальность; только мужчины были способны на такую эмоциональную глубину и привязанность, при которых возникает дружба. Да и в нашей литературе нет недостатка в подобных примерах: Гекльберри Финн и Том Сойер, Уайатт Эрп и Док Холлидей, Бутч Кэсси-ди и Сандэнс Кид, Одинокый Рейнджер и Тонто, Кирк и Спок, Мерто и Риггс. Уолт Уитмен всегда приветствовал «любовь человека к собрату, влечение друга к другу»*.

Целая вереница литературных героев высказывались о нерушимости мужской дружбы и женской неспособности к крепкой, длительной дружбе, объясняемой главным образом неспособностью женщины испытывать сильные чувства

* Цитата из стихотворения: Суть всей метафизики / Пер. А.Сергеева // Уитмен У. Листья травы. М.: Художественная литература, 1982. С. 123. — *Прим. ред.*

318

из-за чего-либо. В классическом эссе «О дружбе» французский моралист XVI в. Мишель Монтень описывал отношения со своим лучшим другом так, как большинство из нас описали бы супружество (о жене и детях Монтень писал мало). Друзья, например, «смешиваются и сливаются в нечто до такой степени единое, что скреплявшие их когда-то швы стираются начисто и они сами больше не в состоянии отыскать их следы»*. В эссе, написанном в 1960г. на ту же тему, великий британский писатель Клайв Льюис трактовал дружбу как исключительно мужскую сферу. «Только мужчины, — писал Джереми Тейлор в «Беседах о дружбе», — способны на все те непревзойденные качества, которыми им обязан весь мир»¹. Многие женщины с этим соглашались. Например, великая британская феминистка и писательница XVIII в. Мэри Уолл-стонкрафт считала дружбу «святейшими узами в обществе», на которые способны именно мужчины, а не женщины. И Симона де Бовуар, автор едва ли не самой смелой книги современного феминизма «Второй пол», заметила, что «женские чувства редко возвышаются до подлинной дружбы»².

Почему мужскую дружбу считали крепкой и долгой, а женскую — поверхностной?

Антрополог Лайонел Тайгер в довольно противоречивом исследовании утверждал, что тендерное разделение труда в обществах охотников и собирателей привело к более глубокой и длительной дружбе между мужчинами. Для выживания на охоте и войне — в мужских сферах деятельности — требовались глубокие и тесные узы, и, таким образом, крепкая мужская дружба имела биологически обоснованную адаптивную функцию. Женская дружба, пусть и приятная, не была «обязательной» сточки зрения эволюции³.

В этом столетии, однако, мы стали свидетелями впечатляющих изменений в тендерном разделении эмоционального труда. С начала 1970-х гг. исследования дружбы приняли радикально иное направление. Феминизм начал превозносить женский опыт не как препятствие, а как источник женской солидарности. Большое богатство переживаний женщинами близких отношений и их эмоциональная выразительность превратились из слабости в силу в рамках культуры, которая все отчетливее провозглашала выражение чувств в качестве позитивной цели. И не только женщины приветствовали то, чего Тайгер и иже

* У Монтеня, правда, «смешиваются и сливаются» не друзья, а их души, см.: Монтень М. Опыты: В 3 кн. Кн. 1 / Пер. с фр. А.С.Бобовича. М.; Харьков: АСТ; Фолио, 2002. С. 371—372. — *Прим. ред.*

319

с ним в женщинах не видели, — способность на глубокие и тесные узы дружбы. Новое поколение мужчин-психологов и защитников «освобождения мужчин» выступило с критикой традиционной мужской половой роли разрушителя эмоциональной близости. Переживания женщинами дружбы и женские добродетели — эмоциональная выразительность, зависимость, заботливость, глубина — все это теперь стало желанным.

Отныне стали говорить, что именно мужчинам недостает способности к близким отношениям и умения заботиться о других. Один психолог высмеивал «невывразительного мужчину», а социолог Мирра Коморовски обнаружила у мужчин «заученную неспособность к сопереживанию». Другой психолог утверждал, что мужчины, как правило, избегают самораскрытия ввиду его опасности для мужского эмоционального и даже физического здоровья, а другой нашел у мужчин слишком мало развитых социальных навыков для крепкой дружбы. Неудивительно, что, когда психолог Джозеф

Плек заметил, что эмоциональные отношения среди мужчин «слабы и часто отсутствуют», многие посчитали его сторонником «освобождения мужчин»⁴.

Психолог Роберт Льюис исследовал четыре «барьера» на пути к эмоциональной близости между мужчинами: 1) соревновательность, которая затрудняет развитие способности устанавливать дружеские отношения и минимизирует способность делиться своими слабостями и страхами; 2) ложную потребность «держаться все под контролем», которая не дает самораскрыться; 3) гомофобию, которая препятствует выражению привязанности и нежности к другим мужчинам; 4) отсутствие навыков и положительных образцов мужской близости. Мужчины, писал Льюис, научаются скрывать слабости и страхи, чтобы выдерживать конкуренцию с другими мужчинами⁵. В современном обществе понимание дружбы полностью изменилось. Большинство женщин полагают, что женская дружба решительно лучше мужской, потому что включает внимание кличности, больше соучастия и сопереживания, в то время как мужская дружба (с точки зрения тех же женщин) связана с работой, спортом, бизнесом и другими безличными занятиями. А вот мужчины, когда им задавали тот же вопрос, у какого ген-дера дружба лучше, отвечали, что тут не о чем думать. В широко цитирующемся исследовании психолог Дэниел Левинсон делает вывод, что для мужчин дружба примечательна в значительной степени своим «отсутствием»:

«В качестве предварительного обобщения можно сказать, что американские мужчины крайне редко имеют близкие дружеские

320

отношения с мужчиной или женщиной. Различие между дружбой и знакомством часто смазано. У мужчины может быть широкий круг знакомых, с которыми он поддерживает „дружеские“ отношения, куда входит много мужчин и, пожалуй, несколько женщин. Однако у большинства взрослых мужчин нет по-настоящему близкого друга, какой был в детстве или юности и о котором они вспоминают с теплотой. Многие мужчины от случая к случаю встречаются с женщинами, и в некоторых случаях, пожалуй, секс у них связан с любовью, но не связанной с сексом дружбы с женщиной у большинства мужчин никогда не было»⁶. Прежде чем продолжать, спросите себя, что вы почувствовали, когда прочли эту цитату. Она к вам подходит? Или в ней скорее говорится о том, что понимание дружбы, любви и близости претерпело изменения: они утратили славные «мужские» качества и, приобретая «женские», превратились в свою противоположность? Одна социолог критикует то, что она называет «феминизацией любви», поскольку определение близости «женскими» нормами отдает предпочтение тендерным различиям перед тендерным сходством, тем самым закрепляя традиционные тендерные стереотипы и затушевывая проблемы, которые испытывают мужчины при завязывании и поддержании близких отношений⁷.

Тендерные различия в дружбе: реальные и воображаемые

Большинство результатов исследований тендерных различий в дружбе укрепляет существующие стереотипы женщины как эмоционально выразительной и мужчины как невыразительного и неспособного к проявлению заботы (иди незаинтересованного в нем). В одном эксперименте психолог Шэрон Брем полностью изменила тендер в двух стереотипно тендерных примерах, чтобы показать «странность» того, что получилось:

«Джим и Генри были хорошими близкими друзьями. Часто они засиживались до глубокой ночи, говорили о любви, о жизни, о том, какие чувства они испытывают к разным вещам и разным людям. Если у кого-то случались неприятности, другой всегда оказывался рядом, чтобы поддержать его. Если у кого-то возникали какие-то трения с женщинами, с которыми были романтические отношения, он немедленно звонил другу, чтобы спросить совета и получить утешение. Они чувствовали, что знают все друг о друге».

«Салли и Бетти были хорошими близкими подругами. Часто они засиживались до глубокой ночи, играли в шахматы или

11 п

321

ремонтровали старый автомобиль Салли, который постоянно ломался. Если у одной случались неприятности, другая всегда приходила ей на выручку. Салли давала Бетти денег взаймы, а Бетти подвозила Салли с работы домой всякий раз, когда их совместных усилий не хватало на то, чтобы оживить любимый „шевроле“ Салли 1960 г. выпуска. Они всюду ходили вместе — посидеть в баре, поиграть в баскетбол, посмотреть последний научно-фантастический фильм. Они чувствовали себя закадычными подругами»⁸.

Конечно, все это звучит странно. Но значит ли это, что у мужчин дружба более поверхностная, менее крепкая и не столь взаимообязывающая, как у женщин, или женщины и

мужчины просто достигают одного и того же разными путями?

Некоторые психологи не обнаружили больших различий в том, каким женщины и мужчины желают видеть своего друга. Мэйта Колдуэлл и Летиция Пеплау, например, провели исследование дружбы среди студентов колледжа и обнаружили, что и женщины, и мужчины одинаково хотят близких, доверительных отношений, у них примерно одинаковое количество близких друзей и случайных знакомых, и количество времени с друзьями они проводят приблизительно одинаковое, но вот способы выражения и завязывания близких отношений часто различны. Мужчины почти в два раза чаще говорили о том, что любят «что-нибудь делать» вместе со своим лучшим другом, о том, что ищут друзей, которые любят «делать то же», что и они. Женщины, в отличие от мужчин, говорили, что они выбрали бы для дружбы того, «кто, как они, смотрит на вещи», и как способ взаимодействия предпочитали «просто поболтать». Социолог Бет Хесс обнаружила, что женщины в два раза чаще говорят о личных проблемах с подругами⁹.

Другие исследователи не верят ответам мужчин независимо от того, что они говорят.

Мужчины могут «думать, что они говорят открыто и доверительно, — пишут социологи Линн Дэвидсон и Люсиль Дьюберман, — когда сообщают, что их мало волнуют личностные аспекты и отношения в дружбе». Несмотря на данные о том, что женщины и мужчины якобы сообщают друзьям одинаковое количество информации о себе лично и что они совершенно открыты и доверяют своим лучшим друзьям, авторы приходят к выводу, что женщины на самом деле более откровенны с подругами. Они приводят в пример слова мужчины о своем лучшем друге: «Думаю, мы довольно искренни друг с другом. В основном мы говорим о сексе, лошадях, оружии и службе в армии», — и на этом основании заключают, что эти друзья не

не

322

раскрывают друг другу свои чувства. Однако при более глубоком рассмотрении может оказаться, что разговор о сексе (сексуальные страхи, неуверенность, несовместимость) или об армии (сильный страх за свою жизнь, воодушевление, стыд) может требовать такого же глубокого доверия, как и женская дружба¹⁰.

Лилиан Рубин проинтервьюировала более трехсот женщин и мужчин и обнаружила поразительные различия и в количестве друзей, и в глубине дружеских отношений. «На каждом этапе жизни между 25 и 55 годами женщины имеют больше друзей, не считая отношений с коллегами по работе, чем мужчины, и различия в содержании и качестве мужской и женской дружбы очевидны и неоспоримы». В общем, «женская дружба основывается на взаимной близости, самораскрытии, заботе и эмоциональной поддержке». Мужская же дружба основывается на совместной деятельности, а разговоры сосредоточиваются на работе, спорте и делах, требующих какой-то компетенции, «скажем, как обнаружить, где течет крыша, или какое вино нового урожая заслуживает внимания». Три четверти респонденток сказали, что у них есть лучшая подруга, в то время как более двух третей мужчин этого сказать не смогли. И даже когда мужчина говорил, что у него есть лучший друг, Рубин обнаружила, что «обычно они не обсуждали личную жизнь и переживания». Если под близостью отношений мы понимаем нечто, основанное на вербальном и невербальном взаимообмене мыслями и чувствами, благодаря которому достигается понимание внутренней жизни другого, то мужская дружба «окажется эмоционально обедненной»¹¹.

Другое исследование подтверждает некоторые из её выводов. Женщины гораздо больше делятся своими чувствами с друзьями, чем мужчины; женщины больше общаются «лицом к лицу», тогда как мужчины предпочитают обилие «бок обок»; женщины обсуждают гораздо более широкий круг проблем, чем мужчины. Женская дружба ориентирована больше на личность, а мужская — на деятельность. Женская дружба «более холистична», а мужская более «сегментирована». Женщина, как было обнаружено в одном исследовании, назовет меньше друзей, но с ними у нее более тесные отношения¹².

Эти различия усиливаются технологическими достижениями. Возьмем, например, телефон. Женщине телефон служит главной формой поддержания дружеских отношений в условиях удаленности и нехватки времени. Для мужчин же телефон — слабое подобие совместной

деятельности, являющейся основой мужской дружбы. Мужчины гораздо менее склонны использовать телефон для поддержания близких отношений. «Я дружу

323

не так, как она, — сказал один мужчина социологу Карен Уокер. — Я друзей не наработываю. Я не хватаю трубку, чтобы только спросить: „Ну, как дела?“» Другой мужчина сравнил свои дружеские отношения с тем, как дружит его партнерша:

«У меня не так, как у Лоис — женщины, с которой я живу, — с девочками из ее группы. Они — подружки не разлей вода; звонят друг другу и часами разговаривают; они все время делают что-то вместе. У нас такой близости не бывает»¹³.

Даже после долгого рабочего дня женщина, даже секретарь или телефонистка, вечером скорее всего обзвонит своих подруг.

Без постоянного общения мужская дружба со временем сильнее истощается, чем женская.

«Усиливающееся с годами одиночество, ослабление связей с друзьями-мужчинами, растущее разочарование в них и собственную вину в забвении друзей мы просто не замечаем. Отчасти это происходит после выхода на пенсию. Снижаются ожидания. Чем старше мы становимся, тем больше смиряемся с отсутствием друзей»¹⁴.

Вообще тендерные различия в дружбе скорее соответствуют расхожим представлениям и псевдооткрытиям на ток-шоу. Мужчины более сдержанны в выражении эмоций и менее склонны обнаруживать свои чувства, не рискуя раскрывать свои слабости перед другими мужчинами; женщины сравнительно более открыты. Но это не все. Может показаться, что мужчины и женщины происходят с разных планет, однако эти различия часто связаны не с тендером, а с другими факторами — с работой, семейным положением, возрастом, расой, национальностью и сексуальной ориентацией. Эти факторы могут больше сказать нам о том, какие различия являются «по-настоящему» тендерными, а какие на самом деле — суть симптомы чего-то другого.

Различия не надо преувеличивать. Как предупреждает один психолог: «Есть, конечно, опасность „реификации“ тендерных различий и преуменьшения других факторов, которые накладывают отпечаток на дружбу между людьми... Для удовлетворительного анализа дружбы необходимо исследовать диапазон социально-экономических факторов, которые формируют непосредственное социальное окружение человека, а не сосредотачиваться только на одном факторе... Конечно, гендер влияет на дружбу, но как именно — это зависит от взаимодействия тендера с другими факторами, которые вместе образуют личностное пространство общения человека»¹⁵.

На самом деле оказывается, что «в мужской и женской дружбе гораздо больше сходств, чем различий», — пишет психолог Пол Райт в обзоре литературы о тендерных различиях. Он отмечает,

324

что, хотя женщины «несколько больше внимания уделяют личным взаимоотношениям, самовыражению и поддержке», а мужчины больше внимания уделяют «внешним интересам и совместной деятельности», эти различия «не столь велики, и во многих случаях они настолько неочевидны, что их трудно выявить». К тому же различия существенно уменьшаются и практически исчезают «по мере усиления и продолжительности дружбы»¹⁶.

Например, когда женщина и мужчина выбирают себе лучшего друга, они ищут одного и того же — общения, близости и доверия. 75% женщин и 65% мужчин — большинство — выбирают в качестве лучшего друга человека своего пола. Даже когда речь идет не о «лучшем друге», женщины и мужчины хотят одного и того же от потенциального друга. И женщины, и мужчины отбирают одинаковые показатели близости. Уолл с коллегами исследовали пятьдесят восемь американских мужчин среднего класса и выявили их большее сходство — в приоритете, отдаваемом доверительным отношениям перед простым удовольствием от совместного времяпровождения, — с британскими женщинами среднего класса, чем с британскими мужчинами среднего класса. В этом на самом деле нет ничего удивительного. Все мы — женщины и мужчины — знаем, чего нам хотеть и что ценить в дружбе¹⁷.

Однако реальность бывает далека от ожиданий. И разница в наблюдаемых проявлениях оказывается очень незначительной. Мужская дружба кажется основанной на «постоянстве, чувстве локтя, взаимопонимании и совместимости», т.е. качествах, в основе которых лежит общность взглядов, а не на непрерывном, длительном взаимодействии для ее поддержания.

Мужская дружба — как и женская — также сосредоточена на «самооткрытии и самораскрытии, приятном времяпровождении, длительных отношениях и вере в важность дружбы».

Интересное исследование социолога Элен Хакер по-новому ставит вопрос о тендерных различиях

в дружбе. Когда она изучила дружбу людей одного пола, то нашла немного различий в самораскрытии между женщинами и мужчинами. Однако когда она исследовала дружбу между людьми разных полов, то обнаружила, что мужчины раскрываются больше, чем женщины, что важно учитывать в условиях тендерного неравенства. Мужчины были склонны скрывать свои слабости, а женщины — свои сильные стороны. Как другие исследования языка и коммуникации, исследование Хакер предполагает, что стиль дружбы зависит не от присущих тендеру черт, а от тендера конкретного человека, состоящего в дружбе¹⁸.

325

В целом большинство исследований, в которых соизмерялись навыки межличностных отношений, стили дружбы и степень открытости, обнаруживают немного существенных различий в том, как дружат женщины и мужчины. Более того, поскольку «женское» выражение близости отношений теперь стало критерием для оценки дружбы, мужские стили близости могут не замечаться. Дело не в том, что мужчины никак не выражают близость отношений, а в том, что они делают это иначе. Психолог Скотт Суэйн утверждает, что мужчины в знак близости «обмениваются услугами, вступают в соревнование, шутят, похлопывают друг друга по течам, делают что-то вместе и прибегают к помощи друг друга». Часто это происходит в процессе деятельности и открыто не артикулируется. Один ' мужчина сказал во время интервью:

«Я думаю, что особенности мужчин [sic] надо воспринимать целиком. Понимаете, ты выходишь на улицу и соревнуешься в спорте с братьями, и тебе хорошо с ними. Ты просто... Ты просто это делаешь. И есть что-то, что ты переживаешь настолько эмоционально [so] своими лучшими друзьями... Мы — мужчины и переживаем одно... И мне так хорошо от всего этого. Не со всякой девушкой можно пойти выпить пиво и поприкалываться. Конечно, можно, но это другое. Я хочу сказать, что это уже другие чувства. Это можно только с ребятами»¹⁹.

А как насчет «различий» в пользовании телефоном? Пожалуй, верно, что женщины больше используют телефон для поддержания дружбы, но, возможно, потому, что мужчины видят в телефоне средство для безличных контактов, тогда как дружба понимается ими как отдых от необходимости вести по телефону деловые переговоры. Другими словами, тендер может быть не единственной переменной, обуславливающей использование телефона в поддержании дружеских отношений. Барбара Банк пишет, что мужчины, точно также как и женщины, защищают своих друзей, при необходимости просят их о помощи и, если нужно, помогая своим друзьям, прибегают к необычным средствам. К тому же женщины, как и мужчины, способны на дружбу, которая включает традиционно «мужские» добродетели — доверие, верность, обязательность, — и именно их высоко ценят в дружбе женщины²⁰.

Пожалуй, именно сочетание тендера с другими факторами наилучшим образом предопределяет наши модели дружбы. Например, в некоторых исследованиях, обнаруживших тендерные различия, сравнивались работающие мужчины с женщинами-домохозяйками. Именно фактор работы или ее

326

отсутствия значительно влияет на качество дружбы и количество друзей. «Сочетание жестких требований рабочего места и культурных ожиданий, связанных с семейными ролями, влияет настолько мощно, что, как минимум, детерминирует природу социальных связей мужчин, а также развиваемые ими в обществе способности и предпочтения», — пишет социолог Тед Коэн. Работающие вне дома люди удовлетворяют свою потребность близости в семье и ищут дружбы для удовлетворения социальных потребностей. Это верно для всех — и для женщин, и для мужчин, работающих вне дома. А вот тем, кто остается дома с детьми, друзья нужны и для удовлетворения потребности в близости, потому что дети, как бы сильно мы их ни любили, не способны поддерживать близкие отношения взаимной открытости со своими родителями. Поскольку дома с детьми остаются, как правило, женщины, именно им достается «меньше досуга и возможностей для социальных

отношений, чем большинству мужчин»

21

Что еще воздействует на нашу дружбу?

Социологи, исследующие воздействие расы, этнической принадлежности, возраста, класса и сексуальности на общественную жизнь, полагают, что другие факторы помимо ген-дера могут

осложнять устоявшуюся гендеризованность дружбы. Раса, например, непосредственно влияет на качество дружбы черных женщин и мужчин. Например, флегматичность и невыразительность мужчины может быть адаптивной стратегией «маскировки неприятных эмоций, например, стыда и уныния, вызванных давлением господствующего общества». С другой стороны, черные мужчины демонстрируют сильные эмоции, часто давая выход своему гневу и ненависти к существующим общественным порядкам. {Поэтому белые видят в эмоциональности черных мужчин особенность черной культуры, тогда как на самом деле она является адаптивной стратегией в ситуации произвола, несправедливости расизма и экономического неравенства.) «Для черных мужчин в этом обществе, — пишет журналист Мартин Симмонз, — мир — враждебные, опасные джунгли». Дружба — это стратегия выживания: «Я ион — против всего мира»²².

Принадлежность к социальному классу также формирует эмоциональный опыт черного мужчины. Дружба черных мужчин из рабочего класса нередко является взаимно откровенной

327

и очень тесной, частично из-за общей политической идеологии. У черных мужчин, делающих профессиональную карьеру, друзей меньше и отношения с ними менее близки по сравнению с дружбой среди представителей рабочего класса, отчасти из-за принятия традиционных определений мужественности. Такой выбор может быть полезной риторической стратегией для сопротивления расизму, но одновременно имеет отрицательные последствия как для их отношений с женщинами, так и для самих мужчин. Шенет Харрис полагает, что сами стратегии, используемые афроамериканскими мужчинами «для увеличения социальных возможностей и выживания», могут приводить и к неадаптивным типам поведения, как участие в банде, и к снижению экономических возможностей в сравнении с теми, кто следует традиционным стратегиям мужского поведения. Она предлагает пересмотреть определение мужественности, чтобы «исключить темы доминирования и превосходства»²³.

Возраст и семейное положение также влияют на модели дружбы. Например, неженатый мужчина скорее всего будет поддерживать близкие дружеские отношения и с женщинами, и с мужчинами, в отличие от женатого мужчины. Асами дружеские отношения со временем теряют тендерные различия. Например, с ростом длительности и близости дружеских отношений женщины перестают демонстрировать свой стиль «лицом к лицу», а мужчины — свой, «бок обок». С давними близкими друзьями и мужчины, и женщины ведут себя практически одинаково — открыто и лицом к лицу²⁴.

Просеивая противоречивые данные, мы видим, что некоторые тендерные различия в дружбе все же остаются. И большинство из них касается сексуальности — друзья одного пола ее стараются не замечать, и с ней сталкиваются друзья разных полов. Сексуальное влечение почти всегда усложняет дружеские отношения между мужчиной и женщиной. «Мужчины не могут дружить с женщинами, — говорит Гарри Салли в фильме «Когда Гарри встретил Салли», — всегда примешивается пол». Гарри отчасти прав. Половые различия действительно проявляются в дружбе между гетеросексуальными женщиной и мужчиной. Почти неизбежно. Но мужчина и женщина все же могут быть друзьями. Просто требуется больше усилий. Фактически все мужчины и женщины в интервью Лилиан Рубин говорили о сексуальном напряжении в дружбе с лицом противоположного пола, которое делает стабильность и доверие в отношениях более хрупкими. «Как только отношения переходят в сексуальные, я им слишком сильно отдаюсь», — объясняла

328

одна женщина, почему она не хочет смешивать секс и дружбу. Другая женщина рассказала о противоречии, преследующем ее:

«Я бы хотела дружить с мужчиной, но, кажется, у меня ничего не получится. Если начинаются сексуальные отношения, это разрушает всякую дружбу, а если их нет, то продолжается игра. В моей жизни это — все равно проблема, делаешь ты это или нет.

Как-то я дружила с парнем, который никогда не выказывал ко мне сексуального интереса, и это мне тоже не нравилось. У меня создавалось чувство, что я непривлекательна и нежеланна. Речь не о том, что я хотела с ним переспать, но я хотела, чтобы этого хотел он»²⁵.

Когда мы говорим, что кто-то — «просто друг», мы обычно понижаем человека в нашей иерархии значимости. Но одновременно мы считаем дружбу более чистой и продолжительной, чем сексуальные отношения. В нашем мире любимые приходят и уходят, а друзья остаются навсегда. Именно поэтому мы часто говорим, что не хотим «разрушить» дружбу сексуальными отношениями. Это противоречие — ставим любовь выше дружбы в утверждении «просто друг», а

с другой стороны, ставим дружбу выше любви, не желая «разрушить» дружбу, — также гендеризуется, хотя и прямо противоположно тому, что мы обычно ожидаем от поведения мужчин и женщин. В конце концов, обычно женщины, а не мужчины, стараются отделять любовь друга от сексуальной привлекательности любимого, и именно мужчины стремятся сексуализировать дружбу.

Так как эмоциональная открытость приравнивается к уязвимости и зависимости, и эти чувства сопровождают сексуальные отношения с женщинами, большинство респондентов-мужчин говорили, что им более неловко открывать свои сокровенные чувства близкому другу-мужчине, чем другу-женщине. Эмоциональная открытость и уязвимость в отношениях с другим мужчиной обнаруживает еще одно существенное тендерное различие в дружбе — гомофобию. Гомофобия — один из центральных принципов формирования дружеских отношений между мужчинами, которого нет у женщин. Гомофобия — больше чем просто безрассудный страх и ненависть к геям; здесь присутствует и опасение, как бы другие не подумали, что вы — гей. Вспомните все, что вы делаете для того, чтобы ни у кого не возникло о вас «неверное представление», начиная с вашей походки, манеры говорить, одеваться и заканчивая тем, как вы обращаетесь со своими друзьями.

Мужчинам сама дружба может представляться проблемой, требующей объяснения. Потребность в ком-то, забота, эмо-

329

циональная уязвимость и открытость другому мужчине — все это действия, не соответствующие традиционным представлениям о мужественности. Вот что пишет один социолог:

«Наиболее фундаментальное допущение, которое друзья должны принять друг о друге, заключается в том, что каждый в презентации себя выходит за рамки общепринятых представлений, соответствующих „предписаниям общества". Неизбежно это превращает дружбу в своего рода отклонение, ибо попытка обнаружить свои чувства приведет к нарушению общепринятых правил»²⁶.

Таким образом, в самой постановке вопроса о мужской дружбе витает «призрак» гомосексуализма. На первых страницах книги о мужской дружбе Стюарт Миллер пишет, что первый, кого ему удалось проинтервьюировать, профессор философии, спросил: «О мужской дружбе... Вы собираетесь писать о гомосексуализме?» Следующий интервьюируемый, на сей раз профессор-естественник, поднял ту же самую проблему: «Вы должны быть осторожны. Знаете, люди наверняка подумают, что вы пишете о гомосексуализме». «И везде, — пишет Миллер, — я сталкивался с непониманием. Поначалу было странно объяснять, что моя книга — не о гомосексуализме». Лилиан Рубин тоже нашла, что «ассоциация дружбы с гомосексуализмом обычна среди мужчин»²⁷.

Гомофобия мешает мужчинам и женщинам выражать близость физически. В одном известном эксперименте начала 1970-х гг. девочки средней школы вели себя так, как вели себя близкие подруги в XIX столетии. Они брали друг друга за руки, обнимались, а при прощании чмокали друг дружку в щеки. При этом их учили не создавать впечатления сексуальности их поведения. И все же, несмотря на это, сверстники интерпретировали их поведение как признак лесбийских отношений, а друзья перестали с ними общаться. Точно также гомофобия препятствует выражениям близости между мужчинами. Один мужчина объяснил, почему он будет чувствовать себя неестественно, если обнимет своего лучшего друга:

«Ребята ведь немного грубоваты, а обнять другого мужчину выглядело бы совсем не грубо. Это не по-мужски, где бы то ни было, но знаете, в этом нет ничего немужского. Но кому-то это может показаться не по-мужски, и не хочется, чтобы кто-то думал, что ты — не мужчина или... в общем, изгоем быть не хочется. Думаю, никто не хочет быть изгоем»²⁸.

Несколько моих студентов недавно признались, что когда они идут в кинотеатр вместе с другом-мужчиной, то всегда

330

стараятся сесть так, чтобы между ними оставалось незанятое место, «чтобы не подумали, будто мы, ну, знаете, „вместе"», — сказал один из них.

Для мужчин и женщин, которые «ну, знаете, „вместе"», т.е. для геев и лесбиянок, дружба с человеком того же пола и противоположного пола имеет стилевые различия. В вопросе 1994г. Питер Нарди и Дружи Шеррод обнаружили существенное сходство в моделях дружбы геев и

лесбиянок с людьми того же пола. И те, и другие ценят близость и доверительность отношений, одинаково определяют интимные отношения и одинаково ведут себя с друзьями. Исследователи выделили два различия: поведение в конфликте и отношение к сексуальности между друзьями. Геи, например, более склонны к сексуализации дружбы с человеком того же пола, чем лесбиянки. «Как и их гетеросексуальные сестры, лесбиянки могут иметь близкие и доставляющие удовлетворение отношения с подругой без сексуальных отношений», — пишет Лилиан Рубин. Возможно, Рубин преувеличивает редкость асексуальной дружбы между геями, однако найденные тендерные различия между лесбиянками и геями подчеркивают, что именно тендер, а не сексуальная ориентация, является часто ключевым фактором, определяющим характер близких отношений. Может, для геев пол менее важен, чем дружба²⁹. Кроме того, геи в интервью говорят о большем количестве друзей иного пола, чем лесбиянки, у которых гораздо меньше друзей среди мужчин. Однако лесбиянки чаще дружат с гетеросексуальными женщинами, чем геи — с гетеросексуальными мужчинами. Лесбиянки, как правило, дружат с гетеросексуальными женщинами и геями. Геи, в отличие от лесбиянок, находят друзей среди гетеросексуальных женщин и других геев. «Похоже, лесбиянки чувствуют, что у них больше общего с гетеросексуальными женщинами, чем с геями и гетеросексуальными мужчинами», — пишет один автор³⁰. Конечно, так и есть. Тендер — одна из ключевых детерминант их социальной жизни. И все же у геев и лесбиянок имеется одно важное сходство в том, как они строят дружбу. Если гетеросексуалы проводят четкое разграничение между друзьями и семьей, то многие геи и лесбиянки их смешивают, как по необходимости (иногда гомосексуалов изгоняют из семей, когда они объявляют о своей идентичности), так и по собственному выбору. «У человека так много близких друзей, — говорит гей в пьесе «Хроники Хайди» Венди Вассерстайн, получившей Пулитцеровскую премию. — А у нас друзья — это и есть наша семья»

331

31

Историческое «генерирование» интимной жизни

Три главных различия — разное переживание сексуального напряжения в дружбе с человеком другого пола, влияние гомофобии и тендерные различия в моделях дружбы у геев и лесбиянок — требуют некоторого объяснения. Лайонел Тайгер, например, находил объяснение, как ему казалось, большей прочности мужской дружбы в ее эволюционной полезности для охоты и войны в доисторические времена. В современных исследованиях нет недостатка в объяснениях, почему женская дружба теснее и крепче, чем мужская. Многие из этих объяснений, впрочем, оказываются тавтологическими построениями, в которых тендер получается одновременно зависимой и независимой переменной: женские и мужские модели дружбы различаются потому, что, э-э-э, женщины и мужчины различны. Мужчины больше ориентированы на достижение цели и выполнение задач, а женщинам свойственны эмоциональность и способность к сопереживанию. В том же ключе описываются и модели их дружбы. Такие объяснения мало помогают.

Некоторые авторы предлагают психоаналитические объяснения. Например, Лилиан Рубин и Нэнси Чодороу (обе — специалистки в социологии и психологии) считают, как пишет Рубин, что «традиционная структура воспитания включает задачи по развитию детей и нормативные требования культуры к мужественности и женственности, предназначенные для формирования различий в структуре психологии женщин и мужчин». Наше понимание дружбы, любви и близости является результатом различия в задачах, которые решают юноши и девушки в борьбе за самосознание и свою идентичность. Юноша должен отделиться от матери — источника любви, заботы и привязанности — и утвердить свою независимость. Он научается преуменьшать важность этих переживаний, потому что думает, что они лишают его мужественности. Таким образом, эмоциональная близость часто отрицает или снижает сексуальное возбуждение мужчины. А для девушек длительная привязанность к матери обеспечивает неразрывную эмоциональную связь, любовь и заботу, и это становится основанием для понимания женщинами сексуальной близости, а не ее отрицания. В результате отделение и индивидуализация женщин проходят труднее, а мужчин тяготят привязанность и близость. Эти обстоятельства позволяют женщине «лучше удовлетворять потребности в зависимости и привязанности, чем мужчине»³². (Более подробно об этом см.

главу 4.)

332

Хотя такие объяснения кажутся верными, они мало что проясняют в многообразии тендерного развития и стилих дружбы в других культурах. В некоторых обществах, например, мальчики должны пройти суровый ритуал отделения от своих матерей; при этом именно им, а не женщинам, приписывается большая глубина внутренней эмоциональной жизни и способность к тесной дружбе и ее выражению. Например, антрополог Роберт Брэйн документально зафиксировал, что в нескольких обществах Африки, Южной Америки и Океании у мужчин формируются самые тесные дружеские связи с ритуальными клятвами «быть друзьями на всю жизнь», кровными братьями и даже символическими «супругами»³³.

Психоаналитики кое-что, конечно, объясняют, но их объяснения нужно рассматривать в более широком контексте исторических трансформаций, частью которых они сами являются. Идея о том, что мальчиков и девочек нужно по-разному воспитывать, сама является продуктом социального, экономического и культурного преобразования европейских и американского обществ на рубеже XIX—XX вв. Это преобразование включало несколько компонентов, трансформировавших смысл дружбы, любви и сексуальности. И Рубин, и Чодороу это признают. «Общество и индивид живут в непрерывных взаимоотношениях, — пишет Рубин. — Попытки изменить личность, не прилагая усилий, чтобы изменить институты, в которых мы живем и взрослеем, возымеют лишь ограниченный эффект»³⁴.

Стремительная индустриализация разъединила дом и работу. Сейчас мужчины ушли работать на заводы и в сфисы, в места, где выражения слабости или открытости могут дать потенциальному конкуренту экономическое преимущество. Мужчины «научились» быть практичными, строя свои отношения с другими мужчинами; в дружбе они стали «искать не близость, а компанию, не искренность, а взаимность обязательств». Мужская романтическая дружба, воспетая в мифах и легендах, для Америки была историческим артефактом³⁵.

Это разделение сфер оставило женщинам домашнюю сферу. Женщины становились все более открытыми в выражении чувств, а мужчины, наоборот, уходили от экспрессии. Разделение сфер значило больше, чем простое пространственное деление на дом и работу; духовный и социальный миры разделились на две взаимодополняющих половины. Мужчины демонстрировали качества и чувства, необходимые на работе, — соревновательность, индивидуальные достижения, практическую хватку,

333

а женщины культивировали в себе более мягкие домашние добродетели любви, заботы и сострадания.

Отождествление в культуре женственности с эмоциональной близостью привело к увеличению тендерных различий в дружбе, любви и сексуальности. Эти различия стали результатом широкомасштабных социально-экономических изменений, а не их причиной; именно исключение женщин из сферы общественного труда стало важнейшей причиной разного отношения к миру. Снова мы видим, что тендерное неравенство сначала произвело различия, которые потом стали легитимировать неравенство. Идеологически достижение самостоятельности как высшей цели индивидуального развития, наряду с появившимся идеалом брака-дружбы — брака, основанного на свободном выборе двух людей, эмоционально посвятивших себя исключительно друг другу, — закрепило растущий тендерный разрыв в уровнях эмоциональной выразительности. Когда стали заключать браки по любви, смешали сексуальную страсть с искренней дружбой — впервые в истории. (Вспомним, что греки строго разделяли супружество, секс и любовь.)

Наконец, рождение современного гомосексуала оказало огромное влияние на формирование гендерных различий в любви. Французский философ Мишель Фуко утверждал, что «исчезновение дружбы как социального института и объявление гомосексуальности в качестве социальной/политической/медицинской проблемы являются одним процессом». До XX в. слово «гомосексуальный» означало поведение, а не идентичность. Но как только оно из прилагательного превратилось в существительное, гомофобия стала занимать все более важное место в жизни мужчин. Гомофобия увеличивает тендерные различия между женщинами и мужчинами, поскольку «возможность вменения гомосексуального интереса любым отношениям между мужчинами подтверждала, что мужчины должны всегда помнить

и подчеркивать свое отличие и от женщин, и от гомосексуалов», — пишет социолог Линн Сегал³⁶.

Индустриализация, культурные идеалы брака-дружбы и разграничение сфер, появление современного гомосексуала — все это вместе породило пространство нашего переживания и понимания близких отношений и эмоциональной жизни. Разделение этого пространства на две взаимодополняющие гендеризованные области — это лишь часть истории нашего гендеризованного общества.

334

Любовь и гендер

Разграничение сфер имело глубокое влияние и на наше понимание любви. Любовь, как и дружба, имеет свою историю: ее значения и способы выражения стечением времени меняются. «Страстная привязанность между молодыми людьми может существовать и существует в любом обществе, — пишет историк Лоренс Стоун, — но социальная приемлемость чувства чрезвычайно сильно варьируется в зависимости от времени, класса и пространства, определяемых прежде всего культурными нормами и отношениями собственности». Как и в случае с дружбой, в женщинах стали видеть экспертов в любви (заметьте, что почти все рубрики с советами насчет любви и многих отношений пишутся женщинами и для женщин), а попытки мужчин выражать любовь стали оценивать «женскими» критериями. «Отчасти считается, что мужчины любят меньше, чем женщины, потому что поведение мужчин измеряется по женской мерке», — считает социолог Франческа Канчиан. Это привело к обесцениванию одного типа любви и его замене другим типом. «Его» выражения любви включали сексуальную страсть, практические аспекты обеспечения и защиты, гарантии материального выживания и взаимопомощи. «Её» способ любить включал совместность переживаний, взаимную эмоциональную зависимость, заботу, выражаемую в разговорах³⁷.

Так было не всегда. Средневековые трубадуры XI—XIII вв. воспевали неувядающую страсть как свойство любви и женщин, и мужчин. Но их романтическая любовь, кроме того, описывалась как социально опасная, таящая угрозу власти церкви, государству и семье. Поэтому вплоть до XVI—XVII вв. «всякая наставительная книга, всякий медицинский трактат, всякая молитва и проповедь... решительно отвергали и романтическую страсть, и сексуальное влечение в качестве основания брака». К XVIII в. отношения смягчились, и людям советовали выбирать супруга по любви, если, конечно, брак одобряли обе семьи, асами вступающие в брак были равны по социальному

48

и экономическому статусу .

И уже к XIX в. любовь стала обычным делом при заключении брака, так что считалось «нормальным и достойным всяческой похвалы, чтобы молодые мужчины и женщины страстно влюблялись, и, должно быть, что-то не так с теми, кому не доводится пережить этот удивительный опыт в пору поздней юности или вначале взрослости». Но в руководствах XIX в. по заключению браков любовь почти никогда не называется

335

в качестве причины для брака. Фактически она «представляется скорее продуктом брака, нежели его предпосылкой». К концу столетия, однако, «любовь победила по всем статьям в высших слоях среднего класса. С тех пор ее расценивают как важнейшую предпосылку брака»³⁹.

Любовь в нашем понимании, как основа брака, сексуальных отношений и семьи, — относительно недавнее культурное явление. Но она не во всем мире служит основой брака и/или сексуальности. В качестве основы для сексуальной деятельности любовь оказывается относительно редким явлением. Любовь и секс, как оказалось, теснее связаны в тех культурах, где сильнее неравенство между мужчинами и женщинами и где женщины материально зависят от мужчин. Там, где женщины и мужчины взаимно зависят друг от друга и относительно равны, между любовью и сексом, как правило, не ставится знак равенства. Даже в нашем обществе любовь не всегда связана с сексуальными отношениями и семейной жизнью. В статье социолога Уильяма Дж. Гуда, ставшей уже классической, отмечается, что далеко не очевидно, будто в идею романтической любви одинаково глубоко верят во всех слоях населения Америки⁴⁰.

Гендеризованность любви по-американски

Согласно историческим данным, с середины XIX в. под любовью стали понимать нежность, беспомощность и выражение чувств. Любовь все более становилась делом женщины, адом ее пространством. Мужское рабочее место было местом грубого соперничества, «огромной дикой территорией» и требовало от мужчин подавлять свои чувства; дом должен был быть местом, где мужчина найдет «убежище от неприятностей и треволнений работы, чарующее отдохновение от напряжения сил, освобождение от забот во взаимной любви», — объяснял проповедник Новой Англии в 1827 г. Женщины, как было сказано, обладающие «всеми нежнейшими добродетелями человечества», стали служить любви. (Это выделение эмоциональной сферы не считалось преимуществом женщины. На самом деле женская эмоциональность — женщины, дескать, «приучены обращаться к чувству чаще, чем к разуму», как говорил священник унитарийской церкви — была главным оправданием для их исключения из сфер работы, высшего образования и для лишения их избирательных прав⁴¹.)

336

Разделение сфер «феминизировало» любовь; сегодня любовь, как и дружба, подразумевает «упор на разговоры и чувства, мистификацию материального основания привязанности, склонность игнорировать физическую любовь и практические аспекты заботы и взаимопомощи». Мужской способ любить, сосредоточенный «на практической помощи, реальной совместной деятельности, общем времяпровождении и сексе», был «понижен в статусе» относительно женского. Эта разница в способах любить есть результат крупномасштабных преобразований, которые породили современную систему тендерных отношений, и она является как причиной тендерного неравенства, так и результатом ранее существовавших тендерных различий. Она — результат тендерного неравенства, поскольку, как пишет психолог Кэрол Таврис, возникла «потому, что от женщин ожидалось, им позволялись и у них поощрялись определенные эмоции, а от мужчин ожидали и требовали, чтобы те их отрицали и подавляли». Она стала источником того сильного непонимания между женщинами и мужчинами, которое часто рождает ощущение, будто мы произошли с разных планет⁴².

Возьмем, например, классический спор о том, кто кого любит по-настоящему. Вот что один женатый мужчина сказал Лилиан Рубин в интервью:

«Чего ей надо? Доказательств? У нее они есть, разве нет? Стал бы я из кожи лезть ради нее — например, делать все в этом доме — если бы я не любил ее? Зачем еще мужчина будет все это делать, если он не любит жену и детей? Клянусь, я не понимаю, чего ей надо».

Его жена говорит совсем другое: «Мало нас содержать и заботиться. Я все это ценю, но я хочу, чтобы ок 'делился со мной. Я хочу, чтобы он рассказывал о том, что чувствует». Эти два утверждения точно показывают различия между «его» и «её» способами любить⁴³.

Или все не так? Эмпирические исследования тендерных особенностей любви свидетельствуют, что различий меньше и они менее значимы, чем можно было ожидать.

Недавний обзор литературы, например, показал, что между поведением и установками женщин и мужчин нет статистически значимых различий по 49 из 60 параметров любви. А обнаруженные различия, как оказалось, совершенно противоречат нашим обычным ожиданиям. Возьмем, например, расхожее представление о романтичности женщин и рациональности, практичности мужчин. В конце концов, женщины — домашние эксперты по

337

эмоциям и главные потребители любовных романов, газетных и журнальных рубрик, посвященных любви, дурацких телевизионных ток-шоу. Некоторые исследования подтверждают эти стереотипы. А вот в одном исследовании обнаружилось, что мужчины, когда влюбляются, больше обращают внимание на такие эфемерные качества, как внешний вид, и легче поддаются влечению к особам противоположного пола. Большинство исследований показали, что именно мужчины больше верят в романтическую любовь, чем женщины. (В тоже самое время мужчины более цинично относятся к любви⁴⁴.) Они, оказывается, больше верят в миф о любви с первого взгляда, чаще вступают в отношения в поисках любви, но и быстрее охлаждаются. Романтическая любовь им представляется иррациональным, стихийным и непреодолимым чувством, которое требует действия. Только мужчина мог сказать то, что сказал Казакова: «Мы точно знаем, когда наше желание угасает,

— зачем желать ту, которая тебе уже принадлежит»⁴⁵.

Влюбленная женщина переживает состояние влюбленности гораздо интенсивнее, чем мужчина. В одном эксперименте обнаружилось, что после четырех свиданий мужчины почти в два раза чаще, чем женщины, определяли свои отношения как любовь (27% к 15%). Однако к двадцать первому свиданию уже 43% женщин против 30% мужчин говорили, что влюблены. Исследователи пишут:

«Если под „более романтичным" мы имеем в виду скорость увлечения и привязанность, то мужчина, кажется, больше заслуживает этот ярлык. Если же мы подразумеваем эмоциональность переживаний романтической любви, тогда поведение женщин более соответствует определению „романтичности", как более цельное и целесообразное. Женщина выбирает и привязывается медленнее, чем мужчина, но, влюбившись, она более пылко отдается эйфорическим и идеалистическим измерениям любви»⁴⁶.

Несмотря на то что, согласно отчетам мужчин, они быстрее перестают любить, именно женщины чаще инициируют разрыв. И женщина, как кажется, легче принимает своих прежних романтических партнеров в качестве друзей, чем мужчина. После разрыва мужчины — якобы менее эмоциональный ген-дер — тяжелее переживают одиночество, чаще впадают в депрессию и бессонницу, чем женщины. То же относится и к разводу: женатые мужчины живут дольше и эмоционально здоровее, чем разведенные и холостяки; незамужняя женщина живет дольше и счастливее, чем замужняя

338

47

Хотя некоторые тендерные различия, как кажется, одновременно и подтверждают традиционные тендерные стереотипы, и противоречат им, некоторые данные свидетельствуют, что эти различия значительно уменьшились за последние несколько десятилетий. В конце 1960-х гг. Уильям Кефарт задал вопрос более чем тысяче студентов колледжа: «Если у парня (у девушки) есть все качества, о которых ты мечтаешь, ты бы вступил(а) в брак с ним (с ней), если бы не любил(а) его (ее)?» Тогда Кефарт обнаружил сильные различия между мужчинами, которые не допускали мысли о браке без любви, и женщинами, которые чаще говорили, что отсутствие любви не обязательно препятствует браку. (Кефарт приписал это экономической зависимости женщин, из-за которой мужчины могли себе позволить «роскошь» жениться по любви⁴⁸.)

С тех пор социологи не переставали задавать этот вопрос, и каждый год становилось все меньше женщин и мужчин, которые утверждали, что готовы вступить в брак без любви. К середине 1980-х гг. 85% и женщин и мужчин считали такой брак невозможным; к 1991 г. 86% мужчин и 91% женщин решительно ответили «нет». Более резкое изменение показателей среди женщин указывает, насколько женское движение преобразовало женскую жизнь: женская экономическая независимость теперь предоставляет женщинам такую же роскошь брака по любви.

Однако такие исследования обнаружили значительные различия между разными странами, и это предполагает, что наши определения любви конституированы культурными различиями в большей степени, чем тендером. Когда студентам в Японии и России задавали тот же самый вопрос в 1992 г., их ответы резко отличались от ответов американцев: больше российских женщин (41%) и мужчин (30%) ответили «да», в отличие от японцев (19% женщин и 20% мужчин) и американцев (9% женщин и 13% мужчин). Если американские и японские женщины давали утвердительный ответ чуть реже мужчин, то российские

49

женщины — наоборот, гораздо чаще .

Возможно, есть какие-то другие факторы, которые влияют на то, как женщины и мужчины любят. Вспомните приведенный выше пример, как супруги говорили, чего они хотят друг друга, — что может ярче подтвердить значительные тендерные различия? Но их утверждения, тем не менее, могут сказать нам больше о преобразовании любви в браке, чем об укоренившихся личностных различиях между женщинами и мужчинами. Некоторые интересные результаты были получены в исследовании,

339

проведенном социологом Кэти Гринблат. Она задавала женщинам и мужчинам два вопроса непосредственно перед их вступлением в брак: «Откуда вы знаете, что любите этого

человека?» и «Откуда вы знаете, что этот человек вас любит?»⁵⁰

Перед браком ответы показали существенные тендерные различия, которые симметрично дополняли друг друга. Мужчина «знал», что любит будущую жену, потому что готов многое сделать для нее, пожертвовать всем, сбегать за цветами или продемонстрировать свою любовь иным зримым образом, например, бросить все и среди ночи помчаться к ней на машине сквозь снежный буран только потому, что она чем-то огорчена. К счастью, их будущие жены «знали» о том, что их любят, именно потому, что их мужчины были способны на подобные проявления любви. Женщины «знали», что любят своих будущих мужей, потому что хотели о них заботиться, ухаживать и оказывать поддержку, выражать им свои чувства и нежность. И к счастью, мужчины «знали», что их любят, потому что женщины заботятся о них, готовят еду и эмоционально поддерживают.

Пока все хорошо — все абсолютно симметрично. Грин-блат затем опросила 25 супружеских пар, состоявших в браке не менее десяти лет. Она добавила новые вопросы о том, ощущали ли они когда-нибудь сомнения в собственной любви или в любви к себе со стороны супруга(и). В целом, женщины не сомневались, что они любят своих мужей, но серьезно сомневались, продолжают ли их любить мужья. В отличие от жен, мужья не сомневались, что жены их любят, однако имели серьезные сомнения в том, любят они своих жен или уже нет.

В этих данных легко увидеть подтверждение тендерных различий: мужчины влюбляются быстрее и охлаждаются быстрее, чем женщины. Однако благодаря им же можно понять, как структура брака трансформирует нашу способность любить и быть любимым(ой). В конце концов, когда вы состоите в браке, у вас меньше возможностей совершать какие-то необычные поступки в доказательство своей любви. Вы живете вместе, каждый день приходите домой после работы и вместе воспитываете детей. Хотя это само по себе может казаться мне или вам героизмом, это не даст мужчине ощущения, что он выражает свою любовь так, как бывает, когда он точно «знает», что кого-то любит. Поэтому он начинает сомневаться, действительно ли он любит свою жену. И наоборот, в нуклеарной семье, живущей в пригороде, женская любовь ограничена домашним

340

хозяйством и заботой. Поэтому жены уверены, что они все еще любят своих мужей, но не уверены, любят ли их мужья.

Видеть в подобных различиях проявление сущности женщин и мужчин значит упускать из виду влияние структуры современной семьи и то, как эта структура облегчает складывание одних и затрудняет складывание других отношений. Даже если женщины и мужчины происходят не с разных планет, современная обособленная нуклеарная семья может не оставлять мужчинам возможностей для выражения любви, которую они чувствуют. Это означает, что нам нужно учиться проявлять любовь разными способами и в разных ситуациях.

Происходящая в настоящее время феминизация любви, утверждает психолог Кэрол Таврис, имеет вредные последствия для женщин:

«Феминизация любви в Америке, славящая способность женщин любить, не имеет ничего общего с любовью между самостоятельными людьми. Она славит романтическую, эмоциональную любовь, которая укрепляет миф о фундаментальных различиях между женщинами и мужчинами. Она поддерживает противопоставление женской любви и мужской работы. Таким образом, она мешает женщинам думать о своих талантах и устремлениях и заставляет заботиться только о том, чтобы найти и удержать Подходящего Кавалера»⁵¹.

К счастью, любовь в феминизации не нуждается, как считает Франческа Канчиан. Мужской способ любить — «практическая помощь и реальные действия» — тоже служит «выражением чувств». Кроме того, феминизация любви, ее сведение к выражению чувств, заботе и искренности, скрывает способность женщин к практическим, ориентированным на деятельность формам любви, в результате чего на мужчин и женщин надевается своего рода маска, скрывающая некоторые их личностные черты, как будто правша никогда не пользуется левой рукой. Канчиан задает важный вопрос: «Кто любит больше? Супруги, которые делятся друг с другом своими переживаниями, но редко делают что-либо вместе и оказывают друг другу практическую помощь, или супруги, которые не раз помогали друг другу в трудных ситуациях, вместе ведут домашнее хозяйство, но редко обсуждают друг с другом свои личные переживания?» Отсюда, наверно, следует необходимость более широкого, универсального

определения любви, цель которого — в развитии личности каждого, в которой есть и взаимная поддержка, и обмен переживаниями и которую способны одинаково переживать и женщины, и мужчины

52
341

Заключение

Любовь и дружба в нашем обществе, пожалуй, являются важнейшими магистралями самопознания, наряду с сексуальностью (о чем пойдет речь в следующей главе). «Любовь дарит нам идентичность, добродетели, роли, через которые мы определяем себя и своих любимых, чтобы разделить с ними наше счастье, упрочить наши ценности, поддержать нашу самооценку и компенсировать анонимность, безличность и возможные фрустрации общественной жизни», — пишет Роберт Соломон. Другими, указывает Лилиан Рубин, «нам кажутся те, кто пробуждает в нас лучшее, что в нас есть, даже если они принимают и нашу темную сторону»⁵³.

Все же дружба — вещь ненадежная. В отличие от брака, пишет Лилиан Рубин, дружба «держится исключительно на эмоциональных связях. Без общественного договора, без ритуального скрепления, без залога верности и преданности, дружба в наше время стала менее значимой и очень часто самой хрупкой формой социальных отношений». Это же можно отнести и к любовным отношениям, которые требуют большей заботы и внимания друг к другу в мире, который стал казаться полным бесконечных ухищрений и уверток. Еще более хрупкими стали сексуальные отношения, дающие нам лишь мимолетное обещание прочной эмоциональной связи.

Чтобы устроить нашу жизнь, чтобы испытать всевозможные удовольствия, достичь глубины эмоциональных связей с любимыми и друзьями, мы должны помнить, что тендер, конечно, определяет нашу эмоциональную жизнь, но не полностью. Утверждать, что женщины и мужчины произошли с разных планет, значит обрекать всех нас в лучшем случае на космическое путешествие без карт, без переводчиков и технического обслуживания. Пусть переводчики останутся дома, и давайте учиться познавать себя. Любовь и дружба — глубоко личностные переживания, в которых нужно обходиться без посторонней помощи. Великий британский романист Э.М.Форстер как-то написал о страсти: «Мужчины и женщины способны на длительные отношения, а не просто на снятие напряжения».

Глава 10

Гендеризованность сексуальности

Сексуальность мы создаем сами.

Мишель Фуко

Если кого и относить к нетрадиционной ориентации, то тех, кто никого не любит.

Рита Мэй Браун

Нигде в нашей интимной жизни тендерное различие не выражается так сильно, как в сексуальных отношениях. Но даже здесь, как мы увидим, наметились признаки к сближению. Если дружба и любовь «феминизировались», в том смысле, что модели принятого поведения стали походить на то, что традиционно отождествляется с «женской» моделью близких отношений, то сексуальность стремительно «маскулинизируется». «Маскулинизация секса», т.е. стремление к чистому удовольствию, преувеличенное внимание к оргазму, множество сексуальных партнеров, интерес к сексуальным экспериментам и отделение секса от любви, — явилась отчасти результатом соответствующих технологических изменений (от контроля за рождаемостью до Интернета), отчасти следствием сексуальной революции, обещавшей большую сексуальную свободу с меньшими эмоциональными и физическими последствиями. Главным итогом сексуальной революции был отказ от викторианского двойного стандарта, бывшего, по сути, лишь версией межпланетной тендерной теории XIX в. Согласно авторам того времени, женщины и мужчины относились к разным биологическим видам. Знаменитый французский историк Жюль Мишле писал в 1881 г.*:

«[Женщина] все делает не так, как мы [мужчины]. Она думает, говорит и действует по-другому. Ее вкусы отличаются от наших вкусов. Даже кровь у нее течет в венах не так, как у нас, — время от времени кровь мчится через ее тело подобно пенящемуся горному потоку...

Она ест не как мы — не так

Ошибка автора, поскольку Ж.Мишле умер 9 февр. 1874 г. *Прим. ред.*

343

много и не те же самые блюда. Почему? В основном потому, что она переваривает все не так, как мы. Переваривание ею пищи каждое мгновение омрачено только одним — женщина тоскует этими самыми кишками. Глубокая чаша любви (которую называют женским тазом) — это море меняющихся эмоций, пре-пятствующих регулярности пищевой функции»¹.

Секс неизменно считался вредным, нездоровым и безнравственным для женщин, а для мужчин — не только приемлемым, но и полезным. «Большинство женщин (к их счастью) не слишком обеспокоены сексуальными чувствами», — писал один врач (понятно, мужчина) в 1890-е гг.²

Даже когда после Второй мировой войны Альфред Кинси предпринял свои пионерские исследования сексуального поведения, двойной стандарт все еще не сдавал своих позиций. Кинси писал в 1953 г.:

«Мы еще не поняли, насколько похожими могут быть сексуальные реакции женщин и мужчин и до какой степени они могут различаться. Мы сохранили старые традиционные взгляды, что женщина медленнее отвечает на чувство, что на теле женщины больше эрогенных зон, что женщинам свойственно более раннее сексуальное развитие, и придерживаемся представлений о фундаментальных различиях в природе оргазма женщин и мужчин, о большей эмоциональности сексуального поведения женщины и других убеждений, которые не основаны на научно собранных данных и кажутся неправильными. Теперь оказывается, что сама метода, положенная в основу руководств по вступлению в брак, и древних, и современных, породила некоторые различия, которые мы теперь считаем неотъемлемыми свойствами женщин и мужчин»³.

Кинси полагал, что мужчинам и женщинам свойственны одинаковые физиологические реакции, но на мужчин сильнее влияют психологические факторы. Обратите внимание на его утверждение, что именно советы экспертов фактически порождают многие различия между женщиной и мужчиной. Исследование учебников по гинекологии, изданных между 1943 и 1972 гг., это подтверждает. Во многих учебниках утверждается, что женщина не способна испытать оргазм во время полового акта. Один автор писал, что для женщины «сексуальное удовольствие совершенно неважно и она его не испытывает»; другой писал о «почти всеобщей фригидности женщин». Учитывая сказанное, неудивительно, почему женщинам рекомендовали симулировать оргазм: они же не способны по-настоящему его испытать!

«Следует рекомендо-

344

вать женщинам воспользоваться невинным симулированием; фактически многие женщины, желая доставить удовольствие мужьям, научились прибегать к такому безобидному обману», — так рекомендовалось в учебнике гинекологам решать проблемы своих пациенток⁴.

Двойной стандарт сохраняется и сегодня, возможно, в меньшей степени в том, что мы делаем, чем в том, как мы думаем о том, что делаем. В результате сексуального эпизода мужчина приобретает уважение, женщина — его теряет: он — самец, одержал еще одну победу; она — потаскуха, «слаба на передок». Юношу учат тому, как вступить в половой контакт; девушку — как помешать его попыткам. «Вся игра направлена на то, чтобы заставить девушку отдаться, — говорил один юноша социологу Лилиан Рубин. — Ты ждешь, что она будет сопротивляться; ей это необходимо делать, чтобы не потерять репутацию. Но ты продолжаешь добиваться. Отчасти это возбуждает, когда ты трогаешь, тебя трогают, но надо признать, что дело и в победе тоже, и в том, что ты расскажешь парням в школе наследующий день». «Я думал, что должен желать этого как можно чаще, — вспоминал другой мужчина. — Думаю, потому, что если ты — парень, то все думают, что ты все время хочешь»⁵.

Двойной стандарт в сексуальных отношениях — это не просто разные, но равные сценарии сексуальности, один — для марсиан, а другой — для жительниц Венеры. Двойной стандарт сексуальности сам по себе — продукт тендерного неравенства, сексизма — основанного на тендере неравенства в распределении власти. Тендерное неравенство усиливается благодаря нашим мыслям о том, что мужчины более сексуальны, чем женщины, что мужчины всегда стремятся к сексуальным победам для доказательства своей мужественности, а женщины —

точнее, «леди» — либо не имеют сильных сексуальных чувств, либо должны постоянно их контролировать, чтобы не потерять честь. С такими взглядами секс становится не средством в развитии отношений, а соревнованием, в котором в сексуальном удовольствии видят его победу над ее сопротивлением. Сексуальность становится, по выражению адвоката Кэтрин Мак-киннон, придерживающейся феминистских взглядов, «опорой тендерного неравенства»⁶. Женщин с детства учат, что сексуальная активность, или «неразборчивость», нарушают нормы женственности. Конечно, эти правила поддерживаются не только мужчинами, но и другими женщинами; они поддерживаются такими институтами, как

345

церковь, государство, школа. Интерес к сексу превращает хороших девочек в плохих, так что большинство женщин принимают культурный стандарт сексуального минимализма — меньше партнеров, меньше поз, меньше удовольствия, меньше секса без любви. Такая идеология заставляет женщину ждать своего Прекрасного Принца, который освободит ее из плена, пробудит нежными поцелуями и выпустит наружу ее страсть, бурлящую за внешней сдержанностью.

Двойной стандарт сексуальности намного жестче, чем любое идеологическое различие в мужской и женской моделях дружбы и любви. В результате в сексуальности мы находим самые сильные тендерные различия. Примеры различных сценариев имеются в большом количестве, начиная с того, о чем мы думаем, чего хотим и что фактически делаем. Например, что мы понимаем под словом «секс»? Когда женщина и мужчина произносят слово «секс», они часто подразумевают разные вещи. В одном исследовании моногамным гетеросексуальным парам в возрасте 45—46 лет задавали вопрос: «Сколько раз вы занимались любовью на прошлой неделе?» Обнаружено, что мужчины сообщают о большем числе эпизодов, чем женщины. О чем это говорит? О хорошей памяти? О хвастовстве мужчин? О тайных встречах? Об удовольствиях в уединении? Когда исследователи стали выяснять, оказалось: причина различия в том, что женщины и мужчины по-разному понимают, что значит «заниматься любовью». Женщины считали эпизоды, а мужчины — количество своих оргазмов. Таким образом, женщина говорила: «Мы занимались любовью три раза на прошлой неделе», а ее муж мог сказать: «У нас это было три раза, но один раз мы сделали это дважды [т.е. он имел два оргазма], так что мой ответ будет — четыре».

Различия в критериях подсчета обнаруживают более глубокие различия в понимании сексуальности. Женщины приравнивают к сексу весь эпизод и, таким образом, включают в него более широкий диапазон сексуальных действий. Сосредоточенность мужчин на оргазме как на главном критерии секса сопровождается их склонностью исключать иные действия кроме собственно соития из понятия «занятия сексом». Оральная или мануальная стимуляция рассматривается как «прелюдия» мужчинами, но как «секс» — женщинами. Мужчина не может рассматривать общение как секс, если нет соития, что часто приводит к сложностям при «техническом» определении «девственности». Иллюстрацией могут служить недавние публичные дебаты о том, что считать «сексуальными отношениями», развернув-

346

шиеся в связи с процедурой импичмента президента Клинтона. Он и Моника Левински не имели половых сношений, они занимались тем, что девочки в школе, где я учился, имели обыкновение называть «чем угодно, но не сношениями». Поэтому Клинтон убежденно говорил, что не лгал, отрицая сексуальные отношения с Левински. Он полагал, как объяснил мне один приятель, что «считается, если вставил». Медики это подтверждают: в «Журнале американской медицинской ассоциации» сообщалось, что около двух пятых опрошенных «считают» сексом только соитие. 59% респондентов отметили, что орально-генитальный контакт сексом не является⁷.

Соитие и оргазм являются более важными формами сексуального выражения для мужчин, чем для женщин. Это приводит к концентрации мужчин на гениталиях как единственной и важнейшей эрогенной зоне. Неудивительно, что «фаллоцен-тричность» мужской сексуальности приводит к тому, что мужчины прославляют пенис и часто у них вырабатывается довольно сложное отношение к своим гениталиям. Некоторые своему пенису дают человеческое имя — «Вилли», «Джон Томас», «Питер» — или пикантное прозвище, например, по названию товаров широкого потребления — «бигмак». Иногда мужчины

начинают считать свой член маленьким (или большим) мальчиком, который угрожает вести себя не так, как от него ожидают. Если мужчина не персонифицирует свой член, то объективирует; если это — не маленький человечек, тогда он работает как машина, инструмент, «снаряд». Мужчина мысленно вкладывает «холод и твердость металла» в свою плоть, как пишет французский философ Эммануэль Рейно⁸.

Женщины редко дают имя своим гениталиям; еще реже они думают о своих гениталиях как о машине. Мужноли представить, чтобы клитор называли «Шерли», а губы «Салли Энн»? Женщины вообще не дают своим гениталиям имен собственных и называют вульву, губы и клитор общим словом «интимное место» или эвфемизмом «там». Да и кто видел женщину, беседующую со своими гениталиями?⁹

Поэтому, думая о сексе, мужчина и женщина часто думают о разном. Вообще, всякая мысль о сексе уже кажется гендери-зованным действием. Мужчины склонны думать о сексе чаще, чем женщины. Более половины мужчин (54%) в недавнем крупномасштабном опросе по сексуальности, проводившемся Национальным центром изучения общественного мнения (NORC) в университете Чикаго, сообщили, что думают о сексе «очень часто», по сравнению с 19% женщин. Две трети женщин

347

и 43% мужчин сообщили, что думают о сексе «не очень часто». 14% женщин и только 4% мужчин «редко» или «никогда» не думают о сексе¹⁰.

Сорока годами ранее Альфред Кинси с коллегами обнаружили, что во время мастурбации фантазировали 89% мужчин и только 64% женщин; содержание фантазий у них тоже было различным. Сегодня почти четверть (23%) мужчин и 11% женщин смотрят порнографические видеофильмы; 16% мужчин и 4% женщин читают порнографические книги или журналы". И содержание их фантазий по-прежнему сильно отличается. Вместе со своим помощником я собрал за последние 10 лет более 1 000 сексуальных фантазий студентов. В этих фантазиях проявляются определенные тендерные закономерности. Мужчины чаще воображают, как они с незнакомкой, иногда с несколькими, совершают ряд представляемых во всех подробностях разнообразных сексуальных актов; женщины чаще воображают какую-то особенную обстановку для любовных ласк с партнером или мужем и редко визуально представляют какие-то отдельные действия. Рассмотрим примеры «типичных» фантазий из нашего собрания. Вот что говорили женщины:

«Мы с другом — на пустынном острове. Пальмы шелестят от легкого ветра, песок блестит. Солнце жаркое, и мы плывем в прохладной голубой воде, потом возвращаемся на пляж и ложимся. Мы втираем в тела друг друга молочко для загара, потом страстный поцелуй. Потом мы занимаемся любовью в песке».

«Мы с мужем — на лыжном курорте, в домике. Вечереет. За окном идет снег, мы разжигаем камин и ложимся перед ним на огромной шкуре. Мы потягиваем шампанское у огня, в котором трещат поленья. Потом он целует меня, снимает с меня блузку. Затем мы занимаемся любовью».

Сравните с фантазией типичного мужчины: «Я иду по улице, а навстречу — две потрясающие блондинки. Наши глаза встречаются, и мы понимаем, чего хотим друг от друга, Одна из них становится на колени передо мной, расстегивает молнию на штанах и начинает сосать мне так, что я чуть с ума не схожу. Другая снимает с себя шорты и начинает играть с собой. Я ее беру, и, пока я ее трахаю, она лижет той, первой. Мы делаем это всеми возможными способами, они продолжают, пока я отдыхаю, но от того, что я смотрю на них, я завожусь, так что мы начинаем снова. Потом все мы встаем и уходим, широко улыбаясь от удовольствия. Больше никогда не встретимся»¹².

348

Фантазии мужчин — это идеальное исполнение их сексуальных сценариев: концентрация на гениталиях, на оргазме, образность представлений о пространственно-временной последовательности сексуальных действий. Мы точно знаем, кто что кому делает и в каком порядке. Физические характеристики участниц неизменно представляются в подробностях; чаще всего это незнакомки (или известные модели, актрисы), выбранные по физическим данным. Почти нет описаний окружающей обстановки. А вот фантазии женщин полны описаний места и времени, точных указаний на местоположение важных деталей: свечей,

шкур, бокалов с вином. Они часто представляют нынешних или прошлых партнеров. Описание самого акта сводится к минимуму и обычно ограничивается общим указанием на «занятие любовью».

Таким образом, можно сказать, что сексуальные фантазии женщин обедняются разработкой ситуативных подробностей, а в фантазиях мужчин сосредоточенность на сексуальных образах обедняет описание обстановки. (Эти различия проявляются и у гетеросексуалов, и у гомосексуалов — женщин и мужчин, — что является еще одним свидетельством в пользу того, что базовым компонентом наших сексуальных сценариев является тендер, а не сексуальная ориентация.) Хотя есть некоторые данные о том, что в женских фантазиях стало больше сексуальных действий и они стали осваивать эксплицитный язык для их описания, эти фантазии раскрывают и то, что мы думаем, и то, каких, по нашему мнению, мыслей от нас ожидают, когда мы думаем о сексе¹³.

Откуда берутся эти различия в пейзажах души? Во-первых, из презентации сексуальности. Порнография занимает особое место в развитии мужской сексуальности. Почти все мужчины признаются, что смотрели порнографию, по крайней мере в юности; действительно, многие мужчины впервые видят голых женщин в порнографических журналах или на видео. Порнография вызывает активный политический протест, начиная с правого крыла эротофобов, полагающих, что порнография также унижает человеческое достоинство, как разговоры о противозачаточных средствах, гомосексуализме и абортах, и заканчивая радикальными феминистками, которые видят в порнографии проявление женоненавистничества наряду с изнасилованием, избивением в семье и клиторотомией. В то время как мероприятия правых усиливают неловкость американцев по отношению к сексуальности вообще, феминистки свою радикальную критику порнографии превратили

349
в политический вопрос, поскольку они утверждают, что, когда мужчины смотрят порно с голыми женщинами, они фактически поддерживают культуру ненависти и презрения к женщинам. Порнография подчеркивает подчиненность женщин; порнография «делает сексизм сексуально привлекательным», утверждает активист Джон Столтенберг. Это — не репрезентации фантазий, а документальное подтверждение насилия и пыток, которые проделываются ради пробуждения сексуальности в мужчине. Вот как комментирует свое «ремесло» режиссер и актер порнографических фильмов:

«В целом я работаю в [порнографической] индустрии ради удовлетворения тех мужчин во всем мире, которых женщины мало заботят и которые хотят видеть, как мужчина сводит счёты с женщинами, чего они сами в детстве делать не могли... Так, показывая на экране лицо женщины или сцену сексуального насилия, мы воплощаем забытые мечты. Я уверен в этом. Я слышал, как зрители довольны, когда я делаю на экране какую-нибудь гадость. Когда я душу ее, содомирую или показываю брутальный секс, аудитория приветствует мои действия, когда я исполняю свое извращенное желание, аудитория мне аплодирует»¹⁴.

Заявления феминисток против порнографии — о том, что порнография стимулирует насилие или что она делает нас нечувствительными к реальным последствиям реального насилия над женщинами, — трудно подкрепить эмпирическими фактами. В некоторых исследованиях обнаружили эмпирическую связь, других зафиксированы незначительные изменения в установках мужчин после просмотра порнографии с насилием. Независимо от наличия или отсутствия эмпирических доказательств того, что порнография сама по себе приводит к насилию, между мужчинами и женщинами есть одно шокирующее различие: каждый день в Соединенных Штатах находятся такие мужчины, которые занимаются мастурбацией, мысленно подвергая женщин сексуальным пыткам, клиторотомии и насилию. Безусловно, здесь имеется резкое различие между женской и мужской сексуальностью — едва ли можно себе вообразить много женщин, занимающихся мастурбацией, вызывая при этом образ Лорены Боббитт, отрезающей член своему спящему мужу. Насилие женщину не возбуждает; наконец, следует прекратить и практику опривычивания таких образов среди мужчин¹⁵.

Кроме того, порнография преувеличивает маскулинизацию секса. Обычно в порнофильмах и женщины, и мужчины хотят

секса — даже если женщина секса не хочет, ее все равно принудят или изнасилуют, и, в конце

концов, выйдет, что она этого хотела. И женщина, и мужчина постоянно ищут возможности заняться сексом, оба немедленно возбуждаются и готовы к половому акту, оба испытывают оргазм через пятнадцать секунд после проникновения. Чью сексуальность все это напоминает? В результате, как говорит активист движения против порнографии Джон Столтенберг, порнография «лжет о женщинах», но «говорит правду о мужчинах»¹⁶.

Учитывая разницу в сексуальных менталитетах, неудивительно, что у нас вырабатывается различная сексуальность, и это проявляется в наших установках и поведении. Включение женщиной партнера или мужа в свои фантазии указывает, что женская сексуальность часто требует полной активизации эмоциональной связи. «Чтобы по-настоящему почувствовать секс, я должна ощутить нечто, — сказала одна женщина Лилиан Рубин. — Без этого секс становится лишь физическим упражнением, только менее приятным, потому что после плавания или бега у меня приятные ощущения». Первый сексуальный опыт женщины, как правило, происходит в контексте отношений с взаимными обязательствами¹⁷.

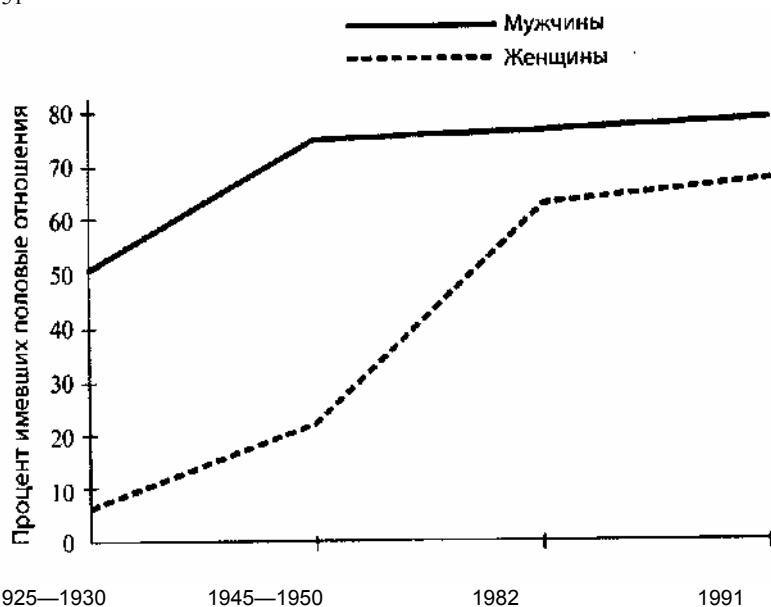
Поскольку женщины склонны объединять сексуальную и эмоциональную связь, понятно, что их меньше интересуют приключения на одну ночь, связи на стороне и многомужество. В одном опросе женщины на 20% чаще соглашались с тем, что встречи на одну ночь унижительны (47% мужчин против 68% женщин). Мужчина скорее окажется неверным своей супруге, хотя этот тендерный разрыв значительно сократился за последние 20 лет. И, конечно, отделение секса от чувств означает, что мужчины, скорее всего, имеют больше сексуальных партнеров, чем женщины. На рис. 10.1 можно видеть злую разницу и то, как

она сократилась за последние десятилетия .

Более широкий сексуальный репертуар мужчины обычно включает желание орального секса, о котором женщины высказываются менее восторженно. Одна женщина объяснила это следующим образом:

«Мне это нравится. Тогда ему хорошо, по-настоящему хорошо. Я не нахожу это неприятным. Я не говорю, что мне хочется это делать каждый раз. Я не сравниваю это с распродажей в „Блумингдэйле“. Туда я могла бы ходить каждый день. Но это и не визит к зубному врачу. Это где-то посередине. Ближе к „Блумингдэйлу“, чем к зубному»¹⁹.

351



Годы, когда респонденты учились в высшей школе

Рис. 10.1. Динамика гетеросексуального опыта среди старшекласников.

Источник: Schwartz P., Rutter V. *The Gender of Sexuality: Sexual Possibilities*. Thousand Oaks, Calif.: Pine Forge Press, 1998. P. 165. Публикуется с разрешения издательства.

Пожалуй, это меньше связано с внутренним смыслом акта, чем с тендером. Например, описание опыта орального секса мужчиной почти всегда делается с позиции власти, будь то фел-ляция — «я чувствую себя таким сильным, когда вижу, как она опускается передо мной на колени» — или куннилинг — «ощущение такое, что могу языком душу из нее вынуть, и это дает мне такую власть»; в обоих случаях мужчина видит выражение своей власти. А женщина

в обоих случаях воспринимает оральный секс с позиции своего бессилия — не обязательно, потому что ее принуждают, а потому что «он счастлив», когда она делает это или позволяет делать ему. Таким образом, оральный секс, как и соитие, позволяет ему чувствовать себя «мужчиной» независимо от того, кто, кому и что делает.

Гендеризованность сексуальной социализации

Откуда возникает тендерный разрыв в сексуальности? Хотя СМИ нас постоянно бомбардируют сексуальными образами,

352

мы еще получаем уроки сексуальной этики от наших родителей, преподавателей и в наших религиозных учреждениях, но больше всего о сексе мы узнаем в юности, и самое активное участие в нашей сексуальной социализации принимают сверстники. Мы учим друг друга тому, что хорошо и почему, а затем совершаем определенные действия с партнерами до тех пор, пока они по-настоящему не почувствуют то, что, как нам говорили, мы должны почувствовать сами.

Вспомним, например, школьные «пробы», когда подростки пытаются, обычно без слов, договориться о том, насколько далеко они зайдут в сексуальных контактах. И мальчик, и девочка имеют свои цели, но они скорее всего разные. «Его» цель, конечно, в том, чтобы увеличить счет, и, прокладывая путь к этой цели, он прибегает к разнообразным маневрам, аргументам и другим стратегиям, которым его научили друзья. «Ее» цель может заключаться в удовольствии, но одновременно и в том, чтобы сохранить репутацию «хорошей девочки», которая требует определенной строгости, но не «слишком». «Юноши вступают в сексуальные отношения с ожиданиями и желаниями, весьма отличными от тех, которые имеют девушки, — такой вывод был сделан по результатам исследования сексуальности Национального центра изучения общественного мнения. — Молодые женщины часто в первом половом акте не испытывают физического удовольствия, и многие говорят, что их принудили к соитию»²⁰. Последуем за типичными юношей и девушкой, вступившими в переговоры по поводу своих конкурирующих желаний. Если они уже встречались прежде, то он может решить, что пришло время развить сексуальные отношения дальше и переходить от поцелуев (первая стадия) к троганию ее груди (вторая стадия). Почти всегда в «его обязанности» входит ра^зитие, а «ее обязанность» — принять решение, позволить ему это или нет. Так что его рука подбирается к ее груди. Она ему разрешает.

Думает ли при этом наш герой: «Ммм. Неплохо. Грудь мягкая и теплая. Подержусь-ка еще немного»? Вряд ли. Обычно он уже думает, как бы забраться под блузку. А думает ли она: «Ммм. Приятно. Мне это нравится больше, чем когда другой попробовал сделать то же самое месяц назад»? Скорее, она думает: «Знаю, он теперь попробует забраться мне под блузку. Хочу ли я этого? Как его остановить, не обидев?»

Каждый раз, когда он продвигается дальше, ему практически некогда наслаждаться, пока он не достигнет следующей стадии. И каждый раз она должна решить, надо ли и как ему препятствовать. Едва ли кто-нибудь из них полностью отдается

12 Гендерное общество

353

возбуждению и удовольствию от исследования тел друг друга. Оба фактически находятся далеко в будущем, готовят свой следующий шаг. Большая часть нашей сексуальной социализации в юности устремлена в будущее, а не в настоящее.

Если наша парочка не в одном времени, то, по крайней мере, на одной планете. Но даже здесь они думают не об одном и том же. Он может думать: «Ничего себе, добрался до третьей стадии! Не могу дождаться, чтобы рассказать парням!» Она же думает: «Боже мой, я позволила ему зайти так далеко. Надеюсь, никто из подруг не узнает!» Поэтому он обещает не говорить никому (может и врать!) в обмен на ее разрешение пойти дальше. Они находятся и пространственно в разных местах — каждый со сверстниками своего пола, которые охраняют их репутацию. Как выразилась одна исследовательница феминистского направления, «хотя сексуальный интерес сосредоточен на противоположном поле, прежде всего у своих сверстников и сверстниц подростки будут искать одобрения своих сексуальных установок и достижений». Учитывая удаленность друг от друга в пространстве и времени, остается удивляться, как мы вообще получаем удовольствие и познаем друг друга!²¹

Эта динамика помогает понять, какое давление испытывают подростки и почему часто

происходят разрывы в общении, в том числе из-за того, что мальчики пытаются идти дальше, чем девочки им позволяют. То, что юноши и девушки ищут сексуального опыта не для установления близких отношений и не для получения удовольствия, является трюизмом для исследователей сексуальности. Психолог Чарлин Мюленхард, например, изучала сексуальный опыт подростков более десяти лет. Она обнаружила, что юноши чаще (57,4%), чем девушки (38,7%), вступали в нежелательные половые сношения под воздействием соблазна — т.е. когда им делались шаги навстречу, от которых было трудно уклониться. Больше мужчин (33,5%), чем женщин (11,9%), вступали в нежелательные половые сношения, потому что хотели получить сексуальный опыт, хотели о чем-то поговорить или установить доверительные отношения. И больше мужчин (18,4%), чем женщин (4,5%), сказали, что вступали в половые сношения, потому что не хотели казаться гомосексуалами, застенчивыми, боязливыми, недостаточно мужественными или недостаточно женственными. Давление сверстников сыграло роль для 10,9% мужчин, но только для 0,6% женщин²².

По достижении взрослости это социализированное расстояние между женщинами и мужчинами может сцементировать-

354

ваться в их различный сексуальный опыт, который, как нам все говорят, мы имеем на всю жизнь. Каждый тендер стремится выразить различные чувства, по различным причинам, с различными репертуарами. Так что может показаться, что мы изначально прибыли с различных планет. В британском фильме «Сэмми и Роза делают это» лесбиянка говорит, что гетеро-сексуалы достойны сожаления: «Женщина все время пытается кончить, и ей это не удается, а мужчина все время пытается не кончить, и ему это тоже не удается».

В чем-то она права. Так как многие мужчины связывают адекватное сексуальное функционирование с задержкой эякуляции, то некоторые, во избежание «преждевременной эякуляции», разрабатывают целые стратегии, которые сводятся к большей эмоциональной дистанцированности, фаллоцентризму, фокусированию на оргазме и превращению женщины в объект полового акта. Вуди Аллен показал это в комедии середины 1960-х гг. Играя роль «жеребца», Аллен говорит:

«Когда занимаешься любовью и стараешься [пауза] отсрочить [пауза] момент экстаза, я думаю о бейсболе. Вот, теперь ты об этом знаешь. Итак, мы оба яростно занимаемся любовью, и она здорово работает, так что я должен быстро думать о бейсболистах. Выбираю команду „Джаэнтс“. Мэйз движется к правому краю. Он берет секунду на дикой подаче. Теперь она впивается ногтями мне в шею. Я делаю передачу Мак-Коуви [смешок]. Выскакивает Алу. Хэллер берет удар, Мэйз берет третий. Теперь у меня — первая и третья ситуация. Два аута, и „Джаэнтс“ отстают. Я не знаю, что делать дальше [смешок]. А она уже минут десять как в душе [пауза]. Больше не могу ничего сказать, это — слишком личное [пауза]. „Джаэнтс“ победили».

Читателя могут поразить несколько вещей в этом отрывке — привнесение насилия, то, как получаемое партнершей удовольствие наводит на мысли о бейсболе, желание победить в игре и описание секса на языке спорта. Текст также выявляет поразительный пример дистанцирования мужчины в сексе. Средство задержать эякуляцию (и не только ее) срабатывает настолько успешно, что рассказчик вдруг перестает замечать партнера: «А она уже минут десять как в душе», — неожиданно обнаруживает Аллен. Другие мужчины детально представляют спортивные сцены, повторяют таблицу умножения или, как один из моих студентов, химик по специальности, периодическую таблицу Менделеева.

Неудивительно, что женщины часто задаются вопросом, о чем думают мужчины во время секса!

355

Когда все идет «хорошо», мы отчетливо видим гендеризованность секса. Ее можно обнаружить и тогда, когда все идет не так. Например, когда мужчина хочет услышать диагноз своих сексуальных проблем, он почти никогда не жалуется на то, что не испытывает удовольствия. Один мужчина с преждевременной эякуляцией жаловался, что не чувствует себя «настоящим мужчиной», потому что «не может удовлетворить женщину». Другой, с проблемами эрекции, сказал врачу, что «настоящий мужчина не должен просить у жены чего-нибудь сексуального» и «должен быть способен удовлетворить ее всегда, когда

захочет». Оба, таким образом, говорили о сексуальной проблеме в тендерных выражениях; каждый боялся, что его сексуальная проблема лишает его мужественности, делает его ненастоящим мужчиной. Для них сексуальность заключается не во взаимном удовольствии, а в гидравлическом функционировании. Неудивительно, что мужчины используют язык производства (наряду с метафорами спорта и войны) при описании сексуальных переживаний. Мы используем «инструмент» для «выполнения работы» по «достижению» оргазма, а иначе мы испытываем «беспокойство, что чего-то не сделали». Мужчины, испытывающие сексуальные проблемы, редко отклоняются от тендерных стереотипов, в редких случаях они не способны или не желают следовать принятым правилам мужской сексуальности. Чаще они, напротив, чересчур строго придерживаются норм, определяющих сексуальную состоятельность через способность функционировать подобно хорошему насосу²³.

Сближение тендерных различий в сексуальности

Несмотря на постоянство тендерных различий в сексуальных установках и поведении, тендерный разрыв в сексуальности сузился в последние годы, по мере того как стали исчезать различия в понимании секса между женщинами и мужчинами. Или, точнее, женское понимание стало сближаться с мужским. Как я ранее указывал, наше понимание любви феминизировалось, асексуальность — все более маскулинизируется. Если мужское сексуальное поведение мало изменилось, то сексуальность женщин претерпела серьезные изменения и все больше напоминает поведение мужчин. (Вероятно, и то, и другое пугает мужчин.)

Отчасти эта трансформация вызвана технологическими прорывами и идеологическими сдвигами, которые получили

356

название сексуальной революции. По сравнению с 1960-ми гг. сексуальное удовольствие само по себе стало более доступным для женщин, поскольку действенный и относительно безопасный контроль над рождаемостью и юридическое узаконивание аборта позволили отделить секс от деторождения. (Мужчины, понятно, всегда могли получать чистое сексуальное удовольствие, и в этом смысле женская сексуальность стала напоминать мужскую.) «Раньше я думал, что секс нужен, чтобы родить кого-то; потом я понял, что он для любви; сейчас им занимаются для удовольствия», — так пятнадцатилетний подросток подвел итог изменениям в сексуальности. Кроме того, широкое распространение сексуального образования сделало людей более осведомленными — но не обязательно более сексуально активными. Согласно недавнему обзору, из 53 исследований, посвященных воздействию образования в области секса и СПИДа на сексуальную активность, в 27 исследованиях заметных изменений не было обнаружено, а в 22 было отмечено снижение и отсрочка сексуальной активности, а также уменьшение количества сексуальных партнеров. Только в 3 исследованиях обнаружилась связь между увеличением сексуальной активности и сексуальным образованием.

Представляется, что сексуальное образование позволяет принимать *лучшие* решения и способствует повышению, а не понижению ответственности²⁴.

Идеологически феминизм сделал получение женщинами сексуального удовольствия и выражение женской сексуальной независимости своей политической целью. Женщинам больше не нужно верить сказкам о незаинтересованности в сексе, о пассивности и бесполой ангельской добродетельности. Женщины имеют такое же право на удовольствие, как и мужчины. И они на практике узнали, как доставить себе удовольствие, когда феминистки обнародовали так называемый «миф о вагинальном оргазме». Феминизм отчасти стал политическим сопротивлением тому, что можно назвать «социализированной бесполостью» женской сексуальности. «Феминизм меня отчасти привлек потому, что дает право быть сексуальной личностью», — вспоминает одна женщина. Другая верила, что феминизм «утверждает право женщины сказать „да" вместо „нет"». За последние три десятилетия произошли изменения именно в женской сексуальности, поскольку именно женщины стремились ее выразить. Посмотрите, например, как изменилась идея сексуальной опытности. Раньше обыкновенно от мужчины ожидали получения некоторого сексуального опыта до брака, и многие женщины и мужчины требовали девствен-

357

ности от женщины. Теперь нет. Как пишет Лилиан Рубин, «за одно поколение, между 1940-ми

и 1960-ми, мы прошли путь от матерей, которые считали свою девственность самым ценным сокровищем, к дочерям, для которых девственность стала бременем». Девственность больше не была «сокровищем, которое нужно хранить»; теперь она превратилась в «проблему, которую надо решить»²⁵.

Уровень и мотивы мастурбации тоже начали сближаться. Что, в конце концов, есть мастурбация, как не доставление себе удовольствия, являющегося выражением сексуальности человека. Самый последний национальный опрос показал довольно большое сходство в мотивах мастурбации между мужчинами и женщинами. Как и в сексуальных установках. По данным Национального центра изучения общественного мнения, 36% мужчин и 53% женщин, родившихся между 1933 и 1942 гг., полагали, что добрачный секс был почти всегда ошибкой. Эти показатели с возрастом понижаются, причем у женщин гораздо резче. Среди родившихся между 1963 и 1974 гг. только 16% мужчин и 22% женщин полагали, что добрачный секс почти всегда был ошибкой²⁶.

Растет сходство и в сексуальном поведении. Среди мальчиков-подростков показатели сексуального опыта фактически не изменились с середины 1940-х гг. Около 70% мальчиков в старших классах имели половые сношения, по сравнению с 50% старшеклассников конца 1920-х гг. Но показатели среди девочек изменились значительно: 5% в 1920-е гг., 20% в конце 1940-х, 55% в 1982 и 60% в 1991 г. И возраст первого сексуального опыта неуклонно снижается и для мальчиков, и для девочек. Снизилось число девственниц (гораздо быстрее) и девственников. Число подростков, имевших более пяти разных сексуальных партнеров к 18 годам, возросло у обоих полов, и среди девочек опять-таки более стремительно²⁷.

Среди взрослых данные по добрачному сексу и количеству сексуальных партнеров, кажется, сближаются. Согласно опросу выпускников колледжа, 99% юношей и 90% девушек имели добрачный секс. В другом исследовании обнаружилось, что замужние женщины 1970-х гг. ведут гораздо более активную и разнообразную сексуальную жизнь, чем это было обнаружено Кинси в конце 1940-х гг. 90% замужних женщин утверждали, что счастливы в своей сексуальной жизни; 75% были довольны ее частотой, а 25% хотели бы ее увеличить. В исследовании 1980-х гг. отразилась та же тенденция. Женщины и мужчины обнаружили сходство сексуальных желаний — они хотели регулярного

358

секса, были бы счастливы иметь равные права на инициацию и отказ от секса и указывали на неудовлетворенность нерегу-

лярностью секса .

Источники наших сексуальных побуждений тоже схожи. В 1970-е гг. психолог Джулия Хейман разработала способ измерить женское сексуальное возбуждение. Случайно отобранные студентки прослушивали два вида аудиозаписей — романтическую и открыто сексуальную. У каждой испытуемой былотампо-нообразное устройство, измерявшее приток крови к влагалищу. Как и мужчины, женщины гораздо сильнее возбуждались от прямого сексуального разговора, чем от романтического диалога. Интерес к разнообразию связей у мужчин и женщин также достаточно схож. Опыт орального секса резко возрос и среди мужчин, и среди женщин. И, если верить 20-летней студентке, меняется и значение орального секса. «Мне было около 16, и у меня был друг, не парень, а друг; я не знала, что подарить ему на день рождения, и отсосала. Хотела попробовать, что это такое; ну и для прикола», — сказала интервьюеру студентка «без тени неловкости»²⁹.

Похоже, что у женщин сейчас больше секса и больше удовольствия от него, чем когда-либо в истории. Поэтому женщинам теперь вроде бы ни к чему симулировать оргазм. Когда всередине 1970-х гг. Лилиан Рубин брала интервью у белых женщин из семей рабочего класса, она обнаружила, что более 70% женщин имитируют оргазм, по крайней мере иногда. Теперь, по ее данным, тот же самый процент женщин утверждает, что они никогда не симулируют оргазм³⁰.

Очевидность тендерной конвергенции не означает полного отсутствия различий в сексуальном выражении между женщинами и мужчинами. По-прежнему существует и разное понимание сексуальности, но сегодня правила не столь строги и обязательны, как в прошлом.

«Теперь не так, как раньше, когда от женщин ожидали девственности вплоть до брака. Теперь требование потери девственности предъявляется и к мужчине, и к женщине, — сказал 29-летний мужчина. — Но для мужчины потеря девственности — признак мужественности, а для женщины все равно есть какая-то потеря». Более того, хотя и мужчины, и женщины имеют право на удовольствие и у обоих первый сексуальный опыт происходит по обоюдному желанию, мужчины все же, как кажется, полагают, что у них есть право на сексуальное действие, даже когда женщина того не желает. «Я оплатил чудесный вечер, — заметил один студент, — и за свои старания я имел право на секс». Такая установка приводит

359

к росту насилия во время свиданий и знакомства в университетских городках³¹.

Около 15% студенток сообщили о сексуальных нападениях; более половины этих нападений совершены мужчинами во время свидания. В некоторых исследованиях этот показатель гораздо выше, например, в исследовании, проведенном Мэри Косе с коллегами, — почти в два раза (27%)³². Вместо того чтобы, как это делают некоторые ученые мужи, гневаться на феминисток за то, что они превратили студенток в «жертвы», нужно было бы обратить гнев на мужчин, совершавших нападения. Никакое число изнасилований нельзя считать нормальным. То, что многие студентки вынуждены корректировать свое поведение из-за поведения таких мужчин — где учиться, как поздно засиживаться в библиотеке, на какие вечеринки ходить, — вот что заслуживает гнева!

Взрослые женщины и мужчины дают разные показатели вынужденного секса. 96,1% мужчин и 77,2% женщин говорят, что их никогда не принуждали заниматься сексом против их желания. Среди тех, кого принудили к сексу, различия значительны. Лишь немногим более 1% мужчин (1,3%) и более одной пятой женщин (21,6%) занимались сексом по принуждению с человеком противоположного пола; лишь около 2% мужчин (1,9%) и 3% женщин были вынуждены заниматься сексом с лицом того же пола. Мужчины по-прежнему ведут себя как сексуальные хищники. По оценкам некоторых исследований, каждая пятая женщина может стать жертвой изнасилования. Вероятность пережить неудачную попытку примерно удваивается³³.

Революционные изменения в женской сексуальной активности не сопровождались ни снижением сексуальных прав мужчин, ни качественным скачком их способности к близким, эмоциональным отношениям. Таким образом, если некоторые феминистки праздновали женское право на сексуальную независимость, другие — врачи и активисты — сожалели о мужской приверженности сексу «без отношений». Именно мужчины переживают трудности в отношениях дружбы и любви, и психологи, подобно Рональду Леванту, призывают заменить «безответственную, безразличную, навязчиво-принудительную, отчужденную сексуальность иным типом сексуальности, этически ответственной, с соучастием в благополучии партнера, наделяющей мужчин сексуальными полномочиями»³⁴.

Секс «без отношений» означает, что, являясь центральным в жизни мужчины, секс изолируется от других ее аспектов и отношений; часто смешивается с агрессией; связывается

360

в обществе с понятиями достижения и успешности; достигается вопреки отрицательным эмоциональным и моральным последствиям. Сексуальная неопытность рассматривается как стигма. Примеры мужской сексуальности «без отношений» можно найти в большом количестве. Мужчины думают о сексе чаще, чем женщины; у них сильнее выражены сексуальные фантазии; они занимаются мастурбацией чаще, чем женщины; они чаще покупают порнофильмы; у них больше сексуальных партнеров; у них более разнообразный сексуальный опыт, чем у женщин³⁵.

В недавно опубликованной по этой проблеме книге психолог Гэри Брукс патологизирует мужские сексуальные проблемы и называет их «синдромом суперобложки». Признаки синдрома таковы: вуайеризм (или «половое извращение, состоящее в стремлении к созерцанию эротических сцен»), превращение женщины в «объект», секс как утверждение своей мужественности, культ трофеев и боязнь близости отношений. Рон Левант предлагает медицинский неологизм — алекситимия — для описания социально обусловленной «неспособности испытывать и выражать чувства». Проблема, должно быть, серьезная, тем более что имеет греческое название. Некоторые авторы тоже предупреждают женщин об

опасности со стороны мужчин с «типично мужским» сексом, которые «не видят в партнерше человека и... превращают ее в объект, даже насилюют, видя в ней снаряд для упражнений». Другие предупреждают об «ущербе, который в конечном счете наносится мужчинам в процессе такой социализации, которая ограничивает их способность переживать близость»³⁶. Не все исследования мужского секса «без отношений» имеют критическую направленность. Психологи Гленн Гуд и Нэнси Шеррод утверждают, что для многих мужчин такой секс является стадией личностного развития, и не обязательно способом существования:

«Мужчина проходит стадию сексуальности „без отношений“, решая задачи, стоящие перед ним на этой стадии... куда входят приобретение опыта сексуального существа, приобретение опыта межличностных аспектов сексуальности, развитие своей идентичности и навыков близких отношений. После этого мужчина развивает внутреннее осмысление своего поведения, которое позволяет ему формировать и поддерживать близкие, заботливые отношения с другими».

Фактически, как считают Гуд и Шеррод, сексуальный опыт «без отношений» может быть положительным,, позволяя

361

подросткам «снизить сексуальную напряженность в отношениях» и «приобрести сексуальный опыт, отточить навыки, связанные с сексуальной активностью, приобрести опыт отношений с разными партнерами и разных типов поведения, тем самым снижая любопытство к чередованию партнеров в будущем»³⁷.

В сексе «без отношений» «проблему» для мужчин увидели относительно недавно, и она стала частью общей «неловкости» в американской культуре от «эксцессов» сексуальной революции. В 1970-е гг., как указывают Мартин Левин и Ричард Тройден, основные сексуальные проблемы, находившиеся в компетенции врачей, возникали из-за недостаточности сексуального опыта: аноргазмия (неспособность достигнуть оргазма), особенно у женщин, и проблемы с эякуляцией и эрекцией у мужчин. Сегодня проблематизируется «сексуальное пресыщение», относительно новый термин, употребляя который хотят показать, что много секса, секс «без отношений», т.е. ради чисто сексуального удовольствия, — тоже проблема. Если верно, что секс «без отношений» является для некоторых мужчин проблемой, особенно для тех, для кого такой секс — единственная форма сексуального выражения, то не надо думать, что это единственная форма выражения мужской сексуальности. Многие мужчины способны и к сексу «с отношениями», и к сексу «без отношений». Некоторые мужчины не практикуют секс «без отношений», потому что они живут в субкультурах, где это не является нормой; другие мужчины придерживаются противоположных ценностей³⁸. Может быть, стоит расширить наш сексуальный репертуар, чтобы дать женщинам и мужчинам возможность испытать разные сочетания любви и сексуального желания, полностью не сводя одно к другому, — разу-меется> по взаимному согласию, с соблюдением равенства и безопасности. Гомосексуальность как следование тендерным нормам

Я уже описывал, как происходит социализация «его» и «ее» сексуальности. Я намеренно не подчеркивал, что говорю о ге-теросексуальности, а не гомосексуальности, потому что гендеризация сексуальности происходит и у гомосексуалов, и у ге-теросексуалов. На самом деле воздействие гендеризации на геев и лесбиянок еще более очевидно, потому что гомосексуальную пару составляют два гендеризованных мужчины или две ген-деризованные женщины, т.е. мужественность и женственность

362

перемножаются! Некоторые тендерные различия усиливаются сексуальной ориентацией. Это, конечно, противоречит нашему обычному пониманию гомосексуальности, а также точке зрения тех биологов, которые полагают, что геи биологически в чем-то ближе к женщинам, в отличие от гетеросексуальных мужчин. Из распространенных в обществе представлений фактически следует, что геи и лесбиянки суть тендерные не-соответствия: лесбиянки — «маскулинные» женщины, а геи — «фемининные» мужчины. Но эти представления имеют один глубокий логический недостаток. Они предполагают, что тендер партнера важнее и влияет на вашу жизнь сильнее, чем ваш собственный тендер. Но ведь собственный тендер — т.е. сочетание поведения, установок, признаков и базовых допущений о том, что значит быть мужчиной или женщиной, — намного важнее, чем тендер тех, с кем мы вступаем в

сексуальные и иные взаимодействия. Сексуальное поведение, гомосексуальное или гетеросексуальное, подтверждает тендерную идентичность.

Это не помешало расхожим мнениям возобладать в общественной дискуссии о гомосексуальности, особенно в тех книгах, в которых родителям дают советы о воспитании, чтобы ребенок не получился «неправильным». Например, Питер и Барбара Уайдены в книге «Расти гетеросексуальным: что каждый вдумчивый родитель должен знать о гомосексуальности» утверждают, что «предрасположенность к гомосексуальности» у мальчиков можно распознать по недостатку мужественного поведения в раннем детстве, который может усиливаться рядом с явно «маскулинной» матерью, т.е. с такой, которая работает вне дома и увлечена идеями феминизма!³⁹

В отдельных эмпирических исследованиях также озвучивалась подобная идея. Например, психиатр Ричард Грин наблюдал за группой (около пятидесяти пяти) мальчиков начиная с дошкольного возраста до вступления во взрослую жизнь. Наблюдались только те мальчики, которые часто переодевались дома в женскую одежду. Они любили играть с девочками в школе и с куклами, помогали матерям делать работу по дому. Их родители одобряли такое поведение. Эти «маменькины сынки» имели гомосексуальный опыт в 4 раза чаще, чем «неженственные» мальчики. Но данное исследование многие раскритиковали. Такое несоответствие тендера чрезвычайно редко встречается (крайне сложно было найти даже тех пятьдесят пять мальчиков) и поэтому не может служить объяснением ориентации подавляющего большинства гомосексуалов.

363

Крайние проявления тендерного несоответствия не следует приравнивать к умеренным, к которым можно отнести, например, нелюбовь к спорту, предпочтение музыки или чтения, равнодушие к силовым играм. Гомосексуальность может быть результатом реакций социального окружения мальчика на его поведение (преследование другими мальчиками, частое назначение лечебных процедур определенного вида), которые и помешали ему воспринять принятые гетеросоциальные модели поведения. Бойкот и гонение сами по себе, а не конкретные оскорбительные действия, формируют сексуальное самоощущение. Систематические исследования умеренных форм тендерного несоответствия показывают, что большинство мальчиков, признающих подобные поведенческие несоответствия, становятся гетеросексуалами. Наконец, когда исследование Грина с коллегами распространили на «девочек-пацанок», то значимых различий в фактических сексуальных предпочтениях между теми, кто сообщал о том, что в детстве они вели себя как пацанки, и остальными девочками не обнаружилось. Результаты, полученные Грином и его коллегами, можно интерпретировать следующим образом: быть «маменькиным сынком» значит гораздо сильнее нарушать тендерный порядок, чем если быть «пацанкой».

Однако факты говорят об обратном: гомосексуальность является глубоко гендеризованной, а геи и лесбиянки по-настоящему соответствуют своему тендеру. Примечательно, что это суждение разделяют представители столь разных течений, как одобряющие геев писатели и феминистки, с одной стороны, и ультраконсервативные авторы, как Джордж Гилдер, который в своем непоколебимом критическом анализе мужественности — и гомосексуальной, и гетеросексуальной — пишет, что лесбийство «не имеет ничего общего с мужской гомосексуальностью. Как геи, с их неодолимой тягой к сексу и беспорядочным связям, являют собой карикатуру обычной мужской сексуальности, так и лесбиянки сильно напоминают других женщин в своем желании близости и моногамности»⁴¹.

С момента зарождения движения геев в баре «Стоунвол-инн» в 1969 г., когда они оказали сопротивление полиции, геи постоянно стараются показать, что они вовсе не «несостоявшиеся» мужчины, как это было принято думать. На самом деле многие геи были весьма успешны как «настоящие» мужчины, воплощали гипермаскулинный кодекс анонимного секса, одевались подчеркнуто «по-мужски» и выглядели очень «мужественно», даже занимались боди-билдингом. Так выглядели примерно 35% гомосексуальных мужчин, и они оказались, пожалуй, даже

364

более успешными в реализации мужественности, чем гетеросексуалы. К началу 1980-х гг. это обстоятельство привело к некоторым любопытным инверсиям в традиционных стереотипах. В популярной песне 1983 г. Джо Джексон так прокомментировал это явление:

«Посмотри на сладких мальчиков, танцующих в парах,
Золотая серьга, золотистый загар, отличная стрижка,
Уверен — они все правильны и прямы —
как прямая линия,
Все геи — настоящие мачо, разве не видишь,
как блестят их кожанки?»⁴²

Совершенно иная сексуальная жизнь у лесбиянок. Многим из них движение геев не сулило сексуального освобождения. В лесбийском сообществе больше обсуждалась «тирания отношений», чем многообразие сексуальных практик. Лесбийские пары жаловались психоаналитикам на «смерть лесбиянки в постели», фактическое прекращение сексуальной практики после нескольких лет совместной жизни. Одна женщина сказала в интервью: «Как женщин, нас не учили быть инициатором полового акта. Потом, мы не обязаны извиняться, если не хотим заниматься сексом. Мы не говорим: „У меня голова болит“. Мы говорим просто „нет“. Кроме того, мы гораздо больше обнимаемся и ласкаем друг друга, чем гетеросексуалы, и получаем от этого удовлетворения больше, чем от собственно полового акта. Потом, такая сестринская связь доходит до того, что отношения кажутся почти кровосмесительными. Такая сильная близость. Мы так хорошо узнаем друг друга»⁴³.

Лишь немногие лесбиянки восприняли этику сексуального освобождения и искали сексуального разнообразия, тогда как большинство сохранили тендерное соответствие. Это произошло в том числе и из-за того, что феминизм играл заметную роль в социальной организации жизни лесбиянок. На ранних этапах женского движения в лесбийстве видели политическую альтернативу, решительный отказ помогать врагам (мужчинам) и их обслуживать. Феминистки задавались вопросом, как женщина, будучи настоящей феминисткой, может делить свою жизнь и постель с мужчиной? «Политическая лесбиянка» представляла собой специфический сплав сексуальной и тендерной политики, сознательный выбор сексуальности, соответствовавший ее политической позиции. «Быть лесбиянкой в культуре мужского превосходства, культуре капитализма,

365

женоненавистничества, расизма, гомофобии, империализма для женщины — это акт сопротивления». Хотя, конечно, не все лесбиянки — феминистки, но даже этот конструкт политического лесбийства является формой тендерного соответствия. Если ты выступаешь против тендерного неравенства, доказывают политические лесбиянки, то должна прекратить сексуальные отношения с мужчинами и поддерживать их только с женщинами, потому что ты — женщина. Тендер остается организующим принципом сексуальности даже там, где сексуальность понимается как форма сопротивления тендерной политике⁴⁴.

Изучение гомосексуальности показывает, что геи и лесбиянки следуют тендерным стереотипам. Возьмите, например, количество сексуальных партнеров. В одном исследовании большинство лесбиянок сообщили, что у них было менее десяти сексуальных партнеров, и почти половина сказали, что у них никогда не было случайных связей. Опрос 1982г. среди незамужних женщин в возрасте от 20 до 29 лет дал в среднем 4,5 сексуальных партнеров на одну женщину. А вот гей по данным того же исследования имел в среднем сотни партнеров, много случайных связей, и более четверти сообщили о тысяче или более партнеров. Мастере и Джонсон обнаружили, что у 84% мужчин и 7% женщин было от 50 до 1 000 и более сексуальных партнеров и что 97% мужчин и 33% женщин имели семь и более связей, длившихся не более 4 месяцев. По данным другого исследования, 11% мужей и 9% жен определили себя как склонных к беспорядочным связям, 79% геев и 19% лесбиянок дали себе такое же определение (а вот среди гетеросексуальных партнеров такую характеристику дали себе 25% мужчин и 22% женщин). Геи имеют самые низкие показатели по длительности отношений, а лесбиянки — самые высокие, и последние гораздо выше ценят эмоциональные отношения, чем геи. Таким образом, оказывается, что мужчины — и геи, и гетеросексуалы — ставят секс на первое место, тогда как женщин — независимо от ориентации — больше интересуют в любви эмоциональность и близость отношений⁴⁵.

Исследование регулярности половых контактов также подтверждает эти выводы. В одном исследовании 45% гетеросексуальных пар, состоящих в браке не более 2 лет, сообщили, что занимаются сексом 3 и более раз в неделю, и только 27% пар, проживших от 2 до 10 лет, имели такие же показатели. В сравнении с ними 67% геев, проживших вместе менее 2 лет, и 32% из тех,

кто жил вместе от 2 до 10 лет, занимались сексом 3 и более раз в неделю. Треть лесбиянок занимались сексом 3 и более раз

366

в неделю в первые 2 года своих отношений, но только 7% — после 2 лет совместной жизни. После 10 лет совместной жизни регулярность половых отношений сохраняли 18% женатых пар, 11% геев и 1% лесбиянок. Почти половина лесбиянок (47%) после 10 лет совместной жизни занимались сексом реже одного раза в месяц. Один интервьюер так описал лесбийскую пару:

«Они с соседкой по комнате очень любили друг друга. Как и большинству людей, имеющих хорошие, устойчивые отношения на протяжении 5 лет, им было хорошо друг с другом, они как бы слились воедино, и над этим подшучивали. Они работают вместе, одновременно заканчивают работу и большую часть свободного времени проводят вместе. Они мне дали с собой тарелку печенья — в знак гостеприимства и теплоты, которые я чувствовал в их доме»⁴⁶.

Таблица 10.1 Кто инициирует секс, %

	Я	Поровну	Партнер
Мужья	51	33	16
Мужчины -сожители	39	42	19
Геи	31	37	32
Лесбиянки	31	37	32
Женщины -сожители	15	46	39
Жены	12	40	48

Источник: Blumstein P., Schwartz P. American Couples: Money-Work-Sex. New York: William Morrow, 1983.

Если гетеро- и гомосексуальность так похожи в том, как мужчины и женщины выражают и подтверждают свою генде-ризованную идентичность в сексуальном поведении, то в чем заключается основная разница между гетеросексуалами и гомо-сексуалами, не считая, конечно, тендера партнера? Одно различие заключается в том, что гомосексуальные отношения более эгалитарны (см. табл. 10.1). На вопрос о том, например, кто инициирует секс, геи и лесбиянки дают сходные ответы, отличающиеся большей эгалитарностью, чем ответы женатых или сожительствующих гетеросексуалов.

Кроме того, поскольку идентичность гомосексуалов определяется их сексуальностью и их сексуальные отношения не прокреативны, геи и лесбиянки имеют больший сексуальный опыт, особенно в сексе без пенетрации. Так, один сексолог пишет, что «сексуальные действия геев более разнообразны, чем у гетеросексуалов». А Мастере и Джонсон обнаружили, что

367

любовные эпизоды у гомосексуальных пар длятся дольше, чем у гетеросексуальных⁴⁷.

Гетеро- и гомосексуалы схожи еще в том, что на их сексуальное поведение влияет гомофобия. Очевидно, что гомофо-бия приводит к большей насыщенности взаимоотношений между гомосексуалами. Систематическая диффамация и стигматизация гомосексуальности делает ее стержнем идентичности человека. Социолог Кен Пламмер пишет:

«Враждебность, с которой общество относится... к гомосексуальности... отягощает процесс становления гомосексуалом проблемами вины и идентичности. Она ведет к формированию субкультуры гомосексуальности, к возникновению проблем во взаимоотношениях из-за необходимости скрывать позорящую стигму. И это в значительной степени препятствует развитию устойчивых отношений между гомосексуалами»⁴⁸.

Чтобы полнее понять переживания стигматизации, попробуйте провести небольшой мысленный эксперимент, предложенный двумя социальными психологами. Вообразите на мгновение, что вы — беспокойный человек и быть беспокойным — противозаконно. Вы должны стараться скрыть свое беспокойство от других. В своем собственном доме вы можете безопасно предаваться ему, а публичное проявление беспокойства может привести к аресту или, по крайней мере, к бойкоту. Однажды на работе ваш коллега посмотрит на вас и скажет: «Забавно, мне вдруг показалось, что вы тревожились». «Да нет, черт побери!» — воскликнете вы громче, чем нужно. И начнете гадать, сообщит ли коллега о своих подозрениях боссу. Если он это сделает, ваш босс может сообщить в полицию или в крайнем случае переведет вас на

место, где приходится поменьше общаться с клиентами, особенно с теми, у кого есть дети⁴⁹. Ясно, что гомофобия конструирует внутренний мир гомо-сексуала, но мы не осознаем, сколь могущественно влияет гомофобия на внутренний мир и идентичность гетеросексуалов. Гомофобия — это нечто большее, чем страх и ненависть к гомосексуалам. Для мужчин это еще и страх, что тебя будут считать немужественным, женоподобным или еще хуже — гомосексуалистом. Эти страхи почти незнакомы гетеросексуальным женщинам, хотя многие из них (и почти все мужчины) боятся, что их дети станут гомосексуалами. Гетеросексуальные мужчины часто тратят массу времени и сил на демонстрацию мужественности, чтобы ни у кого не сложилось о них «неправильное» мнение. В одном исследовании многие гетеросексуальные мужчины сказали, что они занимались сексом, чтобы доказать, что

368

они не геи. Поскольку расхожие представления ошибочно связывают гомосексуальность с тендерной инверсией, в компенсаторном поведении гетеросексуалов тендерные стереотипы часто сильно преувеличиваются. Так гомофобия укрепляет тендер пола, вынуждая мужчин выглядеть и действовать гипермужественно, а женщин — ультраженственно. «В настоящее время конструирование и воплощение гетеросексуальности (как эротического предпочтения другого тендера) требуют гомофобии», — пишут Джон Гэньон и Стюарт Майклз⁵⁰.

С началом эпидемии СПИДа в сексуальном поведении геев произошли существенные изменения: сократилось число партнеров, особенно незнакомых, участилась практика более безопасного секса, возросло число сожительствующих пар. Упор на «безопасность секса» многие расценили как попытку «феминизировать» сексуальность, вернуться к эмоциональным, моногамным отношениям и тем самым отказаться от либертарианской этики сексуальной свободы. Мужчины восприняли саму фразу «безопасный секс» как оксюморон: то, что составляет суть сексуального, — жар, страсть, возбуждение, спонтанность — все это было полной противоположностью безопасности. Многие боялись, что безопасный секс противен тому, как понимают секс мужчины, и что программы, поощряющие такое несоответствие тендеру, обречены на провал. (Конечно, об этом говорили не только геи. Гетеросексуальные женщины десятилетиями пытались привить гетеросексуальным мужчинам формы безопасного секса, считая, что полнее смогут выразить себя в сексе, если оба партнера будут нести ответственность за предотвращение беременности. Страх перед беременностью и СПИДом приводит к соединению сексуального удовольствия с сексуальной ответственностью⁵¹.)

Критики зря беспокоились. Минимизация риска от СПИДа среди геев обернулась упрочением мужской сексуальности в поисках того, как, практикуя безопасный секс, можно делать это «по-мужски». Организации геев открывали клубы безопасного секса, где демонстрировали порнофильмы и соответствующие приемы. В результате геи начинали практиковать безопасный секс без утраты веры в собственную мужественность, хотя среди молодых геев наблюдается некоторый откат, связанный, в частности, с тем, что лечение ВИЧ-инфекции дает возможность ВИЧ-инфицированным жить дольше и вести более полноценную жизнь, чем прежде.

Тем не менее СПИД продолжает быть «гендеризованным» заболеванием. Хотя и женщины, и мужчины могут получить

369

вирус СПИДа, женщины чаще оказываются инфицированными в результате незащищенного гетеросексуального полового контакта, чем мужчины, и несмотря на то, что заболеваемость среди женщин растет быстрее, чем среди мужчин, подавляющее большинство (более 80%) ВИЧ-инфицированных в США составляют мужчины. СПИД является самым гендеризованным заболеванием в американской истории, поскольку им могут заразиться и женщины, и мужчины, но заболевают главным образом представители одного тендера. Было бы полезно увидеть в мужественности — склонности к риску, безответственности, предпочтении секса превыше всего — фактор риска в распространении СПИДа подобно тому, как мы это видим в пьянстве за рулем⁵².

Что еще влияет на сексуальность?

Если тендер остается одним из организующих принципов сексуальности, то и другие аспекты нашей жизни глубоко влияют на наше сексуальное поведение и ожидания. С одной стороны,

сексуальное поведение, как мы видели, имеет значительные различия в разных культурах. Маргарет Мид обнаружила, что в некоторых культурах спонтанный секс не поощряется ни для мужчин, ни для женщин. Она пишет, что среди арапешей исключения допускаются только для женщин: «Родители беспокоятся за своих сыновей даже больше, чем за дочерей, как бы те не попали в ситуацию, где кто-то может заняться с ними любовью». Другой антрополог писал, что у одного из народов в юго-западной части Тихого океана половые сношения весьма поощряются, и считается, что их отсутствие вредит обоим полам. Бронислав Малиновский видел большое сходство в поведении женщин и мужчин на островах Тробриан, где женщины инициировали секс также часто, как и мужчины, и где пары избегали так называемой позы миссионера, потому что движениям женщины, т.е. ее активности, препятствует давление мужчины сверху.

В настоящее время в Соединенных Штатах помимо тендера сексуальность формируют ряд других переменных: класс, возраст, образование, семейное положение, религия, раса и этническая принадлежность. Возьмем, к примеру, класс. Вопреки американской идеологии, согласно которой представители рабочего класса более чувственны, потому что ближе к своей «животной природе», Кинси обнаружил, что низший социальный статус не

370

означает более страстного секса. На самом деле оказалось, что представители среднего и высшего классов более утонченны в «искусстве любви», у них более широкий репертуар действий, и они больше внимания уделяют предварительной игре, в то время как люди низшего класса обходятся без всяких прелюдий и даже не часто целуются.

Есть данные, что раса и национальность также вносят некоторые особенности в сексуальное поведение. Например, черные выражают более либеральные сексуальные установки, чем белые, и называют чуть большее количество сексуальных партнеров, зато они чуть реже занимаются мастурбацией и оральным сексом и чуть чаще вступают в гомосексуальные контакты. Испаноязычные американцы также выражают большую свободу в сексуальных вопросах, чем белые американцы, и мастурбируют чаще, чем черные или белые. Оральным сексом они занимаются реже, чем белые (но чаще, чем черные), и у них меньше сексуальных партнеров того же и противоположного пола, чем у белых или черных американцев⁵³.

Возраст также влияет на сексуальность. Что заводит в пятьдесят, вряд ли заводит в пятнадцать. К снижению сексуальной активности и интереса приводят не только существенные физиологические изменения, ибо возраст связан еще с семейным положением и семейными обязанностями. Как пишет Лилиан Рубин: «На житейском уровне постоянные разговоры о повседневных проблемах делают людей нервными, утомленными, раздраженными, и они чувствуют себя скорее полицейскими, чем любовниками. Кто сходит в магазин, оплатит счета, постирает, вымоет посуду, вынесет мусор, почистит ванну, закрепит стиральную машину, решит, что есть на обед, ответит на звонки друзей и родителей? Если есть дети, то претензии, сложности и измотанность растут по экспоненте»⁵⁴.

Ах, эти дети! В нашем обществе, бесспорно, наличие детей больше всего отбивает охоту к сексу. Пары с детьми — и гетеро-, и гомосексуальные — сообщают о гораздо меньшей сексуальной активности, чем бездетные пары. Если у вас есть дети, то у вас меньше времени, меньше свободы, меньше уединения — и вам меньше хочется.

Наверно, вы слышали о том, что женщина достигает своего сексуального пика на рубеже сорока лет, а пик мужчины наступает прежде, чем ему стукнет двадцать, после чего он все больше начинает ценить нежность и мягкость. Наверно, вы также слышали о различиях в строении мужских и женских половых органов. Однако все это игнорируется при соотнесении женской

371

и мужской сексуальности друг с другом. То, что «его» сексуальность становится более чувственной и нежной, а «ее» сексуальность становится более акцентированной, свидетельствует не о расхождении в биологических паттернах, поскольку этого не происходит в других культурах, где мужчины и женщины биологически стареют «иначе». Это говорит о том, что брак явно имеет влияние на сексуальную практику, способствует приучению секса, когда он переносится в дом — сферу, исторически предоставленную женщинам. Когда мужчина чувствует, что секс больше не связан с опасностью и риском (которые, собственно, и

возбуждают), его сексуальный репертуар может смягчиться и включить более широкий диапазон чувственных удовольствий. Когда женщина чувствует, что секс больше не связан с опасностью и риском (в которых она видит угрозу), она чувствует себя спокойно и начинает искать более выраженных сексуальных удовольствий. Ясно, что в этой интерпретации наблюдаемые между женщинами и мужчинами различия имеют больше отношения к социальной организации брака, чем к «внутренне присущим» различиям между мужчинами и женщинами.

Все же, несмотря на все это, в течение последних нескольких столетий наблюдалась устойчивая тенденция к сексуализации брака, к совмещению любви и любовных удовольствий внутри репродуктивных отношений. Таким образом, повышается роль сексуальной совместимости партнеров и возможностей для сексуального самовыражения в браке, одновременно отодвигается время вступления в брак (продление юности), растет доступность противозачаточных средств и развода, и этика самореализации личности сочетается с повышением роли сексуального поведения на протяжении всей нашей жизни. Тендерные различия сохраняются в сексуальном поведении и сексуальных переживаниях, но они намного меньше, чем прежде, и некоторые признаки указывают на то, что сближение продолжается. Становится все более очевидно, что те, кого мы любим, прибыли не с другой планеты и что они способны испытать те же радости и удовольствия, что и мы сами. Однако различия между женщинами и мужчинами все еще сохраняются, и мы можем воскликнуть: «Vive les differences!»*, как бы они ни были скромны и как бы ни падало их значение.

Да здравствуют различия (фр.). — *Прим. ред.*

Глава 11

Тендер насилия

Быть или не быть — таков вопрос; Что благородней духом — покоряться Пращам и стрелам яростной судьбы Иль, ополчась на море смут, сразить их Противоборством?

*Уильям Шекспир**

Я не псих, я разгневан. Я убил, потому что с такими людьми, как я, плохо обращаются каждый день. Я сделал это, чтобы показать обществу: «Тронешь нас, и мы ответим».

Люк Вудхэм

Два чувства выражены в приведенных словах, сказанных с разрывом в четыре века. Страдать или жаждать отмщения? Сойти с ума или поквитаться? В обоих случаях цена слишком высока: Люк Вудхэм решил эту дилемму, заколов мать, а затем убив двух учеников средней школы родного городка Перл, штат Миссисипи, в октябре 1997 г. Два месяца спустя были убиты три ученика в городе Падука, штат Кентукки. В марте 1998 г. в Джонсборо, штат Арканзас, были убиты четыре ученика и учитель. В Литлтоне, штат Колорадо, 20 апреля 1999 г. два школьника расстреляли 12 своих товарищей и учителя, а затем покончили с собой. Впоследствии о Вудхэме и двух подростках, стрелявших в Джонсборо, говорили, что их довели до отчаяния оскорбления девочек. Стерпеть? Или отомстить?

Как нация мы озабочены насилием. Нас тревожит «насилие среди подростков», мы жалуемся на «преступность в центре города» и боимся «банд окраин». Мы выражаем негодование, когда слышим о насилии в наших общественных школах, входы в которые оборудованы металлоискателями, а ножи и пистолеты вытесняют из ученических ранцев карандаши и линейки. Выстрелы в школах лишают нас дара речи и пронзают болью наши сердца. И все же, когда мы думаем об этих страшных событиях, принимаем ли мы во внимание,

Пер. М.Лозинского. — Прим. ред.

373

что, будь то преступник с белой или черной кожей, в старом районе города или в пригороде, группы мародерствующих юнцов или трудных подростков — фактически все они молодые люди?

В вечерних новостях нам сообщают о насилии на этнической почве в Косове, о сомалийской военизированной группировке, о нападениях расистов на турок в Германии и пакистанцев в Лондоне, о колумбийских наркобаронах и их легионах вооруженных головорезов, об ультраправых вооруженных группировках; мы слышим о террористических взрывах на Ближнем Востоке, в Оклахома-Сити, в Центре международной торговли. Разве в этих сообщениях когда-нибудь говорят о тендере всех этих огрызающихся бритоголовых расистов в Германии и Велико-

британии, арестованных, но дерзких террористов типа Тимоти Макви, Теодора Качински, Абдуллы Рахмана?

В новостях редко обращают внимание на то, что фактически все насилие в мире сегодня совершается мужчинами. Теперь представьте, если бы все это совершали женщины. Разве об этом не раструбили бы в новостях, давая всевозможные объяснения? Разве не подвергли бы тендерному анализу каждое из подобных событий? Тот факт, что насилие совершают мужчины, кажется настолько естественным, что не ставит никаких вопросов и не требует анализа.

Возьмём два недавних примера. В 1993 г. в своем докладе Комиссия Американской психологической ассоциации по проблемам насилия среди молодежи назвала среди причин роста насилия доступность оружия, участие в бандах, показ насилия в средствах массовой информации, физические наказания, родительское небрежение, наркоманию, бедность, предрассудки и отсутствие программ борьбы с насилием. На следующий год корпорация Карнеги целиком посвятила выпуск своего ежеквартального журнала «спасению молодежи от насилия» и в своем списке факторов насилия среди молодежи перечислила фрустрацию, неразвитость социальных навыков, клеймение «дураками», бедность, жестокое обращение, небрежение, наркотики, алкоголь, жестокие видеоигры и доступность оружия. Ни в одном из этих докладов не упоминалось слово «маскулинность»¹.

Достаточно ознакомиться с цифрами: мужчины составляют 99% арестованных за изнасилования, 88% — за убийство, 92% — за грабеж, 87% — за разбойные нападения, 83% — за насилие в семье, 82% — за нарушения общественного порядка.

374

Мужчины гораздо более склонны к насилию, чем женщины. Согласно отчётам Министерства юстиции США, около 90% жертв убиты мужчинами².

Во всех возрастных группах — с раннего детства до старости — насилие является самым явным тендерным различием в поведении. Национальная академия наук делает радикальный вывод: «Наиболее устойчиво тендерное различие проявляется в том, что мужчины в любом возрасте гораздо чаще, чем женщины, становятся участниками тяжких преступлений, независимо от источника данных, типа преступления, степени причастности и меры участия». «Всегда и везде мужчина чаще совершает преступление, чем женщина», — пишут криминологи Майкл Готтфредсон и Трэйвис Хирши³. Однако как понимать эту очевидную связь между мужественностью и насилием? Является ли она биологической производной, природным фактом, обусловленным особенностями мужской анатомии? Универсальна ли связь между тендером и насилием? Претерпела ли она какие-либо изменения на протяжении американской истории? Усилилась она или ослабела с течением времени? Что можем мы, как культура, сделать для предотвращения или по крайней мере смягчения проблемы мужского насилия?

Объяснений мужского насилия более чем достаточно. Некоторые исследователи ссылаются на биологические различия между женщинами и мужчинами, полагая, что «повсеместность и длительность во времени демонстрации относительной агрессивности мужчин» определенно указывают на генетические различия. Например, некоторые ученые утверждают, что андрогены, мужские гормоны, особенно тестостерон, являются причиной мужской агрессии. Действительно, увеличение содержания тестостерона обычно приводит к повышению агрессии. Другие исследователи обратились к эволюционным объяснениям, таким, как гомосоциальная конкуренция, которая видит в насилии со стороны мужчин результат эволюционной конкуренции за сексуальный доступ к женщинам. Мужчины в борьбе друг с другом устанавливают иерархию господства; победители получают право выбирать женщин⁴. Но, как мы уже видели в предыдущих главах, биологические объяснения неубедительны. Хотя тестостерон связан с агрессивным поведением, он не является причиной агрессии, а только облегчает ее проявление. (К примеру, он никак не действует на неагрессивных мужчин.) Причинно-следственная связь

375

не всегда направлена от гормона к поведению. У победителей спортивных состязаний уровень тестостерона увеличивается *после* победы. Насилие приводит к увеличению уровня тестостерона; повышение уровня гормонов ведёт к насилию. Однако тестостерон не приводит к

насилию против тех, кто находится значительно выше на иерархической лестнице. Увеличение содержания тестостерона вызовет агрессию самца бабуина среднего уровня по отношению к самцу низшего уровня, но не подвигнет его на то, чтобы бросить вызов иерархическому порядку⁵.

На самом деле существует очень немного данных в поддержку эволюционной теории гомосоциальной конкуренции. В некоторых культурах мужчины не проявляют ни насилия, ни конкуренции в отношениях друг с другом. Если «мальчишки есть мальчишки», то они в различных культурах очень разные. В некоторых обществах, включая наше, мужчины особенно часто творят насилие над женщинами — над той самой группой, за которую они якобы соперничают. (Убивать и грубо насилловать того, кого стараешься оплодотворить, — подобная стратегия воспроизводства далека от благоразумия.) Социолог Джудит Лорбер резонно ставит следующий вопрос:

«Когда малыши шумно бегают вокруг нас, то, говоря „мальчишки есть мальчишки“, мы имеем в виду, что нахрапистость заключена в Y-хромосоме, поскольку она рано проявляется почти у всех мальчиков. Но разве мальчики везде, во всем мире, в каждой социальной группе, заявляют о своем присутствии криками и активностью? Или только там, где их поощряют к свободе тела, к захвату пространства, к риску, к участию во всех играх и состязаниях на открытом воздухе?»⁶

Вслед за Фрейдом некоторые психоаналитики искали объяснение мужского насилия в эдиповом комплексе: фрустрация мальчишеских сексуальных желаний трансформируется в агрессию — гипотеза фрустрации-агрессивности. Более нейтрально эта гипотеза формулируется следующим образом: мальчик должен постоянно на людях демонстрировать, что он успешно отделился от матери и перенес свою идентичность на отца, т.е. «стал мужчиной». Мужчины прибегают к насилию, чтобы доказать свое мужество или, по крайней мере, чтобы самим не стать добычей. В своем блестящем исследовании Барбара Эренрайх утверждает, что войны происходят не столько из врожденной склонности к агрессии и хищнических наклонностей, сколько из опасения попасться кому-нибудь на

376

обед. Истоки общества лежат в необходимости защищаться: мы стали жить в обществе не из-за глубокой потребности в нем, а потому что только вместе могли успешно себя защищать.

Поэтому почти универсальная связь мужественности с войной является компенсаторным, защитным механизмом, который обеспечивает «замещающее занятие недогруженных мужчин-охотников и защитников»⁷.

Если не считать их культурно универсальными, эти психологические модели помогают объяснять связь мужественности с насилием, особенно среди молодых мужчин. (Есть, конечно, и общества, где мужественность не связана с насилием.) В частности, психологи показали, как насилие становится формой выражения эмоций мужчинами, как будто единственной законной эмоцией для мужчины оказывается гнев. Где Гамлет, поставленный перед нравственным выбором, мучительно раздумывал, Люк Вудхэм, оправдываясь, пожал плечами. Психологические объяснения часто претендуют на универсальность обобщения. Психологи мало принимают во внимание кросс-культурные вариации и исторические изменения внутри культур. Но для адекватного объяснения насилия учет культурных и исторических особенностей принципиально важен. В 1980-е гг. два социальных антрополога поставили вопрос иначе: чему нас могут научить общества, где насилия очень мало? Они обнаружили, что определение мужественности в этих культурах имело существенное воздействие на склонность мужчин к насилию. В обществах, где мужчинам позволено признавать страх, уровень насилия низок. Но в тех обществах, где мужская бравада — превознесение силы, подавления других и отрицание страха — была главной чертой мужественности, уровень насилия выше. Оказывается, в обществах, где мужчинам предписывается напускная храбрость, велики различия в определениях мужественности и женственности^{1*}.

Таким образом, где сильнее тендерное неравенство, там мужественность и женственность полярно противопоставляются, и тем самым общество дает мандат на «мужскую браваду». Джоанна Оверинг пишет, напри мер, что в джунглях Амазонки чрезвычайно агрессивные люди племени шаванте определяют мужественность как «сексуальную воинственность», состояние, одновременно превосходящее и противоположное женственности, в то время как

по соседству с ними мирное племя пиароас определяет мужественность *и женственность* как способность к сотрудничеству в повседневной

377

жизни. Здесь приведены некоторые признаки, которые, по мнению антропологов, ведут к насилию между индивидами и обществами:

- 1) идеал мужественности — свирепый, красивый воин;
- 2) управление обществом связано с господством мужчин как над другими мужчинами, так и над женщинами;
- 3) женщинам запрещено участие в общественной и политической жизни;
- 4) основное общественное взаимодействие происходит между мужчинами, а не между мужчинами и женщинами и не среди женщин;
- 5) мальчики и девочки систематически отделяются друг от друга с раннего возраста;
- 6) при инициировании мальчиков упор делается на длительные ограничения, в течение которых их отделяют от женщин, обучают мужской солидарности, воинственности и выносливости, и они свыкаются с господством старших мужчин;
- 7) тщательно разработаны способы выражения молодечества, свирепости и сексуальности;
- 8) ритуальное празднование плодородия сосредоточено не на женской, а на мужской репродуктивной способности;
- 9) экономическая деятельность мужчин и результаты труда мужчин ценятся выше, чем труд женщин⁹.

Стало быть, одна из главных «причин» мужского насилия заключается в тендерном неравенстве. Все вместе эти исследования помогают сформулировать некоторые цели для политики снижения гендеризованности насилия в обществе. Во-первых, ясно, что чем меньше будет разделения между женщинами и мужчинами, тем менее гендеризованным будет насилие. Это означает, что чем больше мы будем видеть «женоподобных» мужчин — готовящих еду, заботящихся о детях, не стесняющихся страха — и «мужеподобных» женщин — решительных, рациональных, компетентных в общественных делах, тем реже агрессия будет находить себе выход в гендеризованном насилии¹⁰.

Насилие мужчин над женщинами происходит из-за того, что, по мнению мужчин, женщины покушаются на обладание тем, что мужчинам принадлежит по праву; подобным же образом оправдывается и насилие мужчин над другими мужчинами. Я полагаю, что существует криволинейная зависимость между насилием мужчин над мужчинами, насилием мужчин над женщинами и незыблемостью патриархатной власти. Если так, то

378

в поисках мирных обществ нам необходимо обратить внимание на те культуры, где патриархатная власть либо не оспаривается, либо ее нет вовсе. Минимум гендеризованного насилия между мужчинами мы найдем там, где патриархат остается в неприкосновенности и не подвергается сомнению или его просто нет, хотя бы некоторое время.

Тендер преступления

Все же, если мы хотим понять, как связаны между собой мужественность и насилие, нам потребуются некоторые уточнения. Прежде всего нам следует дифференцировать категории мужчин, поскольку уровень насилия распределяется не одинаково, а варьирует в зависимости от класса, расы, возраста, региона, национальности и сексуальной ориентации. Далее, мы должны исследовать исторические изменения этой связи и сравнить современного жителя Соединенных Штатов с жителями других индустриальных стран.

Когда мы это сделаем, перед нами откроется удивительная картина. Попросту говоря, *молодые американцы совершают насилие чаще, чем все остальные категории людей в промышленно развитом мире*. Уровень убийств в США в 5—20 раз выше, чем в других промышленных демократиях, и мы сажаем в тюрьму мужчин в 5—20 раз чаще, чем в любой другой стране мира, исключая Россию. (Некоторые говорят, что в США много заключенных из-за высокого уровня преступности; другие же доказывают обратное: преступность высока из-за того, что огромное количество людей сидит в тюрьмах. Думаю, оба утверждения отчасти верны, но здравомыслящий человек навряд ли поверит в такую прямую связь между заключением в тюрьму и преступлением.) Тюрьмы не только предотвращают совершение преступлений; в тюрьмах преступники обучаются, как совершить преступление. В 1992 г.

среди юношей в возрасте от 15 до 24 лет показатель убийств достиг 37,2 на 100000 чел. — приблизительно в 10 раз больше, чем в занимающей второе место среди промышленных стран Италии, и в 60 раз больше, чем в Великобритании".

Ситуация продолжает ухудшаться. С 1985 по 1994 г. число убийств, совершенных 14—17-летними американцами, более чем утроилось, как и количество мужчин этой возрастной группы, заключенных в тюрьму. В 1971 г. население американских тюрем составляло приблизительно 200 тыс. чел. Менее

379

чем через тридцать лет более 1,2 млн осужденных отсидели свои сроки в 1,5 тыс. федеральных тюрем и тюрем штатов; еще полмиллиона человек сидели в 3 тыс. окружных и городских тюрем. Это составляет 645 человек на каждые 100 тыс. американцев. Каждый день один из трех афроамериканцев в возрасте 20—30 лет отбывает заключение в тюрьме, осужден условно или получил испытательный срок. В 1996 г. шесть штатов, включая Калифорнию, тратили больше денег на содержание тюрем, чем на государственные колледжи и университеты¹³.

По данным дорожно-патрульной службы Калифорнии, девять из десяти арестованных за вождение в нетрезвом виде — мужчины; 84% осужденных за ДТП со смертельным исходом по вине пьяного водителя — мужчины; 86% поджогов совершают мужчины. Классический портрет поджигателя носит исключительно тендерный характер. «Ищите пассивного, неженатого мужчину в возрасте от 18 до 30 лет, который не в состоянии противостоять другим, — утверждает Алан Хедберг, калифорнийский психолог, исследующий поджигателей. — Крупный лесной пожар, огромные пожарные машины и столпотворение — вот что нужно неуравновешенному, кем-то обиженному молодому человеку, чтобы утвердить собственную мужественность»¹³.

Статистические данные показывают и обратную сторону полицейской отчетности. Менее 5% задержанных в результате погони на высоких скоростях оказались теми, кто был в розыске за совершение насильственных преступлений, а в основном погони велись за подозреваемыми в нарушении правил дорожного движения, и каждая пятая погоня заканчивалась серьезными травмами или смертью, чаще всего не причастных людей. Почему? Потому что в погоню почти всегда пускаются молодые офицеры. В одном из исследований в южной Флориде офицеры полиции называли «победу в гонке» одной из целей преследования¹⁴.

Криминолог Марвин Вольфганг указывает, что число насильственных преступлений возрастает каждый раз, когда доля молодых людей в возрасте 15—24 лет в населении становится необычайно высокой. Психиатр Джеймс Гиллиган отмечает, что только две врожденные биологические переменные позволяют предсказывать насилие — юношеский возраст и мужской пол. Эта взаимосвязь видна на рисунке, где представлены данные по Великобритании середины XIX в. С тех пор ситуация не слишком изменилась.

380

800

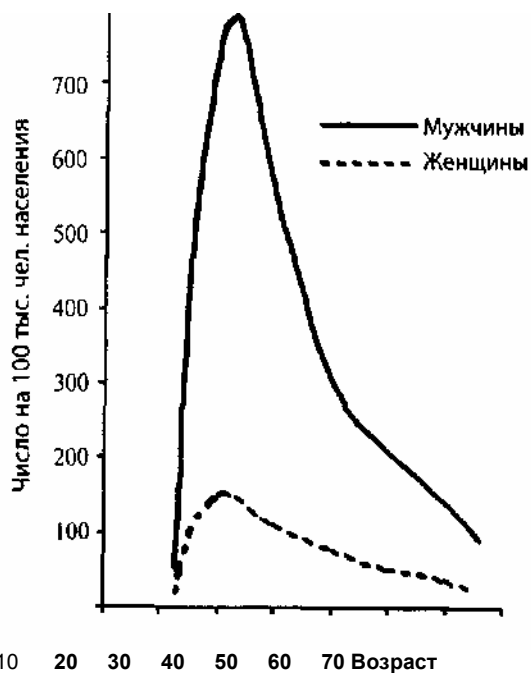


Рис. III. Преступники в категориях возраста и тендера, Англия и Уэльс, 1842-1844.

Источник: Nelson F.G.P. Contributions to Vital Statistics. 3d ed. London, 1857. P. 303—304; график представлен в: Hirschi T., Gottfredson M. Age and the Explanation of Crime // American Journal of Sociology. 1983. Vol. 89. P. 556.

Взятые по отдельности, тендер и возраст наиболее точно предсказывают уровень насилия. Мужчины намного сильнее женщин, и вероятность насилия со стороны того или другого тендера снижается по мере старения человека. Возьмем, к примеру, данные исследования старшеклассников в 1994 г. Почти каждый пятый юноша сообщил, что ему приходилось бить других настолько сильно, что те нуждались в перевязке или в помощи врача. В таком уровне насилия призналась лишь каждая двадцатая девушка.

Вместе с тем мы не должны делать вывод, что если мужчины гораздо чаще совершают насилие и преступления, то женщины никогда этого не делают. Есть любопытные данные о преступности среди женщин. Конечно же, они их совершают. Но виды

381

преступлений и причины, по которым они совершаются, иногда очень сильно отличаются. В середине 1970-х гг. два социолога, Фрида Адлер и Рита Саймон, обратили внимание на значительный рост женской преступности. Обе они обвинили в этом феминизм. «Чему удивляться, — писала Ф.Адлер, — ведь как только женщины получили равные возможности с мужчинами, они стали бороться за статус, как за уголовный, так и за гражданский, используя установленные мужчинами иерархические каналы». Саймон рисовала несколько более сложную картину, утверждая, что феминизм на самом деле привел к снижению числа насильственных преступлений, совершаемых женщинами, поскольку женщины стали меньше подвергаться прямому контролю со стороны мужчин, и одновременно к росту числа корыстных преступлений¹⁵.

Хотя оба эти объяснения могут быть полезны тем политикам, кто хотел бы вернуть женщин на их «естественное» место в доме, они не выдерживают эмпирической проверки. Прежде всего наиболее интересно то, что на протяжении длительного исторического периода женская преступность фактически снизилась по сравнению с XVIII в. Материалы судов показывают устойчивое снижение арестов и судебных преследований женщин начиная с XVIII столетия, что частично вызвано изменением в определении женственности и «культом домашней жизни», превратившим женщин в домашних ангелов:

«К концу XIX в. сложилось четкое отделение дома от работы, строгое разделение труда по полу, исключение женщин из общественной сферы и производительного труда. Женщин ограничили деторождением и домашним хозяйством... В этот же период произошло и уменьшение числа случаев привлечения женщин к судебным разбирательствам»¹⁶.

Несмотря на рост женской преступности за последние десятилетия, ее исходные цифры были настолько малы, что любое незначительное увеличение даст гораздо больший прирост, чем

среди мужчин. Фактически разница в преступности между полами в пересчете на 100 тыс. населения остается прежней. Поэтому понятен простой вывод криминолога: «Относительно мужских показателей женская преступность не изменилась»¹⁷.

Несколько вырос уровень корыстных преступлений, совершенных женщинами, в частности мошенничеств, подлогов и растрат, но больше всего выросло число мелких краж: краж в магазинах, случаев мошенничества с кредитной карточкой, подделки чеков. Больше всего женщины привлекают такие виды преступлений (например, магазинная кража), которые

382
позволяют им выражать свои желания, не неся за них ответственность. Они хотят, желают, жаждут, но знают, что стереотип женственности требует подавлять желания. Из магазинов «крадут красоту» — сексуальность, взрослость, страстность, не теряя репутации. Криминолог Джек Кац считает:

«Девушек, кажется, особенно соблазняют ювелирные изделия, косметика, одежда: то, что прикрывает обнаженное „Я“ женщины, придает ее телу видимость женской зрелости, делает ее привлекательной для мира, который не видит, что скрыто под этим великолепием. Девушки крадут то, что символизирует взрослую женщину, — косметику, украшения, сексуальное нижнее белье»¹⁸.

Если, как считает Кац, кража в магазине — это типично «женское» преступление, потому что оно связано с безответственным удовлетворением желания, то вооруженное ограбление — это типично «мужское» преступление: быстрое, агрессивное, опасное, с применением насилия. (Мужчин примерно в 15 раз чаще, чем женщин, арестовывают за разбой.) И оно направлено непосредственно против личности. Оружие «разбойника» символизирует могущество фаллоса, твердого и жесткого, жертве угрожают пенетрацией. Уличный грабеж — не слишком рациональный способ зарабатывать деньги, но он по-прежнему очень привлекателен для молодых мужчин:

«Если не видеть в грабеже особый метод выработки, даже церемониала, отличительно мужских форм действия и способов бытия, наряду с совместным распитием алкоголя или азартными играми на перекрестке улиц, силовыми выяснениями отношений и проверками „на вшивость“, заносчивым поведением и т.п., то он оказывается почти совершенно бессмысленным занятием»¹⁹.

Эти данные о тендере и насилии не означают, что все мужчины — стремящиеся к насилию хищники, а все женщины — невинные агнцы. В обществах с высокими показателями мужской преступности наблюдается рост женской преступности. Вспомним три наиболее распространенных причины ареста и женщин, и мужчин: вождение автомобиля в нетрезвом состоянии, воровство и «прочие правонарушения, за исключением нарушений правил дорожного движения», куда входят мелкое хулиганство, нарушение общественного порядка и другие незначительные преступления. Вместе эти три вида нарушений составляют 48% всех причин арестов мужчин и 49% — женщин. Тендерные отличия наиболее явно проявляются в насильственных преступлениях

20
383

Имеются данные по женской агрессии и насилию, но они существенно отличаются от насилия мужчин. Например, женщина применяет насилие, как правило, для самозащиты, в то время как мужчина чаще становится инициатором насилия. Мужское насилие может нести практическую (достижение определенной цели) или экспрессивную {выражение эмоций} функцию, — женщины часто прибегают к насилию, когда чувствуют себя загнанными в угол и беспомощными. Например, тяжкие преступления, которые женщины совершают чаще, чем мужчины, или наравне с ними, — детоубийство, жестокое обращение с детьми, избивание стариков, убийство новорожденных, а также супружеское насилие и убийство супруга совершаются женщинами в состоянии ужаса и беспомощности²¹.

Среди детей гендеризованность насилия также очевидна. Например, в трехлетнем возрасте чаще всего насильственные действия совершает мальчик над другим мальчиком и реже всего девочка по отношению к другой девочке. Агрессия мальчика по отношению к девочке встречается намного чаще, чем агрессия девочки в отношении мальчика. Два финских психолога провели сравнение физических, вербальных и «косвенных» форм агрессии. Они обнаружили, что девочки всех возрастов (кроме самых маленьких) скорее проявят

«косвенное» насилие: оболгут кого-нибудь за его (ее) спиной, станут дружить в отместку кому-нибудь, подговаривать «не дружить» с кем-нибудь. Мальчики всех возрастов проявляют прямую и вербальную агрессию: удары, подножки, толчки, брань. Девочки всех возрастов чаще используют мирные средства (говорят друг с другом, чтобы все выяснить, прощают, жалуются учителям и родителям) для решения проблемы, чаще уклоняются от ее решения и «дуются»²².

Некоторые данные свидетельствуют об уменьшении тендерных различий, касающихся насилия. Исследование, проведенное в Финляндии, показало, что девочки в 1980-е гг. были намного физически слабее, чем в 1990-е, как по самооценке, так и по отзывам сверстников. Кроме того, исследование обнаружило рост приемлемости насилия среди девочек. А к концу 1990-х гг. насилие стало иметь положительную коннотацию для девочек — как нечто такое, «что дает девочке возможность почувствовать свою власть, силу и делает ее популярной», т.е. агрессия стала играть для девочек ту же роль, какую она исторически играла для мальчиков²³. Впрочем, данные о росте насилия среди женщин, т.е. об уменьшении тендерного разрыва, скудны и отрывочны. В Со-

384

единенных Штатах женщины сегодня составляют 6,3% заключенных (приблизительно 75 тысяч), т.е. по сравнению с 1995 г. их число увеличилось на 9,1%. Половина женщин-заключенных приходится на тюрьмы четырех штатов — Флориды, Техаса, Калифорнии и Нью-Йорка. Заключенные-женщины по своему демографическому составу зеркально отражают состав мужского населения тюрем (не по статьям закона): непропорционально высокое число цветных, бедных, малообразованных и безработных. Однако насилие остается самым гендеризованным типом поведения в нашей культуре²⁴.

Гендеризованность насилия: институциональная проблема

После успешных испытаний ядерной бомбы в ноябре 1952 г., когда произошел примерно в тысячу раз более мощный взрыв, чем тот, что семью годами ранее разрушил Хиросиму, Эдвард Теллер, ядерный физик и лауреат Нобелевской премии, послал своим коллегам короткую телеграмму: «Это — мальчик». Теллер сам приравнял военное могущество — способность к невиданному насилию — к мужественности. Эта ужасная трагическая связь сохраняется неизменной, как для героев-воинов наших мужских фантазий, так и для очкариков-ученых, которые создают технологии, с помощью которых не знающие страха Рембо собираются завоевать мир.

Нетрудно перечислить фаллические образы и риторические приемы в этом огромном историческом параде героев-воинов в расшитых мундирах и ученых в белых лабораторных халатах, внушающих, что подтвержденная мужественность является твердой валютой для воина и зубрилы, для пмдиатора и тихони. Популярные психологи уже исчерпали згю сексуальную фразеологию для описания мужественности. Одна феминистка связывает мужскую воинственность с «завистью к ракетам», другая пишет, что мужчины «создавали цивилизацию под действием образа вечной эрекции: возбужденного фаллоса». Эти образы превращают тендер в экран, на который индивиды проецируют свои страхи и психологические проблемы, сводя войну и организованное государством насилие к простому сборищу мужчин, отчаянно доказывающих свою мужественность. Такая аргументация, как мы увидим, небезосновательна, однако она не объясняет то институциональное насилие, которое неявно присутствует в построении современного бюрократического государства. Для объяснения нам необходимо исследовать

385

связь между тем, как «милитаризм увековечивает тождество между мужественностью и насилием», и тем, как война «кодирует насилие в понятие мужественности на протяжении целых поколений»²⁵.

Хотя мужественность исторически связана с войной, современные способы ее ведения не оставляют большинству мужчин ни малейшей возможности проверить и подтвердить мужественность в традиционной схватке. В конце концов, большинство солдат в атаку не ходят. Личный состав в основном сконцентрирован в обслуживающих подразделениях: в транспорте, управлении, технической поддержке, снабжении. Технологическое усложнение войны только ускорило этот процесс: ядерное оружие, «умные бомбы», автоматическое

оружие, самоходные боевые средства, оружие дальнего радиуса действия — все это уменьшает потребность в примитивных бойцах типа Рембо и увеличивает спрос на тех, кто способен хладнокровно и расчетливо нажимать на кнопки²⁶.

Все же власть присутствует в том, как наши политические лидеры стремятся доказать агрессивную мужественность на политической арене. Война и ее технологии придают мужчинам «престиж мужчины», как выразилась французский философ Симона де Бовуар. Вспомните резню семинолов при президенте Эндрю Джексоне или Теодора Рузвельта, кричавшего повсюду о том, как он разнес Сан-Хуан-Хилл. Большую часть американской истории наши политические лидеры пытаются балансировать между мужской сдержанностью и мужским молодечеством. Военная удача и готовность идти на войну, как и прежде, подтверждают мужество. Объясняя, почему Линдон Джонсон продолжал эскалацию военных действий во Вьетнаме, его биограф пишет:

«Он хотел сохранить уважение к себе со стороны мужчин, жестких и настоящих ястребов. Он подсознательно делил людей вокруг себя на мужчин и мальчиков. Мужчины были активистами, деятельными завоевателями империй в мире бизнеса. Они действовали, а не болтали, и сумели пробиться в мире мужчин, завоевав их уважение. Мальчиками были болтуны, писатели и интеллигенция, которые усаживались поразмышлять, покритиковать, посомневаться, вместо того чтобы действовать».

(Если такое деление вам покажется странным, вспомните распространенное выражение: «Кто умеет делать — делает, кто не умеет — учит».) Когда оппоненты выступали против военных действий, Джонсон обвинял их в отсутствии мужественности.

386

Когда ему сообщили, что один из членов его администрации стал выступать против войны во Вьетнаме, Джонсон хмыкнул: «Черт, чтобы поссать, ему придется присесть!» Приветствуя бомбежки Северного Вьетнама, Джонсон хвастливо заявлял, что «не просто сделал Хо Ши Мина. Я отрезал ему яйца»²⁷.

Подобное бахвальство продолжает оставаться болезнью американской политики. Когда Джимми Картер отказался от вторжения в Иран, один аналитик по вопросам безопасности заметил, что США «раздвинули ноги для Советского Союза». Картера на следующих выборах победил «последний ковбой» Рональд Рейган, который обещал вывести американцев из послевьетнамской спячки и отчасти выполнил свое обещание, совершив ряд вторжений в маленькие страны типа Гренады. Джордж Буш-старший получил переходящую мантию мужественности, когда вторгся в Панаму и провел в Персидском заливе операцию «Буря в пустыне». Даже у Билла Клинтона взлетел рейтинг популярности во время слушаний по делу о его импичменте в 1998 г., когда он пообещал, а потом нанес воздушные удары по Ираку. Этот президентский дух далее нисходит на тех, кому по должности положено начинать и вести сражения, обволакивает стратегов по вопросам обороны, обученных обеспечивать ведение войн и вычислять соотношение тоннажа боеприпасов и количества убитых. «У некоторых появилось маниакальное стремление к передовым технологиям — ощущение, что мужчина должен постоянно доказывать свое мужество освоением новых земель или чем-либо еще». В статье о мужественности и войне во Вьетнаме журналист И.Ф.Стоун наглядно показывает распространенность мании подтверждения мужественности среди тех, кто планировал войну. На брифинге ои эскалации бомбардировок Северного Вьетнама официальный представитель Пентагона описал стратегию США как драку двух мальчиков: «Когда один мальчик выворачивает руку другому мальчику, тот, скорее всего, позовет на помощь „дядю“, если первый будет выворачивать руку сильнее, намеренно причиняя боль и выражая готовность сломать руку сопернику». Позже, когда один немецкий политик выразил обеспокоенность тем, что идея развертывания американских ракет в Европе вызывает широкие протесты, американский оборонный стратег авторитетно назвал протестующих «насосавшимися пива бургерами, у которых не стоит»³⁸.

Кэрол Кон провела этнографический анализ среди военных интеллектуалов. Она вспоминает:

387

«На лекциях постоянно говорилось о вертикальных „стоячих“ пусковых установках, соотношении силы толчка и веса, о том, как „мягко уложить“ и „глубоко проникнуть“, о сравнительных достоинствах затяжных атак и мощных ударов, когда, по словам одного военного

консультанта Совета национальной безопасности, „в единой судороге оргазма выпускается 70— 80% мегатоннажа". Выражалась серьезная озабоченность тем, как „засадить" наши ракеты, „учитывая, что русские потверже нас". Мы с моей союзницей — еще одной женщиной — периодически обменивались скептическими взглядами, но больше никто как будто не видел тут ничего особенного»²⁹.

Было бы упрощением сводить сложные военные и политические решения к психологии «у кого длиннее», но не менее важно указать здесь на тендерный аспект. У высших политических руководителей, у военных стратегов и у технических экспертов тендер проявляется уже в формулировке военной политики. И общественное мнение также играет важную роль в этих демонстрациях сексуальной потенции. Вспомните, например, как во время войны в Персидском заливе сексуализировался образ Саддама Хуссейна на бамперных наклейках «Саддам, нагнись» и «США нагнули Саддама»; таким образом военный конфликт приравнивался к гомосексуальному насилию. Широко показывали мультик, где Саддам Хуссейн склоняется в молитве, а в это время приближается огромная американская ракета, которая вот-вот влетит ему прямо в зад. Так сексуальная природа военного авантюризма находит себе выход в побочных проявлениях.

Америка: история гендеризованного насилия

Повсюду распространено мнение, что государство нуждается в насилии — для проведения политики необходимы полиция и армия, чтобы подчинить ей своих граждан и граждан других стран; однако в представлениях американцев насилие и мужественность связаны особенно тесно. Соединенные Штаты имеют длинную и кровавую историю особенно гендеризованного насилия, посредством которого отдельные мужчины и вся нация в целом демонстрировали и доказывали мужественность. Речь идет не только о политических и военных руководителях Америки, о которых мы уже говорили. Психологи говорят об «оправдании в обществе насилия как социально приемлемого, уместного и необходимого». В нашей

388

культуре больше всех почитают солдат или, по крайней мере, актеров, играющих их в кино³⁰. Историки полагают, что этот особенный и трагичный по последствиям код насилия в XVIII столетии принесли на американский Юг шотландские и ирландские иммигранты; ссоры, стычки, потасовки, охота и выпивка стали средством выражения мужественности. Мать Эндрю Джексона говорила своему сыну, которого не без оснований считают самым посредственным и жестоким президентом за всю американскую историю, что «закон не дает способа удовлетворить чувства истинного мужчины». Американский фронт — пожалуй, единственный пример огромного скопления молодых мужчин в истории индустриального мира — придал насилию законную силу в жизни нации. Самая большая жестокость всегда царит там, где собираются молодые парни, особенно вдали от «цивилизующего» влияния женщин³¹.

После поражения в гражданской войне, которое унизило и выхолостило Юг, среди подростков вошло в обычай класть деревянные щепки себе на плечи; они тем самым подстрекали других смахнуть их, чтобы был законный повод для драки. Только в Америке «щепка на плече» рассматривалась как знак доблести среди мальчишек. Более того, насилие считали законным, если оно было актом возмездия. Если кто-то сбивал щепку, ему полагалось «надрать задницу». В проникновенном анализе американского насилия антрополог Маргарет Мид выразила типично американский отказ от нападения и готовность к отпущению, гораздо превосходящему по тяжести полученную обиду, тезисами «мы не будем нападать, если только не нападут на нас» и «неуверенность в себе требовала именно такого серьезного доказательства». Вспомните эти илова, когда в следующий раз будете наблюдать за стычкой двух мальчишек на детской площадке. «Хочешь подраться?» -• вопит один. «Нет, но если ты первый начнешь, то я закончу!» — ответит другой. Никто из них не хочет взять на себя ответственность за начало драки, но каждый хочет выйти из нее победителем³².

Долго считалось, что надо совершить насилие, чтобы тебя публично признали мужчиной. Наша культура некогда предписала мальчикам драться, чтобы, как позже добавила теория, продемонстрировать тендерную идентичность. В одном из самых популярных руководств по воспитанию детей первой половины XX в. родителям объясняли:

«Бывают случаи, когда каждый мальчик должен защитить свои права, если он не хочет стать

трусом, а хочет быть

389

независимым и настоящим мужчиной... Волевого мальчика не нужно поощрять драться, но он нуждается в наставлении и обуздании. Если он дерется, скажем, более 7 раз в неделю, исключая, конечно, первую неделю в новой школе, то он скорее всего чересчур драчлив, и его следует обуздать. Чувствительного же мальчика, который уклоняется от драк, наоборот, нужно поощрять отстаивать свою позицию».

В этом бестселлере мальчиков поощряли драться один раз в день, за исключением первой недели в новой школе, когда, вероятно, ему полагается драться чаще!³³

За таким советом скрывается опасение, что мальчик, который избегает драк и агрессии, не вырастет в настоящего мужчину. Призрак «маменькиного сынка» — который нагоняет на американских мужчин страх обабиться — несет ответственность за значительную долю мужского насилия. Насилие — доказательство мужественности, потому что «настоящий» мужчина не боится быть жестоким. Психиатр Джеймс Гиллиган пишет о «патриархатном кодексе чести и позора, который порождает насилие и обязывает мужчин его совершать»; этот кодекс видит в насилии основное различие между женщинами и мужчинами³⁴.

Современный кодекс уличного насилия вырос из старого южного понятия чести — мужчина должен быть готов к драке, чтобы поставить себя в глазах других. Белые южане называли это «честью»; в начале XX столетия — «репутацией». Чернокожие в гетто североамериканских городов в 1950-е гг. говорили об «уважении». Это — все тот же кодекс насилия и вызова. Послушайте, что говорит член одной из уличных группировок в Нью-Йорке, в чьей банде ритуалом инициирования считается получение случайной ножевой раны. «Общество кричит, что мы — отъявленные головорезы и убийцы, но мы вовсе не такие. Мы — семья тех, кто выжил... гордые молодые черные парни, живущие в американском гетто. Мы — принцы Гарлема, которые стараются пробиться наверх и не хотят быть битыми». Другой мужчина вспоминает, как в колонии для несовершеннолетних «дрались почти каждый день, потому что каждый хотел быть круче других». Другой член уличной банды приводит современную версию «щепки на плече» и называет это «случайно столкнуться»: ты гуляешь по испанскому Гарлему «в расстегнутой рубашке, толкаешь людей и ждешь, когда кто-нибудь начнет орать, чтобы размазать его по стенке». Социолог Вик Зайдлер пишет, что «мальчику приходится быть все время начеку, чтобы ответить на насилие или избежать его. Мы все

390

время должны быть готовы защитить себя... Быть настоящим мужчиной совсем нелегко. Мы всегда должны быть готовы доказать, что мы мужчины, и отстоять себя». И криминолог Ганс Ток добавляет, что «в культурах мужественности демонстрация готовности к драке и умение драться являются мерой оценки и самооценки мужчины»³⁵.

Мужественность все еще часто приравнивают к способности к насилию. И в раздевалке, и в курилке мужчинам всех возрастов внушается, что насилие — социально санкционированная форма самовыражения. Социализация мужчины состоит в легитимации насилия: ритуал обрезания в младенчестве, побои от родителей и братьев, постоянные драки с мальчишками, социально одобряемые формы насилия в армии, спорте и тюрьме (США — единственная промышленно развитая страна, в которой до сих пор применяется смертная казнь), наставительные эпитаграммы, которые советуют нам не сердиться, а квитаться, а мир работы — это гоббсовская война всех против всех, джунгли, где волк пожирает волка.

Насилие против женщин

Мужчин учат, что насилие есть общепринятая форма общения между мужчинами, а также между мужчинами и женщинами. Эта «истина» является настолько банальной, так глубоко вплелась в ткань повседневной жизни, что мы воспринимаем насилие как само собой разумеющееся — в семье, с друзьями, с любимыми. Большинство жертв насилия знают нападавшего; многие знают очень близко. Примерно каждая пятая жертва насилия, которой оказывается срочная медицинская помощь, получает увечья и травмы от бывших и настоящих супругов и друзей. К насилию прибегают в приватном, межличностном, интимном общении, а также в качестве публичного обращения в отношениях между обществами или социальными группами.

Тендерный дисбаланс насилия в сфере интимных отношений поразителен. Среди жертв

насилия со стороны настоящих или бывших супругов число женщин превосходит число мужчин примерно в девять раз. Женщины получают телесные повреждения от бойфрендов в 8 раз чаще, чем мужчины от своих партнерш. Среди промышленно развитых держав Соединенные Штаты имеют самые высокие показатели изнасилований, домашнего насилия и супружеских убийств. Домашнее насилие является основной причиной телесных повреждений

391

у женщин в США. От трети до половины женщин хотя бы один раз в жизни подвергаются нападению со стороны супруга или партнера. По данным ФБР, от 30% до 40% убийств женщин совершили их мужья и партнеры. В США изнасилование женщины происходит каждые 6 минут, избиение — каждые 18 секунд, и ежедневно гибнут 4 женщины³⁶.

Такого, конечно, быть не должно. Как мы видели ранее, общества можно расположить в виде континуума: от свободных от изнасилований до склонных к изнасилованиям. Антрополог Пэгги Ривз Санди показала, что для обществ с высоким уровнем изнасилований характерны милитаризм, бытовое насилие вообще, идеология мужской «крутизны» и отсутствие близости между отцом и детьми. В обществах, в которых изнасилования относительно редки, ценят самостоятельность женщины (она сохраняет право на отдельную собственность после замужества) и детей (мужчины принимают участие в их воспитании). Проще говоря, «чем ниже статус женщины относительно мужчины, тем выше уровень насилия в обществе». Каков же статус женщины в Соединенных Штатах?³⁷

На самом деле Соединенные Штаты имеют самый высокий уровень зарегистрированных изнасилований в индустриальном мире: примерно в 18 раз выше, чем в Великобритании. От 12% до 25% американок становятся жертвами изнасилования, еще от 12% до 20% подвергаются покушениям на изнасилование. Это означает, что от четверти до почти половины женщин подвергаются сексуальному насилию, причем от двух третей до четырех пятых насильственных актов совершают знакомые им мужчины. Расчеты показывают, что от 20% до 30% девочек, которым сейчас 12 лет, в будущем подвергнутся изнасилова-

чи

нию или попытке изнасилования .

Что еще страшнее — из этих двенадцатилетних девочек 16% уже были изнасилованы. По данным Министерства юстиции США, половине женщин, изнасилованных в 1992 г. (обычный год), не исполнилось 18 лет, а 16% не было еще и 12. В одном исследовании обнаружилось, что 96% изнасилованных, которым не было 12 лет, знали своих насильников. В каждом пятом случае насильником оказывался отец. Правда, есть некоторые основания полагать, что женщины до восемнадцати лет чаще других обращаются в полицию с ложными заявлениями об изнасиловании (хотя фактически ни одно из ложных заявлений не рассматривалось в суде, поскольку аннулировалось на стадии расследования), скорее всего из-за опасения забеременеть и в надежде на то, что заявление об изнасиловании поможет

392

получить разрешение на аборт, так как во многих штатах аборт является юридически законным только в случаях изнасилования и угрозы здоровью матери. Однако здесь не учитываются те случаи, которые подпадают под расплывчатую и оскорбительную формулировку «отсутствие взаимопонимания»³⁹.

В предыдущих главах мы видели, что разные теоретические школы предлагают свои объяснения изнасилований. Утверждение, что изнасилование — просто одна из репродуктивных стратегий тех, кто проиграл на сексуальной арене, не убеждает. Так же неубедительны доводы некоторых психологов, что изнасилование — это частное явление, и совершают его больные люди, неспособные контролировать сексуальное влечение, поскольку почти три четверти насильников планируют свои действия, и только приблизительно 5% насильников можно отнести к психически больным. Не убеждает и оправдание, что мужчины теряют над собой контроль из-за употребления алкоголя и наркотиков. Почему среди женщин такой потери контроля не наблюдается?

Чтобы объяснить изнасилования, нужно признать, что именно мужчины насилуют женщин, и задать самый страшный вопрос: почему так много обычных, нормальных «в остальном» мужчин совершают изнасилования? Социолог Алан Джонсон выразил удивление, как такое

распространенное явление можно считать делом нескольких лунатиков? «Трудно поверить, что за столь массовое насилие ответственны отдельные психически нездоровые мужчины. То, что сексуальное насилие приобрело столь массовый характер, подтверждает точку зрения, согласно которой насилие против женщины стало центральным элементом того, что в нашей культуре понимается как „нормальные“ взаимоотношения между мужчиной и женщиной». Действительность такова, что изнасилования совершают «обычные», стопроцентные американские парни. Даже в университетском городке «женщина подвергается большему риску изнасилования или агрессии не со стороны сумасшедшего в кустах, а со стороны мужчины, которого она знает или с которым даже встречается»⁴⁰.

В опросах ответы студенток университетов указывают на распространенность изнасилований, а ответы студентов — на пренебрежительное к ним отношение. Подвергшееся уничижительной критике исследование изнасилований в университетских городках, проведенное Мэри Косе, остается самым впечатляющим и тщательным изучением регулярности и масштаба этого явления. Она обнаружила, что почти полови-

393

на (44%) всех опрошенных женщин испытали разные формы сексуального принуждения: 15% подверглись попытке изнасилования, 12% принудили к сношениям под воздействием наркотиков и алкоголя, целых 25% имели нежелательные половые сношения под действием «убеждающих доводов» и давления мужчины, и почти каждую десятую (9%) взяли силой⁴¹. Неудивительно, что феминистская писательница Сьюзен Гриффин назвала изнасилование «всеамериканским преступлением», которое совершают нормальные стопроцентные американские парни. Однако верно и то, что большинство мужчин не совершают изнасилований. В ряде опросов много мужчин указали, что могли бы изнасиловать — при «благоприятных» условиях и уверенности, что их не поймут. Опрос американских студентов показал, что более четверти (28%) мужчин готовы пойти на изнасилование и избиение ради секса; 6% отметили, что способны на изнасилование, но бить не стали бы, и 30% могли бы побить, но не насиловать. 40% — менее половины — отметили, что не будут ни бить, ни насиловать. В другом опросе 37% указали, что скорее изнасилуют, если будут уверены, что их потом не поймут⁴².

Что-то мужчин все же удерживает, по крайней мере некоторых! Только ли страх быть пойманным? Или они просто не способны демонстрировать свою мужественность в насилии? В определенном смысле насильники не являются отклонениями от тендерных стереотипов, психологически неуравновешенными извращениями, которые по-другому на секс не способны. Насильники, напротив, слишком привержены нормативам мужественности: при каждой встрече с любой женщиной они настолько заряжены на сексуальную победу, что каждое свидание превращают в осаду, и они не обращают внимания на желание женщины, поскольку, в конце концов, женщины в этом отношении не равны мужчинам. «Больше всего поражает то, что насильники, — пишет один исследователь, — внешне совершенно нормальны». Бернард Лефковиц, в подробностях описавший ныне печально известное групповое изнасилование умственно отсталой девочки несколькими спортсменами из элитной школы в местечке Глен-Рвдж, штат Нью-Джерси, утверждает, что «многие мальчики в оскорбительных действиях по отношению к женщинам видят своего рода обряд превращения во взрослого мужчину. Это впелось в ткань нашей культуры». Поэтому при любом обсуждении изнасилований необходимо принять во внимание заурядность этого преступления с точки зрения нормативного определения мужественности,

394

а также существующее положение дел: несмотря ни на что, большинство мужчин никогда не совершают изнасилований. Если изнасилование нормативно, то кто не насилует, тот ненастоящий мужчина?⁴³

Социолог Дайана Скалли в глубоком исследовании осужденных за изнасилование развивает эту тему. Она обнаружила, что насильники более активно ведут сексуальную жизнь без насилия, чем остальные мужчины, и наравне с другими имеют серьезные отношения с женщинами и становятся отцами. Эти данные совершенно уничтожают доводы эволюционистов, будто насилуют неудачники, которые не смогли добиться желанных отношений с женщинами на сексуальном рынке. Мужчины насилуют, «чтобы поставить

женщин на место», пишет она. «Изнасилование — право мужчины, — подтвердил один из осужденных. — Если женщина не дает, мужчина должен ее взять. Женщина не имеет права отказать. Она создана для секса. Это — все, на что они годятся. Некоторых женщин приходится бить, и потом они все равно сдаются; они для этого и предназначены». Мужчины насилуют, делает заключение Скалли, «не из-за своих особенностей или иррациональности, а потому что они усвоили, что в этой культуре сексуальное насилие вознаграждается», и потому что «они не думают, что

2

Ы

будут за это наказаны» .

Изнасилование — это преступление, в котором сочетаются секс и насилие и пол становится орудием насилия. Изнасилование — не столько преступление страсти, сколько преступление власти, в нем нет ни любви, ни вожделения, но есть покорение и презрение, в нем выражена не тоска, а присвоение. Вы можете подумать, что мужчина помышляет об изнасиловании в сознании своей власти. '

Ничего подобного. Послушайте, что отвечает молодой 23-летний клерк из крупной корпорации в Сан-Франциско по имени Джей на вопрос Тима Бенеке о том, при каких обстоятельствах он мог бы совершить изнасилование. Он не совершал изнасилований. Он — обычный парень и пробует представить обстоятельства, при которых он изнасиловал бы женщину. Вот что говорит Джей:

«Скажем, я вижу женщину — очень симпатичную, опрятную, сексуальную, и она испускает настоящие женские, сексуальные флюиды. Я думаю: ух ты, вот бы заняться с ней любовью, но вижу, что ее это не интересует. Меня это дразнит. Сколько раз было, что женщина знает, что выглядит отлично, и всегда это использует, красуется передо мной. Я начинаю

395

чувствовать, что она будто смеется надо мной, и это унижительно... Если бы я отчаялся настолько, чтобы изнасиловать какую-то женщину, я бы это сделал, потому что хотел именно ее, а также из мести, просто чтобы сказать: „Ты в моей власти, и я могу сделать с тобой все, что захочу“, — потому что на самом деле это они имеют надо мной власть, одним своим присутствием. Просто потому что они могут подойти ко мне, и я растаю, буду чувствовать себя полным болваном и захочу отомстить. Они властны надо мной, и я хочу власти над ними»⁴⁵. В Джеб говорит не власть, а бессилие: «Они властны надо мной, и я хочу власти над ними». По его мнению, изнасилование — это не нападение на женщину, но форма мести, возмездия за ранее нанесенную рану. Но кем?

Бенеке исследует этот очевидный парадокс, анализируя язык. Подумайте, какие слова используются в нашей культуре при описании женской красоты и сексуальности — язык насилия и агрессии. Красивая женщина — это «бомба», «нокаут», «роковая женщина». Она «потрясно красива» и «до смерти хороша». Женская красота переживается мужчинами как акт агрессии: красота вторгается в мужские мысли, некстати пробуждает желание и тоску, заставляет мужчину чувствовать себя беспомощным, слабым, уязвимым. Совершив таким образом агрессивное вторжение, женщина отвергает мужчину, отказываясь от секса, и тем самым его оскорбляет. Изнасилование — это способ свести счеты, отомстить за отказ, воздать. Бессилие и уверенность в обладании правом на женское тело, о которых говорили осужденные насильники в интервью Дайане Скалли, дают в итоге гремучую смесь, которая и обеспечивает позорно высокий уровень изнасилований в США.

Сочетание бессилия и правоты вносит свой вклад и в проблему домашнего насилия. Хотя семья считается укрытием от внешних опасностей, «убежищем в бессердечном мире», дом для женщин и детей может оказаться самым опасным в мире местом. Даже юридическая защита брака не спасает женщин от изнасилований, и уровень домашнего насилия против них ужасает. Исследователь насилия в семье Мюррей Строе и его коллеги пришли к выводу, что «в американской семье и американском доме, пожалуй, насилия больше, чем в любом другом общественном институте или сфере (исключая вооруженные силы, да и то лишь во время войны)»⁴⁶.

Брак точно не защищает женщину от изнасилования. В исследовании 644 замужних женщин 12% из них сообщили, что были изнасилованы своими мужьями. В другом опросе

396

393 женщин оказалось, что вероятность подвергнуться изнасилованию со стороны супруга

или сексуального партнера в три раза выше, чем со стороны незнакомца, друга или знакомого. В целом 22% женщин подвергались изнасилованию со стороны супруга, а половина женщин, сообщивших об изнасиловании с избиением в браке, пережили это более 20 раз. В этом же исследовании Дэвид Финклхор и Кирсти Илло обнаружили, что почти три четверти женщин, изнасилованных мужьями, по крайней мере однажды оказали успешное сопротивление; 88% сообщили, что ни разу не испытывали удовольствия от изнасилования; чуть менее четверти (22%) подверглись сексуальному преследованию в детстве⁴⁷.

Одним из самых знаменитых законодательных изменений в этой сфере стала отмена неподсудности мужей за изнасилование. Еще в 1985 г. более половины американских штатов прямо запрещали судебное преследование за супружеское изнасилование на том основании, что женщина не имеет законного права отказать мужу в сексе: когда женщина говорит во время бракосочетания «я согласна», это ясно подразумевает «я буду... всякий раз, когда он только пожелает». Хотя к 1993 г. все штаты объявили супружеское насилие преступлением, «по крайней мере те случаи, когда используется сила», по официальным данным за 1996 г., неподсудность мужей в некоторых штатах по-прежнему сохранялась применительно к совместно (не раздельно) живущим парам, и только в пяти штатах эта защита распространялась на не состоящие в браке, но проживающие совместно пары. Специалист по проблемам семьи Ричард Джеллз описал масштаб этой проблемы в своем выступлении в законодательном собрании штата Нью-Гемпшир в 1981 г. при рассмотрении вопроса об отмене запрета на судебное преследование мужей за изнасилование:

«В действительности изнасилование супругом травмирует женщину больше, чем изнасилование незнакомцем. Когда мужчина, призванный вас любить и защищать, так поступает, это может лишить вас способности к близким отношениям с кем бы то ни было. Кроме того, многие жены, ставшие жертвами изнасилования, живут в постоянном страхе и вновь и вновь подвергаются насилию. Если вас изнасиловал незнакомец, вы будете жить со страшными воспоминаниями. Когда вас насилует муж, вы живете со своим насильником»⁴⁸. Супружеское насилие является, безусловно, важной проблемой и в других странах, где мужья продолжают оставаться неподсудными за эти преступления, поскольку мужчина имеет

законное право распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению. Женщины страдают от супружеского насилия и в других странах. В Гонконге и в Кито (столица Эквадора), например, регулярно избиваются супругами до 50% замужних

женщин .

Хотя супружеское насилие является проблемой и в других странах, кажется, что уровень жестокого обращения с женами в США остается одним из самых высоких в мире. Избиение стало основной и единственной причиной травматизма среди американских женщин. Ежегодно избиению своим партнером подвергаются более 2 млн женщин. Каждый год от руки мужа или партнера погибают от 2 до 4 тыс. женщин. Одно исследование показало, что почти половина убитых женщин в Нью-Йорке пали от руки мужа или партнера. (Лишь около 3% убийств совершаются женами, бывшими женами и партнершами⁵⁰.)

Женщины и мужчины различаются не только по количеству супружеских убийств, но и по причинам, приведшим к ним. Эмерсон и Рассел Добаш с коллегами утверждают: «Мужчины часто убивают своих жен после длительных периодов постоянного физического насилия, сопровождающихся различными формами жестокого обращения и применения силы; жены таких убийств практически не совершают. Мужчины полностью истребляют свои семьи, убивают жену и детей; женщины этого не делают. Покинутые мужья выслеживают и убивают бывших жен; у женщин такое поведение встречается редко. Мужья убивают жен, перед тем как совершить самоубийство; о подобных действиях жен почти ничего неизвестно. Мужчины убивают жен, когда узнают об их неверности; жены почти никогда этого не делают, хотя именно мужчины изменяют гораздо чаще»⁵¹.

Стоит заметить, что разница в показателях супружеских убийств в западных обществах несколько скромнее по сравнению с развивающимися странами, где разрыв еще больше. Там, где сохраняется патриархатный контроль, насилие, изнасилование и даже убийство рассматриваются скорее не как преступление, а как исключительное право мужчины⁵².

Несмотря на многочисленные данные о домашнем насилии против женщин, мы часто слышим редкие голоса о «жестокое обращении с мужьями». Стоило одному социологу сказать, что из всех форм домашнего насилия в данных опросов больше всего занижен уровень жестокого обращения жен с мужьями, как легионы антифеминистов бросились искать материал, чтобы превратить это заявление в политическую дискуссию.

398

Некоторые исследователи делают вывод, что женщины в равной степени «способны» ударить мужчину и что 50% супружеских убийств совершаются женщинами. Они даже находят «факты» о том, что от нападений мужей и партнеров пострадали 1,8 млн женщин, а более 2 млн мужчин пострадали от своих жен и партнерш, что 54% всех актов насилия, квалифицированных как «жестокие», были совершены женщинами; или что среди подростков именно девушки ведут себя более жестоко по отношению к своим парням. (Странным образом среди тех, кто заявляет о равенстве в жестокости, чаще встречаются адепты биологического различия между мужчинами и женщинами и противники допуска женщин в вооруженные силы и полицию.) Один явно запутавшийся журналист написал, что поскольку избиению ежегодно подвергаются «всего» 3—4% женщин, то мы должны эти случаи отнести на счет «неудачных действий отдельных придурков». (Если бы «всего» 3—4% мужчин ежегодно заболели раком простаты и яичек или становились жертвами уличных грабежей, то тот же самый журналист непременно призвал бы объявить чрезвычайное положение и мобилизовать всех медиков или всю Национальную гвардию — а может, и тех, и других!⁵³)

Если такие данные были, то зададимся вопросом, почему у нас нет приютов для избитых мужей, почему избитые мужчины не переполняют реанимационные отделения, нет демонстраций с требованиями защиты от жен? (Ну, это не совсем так. О. Дж. Симпсон все-таки назвал себя «мужем, подвергшимся жестокому обращению» со стороны бывшей жены Николь, правда, после того как сам ее избил. И один приют для таких мужчин был открыт в канадском Ванкувере, яо в течение двух месяцев был закрыт, так как туда никто не обратился.) Умники нам говорят: это отчасти потому, что мужчины, которые становятся жертвами домашнего насилия, настолько стыдятся своего унижения и ниспровержения своей мужественности, что не заявляют об этом и скорее готовы молча терпеть жестокость своих жен. Эту психологическую проблему один исследователь называет «синдромом избитого мужа». «Поскольку мужчину учат „переносить все по-мужски" и над ним будут смеяться, если узнают, что его бьет жена, женщины в девять раз чаще, чем мужчины, сообщают о насилии властям», — пишут два автора. А кроме того, объясняют они, мощь «феминистского лобби» настолько велика, что собранные «политически некорректные данные» просто скрывают от общественности. Они пишут:

399

«Повторные исследования неизменно показывают, что мужчины становятся жертвами домашнего насилия, по крайней мере, не реже, чем женщины. Однако широкая публика и многие профессионалы данные об отсутствии половых различий в уровне физической агрессии в семье воспринимают с удивлением и считают их ненадежными, тем самым поддерживая стереотипное представление о том, что мужчины агрессивны, а женщины — только жертвы»⁵⁴.

Такие утверждения не находят никакого подтверждения в эмпирических исследованиях, и прозвучавшие выводы лишены каких-либо научных оснований. Например, в исходном исследовании «Синдром избитого мужа» социолог Сьюзен Стейнмец опросила пятьдесят семь пар. О серьезных избиениях сообщили четыре жены и ни одного мужа. Стейнмец пришла к ряду «выводов»: мужчины просто не сообщают о насилии; это, должно быть, серьезная проблема; около 250 тыс. мужчин ежегодно подвергаются избиениям. Напомню, что все эти «выводы*» были сделаны на основании опроса 57 пар, в ходе которого ни один мужчина не сообщил о насилии. Со временем шумиха вокруг этих дутых выводов в СМИ поутихла, но цифра успела вырасти до двенадцати миллионов ежегодно избиваемых мужей!⁵⁵

Одна из проблем состоит в формулировках задаваемых вопросов. Там, где обнаружилось, что женщины и мужчины бьют друг друга одинаково часто, парам задавали вопрос, приходилось ли им когда-нибудь на протяжении их совместной жизни драться друг с другом. Равное число женщин и мужчин отвечали «да». Но соотношение резко менялось, как только их спрашивали

о том, кто начинал драку (кто нападал, кто защищался), насколько серьезными были удары (она толкнула его до или после того, как он сломал ей челюсть?) и как часто происходило насилие. Когда задавались эти три вопроса, то результаты соответствовали тому, что мы всегда знали: насилие против женщин по количеству, частоте, степени тяжести было гораздо большим, чем против мужчин, — Лорена Боббитт не в счет⁵⁶.

Другая проблема заключалась в том, кого спрашивали. В исследованиях, обнаруживших сходные показатели, опрашивали только одну сторону. Исследования, в которых по отдельности опрашивались обе стороны, выявили значительные несоответствия в ответах женщин и мужчин. Те же самые исследователи, которые получали одинаковые показатели, предупреждали, что к их результатам следует подходить чрезвычайно осторожно,

400

поскольку мужчины часто не сообщают о серьезных избиениях. (Видимо, для них одинаково немужественно бить женщину и быть ею побитым, ибо «настоящий мужчина» на женщину руку никогда не поднимает⁵⁷.)

Третья проблема состоит в указании конкретного периода времени при задавании вопроса. В исследованиях с одинаковыми результатами спрашивали о случаях, произошедших в течение последнего года, и таким образом один удар мог приравняться к ужасу перед насилием, который мог длиться десятилетиями. И поскольку хорошо известно, что насилие против женщин резко возрастает после развода или расставания, то исследователи, получившие одинаковые результаты, исключили случаи, происходящие после развода и расставания. В это время происходит приблизительно 76% всех стычек, и за 93% из них ответственны мужчины⁵⁸.

Наконец, исследования, которые предлагают сравнение, целиком основываются на так называемой Шкале тактики конфликта (ШТК). Эта шкала не делает различий между насилием в нападении и в обороне и относит, например, к насилию побои, нанесенные женой мужу во время избиения им детей. При этом не принимаются во внимание и физические различия между женщинами и мужчинами, из-за которых женщины с травмами, полученными в результате семейного насилия, обращаются за медицинской помощью в шесть раз чаще. Не учитывается и нефизическая сторона насилия, когда женщина вынуждена мириться с оскорбительными для нее отношениями с мужем: из-за различий в доходах, из страха за будущее детей, из-за того, что она не имеет собственных средств к существованию. В подобных исследованиях не учитываются супружеские изнасилования и сексуальная агрессия со стороны мужа. Один исследователь проблемы изнасилований задает вопрос: «Вы могли бы назвать двоих одинаково агрессивными, если женщина бьет мужа кулаком в грудь, не нанося телесных повреждений, а он бьет ей кулаком в лицо и ломает нос? Но по этой шкале оба получают одинаковые очки»⁵⁹.

Некоторые исследования говорят о том, что женщины действительно способны на насилие в близких отношениях, но далеко не в тех масштабах и не с той жестокостью. По данным Министерства юстиции США, над женщинами в десять раз больше совершают акты насилия близкие люди, чем над мужчинами. В среднем против женщин было совершено около 575 тыс. актов насилия, а против мужчин — 49 тыс. Возможно, эти цифры несколько завышены:

криминолог Мартин Шварц

401

полагает, что женщины ответственны в 3—4% случаев супружеского насилия. Примерно одна из восьми жен указывала, что хотя бы раз избивала своего мужа. Если женщина прибегает к насилию, то она выбирает насилие либо самой слабой, либо тяжелой степени. Строе с коллегами обнаружили, что женщина толкает, ударяет и пинает наравне с мужчинами, но она не намного реже берется и за оружие⁶⁰.

Уровень домашнего насилия зависит от того, в чьих руках больше власти. Когда все решения принимает одна сторона, насилие — с его и ее стороны — максимально. Насилие против женщин чаще всего происходит в тех семьях, в которых власть сконцентрирована в руках мужа. Интересно, что против мужей (хотя и в гораздо меньших масштабах) насилие применяется в семьях, где власть также сконцентрирована в руках мужа и лишь в чрезвычайно редких случаях — в руках жены. Концентрация власти в руках мужчин приводит к повышению насилия — выдохните — как против женщин, так и против мужчин. Уровень

насилия резко падает, когда отношения становятся более равными, и практически нет случаев насилия жены над мужем, когда решения принимаются сообща, т.е. когда отношения полностью равны⁶¹.

Женщины и мужчины в совершении насильственных действий различаются по степени и мотивам. Исследователь проблемы насилия в семье Кирсти Илло утверждает, что мужчины склонны использовать насилие в практических целях, для наведения страха и ужаса, чтобы гарантировать согласие, повиновение и покорное принятие устанавливаемых ими в доме правил. Женщины, наоборот, склонны прибегать к насилию для выражения чувств фрустрации и злобы, и, конечно же, чтобы предотвратить дальнейшие истязания. Крайне редко женское насилие бывает систематическим, целенаправленным, постоянным. Как недавно написали два психолога:

«В отношениях между полами избиение — это, прежде всего, то, что мужчины делают с женщинами, а не наоборот... Избиваемые женщины часто тоже прибегают к насилию, и не только ради самозащиты. Они живут в культуре насилия и становятся частью этой культуры. Некоторые женщины во время избиений защищают себя: они бьют в ответ, бьют и толкаются, может, даже не реже, чем их мужья. Но все равно избивают именно женщин»⁶².

Если во время опроса насильственные действия женщин и мужчин фиксируются как равнозначные, то может показаться, что оба тендера одинаково склонны к насилию. Однако

402
реанимации в больницах, приюты для избитых женщин и морги говорят нам, что подобные данные чертовски обманчивы.

Насилие против женщин не знает классовых, расовых и этнических границ. «Образованные, успешные, интеллектуальные мужчины — адвокаты, врачи, политики, бизнесмены — регулярно и жестоко избивают своих жен наравне с докерами». Однако некоторые различия есть. Например, безработица является одним из мощных факторов домашнего насилия. Данные некоторых исследований показывают более высокий уровень насилия в афроамериканских семьях, чем в белых. В одном исследовании обнаружилось, что черные мужчины бьют своих жен в четыре раза чаще, чем белые мужчины, а черные женщины бьют своих мужей в два раза чаще, чем белые женщины. Последующие исследования выявили снижение уровня насилия среди черных семей, но он остается все еще несколько выше, чем в белых семьях⁶³.

Об испаноамериканцах данные противоречивы: в одном исследовании обнаружилось, что в их семьях уровень насилия гораздо ниже, чем в семьях «англосаксов», а в другом — что немного выше. Это противоречие можно объяснить разнородным составом испаноамериканцев.

Кауфман Кантор с коллегами нашли, что мужья в пуэрториканских семьях жен бьют в два раза чаще, чем в семьях англосаксов (20,4% к 9,9%), и примерно в десять раз чаще, чем в кубинских семьях (2,5%). Во многих случаях, однако, эти расовые и этнические различия исчезают, когда принимается во внимание социальный статус. Социолог Ноэль Казенав проанализировала результаты того же национального Исследования проблемы семейного насилия и обнаружила, что черные мужья гораздо реже избивают своих жен, чем белые, в трех из четырех категорий Дохода — в двух высших и низшей. Более высокий уровень среди черных наблюдался только в семьях с доходом 6 000—11 999 долларов (40% от всех опрошенных афроамериканцев). Доход и место жительства (город/село) фактически объясняли этнические различия между латинос и англосаксами. Раювые различия в совершении супружеских убийств можно также объяснить классовым аспектом: две трети этих убийств в Нью-Йорке совершались в самых бедных частях Бронкса и Бруклина⁶⁴.

И конечно, домашнее насилие совершают геи и лесбиянки. Недавний неофициальный опрос геев — жертв насилия в шести крупнейших городах показал, что геи и лесбиянки чаще подвергаются домашнему насилию, чем становятся жертвами преступлений гомофобов. В

одном из докладов, представлен-

403
ных на Четвертой международной конференции по изучению насилия в семье, говорилось, что у гея-насильника такой же психологический профиль, что и у гетеросексуала, сюда входят низкая самооценка и неспособность поддерживать близкие отношения с другим⁶⁵.

Домашнее насилие — лишь еще один способ, которым мужчины проявляют свою власть над женщинами. И все же, как и изнасилование, домашнее насилие скорее совершается не тогда,

когда мужчина чувствует свое полновластие, а когда он чувствует свое относительное бессилие. Насилие призвано реставрировать, восстановить власть, которая ему, как он уверен, принадлежит по праву. Как объясняет один социолог: «Мужчины часто избивают жен и детей, когда чувствуют, что теряют контроль над их жизнями». Другой напоминает нам, что «физическое превосходство мужчины над женщиной — иллюзия власти — дает все же минимальную компенсацию за недостаток власти в других сферах жизни»⁶⁶.

Заключение

Насилие широко распространено в современном американском обществе. Соединенные Штаты являются обществом с самым высоким уровнем насилия среди промышленно развитых стран мира, несмотря на то, что в нашем обществе больше всего заключенных и мы являемся единственной развитой страной, где есть смертная казнь якобы для предотвращения насилия. Я сказал «несмотря»? Может, я хотел сказать «потому что»?

Насилие приносит огромный ущерб обществу, и дело не только в жертвах, а в гигантских затратах на поддержание системы судов, тюрем и полиции. Психологический ущерб подсчитать невозможно: вся страна привыкла жить в страхе перед насилием. (Включите вечерние новости в любом американском городе, и вы увидите парад убийств, пожаров, жестокости родителей и потасовок, представленных как спортивные состязания.) «Чтобы обуздать преступность, надо не расширять репрессивные меры государства, а уменьшить тендерное неравенство», — пишет криминолог Джеймс Мессершмидт. И снижение этого страха, как выразилась криминолог Элизабет Стан-ко, «принесет больше пользы, чем уличное освещение»⁶⁷.

Конечно, лучше начать с улучшения освещения. Но мы должны защитить женщин от культуры насилия, которая так часто

404

превращает их в мишени. А также мы должны защитить мальчиков «от культуры насилия, которая развивает их худшие наклонности, укрепляя и усиливая атавистические ценности мистики мужества». В конце концов, сами мужчины оказываются жертвами насилия именно потому, что они его порождают⁶⁸.

Часто за биологическими объяснениями кроется желание уйти от проблемы. «Мальчишки есть мальчишки», — говорим мы и беспомощно разводим руками. Но даже если бы все насилие биологически программировалось тестостероном или эволюционными требованиями репродуктивного успеха, распространенность мужского насилия в Америке все равно поставила бы на политическую повестку дня вопрос: как мы будем устраивать наше общество — максимизировать или минимизировать насилие? Это — политический вопрос, и он требует политических ответов, которые побудили бы нас найти альтернативные, ненасильственные пути для самовыражения мужчин в качестве мужчин.

Я искренне верю, что мужчины — не биологически запрограммированные жестокие хищники. Я полагаю, что мы можем сделать гораздо больше, чем кивать на биологию или стыдливо молчать и тем самым поддерживать насилие и соучаствовать в нем. Когда правые начинают поносить мужчин, выставляя их одуревшими от тестостерона агрессивными хамами (именно поэтому женщины должны оставить работу и вернуться домой, чтобы лучше обуздать нас), большинство мужчин знает, что все эти разговоры — ложь. Но в этой лжи есть доля правды. Пока мужчины молча сочувствуют жертвам или отрицают насилие, можно подумать, что мы ему потворствуем. «Все сильные чувства, — писал великий британский социальный критик XIX в. Джон Раскин, — производят в нас ошибочные представления о внешнем мире». Пока мы не преобразуем смысл мужественности, мы будем воспроизводить эту фальшь с неизменно трагическими последствиями.

Эпилог ВОЗМОЖНО ЛИ

общество без гендера?

Принцип, господствующий над нынешними социальными отношениями между обоими полами — легальным подчинением одного пола другому, — есть зло в самой сущности и одна из главнейших преград человеческому прогрессу. Он должен быть заменен принципом полного равенства, не допускающим никакого преобладания или привилегий с одной стороны, никакой неправомерности с другой.

*Джон Стюарт Милль**

На заре нового тысячелетия мы глядываемся в будущее. В каком обществе мы хотим жить?

Каково будет его тендерное устройство?

Признание непреодолимости тендерных различий ведет к политике отказа от социальных изменений и достижения тендерного равенства. Тот, кто объявляет, что мужчины и женщины происходят с разных планет, хочет заставить вас поверить, что в лучшем случае мы можем надеяться на своего рода разрядку межпланетной напряженности, при которой мы с раздражением будем мириться с не подлежащими искоренению недостатками другого пола, а психологи будут богаче, изображая переводчиков, пытающихся расшифровывать непонятные нам языки. Для меня очевидно, что между женщинами и мужчинами гораздо больше сходств, чем различий, и что нам нужно гораздо меньше «космических» переводчиков и гораздо больше тендерного равенства, чтобы и женщины, и мужчины могли жить согласно своим желаниям. Будущее тендерных различий тесно связано с будущим тендерного неравенства. Чем меньше будет тендерное неравенство, тем меньше будет различий между женщиной и мужчиной.

Кроме того, межпланетная теория тендерных различий совершенно игнорирует исторические данные. В течение целого столетия мы неуклонно шли к уменьшению тендерного неравенства, удаляли барьеры, которые стояли на пути женщин во

Цит. по: Милль Дж. Ст. О подчиненности женщины. СПб.; Тип. Е.А.Благосветовой, 1882. — *Прим. ред.* 406

всех сферах жизни общества, защищали женщин от тех мужчин, которые силой пытались противостоять их появлению в обществе или отсрочить его. В результате оказалось, что женщины могут превосходно работать в «чисто мужских» сферах, а мужчины отлично справляются с «чисто женскими» профессиями. Если не верите мне, поговорите с женщинами — хирургами, адвокатами и летчицами; поговорите с мужчинами — нянями, учителями, социальными работниками, а также с отцами-одиночками, которые растят своих детей.

В этой книге я затронул некоторые вопросы нашего гендеризованного общества. Я показал, что между женщинами и мужчинами больше сходств, чем различий, что все мы родились на одной планете. Я показал, что тендерное неравенство не только производит наблюдаемые различия, но и рождает культурные стимулы искать различия, для которых нет или почти нет реальных оснований. Кроме того, я показал, что тендер — это не свойство индивидов, которое развивается в ходе социализации, а система отношений, которая производится в наших социальных взаимодействиях друг с другом внутри гендеризованных институтов, чье функционирование воспроизводит тендерное неравенство, а следом и тендерные различия.

Я также указал на существенное сближение между тендерами за последние 50 лет. В сексуальном поведении, в движущих силах дружбы, в попытках совместить работу с семейными заботами, во взглядах и ожиданиях женщин и мужчин относительно образования работы тендерный разрыв сокращается. (Единственным исключением, как я писал в последней главе, является насилие.)

Праздновать тендерное сближение в поведении и в установках не равнозначно стремлению лишить людей гендера. Это — не признание андрогинии. Некоторые психологи предложили андрогинию как решение проблем тендерного неравенства и тендерных различий. Под андрогинией подразумевается такое сглаживание тендерных различий, при котором женщины и мужчины будут думать, поступать и вести себя в некоем «гендерно нейтральном» стиле. В «мужественности» и «женственности» будут видеть архаичные понятия, по мере того как каждый будет становиться все более «просто человеком».

Подобные предложения конструктивнее пораженческих заявлений о неизменности различий, на которых настаивают сторонники «межпланетной» теории. Ведь сторонники андрогинии, по крайней мере, признают социальную сконструированность^ тендерных различий и возможность их изменения.

407

Но андрогинная теория остается непопулярной в качестве политического и психологического выбора, поскольку она стремится к устранению различий между людьми и смешивает равенство с одинаковостью. Многими из нас идея одинаковости воспринимается как призыв к принудительному растворению различий в мягкой, безвкусной амальгаме, в которой индивид теряет свои особенности. Это напоминает голливудские образы коммунизма, где классовые различия сливаются в бесцветную, аморфную массу, в которой все выглядят, поступают и одеваются одинаково, или рекламные ролики, в которых показывают бедно, но одинаково одетых русских. Андрогинии часто боятся, потому что думают, что реализация этой идеи загонит жизнь в плоское, совершенно пустынное, дегендеризованное пространство. Разве единственный способ установления равенства между женщинами и мужчинами в том, чтобы

стать одинаковыми? Разве нельзя представить равенство, основанное на признании и уважении различий?

Опасения андрогинии смущают нас как тендер изо ваннх людей с гендеризованными признаками. Дело не в том, чтобы женщины и мужчины стали еще больше походить друг на друга, чем сейчас, а в том, что все психологические черты, установки и поведение, которые мы, как носители данной культуры, определяем как «мужественные» и «женственные», нуждаются в пересмотре. Эти черты и установки, в конце концов, несут в себе положительные и отрицательные ценности, и именно из-за иерархии ценностей, из-за их неравнозначности тендерное неравенство тесно переплетается с тендерным различием. Дегендеризация людей сама по себе не приведет к устранению тендерного неравенства.

Фактически призывы к андрогинии, как это ни парадоксально, реифицируют сами тендерные различия, на устранение которых они направлены. Защитники андрогинии часто убеждают мужчин больше выражать свои «женские» стороны, а женщин — свои «мужские». Такие увещания, откровенно говоря, меня глубоко оскорбляют.

Приведу один пример. Я сидел в парке неподалеку от дома и держал на руках новорожденного сына, и проходящая мимо женщина сказала: «Как замечательно, что в наши дни мужчина выражает свои женские качества». Бурное негодование я скрыл фальшивой улыбкой. Я постарался быть вежливым, но хотел ответить ей следующее: «Ничего подобного я не выражаю, мэм. Я чуткий, любящий, заботливый отец. Мне кажется, я выражаю свою мужественность¹.»

408

Почему, в конце концов, любовь, забота и нежность считаются женскими чувствами?

Почему я должен подражать другому полу, чтобы иметь доступ к тому, что я считаю человеческим чувством? Будучи мужчиной, я выражаю свою мужественность во всем, что делаю. И я уверен, что моя жена была бы оскорблена не меньше, если бы, отредактировав какую-нибудь особенно трудную статью или написав какое-нибудь пространное и проникновенное эссе, услышала, как необычно и замечательно, что женщина выражает свои мужские качества, — как будто компетентность, честолюбие и уверенность в себе не являются общечеловеческими качествами.

Любовь, нежность, забота, компетентность, честолюбие, самоуверенность — это человеческие качества, которые должны быть одинаково доступны и женщинам, и мужчинам. И когда мы их проявляем, мы выражаем собственную тендерную идентичность, а не чью-то иную. Весьма странная идея считать одни чувства «мужскими», а другие — «женскими», поскольку на самом деле все чувства присущи человеку вообще, так что весь широчайший диапазон чувств полностью доступен и женщинам, и мужчинам.

Странно и немного грустно. «Пожалуй, ничто так не удручает, как каталог бесчеловечного поведения сторонников мужского превосходства, как тот факт, что более светлые человеческие черты назначены люмпенизированному классу: привязчивость, отзывчивость, доброта, жизнерадостность», — написала феминистка Кейт Миллет в своей знаковой книге «Политика сексуальности», впервые изданной в 1969 г.¹

С тех пор многое изменилось. Мир, в котором я сейчас живу, гендеризован совершенно иначе, чем мир моих родителей. Мой отец учился в мужском колледже, служил в вооруженных силах, где не было женщин, и згю жизнь проработал среди мужчин. Сегодня от того мира остались одни воспоминания. Женщины появились во всех профессиях, в вооруженных силах и военных вузах, и сегодня все колледжи, за исключением трех или четырех, принимают студенток. Несмотря на постоянные усилия некоторых политических сил вернуться в середину XIX в., эти изменения происходят постоянно; женщины больше не вернутся в дом, где, как думают некоторые, их место.

Эти громадные изменения только ускорятся в последующие десятилетия. В обществе третьего тысячелетия дегендеризация качеств и поведения — а нелюдей — усилится. Мы останемся женщинами и мужчинами, равными, но способными понимать

409

наши различия, и не будем стремиться использовать различия как основание для дискриминации.

Представьте, как ускорятся эти изменения, если мы дегендеризуем качества, а не людей.

Мальчики и девочки будут видеть, как мать и отец утром идут на работу без какого-либо ущерба для своей женственности и мужественности. Эти мальчики и девочки, когда вырастут, будут думать, что иметь работу — быть компетентным, зарабатывать на жизнь, стремиться не останавливаться на достигнутом — значит обладать характеристиками *взрослого* человека, неважно, женщины или мужчины. Не так, как раньше, когда то, что делали мужчины, женщины могли делать лишь с ощущением вины, с одобрения общества, спорадически и в зависимости от плодовитости. «Когда я вырасту, — скажут эти дети, — я тоже буду работать».

Если матери и отцы будут одинаково любить своих детей и заботиться о них, если уход за детьми будет делом просто *взрослого человека*, а не тем, что матери делают постоянно, а отцы лишь субботными вечерами, эти самые дети скажут: «Когда я вырасту, я буду заботиться о своих детях и любить их».

Подобное направление изменений может выглядеть наивно оптимистическим, но его признаки повсюду окружают нас. На самом деле исторические свидетельства точно указывают на движение именно в этом направлении. Идеология XIX столетия упорно насаждала разделение сфер для мужчины и женщине соответствующими наборами качеств и стилей поведения. Эта ситуация была аномалией в истории. Резкость, с которой эта идеология порывала с тем, что ей предшествовало, с «естественными» наклонностями людей, во многом объясняет то рвение, с каким она навязывалась. Если бы она имела природные, биологические основания, подобное принуждение было бы излишним.

XX столетие стало свидетелем вызова разделению сфер; его бросили те, кто оказался подавлен безжалостной идеологией, — женщины. Это столетие засвидетельствовало беспрецедентный переворот в статусе женщин, возможно, самое существенное преобразование в мировой истории тендерных отношений. Пройдя путь от права голосовать и работать, завоеванного в начале столетия, до права на любое рабочее место, на получение гражданского и военного образования к его концу, женщины поколебали основы гендеризованного общества. И в конце столетия им осталось совершить вторую половину революции — добиться возможности совмещать работу и материнство.

Незавершенность революции оставила многих женщин несчастными. По целому ряду причин они по-прежнему

410

не могут быть и хорошими матерями, и производительными и честолюбивыми работницами. Против всякой логики некоторые ученые мужи пытаются доказать, что женские несчастья происходят не от упорного сопротивления мужчин и институтов, в которых господствуют мужчины, не от нежелания политиков принять необходимые меры, которые позволили бы женщинам сочетать работу и семью, а от того, что женщины стремятся расширить свои возможности и стать полноправными людьми. Меня постоянно изумляет, как много работающих полный рабочий день женщин стараются убедить других женщин не идти работать полный рабочий день.

Вторая половина революции только началась, и совершить ее будет, как я подозреваю, гораздо труднее, чем первую. Дело в том, что в XX в. интуитивно ощущался этический императив расширить возможности женщин и устранить их дискриминацию. Однако преобразования XXI столетия должны будут изменить жизнь мужчин.

Мужчины только начинают понимать, что «традиционное» определение мужественности делает их несостоятельными и удовлетворить не может. Если женщины оставили дом, куда они были «заключены» идеологией разделения сфер, и теперь стремятся сочетать работу и семью, то мужчины стараются вернуться в семью, из которой их вытолкнула та же самая идеология. Некоторые мужчины в смятении уповают на возврат к старому тендерному режиму, к тому самому разделению сфер, которое сделало несчастными и женщин, и мужчин.

Другие присоединяются к различным мужским движениям, подобным «Держащим слово», «Маршу миллиона мужчин», или ударились в мифопоэтическую разработку более удовлетворяющего современные духовные запросы определения мужественности.

Идеология разделения сфер XIX в. оправдывала тендерное неравенство, обосновывая его якобы природными различиями между полами. То, что считалось нормативным, подкреплялось санкциями, провозглашалось нормальным, соответствующим природе вещей.

Большее половины столетия женщины посвятили доказательству, что эта идеология пагубно влияет на их внутренний мир, ставит вне закона работу вне дома, которую они и так выполняют, и навязывает такое определение женственности, которое не позволяет женщинам проявить все свои человеческие качества.

Разумеется, это касалось и мужчин, поскольку превозносились одни чувства и поступки и дискредитировались другие. Как и женщинам, мужчинам дозволялось реализовать лишь

411

часть своей природы. Но только недавно мужчины стали выражать недовольство ограничениями этой идеологии.

В начале XXI столетия стоило бы вспомнить слова автора начала XX в. В замечательном эссе, написанном в 1917 г., писатель Флорид Делл разъяснил последствия разделения сфер для женщин и для мужчин:

«Когда вы держите женщину в заточении и платите за это арендную плату, то ее отношение к вам незаметно меняется. Исчезает прекрасное волнение демократии. Уходит товарищество, поскольку оно возможно только в условиях демократии. У вас больше нет совместной жизни — она распалась на части. Одна половина — готовка, стирка, дети; вторая — работа, политика, бейсбол. Неважно, чья половина хуже. Любая из них оказывается ущербной». Как и феминистки, Делл понимал, что разделение сфер, обедняющее жизнь и женщин, и мужчин, строится на тендерном неравенстве. (Обратите внимание, что он обращается к мужчинам, которые «держат женщину в заточении».) Тендерное неравенство породило идеологию разделения сфер, а идеология разделения сфер, в свою очередь, узаконила тендерное неравенство. Прэтому Делл в первом же предложении своего эссе говорит, что «феминизм впервые дает возможность мужчинам стать свободными»².

Дегендеризация общества в новом столетии и новом тысячелетии идет не к тому, что женщины и мужчины станут более *одинаковыми*, а к тому, что они станут более *равными*. Ибо те качества и модели поведения, которые прежде считались мужскими или женскими, — компетентность и сострадание, честолюбие и привязанность — суть исконно человеческие качества, доступные и женщинам, и мужчинам, которые достаточно повзрослели, чтобы об этом открыто заявить. Это предполагает некую форму тендерного протейства — изменчивость и адаптивность к своему окружению с использованием всего многообразия переживаний и способностей. Протейская личность, предложенная психиатром Робертом Джейм Лифтоном, такова, что может соединять в себе противоречия; такая личность изменчива и эластична в быстро изменяющемся мире³. Чтобы стать такой личностью, не нужно, чтобы мужчины и женщины стали больше походить друг на друга, а нужно, чтобы каждый еще полнее и глубже стал собой.

412

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

¹ Gray J. Men Are from Mars, Women Are from Venus, New York: HarperCollins, 1992. P. 5.

Risman B. Gender Vertigo. New Haven: Yale University Press, 1998. P. 25. См. также: Lorber J. Paradoxes of Gender. New Haven: Yale University Press, 1994.

³ Stimpson C. Where the Meanings Are. New York: Methuen, 1988.

См.: Kimmel M. Manhood in America: A Cultural History. New York: The Free Press, 1996.

Я рассказываю об этом и в книге «Manhood in America».

Minton T. Search for What It Means to Be White // San Francisco Chronicle. 1998. May 8.

Зиммель цит. по: Coser L. Georg Simmel's Neglected Contributions to the Sociology of Women // Signs. 1977. Vol. 2. № 4. P. 872.

Цит. по: Coser L. Georg Simmel's Neglected Contributions to the Sociology of Women. P. 872.

Цит. по: Brooke J. Men Held in Beatings Lived on the Fringes // The New York Times. 1998. October 16. P. A16.

Connell R.W Gender and Power. Stanford: Stanford University Press, 1987. P. 183; Goffman E. Stigma. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1963. P. 128.

" Connell R.W Gender and Power. P. 183, 187-188. Цит. no: Risman B. Gender Vertigo. P. 141.

¹ Tavis C. The Mismeasure of Woman // Feminism and Psychology. 1993.

Vol. 3. № 2. P. 153.

Epstein C.F. Deceptive Distinctions. New Haven: Yale University Press, 1988.

Tannen D. You Just Don't Understand. New York: William Morrow, 1991.

O'Barr W., O'Barr J.F. Linguistic Evidence: Language, Power and Strategy — The Courtroom. San Diego: Academic Press, 1995. См. также: Kohn A. Girl Talk, Guy Talk // Psychology Today. 1988. February. P. 66.

¹⁷ Witchel A. Our Finances, Ourselves // The New York Times. 1998. June 4. P. 13.

¹⁸ Ibid.

Kanter R.M. Men and Women of the Corporation. New York: Harper and Row, 1977.

Gerson K. Hard Choices. Berkeley: University of California Press, 1985; Idem. No Man's Land. New York: Basic Books, 1993.

Risman B. Gender Vertigo. P. 70.

413

²² Almeida D., Kessler R. Everyday Stressors and Gender Differences in Daily Distress // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 75. № 3.

²³ См.: Stedman N. In a Bad Mood — for a Good Reason // *The New York Times*. 1998. October 24 (как пример журналиста, который понял суть происшедшего).

²⁴ Risman B. *Gender Vertigo*. P. 21.

²⁵ Rubin G. The Traffic in Women // *Toward an Anthropology of Women* / Ed. R.R.Reiter. New York: Monthly Review Press, 1975. P. 179—180.

²⁶ MacKinnon C. *Towards a Feminist Theory of the State*. Cambridge: Harvard University Press, 1989. P. 218-219.

²⁷ Kimmel M., Diamond D., Schroeder K. «What's This about a Few Good Men?» Negotiating Sameness and Difference in Military Education from the 1970s to the Present // *Masculinities and Education* / Ed. N.Lesko. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1999.

Глава 2

¹ ДжЛевит цит. по: Durden-Smith J., deSimone D. *Sex and the Brain*. New York: Warner Books, 1983. P. 61.

² Todd J. *Woman's Rights*. Boston: Lee and Shepard, 1867. P. 26.

³ Цит. по: Ehrenreich B., English D. *For Her Own Good: 150 Years of the Experts' Advice to Women*. New York: Doubleday, 1979. P. 111.

⁴ Цит. по: Degler C. *In Search of Human Nature: The Decline and Revival of Darwinism in American Social Thought*. New York: Oxford University Press, 1991. P. 107.

⁵ Todd J. *Woman's Rights*. P. 25.

⁶ California State Historical Society Library, San Francisco, ms. № 2334. Краткое изложение того, как биологическая аргументация использовалась для исключения женщин из общественной сферы, см.: Kimmel M. Introduction // *Against the Tide: Pro-Feminist Men in the United States, 1776-1990, a Documentary History* / Ed. M.Kimmel, T.Mosmiller. Boston: Beacon, 1992.

⁷ Цит. по: Gould S.J. *The Mismeasure of Man*. New York: W.W.Norton, 1981. P. 104-105.

⁸ Clarke E.G. *Sex in Education; or, A Fair Chance for the Girls*. Boston: Osgood and Co., 1873. P. 152.

⁹ См.: Russett C.E. *Sexual Science: The Victorian Construction of Womanhood*. Cambridge: Harvard University Press, 1989.

¹⁰ Существуют несколько важных текстов, с помощью которых хорошо парировать биологические аргументы. Из них обязательны: *Feminist Approaches to Science* / Ed. R.Bleier. New York: Pergamon, 1986; Birke L. *Women, Feminism and Biology: The Feminist Challenge*. New York: Methuen, 1986; Fausto-Sterling A. *Myths of Gender: Biological Theories about Women*

414

and Men. New York: Basic Books, 1986. Хорошее краткое изложение дано в книге: Blum D. *Sex on the Brain: The Biological Differences between Men and Women*. New York: Viking, 1997. Книга Р.Надо (Nadeau R. S/He Brain: Science, Sexual Politics and the Myths of Feminism. New York: Praeger, 1996) иллюстрирует легкость, с какой консерваторы и антифеминисты используют эти исследования в своих интересах.

¹¹ Dawkins R. *The Selfish Gene*. New York: Oxford University Press, 1976. P. 152; Wilson E.G. *On Human Nature*. Cambridge: Harvard University Press, 1978. P. 167.

¹² Layng A. Why We Don't Act Like the Opposite Sex? // *USA Today Magazine*. 1993. January; Symons D. Darwinism and Contemporary Marriage // *Contemporary Marriage: Comparative Perspectives on a Changing Institution* / Ed. K.Davis. New York: Russell Sage Foundation, 1985. Цит. по: Degler C. *Darwinians Confront Gender; or, There Is More to It Than History* // *Theoretical Perspectives on Sexual Difference* / Ed. D.Rhode. New Haven: Yale University Press, 1990. P. 39.

Wilson E. *Sociobiology: The New Synthesis*. Cambridge: Harvard University Press, 1974.

Tiger L. *Male Dominance?* // *The New York Times Magazine*. 1970. October 25.

См., напр.: Stamps J. *Sociobiology: Its Evolution and Intellectual Descendants* // *Politics and Life Sciences*. 1995. Vol. 14. № 2.

¹⁶ Barash D. *The Whisperings Within*. New York: Harper and Row, 1979. P. 54; см. также: Shields W.M., Shields L.M. *Forcible Rape: An Evolutionary Perspective* // *Ethology and Sociobiology*. 1983. Vol. 4. P. 119.

¹⁷ Alexander R., Noonan K.M. *Concealment of Ovulation, Parental Care and Human Social Evolution* // *Evolutionary Biology and Human Social Behavior* / Ed. N.Chagnon, W.Irons. North Scituate, Mass.: Duxbury, 1979. P. 449.

¹⁸ Lewontin R. *Biological Determinism as a Social Weapon* // *Biology as a Social Weapon* / Ed. Ann Arbor Science for the People Editorial Collective. Minneapolis: Burgess, 1977. P. 15; Gould S.J. *Ever Since Darwin: Reflections in Natural History*. New York: W.W.Norton, 1977. P. 254.

¹⁹ Tavis C., Wade C. *The Longest War*. New York: Harcourt, Brace, 1984.

20

McDonald Pavelka M. *Sexual Nature: What Can We Learn from a Cross-Species Perspective?* // *Sexual Nature, Sexual Culture* / Ed. P.Abrahamson,

S.Pinkerton. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 22.

DeMause L. *Our Forebears Made Childhood a Nightmare* // *Psychology Today*. 1975. April.

Burley N. *The Evolution of Concealed Ovulation* // *The American Naturalist*. 1979. Vol. 114; McDonald Pavelka M. *Sexual Nature*. P. 19. См. также: Hrdy S.B. *The Woman That Never Evolved*. Cambridge: Harvard University Press, 1981 (я адаптировал данный краткий эпизод из этого текста).

²³ См.: Keller E.F. *A Feeling for the Organism: The Life and Work of Barbara McClintock*, San Francisco: W.H.Freeman, 1983.

²⁴ Цит. по: Ehrenreich B., English D. For Her Own Good. P. 117.

²⁵ Dobson J.C. Straight Talk to Men and Their Wives. Dallas: Word Publishing Co., 1991. P. 177; Begley A. Why Men and Women Think Differently // *Newsweek*. 1995. May 12. P. 51.

²⁶ См.: Fee E. Nineteenth Century Craniology: The Study of the Female Skull // *Bulletin of the History of Medicine*. 1979. Vol. 53.

²⁷ Тернер цит. по: South Side Observer. 1896. April 29; Dwyer C.A. The Role of Tests and Their Construction in Producing Apparent Sex-Related Differences // *Sex-Related Differences in Cognitive Functioning* / Ed. M.Wittig, A.Peterson. New York: Academic Press, 1979. P. 342.

²⁸ Н.Гешвинд цит. по: Durden-Smith J., deSimone D. Sex and the Brain. P. 171. Из числа других авторитетных работ по гормональным исследованиям см.: Harris G.W Sex Hormones, Brain Development and Brain Function // *Endocrinology*. 1965. Vol. 75.

²⁹ Bleier R. Science and Gender: A Critique of Biology and Its Theory on Women. New York: Pantheon, 1984.

³⁰ Buttery A.W.H., Gray J. Sex Differences in the Development of Spatial and Linguistic Skills // *Gender Differences: Their Ontogeny and Significance* / Ed. C.Ounsted, D.C.Taylor. London: Churchill Livingstone, 1972; Levy J. Lateral Specialization of the Human Brain: Behavioral Manifestation and Possible Evolutionary Basis // *The Biology of Behavior* / Ed. J.A.Kiger. Eugene, Ore.: University of Oregon Press, 1972; см. также: Fausto-Sterling A. Myths of Gender. P. 40.

³¹ Durden-Smith J., deSimone D. Sex and the Brain. P. 60.

³² Levy J. Lateral Specialization of the Human Brain.

³³ Hyde J. How Large Are Cognitive Differences? A Metanalysis // *American Psychologist*. 1981. Vol. 26; Hyde J., Fennema E., Laman S.J. Gender Differences in Mathematics Performance: A Meta-Analysis // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 107.

³⁴ Peters M. The Size of the Corpus Callosum in Males and Females: Implications of a Lack of Allometry // *Canadian Journal of Psychology*. 1988. Vol. 42. № 3; Lacoste-Utamsing C. de, Holloway R. Sexual Dimorphism in the Human Corpus Callosum // *Science*. 1982. June 25; см. также: Byne W., Bleier R., Houston L. Variations in Human Corpus Callosum Do Not Predict Gender: A Study Using Magnetic Resonance Imaging // *Behavioral Neuroscience*. 1988. Vol. 102. № 2.

³⁵ Цит. по: Schreiber L.A. The Search for His and Her Brains // *Glamour*. 1993. April.

³⁶ Kinsbourne M. The Development of Lateralization // *Biological and Neurological Mechanisms* / Ed. H.W.Reese, M.D.Franzen. Mahwah, N.J.: Erlbaum, 1996.

³⁷ Несколько авторов предлагают краткое содержание этого исследования, в т. ч.: Hamer D., Copeland P. The Science of Desire. New York: Simon and Schuster, 1994; LeVay S. Queer Science: The Use and Abuse of

416

Research into Homosexuality. Cambridge: M.I.T. Press, 1996; *Sexual Orientation: Toward Biological Understanding* / Ed. L.Ellis, LEBertz. New York: Praeger, 1997. Другие публикации предлагают немаловажные возражения этому научному исследованию; см., напр.: *Science and Homosexualities* / Ed. V.Rosario. New York: Routledge, 1997; Murphy T. *Gay Science: The Ethics of Sexual Orientation Research*. New York: Columbia University Press, 1997; *Same Sex: Debating the Ethics, Science and Culture of Homosexuality* / Ed. J.Corvino. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 1997. Этой теме был посвящен двоянный номер: *Journal of Homosexuality*. 1995. Vol. 28. № 1— 2. Резко отличное мнение см.: Byne W. Why We Cannot Conclude That Sexual Orientation Is Primarily a Biological Phenomenon // *Journal of Homosexuality*. 1997. Vol. 34. № 1; Idem. Science and Belief: Psychobiological Research on Sexual Orientation // *Journal of Homosexuality*. 1995. Vol. 28. № 2.

Foucault M. *The History of Sexuality*. New York: Pantheon, 1978. См. также: Katz J.N. *The Invention of Heterosexuality*. New York: E.P.Dutton, 1993.

³⁹ Dorner G., Rohde W., Stahl E., Krell L., Masius W. A Neuroendocrine Predisposition for Homosexuality in Men // *Archives of Sexual Behavior*. 1975. Vol. 4. № 1. P. 6.

LeVay S. A Difference in Hypothalamic Structure Between Homosexual and Heterosexual Men // *Science*. 1991. Vol. 253. August 30; Idem. *The Sexual Brain*. Cambridge: M.I.T. Press, 1994; LeVay S., Hamer D. Evidence for a Biological Influence in Male Homosexuality // *Scientific American*. 1994. Vol. 270. См. также: *Born or Bred?* // *Newsweek*. 1992. February 24.

Yahr P. Sexually Dimorphic Hypothalamic Cell Groups and a Related Pathway That Are Essential for Masculine Copulatory Behavior // *The Development of Sex Differences and Similarities in Behavior* / Ed. M.Haug, R.Whalen, C.Aron, K.Olsen. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993. P. 416.

42 43

См.: *Chronicle of Higher Education*. 1995. November 10.

Lewontin R., Rose S., Kamin L. *Not in Our Genes: Biology, Ideology and Human Nature*. New York: Pantheon, 1984.

⁴⁴ Bailey J.M., Pillard R. A Genetic Study of Male Sexual Orientation // *Archives of General Psychiatry*. 1991. Vol. 48; Bailey J.M., Pillard R. Heritable Factors Influence Sexual Orientation in Women // *Archives of General Psychiatry*. 1993. Vol. 50.

Pillard R., Weinreich J. Evidence of a Familia¹ Nature of Male Homosexuality // *Archives of General Psychiatry*. 1986. Vol. 43. Goldberg S. *The Inevitability of Patriarchy*. New York: Simon and Schuster, 1973. P. 93.

Sapolsky R. *The Trouble with Testosterone*. New York: Simon and Schuster, 1997. P. 155.

Kemper T. *Testosterone and Social Structure*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1990; Kling A. *Testosterone and Aggressive Behavior in Man and Non-human Primates* // *Hormonal Correlates of Behavior* / Ed. B.Eleftheriou, R.Sprott. New York: Plenum, 1975.

¹⁴ Гендерно общество

417

⁴⁹ Money J., Ehrhardt A. *Man and Woman, Boy and Girl*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1972.

⁵⁰ Ehrhardt A., Baker S.W. Fetal Androgens, Human Central Nervous System Differentiation, and Behavior Sex Differences // *Sex Differences in Behavior* / Ed. R.Friedman, R.M.Richart, R.L.Van de Wiele. Huntington, N.Y.: Krieger, 1978. P. 49.

- ⁵¹ Fausto-Sterling A. Myths of Gender. P. 136-137.
- ⁵² Yalom I., Green R., Fisk N. Prenatal Exposure to Female Hormones — Effect on Psychosexual Development in Boys // Archives of General Psychiatry. 1973. Vol. 28.
- ⁵³ Steinem G. If Men Could Menstruate // Outrageous Acts and Everyday Rebellions. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1983.
- ⁵⁴ Durden-Smith J., deSimone D. Sex and the Brain. P. 92.
- ⁵⁵ Dorner G., Schenk B., Schmiedel B., Ahrens L. Stressful Events in Prenatal Life of Bisexual and Homosexual Men // Explorations in Clinical Endocrinology. 1983. Vol. 81. P. 87. См. также: Dorner G. et al. Prenatal Stress As a Possible Paetiogenic Factor of Homosexuality in Human Males // Endokrinologie. 1983. Vol. 75; Dorner G., Gotz F., Ohkawa T., Rohde W., Stahl F., Tonjes R. Prenatal Stress and Sexual Brain Differentiation in Animal and Human Beings // Abstracts. International Academy of Sex Research. Thirteenth Annual Meeting, Tutzing, June 21—25, 1987.
- Противоположная позиция представлена в разумной статье: Schmidt G., Clement U. Does Peace Prevent Homosexuality? // Journal of Homosexuality. 1995. Vol. 28. № 1-2.
- См.: Dreger A.D. Hermaphrodites and the Medical Invention of Sex. Cambridge: Harvard University Press, 1998; Hekma G. «A Female Soul ina Male Body»: Sexuai Inversion as Gender Inversion in Nineteenth Century Sexology // Third Sex, Third Gender / Ed. G.Herd. Cambridge: M.I.T. Press, 1993.
- ⁵⁶ См.: Imperato-McGinley J. et al. Steroid 5-alpha Reductase Deficiency in Man: An Inherited Form of Pseudohermaphroditism // Science. 1974. Vol. 186; Imperato-McGinley J. et al. Androgens and the Evolution of Male-Gender Identity among Male Pseudohermaphrodites with 5-alpha Reductase Deficiency // New England Journal of Medicine. 1979. Vol. 300. P. 1235. Отличное краткое изложение см.: Herdt G. Mistaken Sex: Culture, Biology and the Third Sex in New Guinea // Third Sex, Third Gender / Ed. G.Herd.
- ⁵⁹ Herdt G. Mistaken Sex.
- ⁶⁰ Цит. по: Tavriss C., Wade C. The Longest War. P. 208-209.
- ⁶¹ Dobson J.C. Straight Talk to Men and Their Wives. P. 184.
- ⁶² Goldberg S. The Inevitability of Patriarchy. P. 233—234; см. также: Fausto-Sterling A. Myths of Gender. P. 124.
- ⁶³ Lewontin R. et al. Not in Our Genes. P. 147.
- ⁶⁴ Gender and the Life Course / Ed. A.Rossi. Chicago: Aldine, 1982. 418
- ⁶⁵ Rist D. Y Are Homosexuals Born That Way? // The Nation. 1992. October 19. P. 427; Born or Bred? // Newsweek. 1992. February 24.
- D'Emilio J. Making Trouble: Essays on Gay History. New York: Routledge, 1992. P. 187.
- ⁶⁷ См., напр.: Levine M.P. Gay Macho: The Life and Death of the Homosexual Clone. New York: New York University Press, 1997; см. также: Gagnon J., Simon W. Sexual Conduct. Chicago: Aldine, 1973.
- ⁶⁸ Whisman V. Queer by Choice. New York: Routledge, 1992.
- Bunch C. Lesbians in Revolt // Feminist Frameworks / Ed. A.Jaggar, P.Rothenberg. New York: McGraw-Hill, 1984. P. 144.
- ⁷⁰ LeVay S. The Sexual Brain. Cambridge: M.I.T. Press, 1994. P. 6.
- ⁷¹ Hubbard R. The Political Nature of Human Nature // Theoretical Perspectives on Sexual Difference / Ed. D.Rhode. New Haven: Yale University Press, 1990. P. 69.
- ⁷² Padgug R.A. On Conceptualizing Sexuality in History // Radical History Review. 1979. Vol. 20. P. 9.
- Hofstadter R. Social Darwinism in American Thought. New York: Random House, 1944. P. 204.
- Begley A. Why Men and Women Think Differently // Newsweek. 1995. May.
- Глава 3*
- См., напр.: Sacks K. Engels Revisited: Women, Organization of Production, and Private Property // Women, Culture and Society / Ed. M.Rosaldo, L.Lamphere. Stanford: Stanford University Press, 1974; Idem. Sisters and Wives: The Past and Future of Sexual Equality. Westport, Conn.: Greenwood, 1979.
- [†] Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. New York: William Morrow, 1935. Такие критики, как Дерек -Зримей, считают, что Мид, как и биологи, которых она критиковала, на^ла то, что искала, особенно на островах Самоа, где, скорее всего, она просто придумала некоторые детали. Но вызовы, брошенные основным взглядам Мид по вопросам культурных вариаций в тендерных ролях, выраженным в ее работе, посвященной архипелагу Новая Гвинея, сами являются необоснованными и неубедительными.
- Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. P. 29, 35, 57-58,84, 101, 128.
- Mead M. Male and Female. New York: William Morrow, 1949. P. 69; Idem. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. P. 171.
- Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. P. 189, 190, 197; Idem. Male and Female. P. 98.
- 14*
- Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. P. 228.
- 419
- ⁷ Zihlman A. Woman the Gatherer: The Role of Women in Early Hominid Evolution // Gender and Anthropology / Ed. S.Morgen. Washington, D.C.: American Anthropological Association, 1989. P. 31.

- ⁸ Engets F. *On the Origin of the Family, Private Property and the State*. New York: International Publishers, 1970.
- ⁹ Leacock E. *Women's Status in Egalitarian Society: Implications for Social Evolution* // *Current Anthropology*. 1978. Vol. 19. № 2. P. 252; см. также: Idem. *Montagnais Women and the Jesuit Program for Colonization* // *Women and Colonization* / Ed. M.Etienne, E.Leacock. New York: Praeger, 1980.
- ¹⁰ Sacks K. *Engels Revisited*; Idem. *Sisters and Wives*.
- ¹¹ Harris M. *Cows, Pigs, Wars and Witches: The Riddle of Culture*. New York: Random House, 1974; Idem. *Cannibals and Kings*. New York: Random House, 1977.
- ¹² Tiger L, Fox R. *The Imperial Animal*. New York: Holt, 1971.
- ¹³ Levi-Strauss C. *The Elementary Structures of Kinship*. London: Tavistock, 1969; см. также: Collier J., Rosaldo M. *Politics and Gender in Simple Societies* // *Sexual Meanings: The Cultural Construction of Gender and Sexuality* / Ed. S.B.Ortner, H.Whitehead. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- ¹⁴ Bacon M.K., Barry H., Child I.L. *A Cross-Cultural Survey of Some Sex Differences in Socialization* // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1957. Vol. 55. № 3. P. 327-332.
- ¹⁵ Brown J. *A Note on the Division of Labor by Sex* // *American Anthropologist*. 1970. Vol. 72. № 5.
- ¹⁶ Coltrane S. *The Micropolitics of Gender in Nonindustrial Societies* // *Gender & Society*. 1992. Vol. 6. № 1; Mead M. *Male and Female*. P. 189, 190.
- ¹⁷ Spain D. *Gendered Spaces*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1992; Idem. *The Spatial Foundations of Men's Friendships and Men's Power* // *Men's Friendships* / Ed. P.Nardi. Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1992.
- ¹⁸ Gregor T. *No Girls Allowed* // *Science*. 1982. Vol. 82.
- ¹⁹ Sanday P.R. *Female Power and Male Dominance*. New York: Cambridge University Press, 1981. P. 75, 128. См. также: Lepowsky M. *Gender in an Egalitarian Society: A Case Study from the Coral Sea* // *Beyond the Second Sex: New Directions in the Anthropology of Gender* / Ed. P.R.Sanday, R.G.Goodenough. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990.
- ²⁰ См.: Tavis C., Wade C. *The Longest War*. New York: Harcourt, Brace, 1984. P. 330-331.
- ²¹ См.: Sanday P.R. *Fraternity Gang Rape*. New York: New York University Press, 1991.
- ²² Whiting J.W., Kluckhohn R., Anthony A. *The Function of Male Initiation Ceremonies at Puberty* // *Readings in Social Psychology* / Ed. E.Maccoby, T.M.Newcomb, E.L.Hatley. New York: Henry Holt, 1958.
- ²³ Gregersen E. *Sexual Practices*. New York: Franklin Watts, 1983. P. 104.
- 420
- ²⁴ Цит. по: Abusharaf R.M. *Unmasking Tradition* // *The Sciences*. 1998. March/April. P. 23.
- 25
- См., напр.: Zoske J. *Male Circumcision: A Gender Perspective* // *Journal of Men's Studies*. 1998. Vol. 6. № 2.
- ² Paige K., Paige J. *The Politics of Reproductive Ritual*. Berkeley: University of California Press, 1981.
- ²⁷ Tavis C., Wade C. *The Longest War*. P. 314; см. также: Paige K., Paige J. *The Politics of Reproductive Ritual*; Mernissi F. *Beyond the Veil: Male-Female Dynamics in a Modern Muslim Society*. New York: Wiley, 1975.
- 28
- Olien M. *The Human Myth*. New York: Harper and Row, 1978; Martin M.K., Voorhies B. *Female of the Species*. New York: Columbia University Press, 1975.
- 30
- Williams W. *The Spirit and the Flesh*. Boston: Beacon Press, 1986.
- Gregersen E. *Sexual Practices*. P. 270.
- Martin M.K., Voorhies B. *Female of the Species*. P. 97.
- ³² К.Клакхон (1948) цит. по: Kluckhohn C. *Mirror for Man*. Greenwich, Conn.: Fawcett, 1970.
- ³³ Herdt G. *Guardians of the Flutes*. Chicago: University of Chicago Press, 1981. P. I, 165,282.
- ³⁴ Williams F.E. *Papuans of the Trans-Fly*. Oxford: Oxford University Press, 1936. P. 159; см. также: Schiefflin E.L. *The Sorrow of the Lonely and the Burning of the Dancers*. New York: St. Martin's Press, 1976; Kelly R. *Etero Social Structure*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1977; Carrier J. *Sex Role Preference as a Explanatory Variable in Homosexual Behavior* // *Archives of Sexual Behavior*. 1977. Vol. 6.
- Davenport W. *Sex in Cross-Cultural Perspective* // *Human Sexuality in Four Perspectives* / Ed. F.Beach, M.Diamond. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1977; см. также: *Ritualized Homosexuality in Melanesia* / Ed. G.Herd. Berkeley: University of California Press, 1984. F. 66.
- 38 39
- Gregersen E. *Sexual Practices*. P. 257.
- Ibid.
- Davenport W. *Sex in Cross-Cultural Perspective*.
- Friedl E. *Women and Men: An Anthropologist's View*. New York: Holt, Rinehart, 1975.
- 40
- Gregersen E. *Sexual Practices*. P. 253. Kluckhohn C. *Mirror for Man*. Gregersen E. *Sexual Practices*. P. 289.
- 43
- Tanner N., Zihlman A. *Women in Evolution* // *Signs*. 1976. Vol. 1. № 3; Tanner N. *Becoming Human*. New York: Cambridge University Press, 1981; Zihlman A. *Motherhood in Transition: From Ape to Human* // *The First Child and Family Formation* / Ed. W.Miller, L.Newman. Chapel Hill: Carolina Population Center, 1978.
- 421
- ⁴⁴ Fisher H. *The Anatomy of Love*. New York: Norton, 1992. P. 57.
- ⁴⁵ Rosaldo M. *The Use and Abuse of Anthropology: Reflections on Feminism and Cross-Cultural Understanding* // *Signs*. 1980. Vol. 5. № 3. P. 393; рецензия Бонни Харди на кн. П.Р.Санди «Female Power and Male

Dominance»: Sex Roles. 1982. Vol. 8. № 11. P. 1159.

⁴⁶ Gimbutas M. The Goddesses and Gods of Old Europe, 7000-3500 B.C. Berkeley: University of California Press, 1982; Eisler R. The Chalice and the Blade. New York: HarperCollins, 1987.

⁴⁷ Eisler R. The Chalice and the Blade. P. 45, 58.

Fukuyama F. Women and the Evolution of World Politics // Foreign Affairs. 1998. September. P. 27.

⁴⁹

Leacock E. Montagnais Women and the Jesuit Program for Colonization. P. 200.

Глава 4

¹ Freud S. The Dissection of the Psychical Personality // Freud S. New Introductory Lectures on Psychoanalysis. New York: W.W.Norton, 1965. P. 74.

² Ibid. P. 76.

³ Freud S. Civilisation and Its Discontents. New York: W.W.Norton, 1970,

⁴ Letters of Sigmund Freud, 1873-1939 / Ed. E.Freud. London: Hogarth Press, 1961. P. 419-420.

⁵ Masson J. The Assault on Truth. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1984; Miller A. Thou Shalt Not Be Aware: Society's Betrayal of the Child. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1984; Idem. For Your Own Good. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1983.

Terman L., Cox Miles C. Sex and Personality. New York: McGraw-Hill, 1936; см. также: Minton H. Femininity in Men and Masculinity in Women: American Psychiatry and Psychology Portray Homosexuality in the 1930s // Journal of Homosexuality. 1986. Vol. 13. № 1.

Henry G. Psychogenic Factors in Overt Homosexuality // American Journal of Psychiatry. 1937. Vol. 93; цит. по: Minton H. Femininity in Men and Masculinity in Women. P. 2. Однако отметим: Генри добавляет, что эти тенденции не просто возникнут, а социальная реакция на эти черты их преувеличит и укрепит; т.е. открытая гомофобная реакция на самом деле лишь поощрит тенденцию к гомосексуальности.

Piaget J. Plays, Dreams and Imitation in Children. New York: Norton, 1951; Idem. The Language and Thought of the Child. London: Routledge, 1952; Idem. The Moral Judgement of the Child. New York: Free Press, 1965.

Kohlberg L. A Cognitive-Developmental Analysis of Children's Sex Role Concepts and Attitudes // The Development of Sex Differences / Ed. E.Maccoby. Stanford: Stanford University Press, 1966; Kohlberg L., Zigler E. The Impact of Cognitive Maturity on the Development of Sex Role Attitudes in the Years 4 to 8 // Genetic Psychology Monographs. 1967. Vol. 75.

422

¹⁰Bandura A., Huston A. Identification as a Process of Incidental Learning // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1961. Vol. 63; Bandura A., Ross D., Ross S. A Comparative Test of the Status Envy, Social Power, and Secondary Reinforcement Theories of Indeficatory Learning // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. Vol. 67; Mischel W. A Social-Learning View of Sex Differences // The Development of Sex Differences / Ed. E.Maccoby.

¹¹ См.: Homey K. On the Genesis of the Castration Complex in Women // Psychoanalysis and Women / Ed. J.B.Miller. New York: Bruner/Mazel, 1973.

¹² Bettelheim B. Symbolic Wounds. New York: Collier, 1962; Lederer W. The Fear of Women. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1968.

¹³ Chodorow N. The Reproduction of Mothering. Berkeley: University of California Press, 1978; Benjamin J. The Bonds of Love. New York: Pantheon, 1984; Dinnerstein D. The Mermaid and the Minotaur. New York: Harper and Row, 1977; Rubin L. Intimate Strangers. New York: Harper and Row, 1983. У этих трех авторов — Чодороу, Бенджамин и Рубин — докторская степень по социологии, и они одновременно являются практикующими психотерапевтами. Такое сочетание, с моей точки зрения, дало им возможность с исключительной пронизательностью исследовать социальные последствия индивидуального обесценивания женщины.

Chodorow N. The Reproduction of Mothering; см. также: Idem. Family Structure and Feminine Personality // Women, Culture and Society / Ed. M.Rosaldo, L.Lamphere. Stanford: Stanford University Press, 1974.

Chodorow N. Family Structure and Feminine Personality. P. 50.

Gilligan C. In a Different Voice. Cambridge: Harvard University Press, 1982. P. 173.

Belenky M.F. et al. Women's Way of Knowing. New York: Basic Books, 1987; Tannen D. You Just Don't Understand. New York: William Morrow, 1990; Bly R. Iron John. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1991.

¹⁸

См.: Crothers H. Meditations on Votes for Women. Boston: Houghton, Mifflin, 1914. P. 74.

Gilligan C. Reply // On In a Different Voice: An Interdisciplinary Forum // Signs. 1986. Vol. 11. № 2. P. 327.

Tavris C. The Mismeasure of Woman // Feminism and Psychology. 1993. Vol. 3. № 2. P. 153.

Tannen D. You Just Don't Understand. P. 24—25, см. также: Idem. Gender and Discourse. New York: Oxford University Press, 1994.

22 23

Tannen D. You Just Don't Understand. P. 181.

Maccoby E., Jacklin C. The Psychology of Sex Differences. Stanford: Stanford University Press, 1974. P. 362.

Джозеф Плек предложил превосходное резюме этих исследований: Pleck J. The Theory of Male Sex Role Identity: Its Rise and Fall, 1936 to the Present // In the Shadow of the Past: Psychology Views the Sexes / Ed. M.Lewin. New York: Columbia University Press, 1984. Многие из его эссе я использовал в своем обзоре.

423

²⁵ Adorno T. et al. The Authoritarian Personality. New York: Harper and Row, 1950.

²⁶ Miller D., Swanson E.G. Inner Conflict and Defense. New York: Holt, 1960.

²⁷ Parsons T. Certain Primary Sources and Patterns of Aggression in the Social Structure of the Western World // Psychiatry. 1947. Vol. 10. P. 309.

²⁸ Bern S. The Measurement of Psychological Androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974.

Vol. 42; Idem, Androgyny vs. the Tight Little Lives of Fluffy Women and Chesty Men // *Psychology Today*. 1975. September; Idem. Beyond Androgyny: Some Presumptuous Prescriptions for a Liberated Sexual Identity // *The Future of Women: Issues in Psychology* / Ed. J.Sherman, F.Denmark. New York: Psychological Dimensions, 1978. См. также: Kaplan A., Sedney M.A. *Psychology and Sex Roles: An Androgynous Perspective*. Boston: Little Brown, 1980 (цитата на с. 6); Spence J., Helmreich R., Stapp J. *The Personal Attributes Questionnaire: A Measure of Sex-Role Stereotypes and Masculinity-Femininity* // *JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology*. 1974. Vol. 4.

²⁹ Pleck J. *The Myth of Masculinity*. Cambridge: M.I.T. Press, 1981.

³⁰ Farrell W. *The Myth of Male Power*. New York: Simon and Schuster, 1993.

~ Я не хочу сказать, что у Плека не было смелой попытки это сделать. В его работе: Pleck J. *Men's Power over Women, Other Men and in Society* // *Women and Men: The Consequences of Power* / Ed. D.Hiller, R.Sheets. Cincinnati: University of Cincinnati Women's Studies, 1977 — теория задействована, насколько это было возможно, но все же отсутствует адекватное теоретизирование различия и институционализированных тендерных отношений.

Sartre J.-P. *Anti-Semite and Jew*. New York: Schocken Press, 1965. P. 60.

Глава 5

¹ Pines M. *Civilizing of Genes* // *Psychology Today*. 1981. September.

² Lopata H.Z., Thome B. On The Term «Sex Roles» // *Signs*. 1978. \Ы. 3. P. 719.

Carrigan T., Connell B., Lee J. *Toward a New Sociology of Masculinity* // *Theory and Society*. 1985. Vol. 14. См. также: Connell R.W. *Gender and Power*. Stanford: Stanford University Press, 1987; Idem. *Masculinities*. Berkeley: University of California Press, 1995; Stacey J., Thome B. *The Missing Feminist Revolution in Sociology* // *Social Problems*. 1985. Vol. 32. № 4, — в которых даны тщательная переработка и краткое изложение социологической критики теории половых ролей.

⁴ Rhode D. *Speaking of Sex*. Cambridge: Harvard University Press, 1997. P. 42.

424

Stacey J., Thorne B. *The Missing Feminist Revolution in Sociology*. P. 307.

⁶ Carrigan T., Connell B., Lee J. *Toward a New Sociology of Masculinity*. p. 587; см. также: Connell R.W. *Gender and Power*.

⁷ Hacker H. *Women as a Minority Group* // *Social Forces*. 1951. \Ы. 30; Tresemer D. *Assumptions Made about Gender Roles* // *Another Voice: Feminist Perspectives on Social Life and Social Science* / Ed. M.Millman, R.M.Ranter. New York: Anchor Books, 1975. P. 323; Warner R.S., Wellman D., Weitzman L. *The Hero, the Sambo and the Operator: Three Characterizations of the Oppressed* // *Urban Life and Culture*. 1973. Vol. 2.

Carrigan T., Connell B., Lee J. *Toward a New Sociology of Masculinity*. P. 587. 9

10

Arendt H. *On Revolution*. New York: Viking 1976. Keller E.F. *A Feeling for the Organism*. New York: W.H.Freeman, 1985.

Chafetz J.S. *Toward a Macro-Level Theory of Sexual Stratification* // *Current Perspectives in Social Theory*. 1980. Vol. I.

Goffman E. *The Arrangement between the Sexes* // *Theory and Society*. 1977. Vol. 4. P. 316.

Kanter R. M. *Men and Women of the Corporation*. New York: Basic Books, 1977. См. также: Idem. *Women and the Structure of Organizations: Explorations in Theory and Behavior* // *Another Voice* / Ed. M.Millman, R.M.Kanter.

Acker J. *Hierarchies, Jobs, Bodies: A Theory of Gendered Organizations* // *Gender & Society*. 1990. Vol. 4. № 2. P. 146; см. также: Idem. *Sex Bias in Job Evaluation: A Comparable Worth Issue* // *Ingredients for Women's Employment Policy* / Ed. C.Bose, G.Spitze. Albany: SUNY Press, 1987; Idem. *Class, Gender and the Relations of Distribution* // *Signs*. 1988. Vol. 13; Idem. *Doing Comparable Worth: Gender, Class and Pay Equity*. Philadelphia: Temple University Press, 1989; Acker J., Van Houten D.R. *Differential Recruitment and Control: The Sex Structuring of Organizations* // *Administrative Science Quarterly*. 1974. Vol. 19. № 2.

¹⁵ Acker J. *Hierarchies, Jobs, Bodies*. P. 146—147.

Gerson J., Peiss K. *Boundaries, Negotiation, Consciousness: Recon-ceptualizing Gender Relations* // *Social Problems*. 1985. Vol. 32. № 4. P. 320.

Acker J. *Hierarchies, Jobs, Bodies*. P. 258.

10

West C., Zimmerman D. *Doing Gender* // *Gender & Society*. 1987. Vol. 1.№ 2. P. 140.

19

Kessler S.J. *The Medical Construction of Gender: Case Management of Intersexed Infants* // *Signs*. 1990. Vol. 16. № 1. P. 12, 13.

Выражение заимствовано у Р.В.Коннелла; но лично я взял его из названия книги Барбары Ризман: Risman B. *Gender Vertigo*. New Haven: Yale University Press, 1998.

²¹ Цит. по: West C, Zimmerman D. *Doing Gender*. P. 133—134.

Goldberg C. *Shunning «He» and «She», They Fight for Respect* // *The New York Times*. 1996. September. P. A24. 425

²³ Цит. по: Goldberg C. *Shunning «He» and «She»...* P. A24.

²⁴ Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hal I, 1967. P. 128, 132.

²⁵ Kessler S.J. *The Medical Construction of Gender*. P. 25.

- ²⁶ Groth N., Burgess A., Sgroi S. *Sexual Assault of Children and Adolescents*. San Francisco: Jossey-Bass, 1978.
- ²⁷ Sheffield C. *Feminist Jurisprudence*. New York: Routledge, 1997. P. 203.
- ²⁸ Более подробно я пишу о социологии полового насилия в главе 11.
- ²⁹ West C., Zimmerman D. *Doing Gender*. P. 140; Thorne B. *Children and Gender: Constructions of Difference // Theoretical Perspectives on Sexual Difference / Ed. D.Rhode*. New Haven: Yale University Press, 1990. P. 110; Thompson E.P. *The Making of the English Working Class*. New York: Pantheon, 1963. P. II.
- ³⁰ Messerschmidt J. *Masculinities and Crime*. Lanham, Md.: Rowman and, Littlefield, 1993. P. 121.
- ³¹ Carrigan T., Connell B., Lee J. *Toward a New Sociology of Masculinity*. P. 589; Fyke K.D. *Class-Based Masculinities: The Interdependence of Gender, Class and Interpersonal Power // Gender & Society*. 1996. Vol. 10. № 5. P. 530.

Глава 6

¹ Сложно суммировать здесь суть всех дебатов о семье. См. несколько работ, напр.: Whitehead B.D. *Dan Quayle Was Right // The Atlantic*. 1993. April; Popenoe D. *Life without Father: Compelling New Evidence that Fatherhood and Marriage Are Indispensable for the Good of Children and Society*. New York: The Free Press, 1996; Idem. *Modern Marriage: Revising the Cultural Script // Promises to Keep: Decline and Renewal of Marriage in America / Ed. D.Popenoe, J.B.Elshtain, D.Blankenhorn*. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 1996. С другой стороны, см.: Stacey J. *Brave New Families*. New York: Basic Books, 1990; Idem. *In the Name of the Family: Rethinking Family Values in the Postmodern Age*. Boston: Beacon Press, 1997, а также: Coontz S. *The Way We Never Were: American Families and the Nostalgia Trap*. New York: Basic Books, 1995; Idem. *The Way We Really Are: Coming to Terms with America's Changing Families*. New York: Basic Books, 1998.

² К.Поллит цит. по: Coontz S. *The Way We Really Are*. P. 95.

³ Coltrane S. *Gender and Families*. Newbury Park, Calif.: Pine Forge Press, 1998. P. 48—49; Coontz S. *The Way We Really Are*. P. 30.

⁴ По вопросу трансформации идеи брака см., напр.: Shorter E. *The Making of the Modern Family*. New York: Basic Books, 1977; Skolnick A. *Embattled Paradise: The American Family in an Age of Uncertainty*. New York: Basic Books, 1993; Lasch C. *Women and the Common Life: Love, Marriage and Feminism*. New York: Norton, 1997, особенно с. 162. О жестокости мужей см., напр.: Mintz S., Kellogg S. *Domestic Revolutions: A Social History of the American Family*. New York: The Free Press, 1988. P. 58.

426

Mintz S., Kellogg S. *Domestic Revolutions*. P. 50; см. также: Smith P. *Daughters of the Promised Land: Women in American History*. Boston: Little Brown, 1970; Demos J. *The Changing Faces of Fatherhood: A New Exploration in American Family History // Father and Child: Developmental and Clinical Perspectives / Ed. S.Cath, A.Gurwitt, J.Ross*. Boston: Little, Brown, 1982. P. 429.

Demos J. *Past, Present, and Personal: The Family and Life Course in American History*. New York: Oxford University Press, 1986. P. 32; см. также: Hareven T. *Family Time and Industrial Time*. New York: Oxford University Press, 1982. Теннисон цит. по: Skolnick A. *Embattled Paradise*. P. 35.

Цит. по: Popenoe D. *Life without Father*. P. 95.

Lerner G. *The Lady and the Mill Girl: Changes in the Status of Women in the Age of Jackson // American Studies Journal*. 1969.

Vol. 10. № 1. P. 7, 9; Dwight T. *The Father's Book*. Springfield, Mass.: G. and C. Merriam, 1834. Общую информацию см.:

Kimme! M. *Manhood in America: A Cultural History*. New York: Free Press, 1996. Chaps. 1, 2.

Lasch C. *Women and the Common Life*. P. 162.

Dill B.T. *Our Mothers' Grief: Racial-Ethnic Women and the Maintenance of Families // Journal of Family History*. 1988. Vol. 13. № 4. P. 428.

Gillis J. *Making Time for Family: The Invention of Family Time(s) and the Reinvention of Family History // Journal of Family History*. 1996. Vol. 21; Idem. *A World of Their Own Making: Myth, Ritual, and the Quest for Family Values*. New York: Basic Books, 1996.

Skolnick A. *Embattled Paradise*. P. 33; «Харперс базар» цит. по: Demos J. *The Changing Faces of Fatherhood*. P. 442; см. также: LaRossa R. *Fatherhood and Social Change // Family Relations*. 1988. Vol. 37; Idem. *The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History*. Chicago: University of Chicago Press, 1997; Griswold R. *Fatherhood in America: A History*. New York: Basic Books, 1993.

¹³ Skolnick A. *Embattled Paradise*. P. 41; Mintz S., Kellogg S. *Domestic Revolutions*. P. 110.

См.: Sugarman S.D. *Single Parent Families // All Our Families: New Policies for a New Century / Ed. M.Mason, A.Skolnick, S.Sugarman*. New York: Oxford University Press, 1998. P. 20-21.

См.: LaRossa R. *The Modernisation of Fatherhood*.

Mintz S., Kellogg S. *Domestic Revolutions*. P. 179, 237; см. также: Coontz S. *The Way We Really Are*. P. 30.

¹⁷ Chafe W. *The Unfinished Journey: America since World War II*. New York: Oxford University Press, 1986. P. 125;

Zelditch M. *Role Differentiation in the Nuclear Family: A Comparative Study // Family, Socialization and Interaction Process / Ed. T.Parsons, R.F.Bales*. New York: The Free Press, 1955. P. 339.

is

Archibald MacLeish. *Poem in Prose*; из личного общения с Хелен

Смит. Я благодарен Хелен за то, что она подтолкнула меня к мысли, что

427

семья 1950-х гг. стала моделью для американцев среднего класса, проживающих в пригородах, включая, очевидно, и меня самого.

¹⁹ Griswold R. *Fatherhood in America*. P. 204; Lasch C. *Women and the Common Life*. P. 94; Cowan R.S. *More Work for Mother. The Ironies of Household Technology from the Open Hearth to the Microwave*. New York: Basic Books, 1983. P. 216; Лернер цит. по: Skolnick A. *Embattled Paradise*. P. 115.

См., напр.: Ehrenreich B. *The Hearts of Men*. New York: Doubleday, 1983 (о «протесте мужчин» против статуса

кормильца). См. также: Kimmel M. Manhood in America (особенно гл. 7).

См.: Skolnick A. Embattled Paradise. P. 148.

22

America's Fathers and Public Policy / Ed. N.A.Crowell, E.M.Leeper. Washington, D.C.: National Academy Press, 1994. P. 1.

23

Quindlen A. Men at Work // The New York Times. 1990. February 15.

²⁴ Coontz S. The Way We Really Are. P. 79; Skolnick A. The Intimate Environment. New York: HarperCollins, 1996. P. 342; Bruce J., Lloyd C.B., Leonard A. Families in Focus: New Perspectives on Mothers, Fathers, and Children. New York: The Population Council, 1995; Johnson D. More and More, the Single Parent Is Dad // The New York Times. 1996. March 27. P. A15.

²⁵ Cherlin A. By the Numbers // The New York Times Magazine. 1998. April 5.

Hochschild A. (with A. Machung). The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home. New York: Viking, 1989. P. 258.

Footlick J.K. What Happened to the Family? // Newsweek. Special edition: The 21st Century Family. 1990. Winter—Spring. P. 14.

26

Coltrane S. Family Man: Fatherhood, Housework and Gender Equity. New York: Oxford University Press, 1996. P. 203; см. также: Rubin L. Worlds of Pain. New York: Basic Books, 1976. P. 131; Cherlin A. By the Numbers. P. 39.

²⁹ Bernard J. The Future of Marriage. New York: World, 1972.

³⁰ Gove WR. The Relationship between Sex Roles, Marital Status and Mental Illness // Social Forces. 1972. Vol. 51; Gove W, Hughes M. Possible Causes of the Apparent Sex Differences in Physical Health: An Empirical Investigation // American Sociological Review. 1979. Vol. 44; Gove W, Tudor J. Adult Sex Roles and Mental Illness // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 73.

Безин и статистика цит. по: Carey E. Kids Put a Damper on Marital Bliss: Study // Toronto Star. 1997. August 15. P. A], A14.

³² Condry J., Condry S. Sex Differences: A Study in the Eye of the Beholder // Child Development. 1976. Vol. 47.

Lott B. Women's Lives: Themes and Variations in Gender Learning. Monterey, Calif: Brooks/Cole, 1987. См. также: Schwartz L.A., Markham W.T. Sex Stereotyping in Children's Toy Advertisements // Sex Roles. 1985. Vol. 12; Ungar S.B. The Sex Typing of Adult and Child Behavior in Toy Sales // Sex Roles. 1982. Vol. 8.

428

³⁴ Отчет об этом и других исследованиях см.: Jacklin C. Female and Male: Issues of Gender // American Psychologist. 1989. Vol. 44.

³⁵ См., напр.: Thorne B. Boys and Girls Together... But Mostly Apart: Gender Arrangements in Elementary Schools // Relationships and Development / Ed. W.Hartup, Z.Rubin. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1986.

³ См., напр.: Thorne B., Luria Z. Sexuality and Gender in Children's Daily Worlds // Social Problems. 1986. Vol. 33.

Thorne B. Gender Play. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1993. P. 3.

³⁸ Hochschild A. The Second Shift; Amato P., Booth A. Changes in Gender Role Attitudes and Perceived Marital Quality // American Sociological Review. 1995. Vol. 60.

Mainardi P. The Politics of Housework // Sisterhood Is Powerful / Ed. R.Morgan. New York: Vintage, 1970.

Баллард и Фут цит. по: Cowan R.S. More Work for Mother. P. 43; Кэмпбелл цит. по: Strasser S. Never Done: A History of American Housework. New York: Pantheon, 1982. P. 62.

Johnson D. More and More, the Single Parent Is Dad. P. A15.

⁴² Coltrane S. Family Man. P. 46; Vannoy-Hiller D., Philliber W.W. Equal Partners: Successful Women in Marriage. Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1989. P. 115; Hochschild A. The Second Shift.

Hochschild A. Ideals of Care: Traditional, Postmodern, Cold-Modern and Warm-Modern // Social Politics. 1995. Fall. P. 318.

Анна Куиндлен цит. по: Rhode D. Speaking of Sex. Cambridge: Harvard University Press, 1997. P. 8.

О привлечении мужчин к домашним обязанностям см.: Pleck J. Men's Family Work: Three Perspectives and Some New Data // The Family Coordinator. 1979. Vol. 28; Idem. American Fathering in Historical Perspective // Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity / Ed. M.S.Kimmel. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1937; Idem. Working Wives/Working Husbands. Newbury Park, Calif: Sage Publications, 1985; Idem. Families and Work: Small Changes with Big Implications // Qualitative Sociology. 1992. Vol. 15; Idem. Father Involvement: Levels, Origins and Consequences // The Father's Role / Ed. M.Lamb. 3rd ed. New York: John Wiley, 1997.

Press J., Townsley E. Wives' and Husbands' Housework Reporting: Gender, Class and Social Desirability // Gender & Society. 1998. Vol. 12. № 2. P. 214.

47

Ladies Home Journal. 1997. September; Gray J. Domesticity, Diapers and Dad // Toronto Globe and Mail. 1996. June 15.

⁴⁸ Usdansky M. White Men Don't Jump into Chores // USA Today. 1994. August 20; Lawlor J. Blue Collar Dads Leading Trend in Caring for Kids, Author

Says // The New York Times. 1998. April 15. 40

Цит. по: Coltrane S. Family Man. P. 162.

429

Adoption Symposium / Ed. A.Sullivan. Washington, D.C.: Child Welfare League of America, 1995. P. 5.

⁹⁸ All Our Families. P. 8; Gay and Lesbian Parents / Ed. F.W.Bozett.

Stacey J. Gay and Lesbian Families: Queer Like Us // All Our Families. P. 135.

100 101

См.: Ibid.

Цит. по: Gelles R. The Violent Home. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1972. P. 14.

¹⁰² Bergman A., Larsen R., Mueller B. Changing Spectrum of Child Abuse // Pediatrics. 1986. Vol. 77.

Straus M., Gelles R., Steinmetz S. Behind Closed Doors: Violence in the American Family. New York: Anchor, 1981. P. 94; Straus M. Beating the Devil Out of Them. New York: Jossey-Bass, 1994.

Gelles R. Family Violence. Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1987. P. 165.

105

Skolnick A. The Intimate Environment, P. 426.

106

Harvard Men's Health Watch. 1998. № 2(11).

¹⁰⁷ Demo D.H. Parent-Child Relations: Assessing Recent Changes // Journal of Marriage and the Family. 1990. Vol. 54. № 1. P. 224.

¹⁰⁸ Hochschild A. The Second Shift. P. 269.

109

по

Цит. по: Quindlen A. Men at Work.

Greeley A. The Necessity of Feminism // Society. 1993. September. P. 13-14.

112

Lasch C. Women and the Common Life. P. 119. Coltrane S. Family Man. P. 223-225.

Глава 7

¹ Поскольку по этим делам я делал экспертизу для Отдела гражданских прав Министерства юстиции США, то опираюсь здесь на собственный опыт.

Rhode D. Speaking of Sex. Cambridge: Harvard University Press, 1997. P. 56.

³ Clarke E.C. Sex in Education, or A Fair Chance for the Girls. Boston: Osgood, 1873. P. 128, 137.

Ferrier W.W. Origin and Development of the University of California. Berkeley: University of California Press, 1930; см. также: Sadker M., Sadker D. Failing at Fairness: How Schools Shortchange Girls. New York: Simon and Schuster, 1994. P. 22.

⁵ Durant H. F. The Spirit of the College // Against the Tide: Pro-Feminist Men in the United States, 1776—1990, a Documentary History / Ed. M.S.Kimmel, Th.Mosmiller. Boston: Beacon Press, 1992. P. 132.

434

Mauasiey н. lex in Mind and in Education (1874] // Desire and Imagination: Classic Essays in Sexuality / Ed. R.Barreca. New York: Meridian, 1995. P. 208-209.

Sadker M., Sadker D. Failing at Fairness. P. 14. Эти стереотипы иногда разрушаются при наложении на другие, например, на расовые; например, считается, что американки азиатского происхождения любят математику и естественные предметы больше, чем белые девушки.

Karp D., Yoels W.C. The College Classroom: Some Observations on the Meanings of Student Participation // Sociology and Social Research. 1976. Vol. 60. № 4; How Schools Shortchange Girls: A Study of Major Findings on Girls and Education. Washington, D.C.: American Association of University Women, 1992. P. 68; Sadker M., Sadker D. Failing at Fairness. P. 5.

⁹ Sadker M., Sadker D. Failing at Fairness. P. 42—43. ¹⁰Orenstein P. Schoolgirls. New York: Doubleday, 1994. P. 11-12.

¹¹ Weitzman L, Russo D. The Biased Textbook: A Research Perspective. Washington, D.C.: Research Center on Sex Roles and Education, 1974.

¹ Weitzman L. et al. Sex Role Socialization in Picture Books for Preschool Children // American Journal of Sociology. 1972. Vol. 77. № 6.

¹³ Rhode D. Speaking of Sex. P. 56.

¹⁴ National Television Violence Study: In 2 vols. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1998. Vol. 2. P. 97.

¹⁵ Об IQ см.: Terman L., Oden M. The Promise of Youth // Genetic Studies of Genius / Ed. L.Terman. Stanford: Stanford University Press, 1935. О том, как девочек оценивают за внешность, а не за успехи, см.: Sadker M., Sadker D. Failing at Fairness. P. 55, 134. О принижении одаренных девочек см.: How Schools Shortchange Girls. P. 48; Кэролайн Хейлбран цит. по: Orenstein P. Schoolgirls. P. 37.

¹⁶ Hostile Hallways: The AAUW Survey on Sexual Harassment in America's Schools. Washington, D.C.: American Association of University Women, 1993; Садлер цит. по: Sadker M., Sadker D. Failing at Fairness. P. 111.

¹⁷ Smolowe J. Sex with a Scorecard // Time. 1993. April 5. P. 41; Gross J. Where «Boys Will Be Boys» and Adults Are Bewildered // The New York Times. 1993. March 29. P. A1.

¹⁸ Коммерс цит. по: Viadero D. Behind the Mask of Masculinity // Education Week. 1998. May 13; Томпсон цит. по: Combs M. What about the Boys? // Boston Globe. 1998. July 26; Коернер B. Where the Boys Aren't // U.S. News and World Report. 1999. February 8. P. 26. Подробнее об этой аргументации см.: Gurian M. The Wonder of Boys. New York: Jeremy Tarcher; Putnam, 1997. Несогласие с этой точкой зрения см. в рецензиях на книгу: Kimmel M. Boys to Men // San Francisco Chronicle. 1997. January 12; Idem. What about the Boys // Ms. 1999. October; Connell R.W. Teaching the Boys // Teachers College Record. 1996. Vol. 98. № 2.

¹⁹ Gilligan C. In a Different Voice. Cambridge: Harvard University Press, 1982; Brown L.M., Gilligan C. Meeting at the Crossroads. New York: Ballantine, 1992.

15*

- ²⁰ Поллак ит. по: Viadero D. Behind the Mask of Masculinity. См. также: Pollack W. Real Boys: Rescuing Our Sons from the Myths of Boyhood. New York: Random House, 1998.
- ²¹ Martino W. Masculinity and Learning: Exploring Boys' Underachievement and Under-representation in Subject English // Interpretation. 1994. Vol. 27. № 2; Idem. Boys and Literacy: Exploring the Construction of Hegemonic Masculinities and the Formation of Literate Capacities for Boys in the English Classroom // English in Australia. 1995. Vol. 112; Idem. Gendered Learning Experiences: Exploring the Costs of Hegemonic Masculinity for Girls and Boys in Schools // Gender Equity: A Framework for Australian Schools. Canberra: Publications and Public Communications, Department of Urban Services, ACT Government, 1997. Кэтрин СТИМПСОН ит. по: Lewin T. American Colleges Begin to Ask, Where Have All the Men Gone? // The New York Times. 1998. 6 December. Martino W. Gendered Learning Experiences. P. 133—134.
- ^{7я} Mac an Ghail M. The Making of Men: Masculinities, Sexualities and Schooling. Buckinghamshire, England: Open University Press, 1994. P. 59; Gillborne D. Race, Ethnicity and Education. London: Unwin Hyman, 1990. P. 63; Coleman J. The Adolescent Society. New York: Harper and Row, 1961.
- ²⁴ Цит. по: Kimmel M.S. The Struggle for Gender Equality: How Men Respond // Thought and Action: The NEA Higher Education Journal. 1993. Vol. 8. № 2.
- Кеттел цит. по: O'Neil W. Divorce in the Progressive Era. New Haven: Yale University Press, 1967. P. 81; Chadwick F.E. The Woman Peril // Educational Review. 1914. February. P. 47 (цит. по: Sadker M., Sadker D. Failing at Fairness).
- ²⁶ United States Department of Education, 1996.
- Riordan C. The Future of Single-Sex Schools // Separated by Sex: A Critical Look at Single-Sex Education for Girls. Washington, D.C.: American Association of University Women Educational Foundation, 1998. P. 54.
- ²⁸ Orenstein P. Schoolgirls. P. 27.
- Tidball E. Perspective in Academic Women and Affirmative Action // Educational Record. 1973.
- Epstein C.F. Deceptive Distinctions. New Haven: Yale University Press, 1991.
- Crosby F. et al. Taking Selectivity into Account, How Much Does Gender Composition Matter?: A Reanalysis of M. E. Tidball's Research // National Women's Studies Association Journal. 1994. № 6; см. также: Epstein C.F. The Myths and Justifications of Sex Segregation in Higher Education: VMI and The Citadel // Duke Journal of Gender Law and Policy. 1997. № 4; Idem. Multiple Myths and Outcomes of Sex Segregation // New York Law School Journal of Human Rights. 1998. № 14.
- Jencks C., Riesman D. The Academic Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1977. P. 298, 300; Riesman D. A Margin of Difference: The Case for Single-Sex Education // Social Roles and Social Institutions: Essays 436 in Honor of Rose Laub Coser / Eds. J.R. Blau, N. Goodman. Boulder, Colo.: Westview Press, 1991. Несмотря на свои исследования, Д.Рисман поддерживал политику военных вузов.
- Tavris C. The Mismeasure of Woman. New York: Simon and Schuster, 1992. P. 127; Priest R., Vitters A., Prince H. Coeducation at West Point // Armed Forces and Society. 1978. Vol. 4. № 4. P. 590.
- ⁴ Epstein C.F. Multiple Myths and Outcomes of Sex Segregation. P. 191.
- Dewey J. Is Coeducation Injurious to Girls? // Ladies Home Journal. 1911. June 11. P. 60.
- ³⁶ Higginson T.W. Sex and Education // The Woman's Journal. 1874. P. 1 (перепечатано в: History of Woman Suffrage: In 6 vols. / Eds. S.B. Anthony, E.C. Stanton. Rochester, N.Y.: National American Woman Suffrage Association Press, 1881-1922. Vol. 3).
- ³⁷ IMI I. 766 Fed. Supp. P. 1435; VMI V. 116 S. Ct. 2264. См. также: Vojdik V.K. Girls' Schools after VMI: Do They Make the Grade? // Duke Journal of Gender Law and Policy. 1997. № 4. P. 85; Epstein C.F. Multiple Myths and Outcomes of Sex Segregation. P. 108.
- ³⁸ Faulkner v. Jones, 858 Fed. Supp. 552 1994; Citadel Defendants' Proposed Findings of Fact. P. 1434.
- ³⁹ См.: Vojdik V.K. Girls' Schools after VMI. P. 76. (Как и всякий, кто начинал учиться в колледже для юношей, я продолжал учебу в колледже смешанного обучения, я готов под присягой подтвердить, что мужчин в мужском классе гораздо сильнее отвлекало отсутствие женщин, чем их присутствие в классе совместного обучения. Когда рядом нет женщин, большинство молодых людей только о них и думают!)
- ⁴⁰ Epstein C.F. Multiple Myths and Outcomes of Sex Segregation. P. 206.
- ⁴¹ IMI. 852. Fed. Supp. P. 484; The New York Times, 1994. 9 May.
- ⁴² U.S. v. Virginia Military Institute, 116 S. Ct. 2285.
- ⁴³ Henry T. VMI Cadets of Both Sexes Found «Kit Line» Equal // USA Today. 1998. March 18, P. 8D.
- ⁴⁴ Gorman M.O. Front and Center // Runner's World. 1998. March. P. 90.
- ⁴⁵ Bowler M. All-Male, All-Black, All Learning // The Baltimore Sun. 1995. October 15; Estrich S. For Girls' Schools and Women's College, Separate Is Better // The New York Times. 1994. May 22.
- ⁴⁶ Harlem Girls School vs. The Three Stooges // The New York Observer. 1998. March 30. P. 4.
- ⁴⁷ Haag P. Single-Sex Education in Grades K-12: What Does the Research Tell Us? // Separated by Sex. P. 34; Lee V. Is Single-Sex Secondary Schooling a Solution to the Problem of Gender Inequity // Ibid. P. 43; Riordan C. The Future of Single-Sex Schools // Ibid. P. 53; Leslie C. Separate and Unequal? // Newsweek. 1998. March 23. P. 55; Кларк цит. по: Whitaker C. Do Black Males Need Special Schools? // Ebony. 1991. March. P. 18.
- ⁴⁸ Sadker M., Sadker D. Failing at Fairness. P. 125-126.
- 437
- ³⁵ Hartmann H. Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex // Signs. 1976. Vol. 1. № 3. P. 139.
- ³⁶ Цит. по: Rhode D. Speaking of Sex. P. 144.
- ³⁷ MacKinnon C. Sexual Harassment of Working Women. Cambridge: Harvard University Press, 1977.
- ³⁸ Henson v. Dundee. 682 F.2d. 897. P. 902.
- ³⁹ Crawford S. Sexual Harassment at Work Cuts Profits, Poisons Morale // Wall Street Journal. 1993. April 19. P.

Iff; Stanko E. *Intimate Intrusions*. London: Routledge, 1985; Couric E. An NJL/West Survey, Women in the Law: Awaiting Their Turn // *National Law Journal*. 1989. December 11.

⁴⁰ Neuborne E. Complaints High from Women in Blue Collar Jobs // *USA Today*. 1996. May 3-4.

⁴¹ De'Ann W Slow Healing at Mitsubishi // *US News and World Report*. 1997. September 22. P. 74, 76.

⁴² Rhode D. Speaking of Sex. P 28.

Цит. по: Stanko E. *Intimate Intrusions*. P. 61.

Crawford S. Sexual Harassment at Work Cuts Profits, Poisons Morale. P, Iff.

Steinberg R. How Sex Gets into Your Paycheck. P. 2. ⁴⁶ См.: Reskin B., Padavic I. *Women and Men at Work*. Thousand Oaks, Calif.: Pine Forge Press, 1995.

Evans S., Nelson B. Wage Justice: Comparable Worth and the Paradox of Technocratic Reform. Chicago: University of Chicago Press, 1989. P. 13; Reskin B. Bringing the Men Back In. P. 21.

⁴⁸ Цит. по: Rhode D. Speaking of Sex. P. 165, 169.

См., напр.: Schwartz F., Anders G. The Mami Track // *Hispanic*. 1993. July.

Steinberg R., Cook A. Policies Affecting Women's Employment in Industrial Countries // *Women Working* / Ed. A.Stromberg, S.Harkess. Mountain View, Calif.: Mayfield, 1988. P. 326.

Mason K.O. Commentary: Strober's Theory of Occupational Sex Segregation // *Sex-Segregation in the Workplace* / Ed. B.Reskin. P. 169.

Crosby F. *Spouse, Parent, Worker: On Gender and Multiple Roles*. New Haven: Yale University Press, 1990; Peters J. *When Mothers Work; Loving Our Children without Sacrificing Ourselves*. New York: Addison Wesley, 1997.

Глава 9

Цит. по: Sherrod D. The Bonds of Men: Problems and Possibilities in Close Male Relationships // *The Making of Masculinities: The New Men's Studies* / Ed. H.Brod. Boston: Allen and Unwin, 1987, P. 230; цит. по: Rubin L. *Intimate Strangers*. New York: Harper and Row, 1983. P. 59.

440

¹ Wollstonecraft M. *A Vindication of the Rights of Women* [1792]. London: Penguin, 1969. P. 56; Beauvoir S. de. *The Second Sex*. New York: Vintage, 1959. P. 142.

Tiger L. *Men in Groups*. New York: Vintage, 1969.

Balswick J. *The Inexpressive Male: A Tragedy of American Society* // *The Forty-Nine Percent Majority* / Ed. D.David, R.Brannon. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1976; Komorovsky M. *Blue Collar Marriage*. New York: Vintage, 1964; Pleck J. The Male Sex Role: Definitions, Problems and Sources of Change // *Journal of Social Issues*. 1976. Vol. 32. № 3. P. 273.

⁵ Lewis R. Emotional Intimacy among Men // *Journal of Social Issues*. 1978. Vol. 34; см. также: Pleck J. *The Male Sex Role*. P. 273.

Wright P. Men's Friendships, Women's Friendships and the Alleged Inferiority of the Latter // *Sex Roles*. 1982. Vol. 8. № 1. P. 3; Levinson D. *The Seasons of a Man's Life*. New York: William Morrow, 1978. P. 335.

Cancian F. *The Feminization of Love* // *Signs*. 1986. Vol. 11; Idem. *Love in America: Gender and Self-Development*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Brehm S.S. *Intimate Relationships*. New York: Random House, 1985. P. 346.

Caldwell M., Peplau L. // *Sex Differences in Same-Sex Friendships* // *Sex Roles*. 1982. Vol. 8. № 7; Hess B. *Friendship* // *Aging and Society* / Ed. M.Riley, M.Johnson, A.Foner. New York: Russell Sage, 1972.

Davidson L., Duberman L. *Friendship: Communication and Interactional Patterns in Same-Sex Dyads* // *Sex Roles*. 1982. \bl. 8. № 8. P. 817.

¹¹ Rubin L. *Just Friends*. New York: Harper and Row, 1985. P. 60-63; idem.

Intimate Strangers. P. 130, 135.

Brehm S.S. *Intimate Relationships*; Wright P. *Men's Friendships, Women's Friendships and the Alleged Inferiority of the Latter*; Davidson L., Duberman L. *Friendship*; Bell R. *Worlds of Friendship*, Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1981.

Walker K. «I'm Not Friends the Way She's Friends»: Ideological and Behavioral Constructions of Masculinity in Men's Friendships // *masculinities*. 1994. Vol. 2. № 2. P. 228; Rubin L. *Intimate Strangers*. P. 104. Более подробно о влиянии телефона см.: Fischer C. *To Dwell among Friends*. Chicago: University of Chicago Press, 1982.

Miller S. *Men and Friendship*. Boston: Houghton Mifflin, 1983.

Allen G. *Friendship — Developing a Sociological Perspective*. Boulder, Colo.: Westview, 1989. P. 66.

Wright P. *Men's Friendships, Women's Friendships and the Alleged Inferiority of the Latter*. P. 19.

Ashton N.L. *Exploratory Investigation of Perceptions of Influences on Best-Friend Relationships* // *Perception and Motor Skills*. 1980. Vol. 50; Wall S., Pickert S.M., Paradise L.V. *American Men's Friendships: Self-Reports on Meaning and Changes* // *The Journal of Psychology*. 1984. Vol. 116.

441

¹⁸ Hacker H. *Blabbermouths and Clams: Sex Differences in Self-Disclosure in Same-Sex and Cross-Sex Friendship Dyads* // *Psychology of Women Quarterly*. 1981. Vol. 5. № 3.

¹⁹ Swain S. *Men's Friendship with Women: Intimacy, Sexual Boundaries, and the Informant Role* // *Men's Friendships* / Ed. P.Nardi. Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1992. P. 77, 84. Развернутый обзор литературы на эту тему см.: Maccoby E., Jacklin C. *The Psychology of Sex Differences*. Stanford: Stanford University Press, 1974.

- ²⁰ Bank B. Friendships in Australia and the United States: From Feminization to a More Heroic Image // *Gender & Society*. 1995. Vol. 9. № 1. P. 96.
- ²¹ Cohen T.F. Men's Families, Men's Friends: A Structural Analysis of Constraints on Men's Social Ties // *Men's Friendships* / Ed. P.Nardi. P. 117; Allen G. Friendship — Developing a Sociological Perspective. P. 75.
- ²² Harris S. Black Male Masculinity and Same Sex Friendships // *The Western Journal of Black Studies*. 1992. Vol. 16. № 2. P. 77; Simmons M. The Truth about Male Friendships // *Men's Lives* / Ed. M.Kimmel, M.Messner. Boston: Allyn and Bacon, 1997.
- Harris S. Black Male Masculinity and Same Sex Friendships. P. 78, 81; см. также: Franklin C.W. «Hey Home» — «Yo, Bro»: Friendship among Black Men // *Men's Friendships* / Ed. P.Nardi.
- ²⁴ Reid H.M., Fine G.A. Self-Disclosure Men's Friendships: Variations Associated with Intimate Relations // *Men's Friendships* / Ed. P.Nardi; Tschann J. Self-Disclosure in Adult Friendship: Gender and Marital Status Differences // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1988. Vol. 5; Wright P. Men's Friendships, Women's Friendships and the Alleged Inferiority of the Latter. P. 16-17.
- ²⁵ **Rubin L. Intimate Strangers. P. 150, 154.**
- Suttles G. Friendship as a Social Institution // *Social Relationships* / Ed. G.McCall et al. Chicago: Aldine, 1970. P. 116.
- ²⁷ Miller S. Men and Friendship. P. 2—3; Rubin L. Intimate Strangers. P. 103.
- ?ft
- Об этом эксперименте см.: Faderman L. *Surpassing the Love of Men*. New York: Columbia University Press, 1981; цит. по: Swain S. Covert Intimacy: Closeness in Men's Friendships // *Men's Friendships* / Ed. P.Nardi. P. 83—84.
- ²⁹ Nardi P., Sherrod D. Friendship in the Lives of Gay Men and Lesbians // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1994. Vol. 11; Rubin L. Intimate Strangers. P. 105.
- Цит. по: Rubin L. Intimate Strangers. P. 130.
- Nardi P. The Politics of Gay Men's Friendships // *Men's Lives* / Ed. M.Kimmel, M.Messner. P. 250.
- ³² **Rubin L. Intimate Strangers. P. 58, 159, 205.**
- ³³ **Sherrod D. The Bonds of Men. P. 231.**
- ³⁴ **Rubin L. Intimate Strangers. P. 206.**
- 442
- Friendships: Male Intimacy and Middle-Class Youth in the Northern United States, 1800-1900 // *Journal of Social History*. 1989. Vol. 23. № 1. P. 21.
- ³⁶ М.Фуко цит. по: *Men's Friendships* / Ed. P.Nardi. P. 184; Segal L. *Slow Motion: Changing Masculinities, Changing Men*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1990. P. 139.
- Stone L. Passionate Attachments in the West in Historical Perspective // *Passionate Attachments: Thinking about Love* / Ed. W.Gaylon, E.Person. New York: The Free Press, 1988. P. 33; Cancian F. *Love in America*. P. 70.
- ¹⁹
- Stone L. Passionate Attachments in the West in Historical Perspective. P. 28.
- Stone L. Passionate Attachments in the West in Historical Perspective. P. 32; Gordon M., Bernstein M.C. Mate Choice and Domestic Life in the Nineteenth-Century Marriage Manual // *Journal of Marriage and the Family*. 1970. November. P. 668-669.
- Goode W.J. The Theoretical Importance of Love // *American Sociological Review*. 1959. Vol. 24. № 1.
- ⁴¹ Цит. по: Cancian F. *Love in America*. P. 19, 21, 23; см. также: Ryan M. *The Cradle of the Middle Class: The Family in Oneida County, N.Y, 1790-1865*. New York: Cambridge University Press, 1981.
- ⁴² Cancian F. *Love in America*. P. 121 ;TavrisC. *The Mismeasure of Women*. New York: Simon and Schuster, 1992. P. 263; Rubin L. Intimate Strangers.
- ⁴³ Rubin L. *Worlds of Pain*. New York: Basic Books, 1976. P. 147.
- ⁴⁴ Hatfield E. What Do Women and Men Want from Love and Sex // *Changing Boundaries* / Ed. E.Allegier, N.McCormick. Mountain View, Calif.: Mayfield, 1983.
- ⁴⁵ Kephart W. Some Correlates of Romantic Love // *Journal of Marriage and the Family*. 1967. Vol. 29; Dion K., Dion K. Correlates of Romantic Love // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1973. Vol. 41; Hill C., Rubin Z., Peplau L.A. Breakups before Marriage: The End of 103 Affairs // *Divorce and Separation: Context, Causes and Consequences* / Ed. G.Levinger, O.C.Moles. New York: Basic Books, 1979; Hobau C. Disillusionment in Marriage and Romanticism // *Marriage and Family Living*. 1958. Vol. 20; Idem. The Incidence of Romanticism during Courtship // *Social Forces*. 1958. Vol. 36; Knox D., Spokowski J. Attitudes of College Students Toward Love // *Journal of Marriage and the Family*. 1968. Vol. 30; Theodorson G. Romanticism and Motivation to Marry in the United States, Singapore, Burma and India // *Social Forces*. 1965. Vol. 44.
- Dion K., Dion K. Correlates of Romantic Love; Rubin Z. Measurement of Romantic Love // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1970. Vol. 16. № 2; Hochschild A. Attending to, Codifying and Managing Feelings: Sex Differences in Love: Paper presented at the annual meetings of the American Sociological Association, August 1975; Kanin E., Davidson K., Scheck S. A Research Note on Male-Female Differentials
- 443
- in the Experience of Heterosexual Love // *Journal of Sex Research*. 1970. Vol. 6. P. 70.
- ⁴⁷ Hill C., Rubin Z., Peplau L.A. Breakups before Marriage.
- ⁴⁸ Kephart W. Some Correlates of Romantic Love.
- ⁴⁹ Sprecher S-, Aron E., Hatfield E., Cortese A., Potapova E., Levitskaya N. Love: American Style, Russian Style,

Japanese Style: Paper presented at the Sixth Annual Conference on Personal Relationships, Orono, Maine, 1992.

⁵⁰ Из личного общения с Кэти Гринблат; результаты этого исследования еще не опубликованы.

⁵¹ Tavis C. *The Mismeasure of Women*. New York: Simon and Schuster, 1992. P. 284.

⁵²

⁵³

Cancian E *The Feminization of Love*. P. 705, 709. Rubin L. *Just Friends*. P. 41.

Глава 10

¹ Жюль Мишле цит. по: Gardetto D.C. *The Social Construction of the Female Orgasm, 1650-1890*: Paper presented at the annual meetings of the American Sociological Association, Atlanta, 1988. P. 18.

² Цит. по: Ehrenreich B., English D. *For Her Own Good: 150 Years of Medical Advice to Women*. New York: Anchor, 1974.

³ Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. *Sexual Behavior in the Human Female*. Philadelphia: W.B.Saunders, 1953. P. 376.

⁴ Bart P. *Male Views of Female Sexuality: From Freud's Phallics to Fisher's Inexact Test*: Paper presented at the Second National Meeting of the special section of Psychosomatic Obstetrics and Gynecology, Key Biscayne, Florida, 1974. P. 6-7.

⁵ Rubin L. *Erotic Wars*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1991. P. 28, 42.

⁶ MacKinnon C. *Only Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1996. P. 185.

⁷ См.: Sanders S., Reinisch J.M. *Would You Say You «Had Sex» If... // JAMA 281. 1999. January 20.*

⁸ Reynaud E. *Holy Virility*. London: Pluto Press, 1983. P. 41.

⁹ См., напр.: Tavis C. *The Mismeasure of Woman*. New York: Simon and Schuster, 1992; Lerner H. *Women in Therapy*. New York: Harper and Row, 1989. Chap. 2.

¹⁰ Laumann E., Gagnon J., Michael R., Michaels S. *The Social Organization of Sexuality*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

¹¹ Ibid. P. 135.

¹² Kimmel M., Plante R. *Sexual Fantasies and Gender Scripts: Heterosexual Men and Women Construct Their Ideal Sexual Encounters*: Unpublished

444

paper. Department of Sociology, State University of New York at Stony Brook, 1998.

¹³ См. также: Hariton E.B., Singer J. *Women's Fantasies during Sexual Intercourse: Normative and Theoretical Implications // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. № 3*; Goleman D. *Sexual Fantasies: What Are Their Hidden Meanings? // The New York Times. 1983. February 28*; Idem. *New View of Fantasy: Much Is Found Perverse // The New York Times. 1991. May 7*; May R. *Sex and Fantasy: Patterns of Male and Female Development*. New York: W.W.Norton, 1980; Chick D., Gold S. *A Review of Influences on Sexual Fantasy: Attitudes, Experience, Guilt and Gender // Imagination, Cognition and Personality. 1987-1988. Vol. 7. № 1*; Mednick R.A. *Gender Specific Variances in Sexual Fantasy // Journal of Personality Assessment. 1977. Vol. 41. № 3*; Follingstad D., Kimbrell C.D. *Sexual Fantasies Revisited: An Expansion and Further Clarification of Variables Affecting Sex Fantasy Production // Archives of Sexual Behavior. 1986. Vol. 15. № 6*; Knafo D., Jaffe Y. *Sexual Fantasizing in Males and Females // Journal of Research in Personality. 1984. Vol. 18.*

¹⁴ Stoller R. *Porn*. New Haven: Yale University Press, 1991. P. 31.

Обзор эмпирических исследований порнографии см.: Kimmel M., Linders A. *Does Censorship Make a Difference?: An Aggregate Empirical Analysis of Pornography and Rape // Journal of Psychology and Human Sexuality. 1996. Vol. 6. № 2.*

Stoltenberg J. *Refusing to Be a Man*. Portland, Ore.: Breitenbush Books, 1989. P. 121.

¹⁷ Rubin L. *Erotic Wars*. P. 102; Tavis C., Wade C. *The Longest War*. New York: Harcourt Brace, 1984. P. 111.

¹⁸

Blumstein P., Schwartz P. *American Couples*. New York: William Morrow, 1983. P. 279; Schwartz P., Rutter V. *The Gender of Sexuality*. Thousand Oaks, Calif.: Pine Forge Press, 1998. P. 60—61. Конечно, имеются систематические тендерные различия в том, как респонденты говорят о своей сексуальной жизни: мужчины склонны преувеличивать свой опыт, женщины — преуменьшать. Поэтому на столь существенные различия нужно смотреть скептически.

Blumstein P., Schwartz P. *American Couples*. P. 23[^].

Laumann E., Gagnon J., Michael R., Michaels S. *The Social Organization of Sexuality*. P. 347.

¹ Jackson S. *The Social Construction of Female Sexuality // Feminism and Sexuality: A Reader / Ed. S.Jackson, S.Scott*. New York: Columbia University Press, 1996. P. 71.

²²

Muehlenhard C. *«Nice Women» Don't Say Yes and «Real Men» Don't Say No: How Miscommunication and the Double Standard Can Cause Sexual Problems // Women and Therapy. 1988. № 7. P. 100-101.*

Аллен и другие мужчины цит. по: Fracher J., Kimmel M. *Hard Issues and Soft Spots: Counseling Men about Sexuality // Handbook of Counseling and Psychotherapy with Men / Ed. M.Scher, M.Stevens, G.Good, G.Eichenfeld*. Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1987.

445

²⁴ Rubin L. *Erotic Wars*. P. 13; о темпах изменения сексуальной активности см.: Grunseit A.C., Kippax S., Baldo M., Aggleton PA, Slutkin G. *Sexuality Education and Young People's Sexual Behavior: A Review of Studies // Journal of Adolescent Research. 1997.*

²⁵ Hollibaugh A. *Desire for the Future: Radical Hope in Passion and Pleasure // Feminism and Sexuality: A Reader / Ed. S.Jackson, S.Scott; Rubin L. Erotic Wars. P. 5, 46.*

²⁶ Об уровне мастурбации см.: Laumann E., Gagnon J., Michael R., Michaels S. *The Social Organization of*

- Sexuality. P. 86; Schwartz P., Rut-terV. The Gender of Sexuality. P. 39. О сексуальных установках см.: Laumann E., Gagnon J., Michael R., Michaels S. The Social Organization of Sexuality. P. 507.
- ²⁷ Laumann E., Gagnon J., Michael R., Michaels S. The Social Organization of Sexuality; Schwartz P., Rutter V. The Gender of Sexuality. P. 165.
- ²⁸ Laumann E., Gagnon J., Michael R., Michaels S. The Social Organization of Sexuality; Schwartz P., Rutter V. The Gender of Sexuality. P. 102— 103; Janus S. The Janus Report on Sexual Behavior. New York: John Wiley, 1993. P. 315—316; Blumstein P., Schwartz P. American Couples; New Sexual Agendas / Ed. L.Segal. New York: New York University Press, 1997. P. 67.
- ²⁹ Kolata G. Women and Sex: On This Topic, Science Blushes // The New York Times. 1998. June 21. P. C3; молодая женщина цит. по: Rubin L. Erotic Wars. P. 14.
- ³⁰ Rubin L. Erotic Wars. P. 120.
- ³¹ Цит. по: Rubin L. Erotic Wars. P. 58; Koss M. et al. No Safe Haven: Male Violence against Women at Home, at Work, and in the Community. Washington, D.C.: American Psychological Association, 1994.
- ³² Koss M., Dinero P.T., Seibel C.A., Cox S.L. Stranger and Acquaintance Rape: Are There Differences in the Victim's Experience? // Psychology of Women Quarterly. 1988. Vol. 12. № I.
- ³³ Laumann E., Gagnon J., Michael R., Michaels S. The Social Organization of Sexuality. P. 336; Koss M. et al. No Safe Haven.
- ³⁴ Levant R.F. Nonrelational Sexuality in Men // Men and Sex: New Psychological Perspectives / Ed. R.Levant, G.Brooks. New York: John Wiley, 1997. P. 270.
- ³⁵ См., напр.: Billy J.O., Tanfer G.K., Grady W.R., Klepinger D.H. The Sexual Behavior of Men in the United States // Family Planning Perspectives. 1993. Vol. 25. № 2; Laumann E., Gagnon J., Michael R., Michaels S. The Social Organization of Sexuality.
- ³⁶ Brooks G. The Centerfold Syndrome. San Francisco: Jossey-Bass, 1995; Idem. The Centerfold Syndrome // Men and Sex: New Psychological Perspectives / Ed. R.Levant, G.Brooks. См. также: Levant R.F. Nonrelational Sexuality in Men // Ibid. P. 19; Johnston J. Appearance Obsession: Women's Reactions to Men's Objectification of Their Bodies // Ibid. P. 79, 101.
- 446
- ³⁷ Good G., Sherrod N.B. Men's Resolution of Nonrelational Sex across the Lifespan // Men and Sex: New Psychological Perspectives / Ed. R.Levant G.Brooks. P. 189, 190.
- ³⁸ Ibid. P. 186.
- ³⁹ Wyden P., Wyden B. Growing Up Straight: What Every Thoughtful Parent Should Know about Homosexuality. New York: Trident Press, 1968.
- Green R. The «Sissy Boy» Syndrome. New Haven: Yale University Press, 1986.
- ⁴¹ Gilder G. Men and Marriage. Gretna, La.: Pelican Publisher, 1985.
- Jackson J. Real Men (1983); социологическое исследование гендерной организации жизни таких геев см.: Levine M.P. Gay Macho: The Life and Death of the Homosexual Clone. New York: New York University Press, 1998.
- Цит. по: Chappie S., Talbot D. Burning Desires: Sex in America. New York: Doubleday, 1989. P. 356.
- Clarke C. Lesbianism: An Act of Resistance // Feminism and Sexuality: A Reader / Ed. S.Jackson, S.Scott. P. 155.
- Bell A., Weinberg M. Homosexualities. New York: Simon and Schuster, 1978; Masters W., Johnson V, Kolodny R. Human Sexuality. New York: Harper and Row, 1978; Blumstein P., Schwartz P. American Couples. P. 317.
- Данные из: Blumstein P., Schwartz P. American Couples; интервью цит. по: Bell A., Weinberg M. Homosexualities. P. 220.
- Nichols M. Lesbian Sexuality: Issues and Developmental Theory // Lesbian Psychologies / Boston Lesbian Psychologies Collective. Urbana: University of Illinois Press, 1987; Masters W, Johnson V, Kolodny R. Human Sexuality.
- ⁴⁸ Plummer K. Sexual Stigma. New York: Routledge, 1975. P. 102.
- Davison G., Neale J. Abnormal Psychology: An Experimental-Clinical Approach. New York: John Wiley, 1974. P. 293.
- Muehlenhard C. «Nice Women» Don't Say Yes...; Gagnon J., Michaels S. Answer No Questions: The Theory and Practice of Resistance to Deviant Categorization: unpublished manuscript. 1989. P. 2. О влиянии гомофобии на жизнь гетеросексуальных мужчин см. также: Goldstein R. The Hate That Makes Men Straight // The Village Voice. 1998. December 22.
- Об этих изменениях в общем см.: Levine M.P. Gay Macho.
- Kimmel M., Levine M. A Hidden Factor in AIDS: «Real» Men's Hypersexuality//The Los Angeles Times. 1991. June 3. Конечно, выбираемые женщинами стратегии рискованного поведения тоже гендеризованы. Если мужчины часто демонстрируют свою мужественность, совершая весьма рискованные поступки или занимаясь рискованными видами деятельности, то женщины часто начинают употреблять наркотики в контексте «романтических» отношений или при сексуальной инициации. А некоторые женщины также подвергают себя риску заразиться СПИДом от мужчин — сексуальных партнеров. На это указала мне Роуз Вайтц, за что я ей выражаю благодарность.
- 447
- ⁵³ Laumann E., Gagnon J., Michael R., Michaels S. The Social Organization of Sexuality. P. 82-84, 98, 177, 192, 302-309,

Глава 11

¹ Youth and Violence: Psychology's Response. Vol. 1. Washington, D.C.: American Psychological Association Commission on Violence and Youth, 1993; Saving Youth from Violence // *Carnegie Quarterly*. 1994. Vol. 39. № 1.

² United States Department of Justice. Uniform Crime Reports, 1991. P. 17; Craven D. Sex Differences in Violent Victimization, 1994. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice (NCJ-164508), 1994; см. также: Daly M., Wilson M. *Homicide*. Chicago: Aldine, 1988.

³ Цит. по: Gottfredson M., Hirschi T. *A General Theory of Crime*. Stanford: Stanford University Press, 1990. P. 145. См. также: Barkan S. Why Do Men Commit Almost All Homicides and Assault? // *Criminology: A Sociological Understanding*. Englewood, N.J.: Prentice-Hall, 1997; *Masculinities and Violence* / Ed. L.Bowker. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1998.

⁴ Wilson J.Q., Herrnstein R. *Crime and Human Nature*. New York: Simon and Schuster, 1985. P. 121. Описания некоторых биологических теорий насилия см. выше, в главе 2.

⁵ Эти аргументы я обобщил в главе 2.

⁶ Lorber J. *Paradoxes of Gender*. New Haven: Yale University Press, 1994. P. 39. О социологии насилия мужчин см. особенно: Kaufman M *Cracking the Armour: Power, Pain and the Lives of Men*. Toronto: Viking, 1993; Idem. *The Construction of Masculinity and the Triad of Men's Violence* // *Men's Lives* / Ed. M.Kimmel, M.Messner. 4th edition. Boston: Allyn and Bacon, 1997; Jackson T *Violence and the Masculine Ideal: Some Qualitative Data* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1966. № 364 (March).

⁷ Ehrenreich B. *Blood Rites: Origins and History of the Passions of War*. New York: Metropolitan Books, 1997. P. 45, 127.

⁸ Howell S., Willis R. *Societies at Peace*. New York: Routledge, 1983.

⁹ Ibid. P. 38.

¹⁰ См. также: Stanko E. *Everyday Violence*. London: Pandora, 1990. P. 71.

¹¹ Butterfield F. *All God's Children: The Bosket Family and the American Tradition of Violence*. New York: Avon, 1995. P. 329.

¹² Ibid. P. 325; см. также: Wray H. *Behind Bars* // *U.S. News and World Report*. 1998. March 23. P. 33; Livingston J. *Crime and Sex: It's a Man's World* // *Crime and Criminology*. 2nd edition. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1996.

¹³ Цит. по: Stephenson J. *Men Are Not Cost Effective*. Napa: Diemer, Smith, 1991. P. 248.

448

¹⁴ Sharkey J. *Slamming the Brakes on Hot Pursuit* // *The New York Times*. 1997. December 14. P. 3.

¹⁵ Adler F. *Sisters in Crime*. New York: McGraw-Hill, 1975. P. 10; Simon R. *Women and Crime*. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1975 P. 40.

¹⁶ Feely M., Little D.L. *The Vanishing Female: The Decline of Women in the Criminal Process* // *Law and Society Review*. 1991. Vol. 25. № 4. P. 739.

¹⁷ Steffensmeier D.J. *Trends in Female Crime: It's Still a Man's World* // *The Criminal Justice System and Women* / Ed. B.R.Price, N.J.SokoIoff. New York: Clark, Boardman, 1982. P. 121.

18

Katz J. *Seductions of Crime: Moral and Sensual Attractions in Doing Evil*. New York: Basic Books, 1988. P. 71.

¹⁹ Ibid. P. 247.

²⁰ Steffensmeier D., Allan E. *Criminal Behavior: Gender and Age* // *Criminology: A Contemporary Handbook* / Ed. J.F.Sheley. Mountain View, Calif.: Wadsworth, 1995. P. 85.

²¹ Adams D. *Biology Does Not Make Men More Aggressive Than Women* // *Of Mice and Women: Aspects of Female Aggression* / Ed. K.Bjorkvist, P. Niemela. San Diego: Academic Press, 1992. P. 14; см. также: Pearson P. *When She Was Bad: Violent Women and the Myth of Innocence*. New York: Viking, 1998; Mann C.R. *When Women Kill*. Albany: State University of New York Press, 1996.

Fraczek A. *Patterns of Aggressive-Hostile Behavior Orientation among Adolescent Boys and Girls* // *Of Mice and Women: Aspects of Female Aggression* / Ed. K.Bjorkvist, P.Niemela; Lagerspetz K.M.J., Bjorkvist K. *Indirect Aggression in Boys and Girls* // *Aggressive Behavior: Current Perspectives* / Ed. L.R.Huesmann. New York: Plenum, 1994.

Viemero V *Changes in Female Aggression Over a Decade* // *Of Mice and Women: Aspects of Female Aggression* / Ed. K.Bjorkvist, P.Niemela. P. i05.

См., напр.: Donahue A. *Population of Female Inmates Reaches Record* // *USA Today*. 1997. July 21; Steffensmeier D., Allan E. *Criminal Behavior*. P. 85.

²⁵ Caldicott H. *Missile Envy*. New York: William Morrow, 1984; Ehrenreich B. *The Violence Debate since Adam and Eve* // *Test the West: Gender Democracy and Violence*. Vienna: Federal Minister of Women's Affairs, 1994. P. 34.

"у

Connell R.W. *Masculinity, Violence and War* // *Men's Lives* / Ed. M.Kimmel, M.Messner. 3rd ed. P. 129.

⁷ Halberstam D. *The Best and the Brightest*, New York: Random House, 1972. P. 531.

2я

Цит. по: Easlea B. *Fathering the Unthinkable: Masculinity, Scientists and the Nuclear Arms Race*. London: Pluto Press, 1983. P. 117; см. также: Easlea B. *Patriarchy, Scientists and Nuclear Warriors* // *Beyond Patriarchy: Essays by Men on Pleasure, Power and Change* / Ed. M.Kaufman. Toronto: Oxford University Press, 1987; Stone I.F. *Machismo in Washington* // *Men and Masculinity* / Ed. J.Pleck, J.Sawyer. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1974; Cohn C. «Clean

449

Bombs» and Clean Language // *Women, Militarism and War: Essays in History, Politics and Social Theory* / Ed.

J.B.Elshtain. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 1990. P. 137.

²⁹ Cohn C, «Clean Bombs» and Clean Language. P. 35.

³⁰ Ewing W. The Civic Advocacy of Violence // Men's Lives / Ed. M.Kimmel, M.Messner. 1st ed. New York: Macmillan, 1989.

Слова матери Джексона цит. по: Butterfield F. All God's Children. P. 11; см. также: The Civilization of Crime / Ed. E.A.Johnson, E.H.Monkkonen. Urbana: University of Illinois Press, 1996; Courtwright D. Violent Land: Single Men and Social Disorder from the Frontier to the Inner City. Cambridge: Harvard University Press, 1997. См. также трилогию Р.Слоткина: Slotkin R. Regeneration through Violence: The Mythology of the American Frontier, 1600—1860. New York: Atheneum, 1973; Idem. The Fatal Environment: The Myth of the Frontier in the Age of Industrialization. New York: Atheneum, 1985; Idem. Gunfighter Nation: The Myth of the Frontier in Twentieth Century America. New York: Atheneum, 1992.

³² Mead M. And Keep Your Powder Dry. New York: William Morrow, 1965. P. 151, 157.

³³ Puffer J.A. The Boy and His Gang. Boston: Houghton Mifflin, 1912. P. 91.

³⁴ Gilligan J. Violence. New York: Putnam, 1996.

³⁵ Butterfield F. All God's Children. P. 206-207; Roane K. New York Gangs Mimic California Original //The New York Times. 1997. September 14. P. A37; другие цитаты см.: Katz J. Seductions of Crime. P. 88, 107; Seidler V. Raging Bull // Achilles Heel. 1980. № 5. P. 9; Toch H. Hypermasculinity and Prison Violence // Masculinities and Violence / Ed. L.Bowker. Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1998. P. 170.

³⁶ Данные см.: The New York Times. 1997. August 25; United States Department of Justice. Family Violence, 1997; Siegel R. The «Rule of Love»: Wife Beating as Prerogative and Privacy // Yale Law Journal. 1996. Vol. 105. № 8 (June); Rhode D. Speaking of Sex: The Denial of Gender Inequality. Cambridge: Harvard University Press, 1997. P. 108; Stephenson J. Men Are Not Cost Effective. P. 285; Websdale N., Chesney-Lind M. Doing Violence to Women: Research Synthesis on the Victimization of Women // Masculinities and Violence / Ed. L.Bowker. Sanday P.R. Female Power and Male Dominance. New York: Cambridge University Press, 1981; цит. по: Baron L., Straus M. Four Theories of Rape: A Macrosociological Analysis // Social Problems. 1987. Vol. 34. № 5. P. 481.

³⁷ См., напр.: Scully D. Understanding Sexual Violence: A Study of Convicted Rapists. New York: HarperCollins, 1990; Russell D. Rape in Marriage. New York: Macmillan, 1982; Idem. Sexual Exploitation. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1984; Rhode D. Speaking of Sex. P. 119-120; Johnson A. On the Prevalence of Rape in the United States // Signs. 1980. Vol. 6. № 1. P. 145. Еще об этом см.: Scully D., Marolla J. «Riding the Bull at Gilley's»: Convicted Rapists Describe the Rewards of Rape // Social Problems. 1985. № 32.

450

³⁹ United States Department of Justice. Child Rape Victims, 1992 (NCJ-147001). June 1994; Kanin E. False Rape Allegations // Archives of Sexual Behavior. 1994. Vol. 23. № 1.

⁴⁰ Johnson A. On the Prevalence of Rape in the United States // Signs. 1980. Vol. 6. № 1. P. 145; Scully D. Understanding Sexual Violence. P. 53.

¹ Koss M., Gidycz Ch.A., Misniewski N. The Scope of Rape: Incidence and Prevalence of Sexual Aggression and Victimization in a National Sample of Higher Education Students // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1987. Vol. 55. № 2.

² Briere J., Malamuth N. Self-Reported Likelihood of Sexually Aggressive Behavior: Attitudinal versus Sexual Explanations // Journal of Research in Personality. 1983. № 17; Tieger T. Self-Rated Likelihood of Raping and Social Perception of Rape // Journal of Research in Personality. 1991. № 15.

Herman J.L. Considering Sex Offenders: A Model of Addiction // Signs.

1988. Vol. 13; Lefkowitz B. Our Guys: The Glen Ridge Rape and the Secret Life of the Perfect Suburb. Berkeley: University of California Press, 1997; Terry D. Gang Rape of Three Girls Leaves Fresno Shaken and Questioning // The New York Times. 1998. April 28; Hood J. «Let's Get a Girl»: Male Bonding Rituals in America // Men's Lives / Ed. M.Kimmel, M.Messner. 4th ed. Boston: Allyn and Bacon, 1997.

⁴⁴ Scully D. Understanding Sexual Violence. P. 74, 140, 159, 166.

⁴⁵ Beneke T. Men on Rape. New York: St. Martin's Press, 1982. P. 81.

⁴⁶ Straus M. et al. Behind Closed Doors. Garden City, N.Y.: Anchor, 1981.

Russell D. Rape in Marriage. New York: Macmillan, 1982; FinklehorD., Yllo K. License to Rape: Sexual Abuse of Wives. Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1985. P. 208, 217. О совершаемых мужьями изнасилованиях см. также: Berger R.K. Wife Rape: Understanding the Response of Survivors and Service Providers. Thousand Oaks, Calif: Sage Publications, 1996; Buckborough A.L. Family Law: Recent Developments in the Law of Marital Rape // Annual Survey of American Law. 1989; To Have and To Hold: The Marital Rape Exemption and the Fourteenth Amendment // Harvard Law Review. 1986. Vol. 99.

⁴⁸ РДжеллз цит. по: Schulman J. Battered Women Score Major Victories in New Jersey and Massachusetts Marital Rape Cases // Clearinghouse Review. 1981. Vol. 15. № 4. P. 345,

Ehrenreich B. The Violence Debate since Adam and Eve // Test the West: Gender Democracy and Violence. Vienna: Federal Minister of Women's Affairs, 1994. P. 30.

⁵⁰ Bachman R., Saltzman L.E. Violence against Women: A National Crime Victimization Survey Report (NCJ No. 154348). Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 1994; Physical Violence in American Families / Ed. M.Straus, R.Gelles. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1990; Kellerman A.L., Marcy J.A. Men, Women and Murder: Gender Specific Differences in Rates of Fatal Violence and Victimization // Journal of Trauma. 1992. Vol. 33. № 1; Stark

E., Flitcraft A. Violence among Intimates: An
451

Epidemiological Review // Handbook of Family Violence / Ed. V. van Hasselt et al. New York: Plenum, 1988.

⁵¹ Dobash R.E., Dobash R., Wilson M., Daly M. The Myth of Sexual Symmetry in Marital Violence // Social Problems. 1992. Vol. 39. P. 81; Dobash R.E., Dobash R. Violence against Wives. New York: The Free Press, 1979; The Case of Wife Beating // Journal of Family Issues. 1981. № 2.

⁵² DeKeserdy W., Schwartz M. Contemporary Criminology. Mountain View, Calif.: Wadsworth, 1996.

⁵³ Brott A. The Battered Statistic Syndrome // The Washington Post. 1994. July.

⁵⁴ McNeely R.L., Robinson-Simpson G. The Truth about Domestic Violence: A Falsely Framed Issue // Social Work. 1987. Vol. 32. № 6.

⁵⁵ Steinmetz S. The Battered Husband Syndrome // Victimology. 1978. № 2; Pagelow M.D. The «Battered Husband Syndrome»: Social Problem or Much Ado about Little? // Marital Violence / Ed. N. Johnson. London: Routledge and Kegan Paul, 1985; Pleck E., Pleck J., Grossman M., Bart P. The Battered Data Syndrome: A Comment on Steinmetz's Article // Victimology. 1978. № 2; Storch G. Claim of 12 Million Battered Husbands Takes a Beating // Miami Herald. 1978. August 7; Straton J.C. The Myth of the «Battered Husband Syndrome» // masculinities. 1994. Vol. 2. № 4; James K. Truth or Fiction: Men as Victims of Domestic Violence? // The Australian and New Zealand Journal of Family Therapy. 1996. Vol. 17. № 3.

⁵⁶ КДжеймс получил те же результаты на выборках супружеских пар в Австралии и Новой Зеландии, см.: James K. Truth or Fiction.

⁵⁷ Stets J.E., Straus M. The Marriage License as a Hitting License: A Comparison of Assaults in Dating, Cohabiting and Married Couples // Journal of Family Violence. 1989. Vol. 4. № 2; Stets J.E., Straus M. Gender Differences in Reporting Marital Violence and Its Medical and Psychological Consequences // Physical Violence in American Families / Ed. M. Straus, R. Gelles.

United States Department of Justice; Bureau of Justice Statistics. Family Violence, 1984.

Kaufman Kantor G., Janinski J., Aldorondo E. Sociocultural Status and Incidence of Marital Violence in Hispanic Families // Violence and Victims. 1994. Vol. 9. № 3; Janinski J. Dynamics of Partner Violence and Types of Abuse and Abusers // <http://www.nnfr.org/nnfr/research/pv_echl.html>

Bachman R., Saltzman L.E. Violence against Women. P. 6; Physical Violence in American Families / Ed. M. Straus, R. Gelles.

См., напр.: Yllo K. Through a Feminist Lens: Gender, Power, and Violence // Current Controversies on Family Violence / Ed. R.J. Gelles, D. Loseke. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1993.

⁶² Jacobson N., Gottman J. When Men Batter Women. New York: Simon and Schuster, 1998. P. 36.

⁶³ Saline C. Bleeding in the Suburbs // Philadelphia Magazine. 1984. March. P. 82; Straus M. et al. Behind Closed Doors; Hampton R.L. Family

452

Violence and Homicides in the Black Community: Are They Linked? // Violence in the Black Family: Correlates and Consequences. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1987; Hampton R.L., Gelles R. Violence towards Black Women in a Nationally Representative Sample of Black Families // Journal of Comparative Family Studies. 1994. Vol. 25. № 1.

⁶⁴

Cazenave N., Straus M. Race, Class, Network Embeddedness and Family Violence: A Search for Potent Support Systems // Physical Violence in American Families / Ed. M. Straus, R. Geiles; Belluck P. Women's Killers Are Very Often Their Partners // The New York Times. 1997. March 31. P. B1.

Haddock V. Survey Tracks Gay Domestic Violence // San Francisco Examiner. 1996. October 22.

Цит. по: Stephenson J. Men Are Not Cost Effective. P. 300; Klein D. Violence against Women: Some Considerations Regarding Its Causes and Elimination // The Criminal Justice System and Women / Ed. B. Price, N. Sokoloff. New York: Clark Boardman, 1982. P. 212.

Messerschmidt J. Masculinities and Crime. Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield, 1993. P. 185; Stanko E. The Image of Violence // Criminal Justice Matters. 1992. № 8. P. 3.

^{АН}

Miedzian M. Boys Will Be Boys: Breaking the Link between Masculinity and Violence. New York: Doubleday, 1991. P. 298.

Эпilog

¹ Millett K. Sexual Politics. New York: Random House, 1969.

Dell F. Feminism for Men // The Masses. February 1917; перепечатано в: Against the Tide: Profeminist Men in the United States, 1776—1990, a Documentary History / Ed. M.S. Kimmel, T. Mosmiller. Boston: Beacon Press 1992.

³ Lifton R.J. The Protean Self. New York: Basic Books, 1994. См. также: Epstein C.F. The Multiple Realities of Sameness and Difference: Ideology and Practice // Journal of Social Issues. 1997. Vol. 53. № 2.

УКАЗА! ЕЛЬ ИМЕН

Агнес- 173-174 Адаме Д.- 122, 188 Адлер Ф. — 382 АккерД. — 162, 166 Аламин Х. — 97 Александер Р. — 48 Аллен В. — 355 Альмейда Д. — 31 Амато П. - 222, 224, 227 АрентдХ. — 156 Аристотель — 246, 318 Ароне К. - 224 Аронсон Э. — 9

Байрон Д.Г. — 317 Банк Б. - 326 БантингД. — 269 БанчШ.-77 Бараш Д. — 48 БарнетР. -218 Барон Д.-289 Баффри А.У.Х. - 56 Бебин М. - 198 Бейли М. — 63, 75 Бем Д. — 140 БемС. - 140 Бенджамин Д. — 128 Бенеке Т.-395-396 Бергман А. — 236 Бердвистелд Р. — 183 Берк К. - 9 Берн Ш. - 7 Бернард Д. — 197 Беттельхейм Б. — 128 Бехан П. — 56, 65 Билби У. - 289 Бисмарк О. — 122 БичерК. - 186 Бичер-Стоу Г. — 186 Блай Р.-221 Бланкенхорн Д. — 221 Блейер Р. — 56 Блок Джек — 226 Блок Джин — 226 Боббитт Л. - 350, 400 БобовичА.С.-319 БовуарС.,де-319, 386 БоллЭ.-21 Боллард М.М. — 207 Браун Р.М. -

343 Брей Р. - 75 БремШ.-321 Броди Т. — 255 Бронте Ш. - 277 Бронте, сестры — 19 Брукс Г. — 361 Бруш Д. - 10 Брэд — 247 Брэйн Р. — 333 Бут А. - 222, 227 Бутовская М.Л. — 7 Буш Д. - 387 Бэбкок Б. — 311 БэквитД. — 58

Валлерстайн Д. — 225—226 Вассар М. — 245 Вассерстайн В. — 331 Вейнрич Д. — 63 ВейцманЛ.-224, 250 Висман В. — 77 Витком Д. — 308 Вол Л.- 10 Вольфганг М. — 380 Вудхэм Л. - 373, 377 Вурхис Б. - 102

Ганди И.- 158

Гарди Т. — 19

Гарфинкель Г. - 173-174

Генри Д.В.- 123

Герсон Д. — 165

Герсон К. — 30

Гешвинд Н. — 56, 65

ГилдерД. — 364

Гиллиган Д. — 380, 390

Гиллиган К. - 9, 129-133, 258, 268

Гиллис Д. — 187

454

Гимбутас М. — ПО

Гингрич Н. - 24, 195

ГнедичТ.-317

ГолдбергС.-64, 73, 81

Готман Д. - 306

Готтфредсон М. — 375

Гоулд С.Д. - 50

Гоффман И. - 9, 27, 160-161

Грегор Т. - 92-94

Грей Д.-11,56

Грили Э. - 239

Грин Р. - 67, 363-364

Гринблат К. — 340

Гриффин С. - 394

Гуд Г.-361

Гуд У.Д. - 336

Гуде Э. - 9

Гудман Н. — 9

Гэйлин У. - 278

Гэньон Д. - 369

ДавенпортУ. — 105 Дарвин Ч.-41,43-44 Даулинг К. - 29 ДеллФ.-412 Демод.-238 Демос Д.- 185 Дерден-

СмитД. — 57 ДжаклинК. - 135,202 Джей - 395-396 Джеймс Г. — 19 Джексон Д. — 365 Джексон М. — 21

Джексон Э. - 386, 389 Джеллз Р. - 237, 397 Дженкс К. — 265 Дженнес В. — 23 Джонс П. - 304 Джонсон А. —

393 Джонсон В. - 366—367 Джонсон Л.-386-387 Джордан Н. — 171 Джуэт М. — 245 Дикинсон Э. — 207

Диккенс Ч.- 19,287 Дин К. - 233 Диннерштейн Д. — 128 Добаш Р. - 398

Добаш Э. — 398 Добсон Д. — 73 Докинс Р. 45 Донато К. - 289 Дорнер Г. - 60, 69-70 Дуайт Т.- 186

ДьюберманЛ. —322 Дьюи Д.- 113,266-267 Дэвидсон Л. —322 Дэлтон К. — 51 Д'ЭмилиоД. — 75 Дюран Г.Ф.

- 242, 245

Зайдлер В. — 390 Зенкевич М. — 241 Зильман Э. — 86 ЗиммельГ.-9, 21-22 Зиммер Л.-299-300 ЗиммерманД.

— 167, 177

Илло К. - 397, 402 Ильин Е.П. - 7 Императо-Макгинли Д. — 72 Ирвинг В.-261

Йейтс У.Б. - 259

Кадушин А. — 301

Казакова Д. — 338

Казенав Н. - 403

Кайзер Д.-269-270

Кантер Р.М. - 30, 161-162, 298-

299

Кантор К. - ^03 КанчианФ. — 335, 341 КапланП.- 133-134 Каплой Т. - 193 Картер Б. - 229 Картер Д.- 159

311,387 КацД.-383 Качински Т. — 374 КвиннД.Б. — 29 Кемпер Т. — 66 Кессел Н. — 68 Кесслер Р. — 31

КесслерС. — 168, 174 Кесслер-Харрис А. — 290 Кеттел Д. — 261

455

ЛЛ

КефаргУ. — 339

Киммел З.А. — 10

Киммел М. — 5 — 7, 10

Кинсбурн М. — 59

Кинси А. - 64, 107, 245, 344, 348,
358,370
Киплинг Р. — 52 Клакхон К. - 96, 103, 107 Кларк Д. — 235 Кларк К. - 272 Кларк Э.К.-43-44, 244 КлеболдД.-23, 25
Клее П. - 144
Клинтон У - 24, 291, 304, 347, 387 Колдуэлл М. — 322 Колтрейн С. - 9, 91-92, 195, 240 КольбергЛ.- 124, 129
Коморовски М. — 320 Кон И.С. - 7 Кон К. - 387 Кон С. - 287
Коннелл Р.В. - 9, 26-27, 151-152 Коппен А. — 68 Косби Б. - 253 Косе М. - 360, 393 Коулман Д. — 260 Коэн Т. - 327
Краус В. - 300 Кросби Ф.-313 Крук Э. - 225 Куиндлен А. — 209 Кук Э.-312 КуэйлД. - 181 КэдиффЭ. - 189
Кэмпбелл Э. - 207 Кюри М.-250
Лайл К. - 255 Ле Бон Г. - 43 Левант Р.-360-361 ЛеВейС.-60-61,75, 78 ЛевиД. -57 Левин М. — 362 Левински М. —
347 Левинсон Д. — 320 Леви-Стросс К. —90 Левонгин Р. — 49 ЛейнгЭ. — 46
Ленин В.И.- 122 ЛернерГ. - 186 ЛернерМ.- 192 Лернер Ф. — 9 Леско Н. - 9 ЛессингД. — 317 Лефковиц Б. — 394
Ликок Э. - 88-89, 112 Линд Р. - 193 ЛиндХ. - 193 Линкольн А. — 249 ЛифтонР.Д.-412 Лозинский М. — 373 Лонг
Д.-44 ЛопатаХ. - 148 ЛорберД.-9, 292, 373 Лорен Р. - 258 Лотт Б. - 202 Льюис К.-319 Льюис Р. - 320 ЛэйнгЭ. —
173 ЛэшК. - 187,240
Майклз С. — 369
Майлз К.К. - 119-120, 122-123,
136
Макбил О. - 252 Макви Т. — 374 Маккенна В. — 168 Маккиннот К. - 9, 302, 345 Мак-Клинтон Б. — 53, 159
Маккоби Э. - 135, 202, 229-230 Маклейш А. — 191 Макнил М. —284 Малиновский Б. — 370 Мани Д.-66-67 Маркс
К. - 87 Мартин Л.-305 Мартин М.К. - 102 Мартино Г. — 81 Мартино У. - 259 Мастере У. — 366—367
МаттоксУ.Р.-217 МсирГ. - 158 Мейсон К.О. — 312 Мессершмидт Д. — 177,404 Месснер М. — 5 Мид М. - 82-85,
91, 181, 370, 389
456
Миллер А. — 279 Миллер Д.- 138 Миллер Р. — 10 Миллер С. — 330 Миллет К. - 409 МиллзЧ.Р. - 144 МилльД.С.-
406 МишлеЖ.-343 Мнукин Р. - 229-230 Модели Г. — 245 Монтень М. — 319 Мур М.Т. - 252 Мэйнарди П. - 206-
207 Мэнсон М. — 24, 171 Мюленхард Ч. — 354
Найтингейл Ф. — 122 НардиБ. - ПО Нарди П.-331 Нунен К.М. - 48
О'БаррД.-28 О'БаррУ-28 ОверингД. — 377 Оренстейн П. — 249, 263
Падгуг Р. - 79 Пайк К. - 178 ПарсонсГ. - 138-139, 190 ПейджД.-99 Пейдж К. - 99 Пейс К.- 165 ПеплауЛ.-322
Першинг Д. — 121 Петере Д. -218, 313 Пиаже Ж.- 124 Пиллард Р. — 63, 75 Питтман Ф. — 221 Пламмер К. — 368
Платон-8, 318 ПлекД. - 140-141,320 Поллак У — 259 ПоллитК. - 182,280 Поль Р.- 173 ПопеноД.-221-223, 225 Пул
Р. - 58 Пэквуд Р. — 304 Пэт- 171
Райт П. — 324
Раскин Д. — 405
Рахман А. — 374
Рейган Р. - 198, 249, 278, 387
Рейно Э. - 347
Рейтер Э. — 254
Рескин Б. - 284
РидЛ. - 181
РизманБ.-31-32, 214
Рисман Д. — 265
Рич Э. - 10
РишМ.Ф.-212
РодманД. - 172
Розальдо М. — 110
Росси А. — 74
РоудД.-9, 151,243,306
Рубин Г. - 33
Рубин Л. - 9, 128, 196, 323, 328,
330-333, 337, 342, 345, 351,
358-359,371
Рузвельт Т.- 121, 188,386 Рузвельт Ф. - 249
СадкерД.-9, 248 Садкер М. - 248 Садлер Б. — 256 Саймон Д., де — 57 Саймон Р. - 382 Саймонз Д. — 46 Сакс К.-
81,89 Санди П.Р. -93-94, 392 Санчес-Янковски М. — 222 Сапольски Р. — 65 Сартр Ж.-П. - 143 Сегал Л. — 33-+
Сергеев А. — 3:8 СилайЛ.К.-245 Симмонз М. — 327 Симпсон Н. — 399 Симпсон ОД. - 399 Скалли Д.-395-396
СколникА.-9, 227, 238 СмитЭ. — 9 Соломон Р. — 342 Соммерс К.Х. - 257 Софокл — 116 Слайн Д. - 92 Спок Б. —
212
457
Станко Э. — 404 СтейнбергР. — 291, 312 Стейнмец С. — 400 Стейсид. - 151,235 Стивене Д. — 10 Стимпсон К. —
17, 260 Столлер Р. — 173 СтолтенбергД. — 350—351 Стоун И.Ф. - 387 Стоун Л. -223-224, 335 СтрайкерС. — 173
Строе М. - 236, 396, 402 СуонсонЭ.Г - 138 Суэйн С. — 326 СэнфордР.Н. - 137-138
Таврис К. - 28,50,93, 266, 337, 341
ТайгерЛ.-47, 90, 319, 332
ТанненД.-28, 132,268

Тейлор Д. — 319
Тейлор М. — 277
Тейлор У.Л. — 41
 Теллер Э. - 385
 Теннисон А. — 185
 ТерманЛ. - 119-120, 122-123, 136
 Тернер Р, — 55
 Тидбол Э. - 264-265
 ТишЭ.Р.-271
 ТоддД.-41-42
 Ток Г. - 391
 Токвиль А., де — 11, 186
 Томас К. - 303, 308
Томпсон М. — 257
Томпсон Э. Р.— 177
Торен Н. - 300
Торн Б.- 148, 151,205
 Торнхилл Р. — 48
 Тоффлер О. - 240
 Треземер Д. — 154
 Тройден Р. — 362
 Тсонгас П. — 213
Тэгчер М. — 158
Уайден Б. — 363 **Уайден П.** — 363 **УайтингД.У.** — 96 **УилсонЭ.** —45,47
 Уильяме М. — 214 Уильяме У. - 101 Уинфри О. — 39 Уитмен У.-318 Уокер К. - 324 Уолл Ш. - 325 Уоллстонкрафт М. — 319 Уорнер Р.С. - 154 Уортон Э. - 19 Уотсон Джеймс — 76 Уотсон Джон— 188 Уэйд К. - 50, 93 УэстК. - 167, 177
 ФайнманМ. — 231
 ФанстонФ. — 121
 Фаррелл У. - 142, 156, 297-298
 Фаусто-Стерлинг Э. — 67
 Фелдман К. — 9
 Фефелов И. — 274
 Финклхор Д, — 397
 Фиск Н. — 67
 Фицджеральд Л. — 307
 Фишер Э. ~ 109-110
 Фокс Р. — 47, 90
 Фолкнер Ш. - 242, 268, 270
 Форд М.-272
 Форстер Э.М. — 342
 Фрейд З. - 39, 60, 113-119, 123,
 126-129,204,274,376 Фридан Б. - 192 ФридлиЭ. — 106 Фридрих II — 145 ФростР. —241 Фрэнклин К. — 255 Фуко М.-60, 334, 343 Фукуяма Ф. — 111 Фукс Эпстейн С. — 9, 28, 74, 269 Фут М.Х. - 207 Фюрстенберг Ф. — 230
 Хаббард Р. — 78 Хакер Э.- 153,325 Хайд Д.-57-58 Харрис М. — 89 Харрис Ш. - 328 Хартман Х. — 301 ХедбергА. -380
 Хейман Д. - 359 ХердтГ-72, 103-104 Хесс Б. - 322 Хиггинсон ТУ. - 267 Хилл А. - 303 Хирши Т. - 375 Холл С. - 244-245 Хопкинс Э. - 296 ХорниК. - 127 Хоук К.У. - 270 ХофманД. — 171 Хофстедтер Р. — 79 Хохшильд А. - 206, 208, 280 ХоШМиН-387 Хуссейн С. - 388 Хьюз Л. - 274 ХэррисЭ. — 23, 25
 ЧейфУ- 189
 ЧерлинЭ.-218, 230
 Чодороу Н. - 128-129, 332-333
 458
 Шекспир У. — 39, 373 ШелтонБ.Э.-211 ШепардМ. —23 Шеридан Ф.— 121 ШерродД.-331 ШерродН.-361
 Шеффилд К.- 176 Шилц Р. - 75 Шредер П.-213
 ЭбботД. - 186 ЭйслерР. - 110-111 Экерт К. - 63 Эмерсон Р.У. - 144 Энгельс Ф. - 87—88 Энтони А. — 96 Энтони С.Б.-246 Эренрайх Б. — 376 Эрхардт А. — 66—67
 Ялом И. — 67

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию.....	5
Предисловие.....	8
Глава 1. Введение.....	11
Часть 1. Объяснения тендера.....	37
Глава 2. Предназначено природой. Биология формирует пол___	39
Глава 3. Охватывая мир. Межкультурные конструкции тендера.....	81

Глава 4 . «Ага! Вот в чем дело!» Психологические интерпретации тендерного развития.....	113
Глава 5 . Неравенство и различие. Социальное конструирование тендерных отношений	144
Часть II. Гендеризованные идентичности, гендеризованные институты.....	179
Глава 6. Гендеризованная семья.....	181
Глава 7. Гендеризованная классная комната.....	242
Глава 8. Гендеризованное рабочее место.....	274
Часть III. Гендеризованные взаимодействия.....	315
Глава 9. Гендеризованная близость; дружба и любовь.....	317
Глава 10. Гендеризованность сексуальности.....	343
Глава 11. Тендер насилия.....	373
Эпилог. Возможно ли общество без тендера?.....	406
Примечания.....	413
Указатель имен.....	454

Майкл Киммел ТЕНДЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

Редактор *Л. Ю. Пантина*

Художественный редактор *А.К. Сорокин*

Художественное оформление *А.В. Кубанов*

Компьютерная верстка *М.В. Минина*

Младший редактор *Т.А. Марченко*

Л Р № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 01.08.2006. Формат 60^x90¹/16- Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 29. Тираж 1500 экз. Заказ № 1660

Издательство «Российская политическая энциклопедия* (РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)

Тел./факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ОАО «Марийский пол и графичес ко- издательски и комбинат»

424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112